

КОМИССИЯ ПО АСПЕКТОЛОГИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

1797

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АСПЕКТА СО СМЕЖНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ

Материалы VII Международной конференции Комиссии
по аспектологии Международного комитета славистов
(Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 года)

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2020

ББК 81.471.1

А90

Редакционная коллегия:

Евгений Васильевич Головкин, д-р филол. наук, чл.-кор. РАН, директор ИЛИ РАН,

Елена Викторовна Горбова, д-р филол. наук, профессор РГПУ им. А. И. Герцена (ответственный редактор),

Петр Александрович Кочаров, старший научный сотрудник ИЛИ РАН,

Виктор Самуилович Храковский, д-р филол. наук, главный научный сотрудник ИЛИ РАН,

Оксана Юрьевна Чуйкова, канд. филол. наук, научный сотрудник РГПУ им. А. И. Герцена

А90 Взаимодействие аспекта со смежными категориями. Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 года) / ред. кол.: Е. В. Головкин, Е. В. Горбова (отв. ред.), П. А. Кочаров и др. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. — 530 с.

ISBN 978-5-8064-2899-9

Сборник включает краткие статьи по темам докладов VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 года). В фокусе внимания — вопросы взаимодействия глагольного вида (аспекта) со смежными категориями. В статьях представлена следующая проблематика: морфосинтаксис «вида славянского типа» и его специфика (при наличии) в типологической перспективе; аспектуальные категории за пределами славянского глагола; явление полисемии в сфере грамматической семантики, в частности, полисемия, характерная для аспектуальных граммем; взаимодействие лексической и грамматической семантики в сфере глагольного вида, а также иные направления аспектологических исследований. Издание адресовано специалистам-языковедам, а также читателям, интересующимся вопросами аспектологии.

ББК 81.471.1

ISBN 978-5-8064-2899-9

© Коллектив авторов, 2020

© С. В. Лебединский, оформление обложки, 2020

© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020

*Сборник посвящается памяти
безвременно ушедшего из жизни коллеги
Ильи Борисовича Шатуновского*

Содержание

<i>Androsjuk Natalja Vladimirovna, Achilova Elena Leonidovna, Titarenko Elena Yakovlevna</i> Biaspectual verbs of Slavic origin in Russian, Ukrainian and Slovenian	13
<i>Андросюк Наталья Владимировна, Ачилова Елена Леонидовна, Титаренко Елена Яковлевна</i> Двувидовые глаголы общеславянского происхождения в русском, украинском и словенском языках	13
<i>Tijana Balek</i> Stylistic and discursive properties of verb derivatives with the suffixal elements -k- and -ни- in Serbian	25
<i>Тияна Балек</i> Стилистическо-дискурсивные свойства глагольных дериватов с суф- фиксальными элементами -к- и -ну- в сербском языке	25
<i>Barentsen Adrian, Xrakovskij Victor S.</i> Aspect and taxis in Slavic languages	34
<i>Барентсен Адриан, Храковский Виктор Самуилович</i> Вид и таксис в славянских языках	34
<i>Benacchio Rosanna, Biasio Marco</i> On the the use of aspect in Croatian present tense	41
<i>Бенаккьо Розанна, Биазлио Марко</i> К вопросу об употреблении презентных форм совершенного и не- совершенного вида в хорватском языке	41
<i>Borisova Elena G.</i> The verbal aspect as a tool of expressing modal meanings	52
<i>Борисова Елена Георгиевна</i> Глагольный вид как средство выражения модальных значений (прагматический аспект)	52
<i>Breu Walter</i> The interaction of verbal aspect and passive voice in the Molise Slavic micro-language	62

<i>Брой Вальтер</i> Взаимодействие глагольного вида с пассивом в молизско-славянском микроязыке	62
<i>Chekalina Elena Mikhajlovna</i> Aspectual semantics of voice in Russian and Swedish forms and constructions	72
<i>Чекалина Елена Михайловна</i> Аспектуальная семантика залоговых форм и конструкций в русском и шведском языках	72
<i>Chuiikova Oksana Iu.</i> Towards the issue on the interaction of verbal aspect and the case of direct object in Russian	81
<i>Чуйкова Оксана Юрьевна</i> К вопросу о взаимодействии глагольного вида и падежа прямого дополнения в русском языке	81
<i>Derganc Aleksandra</i> Russian <i>поестъ</i> vs. Slovene <i>pojesti</i> : An overview of delimitatives in Russian and Slovene	94
<i>Дерганц Александра</i> Русское <i>поестъ</i> : словенское <i>pojesti</i> (и немного о делимитативах в русском и словенском языках)	94
<i>Dickey Stephen M.</i> A comparison of Russian and Mandarin Chinese verbal aspect	104
<i>Дики Стивен М.</i> Сопоставительный анализ грамматической категории аспекта в русском языке и стандартном варианте китайского языка	104
<i>Gagarina Natalia V., Martynova Maria M., Sekerina Irina A., Szucsich Luka</i> From first verbs to adulthood: Aspect in heritage Russian in the US and Germany	112
<i>Гагарина Наталья Владимировна, Мартынова Мария М., Секерина Ирина Алексеевна, Шучих Лука</i> Вид глагола у носителей русского языка в США и Германии — дети и взрослые	112
<i>Dymarsky Mikhail</i> The category of existentiality and the verb aspect: some remarks (on the material of the Russian language)	118

<i>Дымарский Михаил Яковлевич</i>	
Категория бытийности и вид глагола: некоторые замечания (на материале русского языка)	118
<i>Gattnar Anja, Hörnig Robin</i>	
Aspect and processing of utterances with perfective performatives	128
<i>Гаттнар Аня, Херниг Робин</i>	
Вид и восприятие перформативных высказываний с перфективом	128
<i>Gorbova Elena V., Chuikova Oksana Iu.</i>	
Aktionsarten and the secondary imperfectivization (the case of <i>po-, pro-, u-</i> verbs)	136
<i>Горбова Елена Викторовна, Чуйкова Оксана Юрьевна</i>	
Способы действия русского глагола и вторичная имперфективация (на примере приставочных групп глаголов на <i>по-, про-, у-</i>)	136
<i>Kagan Olga Alexandrovna</i>	
A force-dynamic approach to perfectivity	149
<i>Каган Ольга Александровна</i>	
Применение модели динамики силы к перфективности	149
<i>Kaneko Yuriko</i>	
Word of dying — conceptualization of death in languages: DIE verbs in English, Russian and Japanese	156
<i>Канэко Юрико</i>	
Слово об умирании — языковая концептуализация смерти: глаголы ‘умирать/умереть’ в английском, русском и японском языках	156
<i>Kitajo Mitsushi</i>	
On fluctuation in the use of the aspect of Russian verb (including converb) in the framework of the construction of direct speech in works of the 19th and 20th centuries	167
<i>Китадзэ Мицуси</i>	
Колебание в употреблении видов русского глагола (включая деепри- частие) в рамках конструкции прямой речи в литературных про- изведениях XIX–XX вв.	167
<i>Klimonov Vladimir</i>	
Semantics and pragmatics of tense-aspect verb forms in Russian	177

<i>Климонов Владимир Дмитриевич</i>	
Семантика и прагматика видо-временных форм русского глагола . . .	177
<i>Krvina Domen</i>	
The sequence of events and use of verbal aspect in Slovene (in simple sentences)	185
<i>Крвина Домен</i>	
Последовательность действий и употребление глагольного вида в словенском языке (в простом предложении)	185
<i>Łaziński Marek</i>	
Aspect pairs in Polish and other Slavic dictionaries	196
<i>Лазинский Марек</i>	
Видовые пары в польских и других славянских словарях	196
<i>Malaia Evie A., Basu Debarchana</i>	
Comparative analysis of interface between aspect and event structure in verbal morphosyntax of Russian and Bangla	206
<i>Малая Евгения Альбертовна, Басу Дебарчана</i>	
Сопоставительный анализ взаимосвязи между аспектом и структурой события в морфосинтаксисе глагола на материале русского и бенгальского языков	206
<i>Ivanković Ivana Matas, Bartolec Goranka Blagus</i>	
Prefixated verbs of motion and prepositions in croatian	218
<i>Иванкович Ивана Матас, Бартолец Горанка Благус</i>	
Приставочные глаголы движения и предлоги в хорватском языке	218
<i>Mehlig Hans Robert</i>	
About negation of general questions with general-factual and singular-factual ipf. aspect	226
<i>Мелиг Ханс Роберт</i>	
Различие между общефактическим и единично-фактическим НСВ в отрицательном ответе на общие вопросы	226
<i>Mikhailov Stepan Kirillovich</i>	
Some issues with monosemic analyses of polyfunctional aspectual grams: the progressive	236
<i>Михайлов Степан Кириллович</i>	
Некоторые проблемы для моносемичных подходов к анализу полифункциональных аспектуальных граммем: прогрессив	236

<i>Miljaković Milorad</i>	
On the functioning of biaspectual and aspectual pairs of non-standard verb lexemes in Internet communication (in Serbian, Russian, and Polish)	244
<i>Миљаковић Милорад</i>	
О функционировании нестандартных двувидовых и парных по виду глагольных лексем в интернет-общении (на материале сербского, русского и польского языков)	244
<i>Mishina Ekaterina, Wiemer Björn</i>	
How to distinguish future from inactual present in the diachrony of Russian aspect? An attempt at establishing inheritance and differentiation on the basis of corpora	253
<i>Мишина Екатерина Андреевна, Вимер Бьёрн</i>	
Как отличать будущее от неактуального настоящего в диахронии русского вида? Опыт установления преемственности и дифференциации на корпусной основе	253
<i>Onipenko Nadezhda Konstantinovna</i>	
Category of aspect in the «Semantic-grammatical dictionary of Russian verbs»	263
<i>Онипенко Надежда Константиновна</i>	
Категория вида в «Семантико-грамматическом словаре русских глаголов»	263
<i>Onipenko Nadezhda Konstantinovna, Bikkulova Olga Sergeevna</i>	
On the problem of the correlation of aspect and taxis (Converbs in the «Semantic-grammatical dictionary of Russian verbs»)	271
<i>Онипенко Надежда Константиновна, Биккулова Ольга Сергеевна</i>	
К проблеме соотношения вида и таксиса (деепричастие в «Семантико-грамматическом словаре русских глаголов»)	271
<i>Panovska-Dimkova Iskra</i>	
The future tense as a replacement for the lost perfective present in the Macedonian language	283
<i>Пановска-Димкова Искра</i>	
Будущее время как замена утраченного перфективного презенса в македонском языке	283
<i>Pchelintseva Elena</i>	
Interaction of the aspect with noun and verb categories in Slavic <i>Nomina Actionis</i>	293

<i>Пчелинцева Елена</i>	
Взаимодействие вида с именными и глагольными категориями в славянских <i>Nomina Actionis</i>	293
<i>Penkova Yana Andreevna</i>	
Future anterior and aspect in the XVth–XVIIth century East Slavic writing on the background of Polish influence	304
<i>Пенькова Яна Андреевна</i>	
Предбудущее и вид глагола в восточнославянской письменности XV–XVII вв. на фоне влияния польского языка	304
<i>Petrukhina Elena V.</i>	
Aspectual properties of deagentive reflexive structures in Russian	315
<i>Петрухина Елена Васильевна</i>	
Аспектуальные свойства деагентивных возвратных конструкций в русском языке	315
<i>Pila Malinka</i>	
Aspect and taxis in the Resian micro-language (compared to Russian): first remarks	328
<i>Пила Малинка</i>	
Вид и таксис в резьянском микроязыке (в сопоставлении с русским): первые заметки	328
<i>Popović Dragana</i>	
Russian and Serbian verbs in the context of iterative succession of events	338
<i>Попович Драгана</i>	
Русские и сербские глаголы в контексте итеративной последова- тельности ситуаций	338
<i>Popović Ljudmila</i>	
Perfect-tense meanings of the absolute gerundial in Serbian in comparison with the East Slavic «new perfect»	348
<i>Попович Людмила</i>	
Перфектные значения абсолютного деепричастия в сербском языке в сравнении с восточнославянским «новым перфектом»	348
<i>Ruvoletto Luisa</i>	
The verbs <i>bolěti</i> and <i>gorěti</i> with confixes in the Old Russian	361
<i>Руволетто Луиза</i>	
Глаголы <i>болѣти</i> и <i>горѣти</i> с конфиксом в древнерусском языке . . .	361

<i>Samedova Nezhin Gusseyin gyzy</i>	
The temporal paradigm of the Russian verb: on the semantics of the so-called present perfective	371
<i>Самедова Незрин Гусейн гызы</i>	
Временная парадигма русского глагола: о значении так называемого презенса совершенного вида	371
<i>Sharygina Sofia Sergeevna</i>	
Prospective aspect and interrelation with future and present tenses: a parallel corpora-based study	388
<i>Шарыгина Софья Сергеевна</i>	
Перспектив и его взаимодействие с темпоральными граммемами (футурусом и презенсом): контрастивное исследование на материале параллельного корпуса	388
<i>Slavkova Svetlana</i>	
On the intensifying function of prefixes added to Russian perfective and imperfective verbs	400
<i>Славкова Светлана</i>	
Об интенсифицирующей функции префиксов, присоединяемых к глаголам совершенного и несовершенного вида в русском языке	400
<i>Spasov Ljudmil</i>	
Semantic and structural complexity of the resultative configuration of simple one-morpheme and two-morpheme semantemes in the Macedonian language	412
<i>Спасов Лјудмил</i>	
Семантическая и структурная сложность результирующей конфигурации простых одно- и двуморфемных семантем в македонском языке	412
<i>Shmelev Alexei</i>	
Aspectual correlation and suppletion: “pitfalls”	423
<i>Шмелев Алексей Дмитриевич</i>	
Видовая корреляция и супплетивизм: подводные камни	423
<i>Tatevosov Sergei Georgievich, Kiseleva Xenia Lvovna</i>	
Incorporation and actionality: a few notes on telicity of denominal verbs	431

<i>Tatevosov Сергей Георгиевич, Киселева Ксения Львовна</i> Инкорпорация и акциональность: несколько наблюдений о предельности отыменных глаголов	431
<i>Trofimova Olga V.</i> Polish Polish participles of the imperfective aspect and variants of their Russian translation (exemplified by the 1852 memoirs <i>Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie</i> <i>i w Saratowie; spisane przez Ewę Felińską</i>)	445
<i>Трофимова Ольга Викторовна</i> Польские деепричастия НСВ и варианты их перевода на русский язык (на материале мемуаров « <i>Wspomnienia z podróży do Syberji,</i> <i>pobytu w Berezowie i w Saratowie; spisane przez Ewę Felińską</i> » 1852 г.)	445
<i>Trub Volodymyr Mykhajlovych</i> On some factors influencing upon the variation of aspectual verbal meanings	459
<i>Труб Владимир Михайлович</i> О некоторых факторах, влияющих на варьирование видовых глагольных значений	459
<i>Voeikova Maria Dmitrievna</i> Causative constructions with the function of the interruption of an action of the type <i>prekratite pajasničat</i> ‘stop clowning around’ in modern Russian	470
<i>Воейкова Мария Дмитриевна</i> Конструкции прерывания действия с инфинитивом типа «прекратите паясничать» в русском языке	470
<i>Vojvodic Dojčil Petrovic</i> On the interaction of the present-future verb forms and hypothetical modality	483
<i>Войводич Дойчил Петрович</i> О взаимодействии презентно-футуральных форм глагола и гипоте- тической модальности	483
<i>Wierner Björn, Rostovtsev-Popiel Alexander, Kwiatkowska Joanna,</i> <i>Socka Anna</i> The «quadrangle of suspended propositions»: comparing Russian and Polish	501

<i>Вимер Бьёрн, Ростовцев-Попель Александр, Квятковска Йоханна, Соцка Анна</i>	
«Четырёхугольник снятой утвердительности» в русско-польском сопоставлении	501
<i>Zakrevskaia Valentina Anatol'evna</i>	
Aspect and voice of the verb: features of functioning in dialect speech	512
<i>Закревская Валентина Анатольевна</i>	
Вид и залог глагола: особенности функционирования в диалектной речи	512
<i>Zholobov Oleg Feofanovich</i>	
Past tense and aspectual forms distribution in the Tolstovskij sbornik from the 13 th century	519
<i>Жолобов Олег Феофанович</i>	
Прошедшее время и распределение видовых форм в Толстовском сборнике XIII в.	519

Наталья Владимировна Андросюк

Преподаватель русского языка
Российский центр науки и культуры в Любляне, Словения
Цирил Методов трг 1, Любляна 1000, Словения
e-mail: andronat@list.ru

Natalja Vladimirovna Androsjuk

Teacher of Russian
Russian Center for Science and Culture in Ljubljana
Cyril Methods trg 1, Ljubljana 1000, Slovenia
e-mail: andronat@list.ru

Елена Леонидовна Ачилова

кандидат филологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
295007, Республика Крым, г. Симферополь, просп. Акад. Вернадского, д. 4
e-mail: elena-achilova@yandex.ru

Elena Leonidovna Achilova

PhD (Philology), Docent
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Prospekt Vernadskogo 4, Simferopol, Republic of Crimea, 295007
e-mail: elena-achilova@yandex.ru

Елена Яковлевна Титаренко

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
295007, Республика Крым, г. Симферополь, просп. Акад. Вернадского, д. 4
e-mail: elenatit@mail.ru

Elena Yakovlevna Titarenko

Doctor of Philology, Docent, Head of Department
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Prospekt Vernadskogo 4, Simferopol, Republic of Crimea, 295007
e-mail: elenatit@mail.ru

**Двувидовые глаголы
общеславянского происхождения
в русском, украинском и словенском языках**

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-сопоставительному описанию биаспективов общеславянского происхождения в трех языках: русском, украинском и словенском. Анализ показал, что в украинском языке

двувидовость распространена намного меньше, чем в русском, а в словенском — больше. В списке биаспективов общеславянского происхождения украинских глаголов в три раза меньше, чем русских, а в словенском языке в полтора раза больше, чем в русском. При этом совпадают во всех трех списках всего шесть лексем: *велеть*, *даровать*, *крестить*, *наследовать*, *родить*, *родиться* (рус.).

Аспектуально-фазовые характеристики этих шести глаголов полностью совпадают в видовых парах, т.е. между глаголами-омонимами совершенного и несовершенного вида, напр., *родить* (НСВ) → *родить* (СВ): процессно-завершительные отношения; *наследовать* (СВ) → *наследовать* (НСВ): начинательно-процессные отношения; *велеть* (СВ) // *велеть* (НСВ): одно- // многократные отношения.

В целом в фазовых парадигмах остальных двувидовых глаголов трех языков также много общего: направления фазовости и фазовая валентность в основном совпадают, однако имеются некоторые различия, обусловленные функционально-стилистическими (не грамматическими) особенностями. Так, в украинском языке реже, чем в русском, употребляются глаголы *женити*, *женитися*, их вытесняют глаголы *одружувати* / *одружити* и *одружуватися* / *одружитися*; русский биаспектив *даровать* (устар., высок.) ограничен в употреблении, уступая глаголу *дарить*, а украинский *дарувати* является общеупотребительным. Глаголы *наследовать* с корнем *-слід-* (*-слід-*) есть во всех трех языках, однако в словенском *nasledovati* устарел и вышел из употребления, его заменил биаспектив *dedovati* (наследовать), в украинском языке в значении «получать наследство» также функционирует другой двувидовой глагол — *спадкувати*.

Двувидовость всех анализируемых глаголов общеславянского происхождения в каждом языке доказывается их функционированием в актуальных контекстах.

Ключевые слова: биаспектив, двувидовой глагол, русский глагол, украинский глагол, словенский глагол.

Biaspectual verbs of Slavic origin in Russian, Ukrainian and Slovenian

Summary. The article is devoted to the comparative description of biaspectual verbs of common Slavic origin in three languages: Russian, Ukrainian and Slovenian. The list of biaspectual verbs of Slavic origin has three times less Ukrainian verbs than Russian, and Slovenian has one and a half times more than Russian verbs. There are only six common lexemes in the lists: *велеть*, *даровать*, *крестить*, *наследовать*, *родить*, *родиться* (Rus.).

The aspect-phase characteristics of these six verbs completely coincide in aspect pairs, i. e. between homonymous verbs of perfect and imperfect, for example, *родить*(Imp):→*родить*(Perf): process-finishing relationship; *наследовать* (Perf) →*наследовать* (Imp): beginning-process relations; *велеть* (Perf) // *велеть* (Imp): single-multiple relationships.

Generally, the phase paradigms of the rest biaspectual verbs in the three languages also have a lot in common, the directions of phase and phase valence are basically the same, but there are some differences due to functional-stylistic (not grammatical) features. So, in the Ukrainian language the verbs *женити*, *женитися* are used less frequently than in Russian, they are replaced verbs *одружувати* / *одружити*; *одружуватися* / *одружитися*; Russian *даровать* is limited in use, replaced by the verb *дарить*, but Ukrainian *дарувати* is common. The verb *наследовать*, with the root *-след-* (*-слід-*) occurs in all three languages, but in Slovenian *nasledovati* is obsolete and out of use, it was replaced by *dedovati*, the meaning ‘inherit’ is in Ukrainian also expressed by another biaspectual verb — *спадкувати*.

The biaspectual nature of all analyzed verbs of common Slavic origin in each language is proved by their functioning in actual contexts.

Key words: biaspectual verb, Russian verb, Ukrainian verb, Slovenian verb.

Вступлення

Материалом исследования являются биаспективы, или двувидовые глаголы (*велеть*, *исследовать*, *адресовать* и под.), казалось бы, многократно описанные в русистике, однако трактуемые авторитетными учеными по-разному, часто диаметрально противоположно (в частности, в плане их устойчивости в русском языке и тенденции к «преодолению» двувидовости). В украинском и словенском языках двувидовые глаголы ранее не были описаны системно и не подвергались последовательному контрастивному анализу. Выбор языков не случаен: украинский язык является близкородственным русскому, а словенский, по мнению аспектологов, наряду с чешским в наибольшей степени ему противопоставит с точки зрения закономерностей употребления видов (Петрухина 2019, 32).

Во всех трех языках двувидовые глаголы с точки зрения происхождения распадаются на две неравные по объему лексических единиц группы: глаголы с исконно славянскими (*казнить*, *молвить*, *родить*) и с заимствованными корнями (*финишировать*, *классифицировать*, *аттестовать*).

Цель статьи — сравнительный анализ биаспективов общеславянского происхождения русского, украинского и словенского языков с учетом их аспектуально-фазовой парадигматики.

Теория фазовости (Соколов 2010) и фазовой парадигматики (Титаренко 2011; 2019) позволяет выявить системные отношения фазовости между глаголами разного вида, состоящими в прямой словообразовательной связи, с учетом семантики аффиксов и функционирования отдельных лексем в актуальных контекстах.

Биаспективы славянского происхождения

Количество русских двувидовых глаголов вообще и биаспективов первой группы (исконно славянского происхождения) в частности, является предметом дискуссий. По разным подсчетам, их всего от 800 до 1500, в том числе исконно славянского происхождения от 40 до 80 единиц. Мы поддерживаем точку зрения исследователей, полагающих, что точное количество биаспективов в русском языке установить невозможно, да и не нужно, так как одни глаголы выходят из употребления или перестают быть двувидовыми, другие являются узкоспециальными, третьи развивают новые лексические значения (тоже двувидовые) и, кроме того, список заимствованных двувидовых глаголов постоянно пополняется (Androsjuk 2015). Мы включили в список русских двувидовых глаголов, имеющих славянские (в том числе исконно русские) корни, 61 единицу. Среди них есть как отдельные лексемы: *бежать* ‘совершить побег’; *крестить* ‘совершить обряд крещения’; *креститься* ‘подвергнуться обряду крещения’ и др., так и двувидовые во всех своих значениях (лексемах): *наследовать*; *родить* и др. (по МАС).

Отдельные публикации по сопоставительной аспектологии русского и украинского языков известны (Соколова 2004; Ачилова, Титаренко 2018), однако украинские двувидовые глаголы до сих пор еще не были объектом специального изучения, в связи с чем нет общепризнанного списка и классификации этих глаголов. В трудах по грамматике украинского языка биаспективы стандартно делятся по происхождению на славянские и иноязычные (Грамматика 2017; Сопоставительная 2003). Определяя двувидовые глаголы как те, «у которых одна и та же основа выражает одновременно значения несовершенного и совершенного вида» (Грамматика 2017, 401), авторы отмечают, что некоторые из этих глаголов являются двувидовыми только исторически (*дарувати, женити, мовити, клинцювати, колесувати, ночувати, розслідувати* и др.).

Словенская аспектология в настоящее время также находится на стадии становления и развития, и в сопоставительном плане, как отмечает Р. Бенакьо, словенский язык упоминается редко, хотя его

изучение в сравнении с русским языком «оказывается весьма интересным» (Benacchio, Pila, 2015, 79).

О биаспективах в словенском языке писала А. Желе (Žele 2011), описывая группу глаголов на *-irati*. Автор отмечает, что двувидовость — это только грамматическое определение, так как глагол в каждом конкретном случае выступает в определенном виде — либо НСВ, либо СВ. Отмечается, что двувидовость в словенском языке довольно частое явление. Двувидовые глаголы образуются как при помощи заимствованных суффиксов (гл. на *-irati* / *-izirati*), так и славянских (глаголы на *-ovati*). На двувидовость глагола огромное влияние оказывает лексическое значение конкретного глагола, т. е. двувидовыми могут быть глаголы, которые способны выражать процессуальность и результативность, а также однократность / многократность действия (Žele 2011).

Мы составили списки двувидовых глаголов славянского происхождения в украинском (21), словенском (90) и русском (61) языках. На первом этапе исследования мы нашли прямые соответствия (однокоренные глаголы-аналоги, ближайшие по смыслу переводы, в том числе словосочетаниями) каждого русского биаспектива в сопоставляемых языках и определили их грамматические характеристики. Напр., *воздействовать* (рус.) двувидовой — *впливати / вплинути* (укр.) имеет видовую пару — *vplivati* (слов.) одновидовой НСВ. *Таранить* (рус.) двувидовой — *таранити* (укр.) двувидовой — в словенском языке такого глагола нет. *Казнить* (рус.) двувидовой — *страчувати / stratumiti* (укр.) парный, *ismrtiti* (слов.) одновидовой глагол СВ. Были получены следующие результаты:

Таблица 1

Лексемы	Русский язык	Украинский язык	Словенский язык
Двувидовые	61	19	12
парные по виду		29	22
Одновидовые СВ		1	5
Одновидовые НСВ		10	7
нет такого глагола		2	15

Совпали по всем параметрам (т. е. и фиксируются в словарях и функционируют как двувидовые) в трех языках всего шесть глаголов:

Русский	Украинский	Словенский
Велеть	Веліти	Veleti
Даровать	Дарувати	Darovati
Крестить	Хрестити	Krstiti
Наследовать	Наслідувати	Dedovati
Родить	Родити	Roditi
Родиться	Родитися	Roditi se

Интересно, что во всех трех языках совпадают корни этих глаголов, за исключением словенского *dedovati* («наследовать»), который тем не менее также является двувидовым. Поскольку русские двувидовые глаголы славянского происхождения довольно подробно исследованы и описаны в научной литературе, рассмотрим биаспективы в украинском и словенском языках.

Биаспективы славянского происхождения в украинском языке

В украинском языке мы насчитали 21 биаспектив (глагол *ночувати*, отмеченный в академическом словаре как двувидовой, на современном этапе, как и русский *ночевать*, является глаголом НСВ) славянского происхождения: *веліти, дарувати, женити, женитися, клинцювати, колесувати, мовити, наслідувати, полонити, ранити, розслідувати, родити, родитися, соборувати, соборуватися, спадкувати, стяжати, таранити, хрестити, хреститися, четвертувати*. Как уже было сказано, 19 глаголов соответствуют русским двувидовым глаголам, т. е. образованы от тех же корней, еще два (*клинцювати* и *спадкувати*) имеют другие славянские корни.

Украинский лингвист Ю. Романюк пишет [перевод наш]:

Префиксы *за-*, *з-/с-*, *по-* и *про-* в последнее время активизировались в глаголах, образуя единицы совершенного вида от глаголов (чаще заимствованных), которые зафиксированы в словарях советского времени как двувидовые. Т. е. с помощью этих префиксов формируются видовые оппозиции двувидовых глаголов, что дает основания утверждать, что эта категория претерпевает разрушение... (Романюк 2012, 144).

Действительно, в современном украинском языке у биаспективов славянского происхождения наблюдается устойчивая тенденция к образованию перфективных форм путем префиксации: *веліти* — *звеліти*, *дарувати* — *подарувати*, *женити* — *оженити*, *поженити*, *женитися* — *оженитися*, *хрестити* — *охрестити*, *хреститися* — *охреститися*, *родити* — *народити*, *родитися* — *народитися*, *соборувати* — *пособорувати*, *соборуватися* — *пособоруватися*. При этом, однако, все перечисленные двувидовые глаголы функционируют и как биаспективы, что подтверждают современные контексты их употребления. Особо отметим, что причисляемые грамматиками к «устаревшим» глаголы *четвертувати* и *колесувати* активно используются не только в текстах исторической и религиозной тематики, но и в разговорном и публицистическом стилях. У глагола *наслідувати* с пометой «диал.» есть вариант *наслі'дити*.

Глаголы *женити* и *женитися* в украинском языке менее частотны, чем в русском, так как параллельно используются видовые пары *одружувати* — *одружити* и *одружуватися* — *одружитися*. Малоупотребительный глагол *клинцювати* («забивать клин в середину чего-л, забивать клинья в стену, чтобы подготовить ее для обмазывания глиной»), по-видимому, относится к пассивному запасу украинской лексики. В найденных единичных контекстах это глагол НСВ, таким образом, *клинцювати* можно исключить из списка двувидовых.

В целом, как видим, количество украинских двувидовых глаголов славянского происхождения почти в три раза меньше, чем в русском языке.

Биаспективы славянского происхождения в словенском языке

Группа двувидовых глаголов со славянскими корнями в словенском языке, по нашим подсчетам, составляет 90 единиц. 14 глаголов в этом списке — устаревшие слова, из которых четыре устарели только в одном из значений. Напр., *Ofrati* — «дать, подарить»; *Pojmiti* — «понимать / понять»; *Pripomagati* — «помогать / помочь» и др. Рамки статьи не позволяют привести весь список данных глаголов, однако мы видим, что их количество в полтора раза превышает количество русских исконно славянских и в четыре с половиной раза больше, чем в украинском языке. При этом, как видно из таблицы 1, всего 12 глаголов общеславянского происхождения в русском и словенском языках совпадают, т. е. являются биаспективами в обоих языках.

Во всех трех языках, как сказано выше, совпали шесть биаспективов (см. таблицу 2). Мы составили фазовые парадигмы этих глаголов в трех языках и сравнили их.

Аспектуально-фазовые характеристики шести биаспективов

В фазовую парадигму русского биаспектива *велеть* (НСВ) входит его видовой партнер-омоним *велеть* (СВ) и дериват *повелеть*. Фазовые отношения в обоих случаях одно-//многократности (Титаренко 2011, 2019). Украинский глагол *веліти* (НСВ) имеет в фазовой парадигме два видовых партнера — *веліти* (СВ), *звеліти* и дериват *повеліти* («приказать, дать распоряжение»). Отношения фазовости такие же, как в русском языке. Словенский глагол *veleti* является биаспективом в двух значениях (из трех, в первой лексеме это глагол СВ): «izgraža nužnost določenega ravnanja, dejanja glede na kaj» (выражает необходимость определенного поведения): так говорится в завещании; так велит моя совесть, должность и т. д. и «star. praviti, reči»: (устар. «говорить / сказать»). В его фазовой парадигме есть только видовая пара — омоним СВ, отношения одно- // многократности.

Русский глагол *даровать* имеет пометы *устар.* и *высок.* (МАС), функционирует наряду с глаголом *дарить* (НСВ) в соответствующих стилях речи, в его фазовой парадигме нет других членов, кроме грамматического омонима СВ, отношения в видовой паре одно-//многократные (тривиальные). В украинском языке глагол *дарувати* («дарить») является общеупотребительным, полисемантичным и имеет высокую словообразовательную валентность, многочленную фазовую парадигму, в которой представлены два вида фазовых отношений: одно-/многократные и процессно-завершительные (результативные). Словенский глагол *darovati* (НСВ) имеет трехчленную фазовую парадигму, в которой *darovati* (СВ) и *obdarovati* выражают одно-/ многократную фазовость.

Крестить (рус.) и *хрестити* (укр.), будучи многозначными, являются двувидовыми только в одном значении ‘совершить/совершать обряд крещения’, в отличие от словенского *krstiti*, который признается биаспективом в обоих ЛСВ: «провести обряд крещения» и «(экспрессивно) дать имя кораблю, заводу, театру и т. д. при открытии заведения, например, введении чего-либо в эксплуатацию». Во всех языках глагол имеет префиксальные дериваты (*окрестить*, *перекрестить* и др.), фазовые парадигмы многочленные, два направления фазовости — процессно-завершительная и одно-//многократная.

Родить (рус.) и *roditi* (слов.) отмечены в словарях как биаспективы во всех значениях, в отличие от укр. *родити*, выступающего двувидовым только в одном значении «давать жизнь ребенку (детям) во время родов (о женщине)». Эта лексема имеет в своей фазовой парадигме семь членов-глаголов СВ (*зродити, зародити, народити, родити* и др.), с которыми вступает в процессно-завершительные отношения, так как все эти глаголы имеют смысл ‘достичь результата предшествующего процесса (рождения ребенка или детеныша)’. В русском языке глагол *родить* (СВ) имеет также параллельно функционирующие видовые пары НСВ *рожать, рождать*, многочленную двустороннюю фазовую парадигму, в которой представлено два направления фазовости — одно-/многократное и процессно-завершительное. *Roditi* (слов.) также имеет многочленную фазовую парадигму, в которой представлена начальная фаза процесса лексемой *zaroditi* «1. начать плодоносить», «2. дать начало жизни, зачать». Все остальные глаголы в парадигме выражают завершительные фазовые отношения.

Родиться (рус.), *родитися* (укр.) и *roditi se* (слов.) имеют схожие фазовые парадигмы: многочленные, двусторонние.

Наследовать (рус.), *наслідувати* (укр.), *dedovati* (слов.) также имеют однотипные фазовые парадигмы, состоящие из трех членов, выражающие начинательно-процессные отношения. Интересно, что в украинском языке глагол *наслідувати* продолжает активно употребляться в первом значении (‘*Повторять, воспроизводить чьи-нибудь действия, движения и т. д. или признаки, особенности чего-нибудь*’). В отличие от русского глагола *наследовать*, имеющего значения ‘*Получать в наследство, по наследству от кого-, чего-л. 2. Неперех. Иметь право на получение наследства, быть наследником.// В монархическом государстве — быть преемником престола*’ (МАС), в украинском языке в значении ‘*Получать наследство от кого-, чего-нибудь*’ функционирует двувидовой глагол *спадкувати* (и видовая пара глаголов *успадковувати — успадкувати*). В словенском языке глагол с таким корнем тоже есть (*nasledovati*), но он является устаревшим.

Выводы

Таким образом, анализ фазовых парадигм шести однокоренных биаспективов общеславянского происхождения показал, что их фазовая валентность и отношения фазовости между СВ-НСВ (т. е. внутри видовой пары двувидового глагола) совпадают, в фазовых пара-

дигмах имеются незначительные расхождения, напр., в парадигме *roditi* (слов.) есть лексема с начинательным значением *zaroditi* (слов.), в отличие от парадигм глаголов *родить* и *родити* (укр.), в которых начинательной фазы нет. В составе лексических единиц есть функционально-стилистические различия, напр., в украинском языке реже, чем в русском, употребляются глаголы *женити*, *женитися*, так как их вытесняют глаголы *одружувати* — *одружити* и *одружуватися* — *одружитися*, русский биаспектив *даровать* имеет стилистическую окраску и ограничен в употреблении, уступая место глаголу *дарить*, в то время как украинский *дарувати* является общеупотребительным и потому имеет гораздо более многочисленную фазовую парадигму. Глаголы *наследовать* с корнем *-след-* (*-слід-*) есть во всех трех языках, однако в словенском *nasledovati* вышел из употребления, его заменил биаспектив тоже славянского происхождения *dedovati*, в украинском языке в значении «получать наследство» функционирует другой двувидовой глагол — *спадкувати*, а *наслідувати* употребляется в значении «повторять чьи-то черты, движения, особенности и т. п.», что более соответствует русским *следовать*, *последовать*.

Двувидовость в целом менее характерна для украинских глаголов (по сравнению с русским языком) и более распространена в словенском языке. Количество биаспективов общеславянского происхождения в украинском языке в три раза меньше, чем в русском, а в словенском — в полтора раза больше. Соотношение заимствованных биаспективов такое же: около 1000 в русском и 1500 в словенском. Описанию этой группы будет посвящена следующая статья.

ЛИТЕРАТУРА

Ачилова, Е. Л., Титаренко, Е. Я. (2018) Непарные глаголы совершенного вида в русском и украинском языках. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*, т. 4 (70). № 4, с. 125–138.

Граматика сучасної української літературної мови. Морфологія (2017). Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго, 752 с.

Петрухина, Е. В. (2019) Интерпретация видовых различий между русским, чешским и словенским языками. *Slavistična revija*, letnik 67, št. 1, januar–marec, с. 31–49.

Романюк, Ю. (2012) Засоби руйнування категорії двовидовості дієслора в сучасній українській мові. *Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*, том 25 (64), № 4, ч. 2, с. 143–150.

Соколов, О. М. (2010) *Имплицитная морфология русского языка* / Отв. ред. С. О. Соколова. 2-е изд., испр. и доп. Нежин: Гідромакс, 184 с.

Соколова, С. О. (2004) Видовые оппозиции глаголов в русском и украинском языках (к сопоставительному изучению). *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*, Т. 4. М.: МАКС Пресс, с. 166–175.

Сопоставительная грамматика русского и украинского языков (2003). Киев: Наукова думка, 534 с.

Титаренко, Е. Я. (2011) *Категория фазовости и вид русского глагола*. Симферополь: Доля, 368 с.

Титаренко, Е. Я. (2019) *Имплицитная аспектология русского глагола*. Симферополь: ИТ «Ариал», 324 с.

Androsjuk, N. V. (2015) Биаспектив и контекст. В кн.: Розанна Бенаккьо (ред.), *Глагольный вид: Грамматическое значение и контекст*. Die Welt der Slaven. Bd.56 München: Verlag Otto Sagner, с. 21–34.

Benacchio, R., Pila, M. (2015) Глагольный вид в контекстах неограниченной кратности в словенском языке в сопоставлении с русским. В кн.: Розанна Бенаккьо (ред.) *Глагольный вид: Грамматическое значение и контекст*. Die Welt der Slaven. Bd.56 München: Verlag Otto Sagner, с. 79–91.

Žele A. (2011) Glagoli na -irati v sodobni slovenščini *Slavistična revija*, letnik 59/2011, št. 2, april — junij, str. 213–227.

REFERENCES

Achilova E. L., Titarenko E.Ya. (2018) Neparnye glagoly sovershennogo vida v russkom i ukrainskom jazykakh [Non-paired perfective verbs in Russian and Ukrainian] *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, vol. 4 (70). № 4, pp. 125–138. (In Russian)

Androsjuk N. V. (2015) Biaspektiv i kontekst [Biaspect and context]. In: Rosanna Benacchio Editor, *Glagol'nyj vid: Grammaticheskoe znachenie i kontekst [Verbal aspect: Grammatical meaning and context]*. Die Welt der Slaven. Bd.56 München: Verlag Otto Sagner, pp. 21–34. (In Russian)

Benacchio R., Pila M. (2015) Glagol'nyj vid v kontekstakh neogranichennoj kratnosti v slovenskom jazyke v sopostavlennii s russkim [Verbal aspect in contexts of unlimited frequency in Slovenian language in comparison with Russian]. In: Rosanna Benacchio Editor, *Glagol'nyj vid: Grammaticheskoe znachenie i kontekst [Verbal aspect: Grammatical meaning and context]*. Die Welt der Slaven. Bd.56 München: Verlag Otto Sagner, pp. 79–91. (In Russian)

Gramatyka suchasnoji ukrajins'koji literaturnoi movy. Morfologija [Grammar of the modern Ukrainian literary language. Morphology] (2017). Kiev: Vydavnychij dim Dmytra Burago Publ., 752 p. (In Ukrainian)

Petrukhina E. V. (2019) Interpretacija vidovykh razlichij mezhdru russkim, cheshskim i slovenskim jazykami [Interpretation of species differences between Russian, Czech and Slovenian languages] *Slavistična revija*, letnik 67, št. 1, januar–marec, pp. 31–49. (In Russian)

Romanyuk Yu. (2012) Zasoby rujnuvannja kategoriji dvovydovosti dieslova v suchasnij ukrajins'kij movi [Means of destruction of the biaspectual verb category in modern Ukrainian language]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo uni-*

versiteta imeni V. I. Vernadskogo. Serija «Filologija. Social'nye komunikacii», vol. 25 (64), № 4, part 2, pp. 143–150 (In Ukrainian)

Sokolov, O. M. (2010) *Implicitnaja morfologija ruskogo jazyka* [*Implicit morphology of the Russian language*] / Editor S. O. Sokolova. 2nd ed. Nezhin: Gidromaks Publ., 184 p. (In Russian)

Sokolova, S. O. (2004) Vidovye oppozicii glagolov v russkom i ukrajskom jazykakh (k sopostavitel'nomu izucheniju) [*Aspectual oppositions of verbs in Russian and Ukrainian (to comparative study)*] *Trudy aspektologičeskogo seminara filologičeskogo fakul'teta MGU imeni M. V. Lomonosova* / Editor M.Yu. Chertkova. V. 4. M.: MAKS Press Publ., pp. 166–175. (In Russian)

Sopostavitel'naja grammatika ruskogo i ukrajskogo jazykov [*Comparative grammar of Russian and Ukrainian languages*] (2003).K.: Naukova dumka Publ., 534 p. (In Russian)

Titarenko, E.Ya. (2011) *Kategorija fazovosti i vid ruskogo glagola* [*Phase category and aspect of Russian verb*]. Simferopol': Dolya Publ., 368 p. (In Russian)

Titarenko, E.Ya. (2019) *Implicitnaja aspektologija ruskogo glagola* [*Implicit Aspectology of the Russian Verb*]. Simferopol': Arial Publ., 324 p. (In Russian)

Žele, A. (2011) Glagoli na -irati v sodobni slovenščini [*Verbs ending in -irati in the modern Slovenian language*] *Slavistična revija*, year 59/2011, № 2, April — June, pp. 213–227. (In Slovenian)

Тияна Балек

Аспирант

Философский факультет Новисадского университета, Сербия.
Др Зорана Ђинђића 2, 21000 Нови Сад, Србија.
tijana.balek@ff.uns.ac.rs

Tijana Balek

PhD candidate

University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, Serbia.
2, Dr Zorana Đinđića, Novi Sad, 21000, Serbia.
tijana.balek@ff.uns.ac.rs

Стилистическо-дискурсивные свойства глагольных дериватов с суффиксальными элементами -к- и -ну- в сербском языке¹

Аннотация. В работе рассматриваются стилистические и дискурсивные характеристики сербских глаголов, имеющих в своем составе суффикс *-ну-* и суффиксальный элемент *-к-* (появляется как часть многих комплексных суффиксов, например *-кати*, *-акати*, *-екати*, *-икати*, *-карати*, *-уцкати*). Существуют и такие глаголы, у которых элемент *-к-* является основой, например, у *мјаукати* «мяукать». Специфичностью рассматриваемых сложных суффиксов является невозможность точного разделения итеративной и диминутивной семантики без помощи синтаксических показателей, так как глаголы сочетаются и с временными, и с количественными обстоятельствами. Кроме того, рассмотрены два условных типа диминутивности у глагола *дремуцкати* «кратко и немного дремать». Проведенный анализ показывает, что модификации значений у глаголов движения (*трчкарати* «бегать в разных направлениях», *шеткати се* «гулять в разных направлениях», *возикати се* «возить» и др.) бывают сложнее (с большим количеством изменений), чем у глаголов звучания (*лупкарати* «время от времени производить раздражающие звуки», *циктати* «часто производить краткие горловые звуки, чтобы выразить эмоциональное состояние» и т. п.). Дискурсивное употре-

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта № 178004 (*Стандартный сербский язык: синтаксические, семантические и прагматические исследования*), поддержанного Министерством просвещения, науки и технологического развития Республики Сербии.

бление дериватов с суффиксом *-k-* строго ограничено, точнее, ориентировано на сферу разговорного и литературно-художественного стилей, особенно в диалогах и детской речи. Причина этого ограничения — стилистическая насыщенность форманта *-k-*. Наоборот, суффикс *-nu-* не обладает такими свойствами, поэтому не влияет на (непосредственно) стилистическую (и дискурсивную) сферу своих дериватов. Сопоставление семантических и грамматических показателей нескольких основных и мотивированных глаголов привело к выводу, что между ними можно образовать своеобразную градационную шкалу времени и результата.

Ключевые слова: суффиксальный элемент *-k-*, суффикс *-nu-*, итеративы, семельфактивы, стилистические свойства, дискурсивное употребление, сербский язык.

Stylistic and discursive properties of verb derivatives with the suffixal elements *-k-* and *-nu-* in Serbian

Summary. The article deals with stylistic and discursive characteristics of Serbian verbs, which have the suffix *-nu-* and verbs with the suffixal element *-k-* (which appears as a part of many complex suffixes, for example *-kati*, *-akati*, *-ekati*, *-ikati*, *-karati*, *-uckati* etc.). There are also such verbs, in which the element *-k-* is the stem, for example *mjaukati* «to meow». The specificity of the investigated complex suffixes is the impossibility to exactly separate iterative and diminutive semantics without the help of syntactic indicators, since verbs are combined with both temporal and quantitative adverbs or adverbial phrases. We have also considered two different types of diminutive meaning of the verb *dremuckati* «to have a short and/or shallow sleep». The analysis also shows that the semantic modifications of the verbs of movement (*trchkarati* «to run in different directions; to scuttle/scurry», *shetkati se* «to walk in different directions», *vozikati se* «to drive» etc.) are more complex (with more numerous changes) than the verbs of sound (*lupkarati* «to utter annoying sounds from time to time», *ciktati* «to utter guttural sounds often in order to express emotional state; to squeal» etc.). The discursive use of derivatives with the suffix *-k-* is strictly limited, more precisely, specific for the sphere of colloquial and literary-artistic style, especially in dialogues. The reason for such limitation is the stylistic property of the formative *-k-*. On the other hand, the suffix *-nu-* does not have such properties, so it does not affect the stylistic (and discursive) sphere of its derivatives. The comparison of semantic and grammatical indicators of several basic and motivated verbs leads to the conclusion that it is possible to form a specific gradation scale of time and result between them.

Key words: the suffixal element *-k-*, the suffix *-nu-*, iterative verbs, semelfactive verbs, stylistic features, discursive use, Serbian.

Вступление

Настоящая статья посвящена стилистическому и дискурсивному анализу глаголов, содержащих суффиксальные элементы *-к-* и *-ну-* в сербском языке. Спецификой данных словообразовательных средств является их противопоставленность друг другу по аспектологическим функциям. Суффикс *-к-* (самостоятельно или в составе более сложных суффиксов) считается показателем имперфективности, а *-ну-*, наоборот, перфективности. Данный факт легко замечается у глагольных дериватов одной производной основы, ср.: *лупати* (НСВ) «стучать» → *лупкати* (НСВ) «постукивать; продолжительное время производить несильные стуки», *лупнути* «стукнуть» (СВ); *сећи* (НСВ) «резать» → *сецкати* (НСВ) «(время от времени) резать что-то на маленькие кусочки», *сецнути* (СВ) «резнуть»; *гристи* (НСВ) «грызть» → *грицкати* (НСВ) «продолжительное время грызть что-то маленькими кусочками», *грицнути* (СВ) «совершить один акт действия грызть» и т. п.

Вместе с изменением видовых свойств лексем, изучаемые аффиксы вносят и другую дополнительную информацию о протекании действия в семантическую структуру глаголов, к которым они прибавляются. Чаще всего речь идет о длительности, т. е. о продолжительности или многократности, выражаемой элементом *-к-*, и, наоборот, моментальности, которая передается с помощью суффикса *-ну-*. С другой стороны, существуют и иные семантические сдвиги, на которые они могут указывать: различное количество объектов, пространственное направление и др. Кроме того, рассматриваемые форманты в сочетании с некоторыми лексическими группами глаголов обладают яркой стилистической маркированностью (влияющей на их дискурсивное употребление) с особыми качественными параметрами.

Итак, учитывая оценку действия (выражаемую говорящим), его длительность, а также внелингвистические факторы в определенных коммуникативных условиях, целью нашего анализа является определение (1) типа стилистической окраски глаголов с рассматриваемыми суффиксами и (2) специфической сферы их употребления.

Аспектуальная и стилистическая функции суффикса *-к-*

Как было обозначено выше, рассматриваемые суффиксы являются противопоставленными друг другу по аспектуальной информации, вносящей в семантику глагола и другие элементы, но в такой функции они употребляются ограничено — лишь когда производная основа имеет звуковую/ономатопеическую семантику (ср. *арлаукати* : *арлаукнути* «кричать : крикнуть», *ослушквати* : *ослушнути*² «слушать

² Вопрос о степени видовой коррелятивности между перфективными и имперфективными формами здесь не обсуждается.

неясные звуки (имплицитно долго) : услышать (начать слышать) один звук»). Соответственно, в качестве (настоящих) имперфективизаторов сложные суффиксы с элементом *-к-* не имеют продуктивного употребления. На самом деле, с помощью следующих комплексных суффиксов модифицируются семантически-стилистические, а не грамматические характеристики глаголов³: *-кати*, *-акати*, *-екати*, *-икати*, *-карати*, *-уцкати*⁴, *-кивати*, *-ушкати*, *-укати*, *-кетати* (Војводић 2013, 332; Клајн 2003, 328–332, 334–335; Станојчић, Поповић, 1992, 152–153; Бабић 1986, 458, 475–477)⁵. Однако существует и группа глаголов, мотивированная другими частями речи, напр. междометиями или существительными, у которых *-к-* является частью основы (напр. *пијукати* «пищать (о цыплятах)», *мјаукати* «мяукать»), *јаукати*⁶ «действие по звуку *јао (ой)*») и т. п.).

Специфичностью рассматриваемых сложных суффиксов, на наш взгляд, является невозможность точного разделения итеративной и диминутивной⁷ семантики, так как глаголы сочетаются и с временными, и с количественными обстоятельствами, но несмотря на это, у всех лексем наблюдается оттенок небрежности действия. Ср.: (количественное обстоятельство) *Много / сувише / мало / недовољно* «Много / слишком много / недостаточно» и (временное обстоятельство) *Понекад / често / увек ме задиркује, не знам шта да радим* «Иногда / часто / всегда дразнит меня, не знаю, что делать».

Некоторые глаголы имеют «внутреннее» ограничение в использовании данных обстоятельств, связанное со стилистической характеристикой высказывания. Ср. нейтральное *Понекад радуцкам у башти* «иногда немножко или кратко работаю в огороде»; *Често читуцкам за своју душу* «часто (но кратко) читаю для души (небольшие части текстов)». Нельзя, например, сказать **Много радуцају* «много

³ Видовая деривация не меняет свое направление, т. е. НСВ = НСВ.

⁴ Группа согласных *-цк-* в сербском языке имеет статус иконического маркера диминутивности (Вельковић Станковић 2015, 49).

⁵ Авторы «Нормативной грамматики сербского языка» рассматриваемые суффиксы с элементом *-к-* называют «итеративными, фреквентативными или диминутивными», см. (Пипер, Клајн 2017, 238). Данная классификация показывает, что действительно существует пересечение между этими акциональными типами (см. ниже). О глагольной диминутивности см. также (Грицкат 1988; 1995).

⁶ С его помощью вербально и экспрессивно выражается жалоба, боль и т. п.

⁷ В сербском языке согласная буква *К*, наряду с *Ц* и *Ш*, считается фонемным диминутивным маркером (Вельковић Станковић 2012, 501). С другой стороны, у некоторых глагольных диминутивов сема сниженной интенсивности является ослабленной, из-за доминирующей семы оценки, т. е. уничижительности/пренебрежительности (Вельковић Станковић 2015, 48).

немножко работают» или **Исецкали (на) комадине*⁸ «совершая резание на маленькие кусочки, разрезали на слишком большие». У глагола *дремуцкати* «кратко и немного дремать» можно (условно) выделить две разновидности диминутивности: (1) временную, относящуюся к сроку времени, в течение которого действие имело место, и (2) количественно-результативную, связанную с субъективной неудовлетворенностью действием — говорящий не выспался. Следовательно, значения итеративности и диминутивности не исключают друг друга, а скорее всего пересекаются в одном глаголе. В таких случаях без помощи синтаксических показателей нельзя четко определить реализующийся компонент.

Глаголы движения (*трчкарати* «бегать в разных направлениях», *шеткати се* «гулять в разных направлениях», *возикати се* «возить» и др.) также служат подтверждением вышесказанного, с той лишь разницей, что, на наш взгляд, их модификации сложнее, чем у глаголов звучания (*лупкарати* «время от времени производить раздражающие звуки», *циктати* «часто производить краткие горловые звуки, чтобы выразить эмоциональное состояние» и т. п.). Ср. повторение действия, имплицитный компонент времени, а также предположительно уменьшительный результативный характер, носителем которых служит суффикс *-кара-*: а) Деца *трчкарају* «Дети бегают в разных направлениях, и при этом делают *маленькие* шаги»; оценка действия — положительная» и б) Деца *лупкарају*⁹ «Дети стучат долго, стук прерывается и вызывает плохой эффект у реципиентов». Наоборот, *-икати* у *возикати (се)* «возить», или *-к-* у *шеткати се* «гулять в разных направлениях» это носители отрицательной оценки ненаправленного движения, см.: *Гледај испред себе, не возикај тамо-амо* «буквально: Смотри перед собой, не рули туда-сюда»; *Док си се ти шеткала, ја сам све обавила* «буквально: Пока ты гуляла куда-то (от скуки), я все сделала».

Дискурсивное употребление дериватов с суффиксом *-к-* (т. е. *девербальных эвалуативов*¹⁰) строго ограничено, точнее, ориентировано на сферу разговорного и литературно-художественного стилей, особенно в диалогах. Причина такой ограниченности — весьма выраженная стилистическая нагрузка у рассматриваемых глагольных суффиксов, которая в большинстве случаев может интерпретироваться двояко. Она зависит от нескольких факторов, в том числе инто-

⁸ Окрашенность устанавливается, благодаря семантической коллизии членов предложения.

⁹ Ясно различается несовпадающий стилистический оттенок суффиксов *-кара-* и *-к-*. Последний является нейтральным, даже положительным у глаголов типа *лупкарати* / *лупкати* «производить краткие стук».

¹⁰ Термин, который использует Д. Велькович Станкович, см. (Вельковић Станковић 2015, 42).

нации, мимики, а также возраста коммуникантов¹¹. Напр., глагольные формы в предложениях *Шта ћемо данас да ручкамо?* «Что сегодня приготовим на обед», *Ко нам се то заљубишиќао?* «Кто влюбился?» или *Како слатко пајки!* «Как сладко спит!» считаются неодобрительными при обращении взрослых к взрослым (за исключением родных или очень близких людей, так как характеристикой общения последних является ярко выраженная фамильярность), но они совершенно уместны, даже желательны, при обращении к детям, так как широко распространены в детской речи, с функцией уменьшения разницы в возрасте или создания доверия (об отношении говорящего к действию см. Грицкат 1955/1956). Это значит, что практически любой глагол может модифицироваться данным суффиксом, чтобы достигнуть такого эффекта. Другими словами, формирование дериватов с суффиксом *-к-* отличается непредсказуемостью в идиолекте, но в то же время большой частотностью.

Аспектуальная и стилистическая функции суффикса *-ну-*

В отличие от предыдущего, суффикс *-ну-* можно считать универсальным перфективизатором¹², влияющим на изменение как акционального (благодаря чему образуются *семельфактивы*¹³, а также *инхоативы*), так и видового значения глагола¹⁴. Ср. напр. *семельфактивы*: *трептати* → *трепнути* «моргать → моргнуть», *капати* → *капнути* «капать → капнуть», *вриштати* → *вриснути* «кричать → крикнуть» и др. В зависимости от семантики основного глагола, рассматриваемый суффикс может указывать на единичное действие, следовательно на его *семельфактивность*. У данного форманта грамматическая, т. е. аспектуальная, функция проявляется намного ярче, поэтому снижается стилистическая. По сравнению с предыдущим суффиксом она, можно сказать, почти совсем отсутствует. Выше был сделан намек об (условной) видовой парности дериватов на *-к-* и *-ну-*. Данный вопрос заслуживает подробного анализа, но для иллю-

¹¹ В детской речи отрицательная оценка исчезает и даже коннотативно превращается в гипокористику (Вельковић Станковић 2015, 42).

¹² Однако существуют некоторые исключения, напр. *гинути* «погибать», *тонути* «тонуть» и т. д. (Стевановић 1970, 590).

¹³ Изучая морфологические показатели способов глагольного действия в сербском языке, Б. Тошович выделяет данный суффикс (только) в связи с *семельфактивами*, см. (Тошович 2009, 141–145).

¹⁴ Видовая деривация имеет направление НСВ → СВ. В «Нормативной грамматике сербского языка» данный суффикс (в вариантной форме *-н-*) описан в части, посвященной перфективации (Пипер, Клајн 2017, 178), а не словообразованию, что указывает на его преимущественно грамматическую функцию.

страции сопоставим дериваты глагола *љуџати* «качать» — *љуџушкати* «покачивать» (итератив-диминутив) и *љуџнути* «качнуть» (семельфактив). Разумеется, семантика многократности, содержащая в себе неисчисляемое количество единичных действий, противопоставляется однократности. Мы не претендуем на решение вопроса о парности данных акциональных типов, но нам кажется, что настоящими коррелятами они быть не могут. Ср.: *Љуџушкати дете у колеџци* «покачивать ребенка в колыбели» / *Љуџушкати дете у крилу* «покачивать ребенка на коленях» (медленно, аккуратно, имплицитно долго) vs. **Љуџнути дете у колеџци* / *у крилу* «один раз качнуть ребенка в колыбели / на коленях и действие сразу прекращается». С прагматической точки зрения каждый носитель сербского языка будет считать такие конструкции маловероятными. Но, с другой стороны, если надо выразить внезапность ситуации, то данный глагол употребить можно.

Когда речь идет об аспектуальных характеристиках, выражаемых изучаемыми аффиксами, следует добавить, что основной глагол и его дериваты образуют своеобразную градационную шкалу времени и результата. Это частично опирается на вышеуказанную модель сочетания с обстоятельствами. Ср. нейтральную форму глагола *гристи* «грызть», которая претендует на естественный конец действия, дериват с суффиксом *-цк-*, обозначающий (по сравнению с мотивирующей лексемой), что действие продолжается, а также дериват с суффиксом *-ну-*. Последний, согласно своим аспектуальным особенностям, показывает запрет на референцию продолжительности действия, и ведет себя несколько странно¹⁵, отличаясь указанием на фрагментарность: *Грицкати*¹⁶ / *гристи*¹⁷ / **грицнути јабуку десет минута* «Грызть / грызть маленькими кусочками / *совершить один акт действия ‘грызть яблоко’ десять минут», но *Грицкати* / *гристи* / *грицнути*¹⁸ *другу половину јабуке* «грызть / грызть маленькими кусочками / *совершить один акт действия грызть вторую половину яблока».

Глаголы с суффиксом *-ну-* не обладают выраженными стилистическими компонентами. Этот факт связан с дискурсивными характеристиками глаголов, так как не существует никакого ограничения или специфической сферы употребления дериватов с данным элементом. Однако можно выделить определенные лексико-семантические груп-

¹⁵ Так как речь идет о семельфактиве.

¹⁶ Констатация о действии в прогрессе, достижение конца остается за кадром; имплицитное конативное значение.

¹⁷ Прогрессив с потенциалом достижения конца результата.

¹⁸ Результативное обстоятельство, указывающее на частичность результата, позволяет считать ситуацию инхоативной.

пы, которые встречаются реже, или вообще не встречаются, в научном или деловом стиле. Речь идет преимущественно об (этимологически) ономотопеических глаголах (*бућнути* «булькнуть», *треснути* «хлопнуть» и т. п.), а также о глаголах движения, в основном человека — включая все тело или некоторую его часть и др., но это зависит от значения не мотивированной, а мотивирующей лексики.

Некоторые выводы

Проведенный краткий предварительный анализ стилистическо-дискурсивных свойств глаголов, носителями которых являются суффиксальные элементы *-к-* и *-ну-*, показал существование четкой дискурсивной границы между дериватами, содержащими данные форманты. Суффикс *-ну-* не имеет стилистически маркированного потенциала, однако, если производный глагол окрашен, то и дериват наследует те же свойства. С другой стороны, суффиксальные элементы, имеющие *-к-*, оказываются стилистически и дискурсивно аномальными. Образование данных дериватов непредсказуемо, потому что зависит исключительно от субъективных предпочтений говорящего. Глаголы с суффиксальным элементом *-к-* обладают отрицательной оценкой, используются преимущественно в разговорном и художественном стилях сербского языка, и являются особенно частотными в детской речи, в которой отрицательные оттенки оценки ситуации исчезают.

ЛИТЕРАТУРА

Вельковић Станковић, Д. (2012) Когнитивни аспекти деминуције глагола у српском језику. В кн. Р. Драгићевић (ред.), *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима*. Београд: Филолошки факултет, 497–514.

Вельковић Станковић, Д. (2015) Деминутивно-пејоративни глаголи изведени суфиксима *-ака*, *-ара* и *-ата*. *Научни састанак слависта у Вукове дане*, књ. 44/3, 39–61.

Војводић, Д. (2013) Вид глагола. В кн. Ч. Попов, Д. Станић (ред.). *Српска енциклопедија, том II, В — Виетечка*. Нови Сад: Матица српска, 332–333.

Грицкат, И. (1955–1956) Деминутивни глаголи у српском језику. *Јужнословенски филолог*, књ. XXI/1–4, 45–96.

Грицкат, И. (1988) Значења афиксалне глаголске деминуције. В кн. Ч. Вуковић, Ј. М. Миловић (ред.), *Први лингвистички научни скуп у спомен на Радосава Бошковића*. Титоград: ЦАНУ, 131–139.

Грицкат, И. (1995) О неким особеностима деминуције. *Јужнословенски филолог*, књ. LI, 1–30.

Клајн, И. (2003) *Творба речи у савременом српском језику II. Суфиксација и конверзија*. Београд — Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства — Институт за српски језик САНУ — Матица српска, 514.

Пипер, П., Клајн, И. (2017) *Нормативна граматика српског језика*. Нови Сад: Матица српска, 582.

Станојчић, Ж., Поповић, Љ. (1992) *Граматика српскога језика*. Београд – Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства – Завод за издавање уџбеника, 400.

Стевановић, М. (1970) *Савремени српскохрватски језик I. Увод, фонетика, морфологија*. Београд: Научна књига, 653.

Тшович, Б. (2009) *Способы глагольного действия в сербском, хорватском и бошнячком языках*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 179.

Babić, S. (1986) *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*. Zagreb: JAZU–Globus, 551.

REFERENCES

Babich, S. (1986) *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku* [Word Formation in Croatian Literary Language]. Zagreb: YAZU–Globus, 551 p. (In Serbo-Croatian)

Gritskat, I. (1955–1956) *Deminutivni glagoli u srpskom jeziku* [Diminutive Verbs in Serbian Language]. *Juzhnoslovenski filolog*, vol. XXI, issue 1–4, pp. 45–96. (In Serbian)

Gritskat, I. (1988) *Znachenya afiksalne glagolske deminutiye* [Semantics of Affixal Verbal Diminution]. In: Ch. Vukovich, Y. M. Milovich (eds.), *Prvi lingvistichki nauchni skup u spomen na Radosava Boshkovicha* [The First Linguistic Scientific Conference in Memory of Radosav Boshkovich]. Titograd: TSANU, pp. 131–139. (In Serbian)

Gritskat, I. (1995) *O nekim osobenostima deminutiye* [On a Certain Properties of Diminution]. *Juzhnoslovenski filolog*, vol. LI, pp. 1–30. (In Serbian)

Klayn, I. (2003) *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku II. Sufiksatsiya i konverzija* [Word formation in Contemporary Serbian Language II. Suffixation and Conversion]. Belgrade — Novi Sad: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva — Institut za srpski jezik SANU — Matitsa srpska, 514 p. (In Serbian)

Piper, P., Klayn, I. (2017) *Normativna gramatika srpskog jezika* [Normative Grammar of the Serbian Language]. Novi Sad: Matitsa srpska, 582 p. (In Serbian)

Stanoychich, Zh., Popovich, L'. (1992) *Gramatika srpskoga jezika* [Grammar of the Serbian Language]. Belgrade — Novi Sad: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva — Zavod za izdavanje udžbenika, 400 p. (In Serbian)

Stevanovich, M. (1970) *Savremeni srpskohrvatski jezik I. Uvod, fonetika, morfologija* [The Contemporary Serbo-Croatian Language I. Introduction, Phonetics, Morphology]. Belgrade: Nauchna knjiga, 653 p. (In Serbian)

Tshovich, B. (2009) *Sposoby glagol'nogo dejstviya v serbskom, khorvatskom i boshnyackom yazykakh* [Aktionsart in Serbian, Croatian and Bosnian Language]. Katowice: University of Silesia Publishing House, 179 p. (In Russian)

Vel'kovich Stankovich, D. (2012) *Kognitivni aspekti deminucije glagola u srpskom jeziku* [Cognitive Aspects of Verbal Diminution in Serbian language]. In: R. Dragichevich (ed.), *Tvorba reči i nyeni resursi u slovenskim yezicima* [Word Formation and its Resources in Slavonic Languages]. Belgrade: Faculty of Philology, pp. 497–514. (In Serbian)

Vel'kovich Stankovich, D. (2015) *Deminutivno-peyorativni glagoli izvedeni sufixima -aka, -ara i -ata* [Diminutive-Peiorative Verbs derived with Suffixes -aka, -ara and -ata]. *Nauchni sastanak slavista u Vukove dane*, vol. 44, issue 3, pp. 39–61. (In Serbian)

Voyvodich, D. (2013) *Vid glagola* [Verbal Aspect]. In: Ch. Popov, D. Stanich (eds.), *Srpska entsiklopediya, tom II, V – Vshetechka*. Novi Sad: Matitsa srpska, pp. 332–333. (In Serbian)

Адриан Барентсен

адъюнкт профессор (в отставке). гостевой исследователь
Амстердамского центра языка и коммуникации,
Амстердамский университет, филологический факультет.
a.a.barentsen@uva.nl

Adrian Barentsen

PhD, Assoc. prof. (emer.), affiliated member of Amsterdam Center
for Language and Communication, University of Amsterdam,
Faculty of Humanities, Postbus 1605
1000 BP Amsterdam, The Netherlands.

Виктор Самуилович Храковский

Доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИЛИ РАН,
199053, Россия, Санкт-Петербург, Тучков пер. дом 9.

Victor S. Xrakovskij

Dr. phil., professor, senior researcher
at the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
199053, Russia, St, Petersburg, Tuchkov pereulok 9.
khrakovv@gmail.com

Вид и таксис в славянских языках

Аннотация. В статье на ограниченном материале славянских языков показана роль грамматической категории вида в выражении функционально-семантической категории таксиса. Категория таксиса реализуется в рамках бипредикативной конструкции, где ее представляют две глагольные формы, образующие *таксисную пару*. Из этих форм одна является *опорной*, а другая *зависимой*, действие которой либо *предшествует* действию опорной формы, либо *следует* за ним, либо *одновременно* с ним. Соответственно предшествование, следование и одновременность представляют собой три значения категории таксиса. Поскольку категория вида является грамматической, то глагольные формы, образующие таксисную пару, являются формами либо совершенного (СВ), либо несовершенного вида (НСВ). Как правило, СВ обозначает изменение ситуации, называемой глаголом и представленной совокупностью ее фаз (начало, процесс/состояние, окончание, результат), а НСВ обозначает ее неизменность. Указанная специфика СВ и НСВ играет определяющую роль при выборе в таксисных парах для реализации конкретных таксисных значений. При

предшествовании и следовании зависимая и опорная форма в таксисной паре являются стандартно формами СВ. В случае одновременности, если зависимая и опорная форма занимают один и тот же временной интервал, то они являются формами НСВ. Если же одна форма реализуется внутри временного интервала, занимаемого другой формой, то форма, занимающая больший временной интервал, является формой НСВ, а форма, занимающая меньший временной интервал, является формой СВ. Непосредственным предметом анализа в статье служат таксисные сложноподчиненные предложения (СПП) с т. н. неспециализированными союзами типа русского *когда*, которые в принципе могут выражать все три таксисные значения, и со специализированными союзами «контактного предшествования» типа русского *как только*. Особое внимание обращено на отклонения от сформулированных правил употребления видов в разных таксисных конструкциях, и на различия между отдельными славянскими языками.

Ключевые слова: таксис, предшествование, одновременность, следование, совершенный вид (перфектив), несовершенный вид (имперфектив), вид (аспект).

Aspect and taxis in Slavic languages

Abstract. On the basis of a selection of examples from various Slavic languages the article shows the role of the verbal category of *aspect* in the expression of the functional-semantic category of *taxis*. Taxis manifests itself in bi-predicative constructions with two verbal forms in a *taxis pair*. One of these forms is the *base*, and the other form is the *dependent* form. The situation expressed by the dependent form either *precedes* the situation of the base, or *follows* it, or *is simultaneous* with it. These are the principal taxis meanings. Slavic perfective aspect (PFV) prototypically denotes a *change of situation*, connected with the combination of various phases of the verbal action (beginning, process/state, ending, and resultative phase), whereas imperfective aspect (IPFV) denotes some form of *non-change*. This distinction plays a major role in expressing the taxis meanings. In cases of anteriority or posteriority the base and dependent forms are prototypically PFV. In cases of simultaneity both forms are IPFV when their actions occupy the same interval. If one of the forms is PFV, its action is included in the greater interval of the other. The article discusses examples with complex sentences (CS) with non-specialized taxis conjunctions like Russian *kogda* ‘when’, allowing all three taxis meanings, and with specialized taxis conjunctions expressing “contact anteriority”, like Russian *kak tol’ko* ‘as soon as’. Special attention is given to cases with exceptions to the general rules of choosing aspect in taxis constructions, given above, and to certain differences between the Slavic languages.

Key words: taxis, anteriority, simultaneity, posteriority, aspect, perfective, imperfective, temporal conjunctions.

1. Введение

В славянских языках таксис является функционально-семантической категорией, которая обозначает соотношение во времени между, как минимум, двумя ситуациями. Стандартно рассматриваются конструкции с двумя глагольными формами, которые образуют таксисную пару. Из этих форм одна является опорной, а другая зависимой, действие которой либо предшествует во времени действию опорной формы, либо следует за ним, либо одновременно с ним.

Важную, если не определяющую роль в выражении таксисных значений играет категория вида. Именно это утверждение мы и хотим аргументировать в нашей статье. Категорию вида представляют совершенный вид (СВ) и несовершенный вид (НСВ). Как правило, СВ обозначает изменение ситуации, обозначаемой глаголом и представленной совокупностью ее фаз (начало, процесс/состояние, окончание, результат), а НСВ обозначает ее неизменность.

В таксисных конструкциях, в которых зависимая, и опорная формы являются формами СВ, стандартно выражается либо предшествование, либо следование, а если обе формы являются формами НСВ, или хотя бы одна является формой НСВ, то выражается один из трех возможных вариантов одновременности¹⁹.

В статье будет дан краткий анализ употребления видовых форм в таксисных сложноподчиненных предложениях (СПП) с т. н. неспециализированными союзами типа рус. *когда* и специализированными союзами «контактного предшествования», типа рус. *как только*²⁰.

Приводятся примеры, относящиеся к прошедшему времени. Буквы в номере примера представляют языки: Б — болгарский, Ч — чешский, Ск — словацкий, Л — лужицкий, Сб — сербский.

Будет показано, что приведенные общие «правила» употребления видов могут нарушаться при обеих указанных группах союзов, но в особенности при специализированных союзах, а именно в случаях, когда употребляется НСВ при таксисе неодновременности. При этом будут отмечены некоторые различия между славянскими языками.

¹⁹ О вариантах одновременности см. (Храковский 2009, 30).

²⁰ Это только один из целого ряда типов специализированных союзов, каждый из которых сочетается с определенным набором видовых форм. (Рассматриваются только случаи без повторяемости.)

2. Неспециализированные союзы: русский *когда*, болгарский *когато* и сербский *кад(а)*

2.1. Указанная закономерность соблюдается.

СВ в обеих частях СПП:

Предшествование — наиболее частотный тип, порядок частей СПП — свободный, см. (1) и (2):

(1-Б) **Когато** Калоян *умря: AOR.PFV*, *дойде: AOR.PFV* Борил (А. Дончев)²¹.

‘**Когда** Калоян умер, пришел Борил.’

(2-Б) Борил *дойде: AOR.PFV*, **когато** Калоян *умря: AOR.PFV*.

‘Борил пришел, **когда** Калоян умер.’

Следование — менее частотный тип, стандартно зависимая часть (ЗЧ) следует за главной частью (ГЧ):

(3-Б) Той *написа: AOR.PFV* половин страница, **когато** внезапно *си спомни: AOR.PFV*, че го чакат в института.

‘Он написал полстраницы, когда внезапно вспомнил, что его ждут в институте.’

В языках, активно употребляющих плюсквамперфект, значение следования можно выразить этой формой в ГЧ. При этом допускается и другой порядок частей:

(4-Б) **Когато** го *закара: AOR.PFV* вкъщи, Каренин все още не *беше излязъл: PQP.PFV* от упойката.

(4-Ч) **Když** ho *přivezl: PST.PFV* domů, Karenin *se ještě neprobral: PST.PFV* z narkózy (Kundera).

‘**Когда** он привез его (= пса) домой, (пес) Каренин все еще не очнулся после наркоза.’

Чешский оригинал и русский перевод показывают, что данное значение можно выразить также одним наличием специфических адвербиальных маркеров.

НСВ в обеих частях:

Полная одновременность

(5-Б) **Когато** *умираше: IPRF.IPFV*, *молеше се: IPRF.IPFV* безмълвно [...] да го приобщят към папската църква (А. Дончев).

‘**Когда** умирал, он молился безмолвно [...] чтобы его приобщили к папской церкви.’

²¹ Большинство примеров взято из готовящейся к изданию коллективной монографии «Таксис в славянских языках», редактируемой нами. Выбор примеров из болгарского языка мотивирован особенностями его богатой видовременной системы.

НСВ только в ЗЧ:

Неполная одновременность₁

(6-Б) **Когато** двамата *минаваха:IPRF.IPFV* през двора към къщи, пред вратата на Лешчински *спря:АОР.PFV* каляска (Островский).

‘**Когда** оба шли через двор в дом, у ворот Лещинских остановилась коляска.’

НСВ только в ГЧ:

Неполная одновременность₂

(7-Б) Дете *бях:IPRF.IPFV*, **когато** *умря:АОР.PFV* малката ми сестричка (А. Дончев).

‘Я был ребенком, **когда** умерла моя маленькая сестренка.’

2.2. Указанная закономерность нарушается.

Предшествование при НСВ в ГЧ:

В таких примерах актуализируется ситуация, наступившая при совершении действия ЗЧ, выраженного глаголом СВ. Как правило, актуализация выражается с помощью слов типа русского *теперь*.

(8-Сб) Толико је желио тај час, а сада **кад** *је наступило:PRF.PFV*, он *није умео:PRF.IPFV* да га искористи онако, како је замишљао (Андрић).

‘Так страшно он жаждал этой минуты, и вот теперь, **когда** она настала, он не умел ее использовать, как хотел.’

Следование при НСВ в ГЧ:

Такие примеры найдены только в болгарском, при плюсквамперфекте НСВ и с поддержкой частицы *вече* ‘уже’:

(9-Б) *Бях говорила:PQP.IPFV* вече с Васил, **когато** *дойде:АОР.PFV* Мария.

‘Я уже успела поговорить (*букв.* уже говорила) с Василем, **когда** пришла Мария.’

Одновременность при СВ в обеих частях:

Как было отмечено выше, такая комбинация прототипически выражает неодновременность. Но иногда встречаются примеры, которые, пожалуй, можно отнести к одновременности. Такое толкование опирается на знание мира и обычно поддерживается показателями типа *как раз, в тот момент*:

(10-Б) Тъкмо **когато** над главата на финдиректора *пламна:АОР.PFV* и *запремига:АОР.PFV* червената лампичка [...], *влезе:АОР.PFV* куриерът и събщи [...] (Булгаков).

‘Как раз в тот момент, **когда** над головой фининспектора вспыхнула и замигала красная лампочка [...], вошел курьер и сообщил [...]’

Существует особый тип полной одновременности при СВ, при котором нет двух отдельных действий: ЗЧ выражает конкретное действие, а ГЧ дает ему оценку. В таких случаях возможно включение объяснительного сочетания *тем самым*, как в переводе следующего примера:

(11-Б) **Когато** *сте създали:PRF.PFV* този образец, *вие сте престъпили:PRF.PFV* границата и *сте изложили:PRF.PFV* на опасност цялата лаборатория (Brown).

‘**Когда** вы создали этот образец, вы (тем самым) нарушили нормы и подвергли опасности всю лабораторию.’

3. Специализированные союзы «контактного предшествования» типа русского **как только, едва ... как**

Значение таких союзов можно охарактеризовать также как «быстрая смена ситуаций».

Стандартно в обеих частях употребляется СВ:

(12-Ч) **Jakmile** Marie *dopsala:PST.PFV* úkol, *zapnula:PST.PFV* televizor.

‘**Как только** Мария доделала задание, она включила телевизор.’

В СПП с такими союзами редко употребляются глаголы НСВ. Очевидно, это связано с динамичностью, свойственной СПП данного типа. Реже всего НСВ представлен в ЗЧ и, кажется, в основном у модальных глаголов, которые в таких случаях приобретают ингрессивное значение. В русском языке такие примеры встречаются очень редко:

(13) Чёрт! Сбили. Очень важно... **И как только** *хотел:PST.IPFV* тебе сказать..., вот чёрт, *вылетело:PST.PFV* ... Ладно. Вспомню — позвоню (Е. Гришковец. НКРЯ).

Такие примеры более обычны в чешском языке:

(14-Ч) **A jakmile** mi [to dítě] *chtělo:PST.IPFV* ukázat:*INF.PFV* přesné místo, *tak jsem se probudil:PST.IPFV* (Coelho).

‘**А как только** [этот ребенок] захотел мне показать точное место, я проснулся.’

Если НСВ употребляется в ГЧ, также выражается ингрессивное значение. См. редкий русский пример такого типа:

- (15) О любовь! Имя тебе — Оксана! **Едва** *взглянул:PST.PFV* в её глаза, **как** уже *имел:PST.IPFV* пятерых детей, стиральную машину “Индезит” и смерть в семидесятисемилетнем возрасте от анемии (И. Охлобыстин. НКРЯ).

Для чешского и словацкого языков такие примеры более обычны: (16-Ч) **Sotva** oba pomocníci *zmizeli:PST.PFV*, Kňour *mrkal:PST.IPFV* ještě horlivěji (Булгаков).

- (16-Ск) **Len čo** obaja pomocníci *zmizli:PST.PFV*, Mosúr *žmurkal:PST.IPFV* ešte usilovnejšie.

‘**Как только** оба помощника скрылись, Бегемот стал мигать еще сильнее.’

(В оригинале: ... мигание Бегемота приняло усиленные размеры.)

Как и русский оригинал, все другие имеющиеся у нас переводы со сравнимым союзом (украинский, польский, словенский, сербский, хорватский, македонский и болгарский) содержат форму СВ в ГЧ.

Однако следующий пример показывает, что подобное употребление НСВ представлено также в верхне-лужицком языке:

- (17-Л) **Lědma** tući *styšachu:(I)PRF.IPFV*, zo dyrbja katolscy Irojo z nimi samsne prawo dóstać, *hrožachu:IPRF.IPFV* ze zběžkami.

‘**Как только** они услышали, что католические ирландцы получают то же самое право как они, они стали грозить (*букв.* грозили) забастовками.’

Вполне убедительных примеров с НСВ в обеих частях найти не удалось. Возможно, таков следующий чешский пример, с ингрессивным употреблением формы НСВ в обеих частях:

- (18-Ч) **Jakmile** houser *cítil:PST.IPFV*, že je volný, *běžel:PST.IPFV* ke dveřím (Lagerlöf).

‘**Как только** гусак почувствовал, что он свободен, он побежал к дверям.’

ЛИТЕРАТУРА

Храковский, В. С. (2009) Таксис: семантика, синтаксис, типология. В кн.: В. С. Храковский (отв. ред.), *Типология таксисных конструкций*. Москва: Знак, с. 11–113.

REFERENCES

Xrakovskij, V. S. (2009) Taksis: semantika, sintaksis, tipologija [Taxis: semantics, syntax, typology]. In: V. S. Xrakovskij (ed.), *Tipologija taksisnyx konstrukcij [Typology of Taxis Constructions]*. Moscow: Znak Publ., pp. 11–113. (In Russian)

Розанна Бенаккьо

Профессор,
Департамент лингвистических и литературных исследований,
Падуанский университет
Ул. Беато Пеллегрино 28, 35137, Падуа (Италия)
rosanna.benacchio@unipd.it

Rosanna Benacchio

Professor,
Department of Linguistic and Literary Studies (DiSLL),
University of Padua (Università degli Studi di Padova)
Via Beato Pellegrino 28, 35137, Padua (Italy)
rosanna.benacchio@unipd.it

Марко Биасио

аспирант,
Департамент лингвистических и литературных исследований,
Падуанский университет / Новисадский университет
Ул. Беато Пеллегрино 28, 35137, Падуа (Италия)
marco.biasio.1@phd.unipd.it

Marco Biasio

PhD student,
Department of Linguistic and Literary Studies (DiSLL),
University of Padua (Università degli Studi di Padova) / University of Novi Sad
Via Beato Pellegrino 28, 35137, Padua (Italy)
marco.biasio.1@phd.unipd.it

**К вопросу об употреблении презентных форм
совершенного и несовершенного вида в хорватском языке²²**

Аннотация Целью настоящего исследования является изучение видо-временных форм презенса в хорватском языке. Как неоднократно отмечалось в литературе, употребление вида в настоящем времени в этом языке не является столь нормативным, как, например, в русском языке, где употребление презенса совершенного вида в нефутуральном толковании сильно ограничено и допускается, как широко известно, только в маркированных контекстах. В хорватском же языке появляется вариативность СВ и НСВ, смысл и функция которой, как кажется, улавливается с трудом. В статье уделяется особое внимание итеративным

²² Настоящая статья является результатом совместной работы двух авторов. Раздел 1 был написан Р. Бенаккьо, в то время как М. Биасио принадлежит раздел 2. «Введение» и «Заключение» формулировались совместно.

(ср. *Kad sam žedan popijem*^{CB} *pivo* наряду с *Kad sam žedan pijem*^{HCB} *pivo* ‘Когда мне пьется, пью пиво’) и вопросительно-отрицательным (*Zašto joj ne napišeš*^{CB} *poruku?* ‘Почему ей не напишешь сообщение?’ наряду с *Zašto joj ne pišeš*^{HCB}? ‘Почему ей не пишешь?’) контекстам, т. е. контексты, отличающиеся атемпоральностью, (модальной) разобщенностью от момента высказывания. Именно в этих контекстах на выбор вида влияют, как ключевой фактор, акциональные характеристики глагола, в том числе семантические факторы (более или менее определенного) окружающего его контекста. Между этими факторами перечисляются определенность и/или квантифицирование прямого дополнения и соответствующее достижение внутреннего предела предиката, т. е. степень терминативности глагольного предиката: присутствие прототипического агенса/субъекта; присутствие темпоральных показателей; степень контролируемости действия и т. д. Примеры в основном взяты из Национального корпуса хорватского языка (HNK), хотя некоторые из них являются результатом опроса информантов.

Ключевые слова: вид, презент, хорватский язык, конкуренция видов, итеративные контексты, отрицание, усиленная отрицательная полярность.

On the the use of aspect in Croatian present tense

Summary In this study it is undertaken a functional analysis of tempo-aspectual forms in Croatian present tense. It has already been noted in the literature that aspect fluctuation in Croatian present tense forms (roughly, perfective vs. imperfective present) is a much more common phenomenon than other Slavic languages, e. g. Russian (which allows for the perfective present to appear in its non-futural meaning only in particular, stylistically marked contexts), even though the mechanism underlying the aspectual choice does not seem to be always clear, for Croatian perfective present (unlike Russian perfective present) generally does not hold a futural reading. Special attention is paid to iterative (cf. *Kad sam žedan popijem*^{PF} *pivo* along with *Kad sam žedan pijem*^{IPF} *pivo* ‘When I am thirsty, I like to drink beer’) and interrogative-negative contexts (*Zašto joj ne napišeš*^{PF} *poruku?* ‘Why don’t you write her a message?’ along with *Zašto ne pišeš*^{IPF}? ‘Why don’t you write her?’), which are classic instantiations of atemporal contexts. It is argued that the aspectual choice is mainly determined by the actional properties of the verbal predicate, including the presence of a definite direct object, the telicity of the predicate, the presence of temporal markers, the controllableness of the event itself, and the like. The majority of the examples are taken from the Croatian National Corpus (HNK), while some of them have been directly elicited from Croatian native speakers.

Key words: aspect, present, Croatian language, aspectual concurrence, iterative contexts, negation, strengthened negative polarity.

Введение

Целью настоящего исследования является изучение видо-временных форм презенса в хорватском языке. Как известно, причины и критерии употребления вида в настоящем времени в этих языках не так легко определить. Строгие правила касаются в основном формы презенса, выражающей актуально-длительное значение, которая может появляться только в НСВ (*–Šta radiš? – Čitam knjigu/*Pročitam knjigu*), никак не конкурируя с СВ, употребление которого ограничено в сложноподчиненных предложениях (*Oni traže da pročitam knjigu/Ako/Kad/Čim pročitam (*čitam) knjigu, javit ću vam*) (это т. н. «относительный презенс»).

Однако в других случаях, касающихся неактуальных значений, употребление СВ и НСВ не так чётко разграничивается, и появляется конкуренция между двумя видовыми формами, смысл и функция которой улавливается с трудом.

Помимо атемпоральных (как, например, гномический, исторический презенс и т. д.) имеются в виду итеративные контексты (ср. *Kad sam žedan popijem pivo* наряду с *Kad sam žedan pijem pivo*), а также вопросительно-отрицательные (*Zašto ne napišeš knjigu?* наряду с *Zašto ne pišeš?*) и др.

В данной работе мы обратимся к некоторым из этих случаев конкуренции, а именно к итеративным контекстам (§ 1) и вопросительно-отрицательным (§ 2), стараясь определить принципы выбора одного или другого вида.

Из-за ограниченного объема статьи, мы сосредоточим свое внимание на хорватском языке, не обращаясь к примерам из сербского языка. Однако, насколько нам удалось увидеть, сербский обладает теми же характеристиками.

Приведенные в работе примеры взяты из Национального корпуса хорватского языка (НК), а именно из публицистической литературы последнего десятилетия. При отсутствии указания на источник, примеры являются результатом опроса информантов.

1. Итеративные контексты

Анализируя примеры, выражающие итеративное значение в настоящем времени в независимых предложениях, мы нашли примеры употребления как НСВ, так и СВ. Однако такое колебание оказалось не случайным: в нем можно увидеть некую закономерность, связанную прежде всего с акциональным характером предиката. Иными словами, глаголы, выражающие (многократное) достижение предела,

появляются, как правило, в СВ, в то время как глаголы, не выражающие его, появляются в НСВ. Результативная акциональная характеристика предиката чаще всего выражается не только глаголом, а всем окружающим его контекстом, т. е. разными языковыми средствами (это прямой объект единственного числа, прямой объект множественного числа с референтным значением, определенные обстоятельства места и времени, синтаксические конструкции, создающие цепь действий и т. д.), способствующими появлению событийного характера действия и, следовательно, выбору СВ. См. следующие примеры, в которых представлены формы СВ и НСВ презенса глагола *pisati/napisati* 'писать/написать' в итеративном значении.

- (1) *Poeziju pišem^{нсв} impulsivno, ne pišem je mjesecima, onda sjednem i u tri dana napišem^{св} pola zbirke.* [HNK_v30, doc#7823] 'Стихи пишу^{нсв} импульсивно, не пишу их месяцами потом сажусь и в три дня пишу^{нсв} половину сборника.'

В примере (1) первая форма, в НСВ, выражает нетерминативное действие, объект которого является неисчисляемым и, следовательно, неспособным выражать события, см. (Бенакьо, Пила 2015, 85). Более того, глагол сопровождается наречием, фокусирующим внимание на способе осуществления действия, а не на достижении предела. Наоборот, вторая форма сопровождается квантифицированным прямым объектом и, кроме того, обстоятельством времени, а именно «показателем срока завершения» (Падучева 1996, 167). В данном случае глагол обозначает событие и не случайно выражается СВ. Кстати, интересующей нас глагольной форме (*nāpīšēm*) предшествует другая форма в СВ (*sjědnēm*), которая образует с ней цепь действий. Как известно, это тоже контекст, способствующий актуализации предельного момента, так как последовательность действий в цепи предполагает их законченность. Подобный контекст последовательных действий появляется и в следующих примерах (2) и (3). Следует также отметить, что в (2) глагол сопровождается прямым объектом в единственном числе, а также показателем результативности «до края».²³

²³ Стоит отметить, что (2), а также, возможно, (1) и (3), можно толковать как пример т. н. «наглядно-примерного» значения, т. е. значения, которое вообще в славянских языках (в том числе и в русском) способствует употреблению СВ. Однако, как справедливо пишет Д. Войводич по поводу сербского языка, здесь употребление настоящей формы СВ в таких случаях свободнее и стилистически нейтральнее, чем в русском (Войводич 1998, 125).

- (2) *Katkad u sebi dugo nosim naslov ili nekoliko riječi, početak neke pjesme. Onda mi se jednog dana nastavak iznenada po javi i ja onda napišem^{cb} pjesmu do kraja.* [HNK_v30, doc#48855]

‘Иногда я долго ношу в себе название или несколько слов, начало нескольких песен. Потом вдруг неожиданно передо мной появляется продолжение, и тогда пишу^{ncb} песню до конца.’

- (3) *Scenarij napišem^{cb} sama i onda ga dakako pokazem ostalima.* [HNK_v30, doc#153055]

‘Сценарий пишу^{ncb} одна, и только потом показываю его остальным.’

Можно еще сравнить следующие примеры, где употребляется СВ, выражающий многократное (точнее, узуальное) результативное действие. В (4) прямой объект во множественном числе является референтным (некоторые, определенные, тексты, а не другие), к тому же в окружающем контексте есть наречие времени — показатель срока завершения. В (5) и (6) следующий за глаголом прямой объект в единственном числе указывает на результативный характер действия. В последнем примере стоит сравнить форму СВ с предыдущей формой НСВ, за которой следует нереферентный квантификатор, не способствующий актуализации предела действия. См.:

- (4) *Neke pjesme napišem^{cb} za 15 minuta, za druge mi treba više vremena, ovisi o temi.* [HNK_v30, doc#41547]

‘Некоторые песни пишу^{ncb} за 15 минут - ОК, для других мне нужно больше времени. Это зависит от темы.’

- (5) *Svaki put kada imam priliku djelovati, napišem^{cb} tekst.* [HNK_v30, doc#176720]

‘Каждый раз, когда мне представляется возможность, пишу^{ncb} текст.’

- (6) *Ne pišem^{ncb} mnogo. Svake dvije godine napišem^{cb} knjigu, i ona „izade” brzo.* [HNK_v30, doc#52992]

‘Не пишу^{ncb} много. Каждые два года пишу^{ncb} книгу, а она получается быстро.’

Интересным является также следующий пример (7), где противопоставлены формы СВ и НСВ. Первая (*napišem*) обозначает результативный характер действия. Несмотря на то, что глагол появляется без прямого объекта, действие *pisati* <u dněvník> является явно терминативным, и СВ здесь актуализирует предел действия.

Наоборот, при употреблении второй формы (*pīšēm*) актуализации предела не происходит. См.:

- (7) *U takvim trenucima shvatim da nisam Homer, a ni Vergilije, i velikom gestom obećam da neću više ni retka napisati, a to naravno **na**pišem^{ncb} u dnevnik, pa opet — **pi**šem^{ncb}.* [HNK_v30, doc#49055]

‘В такие моменты я понимаю, что я не Гомер, и не Вергилий, и великим жестом обещаю, что не напишу больше ни строчки, а это, конечно, *пишу*^{ncb} в свой дневник, несмотря на это, потом снова *пишу*^{ncb}.’

Следующие примеры иллюстрируют другие, типичные контексты, способствующие выбору НСВ при выражении итеративности. Это чаще всего конструкции, выражающие предмет речи (8–9) или образ действия (10–11), которые не способны актуализировать предел действия: действие представляется непредельным.

- (8) *Za sada **pi**šem^{ncb} o onome što znam i što mi je na dohvat ruke.* [HNK_v30, doc#8809]

‘Пока я *пишу*^{ncb} о том, что знаю, о том, что знаю, и о том, что находится у меня под рукой.’

- (9) *Tim sjećanjima ne **pi**šem^{ncb} o sebi, nego o njima: o mojim roditeljima.* [HNK_v30, doc#6690]

‘С такими чувствами я не *пишу*^{ncb} о себе, а о них, о моих родителях.’

- (10) *Priče ipak **pi**šem^{ncb} u kontinuitetu, razmišljajući. Poeziju **pi**šem^{ncb} iz srca, iz emocija.* [HNK_v30, doc#7823]

‘Рассказы все-таки *пишу*^{ncb} долго, вдумываясь. А стихи *пишу*^{ncb} сердцем и душой.’

- (11) *Ali ovaj film nikada nije trebao biti komedija, jednostavno **pi**šem^{ncb} na taj način.* [HNK_v30, doc#8809]

‘Но этот фильм никогда не должен был быть комедией. Я просто так *пишу*^{ncb}.’

Такого рода примеры, с такой же зависимостью вида и контекста, встречаются в корпусе и с другими терминативными глаголами. Везде презенс СВ употребляется, с большей или меньшей частотностью, не только в сложноподчиненных предложениях, но и в независимых. Однако это бывает только в тех случаях, когда речь идет о событиях, т. е. когда глагол называет действие, достигшее своего предела; наоборот, презенс НСВ встречается (кроме случаев актуально-длитель-

ного значения), когда действие или не является терминативным, или просто не актуализирует достижение предела.

Подобная ситуация характеризует и другие славянские языки, такие как словенский (Бенаккьо, Пила 2015), чешский (Stunová 1993, Петрухина 2000, 64–76) и словацкий (Исаченко 1960, 453–454). Как и в этих языках в хорватском языке (в отличие от русского), при выражении итеративности событийный характер повторяющегося, но каждый раз заканчивающегося терминативного действия, не нейтрализуется: доминирует акциональная характеристика глагола.

2. Отрицательно-вопросительный презенс

Для хорватского литературного языка характерным является употребление презенса СВ в контексте усиленной отрицательной полярности, а точнее, при обязательном сопричастии в предложении вопросительного местоимения (типа *zâšto* или *štò* ‘почему’) и приглагольного отрицания. Ради ясности, эту контекстуально обусловленную видо-временную форму мы будем называть здесь *отрицательно-вопросительным презенсом* (далее ОВП).

Речь идет о нижеуказанных предложениях (см. примеры (12)–(14)):

- (12) *Zašto nam ne dođeš^{CB} u goste?*
‘Почему не придешь к нам в гости?’
- (13) *Zašto joj ne kupite^{CB} jaknu koja joj treba?*
‘Почему ей не купите куртку, которая ей нужна?’
- (14) *Zašto ne pomogneš^{CB} svojoj sestri?*
‘Почему не поможешь сестре?’

К теме ОВП в хорватском (а также в сербском) языках недавно вернулись, в числе прочих, такие языковеды, как С. Танасич (Танасић 1996, 169–170) и Д. Войводић (Вojводић 2019). Эти работы опираются, прежде всего, на определение и декомпозицию многочисленных семантических (функциональных) слоев, присущих этому синтаксическому обороту в целом.

В частности, в (Вojводић 2019, 19–21) предложения типа (12) анализируются на двух уровнях: во-первых, на прагматическом уровне высказывания и, во-вторых, на уровне семантического содержания события. Так, по мнению автора, пример (12) можно толковать с использованием следующих трансформаций, перечислен-

ными в порядке возрастания (прагматической) маркированности в (12a)–(12c):

- (12) *Zašto nam **ne dođeš**^{CB} u goste?*
- (12a) *Dođi!* (≡ *Ja te pozivam*)
'Приходи! (≡ Вызываю тебя)'
- (12b) *Zašto **nećeš** / **ne želiš da dođeš**?* (*u zakazano vreme i mesto*)
'Почему не хочешь прийти? (в назначенное время и место)'
- (12c) *Zašto / zbog čega / zbog kojeg razloga **ne dolaziš**?* (*uopšte; tako dugo; više*)
'Почему / По какой причине не приходишь? (вообще; так долго; больше)'

Переформулировкой в (12a) выделяется прагматическая импликатура приглашения: хотя предложение (12) синтаксически образовано в виде вопроса, оно функционально употребляется в качестве косвенного директивного речевого акта, который можно заменить другими грамматическими средствами (напр., формой повелительного наклонения типа *Dóđi!* 'Приходи!' или эксплицитным перформативным высказыванием типа *Ja te pozivam* 'Вызываю тебя').

В (12b) и (12c) ОВП обогащается разными модальными оттенками, которые, по-видимому, возникают при взаимодействии лексической семантики предиката и его субъекта в контексте усиленной отрицательной полярности. В частности, в то время как в (12b) выдвигается на первый план внутренняя нерасположенность субъекта к выполнению действия (*ne dođeš* в значении *nećeš da dođeš / ne želiš da dođeš*), в (12c) скорее подчеркивается, что субъекту нельзя/не разрешается/невозможно выполнить одно и то же действие.

Употребление ОВП обеспечивается соприсутствием прототипического (т. е. одушевленного, контролирующего ситуацию) агенса и контролируемого им действия, которое должно быть терминативным. Это может объяснить, напр., почему в нижеуказанных примерах (15) и (16) употребление ОВП либо не является грамматически приемлемым, либо вызывает прагматические аномалии:

- (15) **Zašto joj **ne napišeš***^{CB}?
*'Почему ты ей не напишешь?'
- (16) ?*Zašto **ne padneš***^{CB}?
?'Почему же не упадешь?'

С одной стороны, в предложении (15) приставочный глагол СВ *napisati*, без эксплицитно выраженного объекта, употребляется так, как будто он принадлежит к акциональному классу деятельностей. Предложение снова становится грамматически приемлемым при вставке прямого дополнения (обобщенного, напр. *nešto* ‘что-то’, или более референтного типа, напр. *pòruku* ‘сообщение’, напр. *Zašto joj nešto/poruku ne napišeš?*) или при замене СВ формой НСВ *písati* (который, как правило, в зависимости от присутствия внутреннего объекта можно толковать либо как деятельность, напр. *Zašto joj ne pišeš?*, либо как свершение, напр. *Zašto joj nešto ne pišeš?*).

С другой стороны, хотя предикат в примере (16) отличается крайней терминативностью (глагол *pàsti* ‘упасть’ принадлежит к акциональному классу достижений), он не является (вполне) контролируемым, т. е. субъект не может осознанно принять решение о том, чтобы направить свои силы на достижение результата собственного падения. Это необычные предложения, которые могут приобрести новый смысл только в особых (маркированных) контекстах, напр., в ироническом стиле.

Итак, употребление ОВП в контексте усиленной отрицательной полярности обеспечивается, прежде всего, общим свойством неактуальности описанной высказыванием ситуации, а также степенью терминативности глагольного предиката и, наконец, контролируемостью действия, что свидетельствует о маркированности данной глагольной формы.

3. Заключение

В этой статье были проанализированы, с функциональной точки зрения, некоторые маргинальные употребления презенса совершенного вида в хорватском языке, отличающиеся неактуальностью выраженной ситуации, в частности в итеративных и узуальных контекстах (§ 1) и в контекстах усиленной отрицательной полярности (§ 2).

В обоих случаях оказалось, что при выборе СВ (или НСВ) ключевым является терминативный (или нетерминативный) характер глагольного предиката, а также, во втором случае, контролируемость действия.

Такой результат имеет немаловажное значение для изучения функций глагольного вида в сравнительном плане и показывает интересные параллели с другими славянскими языками, особенно с западными. Начатый здесь анализ будет расширяться и углубляться, в том числе на материале сербского языка, принимая во внимание не только другие корпуса но и свидетельства информантов-носителей языка.

ИСТОЧНИКИ

Hrvatski nacionalni korpus (HNK), доступен по ссылке http://filip.ffzg.hr/cgi-bin/run.cgi/first_form (последний просмотр: 18/11/2019)

ЛИТЕРАТУРА

Бенаккьо, Р., Пила, М. (2015) Выражение вида в контекстах неограниченной кратности в словенском языке в сопоставлении с русским. В кн.: Р. Бенаккьо (ред.), *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст*. Мюнхен, Берлин, Вашингтон: Verlag Otto Sagner, с. 79–91.

Войводић, Д. (1998) Русский и сербско-хорватский перфективный презент в сопоставительном аспекте. *Зборник Матице српске за славистику*, 54–55, с. 119–147.

Војводић, Д. (2019) О видско-временској синонимији и метафори у српском, руском и другим словенским језицима. *Славистика*, 23(1), с. 11–44. doi: <https://doi.org/10.18485/slavistika.2019.23.1.1>.

Исаченко, А. В. (1960) *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть вторая*. Братислава, Издательство Словацкой Академии Наук.

Ковачевић, М. (2008) Конкурентност двају футура и перфективног презента у савременом српском језику. *Зборник Матице Српске за славистику*, 73, с. 195–212.

Падучева, Е. В. (1996) *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва, Языки славянской культуры.

Петрухина, Е. В. (2000) *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. Москва, Издательство МГУ.

Танасић, С. (1996) *Презент у савременом српском језику*. Београд, Институт за српски језик САНУ.

Stunová, A. (1993) *A Contrastive Analysis of Russian and Czech Aspect: Invariance vs. Discourse*. Doctoral Dissertation, Amsterdam.

SOURCES

Hrvatski nacionalni korpus (HNK), available at http://filip.ffzg.hr/cgi-bin/run.cgi/first_form (last access: 18/11/2019)

REFERENCES

Benacchio, R., Pila, M. (2015) Vyrazhenie vida v kontekstakh neogranichennoj kratnosti v slovenskom yazyke v sopostavlenii s russkim [The expression of aspect in the contexts of unlimited repetition in Slovenian in comparison with Russian]. In: R. Benacchio (ed.), *Glagol'nyj vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst [Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context]*. München; Berlin, Washington D. C. : Verlag Otto Sagner, pp. 79–91. (In Russian)

Vojvodich, D. (1998) Russkij i serbsko-khorvatskij perfektivnyj prezens v sopostavitel'nom aspekte [The perfective present in Serbo-Croatian and Russian in comparative aspect]. *Zbornik Matitse srpske za slavistiku* [*Matica Srpska – Journal of Slavic Studies*], 54–55, pp. 119–147. (In Russian)

Vojvodich, D. (2019) O vidsko-vremenskoj sinonimiji i metafori u srpskom, ruskom i drugim slovenskim jezitsima [On tempo-aspectual synonymies and metaphors in Serbian, Russian, and other Slavic languages]. *Slavistika*, 23(1), pp. 11–44. doi: <https://doi.org/10.18485/slavistika.2019.23.1.1>. (In Serbian)

Isachenko, A. V. (1960) *Grammaticheskij stroj russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya. Chast vtoraya* [*The Russian grammatical system in comparison with Slovak. Morphology. Second part*]. Bratislava, Izdatel'stvo Slovatskoj Akademii Nauk (Slovak Academic Press). (In Russian)

Kovachevich, M. (2008) Konkurentnost dvaju futura i perfektivnog prezenta u savremenom srpskom jeziku [The opposition of the two futures and the perfective present in contemporary Serbian]. *Zbornik Matitse Srpske za slavistiku* [*Matica Srpska – Journal of Slavic Studies*], 73, pp. 195–212. (In Serbian)

Paducheva, E. V. (1996) *Semanticheskie issledovanija. Semantika vremeni i vida v ruskom yazyke. Semantika narrativa* [*Semantic investigations. The semantic of tense and aspect in Russian. The semantic of narrative*]. Moscow, Jazyki slavyanskoj kul'tury (LRC Press). (In Russian)

Petrukhina, E. V. (2000) *Aspektual'nye kategorii glagola v ruskom yazyke v sopostavlenii s cheshkim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim yazykami* [*The aspectual categories of the Russian verb in comparison with Czech, Slovak, Polish, and Bulgarian*]. Moscow, Izdatel'stvo MGU (Moscow University Press). (In Russian)

Tanasich, S. (1996) *Prezent u savremenom srpskom jeziku* [*The present in contemporary Serbian*]. Belgrade, Institut za srpski jezik SANU (Institute for the Serbian Language of SASA). (In Serbian)

Stunová, A. (1993) *A Contrastive Analysis of Russian and Czech Aspect: Invariance vs. Discourse*. Doctoral Dissertation, Amsterdam.

Елена Георгиевна Борисова

Доктор филологических наук, профессор, профессор ГАОУ ВО г. Москвы
«Московский городской педагогический университет»
Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4
efcomconf@list.ru

Elena G. Borisova

Dr. Hab., Prof., Professor of the Moscow City University
4, 2nd Selskohozyastvenny pr., Moscow, 129226, Russia
efcomconf@list.ru

Глагольный вид как средство выражения модальных значений (прагматический аспект)

Аннотация. В статье представлена модель, объясняющая и предсказывающая появление модальных значений видовых форм в условиях конкуренции видов, т. е. реального отсутствия выражения видовых оппозиций. Правила выбора вида связываются с принципом релевантности в рамках взаимодействия говорящего и слушающего. Этот подход, называемый интерактивным, используется при описании речевых штампов, процедур выбора из близких по значению лексических единиц. Применение его к категории вида позволяет описать различные особые случаи выбора видовых форм, в том числе и те, при которых выбор определяется дополнительными оттенками значения, а именно, модальными.

Ключевые слова: постулаты Грайса, принцип релевантности, конкуренция видов, импликатура, значение возможности, значение запрета.

The Verbal Aspect as a Tool of Expressing Modal Meanings

Summary. The article presents the model of the speech activity that explains and predicts the modal meanings of the Verbal Aspect while the grammemes of the Perfective and Imperfective do not express aspectual oppositions (the competing of aspects). The model is based on the pragmatic principles declared by H. P. Grice, first of all the principle of Relevance and presses the implicatures made by the Hearer while understanding a message (including its Grammar). Such approach called interactive, is used in phraseology, lexicology, pragmatics when it goes about choosing proper lexeme or speech formula. The same model

demonstrates the possibility of marking the difference between two types of modality while using The Russian markers *mozhno* ('you can' or 'you may') and its negation *nel'zya*.

Key words: Gricean principles. The principle of Relevance, the competing of aspects. Implicatures, alethic modality, deontic modality.

1. Представление семантики вида

Русский глагольный вид представляется противоречивым явлением в системе грамматических категорий. Практически все категории, в том числе семантически нагруженные (т. е. передающие лексическое значение) могут быть представлены в виде прототипического ядра и периферийных частных значений или оттенков. Это относится к категориям числа, времени, определенности. Иными словами, вопрос о главном содержании категориального противопоставления в целом очевиден, споры вызывают только оттенки и частные случаи (хотя нередко споры могут быть серьезными). В случае русского глагольного вида вопрос о главном содержании видового противопоставления не просто не решен, но иногда вообще отодвигается на задний план, и основные процедуры выбора связываются с частными значениями, которые, в свою очередь, не вполне однозначно формулируются. В этом смысле особое внимание привлекает противопоставление двух частно-видовых значений: общефактическое НСВ и конкретно-фактическое СВ.

Содержание данных видовых значений формулируются так, что непонятно, насколько это содержание относится к виду, а насколько к значению предикации. Действительно, смысл «действие имело место», что объявляется содержанием общефактического значения, передается предикацией и прошедшим временем (для будущего времени это значение обычно не рассматривается). То, что данные значения практически не связаны с видовыми, приводит к тому, что выбор видовой формы не предсказывается исходя из выражаемого содержания. Эту ситуацию называют конкуренцией видов глагола. (Рассматривают и другие формы конкуренции, в частности, при выражении многократности. Однако там имеется реальное значение, связанное преимущественно с глагольным видом, и поэтому этот случай вызывает меньше вопросов и находится на периферии обсуждения конкуренции).

Внимательные наблюдения над особенностями употребления глагольного вида в случае конкуренции показали, что видовые формы не являются взаимозаменяемыми, и в некоторых контекстах употре-

бление иного вида приводит к ошибкам (Рассудова 1982, 20). В результате в рамках описания русского языка для нужд РКИ было выработано понятие «трудные случаи», под которым подразумевались правила выбора вида в конкурирующих контекстах. Их описание включает в себя вычленение контекстов и толкование тех оттенков значения, которые в них реализуются.

Самым распространенным можно считать противопоставления двух оттенков значения: сохранение vs несохранение результата для глаголов перемещения (и некоторых других) в прошедшем времени:

- (1) *Извини, я брал твой планшет, но от вирусов почистил.*
И
- (2) *Ребята, кто взял мой планшет? Мне он нужен для работы.*

Это же противопоставление реализуется и с глаголами *послать* (в том числе, по электронной почте), *написать* и некоторых других:

- (3) *Я писал в правительство, но без толку.*
- (4) *Я написал губернатору. Уверен, что мне ответят.*

В таких случаях под результатом можно понимать сохранение актуальности информации: *писал* — значит, действие было, но его результаты или отсутствуют, или уже неактуальны. А *написал* означает, что актуальность информации, наличествующей у адресата, все еще сохраняется.

Четкость противопоставления и относительно большой лексический материал, вовлеченный в оппозицию, иногда заставляет говорить о наличии особой категории, близкой к грамматической (Гловинская 1986).

В число контекстов, выносимых в особые («трудные») случаи, относят (для прошедшего времени) вопросы о субъекте

- (5) *Кто открыл/открывал дверь,*
наличие проблемы, связанной с действием:
- (6) *Зачем окно открывали? Теперь ручка сломана.*
«Трудные» случаи с инфинитивом включают использование отрицания и наращение модального значения:
- (7) *Ему не открыть — не открывать окно*
и сочетания с модальными словами *можно* и *нельзя*.

В императиве описываются также оттенок начала действия у несовершенного вида («приступ к действию»), хотя здесь можно усмотреть процессное значение НСВ.

Также учитываются различия в степени вежливости (реально — в типе речевого акта) у глаголов разного вида: просьбу следует выражать совершенным видом, а приглашение или разрешение несовершенным.

2. Глагольный вид как многоуровневая категория

В результате описание глагольного вида, предназначенное для активного использования, выглядит как многоуровневая конструкция, где помимо общекатегориального противопоставления (не совсем определенного и вследствие этого не операционального) мы имеем еще и частные значения, которые существенно больше нам говорят о выражаемых смыслах. Однако и они далеко не всегда выявляются даже в тех случаях, когда выбор вида оказывается значимым. Многие типичные контексты требуют «штучного» описания. При этом значимыми оказываются семантические оттенки, которые можно связать с другими категориями.

В этом смысле особенно интересным мы считаем появление (вернее, уточнение) модального значения в контекстах, где модальные значения выражаются традиционными для русского языка способами: инфинитивом, сочетаниями инфинитива со словами *можно* и *нельзя*. В них с большей или меньшей степенью однозначности проявляется связь значения долженствования или разрешенности с несовершенным видом

- (8) *Ему ходить!*
- (9) *Можно заканчивать*

и значения физической возможности-невозможности с совершенным видом:

- (10) *Вам этого не понять!*
- (11) *Нельзя очистить компьютер от вирусов.*

Возможность выражения указанных значений не является абсолютной. В некоторых случаях (Борисова 2006, 86) совершенный вид может использоваться для выражения запрета:

- (12) *Нельзя вот так просто взять и отдать тебе не принадлежащее.*

Возможно и обратное, а именно использование несовершенного вида: для выражения физической невозможности:

- (13) *Нельзя оставаться в холодной воде дольше определенного времени.*

Для моделирования использования вида при выражении модальных значений еще в 80-е годы прошлого века (Rapraort 1986, 210) предлагалось обратиться к поведению говорящего, который выбирает требуемую грамему с позиций постулатов речевого общения. В частности, в конструкции *нельзя*+инфинитив использование НСВ в примерах типа (11) объяснялось тем, что НСВ можно понять и как достижение результата, и как попытку, тогда как СВ обозначает только достижение результатов, и поэтому с точки зрения постулатов Грайса употребление СВ в значение невозможности достижения результата предпочтительнее, т. к. позволяет быть более однозначным, т. е. более удобным для Слушающего.

3. Метод описания значения в условиях конкуренции

Рассмотрим выбор глагольной видовой формы в условиях отсутствия потребности выражать видовое противопоставление (а точнее, видовые противопоставления, т. к. как мы показали выше, их несколько). Включим в рассмотрение не только случаи выражения модальных оттенков, но и прочие возможности, выражаемые несовершенным видом.

Обращение к постулатам речевого общения позволяет выработать интерактивную модель говорения, относимую как к грамматике (Борисова 2017, 99), так и к лексике. Ключевым положением этой модели является предположение, что говорящий выбирает ту форму (слово, грамему), которая будет понята слушающим наиболее полно. При этом, естественно, учитывается ситуация, когда точного соответствия выражаемому смыслу невозможно найти среди значений языковых единиц. В этом случае понимание осуществляется благодаря импликатурам: тем выводам, который слушающий делает с учетом контекста, общих представлений о реальности.

(Важным параметром является длина и вероятность импликации: естественно, более легко понимаются менее длинные цепочки выводов, особенно, если эти выводы вполне ожидаемы для носителя языка). Однако здесь мы на этом останавливаться не будем).

Слушающий, ориентируясь на эту установку, отбрасывает те варианты возможного понимания, для выражения которых есть более точные способы. Подобная модель позволяет отразить такие явления, как промежуточные степени приемлемости примеров, нюансы (оттенки) значений, ряд особенностей конкуренции граммем, в том числе видовых и некоторые другие явления (Шведова 1986).

Рассмотрим выбор нужного вида для выражения смысла «Говорящий хочет узнать лицо, которое осуществляло включение ком-

пьютера, который сейчас работает, но плохо». Возможны оба варианта:

(14) *Кто включил компьютер?*

и

(15) *Кто включал компьютер?*

Для передачи значения «Результат включения налицо» можно выбрать СВ: это подсказывает более короткая импликатура, ведущая от значения СВ «результат достигнут» к выражаемому смыслу «результат имеется». (Из общефактического значения НСВ тоже может быть получен вывод «результат имеется», но поскольку в этом случае НСВ может употребляться и тогда, когда результат достигнут, и тогда когда он не достигнут, у нас имеется более длинная цепочка выводов: действие имело место — следовательно, результат может быть достигнут, следовательно, он может существовать и сейчас. Как видим, цепочка выводов длиннее, к тому же включает не очень вероятную импликатуру «результат может быть достигнут») (Борисова 1997) (подчеркнута часть смысла, выраженная эксплицитно). Как мы уже отмечали, получившийся вывод может быть частично узуализирован, т. е. говорящий может опираться на то, что слушающий не только восстановит все выводы от основных частновидовых значений, но и представляет, что глагол *включить-включать* способен передавать значение сохранения результата.

Однако даже при условии, что результат сохранен (компьютер включен), говорящий способен употребить несовершенный вид [Рассудова 1982] в предложенном примере (15). В (Рассудова 1982) приведены случаи, когда употребление НСВ связано не с сохранением результата, а с вниманием к процессу:

(15') *Кто включал компьютер? Почему сразу не проверил его на вирусы?*

Утверждение о внимании к процессу заставляет заподозрить, что глагол реализует процессное значение НСВ. Однако в примере не хватает многих признаков этого частновидового значения: описания процесса (вряд ли включение компьютера представляло длительный процесс), характеристики его протекания, привязка к определенному отрезку времени. Гораздо проще предположить, что и в этом случае выбор вида осуществлен с учетом возможных импликатур. Пример (14) с СВ будет оптимальным для вопроса о личности. Однако в замысел говорящего входит дополнительный фрагмент «кто-то сделал это плохо». Тогда от значения СВ нужно выстроить вывод: результат

достигнут — следовательно, действие имело место и было завершено — следовательно, в ходе действия могло нечто произойти.

А от НСВ (общефактическое значение «действие имело место») выстраивается более короткая цепочка импликатур: действие имело место — следовательно, в ходе действия могло нечто произойти. Заметим, что использование СВ здесь тоже не исключается, т. к. разница в длине цепочки выводов не столь велика.

(15'') *Кто включил компьютер? Почему его не проверили на вирусы?*

Заметим, что здесь предложена прагматическая интерпретация понятия «обращается внимание на фрагмент смысла» или «фрагмент смысла находится в центре внимания»: «в центре внимания» означает «фрагмент, входящий в толкование грамлеммы или значения слова». А то, что мы отмечаем, как «не столь важное», «не попадающее в центр внимания», в этой модели получает место имплицитной информации, выводимой в ходе коммуникации.

4. Оттенки модальных значений как результат применения прагматических принципов

Рассмотрим теперь возможности описанного метода применительно к выражению значений возможности — невозможности и разрешения — запрета.

Прагматическая модель позволяет рассматривать этот случай: при необходимости выражения смысла, представляющего собой уточнение типа модальности, говорящий выбирает ту единицу, значение которой в большей степени соответствует его замыслу. Возможность в наблюдаемых контекстах связана с достижением результата, а это выражает СВ, тогда как запрет связан с постоянством, что выражает НСВ:

(16) *Входить нельзя! У врача женщина*

(17) *Войти нельзя — сработает сигнализация.*

Здесь, впрочем, следует отметить, что это правило не является абсолютным, ср.

(12) и (13).

Вывод может «перебиваться» более важными факторами. Например, передачей последовательных действий, для чего нужен СВ:

(18) *Нельзя поздороваться с человеком и тут же отвернуться от него.*

Заметим, что предложенное правило лучше работает с отрицаниями (это относится и к самостоятельным инфинитивам). В утвердительных конструкциях возникает возможность реализации и других оттенков. Например, в вопросе:

(19) *Можно выйти?*

использование СВ вызвано требованиями вежливости, предполагающими минимизацию объема запроса. Использование НСВ заставит предположить запрос на разрешение многократных действий или на немедленное начало действия («приступ к действию» в терминологии преподавателей РКИ), что предполагает больший объем разрешенного, чем просто дозволение совершить акт.

Однако в отсутствие других факторов, влияющих на выбор вида, отмеченные модальные оттенки выражаются видовыми формами:

(20) *Стол накрыт, можно открывать бутылки и*

(21) *Эту банку вполне можно открыть ножом!*

Такое поведение видов при выражении оттенков модальных значений вполне вписывается в требования выполнения принципа релевантности (Sperber, Wilson 1995) и дружелюбия при выражении необходимых смыслов.

Выводы

Глагольный вид представляет собой сложную категорию, которую можно рассматривать как совмещение нескольких категорий (или субкатегорий). Это противопоставление описания действия в процессе описанию действия как завершенного (или цельного) события. Отличается от этого противопоставление повторяющееся — однократное действие. У этих двух оппозиций имеется достаточно большое ядро пересечения, которое связано с представлением течения событий и может быть описано как представление описываемого времени. Если же действие имеет результат (изменение ситуации вследствие этого действия или события), то возникает еще и противопоставление достижение результата — стремление к результату. Это же противопоставление может присутствовать и в оппозиции кратности: многократными могут быть как завершенные, так и незавершенные действия.

Однако в нынешней ситуации далеко не все контексты привязываются к определенному времени. Для них выбор основывается на приближении к требуемому смыслу за счет импликатур с учетом

стремления участников общения к максимально полному пониманию.

Достаточно очевидные и регулярно повторяющиеся действия слушатели при выводе нужного смысла могут узуализироваться. Тогда значение или оттенок значения закрепляется в языке. Однако не всегда степень узуализации достаточно велика, чтобы рассматривать получившиеся повторяющиеся результаты как новую грамматическую оппозицию. Именно такова ситуация с оттенком «сохранение результатов и другими так называемыми «трудными случаями употребления видов».

Частично узуализированные случаи вступают во взаимодействие с другими смыслами, в том числе регулярными, грамматикализующимися. Возникают оппозиции, которые имеют черты новых категорий, однако не оформившиеся (возможно, пока) в них.

Процедуры вывода из видовых значений применяются и тогда, когда контекст предлагает возможность обозначения других противопоставлений. Именно так обстоит дело с обозначениями модальных оттенков словами можно и нельзя. В русском языке они могут передавать и деонтическую, и алетическую модальность, т. е. и разрешение — запрет, и возможность — невозможность. Видовые формы используются для выражения этого противопоставления в соответствии с выводами слушающего, процедура совершения которых предусмотрена интерактивной моделью, основанной на постулатах речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова, Е. Г. (1997) Проблема выбора вида (прагматическая точка зрения). В кн.: *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*. Т. 3. М.: Школа «Языки русской культуры», С. 18–26.

Борисова, Е. Г. (2006) Интерактивный подход в лингвистике: пределы применимости. В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог»*. М.: РГГУ, с. 84–88.

Борисова, Е. Г. (2017) Конкуренция в речепорождении: что определяет выбор грамем и лексем в «трудных случаях»? В кн.: Л. Л. Федорова (ред.), *Конкуренция в языке и коммуникации*. М.: РГГУ, с. 92–102

Гловинская М. Я. (1986) Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола. Дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ им. Ломоносова, 1986. 16,4 п. л.

Зализняк, Анна А., Шмелев, А. Д. (1997) *Лекции по русской аспектологии*. Muenchen: Verlag Otto Sagner, 151 с.

Рассудова, О. П. (1982) *Употребление видов глагола в современном русском языке*. М.: «Русский язык», 149 с.

Шведова, Л. Н. (1984) Трудные случаи функционирования видов русского глагола (к проблеме конкуренций видов). М.: Изд-во МГУ, 109 с.

Rappaport, Gilbert (1986) Aspect and Modality in Contexts of Negation. In: Michael S. Flier, Alan Timberlake (eds.), *The Scope of Slavic Aspect*. Columbus: Slavica Publishers, Inc., pp. 194–223.

Sperber, D., Wilson, D. (1995) *Relevance: Communication and Cognition*. 2nd ed. Oxford: Blackwell. 326 pp.

REFERENCES

Borisova, E. G. (1997) Problema vybora vida (pragmaticeskaya tochka zreniya) [The problem of aspect choice (the pragmatic perspective)]. In: *Trudy aspektologicheskogo seminara filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova [Proceedings of the aspectological seminar at the Philological faculty of Lomonosov Moscow State University]*. Vol. 3 Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury» Publ., pp. 18–26. (In Russian)

Borisova, E. G. (2006) Interaktivnyj podhod v lingvistike: predely primenimosti [The interactive approach in linguistics. Limits of the application.]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii Trudy Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog» [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference “Dialogue”]*. Moscow: RGGU Publ., pp. 84–88. (In Russian)

Borisova, E. G. (2017) Konkurenciya v recheporozhdenii: chto opredelyaet vybor grammem i leksem v «trudnykh sluchayakh»? [Competition in speech production: What determines the choice of grammemes and lexemes in “difficult cases”?] In: L. L. Fedorova (ed.), *Konkurenciya v yazyke i kommunikatsii [Competition in language and communication]*. Moscow: RGGU Publ., pp. 92–102. (In Russian)

Glovinskaya M.Ya. (1986) Teoreticheskie problemy vido-vremennoj semantiki russkogo glagola. .

Rappaport, Gilbert (1986) Aspect and Modality in Contexts of Negation. In: Michael S. Flier, Alan Timberlake (eds.), *The Scope of Slavic Aspect*. Columbus: Slavica Publishers, Inc., pp. 194–223. (In English)

Rassudova, O. P. (1982) *Upotreblenie vidov glagola v sovremennom russkom yazyke [The use of verb aspects in contemporary Russian]*. М.: «Russkij yazyk» Publ., 149 p. (In Russian)

Sperber, D., Wilson, D. (1995) *Relevance: Communication and Cognition*. 2nd ed. Oxford: Blackwell. 326 p. (In English)

Shvedova L. N. (1984) *Trudnye sluchai funkcionirovaniya vidov russkogo glagola (k probleme konkurencij vidov) [Difficult cases of Russian verb aspects functioning: verb aspects competition]*. М.: Izd-vo MGU Publ., 109 p. (In Russian)

Zaliznyak, Anna A., Shmelev A. D. (1997) *Lektsii po russkoj aspektologii [Papers in Russian Aspectology]*. Munich: Verlag Otto Sagner, 151 p. (In Russian)

Вальтер Брой

Доктор филологических наук, профессор
Университет г. Констанц,
Universitätsstr. 10, 78464 Konstanz, Германия.
walter.breu@uni-konstanz.de

Walter Breu

Dr. phil. habil, professor
University of Konstanz
Universitätsstr. 10, 78464 Konstanz, Germany
walter.breu@uni-konstanz.de

Взаимодействие глагольного вида с пассивом в молиско-славянском микроязыке

Аннотация. Доминирующие романские языковые разновидности сильно повлияли на функции глагольных видов молиско-славянского микроязыка, а конкретно — как на морфосинтаксическую оппозицию имперфекта и перфекта, так и на оппозицию перфективности (целостности) славянского типа СВ : НСВ. В молиско-славянском есть три пассивные конструкции, две из которых являются традиционными славянскими граммемами: *esse*-пассив (вспомогательный глагол *bit* ‘быть’ + страдательное причастие перфекта) и рефлексивный пассив. К ним присоединился в результате итальянского влияния венитивный пассив, образованный с помощью вспомогательной видовой пары *dokj/grem* ‘прийти/приходить’. Как и в итальянском, венитивный пассив является пассивом события, наряду с рефлексивным пассивом, в то время как *esse*-пассив может выразить, кроме того, и состояния.

Два традиционных пассива молиско-славянского, в принципе, образуются от корней обоих видов, за исключением причастий вторичных глаголов НСВ и с типичной специализацией причастий НСВ префиксальных видовой пар для выражения пассива события. В отношении рефлексивного пассива интересно, что добавление агенса исключается, так же, как и в итальянском. Употребление имперфекта и перфекта точно соответствует итальянскому во всех пассивах. Оппозиция перфективности служит для различения делимитативных (НСВ) и целостных действий (СВ) в перфекте, а также процессов (НСВ) и повторяющихся целостных событий (СВ) в имперфекте. При этом,

перфект НСВ как в страдательном, так и в действительном залоге включает ту же делимитативную функцию как делимитативные глаголы СВ с префиксом *по-* в русском, в то время как процессуальная функция у них исключается.

Венитивный пассив позволяет добавление агенса. Хотя и другие свойства венитивного пассива у этих двух контактных языков, в общем, совпадают (например, он исключается в перфекте), есть все-таки одна важная разница, а именно возможность недвусмысленного выражения кратности целостных событий с помощью имперфекта СВ в молизско-славянском микроязыке, которой нет в итальянском.

Ключевые слова: глагольный вид, пассив, молизско-славянский, итальянский, языковой контакт, венитивный пассив, рефлексивный пассив, партиципальный пассив, взаимодействие категорий вида

The interaction of verbal aspect and passive voice in the Molise Slavic micro-language

Summary. The dominating Romance varieties have strongly influenced the functions of the two aspect categories of the Molise Slavic micro-language, i. e. the morphosyntactic opposition of imperfect vs perfect and the opposition of perfectivity (totality) of the derivative Slavic type of perfective vs. imperfective. In Molise Slavic there are three passive constructions, two of them being traditional Slavic grammemes: the *esse* passive (auxiliary verb *bit* 'to be' + passive perfect participle) and the reflexive passive. As a result of the Italian influence, an additional venitive passive has developed, formed by the aspectually paired auxiliary *dokj/grem* 'to come'. As in Italian, the venitive passive is an eventive (dynamic) passive, just like the reflexive passive, whereas the *esse* passive may also express states.

The two Molise Slavic traditional passives are formed from the stems of both aspects, with a typical specialization of the imperfective participles in the eventive passive, except for secondary (suffixed) imperfective verbs, completely lacking passive participles. As for the reflexive passive, it is interesting that adding an agent is excluded, just like in Italian. The use of the imperfect and the perfect corresponds in all three types of the passive to Italian. The opposition of perfectivity, in contrast, allows for differentiating delimitative (imperfective) from total states of affairs (perfective) in the perfect and of processes (imperfective) from repeated (perfective) states of affairs in the imperfect. This means that the perfect of imperfective verbs includes in the passive voice, just like in the active, the same functions as delimitative perfective verbs with the prefix *po-* in Russian. In contrast, it cannot express processes.

The venitive passive is compatible with an overt agent. In spite of many other characteristics of the venitive passive coinciding in the two languages in contact (for example its exclusion from the perfect), there is, however, also an important difference, namely the possibility of unambiguously expressing repeated total events with the help of the perfective imperfect in Molise Slavic, absent in Italian.

Key words: verbal aspect, passive voice, Molise Slavic, Italian, language contact, venitive passive, reflexive passive, participial passive, interaction of aspect categories.

1. Введение

На молизско-славянском языке (МСЯ) говорят в трех деревнях в области Молизе в южной Италии. Праотцы сегодняшних молизских славян прибыли в Италию в 16-ом в. из Герцеговины. Поэтому самыми близкими славянскими стандартными языками по отношению к молизско-славянскому являются языки сербохорватского континуума (боснийский, сербский, хорватский). МСЯ — южнославянский микроязык — находится в ситуации абсолютного лингвистического контакта с романскими разновидностями (итальянский литературный язык, южный вариант разговорной речи и местный молизский диалект). Из-за этого он испытывает на себе множество романских влияний, как лексических, так и в сфере грамматики, в том числе в употреблении глагольных видов. В настоящей статье мы сосредоточимся на типах пассива МСЯ и обратим особенное внимание на неславянские влияния на этот залог и его взаимодействие с категориями глагольного вида.

2. Типы пассива МСЯ

Славянские языки, в целом, обладают *esse*-пассивом, образованным с помощью вспомогательного глагола ‘быть’ и страдательного причастия перфекта, а так же рефлексивным пассивом (рефлексивом). Напр., в русском языке они, в принципе, различаются употреблением вида глагола, и оба пассива связаны с агенсом в творительном падеже²⁴.

МСЯ кроме этих двух пассивов обладает еще третьей конструкцией, а именно *venire*-пассивом (венитивом), образованным по итальянской модели с помощью вспомогательной видовой пары *dokj/*

²⁴ По норме современного русского языка пассив СВ образуется преимущественно с помощью пассивного причастия, а пассив НСВ с помощью рефлексивных глаголов, напр. *письмо написано СВ мною, письмо пишется НСВ мною* (Шведова 1980, 615–617).

grem ‘прийти/приходить’ и страдательного причастия перфекта. Так же как в итальянском, вентив и рефлексивный пассив, ограничиваются выражением событий (= динамический пассив), в то время как *esse*-пассив может, помимо этого, выражать и состояния (= статический пассив). С другой стороны, рефлексив в обоих контактных языках не позволяет добавления агенса, в то время как у двух других пассивов агенс выражается с помощью предлога *do* и родительного падежа (Breu, Makarova 2019).

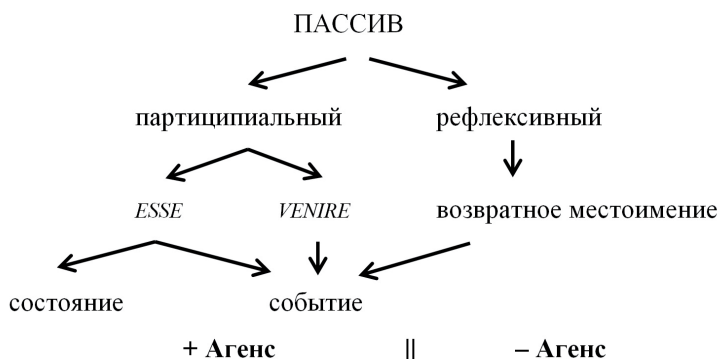

Рис. 1. Типы пассива в молізско-славянском языке: Обзор

3. Особенности употребления видов глагола в пассивах МСЯ

В молізско-славянском микроязыке есть две видовые оппозиции, оппозиция перфективности (целостности) СВ : НСВ деривационного славянского типа во всех временах и наклонениях и морфосинтаксическая оппозиция перфект²⁵ : имперфект, ограниченная прошедшим временем. Все комбинации граммем двух категорий возможны, среди них и «противоречивые», а именно имперфект СВ и перфект НСВ, которые обладают специальными функциями; ср., напр., делимитативную функцию перфекта НСВ типа *je rabija* ‘он поработал’. В общем можно сказать, что морфосинтаксический тип, существующий также и в романских контактных разновидностях, доминирует над деривационным, так что, напр., процессуальная и неограниченно кратная функции НСВ в перфекте (формы на *-l*) исключены (Breu 2006). Это соответствует исключению этих функций из перфекта в романских языках.

²⁵ Перфект МСЯ включает также функции бывшего аориста.

3.1. Партиципальный *esse*-пассив

В МСЯ причастие перфекта, которое употребляется в *esse*-пассиве, в принципе, образуется от всех переходных глаголов обоих видов, за исключением вторичных глаголов НСВ²⁶. Это значит, что, в отличие от русского языка, в этом пассиве возможна видовая оппозиция, хотя и только в префиксальных и супплетивных видовых парах.

Необходимо уточнить, что *esse*-пассив выражает кроме (кратного и некратного) события (1а), также и состояние, точнее говоря, состояние, результирующее из предыдущего действия (1б). Надо, однако, обратить внимание на взаимодействие с категорией времени. В презенсе, обе функции без дальнейшего контекста формально совпадают²⁷, по крайней мере, у суффиксальных видовых пар, использующих в обеих функциях пассива причастие СВ.

- (1а) *Moja sestra je kumbanjana do jenga medika.* (событие: процесс или кратность)
'Моя сестра **сопровождается** (*сейчас, всегда*) врачом.'
(1б) *Djavulila su frijane dobra.* (состояние)
'Стручки красного перца хорошо **прожарены**.'

То же самое действительно для будущего времени и для плюсквамперфекта, но в прошедшем времени морфосинтаксическая оппозиция видов играет особенную роль. В этой связи, имперфект выражает, кроме прочего, состояние (2а) или кратное событие в прошлом (2б), в то время как пассив перфекта выражает как состояние в настоящем, являющееся результатом события в прошлом (истинно перфектная функция), так и эпизодическое событие в прошлом (аористическая функция). Без дальнейшего контекста предложения

²⁶ Строгое исключение вторичных глаголов НСВ с суффиксами *-iva*, *-va* из образования пассивного причастия перфекта наблюдается также и в норме русского языка (Шведова 1980, 670), в противоположность сербохорватским стандартным разновидностям. Там такие причастия НСВ, как *ispitivan* от глагола НСВ *ispitivati* 'исследовать' употребляются, хотя и редко, в *esse*-пассиве для выражения кратных событий (Raguž 1997, 202; Polančec 2015). В МСЯ такие немногочисленные формы, как *kupovljen* ведут себя как прилагательные, напр., *ova je kupovljena magina* 'это купленная машина', но не употребляются в пассиве. Формы **kupivan* вообще не существует. Другими словами, из всей тройки *kupit* СВ / *kupivat* ~ *kupovat* НСВ 'купить/покупать' пассив образуется только от причастия СВ *kupljen*.

²⁷ В хорватском стандартном языке функция *esse*-пассива в презенсе ограничивается выражением состояния и кратных событий, в то время как однократные актуальные процессы выражаются исключительно рефлексивным пассивом (Raguž 1997, 201; Saavedra 2007, 230–231).

с пассивным перфектом часто полисемичны (2в), но, напр., предложение (2г) ясно относится к событию.

- (2а) *Zgora jenga libra **biša dizenjan** pasadž segret.* (имперфект, состояние)
'В одной книге был нарисован потайной ход.'
- (2б) *Lani **bihu** spisa **mitan** za jist do moga cila.* (имперфект, кратное событие)
'В прошлом году я бывал часто приглашен на обед моим дядей.'
- (2в) *Su **njimi bil** **dajene** žene.*
'Им **были даны** жены.' (перфект, состояние в смысле «у них теперь жены, которых им дали» или событие «им тогда дали жен»)
- (2г) *Kada **je bija** **furnjan** put novi, je sa čila fešta ustri kjace.* (перфект, событие)
'Когда **была закончена** новая улица, был устроен праздник на площади.'

Пассив образуется и от неопределенных переходных глаголов, но в этом случае он обладает только псевдособытийной, а не результативной функцией. Перфект пассива у этих глаголов относится только к прошедшему времени с делимитативной функцией, напр., *Ščera je bila amana do matere dokla nije umbrala* 'Дочь была любима матерью, пока не умерла'.

У префиксальных видовых пар наблюдается сильная тенденция к исключению причастия СВ из передачи актуальных процессов. Следовательно, в таких парах как *varit* НСВ / *svarit* СВ 'при/готовить' процесс выражается главным образом причастием НСВ, как в презенсе, так и, реже, в имперфекте, в противоположность причастию СВ, выражающему состояние в презенсе и имперфекте и целостное событие в перфекте. См., напр., видовую пару: *bròd je varen* НСВ *do matere* 'соус готовится матерью' ≠ *bròd je svaren* СВ 'соус приготовлен', *bròd je bija svaren* СВ *do matere* 'соус был приготовлен матерью'.

Третья возможность наблюдается у супплетивных пар типа *mečat* НСВ / *vrč* СВ 'класть/положить', у которых причастия обоих видов употребляются как свободные варианты: *je vržan* СВ ~ *je mečan* НСВ 'он положен' (состояние); *je bija vržan* СВ ~ *je bija mečan* НСВ 'он был положен' (перфект, действие); *biša vržan* СВ ~ *biša mečan* НСВ 'он был положен' (имперфект, состояние).

Несмотря на все эти возможности употребления *esse*-пассива, надо сказать, что он употребляется в презенсе и имперфекте преимущественно только для выражения состояния, а в перфекте для выражения результирующего из прошедшего действия состояния в настоящем и для целостного события в прошлом. Для других функций предпочитается рефлексивный пассив.

3.2. Рефлексив

Употребление вида рефлексивного пассива полностью соответствует функциям вида в активе, как они описаны в (Брой 2006). Это значит, что для всех видовых пар существует рефлексив обоих видов. В прошедшем времени имперфект НСВ выражает все нецелостные функций, такие как, напр., актуальный процесс и неограниченную кратность (3а), в то время как перфект СВ выражает целостность (эпизодического) события (3б). Имперфект СВ специализирован для выражения повторения целостных событий (3в), в том числе и цепей событий, а перфект НСВ ограничивается выражением делимитативности единичных или неограниченно кратных действий, как в (3г).

(3а) *Ka se berahu masline luštes, mahu se usta rano.* (имперфект НСВ)

‘Таким же образом, во время сбора маслин (букв.: «когда **собирались маслины**»), мне приходилось вставать рано.’

(3б) *Pa je se nacionalizovala sviča.* (перфект СВ)

‘Потом **был национализирован** ток.’

(3в) *Skupahna rikotu e surahna pa sa vržaša blagu.* (имперфект СВ)

‘Мы накапливали рикотту (= сыр), а сыворотка потом **отдавалась** (скармливалась) скоту.’ дословно: «накопили»... «положилась»

(3г) *Su stal nako no malo ma nije se rabilo več.* (перфект НСВ)²⁸

‘Они (еще) ненадолго остались, но больше **не работалось**.’

Как упомянуто выше, рефлексив может заменить *esse*-пассив, когда он выражает события (действия). Замещение встречается особенно часто в области процессов и повторений, но он исключается, когда надо выразить агенс, точно так же, как в итальянском. В таких случаях применяется, как и в контактном языке, *venire*-пассив (вентив), калькирующий итальянскую модель.

²⁸ Если бы в этом примере отсутствовало ограничение временем (*no malo*), то перфект НСВ, был бы невозможен, так как и в рефлексиве процесс действия и неограниченная кратность обязательно требуют имперфект, в данном случае *se rabaše* (имперфект НСВ).

3.3. Партиципальный венитив

Венитивный пассив встречается все еще редко, прежде всего, у молодых носителей МСЯ, но иногда также и у старшего поколения. Ограничения для этого пассива такие же, как и для итальянского (Thieroff 1994; Gaeta 2018). Наблюдается, напр., исключение его употребления в перфекте и плюсквамперфекте. Это значит, что в этом пассиве нельзя выразить ни однократные целостные события, ни делимитативность. Примеры встречаются, прежде всего, в презенсе (4) и в имперфекте, но будущее время тоже возможно. В венитиве употребляется исключительно причастие СВ, в то время как вспомогательные глаголы *dokj* СВ / *grem* НСВ (супплетивный) ‘прийти/приходить’ обладают обоими видами.

- (4) *Dòp desa dani gre torkjana ono malica robe ka ostava.* (презенс НСВ)
 ‘Десять дней спустя **сжимается** то небольшое, что остается.’

Особенный случай — имперфект СВ (вспомогательной видовой пары *dokj/grem*), поскольку он является единственной возможностью недвусмысленного выражения неограниченной кратности целостных действий как в (5), так как имперфект НСВ (здесь *gredaše pokrena*) кроме кратности выражает также и процесс.

- (5) *Ona hladnja dodjaše pokrena kano tito do hiže.* (имперфект СВ)
 ‘Та копна (соломы) покрывалась (обычно) в виде (= по образцу) крыши дома.’ дословно: «пришла покрыта.»

По всей вероятности, эта недвусмысленность является и причиной употребления имперфекта СВ даже в речи пожилых людей. Таблица 1 дает обзор видовой характеристики венитива в прошедшем времени.

Таблица 1

Видовые функции венитивного пассива в прошедшем времени

Венитив	Событийный пассив				Агенс
	целостность	процесс	кратность	делимитативность	
вид I	–	имперфект	имперфект	–	+
вид II	–	НСВ	НСВ ~ СВ	–	

В отличие от форм неспециализированной основы НСВ *gre-* итеративные глагольные формы НСВ с основой *jij-* ‘обычно приходиться, ходить (туда и сюда)’, являющиеся супплетивными формами презенса и имперфекта видовой пары *dokj/grem*, выражают исключительно кратность²⁹. В сложном предложении (6) итеративный пассив в первой части, связывается с активным имперфектом СВ *dojahu* во второй части, подчеркивающим еще раз кратное значение.

- (6) *Veča fina jijaša stanjana, veča fina ti dojahu.* (имперфект НСВ, итератив)
Чем тоньше (тесто) **раскатывалось** (досл. *приходило раскатано*), тем более тонкими (слои теста) у тебя получались (досл. *пришли*).’

4. Заключение

Молизско-славянский микроязык в южной Италии обладает тремя пассивными конструкциями, употребление которых демонстрирует влияния итальянского языка и его местных разновидностей, а именно партиципиальным *esse*-пассивом, рефлексивным пассивом и калькированным партиципиальным *venire*-пассивом. В рефлексивном пассиве употребление вида полностью соответствует активу с оппозицией НСВ : СВ, в том числе также в противоречивых типах имперфекта СВ и перфекта НСВ. Партиципиальные пассивы образуются преимущественно с помощью причастия СВ, в то время как причастие НСВ встречается только в *esse*-пассиве префиксального типа видовой пар, в котором он выражает процесс. Венитивный пассив ограничивается, так же, как и рефлексив, динамической (событийной) функцией, но в противоположность последнему позволяет добавление агенса. Кроме того, он, так же, как и другие пассивы, обладает недвусмысленной формой кратности в форме имперфекта СВ.

ЛИТЕРАТУРА

Брой, В. (2006) Флективный и деривационный глагольный вид в молизско-славянском языке. *Вопросы языкознания*, 3, 70–87.

²⁹ Ситуация осложняется тем фактом, что все формы НСВ видовой пары *dokj/gre* — полисемические, обозначая, кроме ‘приходить (сюда)’, также ‘идти (туда)’. Интересно то, что также и в последнем значении есть конструкция, калькированная из итальянского, а именно с функцией обязательности, типа *gre činjen* (итал. *va fatto*) ‘приходится делать’. Следовательно, вышеуказанный пример (4) двусмысленный: кроме данного перевода в смысле венитивного пассива, было бы также возможно перевести его как ‘Десять дней спустя **исключительно сжимать** то немного, что остается.’

Шведова, Н. Ю. (глав. ред.) (1980). *Русская грамматика. Том I*. Москва: Издательство «Наука», 783 с.

Breu, W. & A. Makarova (2019) Typologie des Passivs im Moliseslavischen: Bewahrung, Umbau und Innovation im totalen slavisch-romanischen Sprachkontakt. In: B. Brehmer, A. A. Hansen-Löve, T. Reuther (eds.), *Slavistische Linguistik 2016/2017*. Wiener Slawistischer Almanach 83, 7–60. Berlin: Peter Lang.

Gaeta, L. (2018) Im Passiv sprechen in den Alpen. *Sprachwissenschaft*, 43/2, 221–250.

Polančec, J. (2015) Uporaba participa pasivnog u nesvršenome vidu u hrvatskome jeziku. *Fluminensia*, 27/2, 141–160.

Saavedra, D. (2007) Pasivne konstrukcije u hrvatskome i bugarskome jeziku. *Lahor*, 4, 217–241.

Raguž, D. (1997) *Praktična hrvatska gramatika*. Zagreb: Medicinska Naklada, 466 s.

Rešetar, M. (1911) *Die serbokroatischen Kolonien Süditaliens*. Wien: Kaiserliche Akademie, 402 S.

Thieroff, R. (1994) Vorgangs- und Zustandspassiv in romanischen und germanischen Sprachen. *STUF*, 47, 37–57.

REFERENCES

Breu, W. (2006) Flektivnyj i derivatsionnyj glagol'nyj vid v molizsko-slavyanskomazykye [Inflectional and derivational verbal aspect in Molise Slavic]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 3, 70–87. (In Russian)

Breu, W. & A. Makarova (2019) Typologie des Passivs im Moliseslavischen: Bewahrung, Umbau und Innovation im totalen slavisch-romanischen Sprachkontakt [Typology of the passive in Molise Slavic: preservation, restructuring and innovation in total Slavic-Romance language contact]. In: B. Brehmer, A. A. Hansen-Löve, T. Reuther (eds.), *Slavistische Linguistik 2016/2017*. Wiener Slawistischer Almanach 83, 7–60. Berlin: Peter Lang. (in German)

Gaeta, L. (2018) Im Passiv sprechen in den Alpen [Speaking in the passive in the Alps]. *Sprachwissenschaft*, 43/2, 221–250. (In German)

Polančec, J. (2015) Uporaba participa pasivnog u nesvršenome vidu u hrvatskome jeziku [The usage of the passive participle in the imperfective aspect in the Croatian language]. *Fluminensia*, 27/2, 141–160. (In Croatian)

Raguž, D. (1997) *Praktična hrvatska gramatika* [Practical Croatian grammar]. Zagreb: Medicinska Naklada, 466 p. (in Croatian)

Rešetar, M. (1911) *Die serbokroatischen Kolonien Süditaliens* [The Serbo-Croatian colonies of Southern Italy]. Wien: Kaiserliche Akademie, 402 p. (In German)

Saavedra, D. (2007) Pasivne konstrukcije u hrvatskome i bugarskome jeziku [The passive constructions in the Croatian and the Bulgarian language]. *Lahor*, 4, 217–241. (In Croatian)

Shvedova, N. Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol I. Moscow: «Nauka» Publ., 783 p. (In Russian)

Thieroff, R. (1994) Vorgangs- und Zustandspassiv in romanischen und germanischen Sprachen [Eventive and stative passive in Romance and Germanic languages]. *STUF*, 47, 37–57. (In German)

Елена Михайловна Чекалина

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой германской и кельтской филологии,
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образо-
вания «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1
e-mail: etch1@yandex.ru

Elena Mikhajlovna Chekalina

Doctor of Science in Philology, professor,
Head of the Department of German and Celtic Philology,
Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie gory, 1
e-mail: etch1@yandex.ru

**Аспектуальная семантика залоговых форм и конструкций
в русском и шведском языках**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности аспектуальной семантики синтетических и аналитических способов выражения пассивного залога в шведском языке, которые проявляют типологическое сходство с русскими залоговыми формами и конструкциями. В обоих языках используются формы с агглютинативными возвратными показателями — глаголы с частицей *-ся* и шведские формы пассива на *-s*, а также аналитические конструкции с перфективно-результативными причастиями. Однако в русском языке их употребление жестко регулируется грамматической категорией вида. Аспектуальная семантика шведских форм пассива на *-s* определяется видовым характером глагола и зависит от его грамматической формы. При обозначении прошлого могут употребляться как предельные, так и неопредельные глаголы; при этом акцентируется инактивность грамматического субъекта, который может быть как одушевленным, так и неодушевленным. В презенсе и инфинитиве формы пассива на *-s* имеют имперфективную семантику и выражают объективно-абстрактные процессы. Аналитическая конструкция с глаголом становления *bli* и перфективно-результативным причастием образуется от предельных глаголов и употребляется преимущественно с грамматическим субъектом, обозначающим лицо. Она выражает однократные результативные действия, которые вызывают осознаваемые пациентом изменения в его состоянии. В форме презенса аналитическая

конструкция выступает в значении драматического настоящего или ближайшего будущего. При употреблении в инфинитиве содержится указание на заинтересованность пациента в осуществлении направленного на него действия. Таким образом, несмотря на типологическое сходство в выражении пассивного залога в русском и шведском языках, между ними имеются существенные функциональные различия в аспектуальной интерпретации, обусловленные системно-структурными факторами.

Ключевые слова: типология, русский язык, шведский язык, пассивный залог, аспектуальная семантика.

Aspectual semantics of voice in Russian and Swedish forms and constructions

Summary: The article discusses the aspectual semantics of synthetic and analytic ways of expressing passive voice in Swedish which demonstrate typological similarity with Russian voice forms and constructions. Both languages use forms with agglutinative reflexive affixes — verbs with the *-ся* particle in Russian and the Swedish passive forms in *-s*, as well as analytic constructions with perfect-resultative participles. However, in Russian their use is strictly regulated by the grammatical category of aspect. The aspectual semantics of Swedish passive forms in *-s* is assigned by the aspect of the verb and depends on its grammatical form. With reference to the past, both telic and atelic verbs can be used; in this case the stress is on the inactivity of the grammatical subject which can be both animate and inanimate. In the present and infinitive the passive forms in *-s* have imperfective semantics and express objective-abstract processes. The analytic construction with the verb *bli* ‘to become’ and the perfective-resultative participle is formed from telic verbs and is used mainly with a grammatical subject referring to a person. It expresses single resultative actions which cause changes in the patient’s state recognised by the patient. In the present form the analytic construction describes dramatic present and proximal future. Used in the infinitive it refers to the patient’s interest in the realisation of the action directed at him. Thus, notwithstanding the typological similarity in expressing the passive voice in Russian and in Swedish, there are significant functional differences in the aspectual interpretation caused by systemic-structural factors.

Key words: typology, Russian, Swedish, passive voice, aspectual semantics.

Между русским и шведским, как и другими скандинавскими языками существует яркое типологическое сходство в выражении пассивного залога. Для этого используются формы с агглютинативными возвратными показателями местоименного происхождения — глаголы с частицей *-ся* и шведские формы пассива на *-s*, а также аналитические

конструкции с перфективно-результативными причастиями. В выражении пассивного залога как синтетическими, так и аналитическими средствами участвуют акционально-актантные глаголы, обозначающие процессы, производителем которых является агенс-лицо.

В русском языке употребление глаголов с частицей *-ся* с пассивным залоговым значением ограничено формами несовершенного вида, которые коррелируют с причастными конструкциями, образованными от глаголов совершенного вида (Виноградов 1938, 487; Зеленецкий 2004, 163); ср.: *Дом строился полгода. — Дом был построен за полгода.* Выступающий в семантической функции пациенса грамматический субъект обычно выражен неодушевленным существительным. При этом в высказывании часто не содержится указания на осуществление конкретного действия, а выражается лишь потенциальная возможность такого действия, обусловленная свойствами неодушевленного грамматического субъекта, например: *Этот фильм хорошо **смотрится*** (Gerritsen 1990, 26); *Такие книги **читаются** широкими массами; Любые скандалы тут обычно **смакуются** прессой* (Janda 1993, 313); *Здесь **продаются** книги по общей морфологии* (Плунгян 2003, 214). Отдельные случаи употребления глаголов с частицей *-ся* в пассивном значении при одушевленном грамматическом субъекте возможны лишь при условии, что, будучи в действительности пациенсом, он контролирует выполнение действия: *Она **оперировалась** в новой клинике; Я **фотографируюсь** у хорошего фотографа* (Janda 1993, 313).

В шведском языке агглютинативные формы пассива на *-s* образуются от большинства переходных глаголов с акционально-актантной семантикой, в лексическом значении которых имплицитно содержится указание на контролируемое действие одушевленного агенса. В функции грамматического субъекта, выражающего пациенс, чаще выступает неодушевленный объект, однако референт с семантикой лица также возможен, преимущественно при обозначении прошлых событий. Аспектуальная семантика определяется видовым характером глагола по линии предельности/непредельности; у глаголов двойственного видового характера она нередко зависит также от грамматической формы глагола.

При обозначении прошлых событий претеритом и перфектом в форме пассива на *-s* свободно употребляются как предельные, так и непредельные глаголы. Эксплицитное выражение производителя процесса синтаксической конструкцией с предлогом *av* при этом возможно, но не обязательно: *Tavlan målades i slutet av 1600-talet* (SAG 1999, 3, 554) «Картина была написана в конце XVII века»;

Tavlan har målats av en lokal konstnär (SAG 1999, 4, 361) «Картина написана местным художником»; *Klassen hemförlovades under tre veckor och allt glömdes* (Bergman 1987, 18) «Класс распустили на три недели по домам, и все было забыто»³⁰ (Бергман 2000, 15). При одушевленном пациенте особо подчеркивается его абсолютная инактивность: *Min syster älskades häftigt och possessivt av båda föräldrarna* (Bergman 1987, 15) «Сестру родители любили бурно и властно» (Бергман 2000, 13).

При употреблении в презенсе формы пассива на -s обычно приобретают имперфективную семантику: *Fågelfrö köps i djuraffärer* «Зерно для птиц покупают в зоомагазинах»; *Centrala provet i matematik skrivs i årskurs tre i gymnasieskolan* «Государственный экзамен по математике сдается в гимназии на третьем году обучения» (SAG 1999, 4, 398); *Språk talas även om de inte skrivs* (Josephson 2014, 126) «На языках говорят, даже если на них не пишут». В таком случае процесс представляется объективно-абстрактно вне конкретного времени и пространства как повторяющийся или потенциально способный к реализации; указание на агенс при этом отсутствует, поскольку он имеет неопределенно-обобщенный характер: *Måltiderna äts i en liten matsal* (Bergman 1987, 109) «Едим мы в маленькой столовой» (Бергман 2000, 84); *Rytmen skapas i manuskriptet* (Bergman 1987, 88) «Ритм создается в сценарии» (Бергман 2000, 68).

В инфинитиве формы пассива на -s употребляются также без указания на агенс для выражения обобщенного характера процесса безотносительно к времени и месту его осуществления: *Allt ska ätas, allt ska ätas upp* (Bergman 1987, 161) «Есть надо всё, всё должно быть съедено» (Бергман 2000, 123); *Detta måste till varje pris förhindras* «Это должно быть предотвращено любой ценой»; *Kursen kan tenteras när som helst under året* «Экзамен по курсу можно сдавать в любое время в течение года» (SAG 1999, 4, 398).

При выражении отнесенности к будущему формы пассива на -s употребляются в аналитической конструкции *kommer att + инфинитив*, которая служит для выражения объективированного прогноза: *Han ställer sig tolerant även till en del danismer, som han förutspår snart kommer att betraktas som god svenska* (Grünbaum 1984, 5) «Он относится терпимо даже к целому ряду данизмов, которые, как он предсказывает, скоро будут считаться хорошим шведским»; *Ingen vet väl*

³⁰ Здесь и далее приводится опубликованный перевод мемуаров И. Бергмана на русский язык, выполненный А. А. Афиногеновой. В остальных случаях даются переводы автора статьи.

riktigt hur arbetet kommer att organiseras i framtiden (Svanlund 1988, 15) «Никто ведь не знает, как будет организована работа в будущем»; *Som redan har nämnts, kommer en ny lag att införas* (Neuvonen 1998, 278) «Как уже упоминалось, будет введен новый закон».

В обоих языках для выражения пассивного залога используются также аналитические конструкции с причастиями. Конструкция с глаголом *быть* и причастием на *-н/-т* от глаголов совершенного вида в русском языке проявляет аспектуальную неоднозначность и может, в зависимости от контекста, приобретать как акционально-страдательное (пассив действия), так и результативное (пассив состояния) значение: *Свет только что включен. — Свет все еще включен; Свет был сразу же выключен. — Свет был всю ночь выключен* (Князев 2007, 104).

В шведском языке для выражения пассива состояния употребляется типологически сходная конструкция с глаголом бытия *vara*, аспектуальная семантика которой определяется видо-временным значением причастия 2. Для выражения пассива действия используется грамматизованная аналитическая конструкция с глаголом становления *bli* и тем же причастием, которая имеет аспектуальную семантику перфективно-результативного целенаправленного действия, контролируемого агенсом-лицом. При этом референтом пациенса, выраженного грамматическим субъектом, в преобладающем большинстве случаев также может выступать лицо. При обозначении прошлых событий аналитический пассив используется для обозначения однократных, часто внезапно наступивших или неожиданных для пациенса событий, результатом которых является осознаваемое референтом грамматического субъекта изменение состояния: *Hon berättade om hur hon utanför Sheraton hade blivit påkörd av en cyklist* (Alfredson 2011, 16) «Она рассказала о том, как около гостиницы "Шератон" её сбил велосипедист».

При отнесенности к настоящему аналитический пассив часто используется в функции драматического презенса. При этом в высказывании содержится указание на то, что действие контролируется пациенсом-лицом: *Kvart i åtta blir jag hämtad och kört till ateljén* (Bergman 1987, 78) «Без четверти восемь за мной приезжают и отвозят в съемочный павильон» (Бергман 2000, 60). В контексте повторяющегося однократно-результативного действия аналитическая конструкция может приобретать ингрессивный оттенок: *Hercule Poirot gnisslar tänder för sig själv varje gång han blir tagen för fransman* (Josephson 2014, 87) «Эркюль Пуаро про себя скрежещет зубами каждый раз, когда его принимают за француза».

Аналитическая конструкция с *bli* в форме презенса часто употребляется также при обозначении ближайшего будущего: *Den här räkningen blir knappast betald* (SAG 1999, 4, 309) «Этот счет вряд ли будет оплачен». В таких случаях может подчеркиваться, что наступление действия имеет гарантированный характер: *Du blir hämtad i morgon klockan fem, lovar jag* (SAG 1999, 4, 400) «За тобой заедут завтра в пять часов, я обещаю».

Семантический контраст между аспектуальной семантикой синтетического и аналитического пассива особенно ярко проявляется при их употреблении в инфинитиве. Аналитическая конструкция с глаголом *bli*, как отмечают шведские исследователи, употребляется при указании на подконтрольность пассивного процесса пациенту (Anward 1981; Engdahl 2011). На это обычно указывает семантика первого компонента сложного предиката с инфинитивом, выраженного модальным глаголом *vilja*, а также другими глаголами, в лексическом значении которых имплицитно содержится идея волеизъявления: *Att språket är godtyckligt betyder naturligtvis inte att man kan prata precis som man vill, åtminstone inte om man vill bli förstådd... Den som vill göra anspråk på att tala svenska, bli förstådd och slippa bli betraktad som ett ufo kan inte kalla äpplen för päron* (Melin, Parkvall 2016, 65) «То, что язык имеет произвольный характер, естественно, не означает, что можно говорить, как хочешь, по крайней мере, если хочешь быть понятым... Тот, кто претендует на то, чтобы говорить по-шведски, быть понятым и не быть принятым за неопознанный летающий объект, не может называть яблоки грушами»; *Han lovade att bli tenterad på en halv timme och försvann in till den väntande professorn* «Он обещал проэкзаменоваться за полчаса и исчез в кабинете ожидавшего его профессора»; *Min man försökte bli uttagen till att tävla i mästerskapet* «Мой муж пытался пройти отбор для участия в чемпионате» (SAG 1999, 4, 400); *Han satsade på att bli nominerad* (Bergner, Nylund 1990, 70) «Он сделал ставку на выдвижение в кандидаты».

Особенно ярко эта особенность видна при сопоставлении аналитического пассива с формой пассива на *-s*: *Offra den som måste offras, frälsa den som vill bli frälst* (Dagerman 1945, 110) «Жертвуй тем, кем необходимо жертвовать, спасай того, кто хочет быть спасен»; *Hon gick omkring och väntade på att bli avslöjad, även om hon inte riktigt kunde räkna ut vad det var hos henne som skulle avslöjas* (Axelsson 2002, 48) «Она всё ходила и ждала, что её разоблачат, хотя не могла толком понять, в чем она будет разоблачена». Ср. также примеры из Академической грамматики шведского языка: *Han säger att han vill bli*

undersökt «Он говорит, что хочет пройти обследование». — *Han säger att saken måste undersökas* «Он говорит, что это дело должно быть исследовано» (SAG 1999, 4, 400).

Указание на подконтрольность действия пациенсу-лицу выражается и при употреблении аналитического пассива в целевом инфинитивном обороте с предлогом *för*: *Han tränade varje dag för att bli uttagen till tävlingarna* (SAG 1999, 4, 390) «Он тренировался каждый день, чтобы пройти отбор на соревнования»; *Man måste ställa sig in hos chefen för att bli betald efter förtjänst* «Приходится заискивать перед начальством, чтобы получить оплату по заслугам» (SAG 1999, 4, 400); *Han kastade sig först i stödmammans famn för att bli kramad och sedan i stödparens för att bli hissad mot taket* (Axelsson 2002, 45) «Он бросился сначала к приемной маме, чтобы она обняла его, а потом к приемному папе, чтобы он подбросил его к потолку». Напротив, у того же автора при неодушевленном пациенте в инфинитивном обороте с предлогом *för* употребляется форма пассива на *-s*: *Möblerna såg ut som om de snidats och snickrats för att placeras i just detta rum* (Axelsson 2002, 23) «Мебель выглядела так, словно она была сделана столяром и резчиком для того, чтобы её поставили именно в эту комнату».

Таким образом, несмотря на типологическое сходство, между русским и скандинавскими языками наблюдаются существенные функциональные различия в аспектуальной интерпретации пассивного залога, обусловленные системно-структурными факторами.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергман, И. (2000). *Исповедальные беседы*. Перевод со шведского А. А. Афиногеновой. М.: РИК «Культура», 432 с.
- Виноградов, В. В. (1938). *Современный русский язык. Грамматическое учение о слове*. Выпуск 2. М.: Учпедгиз, 591 с.
- Зеленецкий, А. Л. (2004). *Сравнительная типология основных европейских языков*. М.: АCADEMIA, 248 с.
- Князев, Ю. П. (2007). *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянских культур, 702 с.
- Плунгян, В. А. (2011). *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: УРСС, 383 с.
- Alfredson, H. (2011). Tandtrollet från Wales eller Morgonstund har guld i mun. *Вдоль и поперек. Шведская проза*. СПб., с. 15–18.
- Anward, J. (1981). *Functions of Passive and Impersonal Constructions*. Uppsala, 163 p.
- Axelsson, M. (2002). *Slumpvandring*. MånPocket. Stockholm: Norstedts, 351 s.
- Bergman, I. (1987). *Laterna magica*. Stockholm: Norstedts Förlag, 337 s.

- Bergner, E., Nylund, E. (1990). Något om valet mellan s-passiv och kopulapassiv. *Svenskans beskrivning*, 17. Åbo, s. 67–72.
- Dagerman, S. (1945). *Ormen*. MånPocket. Stockholm: Norstedts, 214 s.
- Engdahl, E. (2001). Valet av passivform i modern svenska. *Svenskans beskrivning*, 24. Linköping, s. 81–90.
- Gerritsen, N. (1990). *Russian Reflexive Verbs. In Searching of Unity in Diversity. Studies in Slavic and General Linguistics*. Vol. 15. Amsterdam — Atlanta: Rodopi, 322 p.
- Grünbaum, C. (1984). Språkvårdare och danismer. *Språkvård*, 1, s. 3–15.
- Janda, L. A. (1993). Cognitive Linguistics as a Continuation of the Jakobsonian Tradition. The Semantics of Russian and Czech Reflexives. *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists*. Bratislava. Literature. Linguistics. Poetics. Slavica, 93. Edited by Robert A. Maguire and Alan Timberlake. Columbus. Ohio: Slavica, pp. 310–319.
- Josephson, O. (2014). *Mitt i svenskan*. Artiklar om språk i Svenska Dagbladet 1994–2013. Svenska Humanistiska Förbundets skriftserie nr 130. Stockholm: CKM Förlag, 112 s.
- Melin, L., Parkvall, M. (2016). *Laddade ord. En bok om tankens makt över språket*. Stockholm: Morfem, 190 s.
- Neuvonen, T. (1998). Informationsstrukturella faktorer bakom bruket av passiva konstruktioner. *Svenskans beskrivning*, 23. Stockholm, s. 274–282.
- Svanlund J. (1988). Arbetet med korrektur. *Språkvård*, 1, s. 11–16.
- Teleman, U., Hellberg, S., Andersson, E. (1999). *Svenska Akademiens grammatik (SAG)*. Band 3. Fraser. 704 s. Band 4. Satser och meningar. Stockholm: Norstedts Ordbok, 977 s.

REFERENCES

- Alfredson, H. (2011). Tandtrollet från Wales eller Morgonstund har guld i mun [The tooth troll from Wales or The early bird catches the worm]. *Vdol' i poperek. Shvedskaja proza [The length and breadth. Swedish prose]*. Saint-Petersburg, pp. 15–18. (In Swedish).
- Anward, J. (1981). *Functions of Passive and Impersonal Constructions*. Uppsala, 163 p. (In English).
- Axelsson, M. (2002). *Slumpvandring [Random wandering]*. MånPocket. Stockholm: Norstedts Publ., 351 p. (In Swedish).
- Bergman, I. (1987). *Laterna magica*. Stockholm: Norstedts Publ., 337 p. (In Swedish).
- Bergman, I. (2000). *Laterna magica. Ispovedalnye besedy [Private conversations]*. Translated by A. Afinogenova. Moscow: RIK «Kultura» Publ., pp. 5–252. (In Russian).
- Bergner, E., Nylund, E. (1990). Något om valet mellan s-passiv och kopulapassiv [On the choice between the s-passive and the copula-passive]. *Svenskans beskrivning [Description of Swedish]*, 17. Åbo, pp. 67–72.
- Dagerman, S. (1945). *Ormen [The snake]*. MånPocket. Stockholm: Norstedts Publ., 214 p. (In Swedish).
- Engdahl, E. (2001). Valet av passivform i modern svenska [The choice of passive form in modern Swedish]. *Svenskans beskrivning [Description of Swedish]*, 24. Linköping, pp. 81–90. (In Swedish).

Gerritsen, N. (1990). *Russian Reflexive Verbs. Searching of Unity in Diversity*. Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 15. Amsterdam — Atlanta: Rodopi, 322 p. (In English).

Grünbaum, C. (1984). Språkvårdare och danismer [Purists and danicisms]. *Språkvård [Preservation of the purity of the language]*, 1, pp. 3–15. (In Swedish).

Janda, L. A. Cognitive Linguistics as a Continuation of the Jakobsonian Tradition. The Semantics of Russian and Czech Reflexives. *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists*. Bratislava. Literature. Linguistics. Poetics. Ed. Robert A. Maguire and Alan Timberlake. Columbus. Ohio: Slavica, pp. 310–319. (In English).

Josephson, O. (2014). *Mitt i svenskan. Artiklar om språk i Svenska Dagbladet 1994–2013*. [In the middle of Swedish. Articles about language in Svenska Dagbladet 1994–2013]. Svenska Humanistiska Förbundets skriftserie [The Swedish Humanistic society's publication series], 130. Stockholm: CKM Publ., 112 p. (In Swedish).

Knjazev, Ju.P. (2007). *Grammatičeskaja semantika. Russkij jazyk v tipologičeskoj perspektive* [Grammatical semantics. Russian language in a typological perspective]. Moscow: Jazyki slavjanskikh kultur, 702 p. (In Russian).

Melin, L., Parkvall, M. (2016). *Laddade ord. En bok om tankens makt över språket*. [Loaded words. A book about the power of thought over language]. Stockholm: Morfem Publ., 190 p. (In Swedish).

Neuvonen, T. (1998). Informationsstrukturella faktorer bakom bruket av passiva konstruktioner [Information structural factors behind the usage of passive constructions]. *Svenskans beskrivning [Description of Swedish]*, 23. Stockholm, pp. 274–282. (In Swedish).

Plungyan, V. A. *Vvedenije v grammatičeskuju semantiku: grammatičeskije znachenija i grammatičeskije sistemy jazykov mira* [Introduction to the semantics of grammar: grammatical meanings and grammar systems of the world]. Moscow: URSS Publ., 383 p. (In Russian).

Svanlund, J. (1988). Arbetet med korrektur [Proof-reading]. *Språkvård [Preservation of the purity of the language]*, 1, pp. 11–16. (In Swedish).

Teleman, U., Hellberg, S., Andersson, E. (1999). Svenska Akademiens grammatik. Volume 3. *Fraser [Phrases]*, 704 p. Volume 4. *Satser och meningar [Clauses and sentences]*. Stockholm: Norstedts Ordbok Publ., 977 p. (In Swedish).

Vinogradov, V. V. (1938). *Sovremennyj russkij jazyk. Grammatičeskoje učenije o slove* [The modern Russian language. A grammatical study of word]. 2nd ed. Moscow: Uchpedgiz Publ., 591 p. (In Russian).

Zelenetskij, A. L. (2004). *Sravnitel'naja tipologija osnovnykh jevropejskikh jazykov* [Comparative typology of the main European languages]. Moscow: ACADEMIA Publ., 248 p. (In Russian).

Оксана Юрьевна Чуйкова

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки 48.
oxana.chuykova@gmail.com; ochuikova@herzen.spb.ru; +7911 937 71 29

Oksana Iu. Chuikova

Candidate of Philology, research fellow.
The Herzen State Pedagogical University of Russia.
48, Moika Emb., Saint-Petersburg, 191186, Russia.
oxana.chuykova@gmail.com; ochuikova@herzen.spb.ru; +7911 937 71 29

К вопросу о взаимодействии глагольного вида и падежа прямого дополнения в русском языке³¹

Аннотация. Статья посвящена особенностям функционирования родительного падежа с партитивным значением в позиции прямого дополнения в русском языке. В лингвистической литературе распространено мнение, согласно которому употребление прямого дополнения в форме родительного партитивного ограничено сочетаниями с глаголами совершенного вида, при этом семантическое различие между родительным и винительным состоит в том, что винительный падеж указывает на полноту вовлечения объекта в ситуацию, а родительный — на то, что в ситуацию вовлечена только часть, неопределенное количество объекта. Анализ показывает, что оформление и семантика прямого дополнения в действительности зависят не только от грамматического значения вида глагольного предиката, но от комплекса аспектуальных характеристик, таких как частное видовое значение, семантический тип видового противопоставления, способ глагольного действия. Употребление родительного партитивного очевидным образом возможно при глаголах несовершенного вида в тривиальном значении, то есть в случаях, когда несовершенный вид служит функциональной заменой совершенного. Употребление родительного падежа при глаголах несовершенного вида возможно также в актуально-длительном значении при ряде префиксальных градационных глаголов, обозначающих увеличение/уменьшение количества или степени проявления признака, а также при глаголах

³¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–312–60006 «Прямое дополнение и аспектуальные характеристики славянского глагола».

отделительно-партитивного, комплетивно-партитивного и кумулятивного способов действия. Семантика родительного партитивного и его соотношение с винительным также неоднородны: синонимия падежных форм возможна при градационных глаголах, глаголах делимитативного и семельфактивного способов действия, в определенных условиях родительный партитивный может указывать на большое (достаточное или чрезмерное) количество объекта.

Ключевые слова: русский язык, совершенный вид, несовершенный вид, родительный партитивный, прямое дополнение, способ действия, градационные глаголы.

Towards the issue on the interaction of verbal aspect and the case of direct object in Russian

Summary. The paper deals with the properties of the genitive case with partitive semantics functioning as direct object in Russian. According to a wide-spread opinion, the use of the genitive partitive is restricted to perfective verbal aspect, and the semantic difference between the genitive case and the accusative case is that the accusative case indicates that the object is totally affected while the genitive case denotes a partially affected object. The analysis shows that the direct object case marking is dependent on a set of aspectual characteristics such as specific meaning of an aspect, semantic type of aspectual opposition, Aktionsart rather than grammatical aspect. The genitive partitive case is obviously possible when the imperfective verb is used in its trivial meaning, i.e when it functions as the substitution for the perfective aspect in neutralization contexts. Furthermore, the use of genitive partitive is possible alongside a number of prefixed imperfective verbs used in progressive meaning. These are gradual achievement verbs and the verbs of separative-partitive, completive-partitive and cumulative Aktionsarten. The semantics of the genitive partitive case and its correlation with the accusative is not uniform. The genitive partitive and the accusative alongside the delimitative, semelfactive and cumulative Aktionsarten are able to be used without any significant semantic difference. In certain contexts, the genitive partitive case implies a large (sufficient or excessive) amount of the referent of the object noun phrase.

Key words: Russian language, perfective aspect, imperfective aspect, genitive partitive case, direct object, Aktionsart, gradual achievements.

Введение

В литературе распространено мнение, согласно которому употребление прямого дополнения в форме родительного падежа с партитивным значением ограничено сочетаниями с глаголами совершенного вида (далее — СВ) и невозможно при глаголах несовершенного вида (далее — НСВ) (Wierzbicka 1967; Падучева 1996, 182–190;

Paducheva 1998; Гловинская 2001, 249; Шатуновский 2009, 39). При этом семантическое различие между родительным и винительным состоит в том, что винительный падеж указывает на полноту вовлечения объекта в ситуацию, а родительный — на то, что в ситуацию вовлечена только часть, неопределенное количество объекта. Примеры (1)–(3) демонстрируют описанное выше семантическое противопоставление родительного и винительного падежей в позиции прямого дополнения.

- (1) *Я сидел, молча **пил воду**, думал, думал и решил, что такой жизни, о которой мы мечтали с Костей, наверное, вообще на земле нет...* [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)] (*пил воды)
- (2) *Вернув трубку на место, Поль залпом **выпил воду** и, распорядившись отправить багаж в номер, выбежал из гостиницы.* [Екатерина Маркова. Каприз фаворита (1990–2000)]
- (3) *Воин **выпил воды** из источника.* [Сергей Кондратьев. Выходной (2003)]

В настоящей статье приводятся наблюдения, сделанные на основе анализа языкового материала Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и русскоязычного сегмента сети интернет и позволяющие поставить под сомнение универсальность приведенных утверждений об употреблении родительного партитивного в позиции прямого дополнения.

Предварительные замечания: ограничение круга рассматриваемых явлений

Следует отметить, что выражение партитивной семантики возможно в составе далеко не каждого существительного в русском языке. Рассмотренный в ходе исследования языковой материал показывает, что интересующее нас значение родительного падежа в подавляющем большинстве случаев реализуется у существительных с отвлеченной и вещественной семантикой, см. (4)–(5), а также у существительных с конкретным значением, если они употребляются в форме множественного числа, см. (6).

- (4) *Гости оказались не такими уж «сытыми» и с удовольствием **похлебали бригадных щей** и **поели каши**.* [А. И. Мусатов. Земля молодая (1960)]

- (5) *Пулька пару раз досадливо обернулась и, желая отделаться от навязчивого спутника, прибавила скорости, а потом с разбегу вскарабкалась на крышу.* [М. С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010)]
- (6) *То Карло с Туром забредут, то соотечественники из Басры, работавшие по контракту, нагрянут на огонек, отведать ржаных сухарей. Однажды даже налепили пельменей.* [Юрий Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь (1999)]

Границы именной лексики, способной выражать партитивное значение в форме родительного падежа, интересным образом совпадают с выделяемым в теории аспектуальной композиции классом «кумулятивных» именных групп, см. (Grifka 1989, 75), которые, в отличие от «квантованных» именных групп обладают свойствами аддитивности и подразделимости. Для употребления родительного партитивного значимы также другие ключевые понятия аспектуальной композиции: «накопительного отношения» (“incremental relation”) (Dowty 1991) и «накопителя эффекта», или «накопителя» (Падучева 2004; Мелиг 2008). В случаях употребления родительного партитивного объект чаще всего представляет собой накопитель (т. е. существует связь между временной протяженностью ситуации и мерой вовлеченности объекта в ситуацию), однако родительный партитивный в свете данной проблематики в русском языке обычно не рассматривается. Во всех примерах употребления родительного партитивного в рамках приведенного ниже анализа можно усмотреть накопительное отношение.

Несовершенный вид и падеж прямого дополнения

Первым (и наиболее очевидным) типом употребления родительного партитивного при глаголах НСВ являются случаи использования НСВ в тривиальном значении, т. е. там, где НСВ является функциональной заменой СВ в контекстах нейтрализации, см. (7).

- (7) *Пальцы переставали дрожать лишь после того, как он выпивал водки.* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]

Следует отметить, что некоторые исследователи (Wierzbicka 1967, 223б; Падучева 1996, 182) делают оговорку о допустимости оформления прямого дополнения родительным падежом при глаголе НСВ, употребленном в тривиальном значении. Интересно, что способность

употребляться в сочетании с родительным партитивным фиксируется в том числе у отсутствующих в современных словарях русского языка вторичных имперфективов, см., например, (8).

- (8) *При таком раскладе получается, что **накипячивать** воды для питья получается дешевле, чем покупать даже самую дешёвую бутилированную.* (<https://anton-zh.livejournal.com/20040.html>)

В то же время общепринятым является мнение, что оформление прямого дополнения родительным падежом при глаголе НСВ в актуально-длительном значении неприемлемо. Однако высказывания (9)–(10) противоречат данной точке зрения.

- (9) *И под взглядом министра почувствовав неразрываемую тяжку петли на своей шее, Яконов преодолел жалкий страх и бессознательно, как **набирая воздуха** в лёгкие, ахнул: — Месяц ещё! Ещё один месяц!* [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1–25 (1968) // «Новый Мир», 1990]
- (10) — *Какая-то дрянь завелась во мне, — повторил Артамонов старший, щупая ухо, а другою рукой **наливая коньяку** в стакан лимонада* [Максим Горький. Дело Артамоновых (1924–1925)]

Отметим, что группа глаголов НСВ, способных употребляться в сочетании с родительным партитивным, была выделена еще Р. О. Якобсоном (в более поздних работах других авторов о существовании данной группы не упоминается). Это глаголы, которые обозначают «изменение качества: *успехи придают ему сил, припускает огня в лампе, набирает денег, с каждым днем убавляет хлеба*» (Якобсон 1936/1985, 148). Глаголы данной группы являются парными и демонстрируют сходства в семантике видового противопоставления. Все они обозначают ситуации, не предполагающие в своем течении достижения естественного предела. В (Маслов 1948) в качестве отдельной группы выделяются пары глаголов, обозначающих ситуации, для которых «нет возможности выделить “критическую точку”, знаменующую переход к новому состоянию, границу, отделяющую новое состояние от старого» (Маслов 1948, 313). В современных работах им соответствуют «градативы» (Падучева 1996), «градационные пары» (Зализняк, Шмелев 2000). В связи с этим можно выдвинуть предположение, что возможность оформления прямого дополнения родительным падежом при глаголе НСВ определен-

ным образом связана с акциональными характеристиками управляющего глагола. Также можно заметить, что множество глаголов НСВ, способных присоединять прямое дополнение в форме родительного падежа с партитивной семантикой, составляют, по всей видимости, исключительно префигированные парные глаголы. В первую очередь это глаголы, содержащие в своей семантике идею увеличения/уменьшения количества или степени проявления признака (например, *прибавить/прибавлять, убавить/убавлять*). Кроме того, сюда также относятся относительно многочисленные группы глаголов, относящихся к определенным способам глагольного действия (далее — СД): комплетивно-партитивному с префиксами *под-* и *до-* (см. пример (11)) и отделительно-партитивному с префиксом *от-*, см. пример (12), кумулятивному с префиксом *на-* (в том числе в сочетании с отсутствующими в словарях НСВ, см. пример (13)).

- (11) (*Семен, подкладывая нам консервной закуски, признался: — Вообще-то Гога... [Владимир Рецептер. Ностальгия по Японии (2000)]*)
- (12) (*Но она послушлива, она видит, чего от неё ждёт отец и, отпивая чаю, говорит: — Да уж, конечно, в своём-то доме лучше. [Алексей Слаповский. Не сбылась моя мечта (1999)]*)
- (13) (*А кукушка в это время продолжает летать с веточки на веточку и «накукувывать» нам долгих лет жизни. (<https://otvetmne.ru/rastenia/question/pochemy-ptency-kykyshki-vyvodiatsia-i-rastyt-v-chyjih-gnezdah>)*)

Таким образом, можно констатировать не только способность ряда глаголов НСВ к употреблению в сочетании с родительным партитивным, но и открытость данной группы глаголов, обусловленную потенциальным вхождением в нее глаголов, не зафиксированных существующими словарями русского языка, но возможных в речи.

Семантическое соотношение родительного и винительного падежей в позиции прямого дополнения

Демонстрируемое выше примерами (2)–(3) семантическое соотношение также не является единственно возможным соотношением родительного партитивного и винительного падежей в позиции прямого дополнения. Так, например, родительный и винительный падеж в примерах (14) и (15), по всей видимости, взаимозаменяемы.

- (14) — *Ну ладно, ладно... Откуда мне знать... Маруся свернула на шоссе и **прибавила скорости**.* [Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009)] (^{о*}*«скорости»*)
- (15) — *Не холодно, красавица? — И **прибавил скорость**. Стрелка спидометра задрожала между ста тридцатью и ста сорока.* [Нонна Мордюкова. Казачка (2005)] (^{о*}*«скорости»*)

Приведем еще одну пару примеров, где в употреблении родительного или винительного падежа не наблюдается явного семантического противопоставления.

- (16) *Мы **похлебали щи**, выпили, самогон забористый.* [Феликс Светов. Чижик-пыжик // «Знамя», 2001]
- (17) *Вскоре, действительно, появился дядя Гриша, громко **похлебал в одиночестве борща** на кухне — он ел суп утром и вечером, — спросил, где мать и сделала ли я уроки.* [Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001]

По всей видимости, глаголы делимитативного СД, при которых возможно употребление как винительного, так и родительного падежа, составляют открытое множество. В нашей выборке данная группа глаголов представлена следующими лексемами: *побросать, поворовать, повываждать, повысказывать, поглотать, погрызть, поест, пожевать, позадавать, поисполнять, покапать, покусать, полужгать, понаходить, поотнимать, пооткрывать, попереводить, попеть, пописать, попить, попортить, попринимать, поприносить, порисовать, пособирать, пососать, потянуть, пофоткать, похватать, похлебать, похрункать почитать*. Во многих случаях родительный падеж при делимитативном глаголе оказывается более частотным, см. (Чуйкова 2016, 261).

В ряде работ приводятся аргументы в пользу объединения в видовые пары глаголов делимитативного и прерывисто-смягчительного СД (Федотов, Чуйкова 2013; Горбова 2019). При таком подходе закономерно предположить, что при глаголах прерывисто-смягчительного СД, являющихся тривиальной заменой делимитативов, например, в итеративном контексте, также возможно оформление прямого дополнения родительным партитивным. В анализируемом языковом материале, однако, обнаруживаются лишь единичные случаи подобного употребления, см. примеры (18)–(19).

- (18) *Мама Маринина снова **попивает портвейну**, хотя меру все-таки знает, может, по Марининым молитвам.* [Майя Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние (2004)]

- (19) *Человек, который не видел поршневую группу дизеля, блока цилиндров, а всего лишь книжечк почитывал, <...> не должен бросаться «компетентностями» в разные стороны.* (<https://www.oil-club.ru/forum/topic/1159-что-лит-в-дизель-универсальное-или-специальное/page/3/>)

Еще одну группу глаголов, при которых не наблюдается четкого семантического противопоставления в отношении полноты/неполноты вовлечения объекта в ситуацию, составляют глаголы семельфактивного СД с суффиксом *-(а)ну-*.

- (20) *Катя прошла мимо неё, на кухне вспоролa пакет и плеснула молоко в остывший кофе.* [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995–2000)]. (ок *молока*)
- (21) *Теперь можно спокойно, не бегая по членистоногим, плеснуть воды в чайник, плиту включить.* [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)] (ок *воду*)

Среди обнаруженных примеров употребления родительного партитивного при семельфактивном глаголе обнаруживаются сочетания с такими лексемами, как *глотнуть, дернуть, долбануть, жевануть, кануть, клюнуть, куснуть, курнуть, лизнуть, махнуть, махануть, нюхнуть, плескануть, плеснуть, сыпануть, хватануть, хлебнуть, хлобыстнуть, хлопнуть, хряпнуть, черпануть* (можно полагать, что данный список является открытым). При семельфактивах оформление прямого дополнения родительным партитивным не просто допустимо: по всей видимости, именно оно является предпочтительным. Проверка по корпусу показывает, что употребление указанных глаголов с формой винительного падежа, если объект — кумулятивное имя, является в целом менее типичным, чем аналогичное использование родительного падежа, см. (Чуйкова 2012, 101).

Можно также отметить появление у родительного партитивного значения большого, чрезмерного количества. Главным образом такая трактовка прямого дополнения связана с интерпретацией глагольной лексемы. Приведем несколько примеров с глаголами упомянутых выше групп, в частности, с глаголами кумулятивного (22) (в том числе кумулятивно-дистрибутивного с префиксом *по-* (23)), семельфактивного (24) и делимитативного (25) СД.

- (22) *А ведь ещё до Нового года весь музыкальный «софт» можно было купить за сорок тире сто тысяч рублей! А теперь наплодили законов об авторском праве!* [В. А. Александр. Почем музыка для народа // «Столица», 1997.04.15]

- (23) *У Солнечного рою газопровод, машины **понатаскали глины** до самого Приморского шоссе.* [Юрий Авдеенко. Ахмедова щель (1982)]
- (24) *Старуха эта, старая дева, вдоволь **почитала священных книг**, вдоволь их потолковала, толкует их она и сейчас и предсказывает скорый конец света.* [Юрий Казаков. Нестор и Кир (1961)]
- (25) *Глас судьбы? Или письмо было написано несколько позднее, когда он уже **нюхнул тюремной баланды**, и та, которой адресовано письмо, знала, о чем речь?..* [А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)]

Для глаголов кумулятивного СД значение большого количества, нередко сопровождающееся отрицательной коннотацией (слишком большое), является основным, см. (Зализняк, Шмелев 2000, 115). При глаголах делимитативного СД оценка количества вовлекаемого в ситуацию объекта как (достаточно) большого связана с трактовкой делимитатива, реализуемой в сочетании с обстоятельствами накопленного эффекта, см. (Крекич 1989, 139; Петрухина 2012, 150; Федотов, Чуйкова 2016). В случае с семельфактивным СД переосмысление глагола в переносном экспериенциальном значении задает и количественную интерпретацию объекта. Можно отметить, что во всех случаях употребление родительного падежа в позиции прямого дополнения является предпочтительным, замена на винительный падеж либо невозможна, либо нивелирует количественную оценку.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что употребление родительного падежа с партитивным значением и его соотношение с винительным падежом оказывается сложнее и многообразнее, чем принято описывать в литературе. Положение, согласно которому использование родительного падежа в позиции прямого дополнения ограничено сочетаниями с глаголом СВ, опровергается в первую очередь употреблением указанной падежной формы при глаголах НСВ в тривиальном значении. При этом интересным представляется факт, что оформление прямого дополнения родительным падежом фиксируется в том числе при глаголах НСВ, отсутствующих в словарях русского языка, что может свидетельствовать о сохранении всех характеристик управления глаголов СВ у их видовых коррелятов НСВ, образуемых по регулярной модели (путем суффиксальной имперфективации). Употребление родительного падежа при глаголах НСВ

возможно также в актуально-длительном значении при ряде префиксальных градационных глаголов, обозначающих увеличение/уменьшение количества или степени проявления признака, а также при глаголах отделительно-партитивного, комплетивно-партитивного и кумулятивного СД. Возникает вопрос: какие свойства градационных глаголов обеспечивают возможность их сочетаемости с генитивом прямого дополнения в таких контекстах, где для других глаголов НСВ такой возможности нет? М. Я. Гловинская предлагает следующее толкование глаголов СВ и НСВ, входящих в данный тип видового противопоставления:

Глагол совершенного вида в данном случае выделяет только два момента, во второй из которых признак имеет большее или меньшее значение, чем в предшествующий первый. Между тем глагол несовершенного вида описывает целую последовательность моментов, каждая пара которых характеризуется именно таким соотношением (Гловинская 1982, 88).

Каждый произвольно взятый момент ситуации, описываемой градационным глаголом, может быть рассмотрен с одной стороны как точка в протекании неопредельного процесса при использовании НСВ, с другой — как момент достижения «предела» (относительного предела) при использовании СВ. Как было показано выше, прямое дополнение может быть оформлено родительным падежом при глаголе СВ, а также при глаголе НСВ в контекстах нейтрализации, то есть в тех случаях, когда глагол НСВ служит функциональной заменой глагола СВ (в контексте настоящего исторического, при обозначении повторяющихся действий). Градационные глаголы СВ и НСВ, таким образом, являются разными способами референции к одному и тому же положению дел, что, как представляется, обуславливает аналогичные сочетаемостные характеристики глагола СВ и НСВ.

Семантическое соотношение родительного и винительного падежей при глаголах, допускающих употребление обеих форм, не ограничивается указанием на полноту/неполноту вовлечения объекта в ситуацию. При градационных глаголах, глаголах делимитативного и семельфактивного СД возможна синонимия падежных форм. Между глаголами делимитативного СД и градационными глаголами обнаруживается сходство, которое отмечено рядом исследователей: «В обоих случаях предел задается количественно» (Падучева 1996, 119); «К градационным видовым парам близки пары глаголов типа *зудять* — *позудять* <...> имела место некоторая ”порция“ данного процесса» (Зализняк, Шмелев 2000, 58). Глаголы семельфактивного СД обозначают «квант» мультипликативного процесса. Для всех трех случаев

можно констатировать, что ситуация, выраженная глаголом СВ, является частью неопределенной ситуации, выраженной глаголом НСВ. Соответственно, при употреблении глагола СВ пропорционально вовлекаемый в ситуацию объект не может мыслиться как конечный, взятый во всей своей полноте. В результате становится возможной синонимия сочетаний с родительным партитивным, несущим в себе идею количественной ограниченности, определенным образом дублирующим семантику глагола, и винительным падежом, представляющим собой нейтральный способ оформления прямого дополнения.

Таким образом, можно сделать вывод, что принципы употребления родительного партитивного в позиции прямого дополнения не могут быть адекватно описаны в терминах видового противопоставления СВ и НСВ. Выбор падежной формы винительного или родительного падежа и их семантическое соотношение опирается на комплекс аспектуальных характеристик глагола, таких как частное видовое значение, семантический тип видового противопоставления, способ глагольного действия.

ИСТОЧНИКИ

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (2003–2019), URL: <http://www.ruscorpora.ru>

ЛИТЕРАТУРА

Гловинская, М. Я. (2001) *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. М.: Азбуковник, 319 с.

Гловинская, М. Я. (1982) *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. М.: Наука, 1982, 155 с.

Горбова, Е. В. (2019) К ограничению на имперфективацию: имперфективируются ли русские глаголы перфективных способов действия? В кн.: Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика (ред.), *Сборник статей к 85 летию В. С. Храковского*. М.: Издательский Дом ЯСК, 98–115.

Крекич, Й. *Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменения значений*. Budapest: Tankönyvkiadó, 287 с.

Мелиг, Х. Р. (2008) Взаимодействие между видом и «накопителями» в русском языке. В кн.: А. В. Бондарко, Г. И. Кустова, Р. И. Розина (ред.), *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сборник статей в честь Е. В. Падучевой*. М.: Языки славянских культур, 562–593.

Падучева, Е. В. (1996) *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.: Языки русской культуры, 464 с.

Падучева, Е. В. (2004) «Накопитель эффекта» и русская аспектология. *Вопросы языкознания*, 5, 46–57.

Петрухина, Е. В. (2012) *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 256 с.

Федотов, М. Л., Чуйкова, О. Ю. (2013) К определению аспектуального значения лимитатива и вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола. В кн.: Е. И. Грехова (ред.), *Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию проф. Ю. С. Маслова*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 153–203.

Федотов, М. Л., Чуйкова, О. Ю. (2016) Русские делимитативные предикаты и семантика перфекта. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. XII. (2). СПб.: Издательство «Наука», 67–83.

Чуйкова, О. Ю. (2012) *Вариативность оформления прямого дополнения при русском глаголе*. ВКР бакалавра лингвистики. СПб., 228 с.

Чуйкова, О. Ю. (2016) «Ингестивные» глаголы в русском языке: некоторые наблюдения. *Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, т. XII (1). СПб.: Издательство «Наука», 251–262.

Шатуновский, И. Б. (2009) *Проблемы русского вида*. М: Языки славянских культур, 352 с.

Dowty, D. (1991) Thematic proto-roles and argument selection. *Language*, 67 (3), 547–619.

Krifka, M. (1989) Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics. In: R. Bartsch, J. van Benthem, P. van Emde Boas (eds.), *Semantics and Contextual Expressions*. Dordrecht: Foris, 75–115.

Paducheva, E. (1998) On non-compatibility of Partitive and Imperfective in Russian. *Theoretical linguistics*, 24 (1), 73–82.

Wierzbicka, A. (1967) On the semantics of the verbal aspect in Polish. In: *To honor Roman Jakobson*. The Hague, Paris: Mouton, 2231–2249.

SOURCES

Nacional'nyi korpus russkogo jazyka [Russian National Corpus] (2003–2019), URL: <http://www.ruscorpora.ru>

REFERENCES

Chujkova, O.Yu. (2012) *Variativnost' oformleniya pryamogo dopolneniya pri russkom glagole [Variability of building direct objects alongside Russian verbs]*. Bachelor's graduation paper. St. Petersburg, 228 p. (In Russian)

Chujkova, O.Yu. (2016) “Ingestivnye” glagoly v russkom yazyke: nekotorye nablyudeniya [Some observations on ingestive verbs in Russian]. *Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, XII (1). St. Petersburg: «Наука» Publ., 251–262. (In Russian)

Dowty, D. (1991) Thematic proto-roles and argument selection. *Language*, 67 (3), 547–619. (In English)

Fedotov, M. L., Chujkova, O.Yu. (2013) К определению аспектуального значения лимитатива и вопросу об особенностях “делимитативной” деривации русского глагола [On the definition of limitative aspectual meaning and on the features of “delimitative” verbs in Russian] In: E. I. Grekhova (ed.), *Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию Ю. С. Маслова [From the past to the future. Collection*

of articles and memoirs to the 100th anniversary of prof. Yu. S. Maslov. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta Publ., 153–203. (In Russian)

Fedotov, M. L., Chujkova, O.Yu. (2016) Russkie delimitivnye predikaty i semantika perfekta [Russian delimitative predicates and perfect semantics]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij*, XII. (2). St. Petersburg: «Nauka» Publ., 67–83. (In Russian)

Glovinskaya, M.Ya. (1982) *Semanticheskie tipy vidovyh protivopostavlenij russkogo glagola* [Semantic types of aspectual oppositions of the Russian verb]. M.: Nauka Publ., 155 p.

Glovinskaya, M.Ya. (2001) *Mnogoznachnost' i sinonimiya v vido-vremennoj sisteme russkogo glagola* [Polysemy and synonymy in the tense-aspect system of the Russian verb]. Moscow: Azbukovnik Publ., 319 p. (In Russian)

Gorbova, E. V. (2019) K ogranicheniyu na imperfektivaciyu: imperfektiviruyutsya li russkie glagoly perfektyvnyh sposobov dejstviya? [To the Restriction on Imperfektivization: are Russian Verbs of Perfective Modes of Action Imperfectibly?] In: D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika (eds.), *Sbornik statej k 85 letiyu V. S. Xrakovskogo* [Collection of articles to the 85th anniversary of V. S. Xrakovskij]. Moscow: Izdatel'skij Dom YaSK Publ., 98–115. (In Russian)

Krékits, J. *Semantika i pragmatika vremenno-predel'nykh glagolov. Izmeneniya znachenij*. [Semantics and Pragmatics of time-limited verbs. Semantic changes] Budapest: Tankönyvkiadó Publ., 287 p. (In Russian)

Krifka, M. (1989) Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics. In: R. Bartsch, J. van Benthem, P. van Emde Boas (eds.), *Semantics and Contextual Expressions*. Dordrecht: Foris, 75–115. (In English)

Mehlig, H. R. (2008) Vzaimodejstvie mezhdú vidom i “nakopitel'nyymi” v russkom yazyke [The interaction between the verbal aspect and “incremental themes” in Russian]. In: A. V. Bondarko, G. I. Kustova, R. I. Rozina (eds.), *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst: Sbornik statej v chest' E. V. Paducevoj* [Dynamic Models: Word, sentence, text. In honour of E. V. Paduceva]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 562–593. (In Russian)

Paduceva, E. V. (1996) *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of the narrative]. Moscow: Yazyki russoj kul'tury Publ., 464 p. (In Russian)

Paduceva, E. V. (2004) «Nakopitel' efekta» i russkaya aspektologiya [The “incremental theme” and Russian aspectology]. *Voprosy yazykoznanija*, 5, 46–57. (In Russian)

Paduceva, E. V. (1998) On non-compatibility of Partitive and Imperfective in Russian. *Theoretical linguistics*, 24 (1), 73–82. (In English)

Petrukhina, E. V. (2012) *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim yazykami* [Aspect verb categories in Russian in comparison to Czech, Slovak, Polish and Bulgarian languages]. 2nd ed. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 256 p. (In Russian)

Shatunovskij, I. B. (2009) *Problemy russkogo vida* [Problems of the Russian aspect]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 352 p. (In Russian)

Wierzbicka, A. (1967) On the semantics of the verbal aspect in Polish. In: *To honor Roman Jakobson*. The Hague, Paris: Mouton, 2231–2249. (In English)

Александра Дерганц

доктор филологических наук, профессор
Философский факультет
Любляна, Ашкерчева 2, Словения
aleksandra.derganc@guest.arnes.si

Aleksandra Derganc

Filozofska fakulteta
Ljubljana, Aškerčeva 2, Slovenija
aleksandra.derganc@guest.arnes.si

Русское *поесть* : словенское *pojesti* (и немного о делимитативах в русском и словенском языках)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые различия между словенским глаголом *pojesti* и русским *поесть*. Словенской видовой паре *jesti* — *pojesti* (*jabolko*) в русском языке соответствует пара *есть* — *съест* (*яблоко*). Ясного делимитатива, соответствующего русскому переходному *поесть*, в словенском языке нет, ему соответствует «обычный» видовой коррелят *pojesti* и лексическое выражение ограниченности (напр., *malo*). Абсолютивному употреблению делимитатива *поесть* в функции видового коррелята с неопределённым *есть* в словенском языке соответствует или неопределённый несовершенный глагол *jesti* или предельный глагол совершенного вида *pojesti*, при котором должен находиться актанта в винительном падеже, часто неопределённое местоимение *nekaj/kaj*.

Роль делимитативов в словенском языке меньше, чем в русском, так как в словенском языке глагольный вид менее грамматикализован, чем в русском, и, следовательно, нет такой потребности в видовых парах. Тем не менее эта словообразовательная модель продуктивна (напр., *poguglati*). Существует тенденция «поддерживать» делимитативы лексическими средствами (наприм., *malo poguglati*).

Ключевые слова: *поесть*, *pojesti*, делимитативы с приставкой *po-/po-*, русский язык, словенский язык.

Russian *поесть* vs. Slovene *pojesti*: An overview of delimitatives in Russian and Slovene

Abstract. In the paper differences between the meaning and valency of the Slovene verb *pojesti* and the Russian verb *поесть* are discussed. It is pointed

out that — according to the work of several linguists (e. g. Petruhina, Dickey) — the role and productivity of delimitatives in *po-* is more important in the eastern aspectological type of Slavic languages. In Russian delimitatives can easily be used as functional perfective pairs of atelic verbs. The Slovene *pojesti* is the perfective pair of telic *jesti* (*jesti jabolko — pojesti jabolko*) and may appear without an accusative only in the meaning ‘to eat a meal’. In Russian the perfective pair of telic *есть* is *съесть*. *Поесть* has several meanings, among them also the perfective of atelic *есть*. In this meaning it can appear without an accusative, e. g. *Мы все любим вкусно поесть*. In Slovene this can be expressed either by telic *pojesti* and an accusative, often of the indefinite pronoun *nekaj/kaj* (*Vsi radi kaj dobrega pojemo*) or simply by atelic *jesti* (*Vsi radi dobro jemo*). The Russian transitive *поесть* (*суну*) should be translated into Slovene by adding a lexical element indicating a limited amount (*pojesti nekaj/malo juhe*).

Though the number of delimitatives in Slovene is lesser than in Russian it cannot be said that the delimitatives in *po-* are not productive, cf. the recent verb *pooguglati*.

Key words: *поесть, pojesti*, delimitative verbs, Russian, Slovene.

1. На разработку этой «узкой» темы меня вдохновил доклад Марины Яковлевны Гловинской, которая на конференции в Падуе в январе 2013 говорила о семантических характеристиках и сочетаемости глаголов *попить* и *поесть* в русском языке, а в печатной работе на эту тему привела и некоторые параллели с другими славянскими языками. При этом в очередной раз было подтверждено, что положение этих глаголов в русском и словенском языках схоже, но имеются и некоторые различия (Гловинская 2015).

2. В этой статье будут рассматриваться только рус. *поесть* и словен. *pojesti*. Первое различие между русским и словенским языком заключается в наличии в русском языке двух глаголов совершенного вида *поесть* и *съесть*, а в словенском одного — *pojesti*. Совершенный вид для предельного действия *jesti jabolko*, или *есть яблоко*, в словенском языке представлен глаголом *pojesti jabolko*, а в русском — *съесть яблоко*. Таким образом, словенской видовой паре *jesti — pojesti* соответствует русская видовая пара *есть — съесть*.

3. Положение русского *поесть* кажется (по крайней мере, не носителю языка) более сложным. В одном из значений этот глагол представляет собой делимитативный способ глагольного действия (А. Зализняк, Шмелев 1997, 94; ср. также Федотов, М. Л., Чуйкова, 2013, 173). Определение в (БТС) указывает на ограниченность действия (первое значение): 1. *что и чего*. Съесть некоторое количество чего-л. *П. бы чего-нибудь! Поест — и вздремнёт*. Судя по примерам в сло-

варе, этот глагол может использоваться как переходный и как непереходный.

3.1. Примеры переходного употребления на словенский язык можно перевести с помощью «обычного» предельного видового коррелята *pojesti*, но ограниченность нужно выразить лексически с помощью неопределенного местоимения *nekaj/kaj* ‘что-то, что-нибудь’ или словом *malo* ‘немного’, поскольку сам по себе глагол *pojesti* ограниченности не выражает (большинство примеров из Гловинская 2015):

- (1) *Поестъ бы чего-нибудь! Kaj bi pojedel!*
- (2) *Я поел слив. Pojedel sem malo/nekaj sliv.*
- (3) *поестъ гречневой каши, ягод, меду, супу; pojesti malo/nekaj ajdove kaše, jagod, medu, juhe.*

3.2. В случаях, когда *поестъ* употребляется абсолютно (как непереходный глагол), напр., *любит поестъ, вкусно поели, наконец-то хорошо поели* (Гловинская 2015, 261), кажется, что перед нами делимитатив неопределенного глагола *есть*, то есть это одна «порция» деятельности *есть* (А. Зализняк, Шмелев 1997, 94). Такие примеры на словенский язык можно перевести двумя способами: с помощью предельного *pojesti*, имеющего объект — обычно неопределенное местоимение *nekaj/kaj* — или бесприставочным глаголом несовершенного вида *jesti*, у которого, помимо предельного (*jesti jabolko* ‘есть яблоко’), может быть и неопределенное значение (*jesti hitro* ‘есть быстро’). Делимитатива от неопределенного *jesti* в словенском языке, кажется, нет.

- (4) *Может тебе поестъ перед уходом? Ali bi kaj pojedel pred odhodom? Ali bi jedel pred odhodom?*
- (5) *Мы хорошо поели. Dobro smo jedli. ??Dobro smo pojedli.*
- (6) *Он любит вкусно поестъ. On rad kaj dobrega poje. ??On rad dobro poje.*
- (7) *Sem človek, ki rad dobro je [...]* (корпус «Nova beseda») ‘Я человек, который любит хорошо поестъ’.
- (8) *Trener rad kaj dobrega poje [...]* (корпус «Nova beseda») ‘Тренер любит вкусно поестъ’.

3.3. Есть одно значение русского *поестъ* и словенского *pojesti*, которое в обоих языках более или менее совпадает, и глагол при этом употребляется абсолютно. Это значение М. Я. Гловинская описывает как «осуществить процедуру, съев то, что предназначено для данного приема пищи или столько из него, чтобы утолить голод».

«Словарь словенского литературного языка 2» (SSKJ2) это значение словенского глагола описывает как «končati jed, jedenje»: *pojedel je in odšel* («закончить прием пищи»: *он поел и ушел*). В (БТС) это значение особо не выделяется. М. Я. Гловинская отмечает, что в этом смысле значение глагола *poest* схоже со значением глаголов *pozavtraktat*, *poobedat*, *poужинat* и можно рассматривать его как видовой коррелят к *est* (Гловинская 2015, 263; А. Зализняк, Шмелев 1997, 94; Федотов, Чуйкова, 2013, 170).

- (9) *Он поел за десять минут. Pojedel je v desetih minutah.*
(10) *Ко je pojedel, je spravił plačilo v žep in odšel* (корпус «Nova beseda») *‘Когда он поел, он положил деньги в карман и ушел’.*

4. Упомянутые различия заставляют задуматься и о вопросе положения делимитативов в словенском и русском языках.

4.1. Е. В. Петрухина (2000, 187–190) изучала различия в функционировании делимитативов в русском и некоторых западнославянских языках (чешском, словацком, польском) и обратила внимание на различное положение таких глаголов в исследованных языках, что связано с различным видовым поведением в западной и восточной ‘видовой’ группе славянских языков. О делимитативах в славянских языках писали также С. Дики и Д. Хатчесон (Dickey, Hutcheson 2003). Учитывая большую грамматикализованность глагольного вида в русском языке, чем в языках «западного» типа видового функционирования, необходимость видовых пар или хотя бы их приблизительных коррелятов в русском языке больше, чем в языках западного типа. Это причина бóльшей продуктивности делимитативов с приставкой *po-* в русском языке, чем в языках западного типа, поскольку этим достигается возможность образования собственно видовых пар или приблизительных видовых пар (на этот счет авторы расходятся во мнениях) от неопределенных глаголов (Петрухина 2000, 187; Dickey, Hutcheson 2003; Tommola 2015).

С. Дики и Д. Хатчесон также коснулись темы делимитативов в словенском языке, обнаружив при изучении «Словаря словенского литературного языка» 108 делимитативов, образованных с помощью приставки *po-*, что намного меньше (даже учитывая разное количество слов в словарях и возможные спорные случаи), чем в русском языке, где они насчитали 521 делимитатив (Dickey, Hutcheson 2003, 23–27). Этот результат ожидаем, учитывая, что словенский язык относится к «западному» типу видового поведения. На различия меж-

ду словенским и чешским, с одной стороны, и русским, с другой стороны, при выражении ограниченности действия указывает и Е. В. Петрухина (2019), но нужно отметить, что положение делимитативов в словенском языке представляется все же иным, чем в чешском. Этот вопрос еще требует детального изучения.

4.2. О способах глагольного действия в словенском языке и о выражающих их приставках говорят Й. Топоришич (Toporišič 2000, 353), А. Видович Муха (Vidovič Muha 1993, 174) и М. Шекли (Šekli 2015, 94–95), но не в контексте видового функционирования.

4.3. Здесь хотелось бы рассмотреть лишь некоторые различия в возможностях образования делимитативов с приставкой *po-* в словенском и русском языке.

4.3.1. В русском языке существуют делимитативы от глаголов неопределенного движения *походить*, *поносить*, *повозить* и т. д. ('немного, некоторое время ходить, носить, возить'), которых в словенском языке нет (Derganc 2014). В словенском языке есть переходные глаголы *pohoditi* 'затоптать, напр. цветы', *povoziti* 'сбить (транспортным средством)', *ponositi* 'износить, напр. одежду'. Существует, однако, делимитатив *pobroditi* 'побродить'.

Глаголы *posedeti* и *poležati* также, помимо делимитативного значения, при котором они непереходны, имеют и значение 'испортить в процессе сидения / лежания', напр., '*posedeti, poležati travo*' (примять траву, сидя/лежа на ней) и являются в этом случае переходными. *Popisati, porisati* переходны и имеют значение 'покрыть поверхность знаками письма / рисунками (исписать, изрисовать)' — в отличие от русского, где возможен контекст *Он написал полчаса и бросил* ('Pol ure je pisal, potem pa odnehal') (Исаченко 1960, 235).

4.3.2. Наиболее ясные делимитативы в словенском языке, как и в русском, образуются, разумеется, от непереходных неопределенных глаголов, обозначающих более или менее гомогенный процесс: *posedeti* 'посидеть', *poležati* 'полежать', *pomolčati* 'помолчать', *poigrati se* 'поиграть', *pojokati* 'поплакать', *potelovaditi* 'поделать гимнастику', *podebatirati* 'подискутировать', *polenariti* 'полениться — лениться некоторое время'... В «Словаре словенского литературного языка» во всех толкованиях этих глаголов видим наречие 'немного, недолго'. Все эти глаголы непереходны и неопределены. Менее ясно значение делимитативности в случаях с переходными глаголами, хотя в их толкованиях тоже встречается наречие 'немного, недолго'. Здесь значение делимитативности часто сближается со значением 'одного акта действия': *počohati (kravo)* 'погладить (корову)', *poljubkovati (otroka)* 'поласкать (ребенка)', *popahljati (obraz)* 'пооб-

махивать (лицо)’, *popraskati (psa)* ‘почесать (собаку)’, *porahljati (blazino)* ‘повзбивать (подушку)’, ср. также (Krvina 2015, 118). У переходных глаголов делимитативность приставочных глаголов с приставкой *po-* более ясна, если существует также предельная видовая пара с другой приставкой: *dušiti — podušiti — zdušiti (meso)* ‘тушить — (немного) потушить — потушить мясо’; *kuhati — pokuhati — skuhati (krompir)* ‘варить — поварить — сварить (картошку)’; *cvreti — pocvreti — ocvreti (slanino)* ‘жарить — (немного) пожарить — пожарить (бекон)’.

4.3.3. Тем не менее приставка *po-* в словенском языке в делимитативном значении продуктивна, хотя и в меньшей мере, чем в русском. Об этом свидетельствует, напр., сравнительно новое образование *poguglati* ‘погуглить’, который в (SSKJ 2) имеет толкование ‘poiskati informacije na spletu s spletnim iskalnikom Google: *niti poguglati se mu ni ljubilo* // *krajši čas iskati informacije na spletu s tem iskalnikom: malo poguglati in preveriti po internetu*’ («поискать информацию в интернете с помощью браузера Google: *niti poguglati se mu ni ljubilo* ‘даже (по) гуглить ему не хотелось’ // искать информацию в интернете с помощью этого браузера непродолжительное время: *malo poguglati in preveriti po internetu* ‘немного погуглить и проверить в интернете’»). Существует и переходный глагол *guglati* ‘гуглить что-либо’ с переходным видовым коррелятом *poguglati* ‘погуглить что-либо’:

- (11) «Ko mi je Mario povedal zanjo, sem **jo poguglal**, da vidim, kdo je ta mula, «, je v intervjuju za *Lady* o svoji sovoditeljici dejal Kopal. <https://www.slovenskenovice.si/bulvar/domacitrac/boris-ni-vedel-kdo-je-nina-moral-jo-je-poguglati>
‘«Когда Марио рассказал мне о ней, я **ее погуглил**, чтобы посмотреть, что это за девушка», — сказал Кобал в интервью журналу «Lady» о своей соведущей’.

Глагола *poanalizirati* ‘поанализировать’ нет в «Словаре словенского литературного языка», но в интернете можно найти немало примеров:

- (12) *Malo pobrskaj po spominu, po sebi in svojem umu, ... in poanaliziraj.* <https://www.cosmopolitan.si/forum/custva/te-ko-se-zaljubim-t21943.html>
‘Немного покопайся в памяти, в себе и в своем разуме, ... и поанализируй’.

4.3.4. Существует тенденция снабжать делимитативы лексической поддержкой, например, наречием *malo* ‘немного, чуть-чуть’. В кор-

пуге «Nova beseda» на первой странице результатов поиска слов *posedi* (3 л. ед. ч. и императив: *posidum* и *posidi*) и *posedel* ('посидел') наблюдаем примерно одинаковое число вхождений с 'malo' (35) или другим выражением времени и без 'malo' (40).

(13) *Martin, posedi še malo, koj pridem.* 'Мартин, посиди еще немного, я сейчас приду'.

(14) *Po kosilu posedi doma, v kavarno ne smeš.* 'После обеда посиди дома, в кафе не ходи'.

5.1. Мы рассмотрели некоторые различия между словенским *pojesti* и русским *поесть*. Мы обратили внимание, что словенскому переходному глаголу *pojesti* (*jabolko*), представляющему видовую пару к предельному *jesti*, в русском языке соответствует глагол *съесть* (*яблоко*). Делимитатива, соответствующего русскому переходному *поесть*, в словенском языке нет, его значение можно выразить предельной видовой парой *pojesti* и лексическим выражением ограниченности (напр., *malo*). Непереходному употреблению *поесть* в значении 'закончить прием пищи' в словенском языке соответствует *pojesti*. Непереходному употреблению глагола *поесть* в случае его видовой корреляции с неопределенным глаголом *есть* в словенском соответствует или непереходный неопределенный глагол *jesti*, или переходный предельный глагол *pojesti*, при котором должен находиться актанта в винительном падеже (часто неопределенное местоимение *nekaj/kaj*).

5.2. По поводу положения делимитативов с приставкой *po-* в словенском языке пока можно сказать, что их меньше, чем в русском языке, и что существует тенденция «подкреплять» их лексическими средствами, напр., *malo*, но эта словообразовательная модель продуктивна (напр., *poguglati*). В любом случае существует необходимость более глубокого изучения образования и функционирования делимитативов в словенском языке.

ЛИТЕРАТУРА

БТС — Кузнецов, С. А. и др. (2003) *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: «Норинт», 1535 с.

Гловинская, М. Я. (2015) Роль прагматики в формировании видовой парности. Глаголы *поесть* и *пить* в современном русском языке. В кн.: Benacchio, Rosanna (ред.), *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст = Verbal aspects : grammatical meaning and context*, (Die Welt der Slaven, Sammelbände, = Sborníki, Bd. 56). München: Verlag Otto Sagner, 259–266.

Исаченко, А. В. (1960) *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*. Морфология. Часть вторая. Братислава: Издательство словацкой Академии наук, 577 с.

Петрухина, Е. В. (2000) *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. М.: Изд. МГУ, 254 с.

Петрухина, Е. В. (2019) Интерпретация видовых различий между русским, чешским и словенским языками. *Slavistična revija*, 67/1, 31–47.

Томмола, Ханну (2015) Делимитативы — неопредельные глаголы совершенного вида. В кн.: Китадзэ, Мицуси (ред.), *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития: сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13–15 ноября 2015 г.* Киото: Университет Киото Сангэ, 292–299.

Федотов, М. Л., Чуйкова, О. Ю. (2013) К определению аспектуального значения лимитатива и к вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола. В кн.: Грехова Е. И. (отв. ред.) *Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, с. 153–203.

Зализняк, Анна А., Шмелев, А. Д. (1997) *Лекции по русской аспектологии*. Muenchen: Verlag Otto Sagner, 151 с.

Derganc, Aleksandra (2014) Še o glagolih premikanja v ruščini in slovenščini. V: Vidovič Muha, Ada, Žele, Andreja (ur.). *Prostor v jeziku in jezik v prostoru = Space in language and language in space*. *Slavistična revija*, 62/3. 345–351.

Derganc, Aleksandra (2018) Vsi radi kaj dobrega pojemo (k delimitativom v ruščini in slovenščini). V: Strsoglavec, Đurđa (ur.), Subiotto, Namita (ur.). *Beseda premosti čas in prostor : posvečeno Vladimirju Osolniku*, (Knjižna zbirka Slavica Slovenica, št. 3). 1. izd. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. 2018, 77–86.

Dickey, Stephen M., Hutcheson, Julie (2003) Delimitative Verbs in Russian, Czech and Slavic. In: Maguire, Robert A., Timberlake, Alan (eds.), *American Contributions to the 13th International Congress of Slavists*. Slavica: Bloomington, 23–37.

Krvina, Domen (2015) Vidsko razmerje in vidskorazmerni potencial predponskih obrazil v slovenščini. *Slovenski jezik — Slovene linguistic studies*, 10, 113–126.

Nova beseda. Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. Laboratorij za Korpusno jezikoslovje. http://bos.zrc-sazu.si/nova_beseda.html

SSKJ 2 — Slovar slovenskega knjižnega jezika 1–2: druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. Ljubljana: ZRC SAZU in Cankarjeva založba. 2014. http://www.fran.si/sskj2_-jezika

Šekli, Matej (2016) Gramatikalizacija glagolskih predpon: krajevni pomen, vrsta glagolskega dejanja, dovršnost. V: Erika Kržišnik, Miran Hladnik (ur.). *Toporišičeva obdobja*. UL FF, Oddelek za slovenistiko, Center za slovenščino kot drugi in tuji jezik 2016: Ljubljana, 189–201.

Vidovič-Muha, Ada (1993): Glagolske sestavljenke — njihova skladenjska podstava in vezljivostne lastnosti. *Slavistična revija*, 41/1, 161–192.

Toporišič, Jože (2000) *Slovenska slovnica*. Maribor: Obzorja, 923 с.

REFERENCES

BTS — Kuznetsov, S. A. et al. (2003) *Bol'shoy tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of Russian Language]. Peterburg: «Norint» Publ., 1535 p. (In Russian)

Derganc, Aleksandra (2014) Še o glagolih premikanja v ruščini in slovenščini [Another Look at the Verbs of Motion in Russian and Slovene]. In: Vidovič Muha, Ada, Žele, Andreja (eds.), *Prostor v jeziku in jezik v prostoru = Space in language and language in space. Slavistična revija*, 62/3, 345–351. (In Slovene and English)

Derganc, Aleksandra (2018) Vsi radi kaj dobrega pojemo (k delimitativom v ruščini in slovenščini) [We all like to eat well (On Delimitatives in Russian and Slovene)]. In: Strsoglavce, Đurđa (ed.), Subiotto, Namita (ed.). *Beseda premosti čas in prostor : posvečeno Vladimirju Osolniku [The Word Bridges Time and Space: Dedicated to Vladimir Osolnik]*, (Knjižna zbirka Slavica Slovenica, št. 3). 1st ed. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Publ., 77–86. (In Slovene)

Dickey, Stephen M., Hutcheson, Julie (2003) Delimitative Verbs in Russian, Czech and Slavic. In: Maguire, Robert A., Timberlake, Alan (eds.), *American Contributions to the 13th International Congress of Slavists*. Slavica: Bloomington, 23–37. (In English)

Fedotov, M. L., Chujkova, O.Yu. (2013) K opredeleniyu aspektual'nogo znacheniya limitativa i k voprosu ob osobennostyakh «delimitativnoj» derivatsii russkogo glagola [On the definition of limitative aspectual meaning and on the features of “delimitative” verbs in Russian]. In: Grekhova E. I. (ed.). *Iz proshlogo v budushee. Sbornik statej i vospominanij k 100-letiyu professora Yu.S. Maslova [From the past to the future. Collection of articles and memoirs to the 100th anniversary of Professor Yu.S. Maslov]*. St. Petersburg: Saint Petersburg State Univ. Publ., 2013, 153–203. (In Russian)

Glovinskaya, M.Ya., (2015) Rol' pragmatiki v formirovanii vidovoy parnosti. Glagoly *poest'* i *popit'* v sovremennom russkom yazyke [The Verbs *poest'* and *popit'* in Contemporary Russian]. In: Benacchio Rosanna (ed.), *Glagol'nyj vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst = Verbal aspects : grammatical meaning and context*, (Die Welt der Slaven, Sammelbände, = Sborniki, Bd. 56). München: Verlag Otto Sagner, 259–266. (In Russian)

Isachenko, A. V. (1960) *Grammaticheskij stroj russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim [The grammatical system of Russian in comparison with Slovak]*. Morphology. Part 2. Bratislava: Slovak Academy of Sciences Publ., 570 p. (In Russian)

Krvina, Domen (2015) Vidsko razmerje in vidskorazmerni potencial predponskih obrazil v slovenščini [Aspectual correlation and aspectual-correlation potential of prefixes in Slovene]. *Slovenski jezik — Slovene linguistic studies*, 10, 113–126. (In Slovene)

Nova beseda. Fran Ramovš Institute of Slovenian Language ZRC SAZU. Corpus Laboratory. http://bos.zrc-sazu.si/nova_beseda.html (In Slovene)

Petrukhina, E. V. (2000) Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim yazykami. [Aspectual Categories in Russian Compared to Czech, Slovak, Polish and Bulgarian]. Moscow: MGU Publishers, 254 p. (In Russian)

Petrukhina, E. V. (2019) Interpretatsiya vidovykh razlichiy mezhdru russkim, cheshskim i slovanskim yazykami [Interpretation of Aspectual Differences between Russian, Czech and Slovene]. *Slavistična revija*, 67/1, 31–47. (In Russian)

SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika [Dictionary of Standard Slovene]. I-IV. Ljubljana: SAZU in DZS, 1970–1991. <http://www.fran.si/sskj2>

Šekli, Matej (2016) Gramatikalizacija glagolskih predpon: krajevni pomen, vrsta glagolskega dejanja, dovršnost [Grammaticalization of Verbal Prefixes: Local Meaning, Aktionsart, Perfectivity]. In: Erika Kržišnik, Miran Hladnik (eds.). *Toporišičeva obdobja*. UL FF, Oddelek za slovenistiko, Center za slovenščino kot drugi in tuji jezik 2016: Ljubljana, 189–201. (In Slovene)

Vidovič-Muha, Ada (1993) Glagolske sestavljenke — njihova skladenjska podstava in vezljivostne lastnosti [Prefixed Verbs — Syntactic Basis and Valency]. *Slavistična revija*, 41/1, 161–192. (In Slovene)

Tommola, Hannu (2015) Delimitativy — nepredel'nye glagoly sovershennogo vida [Delimitatives — Atelic Perfective Verbs]. In: Kitajo, M. (ed.). *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya: sbornik statey V Mezhdunarodnoy konferentsii Komisii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov, Kioto, 13–15 noyabrya 2015 g.* [*Aspectual Semantic Zone: Typology of the Systems and Scripts of Diachronic Progresses: Contributions to the 5th International Conference of the Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists, Kyoto, 13th-15th November 2015*]. Kyoto: Kyoto Sangyo University, 292–299. (In Russian)

Toporišič, Jože (2000) *Slovenska slovnica [Slovene Grammar]*. Maribor: Obzorja, 923 p. (In Slovene)

Zaliznyak, Anna A., Shmelev A. D. (1997) *Leksii po russkoy aspektologii [Papers in Russian Aspectology]*. Munich: Verlag Otto Sagner, 151 p. (In Russian)

Стивен М. Дики
Доктор наук, профессор
Канзасский университет
США, 66045, Канзас, г. Лоренс, Джейхок бул., 1445.
smd@ku.edu

Stephen M. Dickey
Doctor; professor
University of Kansas
1445 Jayhawk Blvd., Lawrence, Kansas 66045, USA
smd@ku.edu

Сопоставительный анализ грамматической категории аспекта в русском языке и стандартном варианте китайского языка

Аннотация. В данной работе проводится сопоставительный анализ систем глагольного аспекта в русском языке и стандартном варианте китайского языка (мандаринском китайском), при этом особое внимание уделяется ранее не описанным в литературе сходствам и различиям в области аспектуальной морфологии и употребления. С точки зрения морфологии системы русского и китайского языков сходны в том, что обе являются лексико-грамматическими. Категория аспекта в русском языке основана на (относительно недоспецифицированной) лексической префиксации, например *про-читать* ‘читать насквозь’ и *на-ходить-ся* ‘(у)ходить самого себя до усталости’. В китайском сходные понятия образуются посредством словосложения, результатом которого являются композиты с особой результативной семантикой, напр., *kan-wan* ‘читать-закончить’ и *zou-lei* ‘ходить-устать’. Помимо образования предельных композитов-результативов, для формирования делимитативов используется комбинация семантически пустого суффикса *-le* в постпозиции к основе и редупликация основы глагола, напр., *zou le zou* ‘ходить немного’ (ср. *походить*). Важное межъязыковое различие заключается в строгой бинарности системы русского языка, и в том, что в русском имеются формы вторичного имперфектива (например, *прочитывать*), в то время как бинарность для системы китайского языка не характерна, а суффиксы имперфективации (напр., показатель прогрессива *zhe*) не могут сочетаться с композитами-результативами.

Что касается употребления, то в настоящей статье основное внимание уделяется параллелизму в использовании перфективов в русском и китайском языках в функции обозначения последовательности действий русским совершенным видом и китайским показателем *-le* в хабитуальных контекстах.

Ключевые слова: русский глагольный аспект, стандартный (мандаринский) китайский, глагольный аспект, префиксация, глагольные композиты-результативы, грамматикализация, делимитативные глаголы.

A Comparison of Russian and Mandarin Chinese Verbal Aspect

Summary. This presentation compares the systems of verbal aspect in Russian and Mandarin Chinese, focusing on similarities and differences in aspectual morphology and usage that have not been discussed in the literature. Regarding morphology, Russian and Chinese are similar in that both of their systems are lexico-grammatical. Russian aspect is based on a system of (relatively underspecified) lexical prefixation, e. g., *про-читать* ‘read through’ and *на-ходить-ся* ‘walk oneself tired’. Chinese creates the same kind of notions through compounding, which creates semantically specific resultative verb compounds, e. g., *kan-wan* ‘read-finish’ and *zou-lei* ‘walk-tired’. Outside of telic resultative verb compounds, the semantically bleached post-verbal suffix *-le* can combine with reduplicated verbs to create delimitatives, e. g., *zou le zou* ‘walk a bit’ (cf. *походить*). An important difference lies in the fact that the Russian system is strongly binary and consists of secondary resultative imperfectives (e. g. *про-читывать*), whereas the Chinese system is not binary, and no imperfective suffixes (e. g., progressive *zhe*) combine with resultative verb compounds. Regarding usage, the present paper focuses on parallels between perfective usage in Russian and Chinese regarding the sequencing function of Russian perfective verbs and Chinese *-le* in contexts of habitual repetition.

Key words: Russian verbal aspect, Mandarin Chinese verbal aspect, prefixation, resultative verb compounds, grammaticalization, delimitative verbs.

1. Introduction: Previous Literature

At present the linguistic scholarship dedicated to the description and analysis of Russian verbal aspect is vast (by way of example, cf. Bondarko 1971 and Leinonen 1982). Mandarin Chinese aspect has increasingly been the subject of linguistic analysis as well (cf. Smith 1994 and Xiao and

McHenry 2004). However, the number of comparative analyses of Russian and Mandarin Chinese aspect is vanishingly small. Smith (1997) presents separate chapters on Russian and Mandarin, but does not engage in any direct comparison. (Dahl 1985 presents a typological framework that could serve as the foundation for a comparison, but discusses too many languages to be able to devote space to a comparison of Russian and Mandarin.) In the Chinese literature, my colleague Dr. Yan Li could only find two MA theses and one PhD dissertation (Feng 2016) on the subject, whose discussions are rather basic and do not affect the arguments presented here.

While at first blush the aspectual systems of Russian and Mandarin Chinese seem very different, there are several elements shared by both, which I believe are important in an overall typology of aspect. These include both morphological features, in particular the presence of a semantically bleached marker of perfectivity that combines with adjectives as well as verbs in both languages, and patterns of usage, such as the general restriction of the perfective to single events in the past. The following sections present a brief discussion of these points while taking the differences into account as well, as a basis for further investigation.

2. Morphology: Markers of Perfectivity

At first blush the morphological systems of verbal aspect in Russian and Mandarin Chinese seem to have little in common. The Russian system is a strongly binary system in which 16 prefixes and one suffix are the markers of the perfective aspect, whereas imperfective verbs are either simplex verbs or contain an imperfectivizing suffix (*-iva-*). The Mandarin Chinese system is based on aspectual function words of which according to Xiao and McHenry (2004) there are four imperfective markers (durative *zhe*, progressive *zai*, inceptive *qilai* and continuative *xiaqu*), and four perfective markers (perfective *-le*, experiential *guo*, delimitative reduplication and a class of result words that form resultative verb compounds or RVCs). Simplex verbs tend to be imperfective, but there is no equivalent to derived imperfectives in Mandarin Chinese.

The marking of perfectivity in both languages is based on lexical classification. In Russian, prefixes are morphemes with clearly lexical content (with the exception of *no-*) that classify verbs according to spatial trajectories. In Mandarin Chinese, perfective markers are result words or verbs with lexical content, cf., e. g., the result word *wan* ‘finish’ in the RVC *xie-wan* ‘write-finish’, cf. also the experiential perfective marker *guo*, which is a verb meaning ‘pass through’. In each system, however,

there is a single bleached marker. Russian *po-* is bleached in the sense that it has lost its original spatial meaning of surface contact (Voloxina and Popova 1997: 37–9, Shull 2003: 158), i. e., it has been despatialized to express abstract temporal limitation; in Mandarin Chinese, *-le* is the bleached perfective marker, which developed from the full verb *liao* ‘finish’.

Thus, the systems for marking perfective categories in both languages are lexico-grammatical, based on classes of lexical morphemes that classify predicates according to their outcomes. A major difference is that in Russian, spatial prefixes underspecify, profiling the (often metaphorical or metonymic) trajectories of actions that lead to particular changes of state, whereas in Mandarin Chinese result words profile the result state much more specifically. Examples are Russian *do-nucatʹ* ‘up to-write = finish writing’ vs. Mandarin Chinese *xie-wan* ‘write-finish’ and Russian *pru-zhitʹ-sja* ‘by-live-self = live with and get used to’ vs. Mandarin Chinese *guo-guan* ‘live-used to’.

Interesting parallels between the perfective markers of the two languages involve the bleached markers *no-* and *-le*. First, delimitatives in both languages are created by means of these markers: in Russian, prefixation with *no-* is the productive manner of deriving delimitative verbs, e. g., *no-xoditʹ* ‘walk for a while’, and in Mandarin Chinese the reduplication that creates delimitatives always combines with *-le*, e. g., *zou-le zou* ‘walk-LE walk = ‘walk for a while’. Second, both markers combine with adjectives to create expressions of degree: in Russian, *no-* combines with the comparative degree of adjectives to create elative forms meaning ‘a little more X’, e. g., *no-bystrее* ‘a little quicker’, and in Mandarin Chinese *-le* combines with adjective phrases meaning ‘too X’ or ‘extremely X’, e. g., *Tang xian le* ‘soup salty LE = The soup is too salty’ (cf. Chang 1986: 32, and others).

Such parallels, which go beyond the simple meaning of completion of a telic situation, indicate that the meaning expressed by the perfective is more than attained telicity/change of state in both languages. Further similarities providing evidence that the perfective expressed more than attained telicity/change of state exist in the domain of aspectual usage; one of these, aspectual usage in contexts of habitual repetition, is discussed in the next section.

3. Usage Patterns: Contexts of Habitual Repetition

Whereas some Slavic languages, e. g., Czech, easily allow the perfective in contexts of habitual repetition, Russian generally prohibits perfective verbs in contexts of habitual repetition (cf. Dickey 2000,

chapter 2 and the references cited there). The most severe restriction is in the past tense (1a), and only in embedded contexts of sequentiality (usually a relative clause) is a perfective past-tense verb possible (1b); the examples were taken from Minor (2019).

- (1a) Саша всегда **выигрывал**^{IMPF}/***выиграл**^{PF} в эту игру.
 (1b) В этой игре всегда **выигрывал**^{IMPF} тот, кто **делал**^{IMPF}/**сделал**^{PF} первый шаг.

In contexts of habitual repetition in the present tense, the restriction of use of the perfective present is not quite so strong, but the perfective is nevertheless primarily acceptable in a context of sequentiality (the so-called *наглядно-примерное значение СВ* ‘graphic-exemplary meaning of the PF’), as shown in (2a–b), taken from Dickey and Kresin (2009).

- (2a) Каждый день он **выпивает**^{IMPF}/***выпьет**^{PF} по одной рюмке водки.
 (2b) Он всегда так — **выпьет**^{PF} кофе и **пойдет**^{PF} на работу.

Note again that not all Slavic languages restrict the perfective aspect in this way. Czech and Bosnian/Croatian/Serbian each allow the perfective in contexts of habitual repetition, to varying degrees. Thus, restricting the perfective is not a trivial feature of an aspectual system. Interestingly, Mandarin Chinese also restricts perfective markers in contexts of habitual repetition. Let us consider the present tense first. As shown in (3a), taken from Ljungqvist (2003: 67), perfective *-le* is generally unacceptable in contexts of habitual repetition in single main clauses:

- (3a) Та changchang **kan** (***-le**) dianyang.
 ‘He often watches movies.’

However, in a sequence of events *-le* becomes acceptable, as shown in (3b), taken from Ljungqvist (2003: 105):

- (3b) Та changchang **chi-le** fan jiu **kan** dianyang.
 ‘He often eats, then goes to the movies.’

In (3b), the eating event (*chi-le*) is perfective because it precedes event of going to the movies (*kan*) in every episode.

Similarly, Mandarin Chinese restricts *-le* in contexts of habitual repetition in the past tense, as shown in (4a):

- (4a) Та changchang **xie** (***-le**) xin.
 ‘He often wrote letters.’

The only deviation that I am aware of is that an RVC can occur in a context of habitual repetition if sequentiality is present. Thus, the RVC *xie-hao* ‘write-good’ can occur in such contexts, as shown in (4b):

- (4b) Ta changchang **xie-hao** xin zai **kan** shu.
‘He often wrote letters then read books.’

Note that even in this context *-le* is unacceptable (examples 4a–b and the judgements given above were kindly provided by Dr. Yan Li). Ordinarily, a perfective RVC is considered to include *-le* (cf. Yu 2018), so the aspectual status of an RVC without *-le* is not entirely clear and requires further investigation.

To sum up, Mandarin Chinese resembles Russian in that it restricts the perfective aspect in contexts of habitual repetition in the present and past, allowing it primarily in contexts of sequentiality in repeated episodes. Dickey (2000), following Leinonen (1982), analyzes such usage as indicating an element of temporal uniqueness in the semantic meaning of the Russian perfective aspect. There are many differences between aspectual usage in Russian and Mandarin Chinese, the facts presented above can be interpreted as evidence that Mandarin Chinese *-le* also expresses temporal uniqueness in addition to a temporal boundary.

4. Conclusion

To date there have been almost no comparisons of verbal aspect in Russian and Mandarin Chinese. While it is clear that the aspectual system of Mandarin Chinese will differ from that of Russian in many ways, there are nevertheless some striking parallels between the two systems. This article has presented some facts of aspectual morphology and usage which suggest that the aspectual systems of the two languages employ similar mechanisms. With respect to morphology, both systems are based on lexical markers of perfectivity (prefixes in Russian, result words in Mandarin Chinese). Further, each system has a grammaticalized marker of perfectivity: in Russian, *no-* has lost its original spatial meaning, and in Mandarin Chinese *-le* represents a bleached and eroded form of *liao* ‘finish’. In each system the grammaticalized marker is the means of forming delimitative verbs/constructions (in combination with reduplication in Mandarin Chinese), and in each the grammaticalized marker also combines with adjectives in constructions of degree. With respect to usage, both languages restrict the perfective in contexts of habitual repetition.

In previous work (e. g., Dickey 2000, 2006), I have connected the productivity of delimitatives to the function of the perfective to signal temporal uniqueness. Mandarin Chinese seems to fit in with this correlation. Other similarities exist, such as the function of the perfective to signal the expectation that an event has occurred in the recent past, but limitations on space prevent a discussion of them here. In any case it is my hope that further research will elucidate the similarities and differences between Russian and Mandarin Chinese aspect in a clear and comprehensive way.

REFERENCES

- Chang, Vincent Wu-Chang. 1986. *The Particle le in Chinese Narrative Discourse: An Integrative Description*. PhD dissertation, University of Florida.
- Dahl, Östen. 1985. *Tense and Aspect Systems*. Oxford.
- Dickey, Stephen M. 2000. *Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach*. Stanford.
- Dickey, Stephen M. 2006. Aspectual Pairs, Goal Orientation and *po-* Delimitatives in Russian. *Glossos* 7:
https://slaviccenters.duke.edu/sites/slaviccenters.duke.edu/files/media_items_files/7dickey.original.pdf
- Dickey, Stephen M. and Susan H. Kresin. 2009. Aspect and Negation in Russian and Czech. *Russian Linguistics* 33(2): 121–76.
- Feng, Zhu. 2016. *Research on the Comparison of Russian and Chinese Aspectual Semantic Markers—Based on the Corpus of Quiet Flows the Don and its Chinese Translations*. PhD dissertation, Heilongjiang University.
- Leinonen, Marja. 1982. *Russian Aspect, “темпоральная локализация” and Definiteness/Indefiniteness*. Helsinki.
- Ljungqvist Arin, Marita. 2003. *Aspect, Tense and Mood: Context Dependency and the Marker le in Mandarin Chinese*. PhD dissertation, Lund University. Source 2.
- Minor, Sergey. 2019. Aspect and Quantification. Paper presented at *Aspect in the Arctic*, Tromsø, Norway, 5 September 2019.
- Shull, Sarah. (2003) *The Experience of Space: The Privileged Role of Spatial Prefixation in Czech and Russian*. Munich.
- Smith, Carlota. 1997. *The Parameter of Aspect*. Dordrecht.
- Yu, Shuo. 2018. *Resultative Constructions in Mandarin Chinese from the Perspective of Construction Grammar: A Cognitive-Typological View*. PhD dissertation, Lancaster University.
- Xiao, Richard and McEnery, Tony. (2004) *Aspect in Mandarin Chinese. A Corpus-Based Study*. Amsterdam.
- Бондарко, А. В. (1971) *Вид и время русского глагола*. Москва.
- Волохина, Г. А., Попова, З. Д. (1997) Категория глагольного вида в свете семантического устройства глагольных приставок. *Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Том 3*. Москва: 34–41.

Наталья Владимировна Гагарина

Доктор филологических наук,
приглашенный профессор Уппсальского университета
Исследовательский центр общей лингвистики им. Лейбница
Германия, 10117, Берлин, Шютценштрассе 18
gagarina@leibniz-zas.de

Natalia V. Gagarina

Doktor fil. nauk, guest professor Uppsala University
Leibniz-Center General Linguistics
Schützenstraße 18
10117 Berlin, Germany
gagarina@leibniz-zas.de

Мария М. Мартынова

Кандидат наук, научный сотрудник
Берлинский университет имени В. фон Гумбольдта
Институт славистики и уралистики
Германия, 10099, Берлин, Унтер-ден-Линден, 6
maria.martynova@hu-berlin.de

Maria M. Martynova

PhD Candidate, Research Fellow
Humboldt-Universität zu Berlin
Institut für Slawistik und Hungarologie
Unter den Linden 6
10099 Berlin, Germany
maria.martynova@hu-berlin.de

Ирина Алексеевна Секерина

PhD, профессор
Колледж Стейтен-Айленда
Кафедра психологии, 4S-102
США, 101314, Нью-Йорк, Стейтен-Айленд, Виктори бул., 2800
Irina.Sekerina@csi.cuny.edu

Irina A. Sekerina

PhD, Professor
College of Staten Island
Department of Psychology, 4S-102
2800 Victory Blvd.
Staten Island, NY 101314
Irina.Sekerina@csi.cuny.edu

Лука Шучих
PhD, профессор
Берлинский университет имени В. фон Гумбольдта
Институт славистики и уралистики
Германия, 10099, Берлин, Унтер-ден-Линден, 6
luka.szucsich@rz.hu-berlin.de

Luka Szucsich
PhD, Professor
Humboldt-Universität zu Berlin
Institut für Slawistik und Hungarologie
Unter den Linden 6
10099 Berlin, Germany
luka.szucsich@rz.hu-berlin.de

From first verbs to adulthood: Aspect in heritage Russian in the US and Germany

Summary. The study investigates the use of aspect in heritage child and adult Russian. In order to establish systematic patterns of use, which are divergent from standard Russian, longitudinal spontaneous data of three preschool children and cross-sectional semi-spontaneous data of 128 adults living in Germany and the US were analysed. Results show that initially, the use of aspect by heritage-language children resembles that of monolingual Russian children. With increasing age, typical heritage patterns of aspect use emerge, such as perfective (instead of imperfective) in specific analytical constructions, and imperfective for perfective for the denotation of concrete resultative events. These patterns are explained by the lack of sustainable interaction, i. e. input-output, in Russian in early age, which leads to a restructuring of the aspect system (and its fossilization); we call this the *missing sustainability hypothesis*. This missing sustainability of interaction plays a decisive role during the earlier stages of language acquisition, when children's grammars are characterized by high dynamicity and undergo changes within a short interval of time.

Key words: aspect, aspectual pair, heritage Russian in the US, Germany, attrition, restructuring.

Вид глагола у носителей русского языка
в США и Германии — дети и взрослые

Аннотация. В исследовании исследуется использование вида глагола в русском языке детей и взрослых, которые проживают в США и Германии. Таких носителей называют наследниками или эритажниками. Для установ-

ления систематических моделей использования, отличающихся от стандартных русских, были проанализированы лонгитюдные спонтанные данные трех детей дошкольного возраста и полу (спонтанные) данные 128 взрослых, проживающих в Германии и США. Результаты показывают, что изначально использование вида глагола у двуязычных детей напоминает использование видов глагола при моноязычном усвоении русского языка. С возрастом появляются типичные для наследников формы использования вида глагола, такие как совершенный вид (вместо несовершенного) в аналитических конструкциях, и несовершенный для обозначения конкретных результативных событий. Эти закономерности объясняются отсутствием устойчивого взаимодействия, т. е. «вход-выход», в русском языке в раннем возрасте, что приводит к перестройке аспектной системы (и ее «окаменелости»); мы называем это гипотезой *отсутствия устойчивой коммуникации*. Эта отсутствующая устойчивость взаимодействия играет решающую роль на ранних стадиях усвоения языка, когда детская грамматика характеризуется высокой динамичностью и претерпевает изменения в течение короткого промежутка времени.

Ключевые слова: вида глагола, русский язык в США, Германии, изменение видовой системы, реструктуризация.

Introduction

The present study investigates the occurrence of early aspect forms in heritage child Russian in two countries, Germany and the US, traces their developmental trajectory with a focus on systematic differences between standard and heritage aspect use that gradually emerge in early childhood and examines patterns of aspect use in adulthood. We do this by using the usage-based theory of language acquisition (Tomasello 2003) and frequency accounts of (first) language acquisition (Gülzow & Gagarina 2007; Lieven 2010). As an explanation for the attested divergences of adult heritage Russian from standard Russian, the *missing sustainability hypothesis* is proposed (cf. with the comprehensible output hypothesis of Swain and Lapkin, 1995). We suggest that systematic restructuring of aspect use in early child heritage Russian occurs due to a lack of sustainable amount of everyday communication between children and adults (or peers). A speaker in her early stages of acquisition needs regular support for category formation, so that this category becomes set in the language system. If a speaker, despite having acquired a form and its use of some contexts, does not have a sufficient amount of communication, restructuring of the category takes place. This restructuring has a systematic nature. For, example, recent studies on heritage Russian have shown systematic changes in the use of perfective and imperfective aspect in

children (Gagarina 2011; Kistanova & Sekerina, 2019, but Antonova-Ünlü & Wei 2010) and adults (Laleko 2008; Polinsky 1997; Pereltsvaig 2004). Various theoretical models suggest different explanations for such change (cf. reduced input hypothesis, transfer hypothesis, frequency accounts of language acquisition, etc.) The observations show that these systematic changes occur in periphrastic contexts, some of which are typical also for the base-line use of aspect in, e. g. child monolingual Russian, but others are unique for bilinguals. Additionally, the study provides empirical evidence for the high degree of dynamicity (i. e. high grade of change within a short time interval) in child grammars vs. lower degree of dynamicity (i. e. low grade of change within a short time interval) in adolescents and adult grammar. These contexts will be discussed below.

Method

For the present study we used two types of data — spontaneous longitudinal data from children from the beginning of their verbal production, and semi-spontaneous data from adults. For children, longitudinal data from two simultaneous bilinguals (a total of ca. 40000 child utterances and ca. 20000 input utterances, age range from 1;6 to 4;0) in Germany and one heritage speaker the US were analyzed. For adults, elicited oral and written descriptions of a short video, showing an accident on a carparking place, from 56 Russian heritage speakers in Germany and 72 in the US. The age range (15 to 35) and the mean age (20) of adults between two countries was matched. The data were transcribed and coded. Uses of heritage aspect were compared across the two countries and to the monolingual base-line uses of children and adults, which were reported in the previous studies (e. g. Bar-Shalom 2002; Bondarko 2011; Gagarina 2008; cf. Kistanova & Sekerina 2019).

Results

First, for bilingual children in both countries a tendency was observed to first mark perfective verbs for past and imperfective verbs for future. This tendency of aspect-tense clustering has also been reported for monolingual acquisition of Russian and in a number of languages exhibiting grammatical aspect and thus can be said to have a universal character (Shirai & Andersen 1995). Following a spurt in verb inflection in both verbal aspects, productive use of verb oppositions starts roughly after age two with mini-paradigms and aspectual pairs, e. g. the verb *delat* ‘to do’ *delaju*-IPFV.PRES-1SG, *delaem*-IPFV.PRES-3PL and

delaet-IPFV.PRES-3SG, *sdelaj*-PFV.IMP-SG ‘make’, *sdelat*’-INF and *sdelala*-PAST-SG-FEM (S., Gagarina’s database) and *videt*’-IPFV — *u-videt*’-PFV ‘see’ (U., Sekerina’s database). Analyses of these longitudinal data reveal the onset and initial path of aspect acquisition around age two. It appeared to be comparable in heritage Russian in Germany and the US and also roughly similar to monolingual acquisition (cf. Bar-Shalom 2002; Gagarina 2008). What differs, is the monolingual and bilingual development of aspect at later stages, when the environment language, in our case either German or English, occupies more space in every-day life and displaces the home language. Reduced support of just beginning to be acquired, but not yet stabilized aspect forms and functions triggers systematic changes (it does not matter whether to call them attrition, erosion, or restructuring). These changes which are triggered by missing sustainability in communication in Russian, lead to visible dissociations between non-heritage and heritage aspect. They become more and more evident in language production after age three-four, continue to take a ‘fixed’ shape at school age and finally become stable at adulthood. Bilingual children — such uses are also found for monolinguals, but only during a restricted period of time and rather seldom — use perfective aspect with the auxiliary *byt* ‘to be’ in the future, like *budu *napisat* ‘will-1SG write-PFV’ instead of *budu pisat*’ ‘will-1SG write-IPFV’. Bilingual adults expand such use to the modal analytic constructions, like *ne xoču *pojti v školu* ‘don’t want to go-PFV to school’ instead of *idti* ‘go-IPFV’ (US speaker, RUEG Database, Wiese et al. 2019). Bilingual adults show also another pattern: they use imperfective instead of perfective to denote situations with a clear endpoint, e. g. looking at the driver, who has just applied the brakes and stopped the car, *voditel’ *tormozil* ‘car driver brake-IPFV’ instead of *voditel’ zatormozil* ‘car driver brake-PFV’ (US speaker, RUEG Database, Wiese et al., 2019). Additionally, the use of verbs of motion both in children and adults in two countries diverged from the base-line Russian, with a tendency to use uni-directional verbs in contexts in which multi-directional movement is denoted.

Discussion and conclusion

The study used spontaneous and semi-spontaneous data to examine the use of aspect in heritage Russian from the occurrence of the very first verb forms to adulthood. The results revealed similarity in early acquisition and use of aspectual forms in monolinguals and bilinguals. Systematic differentiation of monolingual and heritage aspect use begins around age

three to four. Heritage patterns of use have systematic nature: they occur predominantly in the analytical contexts, such as the use of perfective instead of imperfective in the analytical future (*budu *pročitat*), but also the use of imperfective for the denotation of the resultative events. Deviations in the use of aspect in heritage Russian are explained by the missing sustainability hypothesis. The systematic types of aspect use seem to follow the prototypicality of aspectual semantics and reflect the intentions of a speaker, e. g. the focus on the resultativity, ‘it is necessary to read (a book) up to the very end’ and the absence of the knowledge of formal restrictions on such use e. g. *perfective is not used in the analytical constructions with an auxiliary ‘to be’*.

REFERENCES

- Antonova-Ünlü, E. and Wei, L. (2010) Aspect acquisition in Russian as the weaker language: Evidence from a Turkish–Russian child. *International Journal of Bilingualism* 2016, 20 (2) 210–228.
- Bar-Shalom, E. (2002) Tense and aspect in early child Russian. *Language Acquisition*, 10 (4), 321–337.
- Bondarko, A. V. (2011) *Kategorizacija v sisteme grammatiki [Categorisation of grammatical systems]*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Gagarina, N. (2008) *Stanovlenie grammatičeskich kategorij russkogo glagola v detskoj reči*. St. Petersburg: Nauka.
- Gagarina, N. (2011) Acquisition and loss of L1 in a Russian-German bilingual child: A case study. In S. Cejtlin (Ed.) *Monolingual and bilingual path to language*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 137–163.
- Guelzow, I. and Gagarina, N. (2007) *Frequency effects in language acquisition*. Berlin: de Gruyter. SOLA Series.
- Kistanova, E. V. and Sekerina, I. A. (2019) Acquisition of the Grammatical Categories of Russian Verbs in a Heritage Russian-English Child: A Case Study. In M. M. Brown & B. Dailey (Eds.), *Proceedings of the 43rd Boston University Conference on Language Development*. Somerville, MA: Cascadilla Press, 324–337.
- Laleko, O. (2008) Compositional Telicity and Heritage Russian Aspect. In M. Grosvald & D. Soares (Eds.), *Proceedings of the Thirty-Eighth Western Conference on Linguistics (WECOL)*, 19. Davis, CA.: UC Davis, 150–160.
- Lieven, E. (2010) Input and first language acquisition: Evaluating the role of frequency. *Lingua*, 120 (11), 2546–2556.
- Pereltsvaig, A. (2004) Immigrant Russian: Factors in the Restructuring of the Aspectual System under Attrition. *Proceedings of BLS*, 29, 107–119.
- Polinsky, M. (2008) Without Aspect. In G. Corbett & M. Noonan (Eds.), *Case and Grammatical Relations*. Amsterdam: John Benjamins, 263–282.
- Polinsky, M. and Scontras, G. (2019) Understanding heritage languages. *Bilingualism: Language & Cognition*. Online First.
- Shirai Y. and Andersen R. W. (1995) The acquisition of tense-aspect morphology: a prototype account. *Language*, 71, 743–762.

Swain, M. and Lapkin, S. (1995) Problems in Output and the Cognitive Processes They Generate: A Step Towards Second Language Learning. *Applied Linguistics*, 16, 371–391.

Tomasello, M. (2003) *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Harvard: Harvard University Press.

Wiese, H. et al. (2019) RUEG Corpus (Version 0.2.0). Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.3236069>

Михаил Яковлевич Дымарский

Доктор филологических наук, профессор, профессор / ст. науч. сотр.
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена /
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48 /
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
dym2005@list.ru

Mikhail Dymarsky

Dr. hab., professor, professor / Senior research fellow
Herzen State Pedagogical University of Russia /
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
48, Moika Emb., Saint-Petersburg, 191186, Russia /
9, Tuchkov per., Saint-Petersburg, 199053, Russia
dym2005@list.ru

**Категория бытийности и вид глагола:
некоторые замечания (на материале русского языка)³²**

Аннотация. Рассматриваются высказывания типа *У меня в кармане лежит конфета*, реализующие комплексную категориальную ситуацию, представленную семантическими категориями бытийности, possessивности и локативности. Верифицируется высказанное ранее положение о том, что аспектуальность — категория высказывания, в соответствии с которым конструкции рассматриваемого типа должны опираться на глагол несовершенного вида. Это положение подтверждается выборкой из Национального корпуса русского языка, которая, однако содержит небольшую группу примеров с глаголами совершенного вида. Анализ материала этой группы показывает, что эпизодическое использование в таких высказываниях форм совершенного вида лицензируется только необходимостью выразить дополнительные оттенки значения, недоступные соответственным глаголам несовершенного вида: 1) значение подчеркнутой длительности сохранения состояния (*завалиться, затеряться*); 2) представленная в латентном виде акциональность (значение целенаправленного поиска, непосредственно предшествующего констатации наличия предмета, ср. *найтись, оказаться*; значение заранее совершенного действия, отстоящего от текущего высказывания на неопределенный отрезок

³² Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка».

времени, ср. *припасти*); 3) значение неожиданности возникновения новой ситуации, ср. *очутиться, прибавиться*. При этом предсказанное моделью высказывания имперфективное значение оказывается настолько сильным, что даже при наличии глагола совершенного вида признак возникновения новой ситуации, в общем случае присущий совершенному виду, оказывается приглушенным или полностью подавленным.

Ключевые слова: семантическая категория, бытийность, поссесивность, локативность, высказывание, аспектуальность, вид.

The category of existentiality and the verb aspect:
some remarks
(on the material of the Russian language)

Summary. Utterances of the type *U menya v karmane lezhit konfeta* ‘I have got a candy in my pocket’ are considered, realizing a complex categorical situation, represented by semantic categories of existentiality, possessivity and locativity. The previously introduced statement that aspectuality is a category of an utterance is verified, in accordance with which the constructions of the type in question must be based on an imperfective verb. This statement is confirmed by a sample from the National Corpus of the Russian Language, which, however, contains a small group of examples with perfective verbs. An analysis of the material of this group shows that the episodic use of the perfective form in such utterances is licensed only by the need to express additional nuances of meaning inaccessible to the corresponding verbs of the imperfective aspect: 1) the meaning of the underlined duration of state preservation (*zavalyat'sya, zateryat'sya*); 2) the actionality presented in a latent form (the meaning of a targeted search immediately preceding the ascertaining of existence of an item, cf. *najtis', okazat'sya*; the meaning of a previously committed action, which is an indefinite period of time away from the current utterance, cf. *pripasti*); 3) the meaning of the unexpectedness of a new situation, cf. *ochutit'sya, pribavit'sya*. Moreover, the imperfective meaning predicted by the utterance model in the case of utterances under consideration turns out to be so strong that even in the presence of a perfective verb, the sense of a new situation arising, in the general case inherent for the perfective forms, is muffled or completely suppressed.

Key words: semantic category, existentiality, possessivity, locativity, utterance, aspectuality, aspect.

Если развивать тезис о том, что аспектуальность — категория высказывания (Дымарский 2015), то можно, опираясь на понятие категориальных ситуаций (КС), предложенное А. В. Бондарко, предста-

вить каждый тип высказывания в качестве некоторой конфигурации категориальных ситуаций, то есть типового сочетания определенных значений нескольких семантических категорий (СК). Автор понятия определял КС следующим образом:

это выражаемые различными языковыми средствами типовые содержательные структуры, а) репрезентирующие в высказывании определенную семантическую категорию и соответствующее функционально-семантическое поле; б) представляющие собой один из аспектов выражаемой в высказывании сигнификативной ситуации; в) являющиеся одной из категориальных характеристик высказывания (Бондарко 2011, 33, со ссылкой на Бондарко 1983).

Сочетание нескольких КС, таким образом, определяет тип сигнификативной ситуации — и тип высказывания — в целом. Нескольких, а не всех, потому что в одном высказывании, как правило, реализуются не все, а лишь несколько СК — соответственно, может быть обнаружено и несколько КС. О подобных сочетаниях как о комплексных категориальных ситуациях писала М. Д. Воейкова:

Номинативное высказывание так же, как и глагольное, может распространяться за счет введения в его структуру дополнительных семантических компонентов (посессивных, локальных, качественных). При этом в высказывании отмечается комплексная категориальная ситуация: бытийно-локативная, бытийно-посессивная, бытийно-каллитативная (Воейкова 1996, 60).

Некоторые сочетания КС придают типовому высказыванию довольно яркие черты своеобразия. Таковы, в частности, высказывания, в которых взаимодействуют семантические категории бытийности, локативности и посессивности, причем первая выражена предикативным центром, а две последних — соответствующими детерминантами:

- (1) **У меня в кармане гвоздь** (С. Михалков. А что у вас?);
- (2) *Дело в том, что, если читатель не забыл (я-то не забыл), у меня в кармане должна была быть выданная мне на прощанье стюардессой бутылочка Смирнофф, которую самое время было употребить* [Владимир Войнович. Москва 2042 (1986)]³³;

³³ Примеры с атрибуцией в квадратных скобках извлечены из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

- (3) *Вспомнила, что у меня в кармане лежит конфета «Мишка», вынула её и стала разворачивать...* [Ирина Пивоварова. О чем думает моя голова (1986)];
- (4) *А у меня в кармане завалились два пятака на метро* [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)].

В (Дымарский 2018) было описано нетривиальное свойство таких высказываний: если при наличии только одного детерминанта (субъектного, типа *у меня*) соотношение реализаций с ненулевым глаголом (*У меня есть ключ*) и с нулем глагола (*У меня гвоздь*) равно примерно 1 : 1 (по корпусным данным), то введение локального детерминанта меняет это соотношение на 1 : 3, то есть реализаций с опущенным глаголом оказывается втрое больше. Этот факт представляется допустимым интерпретировать в том смысле, что наложение категории локативности на уже выраженную в рамках бытийной конструкции категорию посессивности лицензирует эллипсис глагола.

Очевидно, что «безглагольные» реализации возможны только в настоящем времени, а следовательно, вопрос о виде опущенного экзистенциального глагола лишен смысла. Кажется очевидным и ответ на вопрос, какой вид вообще задается моделью бытийного высказывания с выраженными категориями посессивности и локативности: даже беглый предварительный просмотр материала подсказывает, что это НСВ, ср. примеры (1–3). В самом деле, констатация существования предмета, явления, не осложненная значениями становления, обнаружения, то есть не обладающая признаком возникновения новой ситуации (А. В. Бондарко), и должна, как кажется, опираться на глагол НСВ.

Тем удивительнее оказывается тот факт, что в рабочей выборке, полученной из НКРЯ по запросу *{у меня в кармане}*³⁴, оказалось не столь уж мало примеров с глаголами СВ, ср. (4). Поскольку в высказываниях, выдержанных в презентном плане, СВ невозможен, сосредоточим внимание на высказываниях с претеритальным планом, где возможны глаголы обоих видов. Таких высказываний в рабочем подкорпусе обнаруживается **48: 39** с глаголами НСВ³⁵ (*быть* — 27,

³⁴ Во всех случаях расстояние задано как 1. Объем полученной выборки (дата обращения: 13.01.2020) составил 250 документов, 284 вхождения. После отсеивания «шума», в котором оказались высказывания с акциональной доминантой (*У меня в кармане зазвонил телефон*), с локальной доминантой (*Открытка осталась у меня в кармане*) и с тем же, но фразеологизированным локализатором (*Считай, что он уже у меня в кармане, комбайн этот 'он в моем распоряжении'*), был получен рабочий подкорпус объемом 62 примера.

³⁵ При каждом перечисляемом в скобках глаголе указано количество употреблений.

лежать — 10, *бывать* — 1, *оставаться* — 1) и **9** с глаголами СВ (*заваляться* — 2, *затеряться* — 1, *найтись* — 1, *оказаться* — 2, *очутиться* — 1, *прибавиться* — 1, *припасти* (в форме причастия *припасено*) — 1). Из приведенных данных видно, что НСВ явно преобладает и в претеритальном плане: соотношение с СВ приблизительно 4 : 1; но, как кажется, имеет смысл найти ответ на вопрос, какими причинами вызвано появление в бытийном высказывании глагола СВ. Выше приведено одно из 9 таких высказываний (4); вот остальные:

- (5) *Эх, Петя, у меня в кармане трояк завалелся, давай что-нибудь сообразим!* [Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000)];
- (6) — *Посидели бы, бутылочку изрядного распили б; у меня в кармане затерялась одна* [Л. М. Леонов. Вор. Части 1–2 (1927)];
- (7) *Дерсу взял ремни от ружей, взял свой пояс, у меня в кармане нашлась веревочка* [В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю (1917)];
- (8) *К счастью, у меня в кармане оказалось два кубика для игры в кости и в нарды* [Алексей Козлов. Козел на саксе (1998)];
- (9) *У меня в кармане оказался замок с кольцами, я тебе его повесил, а то комната настезь, как бесхозная* [В. Ф. Панова. Володя (1959)];
- (10) *А тогда вдруг как нарочно у меня в кармане, у нищего, очутились три тысячи* [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)];
- (11) *У меня в кармане прибавилась небывалая вещь — целая связка ключей* [Б. А. Пильняк. Три брата (1923–1928)];
- (12) — *Машка, что у меня в кармане для тебя припасено?* [Вас. И. Немирович-Данченко. Цари биржи (Каиново племя в наши дни) (1886)].

Во всех примерах (4–12) глагол СВ может быть заменен одним из глаголов НСВ, приведенных выше, ср. *У меня в кармане был / лежал замок с кольцами*. Следовательно, использование в бытийных высказываниях глаголов СВ вызвано стремлением выразить дополнительные оттенки смысла. Эти оттенки можно сгруппировать следующим образом.

1. В (4–6) прочитывается перфектное значение с подчеркнутым оттенком длительности сохранения состояния, достигнутого неопре-

деленное время назад. Высказывания с глаголом *завалиться* допускают его замену на бесприставочный глагол НСВ с переводом в план настоящего:

- (4.1) *А у меня в кармане валяются два пятака на метро;*
(5.1) *Эх, Петя, у меня в кармане трояк валяется, давай что-нибудь сообразим!*

Контексты, из которых извлечены примеры (4–5), небезразличны к временному плану реконструкций с глаголом НСВ. Контекст (4) исключает вариант (4.1) и допускает только вариант с формой прош. вр.:

- (4.2) *А у меня в кармане валялись два пятака на метро, — ср.:*

Не могу забыть нашу с тобой великолепную сделку – с каким жарким блеском в глазах ты попросил у меня любую советскую монету. А у меня в кармане завались два пятака на метро. И когда я вытащил из кармана пятак – огромный и новенький, желтый – ни дать ни взять золотой, – ты просто в ступор впал (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Напротив, контекст (5) допускает только вариант (5.1) и исключает вариант с формой прош. вр.:

- (5.2) *“Эх, Петя, у меня в кармане трояк валялся, давай что-нибудь сообразим!*

Таким образом, реконструкции с бесприставочным соответствием НСВ глаголу *завалиться*, как и следует ожидать, исходя из модели бытийного высказывания, осложненного одновременным выражением локативности и посессивности, естественны как в настоящем, так и в прошедшем времени и передают тот же смысл, что и варианты с глаголом СВ. Единственное отличие — оттенок подчеркнутой длительности сохранения состояния. Стремление выразить этот оттенок, по-видимому, и является причиной выбора глагола СВ в (4–5). Показательно, что в ответ на запрос по глаголу *завалиться* в спрягаемых формах НКРЯ выдает выборку, включающую 121 вхождение³⁶, среди которых форма буд. вр. встречается 5 раз, во всех остальных случаях (116) использована форма прош. вр. с тем же оттенком подчер-

³⁶ Дата обращения: 19.01.2020.

кнутой длительности сохранения состояния, причем всегда в сочетании с субъектным и локальным детерминантами или, по меньшей мере, с одним из них. Заключенный в лексическом значении этого глагола оттенок длительности сохранения состояния может стать основой для иронического употребления:

- (13) *Марина Михайловна увела детей спать и тоже легла, а остальные все еще сидели на веранде — у Иры в сумке «завалилась» еще одна бутылка вина* [Маша Трауб. Домик на Юге (2009)].

Глагол *затеряться* отличается от *завалиться* тем, что не имеет бесприставочного соответствия с соотносительным лексическим значением, поэтому эксперимент с заменой его на такое соответствие исключен. Однако близость значений этих двух глаголов позволяет полагать, что причина употребления *затеряться* в рассматриваемом типе высказываний на месте стандартного глагола НСВ та же, что и для *завалиться*.

2. В (7–9) глаголы *найтись* и *оказаться* вносят дополнительное значение целенаправленного поиска. Это значение не является контекстуально независимым. Оно возникает именно в подобных контекстах: высказывание *у меня в кармане нашелся / оказался X* передает ситуацию, когда субъект целенаправленно перебирает содержимое кармана в надежде обнаружить подходящий предмет. Поскольку условиями запроса в НКРЯ был предусмотрен только детерминант *у меня*, субъект поиска в (7–9) совпадает с посессором, но ясно, что в общем случае это совпадение не обязательно, и в контекстах типа *В кладовке неожиданно нашлась старая папка с моими детскими рисунками* значение целенаправленного поиска не выявляется, что обычно подчеркивается наречиями *вдруг*, *неожиданно* и под. Использование в (7–9) глаголов *найтись*, *оказаться* вместо «нейтральных» *быть* или *лежать* позволяет говорящему отобразить, помимо бытийной ситуации (с дополнительными значениями посессивности и локативности), еще две ситуации, причем обе собственно акциональные: { (по)искал } → { нашел }, — однако активный субъект «спрятан» за возвратной глагольной формой, акциональные же ситуации, соответственно, заключены в качестве подразумеваемых внутри бытийной.

При замене глагола *найтись* соотносительным глаголом НСВ значение активного поиска утрачивается. Из (7) получаем возможное в изолированном употреблении, но сомнительное в условиях данного контекста высказывание, не осложненное значением действия субъекта:

(7.1) *Дерсу взял ремни от ружей, взял свой пояс, у меня в кармане находилась веревочка.*

Из (8–9) при аналогичной замене получаем варианты, в которых значение целенаправленного поиска не исчезает, но допускается только итеративное (неограниченно-кратное) прочтение, исключаемое контекстами этих высказываний (*у меня в кармане оказывалось два кубика; у меня в кармане оказывался замок*). Между тем замена на «беспримесно» экзистенциальный *быть* дает вполне приемлемые, с точки зрения контекста, варианты:

(7.2) *Дерсу взял ремни от ружей, взял свой пояс, у меня в кармане была веревочка;*

(8.1) *К счастью, у меня в кармане было два кубика для игры в кости и в нарды;*

(9.1) *У меня в кармане был замок с кольцами, я тебе его повесил, а то комната настезь, как бесхозная.*

Таким образом, при необходимости выразить в бытийном высказывании дополнительное значение действия, направленного на обнаружение бытующего предмета, единственным приемлемым средством оказывается глагол СВ, так как соотносительные глаголы НСВ или не выражают необходимого значения, или создают эффект итеративности, не предусмотренный условиями контекста.

3. Оттенок целенаправленного действия субъекта присутствует и в (12), которое, благодаря использованию формы глагола *припаси*, также отображает более одной ситуации, оставляя акциональную ситуацию (б) и ее субъекта в латентном виде³⁷:

а) *У меня в кармане есть что-то для тебя;*

б) *Я кое-что припас для тебя.*

В данном случае важным оттенком значения целенаправленного действия субъекта является его предварительный характер: в отличие от примеров предыдущей группы, действие здесь не непосредственно предшествует констатации наличия предмета, а было совершено заранее и отделено от текущего высказывания неопределенным отрезком времени.

4. Наконец, в (10–11), в полном соответствии с контекстом, к общему значению конструкции добавляется оттенок неожиданности возникновения новой ситуации (ВНС), который способен приглушить

³⁷ Интерпретация была бы иной, если бы мы имели дело с севернорусской диалектной моделью т. н. посессивного перфекта (*У него с утра в город уехано*). В этом случае бытийное значение было бы исключено — как и локальный детерминант.

бытийное значение. Только (10–11) и представляют собой высказывания, играющие в повествовании роль самодостаточного сообщения о возникновении новой ситуации: в остальных случаях рассматриваемые высказывания сообщают о ситуациях, которые служат условием (4, 7–9), причиной или мотивом (5, 6, 13) некоторой другой ситуации. Не случайно и признак ВНС может быть без сомнения констатирован только в (10–11); в остальных же рассмотренных случаях использования глаголов СВ в бытийных высказываниях, осложненных выражением значений посессивности и локативности, наличие признака ВНС по меньшей мере сомнительно.

Таким образом, подтверждается положение о том, что аспектуальная характеристика высказывания предказуется его моделью, которая, в свою очередь, определяется реализуемой в высказывании комплексной категориальной ситуацией, представляющей собою некоторую конфигурацию семантических категорий. Высказывания, реализующие бытийно-локативно-посессивную категориальную ситуацию, регулярно организуются формами глаголов НСВ. Эпизодическое использование в таких высказываниях форм СВ лицензируется только необходимостью выразить дополнительные оттенки значения, недоступные соответственным глаголам НСВ. При этом предсказанное моделью высказывания имперфективное значение оказывается настолько сильным, что даже при наличии глагола СВ признак ВНС, в общем случае присущий совершенному виду, оказывается приглушенным или полностью подавленным.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко, А. В. (1983) Категориальные ситуации (К теории функциональной грамматики). *Вопросы языкознания*. № 2. С. 20–32.

Бондарко, А. В. (2011) Типовые ситуации в системе анализа категорий грамматики. В кн. *Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов*. СПб. С. 33–37.

Войскова, М. Д. (1996) Бытийные ситуации. В кн. А. В. Бондарко (отв. ред.) *Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность*. СПб.: Наука. С. 53–80.

Дымарский, М. Я. (2015) Аспектуальность как категория высказывания. *Вестник СПбГУ*. Сер. 9. Вып. 3. С. 70–83.

Дымарский, М. Я. (2018) *А у меня в кармане гвоздь: Нулевая связка или эллипсис сказуемого? Мир русского слова*. № 3. С. 5–12.

REFERENCES

Bondarko, A. V. (1983) Kategorial'nye situacii (K teorii funkcional'noj grammatiki) [Categorical situations (Towards the theory of the functional grammar)].

Voprosy jazykoznanija — Topics in the study of language. № 2. Pp. 20–32. (In Russian)

Bondarko, A. V. (2011) Tipovye situacii v sisteme analiza kategorij grammatiki [Typical situations within the system of functional grammar analyses]. In: *Mezhdunarodnaja konferencija, posvjashhennaja 50-letiju Peterburgskoj tipologicheskoj shkoly: Materialy i tezisy dokladov* [International conference devoted to the 50th anniversary of the Petersburg typology school: Materials and abstracts]. Saint Petersburg. Pp. 33–37. (In Russian)

Dymarskij, M. Ja. (2015) Aspektual'nost' kak kategorija vyskazyvanija [Aspectuality as an utterance category]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9 — Bulletin of the Saint Petersburg university. Series 9.* Issue 3. Pp. 70–83. (In Russian)

Dymarskij, M. Ja. (2018) A u menja v karmane gvozd': Nulevaja svjazka ili ellipsis skazuemogo? [A u menja v karmane gvozd' 'And I've got a nail in my pocket': A zero ligament or an ellipsis of the predicate?]. *Mir russkogo slova — The world of Russian word.* № 3. Pp. 5–12. (In Russian)

Voejkova, M. D. (1996) Bytijnnye situacii [Existentiality situations]. In: A. V. Bondarko (ed.), *Teorija funkcional'noj grammatiki. Lokativnost'. Bytijnost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [The functional grammar theory. Locativity. Existentiality. Possessivity. Conditionality]. Saint Petersburg: Nauka Publ. Pp. 53–80. (In Russian)

Аня Гаттнар

PhD, научный ассистент
Тюбингенский университет, исследовательский центр SFB 833
D-72074 Тюбинген, ул. Науклер, 35
anja.gattnar@uni-tuebingen.de

Anja Gattnar

PhD, and scientific assistant
University of Tübingen, SFB 833
Naukler Str. 35, D-72074 Tübingen
anja.gattnar@uni-tuebingen.de,

Робин Херниг

PhD, научный ассистент
Тюбингенский университет, исследовательский центр SFB 833
D-72074 Тюбинген, ул. Науклер, 35
robin.hoernig@uni-tuebingen.de

Robin Hörnig

PhD, scientific assistant
University of Tübingen, SFB 833
Naukler Str. 35, D-72074 Tübingen
robin.hoernig@uni-tuebingen.de

**Вид и восприятие перформативных высказываний
с перфективом**

Аннотация. Цель настоящего исследования – экспериментально выявить пределы конкуренции в русском языке перформативных высказываний (далее — перформативов) с перфективами (PF) и с имперфективами (IPF). В перформативах с перфективом время высказывания и время ситуации совпадают точно так же, как и в перформативах с имперфективом. В литературе по данной теме (ср. Forsyth, 1970; Bondarko, 1971; Rassudova, 1968/1982; Dickey, 2000; Wiemer, 2014 и др.) такое особое использование перфективов в нефутуральном значении называется совпадением во времени (*temporal coincidence*) (Dickey 2000) ситуации, обозначаемой перфективной формой настоящего времени, с моментом высказывания (ср. Bondarko 1971; Galton 1976). В настоящей работе рассматриваются прагматические характеристики перформативов IPF и PF в тех контекстах, в которых они друг другу противопоставлены. А. Израэли (2001) полагает, что перформативы с PF говорящий исполь-

зует для подчеркивания своего превосходства, т. е. говорящий имеет более высокий социальный статус по отношению к адресату высказывания. В настоящей работе описан эксперимент, верифицирующий данное утверждение. Носители русского языка как родного оценивают естественность и воспринимаемую ими степень вежливости PF и IPF перформативов в зависимости от того, более высокий или более низкий статус имеет говорящий по отношению к адресату.

Ключевые слова: глагольный вид, перформативы, речевые акты, восприятие предложений, экспериментальное доказательство.

Aspect and processing of utterances with perfective performatives

Summary. The aim of our investigation is to experimentally demonstrate the limits within which the perfective (PF) performatives utterances (henceforth: *performatives*) in Russian compete with imperfective (IPF) performatives. In performatives with PF verb, the time of utterance and the time of action coincide in the same way as in imperfective (IPF) performatives. In the pertinent literature (cf., Forsyth 1970, Bondarko 1971, Rassudova 1968/1982, Dickey 2000, Wiemer 2014 etc.) this particular use of PF present in non-future meaning is called the *temporal coincidence* (Dickey 2000) of a situation that is referred to by a PF present form in the moment of utterance (cf., Bondarko 1971, Galton 1976). In this talk we will be concerned with pragmatic properties of IPF and PF performatives in contexts in which they stand in competition with each other. A. Israeli (2001) assumes that PF performatives are used by a speaker to express authority over the addressee, i. e., the speaker has a socially determined higher status compared to the addressee. We present an experiment to assess Israeli's claim. Russian native speakers judge the naturalness and the perceived politeness of IPF and PF performatives in contexts that vary whether the speaker has a higher or lower status than the addressee.

Key words: verbal aspect, performatives, speech acts, sentence comprehension, experimental evidence.

1. General remarks on performative verbs, tense and aspect

The main issue of the present paper is the aspect use in performatives — speech acts — in Russian. J. L. Austin (1962, 5) calls an utterance *performative*, “if the uttering of the sentence is, or is part of, the doing of an action, which again would not normally be described as saying something.” Hence, the performative and the action either coincide or the

former is an integral part of the latter; the illocutionary act is directly expressed by a performative verb or speech act verb. A canonical performative is linguistically expressed by means of a performative verb in the first person present tense indicative active as in the corpus example presented in (1) with the performative verb *prosit* ‘to ask’. Distinguishing the present tense as canonical for performatives suggests a clear preference in favor of an IPF performative verb in Russian:

- (1) Young man to museum attendant:
„**Prošu** vas nikomu ni zvuka!” (RNK, oral corpus)
[ask.IPF.PRS you nobody no word]

Example (1) shows a canonical Russian performative with an IPF performative verb *prosit* ‘to ask’. Performative verbs in general behave like achievements and express a punctual event, not an ongoing event or a process (Apresjan 1998; Padučeva 1994; Petrušina 2000). This holds in particular if the performative coincides with the performed action and thus lacks consequential acts of perlocution. Here, the success of the speech act does not depend on the addressee, as in (2).

- (2) “Izvinjaju tebjā.” = illocution
[forgive.IPF.PRS you]

In (2), the performative of speaker S and the action coincide. In (3), however, the performative forms only part of the action. To apologize means to ask the addressee for forgiveness. The request for forgiveness indeed is achieved by virtue of uttering (3). The success of the action depends on whether the addressee concedes the excuse. We would therefore like to make the general claim that performative verbs behave like achievements or accomplishments.

- (3) “Izvinjajus’ za neprijatnost’.”
[apologize.IPF.PRS.REFL for inconvenience]

A performative with a PF verb should be weird, because PF aspect in morphological present has future-time reference. However, the following example shows a PF speech act verb in first Person (morphological) present tense:

- (4) Teacher to student:
„Ja poproshu vas govorit’ gromko i po ocheredi.” (RNK, oral corpus)
[I ask.PF.PRS you speak loudly and one by one]

Example (4) describes a phenomenon mentioned in the Slavistic research literature as *temporal coincidence* of a situation that is referred to by a PF present form in the moment of utterance (Dickey 2000), see

also (Bondarko 1971; Galton 1976). Although the frequency of PF verbs in performative contexts is low, certain verbs of communication allow to take a present PF interpretation (Forsyth 1970; Barentsen 1985; Dickey 2000; Israeli 2000).

- (5) „Pozdravim nashix peredovikov
[congratulate.PV.PRS our labor activists
i zaodno prezidenta
and at the same time president
s neverojatnym uspehom!” (RNK, spoken corpus)
with amazing success]

We consider example (5) a well-formed performative showing that PF performative verbs may compete with IPF performative verbs. It remains open, to what extent the PF performative verb affects pragmatic meaning in contexts where it competes with the IPF performative verb. In other words, we are seeking functional restrictions on the use of PF performative verbs setting the boundaries beyond which PF verbs cannot substitute IPF verbs. A. Israeli (2001) mentions two intended uses of PF present in performative context: first, emphasizing the authority of the speaker, and second, presentation of the denoted performative event as new.

Before we will turn to this question, we shortly reflect on the temporal alignment of PF performatives.

2. Experimental evidence so far

The illocutionary force of performatives with present PF speech act verbs has been supported by corpus data and questionnaire data (for a more recent example see A. De Wit et al. (2018)). A. Gattnar, J. Heininger and R. Hörnig (2018) took an experimental approach to demonstrate that Russian native speakers interpret utterances like (5) as performative and thus that PF speech act verbs may substitute IPF verbs in performatives. In their study they focused on the temporal interpretation of performative verbs with PF versus IPF aspect. They presumed that the coincidence of the performative with the performed act is necessarily connected with a present tense interpretation, whereas a future tense interpretation indicates that time of utterance and expressed event do not coincide. In a self paced reading experiment (Gattnar et al., 2018) Russian native speakers read performatives paired with a short preceding context on a computer display. After each such trial they indicated by means of a key press whether the conveyed event is temporally located in the past, present or future (events described in constative filler items were temporally located in the past). Gattnar et al. (2018) found that performatives were

significantly less frequently located in the present with a PF compared to an IPF verb aspect, 81 vs. 70%. Importantly, however, the substantial proportion of locations in the present even for the PF aspect confirmed that the illocutionary force turns out to be quite strong. A second study with a modified procedure replicated this result and additionally provided evidence that a more thorough processing of the performative promotes a performative interpretation.

The results of these experiments (Gattnar et al., 2018) confirm our hypothesis that PF performative verbs keep the illocutionary force of performatives and are at least in principle apt to substitute IPF performative verbs. In order to maintain that IPF and PF performative verbs can indeed be used interchangeably, it is necessary to learn more about possible functional restrictions on the use of PF performative verbs. Our study addressing this question will be described next. The data collection is currently about to get started, the results will be reported at the conference.

3. Next Step and Outlook

Based on the results of our experiments we claim that PF and IPF performative verbs may compete with each other in performatives. We consider the IPF aspect unmarked in performatives and assume that its use is unrestricted and the default. Next, we have to ask to what extent a PF performative verb influences the utterance meaning in comparison to an IPF performative verb. We agree with De Wit et al. (2018) that the choice of PF performatives is marked and implies a specific peculiarity because it is unexpected in performative context. Israeli (2001) proposes that pragmatic features restrict the use of PF performative verbs. She claims that a PF performative verb signals the authority of the speaker. B. Bartschat (1977), on the other hand, asserts that PF performatives may be more polite than IPF. To test these pragmatic effects of PF performatives, we are about to prepare an experiment in which we cross two factors, ASPECT (aspect of the performative verb is IPF vs. PF) × AUTHORITY (speaker is of a socially determined higher status, +AUTH, vs. lower status, -AUTH, than the addressee).

Material. We construed 24 experimental items consisting of a performative in direct speech paired with a preceding context of 2–3 sentences. The terms denoting the speaker and the addressee of the performative establish the difference in authority. A sample item is shown in (6) in which we consider the doctor of a higher socially determined status than the patient. Thus, (6a) instantiates the condition +AUTH (doctor = speaker, patient = addressee) whereas (6b) instantiates the condition -AUTH (patient = speaker, doctor = addressee). The speaker

expresses the performative either with an IPF or with a PF performative verb. In sum, all items instantiate all four conditions which are assigned to four lists according to a Latin Square design.

- (6a) Vrach v bol'nice obnaruzhivaet, chto pacient v palate kuril.
 On vozmushchen i govorit:
 „Ja [po]trebuju.[PF|IPF].PRS, chtoby Vy v pomeschenijax bol'nicy bol'she ne kurili!”
‘The doctor in a hospital finds out that a patient was smoking in the sick room. He is incensed and says:
“I request.[PF|IPF] you not to smoke inside the hospital!”’
- (6b) Pacient naxoditsja v bol'nice na obsledovanii. Kogda vrach soobshchaet emu rezul'taty ego analizov, pacientu kazhetsja, chto vrach nedogovarivaet chego-to. Pacient govorit:
 „Ja [po]trebuju.[PF|IPF].PRS, chtoby Vy soobshchili mne rezul'taty osmotra celikom i proinformirovali menja o vyvodax!”
‘A patient has a medical analysis in the hospital. When the doctor tells him the results of the analysis, the patient has got a notion that the doctor keeps something back. The patient says:
“I request.[PF|IPF] you to inform me completely about the results of the analysis and tell me about the consequences!”’

Procedure. The experiment will be run web-based via the internet. After reading the context and the performative of an item, participants judge the performative for naturalness (−3 = very unnatural to +3 = completely natural) in a first step and for politeness (−2 = impolite to +2 = polite) in a second step. The naturalness judgments provide evidence on whether the performative with the given aspect suits the context including the difference in the status of speaker and addressee. The politeness judgments directly indicate whether participants conceive of the performatives as polite or impolite in the context.

Table 1

Experimental design and hypotheses

Authority			
		+auth	−auth
Aspect	IPF performative verb	unmarked aspect: +natural, +polite	unmarked aspect: +natural, ±polite
	PF performative verb	marked aspect: congruent +natural, ±polite	marked aspect: incongruent −natural, −polite

Table 1 presents the experimental design and the hypotheses given that we consider IPF performative verbs unmarked and assume with Israeli (2001) that PF performatives signal authority of the speaker in her relation to the addressee. As we consider IPF performative verbs unmarked we predict that they are judged natural irrespective of AUTHORITY. In contrast, we expect that judgments of performatives with PF verbs differ dependent on AUTHORITY: They are judged natural if the aspect is congruent with AUTHORITY and unnatural if the aspect is incongruent with AUTHORITY. We expect the PF performative to be conceived as less polite than the unmarked IPF performative. As a result of the competition of the two aspects, we predict that the IPF aspect is conceived as relatively polite in the +AUTH condition whereas the PF aspect is conceived as impolite in the –AUTH condition. However, if Bartschat (1977) is correct in asserting that performatives are more polite with a PF verb compared to an IPF verb, we would obtain the opposite result, namely, that the PF performative is generally conceived as more polite than the unmarked IPF performative.

In a previous study we dealt with the tense reference in PF performatives. Our experimental results showed that reference to present tense is open to interpretation. Thereby the conditions for a well formed performative are fulfilled. In this talk we turn to the pragmatic restrictions for PF performatives. We act on the assumptions of Israeli and Bartschat and use a rating study to show how the marked PF performative encodes authority and politeness.

REFERENCES

- Apresjan, Ju.D. (1986) Performativny v grammatike i v slovare [Performatives in grammar and lexicon]. *Izvestija AN SSSR, Serija literatury i jazyka*, 45, 208–222. (In Russian)
- Austin, J. L. (1962) *How to do things with words*. Oxford: Oxford University Press.
- Bartschat, B. (1977) Aspektgebrauch und Performativität [Aspect use and performativity]. *Zeitschrift für Slawistik*, 22(1), 629–637.
- Bondarko, A. V. (1971) *Vid i vremja russkogo glagola. Znachenie i upotreblenie [Verbal aspect and tense. Meaning and usage]*. Moskva: Prosveščenie. (In Russian)
- De Wit, A., Brisard, F. and Meeuwis, M. (2018) The epistemic import of aspectual constructions: the case of performatives. *Language and Cognition* 10, 234–265.
- Dickey, S. (2000) *Parameters of Slavic aspect: A cognitive approach*. Stanford: CSLI.
- Dickey, S. (2015) The aspectual development of performatives in Slavic. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 71(2), 249–304.
- Forsyth, J. (1970) *A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian word*. Cambridge: University Press.

Galton, H. (1976) *The main functions of the Slavic verbal aspect*. Skopje: Macedonian Acad. of Sciences and Arts.

Gattnar, A., Heininger, J., and Hörnig, R. (2018) The Russian perfective present in performative utterances. In: D. Lenertová, R. Meyer, R. Šimik, et al. (Eds.), *Advances in Formal Slavic Linguistics 2016*, 127–146.

Israeli, A. (2001) The choice of aspect in Russian verbs of communication. *Journal of Slavic Linguistics* 9(1), 49–98.

Jakobson, R. (1971) Zur Struktur des russischen Verbums [On the structure of the Russian verb]. In: *Selected writings*, Vol. II, (pp. 3–15). The Hague-Paris: Mouton.

Łaziński, M. (2014) The aspect of Polish performatives against the background of politeness rules. *Zeitschrift für Slavische Philologie* 2, 328–343.

Paducheva, E. (1994) Vid i vremja performativnaja glagola [Verbal aspect and tense of performative verbs]. In: N. D. Arutjunova, et al. (eds.), *Logičeskij analiz jazyka. Jazyk rečevyx dejstvij [Logical analysis of language. Language of speech acts]*. Moskva: Nauka. 37–42. (In Russian)

Petruxina, E. (2000) *Aspektual'nye kategorii glagola v ruskom jazyke v sopostavlenii s českim, slovačkim, pol'skim i bolgarskim jazykami [Aspectual verb category in Russian in comparison with Czech, Slovak, Polish and Bulgarian]*. Moskva: Izdat. Moskovskogo Universiteta. (In Russian)

Rassudova, O. P. (1968/1982) *Upotreblenie vidov glagola v sovremennom ruskom jazyke [Usage of verbal aspect in modern Russian]*. Moskva: Izd. Russkij jazyk. (In Russian)

Wiemer, B. (2014) Upotreblenie soveršennogo vida v performativnom nastojaščem [Usage of perfective aspect in performative present tense]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 10(3), 90–113.

Zaliznjak, A. A. and Shmelev, A. D. (2000) *Vvedenie v rusckuju aspektologiju [Introduction into Russian aspectology]*. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury. (In Russian)

Елена Викторовна Горбова

доктор филологических наук, доцент, профессор
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки 48.
elena-gorbova@yandex.ru; egorbova@herzen.spb.ru; +7911 175 38 53

Elena V. Gorbova

D. Sc. in Philology, docent, professor.
The Herzen State Pedagogical University of Russia.
48, Moika Emb., Saint-Petersburg, 191186, Russia.
elena-gorbova@yandex.ru; egorbova@herzen.spb.ru; +7911 175 38 53

Оксана Юрьевна Чуйкова

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки 48.
oxana.chuykova@gmail.com; ochuikova@herzen.spb.ru; +7911 937 71 29

Oksana Iu. Chuikova

Candidate of Philology, research fellow.
The Herzen State Pedagogical University of Russia.
48, Moika Emb., Saint-Petersburg, 191186, Russia.
oxana.chuykova@gmail.com; ochuikova@herzen.spb.ru; +7911 937 71 29

**Способы действия русского глагола
и вторичная имперфективация
(на примере приставочных групп глаголов
на *по-*, *про-*, *у-*)³⁸**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики имперфективности (способности подвергаться суффиксальной имперфективации) глаголов нескольких морфемно характеризованных способов действия (СД) на фоне других глаголов с соответствующим префиксом: пердуративов с показателем *про-* и *про-* глаголов, представителей чрезмерно-интенсивного способа действия с показателем *у-...-ся* и *у-* глаголов, делимитативов, аттенуативов, ингрессивов, дистрибутивов с показателем *по-* и *по-* глаголов.

³⁸ Статья базируется на исследовании, поддержанном грантом РФФИ 19-012-00143 А «Суффиксальная имперфективация приставочных перфективов в современном русском языке». Авторы также приносят искреннюю благодарность П. М. Аркадьеву и С. С. Саю, принявшим участие в обсуждении препринта данной статьи, чьи замечания и комментарии оказались весьма полезны авторам.

Имперфективируемость фиксировалась по трем источникам: Малому академическому словарю, Национальному корпусу русского языка (НКРЯ, <http://www.ruscorpora.ru>) и рунету (посредством поисковых систем Google и Яндекс). Обнаружено, что представители всех упомянутых СД, кроме делимитативов, демонстрируют более низкую имперфективируемость по сравнению с другими перфективами в рамках соответствующих приставочных групп. Делимитативы отличаются противоположным соотношением. Поскольку семантические ограничения на стандартно реализуемое при имперфективации итеративное значение не прогнозируются, поиск объяснений для установленных фактов ведется в сфере предикатных валентностей, регулярности образования данного СД (соотнесенной с долей лексем СД в словарной приставочной группе) и выявленной путем обращения к НКРЯ употребительности соответствующих перфективных лексем. Установленная на множестве рассмотренных СД положительная корреляция между регулярностью его образования и уровнем его имперфективируемости позволила выдвинуть предположение, что именно высокая регулярность образования лексем СД и, следовательно, повышенная частотность их употребления в речи, является основной предпосылкой для роста уровня имперфективируемости соответствующих лексем. При расширении круга исследуемых с точки зрения их имперфективируемости приставочных групп и, соответственно, расширении множества изученных под соответствующим углом зрения СД, будет осуществляться верификация сформулированного утверждения.

Ключевые слова: вторичная имперфективация, русский глагол, способ действия, делимитатив, пердуратив, чрезмерно-интенсивный способ действия, приставочный (префигированный) глагол.

Aktionsarten and the secondary imperfectivation (the case of *po-*, *pro-*, *u-*verbs)

Summary. The paper deals with the analysis of the imperfectivability (the possibility of suffixal imperfectivation) of the verbs of a number of morphologically marked Aktionsarten compared to the other verbs with the same prefix: *pro-*perduratives and the verbs with the prefix *pro-*, the verbs of the “excessively intensive” Aktionsart with the circumfixal marker *u-...-s’a* and the verbs with the prefix *u-*, delimitatives, attenuatives, ingressive, distributives marked with *po-* and the verbs with the prefix *po-*. The imperfectivability is measured according to three sources: Small Academic Dictionary, Russian National Corpus (RNC, <http://www.ruscorpora.ru>) and Runet (through Google and Yandex search engines). It was found that all the above mentioned Aktionsarten except delimitatives show the lower imperfectivability than other perfective verbs with the same prefixes. Delimitatives are characterized by the opposite correlation. As there are no semantic restrictions on the iterative meaning that is normally realized as a result

of imperfectivation, our findings can be explained in terms of predicate valencies, the regularity of creation of a certain Aktionsart (brought into correlation with the portion of the Aktionsart within the prefixal group in the dictionary) and the frequency of use of corresponding perfective verbs in RNC. It is found, based on the analysis of a number of Aktionsarten, that there is a positive correlation between the regularity of creation of an Aktionsart and its imperfectivability rate. This observation allows suggesting that it is high regularity of creation of an Aktionsart and, consequently, high frequency of its use that is the main premise for the growth of the imperfectivability rate of corresponding verbs. This hypothesis can be verified through the expansion of the prefixal groups examined from the perspective of their imperfectivability and, consequently, expansion of the number of Aktionsarten explored from the same point of view.

Key words: secondary imperfectivation, Russian verb, Aktionsart, delimitative, perdurative, “excessively intensive” Aktionsart, prefixed verb.

Предварительные замечания

Исходное положение нашего анализа — отсутствие семантического ограничения на суффиксальную имперфективацию префигированных перфективов, ср.:

По всей видимости, причины неприемлемости этих и аналогичных глаголов не являются семантическими. Если вообразить, что от *наоткрывать* образуется имперфектив, этот имперфектив, вероятно, не имел бы актуально-длительного значения, но вполне мог бы иметь хабитуальное — ‘систематически осуществлять ситуацию ‘наоткрывать много дверей’’. Именно такое значение обычно выражают имперфективы от кумулятивов типа *наваривать варенья, надаривать подарков* и т. п. <...>. Других очевидных причин для неграмматичности (образований типа *[[на-[[откры]^{PFV}-в]^{IPFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}-ть. — Е. Г., О. Ч.) не наблюдается (Татевосов 2013а, 64, 62).

Следующее базовое положение — сформулированное тем же автором (морфосинтаксическое) ограничение на третичную имперфективацию:

[с]реди внешних префиксов вторичную имперфективацию всегда допускают позиционно-ограниченные, а также селективно-ограниченные³⁹, если они присоединяются к непроемной имперфективной

³⁹ Далее вслед за автором терминов «позиционно-ограниченные» и «селективно-ограниченные префиксы» используются их сокращенные наименования: ПО-префиксы и СО-префиксы. ПО-префиксы имеют ограничение на позицию: они возможны до тех пор, пока в основу не вошел суффикс *-(ы/и)ва-* (Татевосов 2013а, 53); СО-префиксы присоединяются исключительно к имперфективной основе (Там же, 49).

основе. Третичная имперфективация в русском языке невозможна (Татевосов 2013а, 73).

Сведения о природе делимитативного *no-* находим в (Татевосов 2013а, 49), где он охарактеризован как СО-префикс.

Дистрибутивный префикс *no-* там же определяется как единственный левопериферийный. («Левопериферийный префикс *no-* ... в глагольной основе наиболее удален от корня независимо от того, какие еще элементы представлены в основе» (Татевосов 2013а, 49).) В (Татевосов 2013b, 40) обнаруживаем более подробное описание дистрибутивного *no-*: его селективные свойства совпадают с ПО-префиксами, однако, в отличие от последних, он присоединяется выше имперфективного суффикса *-(ы/и)ва-*.

Аттенуативный и ингрессивный *no-* в литературе вопроса не охарактеризованы. Аттенуативный *no-* (*поразвлекься, поостеречься*), присоединяясь исключительно к перфективным основам, см. (Зализняк, Шмелев 2000, 120), не может быть определен как СО-префикс. Возможность имперфективации не противоречит его определению как ПО-префикса, поскольку суффикс-имперфективатор присоединяется выше аттенуативного *no-*.

Ингрессивный *no-* к внешним префиксам отнесен быть, по видимому, не может: сплошная (по МАС) выборка (69 лексем) содержит исключительно монопрефиксальные глаголы. Следовательно, есть основания полагать, что ингрессивный *no-* является лексическим (внутренним) префиксом.

Пердуративный префикс *pro-* оценивается как внешний в (Babko-Malaya 1999), но не упомянут в (Татевосов 2013а) или других работах этого автора. Соответственно, литература вопроса не поможет охарактеризовать его как СО- или ПО-префикс. Сплошная выборка *pro-*пердуративов объемом 337 единиц показывает, что отперфективных образований среди них нет. Единичные случаи полипрефиксации (пердуративный *pro-* второй) встречаются: *прособирать(ся), просчитать*. В этих случаях *pro-* входит в основу поверх префикса *c(o)-* и суффикса-имперфективатора. Следовательно, пердуративный *pro-* относится к СО-, а не к ПО-префиксам.

Как и все глаголы с СО-префиксами, *pro-*пердуративы и *no-*делимитативы суффиксальной имперфективации подвергаются⁴⁰, однако исключительно в том случае, если префикс входит в непрямую

⁴⁰ Результатом имперфективации делимитативов мы, вслед за (Пазельская, Татевосов 2008, 364), считаем глаголы НСВ, относящиеся к прерывисто-смягчительному СД: *поскрипеть – поскрипывать, полежать – полеживать*. Аргументы в пользу такого решения см. в (Федотов, Чуйкова 2013; Горбова 2019с).

имперфективную основу (симплекс). Если же префикс присоединился не к имперфективу-симплексу, а вошел в имперфективную основу с уже присутствующим там префиксом и суффиксом-имперфективатором, должно сработать ограничение на третичную имперфективацию. В частности, это касается упомянутых выше *прособирать(ся)* и *просчитать*. Однако имперфективация этих пердуративов все же возможна, см. (1), (2).

- (1) *Вика ушла туда за два часа до меня, и, пока я ленилась и [[про-[[со-бир]]^{PFV}-ов]]^{IPFV}^{PFV}-ыва]]^{IPFV}-лась, передвинула всю мебель в своей комнате и отмыла там все вертикали (а горизонтали пропылесосила). (<https://krissja.livejournal.com/1819735.html>) (здесь -ов-, с губной эпентезой, вместо закономерного -а-);*
- (2) *Физику на станции не нужен код, который один вариант будет [[про-[[с-чит]]^{PFV}(а)]^{IPFV}^{PFV}-ыва]]^{IPFV}-ть неделями на суперкомпьютере (смайлик). В том числе, и потому, что далеко не всегда такой суперкод даст результаты точнее, чем инженерная программа. (<http://forum.atominfo.ru/index.php?showtopic=1179>)*

Аналогичные случаи обнаружены и среди *по*-делимитативов, см. (3) и (4) с НСВ₂ от *поснимать* и *поразмышлять*, т. е. глаголов, в которых делимитативный СО-префикс *по*- был присоединен к имперфективным основам *снимать* и *размышлять*, явившихся результатом вторичной имперфективации перфективных *снять* и *размыслить*.

- (3) *Сейчас он [[по-[[с-ним]]^{PFV}(а)]^{IPFV}^{PFV}-ыва]]^{IPFV}-ет свадьбы, где и то умудряется испортить людям праздник. (<https://skosolapoff.livejournal.com/402722.html>)*
- (4) *Переместив поднос под нос, я с удовольствием воздал должное и, благоумиротворённо рыгая, стал [[по-[[раз-мышл]]^{PFV}(а)]^{IPFV}^{PFV}-ива]]^{IPFV}-ть себе на вообще абстрактные темы. (<https://magazines.gorky.media/volga/1998/5/dereven-skaya-lyubov.html>)*

В (Татевосов 2013а, 65–72) подобные случаи обсуждаются. Предложены два возможных объяснения: а) «[Т]ретичная имперфективация в русском языке возможна, если вторичная производится с помощью показателя -а-» (Татевосов 2013а, 71) и б) «имперфектив (в нашем случае — *собирать(ся)*, *считать*, *снимать*, *размышлять*. — Е. Г., О. Ч.) попросту не является вторичным» (Татевосов 2013а, 71). Для целей реализуемого анализа пригодно любое из этих двух объяснений, позволяющих не фальсифицировать запрет на третичную имперфективацию.

Префиксальную часть показателя чрезмерно-интенсивного СД *у-...-ся (убегаться)*, не входящую в перечень внешних префиксов (Татевосов 2013а, 48), будем считать префиксом внутренним (лексическим).

Методика исследования и количественные данные

Методика исследования подробно описана в (Горбова 2019а, 60–62; 2019б, 32–33). Дополнительно отметим, что для поиска в НКРЯ и рунете порождались гипотетические формы вторичного имперфектива (НСВ₂) от соответствующего перфектива, напр., для *проплавать* — *проплавливать*.

Минимальные выборки отличаются от максимальных изъятием специфических по имперфективируемости подмножеств глаголов — отперфективных образований, СД, глаголов на *-и(зи)ровать*.

*Про-глаголы*⁴¹:

Мах-выборка: доля НСВ₂ в МАС — 52,43% (735 из 1402); то же в МАС + НКРЯ — 62,98% (883 из 1402); то же в МАС + Яндекс/Google — 80,81% (1133 из 1402).

Пердуративы: доля НСВ₂ в МАС — 4,15% (14 из 337); то же в МАС + НКРЯ — 23,33% (82 из 337); то же в МАС + Яндекс/Google — 54,60% (184 из 337); доля в тах-выборке — 24,04% (337 из 1402).

Min-выборка: доля НСВ₂ в МАС — 67% (602 из 906); то же в МАС + НКРЯ — 75,83% (687 из 906); то же в МАС + Яндекс/Google — 91,28% (827 из 906).

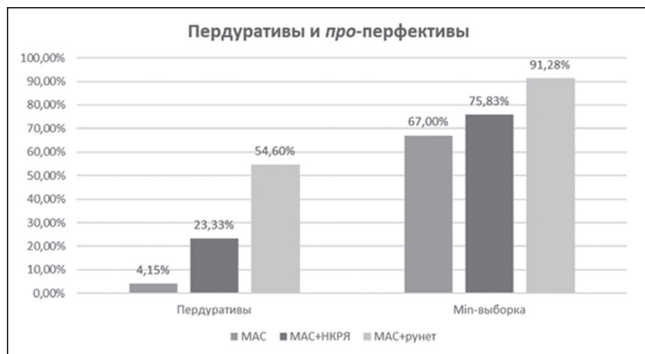

Диаграмма 1. Имперфективируемость *про-глаголов* пердуративного СД в сравнении с *про-глаголами* min-выборки

⁴¹ Данные по *про-* и *у-*глаголам незначительно отличаются от опубликованных в (Горбова 2019а, 2019с) вследствие того, что при дополнительной проверке материала были обнаружены и исправлены некоторые недочеты.

У-глаголы

Мах-выборка: доля НСВ₂ в МАС — 84,94% (829 из 976); то же в МАС + НКРЯ — 87,6% (855 из 976); то же в МАС + Яндекс/Google — 96,21% (939 из 976).

Чрезмерно-интенсивный СД: доля НСВ₂ в [МАС] — 38,88% (7 из 18); то же в [МАС] + [НКРЯ] — 44,44% (8 из 18); то же в [МАС] + Яндекс/Google — 83,3% (15 из 18); доля в тах-выборке — 1,84% (18 из 976).

Мин-выборка: доля НСВ₂ в [МАС] — 86,34% (771 из 893); то же в [МАС] + [НКРЯ] — 89,36% (798 из 893); то же в [МАС] + Яндекс/Google — 96,75% (864 из 893).

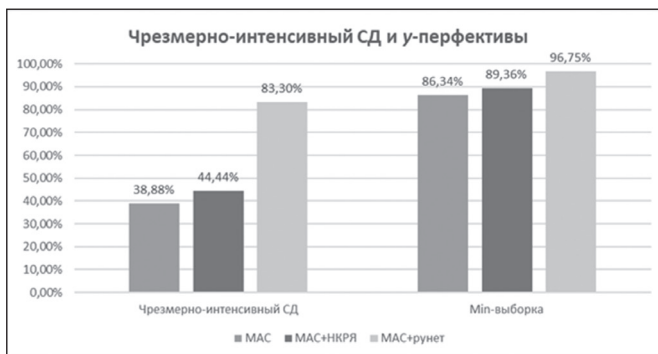

Диаграмма 2. Имперфективируемость у-глаголов чрезмерно-интенсивного СД в сравнении с у-глаголами min-выборки

По-глаголы

Мах-выборка: доля НСВ₂ в МАС — 22,47% (393 из 1749)⁴²; то же в МАС + НКРЯ — 39,34% (688 из 1749); то же в МАС + Яндекс/Google — 65,47% (1145 из 1749).

Делимитативный СД: доля НСВ₂ в МАС — 20,49% (117 из 571); то же в МАС + НКРЯ — 43,43% (248 из 571); то же в МАС + Яндекс/Google — 73,03% (417 из 571); доля в тах-выборке — 32,65% (571 из 1749).

Аттенуативный СД: доля НСВ₂ в МАС — 0% (0 из 62); то же в МАС + НКРЯ — 17,74% (11 из 62); то же в МАС + Яндекс/Google — 48,39% (30 из 62); доля в тах-выборке — 3,54% (62 из 1749).

⁴² С учетом прерывисто-смягчительных как имперфективной формы для делимитативов (т. е. *посвистывать* как НСВ₂ к *посвистеть*); без учета прерывисто-смягчительных — 15,15% (265 из 1749).

Дистрибутивный СД: доля НСВ₂ в МАС — 0% (0 из 168); то же в МАС + НКРЯ — 15,48% (26 из 168); то же в МАС + Яндекс/Google — 36,9% (62 из 168); доля в тах-выборке — 9,61% (168 из 1749).

Ингрессивный СД: доля НСВ₂ в МАС — 0% (0 из 69); то же в МАС + НКРЯ — 13,04% (9 из 69); то же в МАС + Яндекс/Google — 37,68% (26 из 69); доля в тах-выборке — 3,95% (69 из 1749).

Min-выборка: доля НСВ₂ в МАС — 31,08% (253 из 814); то же в МАС + НКРЯ — 43,49% (354 из 814); то же в МАС + Яндекс/Google — 68,92% (561 из 814).

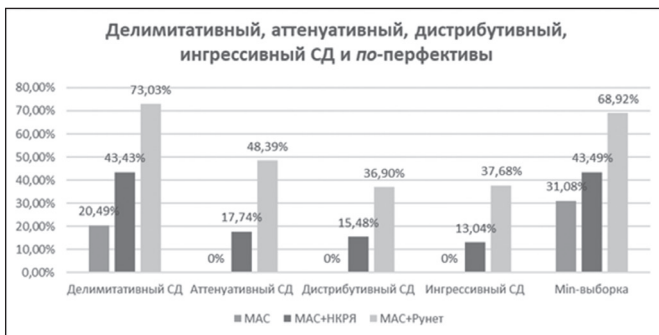

Диаграмма 3. Имперфективируемость *по*-глаголов делимитативного, аттенуативного, дистрибутивного, ингрессивного СД в сравнении с *по*-глаголами min-выборки

Специфика имперфективируемости СД: наблюдения и объяснения

Общее наблюдение: имперфективируемость представителей СД в обсуждаемых случаях, кроме *по*-делимитативов, оказывается ниже, чем в минимальных выборках соответствующих приставочных групп глаголов, см. Диаграммы 1, 2 и 3.

Для *про*-пердуративов характерно наибольшее отличие уровней имперфективируемости от установленных для *про*-перфективов (см. Диаграмму 1) по всем трем источникам данных: по МАС — 4,15% и 67% (различие в 16 раз), по МАС + НКРЯ — 24,33% и 75,83% (в 3 раза), по МАС + рунет — 54,6% и 91,28% (в 1,7 раза). Очевидно, что учет данных НКРЯ и рунета сглаживает эти различия, но не нивелирует. 4,15% имперфективируемых *про*-пердуративов по МАС — это 14 лексем: *провести*, *прогулять*, *прожить* (2 лексем), *пролежать* (2 лексем), *проморозить*, *просидеть* (2 лексем), *про*-

стоять (3 лексемы), *просудить*, *профильтовать*. Весьма существенным оказывается вклад в повышение имперфективируемости НКРЯ и рунета (Google/Яндекс): НКРЯ повышает ее в 6 раз, а рунет — более, чем в 13. Эти источники дают нам такие не учтенные словарем имперфективы, как *продумывать* и *прображивать* в (5) и (6).

- (5) *Итак, долгими вечерами Володя Васильев, Екатерина Максимова, Спиваков со мной и ещё несколько человек **продумывали**, каким будет первый благотворительный концерт.* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]
- (6) *Он иногда целыми месяцами **прображивал** по Москве и ближайшему Подмосковию, собирая по гаечке, по винтику какой-нибудь столетней давности агрегат* (<https://magazines.gorky.media/ier/2016/54/bednaya-liza-2.html>)

Сниженный уровень имперфективируемости *про*-пердуративов обусловлен двумя факторами. Во-первых, затруднения с имперфективацией имеют *про*-пердуративы с нулевой или стремящейся к нулю употребительностью: из 337 зафиксированных в МАС пердуративных лексем только 205 (60,83%) были обнаружены в НКРЯ (частично — с единичными вхождениями). Причину отсутствия НСВ₂ у пердуративов *проманежиться*, *прошить* или *прошить* естественно усмотреть в том, что, несмотря на наличие в МАС соответствующих лексем, НКРЯ их не фиксирует. Вторым фактором, негативно воздействующим на имперфективируемость пердуратива, является наличие у него обязательной валентности на участника-пациенса, см. (Горбова 2019а, 63–64), поскольку в этом случае префикс *про*- тяготеет к реализации другого значения: пространственного, а не временного. Так, в контексте (5) НСВ₂ был оценен как результат имперфективации и итеративизации пердуратива в силу присутствия в контексте обстоятельства *вечерами* (*вечер продумали* → *вечерами продумывали*), однако префикс *про*- может быть оценен и как ‘насквозь, глубоко’ (*анализировать замысел концерта*) или как реализующий эти значения одновременно.

Для у-глаголов отметим существенно более высокий уровень словарной (по МАС) «базы» имперфективируемости перфективов чрезмерно-интенсивного СД с показателем у-...-ся и незначительность вклада НКРЯ (см. Диаграмму 2). Поэтому сравнение с минимальной выборкой менее контрастно: по МАС — 38,88% и 86,34% (различие в 2,2 раза), по МАС и НКРЯ — 44,44% и 89,36% (в 2 раза), по МАС

и рунету — 83,3% и 96,75% (в 1,2 раза). При этом представленность у-перфективов чрезмерно-интенсивного СД в НКРЯ, в отличие от *про*-пердуративов, высока: 16 из 18 (88,88%) словарных лексем обнаруживаются в НКРЯ. Это примечательно, поскольку лексемы чрезмерно-интенсивного СД, в отличие от пердуративов, неизменно сопровождаются в МАС пометой «просторечное» или «разговорное». Имперфективацию данного СД иллюстрирует (7).

- (7) *Второго мишку (который еще неучен был) прижал поп к себе, и стали они **ухаживаться** по кругу — кто кого свалит?* (Валентин Пикуль. Полет и капризы гения; <https://books.google.ru/books?isbn=5444470314>)

В связи с обсуждением имперфективируемости *по*-глаголов следует обратить внимание на два обстоятельства: 1) общий невысокий уровень имперфективируемости *по*-перфективов (особенно в МАС) и 2) противоречие *по*-делIMITативов общей тенденции сниженной имперфективируемости морфемно характеризованных СД.

Как показывает Диаграмма 3, имперфективируемость *по*-перфективов минимальной выборки фиксируется на уровне 31,08%. Учет данных НКРЯ и рунета (МАС+НКРЯ — 43,49%, МАС+рунет — 68,92%) повышает уровень имперфективируемости, однако он ниже соответствующих показателей для рассмотренных выше *про*- и у-глаголов.

Можно выдвинуть некоторые предположения о причинах ограниченной способности *по*-перфективов к образованию НСВ₂. Следует упомянуть неоднократно отмечаемую в литературе продуктивность префикса *по*- и, в частности, его широкое использование при образовании перфективных коррелятов для симплексов НСВ. Так, например, для 248 глаголов (30,47%) в составе минимальной выборки дается толкование через соответствующий симплекс: *сов. к 'бесприставочный глагол НСВ'*. НСВ₂ для таких *по*-перфективов в МАС, как правило, отсутствует (в НКРЯ и рунете удалось обнаружить соответственно 38 и 134 не зафиксированных в МАС НСВ₂, входящих в видовые тройки: *белить — побелить — побеливать, брить — побрить — побривать, венчать — повенчать — повенчивать, зариться — позариться — позариваться*).

Посредством префикса *по*- образуются глаголы четырех СД: делимитативного (*поахать, повоевать*), дистрибутивного (*полечь, повянуть*), аттенуативного (*позамешкаться, поразвлечься, поубавиться*) и ингрессивного (*побежать, помчаться*). Делимитативы выде-

ляются в данном ряду сразу по нескольким параметрам: наиболее многочисленный СД (571 лексема, 32,65% в максимальной выборке) и его имперфективируемость по всем трем источникам выше, чем у других СД с префиксом *no-* (с существенным возрастанием имперфективируемости в НКРЯ и рунете). По данным НКРЯ уровень имперфективируемости *no-*делimitативов равен, а по данным рунета превышает соответствующие показатели минимальной выборки.

Глаголы прерывисто-смягчительного СД, рассматриваемые здесь как НСВ₂ для делимитативов, отражены в МАС непоследовательно, имеющиеся в словаре лексемы регулярно сопровождаются пометой «разговорное». В то же время анализ языкового материала (особенно по данным рунета) показывает, что образование прерывисто-смягчительного СД представляет собой более активный процесс, чем отражает МАС. (8) и (9) демонстрируют случаи употребления неучтенных в МАС глаголов НСВ₂.

- (8) *Нифонтов дежурил целую неделю подряд, и к концу ее голова **покруживалась** от недосыпа.* [Евгений Шкловский. Соглядатай (1990–1996)]
- (9) *Почему, когда разговариваешь с кошкой, она внимательно **смотрит** на тебя и **помурлыкивает**? Она действительно понимает, о чем ей говорят?* (<https://otvet.mail.ru/question/168844799>)

Заключение

Итак, рассмотренные с разной степенью подробности СД распадаются на две группы: с меньшей и с большей (при учете материала НКРЯ и рунета) по сравнению с минимальными выборками имперфективируемостью. В первую группу входят пердуративный, чрезмерно-интенсивный, дистрибутивный, аттенуативный и ингрессивный СД, а вторая представлена исключительно делимитативами. При этом именно *no-*делimitативы отличаются наибольшей регулярностью образования от НСВ-симплексов и составляют наибольшую долю в своей приставочной группе: около трети (32,65%) всех *no-*перфективов. То есть имеется корреляция двух параметров — высокой регулярности образования перфективного СД и его повышенной (на фоне приставочной группы в целом) имперфективируемости. Это позволяет предположить, что первый из названных параметров определяет второй: чем более регулярен и частотен приставочный перфектив, тем лучшей имперфективируемостью он обладает. Рабо-

та по изучению имперфективируемости других приставочных перфективов и СД позволит нам подтвердить или опровергнуть это предположение.

ИСТОЧНИКИ

МАС — Евгеньева, А. И. (ред.) (1981–1984) Словарь русского языка в 4-х тт. 2-е изд., АН СССР, Институт русского языка, Москва, URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240>

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (2003–2019), URL: <http://www.ruscorpora.ru>

ЛИТЕРАТУРА

Горбова, Е. В. (2019а) Имперфективируемость русских приставочных перфективов (на примере *про-* и *у-* глаголов). *Вопросы языкознания* 1, 58–74.

Горбова, Е. В. (2019b) Регулярность вторичной имперфективации русских префигированных перфективов (на примере глаголов с префиксами *про-*, *у-*, *с(о)-*) В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы международной конференции «Диалог 2019»*, Москва, 29 мая — 01 июня 2019 года. Вып. 18. Доп. том, 31–44. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4870/_dialog2019scopusvolplus.pdf

Горбова, Е. В. (2019c) К ограничению на имперфективацию: имперфективируются ли русские глаголы перфективных способов действия? В кн.: Герасимов, Д. В., Дмитренко, С. Ю., Заика, Н. М. (ред.) *Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского*. Москва: Издательский Дом ЯСК. 98–115.

Зализняк, Анна А., Шмелев, А. Д. (2000) *Введение в русскую аспектологию*. Москва: Языки русской культуры. 226 с.

Пазельская А. Г., Татевосов, С. Г. (2008) Отглагольное имя и структура русского глагола. В кн.: Плунгян, В. А., Татевосов, С. Г. (отв. ред.) *Исследования по глагольной деривации*. Москва: Языки славянских культур. 348-379.

Татевосов, С. Г. (2013а) Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола). *Вопросы языкознания*. 3, 42–89.

Татевосов, С. Г. (2013b) Деструктивные заметки о распределительном способе действия. *Русский язык в научном освещении*. 2 (26), 30–51.

Федотов, М. Л., Чуйкова О. Ю. (2013) К определению аспектуального значения лимитатива и вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола. В кн.: Грехова, Е. И. (ред.). *Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию проф. Ю. С. Маслова*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 153–203.

Babko-Malaya, O. (1999) *Zero morphology: A study of aspect, argument structure, and case*. Unpublished Ph. D. dissertation. Rutgers University.

SOURCES

Evgenieva, A. (ed.) (1981–1984) Slovar' russkogo jazyka v 4 tomah [Dictionary of Russian Language in 4 volumes], 2nd ed. Academy of Science of USSR, Institute

of Russian Language, Moscow: Nauka Publ., URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240> (In Russian)

Nacional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus] (2003–2019), URL: <http://www.ruscorpora.ru> (In Russian)

REFERENCES

Babko-Malaya, O. (1999) *Zero morphology: A study of aspect, argument structure, and case*. Unpublished Ph. D. dissertation. Rutgers University. (In English)

Gorbova, E. (2019a) Imperfektiviruemost' russkikh pristavochnykh perfektivov (na primere *pro-* i *u-*glagolov) [Imperfectivability of Russian prefixal perfectives (case of *pro-* and *u-*verbs)]. *Voprosy iazykoznanii* — Topics in the study of language. 1, 58–74. (In Russian)

Gorbova, E. (2019b) Regulyarnost' vtorichnoj imperfektivacii russkikh perefigirovannykh perfektivov (na primere glagolov s prefiksami *pro-*, *u-*, *s(o)*) [Regularity of the Secondary Imperfectivation of Russian Prefixal Perfectives (the case of *pro-*, *u-* and *s(o)-* verbs)] In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference “Dialogue”. Issue 18. Supplementary volume, 31–44. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4870/_-dialog2019scopusvolplus.pdf (In Russian)

Gorbova, E. (2019c) K ogranicheniyu na imperfektivaciyu: imperfektiviruyutsya li russkie glagoly perfektivnykh sposobov dejstviya? [To the Restriction on Imperfectivation: are Russian Verbs of Perfective Modes of Action Imperfectibly?] In: Gerasimov, D. V., Dmitrenko, S. Yu., Zaika, N. M. (eds.) *Sbornik statej k 85 letiyu V. S. Xrakovskogo* [Collection of articles to the 85th anniversary of V. S. Xrakovskij]. Moscow: Izdatel'skij Dom YaSK Publ., 98–115. (In Russian)

Pazel'skaya, A., Tatevosov, S. (2008) Otglagol'noe imia i struktura russkogo glagola [Verbal noun and the structure of Russian verb]. In: Plungian, V., Tatevosov, S. (eds.), *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii* [Verbal derivation research]. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur Publ., 348–379. (In Russian)

Tatevosov, S. (2013a) Mnozhestvennaia prefiksatsiia i ee sledstviia (Zametki o fiziologii russkogo glagola) [Polyprefixation and its consequences (Notes on the physiology of the Russian verb)]. *Voprosy iazykoznanii* — Topics in the study of language. 3, 42–89. (In Russian)

Tatevosov, S. (2013b) Destruktivnye zametki o raspredelitel'nom sposobe dejstviya [Destructive notes on the distributive Aktionsart]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (26), 30–51. (In Russian)

Fedotov, M., Chuikova, O. (2013) K opredeleniiu aspektual'nogo znachenii delimitativa i voprosu ob osobennostiakh “delimitativnoi” derivatsii russkogo glagola [On the definition of limitative aspectual meaning and on the features of “delimitative” verbs in Russian] In: E. I. Grekhova (ed.) *Iz proshlogo v budushchee. Sbornik statej i vospominanii k 100-letiiu Yu. S. Maslova* [From the past to the future. Collection of articles and memoirs to the 100th anniversary of prof. Yu. S. Maslov]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta Publ., 153–203. (In Russian)

Zalizniak, A., Shmelev A. (2000) *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to the study of Russian aspect]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ. 226 p. (In Russian)

Ольга Александровна Каган

PhD, старший преподаватель
Университет Давида Бен-Гуриона в Негеве
Израиль, 8410501, Беэр-Шева, а/я 653
kaganol@post.bgu.ac.il

Olga Alexandrovna Kagan

Ph. D., senior lecturer.
Ben-Gurion University of the Negev.
P. O. B. 653, Beer-Sheva 8410501, Israel.
kaganol@post.bgu.ac.il

Применение модели динамики силы к перфективности

Аннотация. Хорошо известно, что глаголы совершенного вида обозначают множества связанных / локализованных во времени событий (ср. Zaliznyak, Shmelev, 2000). Однако перфективность сопровождается еще и тем, что интуитивно может быть названо референтностью / временной определенностью события (Dickey 1996, 2000). Так, если имперфектив в *Дима не звонил* обозначает сравнительно нейтральное утверждение, его перфективный коррелят *Дима не позвонил* может быть использован только в случае отрицания конкретно-референтного события, например, звонка в определенное время или по определенному делу. Более того, даже при отрицании выбор перфектива информирует адресата о том, что **имеются основания** предполагать, что описываемое событие могло иметь место. Например, если говорящего обвиняют в убийстве Ивана, в отрицании будет использован имперфективный предикат (*Я не убивал Ивана*), а не перфективный (*Я не убил Ивана*). Второй вариант дает понять, что говорящий пытался убить Ивана, планировал убийство, думал об убийстве и т. п. Я предлагаю использовать формальный анализ в рамках модели динамики силы (force-dynamic approach, Copley, Harley, 2015): перфективный предикат имеет пресуппозицию на некую силу, которая могла бы вызвать событие, обозначаемое предикатом. Тем не менее, вследствие возможного вмешательства неких внешних сил, на самом деле событие может не произойти / не завершиться.

Ключевые слова: глагольный вид, перфективность, динамика силы, пресуппозиция, референтность, временная определенность.

A Force-Dynamic Approach to Perfectivity

Summary. It is well-known that perfective predicates denote sets of bounded / temporally delimited events (cf. e. g. Zaliznyak & Shmelev 2000). However, in addition, perfectivity is accompanied by what can be intuitively called event specificity/temporal definiteness (Dickey 1996, 2000). To illustrate, while the imperfective *Dima ne zvonil* ‘Dima didn’t call’ constitutes a relatively neutral statement, its perfective version *Dima ne pozvonil* can only be uttered when a specific event is denied, e. g. calling at a particular time or regarding a particular issue. Moreover, even under negation, the use of the perfective informs the addressee that it was **reasonable** to expect the event in question. To illustrate, if the speaker is accused of Ivan’s murder, the imperfective *Ja ne ubival Ivana* ‘I didn’t kill Ivan’ is appropriate, unlike the perfective *Ja ne ubil Ivana*. The latter suggests that the speaker tried to kill Ivan, planned a murder, considered it, etc. I propose a formal analysis within a force-theoretic framework of (Copley and Harley 2015): perfective predicates presuppose the existence of a force which would bring about an event that falls under their denotation. However, external forces may intervene, which is why the event may not occur/reach completion in reality.

Key words: verbal aspect, perfectivity, force dynamics, presupposition, specificity, temporal definiteness.

1. The Puzzling Pragmatics of Perfectivity

This paper is devoted to the study of under-investigated meaning components of Russian perfective aspect which, I argue, require us to revise an analysis of perfectivity in this language. It is well-known that the morphological perfective/imperfective distinction in Slavic strongly correlates with such semantic properties as (a)telicity, (un)boundedness and temporal delimitation. Despite certain potential exceptions (Borik 2002), typically, a perfective predicate is telic, bounded or temporally delimited, whereas its imperfective counterpart either lacks these properties or at least is not required to possess them (1) (cf. e. g. Forsyth 1970, Smith 1991, Krifka 1992, Padučeva 1996, Zaliznyak and Shmelev 2000, Timberlake 2004, Filip 2008, Filip and Rothstein 2006).

- (1) a. *Lena pokrasila dver’*.
Lena painted.PERF door
‘Lena has (fully) painted the door’.
- b. *Lena krasila dver’*.
Lena painted.IMP door
‘Lena was painting the door’ / ‘Lena used to paint the door’ /
‘Lena painted the door (repeatedly).’

It turns out, however, that a subset of Slavic languages, including Russian, exhibits additional properties of perfective predicates that fall beyond the range of data generally accounted for under purely aspectual analyses. These pragmatic properties are discussed in the following subsections.

1.2 Event Specificity

There exists a strong intuition that sentences with perfective verbs report events that are in some sense **specific**. This characteristic becomes particularly salient in non-veridical environments or when we compare a perfective sentence and its imperfective counterpart under the Statement of Fact convention of usage. Under this convention, a sentence with an imperfective verb roughly asserts that an event of a certain type did take place. The focus is not on how many times the event occurred and whether it took place once or repeatedly, but rather on the mere fact that this kind of eventuality has been instantiated (cf. e. g. Forsyth 1970, Comrie 1976, Smith 1991, Grønn 2003).

- (2) a. *Ivan vstrečal Lenu.*
Ivan met.IMP Lena
'Ivan has met with Lena (at least once)'.
b. *Ivan vstretil Lenu.*
Ivan met.PERF Lena
'Ivan met Lena (under particular circumstances)⁴³.

Intuitively, (2a) under the relevant reading asserts that the event kind *Ivan meet Lena* was instantiated at least once. It is made true by **any** event of Ivan meeting Lena. In turn, (2b) relates to a **particular** eventuality (e. g. one of meeting at a particular time or place, or meeting with the purpose to discuss particular issues). Analogously, *Ivan ne pozvonil* (Ivan didn't call.PERF) suggests that Ivan didn't call on a particular occasion, e. g. when he had promised to call, was expected to call, etc. The specificity view is supported by the fact that past perfective verbs strongly tend to be incompatible with such temporal adjuncts as *nikogda* 'never' (but see the special construction in (4) below), *kogda-libo* 'ever' and *kogda-nibud* 'some time', 'any time':

⁴³ In what follows, I concentrate on the perfective/imperfective opposition in the past tense. Non-past perfectives require further investigation which falls beyond the scope of this paper.

- (3) a. **Dima nikogda ne vstretil Mašu.*
 Dima never NEG met_{PERF} Masha
 ‘Dima has never met Masha.’
- b. **Esli Dima kodga-libo/kogda-nibud’ vstretil Mašu, on ejo ne zabudet.*
 if Dima ever ever met_{PERF} Masha he her NEG forget_{FUT}
 If Dima has ever met Masha, he won’t forget her.

Here, inherently non-specific time does not allow for a specific event reading. Indeed, according to Dickey (2000), perfective aspect expresses temporal definiteness. Perfective event predicates have a specific flavor because they are mapped to definite / specific temporal intervals. While such a correlation is indeed observed in many instances, we can also find statements about specific events that lack a specific (or even fixed) temporal location. According to (4), a particular calling event which was anticipated or maybe even promised never took place, i. e., did not take place at *any* time. It is thus possible to conceive of a (potential) specific event without linking it to a particular time. Note that (4) is acceptable, in contrast to (3a).

- (4) *On tak nikogda ej i ne pozvonil.*
 he so never her and NEG called.PERF
 ‘He never called her in the end.’

2.2 Feasibility

An additional striking restriction on the use of the perfective is exhibited in non-veridical environments, with negative contexts providing especially salient examples. Suppose, for instance, that Ivan is found murdered and Anna gets accused of the crime. She denies the guilt and says “I didn’t kill Ivan”. For this purpose, only imperfective aspect is appropriate. Even though a single, bounded, specific event is under discussion, the perfective is a bad choice, because in essence, the perfective sentence in (5) below sounds like a confession. The sentence informs the addressee that although the killing of Ivan by Anna did not successfully take place, it was **reasonable** to expect such a murder. For instance, it is possible that Anna tried to kill Ivan but failed as he was stronger. Alternatively, she may have planned the murder but ultimately decided not to perform it (because that would be too risky). Or at least, she seriously considered the possibility of committing the murder but then, again, decided to backtrack. If the murder was actually attempted, we could say that the killing event began but did not reach completion, a configuration under which a negated perfective clause is quite expected.

But if the murder was only (seriously) considered, this is not sufficient to claim that it even started, and indeed, this is why an English progressive sentence (*I was killing Ivan*) is not appropriate in such a context.

- (5) *Ja ne ubila Ivana*
 I NEG killed.PERF Ivan
 ‘I didn’t kill / haven’t killed Ivan.’

Anyway, in order for the perfective to be used, telicity and even event specificity is insufficient. Intuitively, the choice of this aspect means that something happened in the world that made an instantiation of the negated event plausible, expected, or feasible. Sometimes, this results from the fact that the event in question was actually taking place, although it did not reach completion, e. g. (6) may be uttered if John wrote a part of the letter but didn’t complete the action (although in this context the use of the verb *dopisal* ‘finished writing’ may be preferable). But it is also possible to use negative perfectives when the event did not even begin, but some other event or situation in the actual world made the occurrence of this event expected or, in some sense, realistic. Again, crucially, an (even partial) instantiation of the event is not required, but some kind of feasibility or expectedness is necessary.

- (6) *John ne napisal pis'mo.*
 John NEG wrote.PERF letter
 ‘John didn’t write / hasn’t written the letter.’

2. A Force-Dynamic Account

I propose a formal analysis of the above-discussed facts formulated within the force-theoretic framework of (Copley and Harley 2015). At the center of this analysis is the notion of force coming from the cognitive literature (e. g. Talmy 2000), “an input of energy that arises from the objects and properties in a situation” (C&H 2015). A force is treated as a relation between two situations: it arises from its initial situation s_0 (from all the individuals and properties in this situation) and brings about its final situation s_1 . Still, the existence of a force f does not guarantee the instantiation of s_1 : the internal energy of f can be interfered with by external forces coming from other sources. As a result, a situation which a certain force is “pre-programed” to bring about may never be instantiated. I propose that sentences with perfective verbs presuppose the existence of a force which, with no intervention, would bring about the event denoted by the perfective predicate, including its result state (e. g. one of Ivan being dead in (5) or the letter being written in (6)). In fact, perfectivity involves an **entailment** that the initial situation of the force

is **efficacious**, i. e. its successor situation s_1 does successfully occur (roughly, the event reaches its endpoint). But this meaning component is not presupposed and is thus cancelable under negation.

Concentrating on the killing example, (7) below presupposes the existence of a force which, due to its internal properties, in case of no intervention, would result in the situation whereby Ivan is killed. Further, Anna is the source of this force (roughly, it is from Anna that this energy, this dynamic potential comes.) Formally, the meaning of the sentence is represented in (8); (8c) is the presupposition contributed by the perfective.

(7) *Anna* *ne* *ubila* *Ivana.*
 Anna NEG killed.PERF Ivan
 ‘Anna didn’t kill Ivan.’

- (8) (a) entailment: $\sim \exists f$ [source(anna,f) & dead(ivan)(fin(f)) & efficacious(init(f))]
 (b) presupposition 1: \sim dead(ivan)(init(f))
 (c) presupposition 2: $\exists f$ [source(anna,f) & dead(ivan)(fin($f^{0/1}$))]

The $f^{0/1}$ specification captures the fact that the presupposed force and the killing one need not be identical. For instance, the mental force of Anna planning the murder does not, on its own, result in the murder itself; rather, it prepares the ground for the killing. Roughly, an intention to murder Ivan brings about action, and the action results in the state of Ivan being dead. More formally, the exertion of one force creates a situation which, in turn, allows the exertion of another force. We get a causal chain of situations: the planning force brings about its final situation s_1 . The net force arising from s_1 , is, in turn, a killing force that brings about the situation of Ivan being dead (s_2). $f^{0/1}$ is either identical to f (f^0) or constitutes the next force in the chain (f^1). (I assume that too long a chain will not license perfective aspect: the presupposed force must be sufficiently closely related to the event specified by the VP, e. g., the presupposed preparatory stage must be closely related to killing. If the chain is too long, the existence of the original force would not be sufficient in order to make the ultimate result expected / feasible.)

(8) successfully explains and reconciles the following observations:

(i) In negative clauses, intuitively, there was some reason to expect that the embedded proposition would become true (there is a force working in that direction);

(ii) In negative clauses, the proposition is entailed to be false (8b) (intervention is, to begin with, possible, so force need not bring about its natural result);

(iii) In affirmative perfective sentences, the event is intuitively specific. This results from the fact that the reported eventuality gets anchored to the presupposed force. For instance, in (2b), we do not deal with *any* instantiation of the *Ivan meet Lena* event type, but rather with that specific instantiation which was realized due to the force presupposed by the sentence.

To sum up, I propose that perfectivity presupposes the existence of a force which, with no external intervention, would eventually result in a VP-event taking place and reaching completion. It further entails the existence of a force which does, in fact, bring about the completion of a VP-event. The former meaning component but not the latter is preserved under negation.

REFERENCES

- Borik, O. (2002). *Aspect and Reference Time*. Doctoral dissertation, University of Utrecht.
- Comrie, B. (1976). *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Copley, B., Harley, H. (2015). A force-theoretic framework for event structure. *Linguistics and Philosophy*, 38(2), 103–158.
- Dickey, S. M. (2000). *Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach*. Stanford: CSLI Publications.
- Filip, H. (2008). Events and Maximalization. In: S. Rothstein (ed.), *Theoretical and Crosslinguistic Approaches to the Semantics of Aspect*. Amsterdam: John Benjamins.
- Filip, H., Rothstein, S. (2006). Telicity as a Semantic Parameter. In: J. Lavine, S. Franks, H. Filip et al. (eds.), *Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL 14). The Princeton University Meeting*. MI: University of Michigan Slavic Publications. pp. 139–156.
- Forsyth, J. (1970). *A Grammar of Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grønn, A. (2003). *The Semantics and Pragmatics of Russian Factual Imperfective*. Ph. D. dissertation, University of Oslo.
- Krifka, M. (1992). Thematic Relations as Links between Nominal Reference and Temporal Constitution. In: I. Sag and A. Szabolcsi (eds.), *Lexical Matters*. Stanford: CSLI Publications, 29–53.
- Padučeva, E. (1996). *Semantičeskie Issledovania [Semantic studies]*. Moscow: Jazyki Russkoj Kul'tury Publ., 464 p. (In Russian)
- Smith, C. (1991). *The Parameter of Aspect*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Talmy, L. (2000). *Toward a cognitive semantics*. Cambridge and London: MIT Press.
- Timberlake A. (2004). *A Reference Grammar of Russian*. Cambridge, UK.
- Zaliznyak, A., Shmelev, A. (2000). *Vvedenie v russkiju aspektologiju [Introduction to the study of Russian aspect]*. Moscow: Jazyki Russkoj Kul'tury Publ., 226 p. (In Russian)

Юрико Канэко
PhD, профессор
Университет иностранных языков города Кобе
9-1, Gakuen-Higashi-machi, Nishi-ku, Kobe, 651-2187, Japan
ykaneko@inst.kobe-cufs.ac.jp

Yuriko Kaneko
PhD, professor
Kobe City University of Foreign Studies
9-1, Gakuen-Higashi-machi, Nishi-ku, Kobe, 651-2187, Japan
ykaneko@inst.kobe-cufs.ac.jp

Слово об умирании — языковая концептуализация смерти: глаголы ‘умирать/умереть’ в английском, русском и японском языках

Аннотация. Смерть, как событие существует в нашей жизни независимо от языка, на котором каждый из нас говорит. А когда мы говорим о ней, то мы оформляем тот или иной аспект умирания по-разному с помощью отдельных языковых средств. Типологическая работа Р. Ботне (Botne 2003) свидетельствует о том, что глаголы умирания в разных языках отличаются друг от друга по своей аспектуальной структуре, профилируя разные стадии события смерти. На основе теоретической модели темпоральных стадий данного жизненного события, ученый разделяет глаголы на четыре типа, среди которых, например, английский глагол *die* отнесен к Инцептивному типу (*be dying* --> *die*), а японский соотносительный глагол *shinu* — к Результативному типу (*shin-u* ‘die’ --> *shin-de i-ru* ‘to be dead’). Русский глагол *умирать / умереть*, который не был в списке рассмотренных Р. Ботне глаголов, ведет себя так же, как английский глагол *die* (*умирает* --> *умер*).

Вопрос, рассматриваемый в настоящей работе, касается соответствия между темпоральной моделью события умирания, предложенной Р. Ботне, и практическим употреблением обозначающих это событие слов и словоформ, которое наблюдается в литературных произведениях и их переводах на русском, английском и японском языках. Кажущийся межъязыковой фазовый параллелизм выражений умирания (глаголов и прилагательных) не всегда соблюдается в переводческой практике даже в тех случаях, когда могут быть применены соответствующие параллели в том или ином языке. Эмпирические данные на материале сравниваемых языков демонстрируют разнообразие семантического спектра лексем о умирании и их грамматиче-

ских (аспектуальных) форм, которое в свою очередь мотивирует реализацию лингвоспецифических особенностей в художественных текстах.

Ключевые слова: умереть/умирать, die, shinu, русский язык, английский язык, японский язык, аспект, сопоставление.

Word of Dying — Conceptualization of Death in Languages: DIE verbs in English, Russian and Japanese

Summary. A life event such as death is common to all human regardless of languages, however, when we talk about it, we may focus on different aspects of the event. Botne's cross-linguistic study (Botne 2003) shows that DIE verbs in languages differ with respect to their inherent aspectual structure, encoding different phases of the event of dying. With his theoretical framework of temporal stages of the DIE event, Botne categorizes the verbs into four types, for example, English *die* as Inceptive type (*be dying* -- > *die*), Japanese *shinu* as Resultative type (*shin-u* 'die' -- > *shin-de i-ru* 'to be dead'). Russian verb *umirat'*/*umeret'*, which is not examined in his paper, behaves in a similar way to English counterpart in this respect (*umiraet* -- > *umer*).

This paper deals with the question about the correspondence between Botne's temporal framework of dying and the actual usages of the words and their word forms, referring to the death event, found in novels and their translations in Russian, English and Japanese. The apparent phasal parallelism between DIE expressions (verbs and adjectives) in these three languages is not always consistent in the practice of literary translation even when the corresponding counterparts between languages are still available to use. The empirical evidence from the languages compared demonstrates the diversity in the semantic scope of DIE lexemes and their grammatical (aspectual) word forms, which further motivates their language-specific realizations in literary texts.

Key words: *umirat'*/*umeret'*, *die*, *shinu*, Russian, English, Japanese, aspect, contrastive study.

Как известно, даже самые важные общечеловеческие события в языках мира отражаются по-разному. Например, в разных языках с помощью специальных видовременных форм глагола профилируются разные стадии смерти. Смерть может быть грамматически концептуализована как ослабление жизнедеятельности и последующее достижение ею критической точки (в русском и английском языках: *умирать* => *умереть*; *dying* => *die*). Но эта точка также может рассматриваться в качестве момента наступления нового результирующего состояния 'быть умершим/мертвым' (Гловинская 2001: 11)

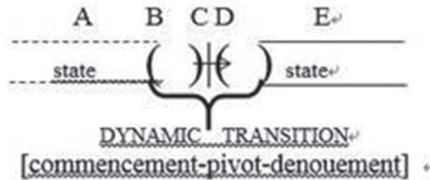
(в японском языке: *shinu* => *shin-de i-ru*). При этом образование глагольных форм в двух вышеупомянутых случаях языковой концептуализации смерти имеет противоположное направление (эти формы подчеркнуты прямой линией). Отсутствие грамматического оформления той или иной стадии данного события в том или ином языке может быть скомпенсировано, эксплицитно или имплицитно, другими языковыми средствами, в частности лексическими и словообразовательными. Иначе говоря, речь идет о взаимосвязи грамматической и лексической мотиваций и о том, как распределяются языковые средства соответственно разным аспектам события DIE. Эта взаимосвязь предполагает рассмотрение лингвистической концептуализации данного события в более широком ракурсе, не ограниченном лексическим видом/аспектом глагола, который обсуждается в основном с точки зрения его грамматической релевантности и характеристики которого служат основой разбиения глаголов на акциональные классы (Маслов 1948; Vendler 1967; Kindaichi 1976 и мн. др.)⁴⁴. Между разными классификациями, изначально построенными на материале отдельно взятого конкретного языка, наблюдаются как сходные черты, так и лингвоспецифичные (Мелиг 1985; Падучева 1996, 2009; Татевосов 2005, 2015; Горбова 2010 и др.). Обнаруженный между языками сходный «инвентарь» для описания действия, безусловно, не гарантирует, схожести его использования в речевом обиходе.

Целью нашего доклада является сопоставительный анализ функционирования словоформ глагола и прилагательного, выражающих разные фазы события DIE в русском, английском и японском языках. При анализе особое внимание уделяется следующим вопросам: 1) семантический диапазон понятия данного события; 2) словообразовательный потенциал и/или лексическая сочетаемость рассматриваемых слов; 3) изучение случаев пересечения грамматического вида/аспекта и лексических (словообразовательных) аспектуальных значений в сравниваемых языках. Анализ проводится на материале оригинальных текстов и переводов художественной литературы, который даст нам общее представление о конкретном контексте. Обсуждаются слова и словоформы, в частности, русские *умирать / умереть, мертвый*; английские *die / be dying, dead*; японские *shin-u / shin-de i-ru* и др.

В качестве исходного материала возьмем деление концептуально-потенциальных стадий естественного события DIE, предлагаемое Р. Ботне:

⁴⁴ В работе С. Татевосова (2015: 10–12) обзорно представлены акциональные классификации, разработанные разными учеными.

Потенциальные стадии события DIE (Botne 2003: 237)
Potential stages of the event DIE (Botne 2003: 237)

Кратко поясним схему. После (потенциальной) продолжительной стабильной фазы умирания — “state of dying” — Стадии А, наступает более резкий, динамический процесс ухудшения — Стадия В, непосредственно приводящий к смерти. Критическая точка перехода из противоположных состояний — живой : мертвый — схематически обозначается Стадией С. За ней следует, как финал события, Стадия D, которая представляет собой краткий период перехода тела индивида в состояние смерти. И в конце концов, развертывание события завершается категоричным утверждением мертвого состояния — это Стадия Е (Botne 2003: 237). При этом Р. Ботне, считая стадию С общим содержательным ядром, входящим в семантическую структуру глагола DIE в языках, разделяет временной план события на фазы «до» и «после» ядра (по его терминологии: onset — nucleus — coda). В упомянутой работе было показано, что разные языки различаются по составу семантической структуры глагольной лексики DIE.

Семантическая структура английского глагола *die*, например, принадлежит к инцептивному типу: сюда входит длительная, подготовительная фаза (*be dying*) + ядро (*die*). А следующая после смерти фаза выражается не глаголом, а прилагательным *dead* (Botne 2003: 240–243). Смысловое соотношение между предложениями *the old man is dying / died* и *старик умирает / умер* позволяет нам отнести русский глагол *умирать / умереть* тоже к инцептивному типу. Японский глагол *shinu* ‘die’ относится к результативному типу, который содержит в себе критическую точку перехода к смерти (ядро) и последующую фазу результативного состояния (Botne 2003: 249–252). Итак, суммируя сказанное, соотношение основных фаз события смерти с морфологическим оформлением в трех рассматриваемых языках выглядит следующим образом:

**Три временные фазы концептуализации события смерти
в разных языках**
**Three temporal phases of conceptualization of the event DIE
in different languages**

	Подготовительная фаза	Точка перехода в смерть	Последующая фаза
Английский язык	be dying	die	dead
Русский язык	умирать	умереть	мертвый
Японский язык	?	<i>shinu</i>	shin-de i-gu

Имея бесспорное сходство в семантической структуре, эти условные параллели, конечно, не являются полными эквивалентами. Они расходятся в деталях и могут различаться по употреблению. Общеизвестно, например, что между английским прогрессивом и несовершенным видом русского языка имеется семантическое различие: если «человек *умирает*», то в русском языке у него еще есть надежда на улучшение состояния, тогда как, если «he *is dying*», то подразумевается неизбежная смерть (Comrie 1976/2001: 47–48). Иными словами, диапазон подготовительной стадии шире у русского *умирать*, чем у английского *be dying*, который обозначает необратимый процесс, стремительно ведущий к смерти. Об этом свидетельствует следующий пример из японской художественной литературы и ее переводов на английском и русском языках⁴⁵:

(JP_1) Mattaku fushigina mono sa. Datte sanjuunen-ni wataru jinsei-no saigo-no saigo-ni yat-ta koto-ga tokei-no neji-o mak-u koto-na n da ze. *Shin-de ik-u ningen-ga naze tokei-no neji nante mak-u n daroo ne.* Okashina mon da yo. (X. Мураками «Охота на овец»)

die-CNV AUXgo-NPST person-NOM why clock-GEN spring something wind-NPST NMLZ COP.PRES PRT

(RU_1) — Прямо анекдот, а?! Человек тридцать лет живет на свете и последнее, что делает перед смертью — заводит часы! Казалось бы, за каким чертом *умирающему* часы? Прямо сумасшедший дом какой-то, ей-богу!.

(EN_1) “Damn, if that’s not a mystery. I mean the very, very last thing I did in my thirty-year life was to wind a clock. Now why should anyone who’s *about to die* wind a clock? Makes no sense.”

⁴⁵ По причине ограниченного объема статьи глоссированы только подчеркнутые фрагменты японского языка.

Приведенные выше примеры — часть монолога персонажа по имени Крыса, который после завода часов повесился и умер, т. е., когда он заводил часы, он был жив и здоров. Поэтому в английском переводе не уместно употребление прогрессива *dying*, тогда как в русском переводе выступает причастная форма *умирающий*. Что касается японского языка, как показывает Таблица 1, подготовительную фазу к смерти нельзя обозначить аналитической формой дуратива на *-te i-ru*. В приведенном тексте (JP_1) встречается другая аналитическая форма *shin-de ik-u*, образуемая с помощью вспомогательного глагола *-iku 'go'*, которая так же, как и русский НСВ, имеет широкий диапазон подготовительного процесса умирания. Отметим также, что в японском языке данный процесс подразумевается и простой формой комплетива *shin-u 'die'*, выражающей целостность действия:

(RU_2) И тогда спальня завертелась вокруг Степы, и он ударился о притолоку головой и, теряя сознание, подумал: «Я умираю...». (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

(EN_2) [...] thought: 'I'm dying...'

(JP_2) [...] “Ore-wa shin-u.....” to omot-ta.

I-TOP die-NPST QUOT think-PST

Представляется, что в случае с японским комплетивом нельзя было бы приписывать понятию «целостности» действия признака строгой неделимости временных фаз. Форма комплетива *shin-u 'die'*, одновременно являясь словарным индексом, представляющим лексему *shinu 'die'*, включает в свою семантику процесс умирания скрытым образом. Об этом свидетельствует следующий пример номинализации, взятый из романа «Охота на овец»:

(JP_3) “Daidokoro-no hari de kubi.o.tsut-ta n da” to Nezumi-wa it-ta. “Hitsuji-otoko-ga gareeji-no waki-ni umetekure-ta. Shin-u koto-wa sore-hodo kurushiku-wa nakat-ta yo. [...]”

die-NPST NMLZ-TOP that.much painful-TOP NEG-PST PRT

(RU_3) — Я повесился в кухне. На балке под потолком, — ответил Крыса. — Человек-Овца схоронил меня за гаражом. Умирая, особо не мучился. [...].

(EN_3) «I hanged myself from a beam in the kitchen,» said the Rat. «The Sheep Man buried me next to the garage. Dying itself wasn't all that painful [...]»

Из контекста понятно, что речь идет о процессе умирания, который эксплицитно выражается в английском языке герундием, сохраняющим прогрессивное значение исходного глагола, а в русском языке — деэпричастием НСВ.

Теперь перейдем к критическому моменту перехода из жизни в смерть и следующую за ним стадию. Судя по Таблице 1, казалось

бы, есть соответствие между словами / его формами в трех сравниваемых языках, однако в действительности они могут не совпадать. Приведем пример диалога из материала «Охота на овец». После достаточно долгого непринужденного разговора герой спрашивает давнего друга Крыса:

(JP_4) “*Kimi-wa moo shin-de [i]-ru n daroo?*”⁴⁶

you-TOP already die-CNV AUXbe-NPST NMLZ COP.PRES.

(EN_4) “*You’re already dead, aren’t you?*”

(RU_4) — Ты уже умер, да?

(RU)⁴⁷ Прошло много, до животного ужаса много времени, прежде чем я услышал ответ. Может быть, на самом деле, эта пауза измерялась всего несколькими секундами — но их было достаточно, чтобы я чуть не отдал Богу душу от страха. Во рту пересохло так, будто его набили песком.

(JP_5) “*Soo da yo,*” to Nezumi-wa shizukani it-ta. “*Ore-wa shin-da yo.*”
I-TOP die-PST PRT.

(EN_5) “*That’s right,*” said the Rat finally. “*I’m dead.*”

(RU_5) — Да, — очень тихо ответил Крыса. — Я уже умер.

Таблица 2

Слова и их формы в разных языках, употребляемые в примерах 4 и 5

The words and word forms used in the cross-linguistic Examples 4–5

	Японский язык	Английский язык	Русский язык
Пример 4	<i>shin-de i-ru</i>	<i>dead</i>	<i>умер</i>
Пример 5	<i>shin-da</i>	<i>dead</i>	<i>умер</i>

В японском тексте оригинала (JP_4) говорящий герой употребляет форму дуратива *shin-de i-ru* в вопросе, чтобы получить от собеседника-Крысы подтверждение его актуального состояния в данный момент разговора. Намерение говорящего подчеркивается еще и синтаксической конструкцией *-n[o] da*, выполняющей эмфатическую и объяснительную функции. В ответ ему в примере (JP_5) Крыса выбирает простую форму комплетива в прошедшем времени *shin-da* и объявляет герою о том, что случилось с ним самим. Употребление

⁴⁶ В японском тексте вместо стилистически нейтральной формы *shin-de i-ru* употребляется ее разговорный вариант *shin-de ru*, где основа вспомогательного глагола *i-(ru)* ‘быть’ отсутствует. В данной статье она восставлена в квадратных скобках.

⁴⁷ По причине ограниченного объема статьи во фрагменте текста под (RU) представлен только русский перевод для передачи контекста данного отрывка.

разных форм в японских примерах связано с переходом фокуса внимания от актуального состояния на событие смерти.

В английском языке, кроме употребляемого прилагательного *dead*, можно было бы предположить еще две возможные кандидатуры: формы простого прошедшего *died* и настоящего перфектного *have died*. Степень допустимости их употребления, однако, варьируется. Комбинация форм простого прошедшего — (EN_1') *You already died, didn't you?* и (EN_2') *I died*, близкая на первый взгляд к комбинации форм русского типа, возможна, но не приветствуется. Комбинация (EN_1'') *You're already dead, aren't you?* и (EN_2'') *I died*, сходная оформлению японского типа, вряд ли применима в данном контексте. Относительно русского текста возникает вопрос, заменяема ли форма СВ прилагательным *мертв(ый)*, как в английском переводе. Возможно, в принципе, двойное употребление краткой формы прилагательного и в русском языке — (RU_1') — *Ты уже мертв, да?* и (RU_2') — *Я уже мертв*. В данном случае с помощью употребления прилагательного объективно констатируется реальное состояние мертвого Крысы, что придает тексту нюансы нейтральности, отстраненности, отсутствия эмоциональности со стороны говорящего. В противоположность этому, употребляя глагол СВ *умер*, говорящий относится к адресату как к человеческой личности, а не как бесчувственному предмету, см. (Пешковский 1956: 78–79).

Приведем другой пример из русской художественной литературы:

(RU_6) — Да, погиб, погиб... Но мы-то ведь живы! (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»)

(JP_6) “Soo, shin-da, shin-de shimat-ta... shikashi, wareware-wa ikite i-ru no da.”

yes, die-PST, die-CNV AUXfinish-PST

(EN_6) “Yes, he's dead, dead... But, as for us, we're alive!”

И в этом случае в русском тексте два раза употребляется форма СВ, тогда как в английском переводе повторяется прилагательное. Интересно отметить, что в японском переводе за простой формой комплетива глагола *shinu* ‘die’ следует аналитическая форма со вспомогательным глаголом *-shimau* ‘finish’, подчеркивающим достижение внутреннего предела действия и его необратимость (Канэко 2015).

Из вышесказанного можно сделать краткие выводы. Даже ограниченный материал, взятый из художественной литературы и ее переводов, позволяет нам увидеть несовпадение теоретического деления слов и словоформ, обозначающих событие DIE, на временные фазы с их реальным употреблением в практике литературного перевода. Наличие соотношений между разными языками не всегда га-

рантирует использование соотносительной лексики или формы того или иного языка, даже тогда, когда в тексте, казалось бы, не предполагается явный запрет на ее использование. Вопрос о выборе конкретной формы или слова на стыке разных языков нуждается в более подробном рассмотрении.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AUX = вспомогательный глагол, CNV = конверб, COP = связка, GEN = генитив,

NEG = негатив, NMLZ = субстантиватор, NOM = номинатив, NPST = непрочешшее время, PRES = презумптив, PRT = частица, PST = прочешшее время, QUOT = цитационный союз, TOP = топик

ИСТОЧНИКИ

Булгаков, М.А. (1994) *Мастер и Маргарита. Собачье сердце. Роковые яйца*. Москва: Известия, 558 с.

Bulgakov, M. (2000) *The Master and Margarita*. (transl. and with notes by R. Pevar & L. Volokhonsky) London: Penguin, 411p.

Bulgakov, M. (2015) *Kyosyoo to Margariita. Joo*. (transl. from Russian by T. Mizuno). Tokyo: Iwanami Shoten Publ., 443 p.

Murakami, H. (1985/2000) *Hitsuji-o meguru booken. Ge*. Tokyo: Kodansya, 231 p.

Murakami, H. (2002) *A Wild Sheep Chase*. (transl. from Japanese by A. Birnbaum). NY: Vintage International, 353 p.

Мураками, Ха. (2002) *Охота на овец*. (пер. с япон. Д. Коваленина) СПб.: Амфора, 479 с.

ЛИТЕРАТУРА

Гловинская, М.Я. (2001) *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 320 с.

Горбова, Е.В. (2010) *Акциональность глагольной лексики и аспектуальные граммы: вопросы взаимодействия*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 200 с.

Канэко, Ю. (2015) Употребление «нестандартных» видовых форм японского языка в переводе русской художественной литературы. В кн.: Р. Бенаккьо (ред.), *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст* (Die Welt der Slaven. Bd.56). München-Berlin-Washington D.C.: Verlag Otto Sagner, 297–308.

Маслов, Ю.С. (1948) Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. *Известия АН СССР*. Сер. лит. и яз. Т. VII, Вып. 4, 303–316.

Мелиг, Х.Р. (1985) Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов Зино Вендлера). В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XV. М.: Прогресс, 227–249.

Падучева, Е.В. (1996) *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива)*. М.: Языки русской культуры, 464 с.

Падучева, Е.В. (2009) Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову — Вендлеру. *Вопросы языкознания*, № 6, 3–20.

Пешковский, А.М. (1956) *Русский синтаксис в научном освещении*. Изд. 7-ое. М.: Учпедгиз, 512 с.

Татевосов, С.Г. (2005) Акциональность: типология и теория. *Вопросы языкознания*, № 1, 109–141.

Татевосов, С.Г. (2015) *Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события*. М.: Языки славянской культуры, 368 с.

Botne, R. (2003) To die across languages: Toward a typology of achievement verbs. *Linguistic Typology*, 7, 233–278.

Comrie, B. (1976/2001) *Aspect*. Cambridge: Cambridge: Cambridge University Press, 142 p.

Kindaichi, H. (1976) Kokugo dooshi-no ichi bunrui. [A classification of Japanese verbs] In: H. Kindaishi (ed.) *Nihongo dooshi-no asupekuto. [Aspect of Japanese verbs]* Tokyo: Mugi syoboo. 360 p.

Vendler, Z. (1967) Verbs and times. *Linguistics in Philosophy*, Ithaca, New York: Cornell University Press, 97–121.

SOURCES

Bulgakov, M.A. (1994) *Master i Margarita. Sobache sertse. Rokovye jajtsa. The [Master and Margarita. Heart of a dog. The fatal eggs]* Moscow: Izvestiya, 558 p. (in Russian)

Bulgakov, M. (2000) *The Master and Margarita*. (transl. and with notes by R. Peavear & L. Volokhonsky) London: Penguin, 411p. (in English)

Bulgakov, M. (2015) *Kyosyoo to Margariita. Joo*. (transl. from Russian by T. Mizuno). Tokyo: Iwanami Shoten Publ., 443 p. (in Japanese)

Murakami, H. (1985/2000) *Hitsuji-o meguru booken. Ge. [A Wild Sheep Chase. Book 1]* Tokyo: Kodansya, 231 p. (in Japanese)

Murakami, H. (2002) *A Wild Sheep Chase*. (transl. from Japanese by A. Birnbaum). NY: Vintage International, 353 p. (in English)

Murakami, H. (2002) *Ohota na ovets*. (transl. from Japanese by D. Kovalenin) St. Petersburg: Amfora, 479 p. (in Russian)

REFERENCES

Botne, R. (2003) To die across languages: Toward a typology of achievement verbs. *Linguistic Typology*, 7, 233–278. (in English)

Comrie, B. (1976/2001) *Aspect*. Cambridge: Cambridge: Cambridge University Press, 142 p. (in English)

Glovinskaya, M.Ya. (2001) *Mnogoznachnost' i sinonimiya v vido-vremennoj sisteme russkogo glagola [Polysemy and synonymy in tense-aspect system of Russian verbs]*. Moscow: Vinogradov Institute of Russian Language (RAS), 320 p. (in Russian)

Gorbova, E.V. (2010) Aktsional'nost' glagol'noj leksiki i aspektual'nye grammemy: voprosy vzaimodejstviya. [Actionality of verbal lexicon and aspectual grammemes: Issues of interaction] St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 200 p. (in Russian)

Kaneko, Yu. (2015) Upotreblenie «nestandartnyh» vidovyh form yaponskogo yazyka v perevode russkoj hudozhestvennoj literatury [The use of “non-standard” aspectual forms of Japanese in translations from Russian fiction]. In: R. Benacchio (ed.), *Glagol'nyj vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst* [*Verbal Aspect: grammatical meaning and context*] (Die Welt der Slaven. Bd.56). Munich-Berlin-Washington D.C.: Verlag Otto Sagner Publ., 297–308. (in Russian)

Kindaichi, H. (1976) Kokugo dooshi-no ichi bunrui. [A classification of Japanese verbs] In: H. Kindaishi (ed.) *Nihongo dooshi-no asupekuto*. [*Aspect of Japanese verbs*] Tokyo: Mugi syoboo. 360 p. (in Japanese)

Paducheva, E.V. (1996) *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [*Semantic studies (Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of narrative)*]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. 464 p. (in Russian)

Paducheva, E.V. (2009) Leksicheskaya aspektual'nost' i klassifikatsiya predikatov po Maslovu — Vendleru [Lexical aspectuality in the classification of predicates by Maslov — Vendler]. *Voprosy yazykoznaniya*, No. 6, 3–20. (in Russian)

Mehlig, H.R. (1985) Semantika predlozheniya i semantika vida v russkom yazyke (k klassifikatsii glagolov Zeno Vendlera) [Sentence semantics and aspect semantics in Russian language (on the classification of Z. Vendler)]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [*New in foreign linguistics*], Vol. XV, Moscow: Progress, 227–249. (in Russian)

Peshkovskij, A.M. (1956) *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [*Russian syntax in a scientific light*]. 7th ed. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1956, 512 p. (in Russian)

Tatevosov, S.G. (2005) Aktsional'nost': tipologiya i teoriya [Actionality: typology and theory]. *Voprosy yazykoznaniya*. No.1, 109–114. (in Russian)

Tatevosov, S.G. (2015) *Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya*. [Actionality in vocabulary and grammar. Verb in event structure] Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 368 p. (in Russian)

Vendler, Z. (1967) Verbs and times. *Linguistics in Philosophy*, Ithaca, New York: Cornell University Press, 97–121.

Мицуси Китадзё

кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
европейских языков, факультет иностранных языков,
Университет Киото Сангё
Japan, 603-8555, Kyoto-shi, Kita-ku, Kamigamo-Motoyama
E-mail: kitajo@cc.kyoto-su.ac.jp / Tel: 81757051866

Mitsushi Kitajo

Ph.D., Professor, Head of department of European languages,
Faculty of foreign Studies,
Kyoto Sangyo University
Japan, 603-8555, Kyoto-shi, Kita-ku, Kamigamo-Motoyama
E-mail: kitajo@cc.kyoto-su.ac.jp / Tel: 81757051866

Колебание в употреблении видов русского глагола (включая деепричастие) в рамках конструкции прямой речи в литературных произведениях XIX–XX вв.

Аннотация: Наша цель состоит в том, чтобы выяснить особенность отношения видов глагола (Г) и деепричастия (Д) к конструкции прямой речи (КПР) в литературных произведениях XIX–XX вв. Нами взяты 19179 глаголов совершенного вида (ГСВ), 15324 глагола несовершенного вида (ГНСВ), 2640 деепричастий совершенного вида (ДСВ), 4230 деепричастий несовершенного вида (ДНСВ) из 16 произведений. Принимая во внимание позиционное отношение к КПР («близкое к КПР место» и «отдалённое от КПР место»), мы рассмотрели частотность расположения ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ и КПР. КПР соответствует фигуре. В основном можно найти языковые закономерности, если встречается сходство в использовании видов глагола и деепричастия в произведениях, написанных разными писателями. Результаты нашего исследования резюмируются следующим образом. По поводу видов глагола, ГСВ и ГНСВ симметрично помещаются: ГСВ – близко к КПР, а ГНСВ – далеко от КПР. Что касается видов деепричастия, то ДНСВ показывают ориентированность на КПР, а ДСВ относятся к КПР по-разному.

Ключевые слова: фигура, фон, текстовые функции видов, глагол, деепричастие, расположения глагола, деепричастия и конструкции прямой речи.

On fluctuation in the use of the aspect of Russian verb (including converb) in the framework of the construction of direct speech in works of the 19th and 20th centuries

Abstract: The aim of the present paper is to find out the peculiarity of the relationship of the aspect of the verb (V) and the converb (CV) to the construction of direct speech (CDS) in works of the 19th and 20th centuries. We investigate 19179 perfect verbs (PV), 15324 imperfective verbs (IMV), 2640 perfect converbs (PC), 4230 imperfect converbs (IMC) in works of 16 writers. Taking into account the position of CDS (which concerns “close to the CDS” vs. “distant from the CDS”), we considered the frequency of location of PV, IMV, PC, IMC and CDS. The CDS fits the foreground. Generally, it is possible that we can find linguistic regularity if there are similarities in the use of the aspect of V and CV in works written by different writers. The results of the research on the frequency of use of the two V and two CV show as follows. Regarding the aspect of the verb, PV and IMV are placed symmetrically: PV is close to the CDS, and IMV is far from the CDS. As for the aspect of the converb, the IMC is concerned with the CDS, but the relationship between PC and CDS is unstable.

Key words: foreground, background, textual function of aspect, verb, converb, the position of the direct speech construction.

Введение

Наша цель состоит в том, чтобы выяснить особенность отношения видов глагола (далее Г) и деепричастия (далее Д) к конструкции прямой речи (далее КПр) в литературных произведениях XIX – XX вв. Нами взяты 19179 глаголов совершенного вида (далее ГСВ), 15324 глагола несовершенного вида (далее ГНСВ), 2640 деепричастий совершенного вида (далее ДСВ) и 4230 деепричастий несовершенного вида (далее ДНСВ) из 16 произведений: 1) произведений первой половины XIX в.: «Капитанская дочка», «Герой нашего времени», «Мёртвые души (т. 1)», «Кто виноват?», 2) произведений второй половины XIX в.: «Обломов (ч. 1)», «Рудин», «Преступление и наказание (ч. 1–2)», «Воскресение (ч. 1)», 3) произведений первой половины XX в.: «Мать (ч. 1)», «Мастер и Маргарита», «Поднятая целина (к. 1)», «Первые радости», 4) произведений второй половины XX в.: «Любавины», «Посредний срок», «Дети Арбата», «Шестьсот лет после битвы».

Почему мы выбрали КПр критерием анализа? В литературном произведении используются экспрессивные формы передачи чужой речи (прямая речь, несобственно-прямая речь, косвенная речь и др.).

В отличие от других, прямая речь — это особенно близкая к живой речи форма передачи чужого высказывания. Как известно, диалог — наиболее естественная форма языка, он является основным способом передачи речи персонажей. Они вступают в разнообразные отношения друг с другом. В контактах персонажей диалог порождает разнообразные речевые акты, в которых отражаются отношения персонажей. Инвариантной особенностью всех типов диалогов является динамический характер речевого взаимодействия. Такое речевое взаимодействие часто создаёт сюжетное напряжение. Многие исследователи изучали текстовые функции КПП, определяя её как: «театральность» (Wierzbicka 1974), «кульминационный пункт повествования» (Waltz 1976; Witte 1976), «экспансивность» (Clark 1990), «фигуру» (Китадзё 2014). Наши предшественники (Якобсон 1972; Виноградов 1980; Маслов 1984; Бондарко 1998; Золотова 2002) изучают текстовые функции видов Г и выделяют повествовательную функцию (фигуру) совершенного вида и описательную функцию (фон) несовершенного вида. Но прежние исследования не активно обращают внимание на текстовые функции вида Д и не рассматривают текстовые функции видов Г и Д в рамках КПП.

Анализ расположения Г, Д и КПП

Мы предлагаем критерием анализа позиционное отношение к КПП, считая её фактором повествовательной функции «фигуры», и анализируем позиционное отношение к КПП, чтобы рассмотреть отношение между видами Г, Д и КПП. Наше исследование выявило пять возможных позиций Г и Д по отношению к КПП. Ниже по каждой позиции мы приводим примеры ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ.

1. Г, Д сливаются с КПП

ГКПП

(1) — *Что ты сделал, Сурин? — спросил (ГСВ) хозяин.* (Капитанская дочка)

(2) — *Да вот она — отвечал (ГНСВ) ямщик.* (Капитанская дочка)

ДКПП

(3) — *Кого же сватать-то идёте? — безразлично спросила она, скрестив (ДСВ) на высокой груди полные руки.* (Любовины)

(4) — *В общем, не видать тебе Марьи как своих ушей, — сказал Макар, поднимаясь (ДНСВ).* (Любовины)

2. Г, Д находятся в интерпозиции

КПП + Г + КПП

(5) — *Не можете ли вы одолжить мне карандашика? — обратился Пигасов к Басистову.*

Басистов не тотчас **понял** (ГСВ), что у него спрашивал Пигасов.
— Зачем вам карандаш? — проговорил он наконец. (Рудин)

(6) — Я люблю вас, — повторил он, — и как я мог так долго обманываться, как я давно не догадался, что люблю вас!.. А вы?..
Наталья Алексеевна, скажите, вы?..

Наталья едва **переводила** (ГНСВ) дух.

— Вы видите, я пришла сюда, — проговорила она наконец. (Рудин)

КПР + Д + КПР

(7) Юра сел с Леной, положил руку ей на плечо, холодно сказал:
— Очередная истерика старой девы.

Юра сказал это спокойно, обдуманно, **положив** (ДСВ) руку на плечо Лены

— Прикуси язык, Шарок! — Саша исподлобья смотрел на него.
Теперь есть повод за все с ним рассчитаться. (Дети Арбата)

(8) — Редактор здесь? — спросил Баулин.

Все задвигались, **разглядывая** (ДНСВ) Руночкина.

— Расскажите, Руночкин, как вы дошли до жизни такой, проговорил Баулин с обычным своим зловещим добродушием. (Дети Арбата)

3. Г, Д находятся непосредственно перед КПР

Г + КПР

(9) Нагульнов с сомнением **покачал** (ГСВ) головой.

— Ну, нет! Он — свой человек, — убежденно заявил Разметнов.
(Поднятая целина)

(10) Молодой парень лениво **подгробал** (ГНСВ) сено вилами-тройчатками.

— Ну, чего ты, как неживой, ходишь? Я в твои года как на винтах был! Разве так работают? А ну, дай сюда вилы! — Демка Ушаков вырвал из рук улыбающегося парня вилы. (Поднятая целина)

Д + КПР

(11) Кузьма, как-то вдруг сразу **обессилев** (ДСВ), молчал.

— На то мы и люди, чтобы быть вместе, — говорил Евгений Николаевич. (Последний срок)

(12) Василий стоял у ворота, **выступая** (ДНСВ) из темноты высокой, крупной фигурой.

— Чего в избу не заходишь? — спросил Кузьма. (Последний срок)

4. Г, Д находятся непосредственно после КПР

КПР + Г

(13) — Нужно, — сказал он.

Николай **улыбнулся** (ГСВ). (Любовины)

(14) — Пошли, — повеселевший Макар — маленько урвал, — разминая затекшие ноги, пошагал в дом.

Завтракали (ГНСВ) все вместе. (Любавины)

КПР + Д

(15) — *Настоящий мордаш, — продолжал Ноздрев, — я, признаю, давно острил зубы на мордаша. На, Порфирий, отнеси его!*

Порфирий, взявши (ДСВ) щенка под брюхо, унёс его в бричку. (Мёртвые души)

(16) — *Помилуйте, не только одеваться, но можете совершать при мне все, что угодно вашему превосходительству, — сказал Чичиков.*

Генерал стал умываться, брызгаясь (ДНСВ) и фыркая (ДНСВ), как утка. (Мёртвые души)

5. Г, Д находятся на расстоянии более одного предложения от КПР Г + более 1 пр. + КПР / КПР + более 1 пр. + Г

(17) *Вереница «уазиков» обгоняла самосвалы, шаткие автобусы с рабочей сменой. В головной машине сидел секретарь райкома Костров, озабоченный, почти удрученный. Недавний обход строительства обнаружил множество огрехов, срывов, очередное невыполнение графиков. Станция снова ошеломила (ГСВ) его своей огромностью, сложностью. Он, в прошлом школьный учитель, не мог ее себе объяснить. Не мог соперничать с инженерами, создавшими станцию. Строители, виновные в неполадках и срывах, он уверен, были сведущими, образованными, знающими дело людьми. И он, не умея понять мучительную технологию стройки, драму управления, вынужден был вмешиваться, требовать, контролировать. (Шестьсот лет после битвы)*

(18) *И эта едкая неприязнь и ревность сменились в нем смутной тревогой, посещавшей его теперь постоянно. Опасением — не за себя, а за все громадное любимое дело, за государство, которому верой и правдой служил, в незыблемость которого верил. И она, незыблемость, стала вдруг колебаться, породила страхи, сомнения. Новые времена, где ему не быть, куда отпустил (ГНСВ) от себя свое дело, сулили беды. И они, эти новые люди, оттеснявшие его, старика, сумеют ли справиться с бедами? Не напорят построенное с таким усилием? Не разбазарят накопленное с таким трудом? (Шестьсот лет после битвы)*

Д + более 1 пр. + КПР / КПР + более 1 пр. + Д

(19) *Обломов не знал, с какими глазами покажется он Ольге, что будет говорить она, что будет говорить он, ... Сказать ей о глупых толках людей он не хотел, чтоб не тревожить её злом неисправимым, а не говорить тоже было мудро; притвориться с ней он не сумеет: она непременно добудет из него всё, что бы*

он ни затаил в самых глубоких пропастях души. **Остановившись** (ДСВ) на этом решении, он уже немного успокоился и написал в деревню к соседу, своему поверенному, другое письмо, убедительно прося его поспешить ответом, по возможности удовлетворительным. (Обломов)

(20) Она только затруднилась тем, что много понадобилось написать, и попросила брата заставить лучших Ванюшу, что «он-де бойко стал писать», а она, пожалуй, что-нибудь напутает. Но братец действительно потребовали, и она подписала криво, косо и крупно. Большие об этом уж никогда и речи не было. Обломов, **подписывая** (ДНСВ), утешался отчасти тем, что деньги эти пойдут на сирот, а потом, на другой день, когда голова у него была свежа, он со стыдом вспомнил об этом деле и старался забыть, избегал встречи с братцем, и если Тарантьев заговаривал о том, он грозил немедленно съехать с квартиры и уехать в деревню. Потом, когда он получил деньги из деревни, братец пришли к нему и объявили, что ему, Илье Ильичу, легче будет начать уплату немедленно из дохода; что года в три претензия будет покрыта, между тем как с наступлением срока, когда документ будет подан ко взысканию, деревня должна будет поступить в публичную продажу, так как суммы в наличности у Обломова не имеется и не предвидится. (Обломов)

Пять типов расположения Г, Д и КПР разделяются на три группы: во-первых, ГКПР и ДКПР означают позицию в КПР, во-вторых, КПР + Г, Д + КПР, Г, Д + КПР, КПР + Г, Д — очень близкое расположение Г и Д к КПР, в-третьих, Г, Д + более 1 пр. + КПР, КПР + более 1 пр. + Г, Д — сравнительно отдалённое расположение Г и Д от КПР. Первая и вторая группы входят в близкую к КПР группу, а третья — в отдалённую от КПР группу. Учитывая данные группы, мы рассмотрим частотность расположения ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ и КПР в произведениях XIX — XX вв., разделяя их на четыре периода (первую и вторую половины XIX в. и первую и вторую половины XX в.). Исследование порядка расположения ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ и КПР по всем проанализированным произведениям сведено нами в таблицу 1 и таблицу 2. Первая таблица устроена следующим образом: в строках обозначены названия произведений, в столбцах перечислены расположения, которые показывают высокую частотность употребления ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ и КПР в произведениях. Напр., в «Капитанской дочке» ДСВ чаще употребляются в близком к КПР месте, тогда как ГСВ, ГНСВ, ДНСВ — в отдалённом от КПР месте.

**Расположение, которое показывает высокую частотность
употребления ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ и КПП
в произведениях XIX–XX вв. (Круглые скобки: акроним)**

Период	Произведения	Близкое к КПП	Отдалённое от КПП
Первая полови- на XIX в.	Капитанская дочка (КД)	ДСВ	ГСВ, ГНСВ, ДНСВ
	Герой нашего времени (ГН)	ДСВ	ГСВ, ГНСВ, ДНСВ
	Мёртвые души (МД)	ДСВ	ГСВ, ГНСВ, ДНСВ
	Кто виноват? (КВ)		ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ
Вторая полови- на XIX в.	Обломов (ОБ)	ГСВ, ДСВ, ДНСВ	ГНСВ
	Рудин (РУ)	ГСВ, ДСВ, ДНСВ	ГНСВ
	Преступление и наказание (ПН)	*ДНСВ	ГСВ, ГНСВ, ДСВ, *ДНСВ
	Воскресение (ВО)		ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ
Первая полови- на XX в.	Мать (МА)	ГСВ, ДСВ, ДНСВ	ГНСВ
	Мастер и Маргарита (ММ)	ГСВ, ДСВ, ДНСВ	ГНСВ
	Первые радости (ПР)	ГСВ, ДСВ, ДНСВ	ГНСВ
	Поднятая целина (ПЦ)	ГСВ, ДНСВ	ГНСВ, ДСВ
Вторая полови- на XX в.	Любовины (ЛЮ)	ГСВ, ДНСВ	ГНСВ, ДСВ
	Последний срок (ПС)	ГСВ, ДНСВ	ГНСВ, ДСВ
	Дети Арбата (ДА)	ГСВ, ДНСВ, ДСВ	ГНСВ
	Шестьсот лет после битвы (ШЛ)	ГСВ, ДНСВ	ГНСВ, ДСВ

*Они употребляются в близком к КПП и отдалённом от КПП местах поврвну.

**Частотность расположения ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ и КПП
на основе первой таблицы
(Акроним означает название произведения)**

	Близкое к КПП	Отдалённое от КПП
ГСВ	10 [(ОБ), (РУ), (МА), (ММ), (ПР), (ПЦ), (ЛЮ), (ПС), (ДА), (ШЛ)]	6 [(КД), (ГН), (МД), (КВ), (ПН), (ВО)]
ДСВ	9 [(КД), (ГН), (МД), (ОБ), (РУ), (МА), (ММ), (ПР), (ДА)]	7 [(КВ), (ПН), (ВО), (ПЦ), (ЛЮ), (ПС), (ШЛ)]
ГНСВ	0	16 [(КД), (ГН), (МД), (КВ), (ОБ), (РУ), (ПН), (ВО), (МА), (ММ), (ПР), (ПЦ), (ЛЮ), (ПС), (ДА), (ШЛ)]
ДНСВ	11 [(ОБ), (РУ), (ПН)*, (МА), (ММ), (ПР), (ПЦ), (ЛЮ), (ПС), (ДА), (ШЛ)]	6 [(КД), (ГН), (МД), (КВ), (ПН)*, (ВО)]

*Они употребляются в близком к КПП и отдалённом от КПП местах поврну.

Благодаря этим таблицам мы, учитывая авторский стиль 16 произведений, можем наблюдать следующее:

ГСВ (в 10 произведениях) и ДНСВ (в 11 произведениях) занимаются близкими к КПП местами чаще, чем отдалёнными от КПП, тогда как ГНСВ (в 16 произведениях) сосредотачиваются в отдалённых от КПП местах. Только ДСВ колеблются между близкими к КПП местами и отдалёнными от КПП местами: в 9 произведениях нередко помещаются близко к КПП, а в 7 произведениях — далеко от КПП.

Заключение

«Новый предмет или обычай, входя в моду, способствует возрастанию частотности соответствующей языковой формы. Общая сила воздействия того или иного слова, воспринимаемого как ярко экспрессивное или остроумное, является мощным фактором в изменении частотности» (Блумфильд 1999, 438). По нашим материалам частотность употребления КПП в литературных произведениях повышается с XIX в. до нашего времени. КПП играет важную роль в ходе повествования, в сюжетных линиях, содержание которых служит продвижению сюжета, и соответствует фигуре. Поскольку частота КПП увеличивается с течением времени в литературных произведениях, Г и Д, связанных с КПП, используются разнообразно. Мы можем найти языковые закономерности, если встречается сходство в

использовании видов глагола и деепричастия в произведениях, написанных разными писателями. Имея в виду аспектологию, можно резюмировать наше исследование следующим образом:

По поводу видов глагола, ГСВ и ГНСВ симметрично помещаются: ГСВ — близко к КПр, а ГНСВ — далеко от КПр. Прежние исследователи выделяют повествовательную функцию (фигуру) совершенного вида и описательную функцию (фон) несовершенного вида. Это подтверждено нашим результатом. Что касается видов деепричастия, то ДНСВ показывают ориентированность на КПр, то есть фигуру, а ДСВ относятся к КПр по-разному.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко, А.В. (1998) Проблемы инвариантности / вариантности и маркированности / немаркированности в сфере аспектологии. В кн.: М. Ю. Черткова (ред.), *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. Москва: Школа «Языки русской культуры», с. 64–80.

Блумфилд, Л. (1999) *Язык*. Благовещенск: Благовещенский Гуманитарный Колледж им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 606 с. (Перевод с «*Language, Bloomfield L., 1933*»).

Виноградов В.В. (1980) Стиль «Пиковой дамы». О языке художественной прозы. *Избранные труды* Т. 5. Москва: Наука, с. 176–249.

Золотова, Г.А. (2002) Категории времени и вида с точки зрения текста. *Вопросы языкознания*, 3, с. 8–29.

Китадзё М. (2014) Видовые синонимичные формы русских деепричастий и причастий в художественном тексте. В кн.: О. Я. Титаренко, (ред.), *Типология вида / аспекта: проблемы, поиски, решения*. Симферополь: «ДИАИПИ», с. 30–48.

Маслов, Ю.С. (1984) *Очерки по аспектологии*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 263 с.

Якобсон, Р.О. (1972) Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. В кн.: *Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва: Наука, с. 95–113.

Clark, H. H., Gerring, R. J. (1990) Quotations as demonstrations. *Language*, 66, № 4, pp. 764–805.

Waltz, N. (1976) Discourse functions of Guanano sentence and paragraph. *Discourse grammar*, 1, pp. 21–145.

Wierzbicka, A. (1974) The semantics of direct and indirect discourse. *Papers in linguistics*, 7, 3–4, pp. 267–307.

Witte, P. (1976) Function of the Andoke copulative in discourse and sentence structure. *Discourse grammar*, 1, pp. 253–288.

REFERENCES

Bondarko, A.V. (1998) Problemy invariantnosti / variantnosti i markirovannosti / nemarkirovannosti v sfere aspektologii [Problems of invariant nature / variation and markedness / unmarkedness within a range of aspectology]. In: M. Yu. Chertkova

(ed.), *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of aspect: problems, searches, solutions]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoj kul’tury” Publ., pp. 64–80. (In Russian)

Bloomfield, L. (1999) *Jazyk* [Language]. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskij Gumanitarnyj Kokkedzh im. I. A. Baudouin de Courtenay, pp. 606. Translation from «*Language*, Bloomfield L., 1933») (In Russian)

Vinogradov, V.V. (1980) Stil’ «Pikovoï damy» [The style of «The Queen of Spades» // O iazyke khudozhestvennoï prozy. *Izbrannye trudy* T. 5 [On the language of literary prose. Selected Writings 5]. Moscow: Nauka, pp. 176–249. (In Russian)

Zolotova, G. A. (2002) Kategorii vremeni i vid s tochki zreniya teksta. [Categories of time and aspect in terms of text]. *Voprosy jazykoznanija* 3, pp. 8–29. (In Russian)

Kitajo, M. (2014) Vidovye sinonimichnye formy russkikh deeprichastij i prichastij v khudozhestvennom tekste [Aspectual synonymous forms of Russian verbs and converbs in the literary text]. In: O. Ya. Titarenko (ed.): *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of aspect: problems, search, decision]. Simferopol: DIAPI, pp. 30–48. (In Russian)

Maslov, Yu.S. (1984). *Ocherki po aspektologii* [The Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad University, p.263. (In Russian)

Jakobson, R. O. (1972) Shiftery, glagol’nye kategorii i russkii glagol [Shifters, verbal categories and the Russian verb]. In *Printsipy tipologicheskogo analiza jazykov razlichnogo stroja* [Principles of typological analysis of languages of various structure]. Moscow: Nauka., p. 95–113. (In Russian)

Clark, H. H., Gerring, R. J. (1990) Quotations as demonstrations. *Language*, 66, № 4, pp. 764–805.

Waltz, N. (1976) Discourse functions of Guanano sentence and paragraph. *Discourse grammar*, 1, pp. 21–145.

Wierzbicka, A. (1974) The semantics of direct and indirect discourse. *Papers in linguistics*, 7, 3–4, pp. 267–307.

Witte, P. (1976) Function of the Andoke copulative in discourse and sentence structure. *Discourse grammar*, 1, pp. 253–288.

Владимир Дмитриевич Климонов
доктор филологических наук,
научный сотрудник Университета им. Гумбольдта,
Унтер-ден-Линден 6, 10099 Берлин, Германия
klimonow@web.de, телефон: 49-30-20 45 58 10

Vladimir Klimonov
Doctor in Philology
Research fellow
University of Humboldt
Unter den Linden, 6, 10099, Berlin, Germany
klimonow@web.de, 49-30-20 45 58 10

Семантика и прагматика видо-временных форм русского глагола

Аннотация. В настоящей работе видо-временные формы русского глагола рассматриваются в рамках концепции маркированности в естественной грамматике на двух уровнях: парадигматическом и синтагматическом. На парадигматическом уровне анализируется темпоральная и аспектуальная семантика каждой видо-временной формы в системе видо-временных форм русского глагола (раздел 2). На синтагматическом уровне описывается функционирование видо-временных форм в стандартных (немаркированных) и нестандартных (маркированных) контекстах. Предметом рассмотрения является употребление перформативных глаголов типа попрошу в форме будущего времени совершенного вида (БУД СВ) в нестандартных контекстах со значением актуального настоящего времени (раздел 3).

Ключевые слова: русский язык, естественная грамматика, маркированность, система видо-временных форм, стандартные и нестандартные контексты.

Semantics and pragmatics of tense-aspect verb forms in Russian

Abstract. This paper deals with aspectual-temporal forms of Russian verb within the framework of markedness theory in natural grammar with regard to the levels of paradigmatic and syntagmatic relations. On the paradigmatic level, temporal and aspectual semantics of aspectual-temporal forms of Russian verbs

is analyzed (part 2). On the syntagmatic level, the functionality of aspectual-temporal forms in standard (unmarked), respectively, non-standard (marked) context is described. A special research subject is the use of performative verbs such as *poproshu* in non-standard context of future of perfective aspect (part 3).

Keywords: Russian language, natural grammar, markedness, aspectual-temporal forms, standard and non-standard context.

1. Предмет и теоретические основы исследования

Видо-временные формы русского глагола рассматриваются в настоящей работе с позиций теории маркированности в естественной грамматике. В этой теории отношения маркированности между единицами семантического уровня проецируются на отношения маркированности между соответствующими им единицами формального уровня (Wurzel 1998, 62–65). Выделяются два уровня анализа видо-временных форм: парадигматический и синтагматический. На парадигматическом уровне анализируются отношения маркированности между видо-временными формами в системе видо-временных форм русского языка (Klimonow 2000, 399–401). На синтагматическом уровне исследуется употребление каждой отдельной видо-временной формы в стандартных (немаркированных) и нестандартных (маркированных) контекстах (Klimonow 2000, 383–399).

2. Парадигматика видо-временных форм русского глагола

Традиционно в русском языке выделяются пять видо-временных форм: настоящее время несовершенного вида (НАСТ) *пишу*, прошедшее время несовершенного вида (ПРОШ НСВ) *писал*, прошедшее время совершенного вида (ПРОШ СВ) *написал*, будущее время несовершенного вида (= будущее сложное) (БУД НСВ) *буду писать* и будущее время совершенного вида (= будущее простое) (БУД СВ) *напишу* (РГ 1980, 626–628; Климонов 2002, 68–70). Вопрос о статусе видо-временной формы типа *напишу* является дискуссионным в лингвистической литературе. Обычно эта форма считается будущим временем СВ или простым будущим (БУД СВ) — как это принято в академической грамматике русского языка 1980 г. А. В. Исаченко (Isachenko 1976, 224–228) рассматривает видо-временную форму типа *напишу* как форму настоящего времени СВ с эксплицитной сигнализацией неактуальности действия. Значение будущего времени у этой формы А. В. Исаченко интерпретирует как особый, или частный, случай употребления неактуального настоящего времени. А. В. Бондарко (Бондарко 1971, 50–56, 102–112) рассматривает форму типа

напишу как многозначную, т. е. семантически двойственную форму, объединяющую значения будущего и настоящего времени, и предлагает называть эту форму «настоящим-будущим совершенным». Авторы академической грамматики русского языка, изданной в Праге (РГ 1979, 167, 237), расчлняют эту форму в структурном отношении на две омонимические (синкретические) формы: немаркированную по временному признаку форму настоящего времени СВ *напишу*₁ и маркированную по признаку времени форму будущего времени СВ *напишу*₂. В настоящей работе форма типа *напишу* рассматривается на парадигматическом уровне как форма со значением непрошедшего времени СВ (НЕПРОШ СВ), в которой объединяются формально не дифференцированные значения настоящего и будущего времени (см. таблицу ниже). В формах СВ как маркированного члена видовой оппозиции с признаком целостности глагольного действия ([+ЦЕЛ]) обнаруживаются только два временных парадигм, а именно прошедшее время (*написал*) и непрошедшее время (*напишу*) в отличие от форм НСВ со значением несигнализации целостности действия ([α ЦЕЛ]), в которых представлены все времена, а именно настоящее (*пишу*), прошедшее (*писал*) и будущее (*буду писать*). Посредством нейтрализации временных различий в форме непрошедшего времени СВ достигается оптимальное структурирование видо-временной системы: вместо возможных шести видо-временных форм (как продукта пересечения трех временных парадигм с двучленной парадигмой вида) в русском языке выступают только пять видо-временных форм. В соответствии с принятым здесь критерием употребления формы непрошедшего времени СВ в ней на синтагматическом уровне разграничиваются немаркированное значение будущего времени, выступающее в стандартных контекстах, и маркированное значение настоящего времени, обнаруживающееся в нестандартных контекстах.

Таблица

Система видо-временных форм глагола в современном русском языке

Времена Виды	Прошедшее время	Непрошедшие времена	
		Будущее время	Небудущее время
Несовершенный вид	Прошедшее время несовершенного вида <i>писал</i>	Будущее время несовершенного вида <i>буду писать</i>	Настоящее время несовершенного вида <i>пишу</i>
Совершенный вид	Прошедшее время совершенного вида <i>написал</i>	Непрошедшее время совершенного вида <i>напишу</i>	

На парадигматическом уровне анализируются темпоральные и аспектуальные параметры системы видо-временных форм. Во временном плане формы ПРОШ НСВ типа *писал* и ПРОШ СВ типа *написал*, маркированные семантически посредством признака предшества действия моменту речи ([+ПРЕД]) и формально посредством суффикса *-л-*, противопоставляются всем другим видо-временным формам, не сигнализирующим отнесенности действия к прошлому ([αПРЕД]) и не обнаруживающим претеритального суффикса *-л-*. В зоне непрошедших времен маркированные по признаку следования действия после момента речи ([+СЛЕД]) видовые формы БУД НСВ типа *буду писать* и БУД СВ типа *напишу*, противопоставляются немаркированной по этому признаку ([α СЛЕД]) форме НАСТ НСВ типа *пишу*. Видовые противопоставления структурируются в соответствии со значением признака разобщенности действия с моментом речи ([РАЗ]). Маркированные по этому признаку формы ПРОШ НСВ типа *писал* и БУД НСВ типа *буду писать* с положительным значением признака разобщенности действия с моментом речи ([+РАЗ]) противопоставляются немаркированным по этому признаку ([α РАЗ]) формам ПРОШ СВ типа *написал* и БУД СВ типа *напишу*.

3. Синтагматика видо-временных форм глагола в русском языке

В этом разделе на примере формы БУД СВ рассматривается на синтагматическом уровне функционирование перформативных глаголов (или перфориативов). К перформативам относятся глаголы речи типа *попрошу*, произнесение которых оказывается сопряженным с речевым актом, т. е. с реальным действием говорящего. Это отличает их от констативов, т. е. языковых выражений, называющих положение дел. Перформативы автореферентны: они называют действия и являются одновременно самими действиями. Перформативы обозначают осуществление (или реализацию) действия, являющегося содержанием перформативного глагола в момент речи. В славистике перформативы типа *попрошу* в русском и в других севернославянских языках рассматриваются как настоящее время СВ (перфективный презенс), тогда как в южнославянских языках их эквиваленты выражаются формой будущего времени СВ (перфективным футурумом) (Войводич 2015, 27–30). Перформативный смысл могут иметь в специальных контекстах и неперформативные глаголы. Так, глагол *закончу* в высказывании (1) с основным неперформатив-

ным значением употребляется в будущем времени, а в высказывании (2) тот же самый глагол в контексте актуального настоящего времени *на этом* (= *hic et nunc* «здесь и теперь») приобретает перформативное значение.

- (1) Вскоре я закончу запланированную работу.
- (2) **На этом** я и закончу свой доклад.

В традиционном понимании интерпретация перформативов типа *попрошу*, *закончу* как форм перфективного презенса исключается по причине несовместимости значения СВ со значением актуального (или конкретного) настоящего времени (Бондарко 1971, 50–56). В шестичленной модели категоризации русских видо-временных форм, представленной в пражской академической грамматике русского языка, предусмотрена специальная форма перфективного презенса, в которой анализируются случаи употребления настоящего времени в значении неактуального настоящего времени (РГ 1979, 173–175). Перформативы типа *попрошу*, *скажу* рассматриваются в этой модели как формы со значением непосредственно предстоящего будущего действия (РГ 1979, 183).

В настоящей работе представлена иная точка зрения, расходящаяся с традиционной трактовкой перформативов как форм будущего времени. В высказывании (3) говорящий выражает свое извинение за то, что он в момент речи прервал собеседника, не дав ему договорить. Глагол *перебью* в перформативном употреблении получает здесь значение перфективного презенса. Футуральная интерпретация высказывания (3) тем самым полностью исключается.

- (3) Извините, пожалуйста, я Вас *перебью*

Значение СВ считается в настоящей работе совместимым со значением актуального настоящего времени. Перформативы в таком понимании выражают значение перфективного презенса. Они обозначают действие, совершившееся в момент речи. В русистике сохраняются указания на такой подход к трактовке перформативов. Так, А. А. Караванов (Караванов 1997, 111), опираясь на теорию Э. Кошмидера о коинциденции, т. е. совпадении слова и действия, анализирует примеры употребления формы БУД СВ в значении настоящего времени момента речи. Он называет такое употребление императивным настоящим временем. В. Д. Климонов (Климонов 2002, 73–74) приводит примеры, иллюстрирующие значение актуального настоящего времени у перформативов типа *закончу*. Значение актуального настоящего времени у таких глаголов рассматривается им

как маркированное временное значение формы БУД СВ. Приведенные примеры наглядно демонстрируют совместимость значения СВ со значением актуального настоящего времени.

4. Заключение

Семантика и прагматика видо-временных форм русского глагола исследуется в настоящей работе с позиций концепции маркированности в естественной грамматике. Отношения маркированности анализируются как на парадигматическом уровне, т. е. на уровне структурных отношений отдельных видо-временных форм друг к другу, так и на синтагматическом уровне, т. е. на уровне употребления каждой отдельной видо-временной формы в стандартных (немаркированных) и нестандартных (маркированных) контекстах.

На парадигматическом уровне проявляется системно организующая роль отношений маркированности. Видо-временные формы, связанные между собой отношениями маркированности, образуют в совокупности единую систему взаимосвязанных видо-временных форм. Рассмотрение видо-временных форм под углом зрения отношений маркированности на парадигматическом уровне позволяет вскрыть механизмы функционирования этих форм и объяснить их организацию как оптимальной системы. На этом уровне исследуются отношения маркированности между видо-временными формами по двум параметрам: во временном плане и в видовом отношении.

На синтагматическом уровне употребления отдельных видо-временных форм вводится разграничение между стандартными (немаркированными) контекстами, образующими центр языковой системы, и нестандартными (маркированными) контекстами, составляющими периферию языка. В настоящей работе рассматривается на примере формы будущего времени совершенного вида (БУД СВ) разряд глаголов с перформативным значением, в который входят как собственно перформативные глаголы типа *попрошу*, так и неперформативные глаголы типа *закончу* с контекстуально обусловленным перформативным значением. Перформативные глаголы выступают в форме БУД СВ лишь в особых контекстуальных условиях и потому относятся к периферийному значению этой формы. Реализация глагольного действия у перформативов происходит в момент речи, что является основанием для рассмотрения перформативов как форм со значением актуального настоящего времени СВ. В традиционном понимании значение актуального настоящего времени несовместимо

со значением СВ. В работе содержится критика точки зрения, согласно которой перформативы интерпретируются как будущее время непосредственно предстоящего действия.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко, А. В. (1971) *Вид и время русского глагола*. М.: Просвещение, 239 с.
Войводич, Д. П. (2015) Эффективный презенс или эффективный футурум? (К вопросу о типологии славянских перформативов совершенного вида). В кн.: М. Китадзё (ред.), *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития: Сб. статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов*. Киото: Tanaka Print, с. 27–33.

Караванов, А. А. (1997) Употребление формы будущего времени глаголов совершенного вида в значении настоящего времени. В кн.: *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*. Т. I, М.: Изд-во Моск. ун-та, с. 102–114.

Климонов, В. Д. (2002) Взаимодействие семантики вида и семантики времени в системе видо-временных форм русского глагола. В кн.: А. В. Бондарко (ред.), *Основные проблемы русской аспектологии*. СПб.: Наука, с. 68–79.

Русская грамматика (1979) К. Horálek (ред.), Т. 1–2. Praha: Academia.

Русская грамматика (1980) Шведова Н. Ю. (ред.), Т. 1–2. М.: Наука.

Isachenko, A. V. (1976) La structure sémantique des temps en russe. In: A. V. Isachenko. *Opera selecta*. München, pp. 215–229.

Klimonow, W. (2000) Paradigmatik und Syntagmatik der aspektuell-temporalen Formen im modernen Russischen. *Zeitschrift für Slawistik* 4, s. 379–403.

Wurzel, W. U. (1998) On markedness. *Theoretical Linguistics*, 24 (1), pp. 53–71.

REFERENCES

Bondarko, A. V. (1971) *Vid i vremya russkogo glagola [Aspect and Tense of the Russian verb]*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 239 p. (In Russian)

Vojvodich, D. P. (2015) Effektivnyj prezens ili effektivnyj futurum? (K voprosu o tipologii slavyanskikh performativov sovershennogo vida) [Effective present or effective futurum? (Towards the question on the typology of perfective performative verbs in Slavic languages)]. In M. Kitajo (ed.), *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenerii diakhronicheskogo razvitiya: Sb. statej V Mezhdunarodnoj konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov [The aspectual semantic zone: Typology of systems and scripts of diachronic progresses: Proceedings of V Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists]*. Kyoto: Tanaka Print, pp. 27–33. (In Russian)

Karavanov, A. A. (1997) Upotreblenie formy budushchego vremeni glagolov sovershennogo vida v znamenii nastoyashchego vremeni [The use of the future tense of perfective verbs with the semantics of present tense]. In: *Tруды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [Proceedings of*

the aspectological seminar at philological faculty of Lomonosov Moscow State University], vol. I, Moscow: MSU Publ., pp. 102–114. (In Russian)

Klimonov, V. D. (2002) Vzaimodejstvie semantiki vida i semantiki vremeni v sisteme vido-vremennykh form russkogo glagola [The interaction of temporal semantics and aspectual semantics in the aspectual-temporal system of the Russian verb]. In: A. V. Bondarko (ed.), *Osnovnye problemy russkoj aspektologii [Fundamental problems of Russian aspectology]*. Saint Petersburg: Nauka Publ., pp. 68–79. (In Russian)

Russkaya grammatika [Russian Grammar] (1979) K. Horálek (ed.), vol. 1–2. Prague: Academia Publ. (In Russian)

Russkaya grammatika [Russian Grammar] (1980) Shvedova, N. Yu. (ed.), vol. 1–2. Moscow: Nauka. (In Russian)

Isachenko, A. V. (1976) La structure sémantique des temps en russe [The semantic structure of Russian tenses]. In: A. V. Isachenko. *Opera selecta*. München, pp. 215–229. (In French)

Klimonow, W. (2000) Paradigmatik und Syntagmatik der aspektuell-temporalen Formen im modernen Russischen [Paradigmatics and syntagmatics of aspectual-temporal forms in modern Russian]. *Zeitschrift für Slawistik* 4, pp. 379–403. (In German)

Wurzel, W. U. (1998) On markedness. *Theoretical Linguistics*, 24 (1), pp. 53–71. (In English)

Домен Крвина

доктор филологических наук, научный сотрудник
Научно-исследовательский центр Словенской академии наук и искусств
Институт словенского языка им. Франа Рамовша
Новый трг 2, 1000 Любляна, Словения
dkrvina@zrc-sazu.si

Domen Krvina

dr., research fellow
Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts ZRC SAZU
Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša
Novi trg 2, 1000 Ljubljana, Slovenija
dkrvina@zrc-sazu.si

**Последовательность действий
и употребление глагольного вида в словенском языке
(в простом предложении)⁴⁸**

Аннотация. Последовательность действий с точки зрения аспекта (также в неславянских языках, например, в английском языке в отношении употребления не *progressive*, а *simple* форм) представляет собой важное языковое явление. Формируя цепочку, действия ограничивают друг друга, создавая закрытый интервал, препятствующий развитию и, тем самым, продолжительности действия — за исключением последнего действия в цепочке (происходящего в полуоткрытом интервале). Поэтому неудивительно, что в словенском языке при выражении последовательности действий преобладает совершенный вид (СВ) — анализ современных словенских корпусов Gigafida, Kres и ssj500k показывает, что в серии трех действий, начинающихся СВ, доля перестановок, в которых СВ занимает как минимум два места, достигает 85% (все три места — около 69%). В корпусе IMP (16–19 вв.) эта доля немного ниже — она составляет 77% (СВ на всех местах — около 59%). В отличие от русского, для словенского языка это характерно также при выборе СВ : НСВ у повторяющихся действий, а даже в настоящем историческом; таким образом, последовательность действий является фак-

⁴⁸ Работа выполнена в рамках проекта ARRS P6–0038 «Slovenski jezik v sinhronem in diahronem razvoju» Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (ZRC SAZU), Института словенского языка им. Франа Рамовша.

тором, влияющим на использование преимущественно СВ во всех перечисленных случаях.

Ключевые слова: последовательность действий, глагольный вид, перестановки серии СВ / НСВ, современная ситуация, ситуация 16–19 вв.

The sequence of events and use of verbal aspect in Slovene (in simple sentences)

Abstract. The sequence of events (rus. *последовательность действий*) is in terms of aspect (also in non-Slavic languages, for instance, in English with regard to the use of simple rather than progressive forms) an important linguistic phenomenon. Forming the sequence, actions restrict each other, thereby creating a closed interval which limits the space enabling duration of an action; the exception to this is mainly the last act in a sequence (taking place in half-open interval). Therefore it comes as no surprise that in Slovene in sequence of events the use of the perfective (PF) is predominant — the analysis of the modern Slovene corpora Gigafida, Kres and ssj500k shows that in a series of three actions initiated by the PF the share of permutations with PF taking at least two places reaches as high as 85% (all three places around 69%). In the IMP corpus (16th–19th century), the share is a bit lower, 77% (all the places around 59%). Contrary to the Russian, in Slovene this is true also with repetition of the action and even in the historical present — the sequentiality of events being the factor influencing the predominant use of PF in all the listed cases.

Key words: sequence of events, verbal aspect, permutations of PF / IPF series, present-day, 16th–19th century.

0. Последовательность действий и ее аспектуальные свойства

Последовательность действий (слов. *zaporednost dejanj*, англ. *sequence of events*) является одним из важнейших факторов, определяющих употребление глагольного вида; особое внимание ей неоднократно уделялось как в русской (Bondarko 2005, 234–236; Sokolova et al. 2018; Zorikhina-Nilsson 2014, 2018), так и в международной аспектологии (Barentsen 1998; Berger 2013, 2013a; Comrie 1976, 5; Dickey 2000, 4, 20, 23, 203–233).

Под последовательностью действий мы понимаем цепочку неидентичных действий, следующих одно за другим: ... D_{n-1} , D_n , D_{n+1} ... Места для их развития — т. е. акцента на длительность, процессуальность — в принципе нет, действия сомкнуты: их можно охватить

взглядом все вместе, без остановки на каком-нибудь из них (Comrie 1976, 3, 21; Dickey 2000, 205–208, 216–218; Orešnik 1994, 90, 102). В английских грамматиках (Quirk et al. 1972, 470–471, 638–639; Radden et al. 2007, 219–220) последовательность действий часто приводится в качестве примера, когда нужно — особенно в области *past* и *present* — использовать формы *simple*, а не *progressive tenses*.⁴⁹

- (1) *He came (‘was coming) home, ate (‘was eating) dinner and went (‘was going) to bed.*⁵⁰

1. Последовательность действий в словенском языке⁵¹

При рассмотрении вопроса о влиянии последовательности действий на выбор СВ : НСВ в словенском языке внимание уделено доли СВ в сравнении с долей НСВ. Для анализа были использованы корпуса современного языка (Gigafida 2.0, Kres и ssj500k 2.2), а с диахронической точки зрения — корпус словенских текстов с 16 по 19 вв. (IMR).

Для поиска по корпусам был использован язык CQL — это позволяет обеспечить одинаковым тэгированием как корпусов современного языка, так и корпуса IMR.

1.1. Современная ситуация

Вопрос: следует ли на 1–4 местах за СВ после союзов *in, ter* («и») чаще всего СВ или НСВ (при вступительном поиске допущено также наличие двувидовых глаголов)?

Условия поиска:

```
[tag=>Ggdd.*>]52{0,1}{word=>(in|ter)>}[word!>(da|naj|bi|.)> & tag!>[ZV].*>]{0,2}{tag=>Gg.d.*>}
```

В качестве НСВ не учтены модальные и другие подобные глаголы: будучи «формально» НСВ, четко выраженным признаком вида

⁴⁹ См. также последовательность действий (в повествовании о прошлом) как одну из возможностей использования аориста в хорватском языке (Stanojević, Geld 2011, 162–163, 171–172).

⁵⁰ Эти действия трудно представить себе как проходящие одновременно, параллельно (с акцентом на их длительность), что способствовало бы употреблению *progressive form* и, соответственно, НСВ в словенском (а также русском) языке.

⁵¹ Данная тема была частично впервые освещена в двух главах диссертации Krvina (2015a), а также более подробно — в статье Krvina (2019), переработанной и сокращенной версией которой является настоящая статья.

⁵² Для форм НСВ: на 3 месте »л« вместо »д«; для форм настоящего времени: на 4 месте »s« вместо »d« (»d« на 4 месте охватывает все формы с суффиксом -л- (прошедшее и будущее время)). Задано расстояние между глаголами от 1 (т. е. союза) до 4 слов (одно место перед союзом, два после него).

обладают не сами они, а скорее их инфинитивное дополнение (тегированное отдельно, поэтому не утрачивается). Поэтому при поиске как к сумме всех глаголов, так и к НСВ добавляется:

& lemma!=«(morati|moči|smeti|hoteti|želeti|nameravati|načrtovati)»

Таблица 1

**Употребление СВ, НСВ и НСВ/СВ
при последовательности действий
(вступительный поиск: цепочка 2 действий)**

Корпус	Всех употреблений (послед. д.)	НСВ	СВ	НСВ/СВ (двувидовые глаголы)
Gigafida	(1.d) 522125 (1.s) 228206	(1.d) 56687 10,9% (1.s) 41620 18,2%	(1.d) 434192 83,1% (1.s) 171469 75,2%	(1.d) 31246 6% (1.s) 15117 6,6%
Kres	(1.d) 54187 (1.s) 30980	(1.d) 6897 12,7% (1.s) 5429 17,5%	(1.d) 43701 80,7% (1.s) 23736 76,7%	(1.d) 3589 6,6% (1.s) 1815 5,9%
ssj500k	(1.d) 250 (1.s) 135	(1.d) 37 14,8% (1.s) 33 24,4%	(1.d) 200 80% (1.s) 95 70,4%	(1.d) 13 5,2% (1.s) 7 5,2%
Обобщенная доля		(1.d) 12,8% (1.s) 20%	(1.d) 81,3% (1.s) 74,1%	(1.d) 5,9% (1.s) 5,9%

СВ — СВ:

- (2) *Najprej je **potrdil**_{pf} sodelovanje in nato **izstopil**_{pf}.*
- (3) *Te dni so končali_{pf} ureditev poti, očistili_{pf} skale in kamenje, jo **utrdili**_{pf} ter **opremili**_{pf} z novimi tablam.*
- (4) *Vzame_{pf} jo v roko, **pogleda**_{pf} in **spravi**_{pf} v mapo s fotografijami.*
- (5) *Posodo vzamemo_{pf} s kuhalne plošče, tekočino **ohladimo**_{pf} ter **primešamo**_{pf} rumenjake.*

СВ — НСВ:

- (6) *Vstal_{pf} je, **odprl**_{pf} okno in globoko **dihal**_{ipf} k sebi pa ni prišel_{pf}.*
- (7) *Z novo tehnologijo je zrna kovine stisnil_{ipf} **segrel**_{pf} in potem **koval**_{ipf}.*
- (8) *Vodo odlijemo_{pb} **natočimo** svežo in slive počasi **kuhamo**_{ipf} vse dokler voda ne zavre.*
- (9) *Īzpove se_{pf} in **prejme**_{pf} obhajilo ter dolgo **kleči**_{ipf} v molitvi.*

Как показывают примеры (3), (4), (5), (6), (7), (8) и (9), большинство цепочек содержит свыше двух действий — у определенного действия часто имеются «соседи», поэтому оно проходит в замкнутом интервале ($d_{n-1}[d_n]d_{n+1}$), границы которого представляют соседние действия в цепочке. Этим и объясняется тенденция доминирования СВ, в то время как НСВ выступает, в первую очередь, в конце цепочки, где действие ограничено только предыдущим действием и своим началом (полуоткрытый интервал). Употребление НСВ может быть обусловлено также другими синтаксическими факторами, например, присутствием наречий типа *počasi* ‘медленно’ вместе с словосочетанием в функции союза *vse dokler* ‘пока’ в (8), а особенно наречий типа *dolgo* в (9).⁵³ Потенциал отдельных глаголов вступать в видовые пары⁵⁴ на их реализацию в цепочке действий в принципе не влияет, хотя в силу самого объема парности, «парные» глаголы, особенно СВ, при последовательности действий встречаются чаще, чем «непарные» (в первую очередь, неопределенные глаголы НСВ: *dihati, klečati*).

Вне настоящего времени и СВ, и НСВ чаще всего выступают в повествовании о прошлом (примеры (2), (3), (6)), а в настоящем времени — прежде всего при выражении повторения (неактуальности, хабитуальности) действия, часто также в контексте инструкций или рецептов (примеры (5), (8)). Оба (в отличие от русского, также СВ) появляются и в настоящем историческом (примеры (4), (9)).

Так как большинство серий содержит более двух действий, был проведен дальнейший анализ реализации СВ : НСВ на трех местах (перестановки с повторением) **с началом на любом месте в предложении**; единственным требованием было появление СВ⁵⁵ **в начале цепочки** ($1 \times 2 \times 2$):

СВ — СВ — СВ; СВ — СВ — НСВ; СВ — НСВ — СВ; СВ — НСВ — НСВ.

В условиях поиска кроме удвоения второй части к союзам *in* и *ter* добавлена запятая:

[tag=>Ggdd.*>][[] {0,1} [word=>(in|ter|,)]>][word!=>(da|naj|bi|.)] & tag!=>[ZV].*>] {0,2} [tag=>Gg.d.*>][[] {0,1} [word=>(in|ter|,)]>][word!=>(da|naj|bi|.)] & tag!=>[ZV].*>] {0,2} [tag=>Gg.d.*>]

⁵³ См. также (Bondarko 2005, 359; Derganc 2014, 539).

⁵⁴ О приближении разницы в значении между глаголами в «видовой паре» 0 (т. е. не просто = 0, а $\rightarrow 0$) и о ее названии, учитывающем этот факт («видовая корреляция»), см. (Krvina 2015; 2018, 71–77).

⁵⁵ НСВ в начале начинал бы, наверное, серию параллельных, одновременно протекающих действий.

**Употребление СВ, НСВ при последовательности действий
(цепочка 3 действий с первым СВ)**

Корпус	Всех употреблений (послед. д.)	СВ — НСВ — НСВ СВ — НСВ — СВ	СВ — СВ — СВ СВ — СВ — НСВ
Gigafida	(1.d) 35434 (1.s) 39297	(1.d) 2259 {6,4%} 1949 {5,5%} (1.s) 4313 {11%} 2424 {6,2%}	(1.d) 23997 {67,7%} 2746 {7,7%} (1.s) 23928 {61%} 4655 {11,8%}
Kres	(1.d) 3598 (1.s) 5047	(1.d) 284 {7,9%} 172 {4,8%} (1.s.) 126 {2,5%} 273 {5,4%}	(1.d) 2384 {66,3%} 302 {8,4%} (1.s) 3309 {65,6%} 577 {11,4%}
ssj500k	(1.d) 13 (1.s) 18	(1.d) 0 2 {15,4%} (1.s) 0 2 {11,1%}	(1.d) 11 {85%} 2 {15,4%} (1.s) 16 {88,9%} 3 {11,1%}
Обобщенная доля		(1.d) {5,5%} {4,5%} (1.s) {2,3%} {4,3%}	(1.d) {69%} {10,6%} (1.s) {68%} {13,1%}

Вне настоящего времени: $0,69 \text{ СВ}^3 + 0,11 \text{ СВ}^2\text{НСВ} + 0,05 \text{ СВ НСВ СВ} + 0,06 \text{ СВ НСВ}^2$

В настоящем времени: $0,68 \text{ СВ}^3 + 0,13 \text{ СВ}^2\text{НСВ} + 0,04 \text{ СВ НСВ СВ} + 0,02 \text{ СВ НСВ}^2$

$\text{СВ}^2(0,69 \text{ СВ} + 0,11 \text{ НСВ} + 0,05 \text{ НСВ} + 0,06 \text{ СВ}^{-1}\text{NDV}^2)$; доля перестановок, в которых СВ занимает как минимум два места, достигает 85%.

НСВ, выражающий длительность действия, встречается прежде всего в конце цепочки, где действие ограничено предыдущим, но не следующим действием (полуоткрытый интервал). Между двумя СВ_СВ имперфектив НСВ встречается редко и — особенно в инструкциях, рецептах — действие просто называет, выражает как факт (хотя может быть, конечно, обусловлен также интенцией говорящего подчеркнуть его длительность); доминирование СВ при последовательности действий могло бы привести в конечном итоге к тому, что видовое значение такого НСВ приближается к СВ.⁵⁶

⁵⁶ Принимая такое толкование, это следовало бы учитывать при обозначении категории у глаголов типа *poprati, sladkati, soliti* — не только *нсв*, а скорее *нсв* и *св*.

(10) *Vsako plast popoprano_{pb} solimo_{ipf} in potresemo_{pf} s kumino.*

НСВ встречается относительно редко также на обоих местах за первым СВ, где он обозначает параллелизм, а не последовательность действий:

(11) *Ko sem odložila_{pf} slušalko, sem kričala_{ipf} in skakala_{ipf}.*

2. Корпус словенских текстов с 16 по 19 век (IMP)

Для сравнения с диахронической точки зрения ознакомимся еще с ситуацией с 16 по 19 вв.; напомним, что из-за разного объема и жанрового состава корпусов доли отдельных перестановок между собой не вполне сопоставимы.

При том же тэгировании условия поиска остаются неизменными:

[tag=>Ggdd.*>][{0,1}{word=>(in|ter|,)»}[word!=>(da|naj|bi|.)>] & tag!=>[ZV].*>] {0,2}[tag=>Gg.d.*>][{0,1}{word=">(in|ter|,)"}][word!=">(da|naj|bi|.)" & tag!=">[ZV].*"}] {0,2} [tag=>Gg.d.*>]

Таблица 3

Употребление СВ, НСВ при последовательности действий (цепочка 3 действий с первым СВ) — 16 по 19 в.

Корпус	Всех употреблений (послед. д.)	СВ НСВ НСВ СВ НСВ СВ	СВ СВ СВ СВ СВ НСВ
а) <u>IMP</u>	(1.d) 1660 (1.s) 1091	(1.d) 208 {12,5%} 74 {4,5%} (1.s) 129 {12,4%} 51 {4,7%}	(1.d) 988 {59,5%} 215 {12,9%} (1.s) 636 {58,1%} 154 {14,1%}
Обобщенная доля (современная ситуация)		(1.d) {5,5%} {4,5%} (1.s) {2,3%} {4,3%}	(1.d) {69%} {10,6%} (1.s) {68%} {13,1%}
Ориентировочная разница		(1.d) — 7% 0% (1.s) — 10,1% — 0,4%	(1.d) + 9,5% — 2,3% (1.s) + 9,9% — 1%

Как видно из Таблицы 3, явное преобладание перестановки СВ³ у последовательности действий очевидно также на материале языка с 16 по 19 вв. Наблюдается некоторая тенденция к увеличению доли

Для *porratí* намек на такое решение имеется уже в *Словаре словенского литературного языка SSKJ* (<https://fran.si/iskanje?View=1&Query=porrati>).

этой перестановки в современном языке и снижению доли СВ НСВ² (в меньшей степени также СВ² НСВ), но различия — особенно привлекающая во внимание неполную сопоставимость корпусов — невелики.

3. Краткое сравнение с некоторыми другими славянскими языками

Как упомянуто выше, доминирование СВ, связанное с двусторонним ограничением действия (предыдущим и последующим действиями), не удивительно. По сравнению с севернославянскими языками, словенский язык здесь ведет себя довольно равномерно: как мы видели в примерах, последовательность действий подразумевает употребление преимущественно СВ независимо от более широких контекстных обстоятельств, таких как повторяемость действия и настоящее историческое.

В русском (а в значительной степени также в польском) языке при повторении последовательных действий из-за временной нелокализованности повторяющегося действия без стилистической окраски употребляется только НСВ, тогда как в чешском, как и в словенском, языках такое ограничение не встречается (Derganc 2003, 68–70, 75; Dickey 2000, 49–55, 64–68; Petrukhina 2019, 35, 38).

Однако в чешском языке употребление НСВ при последовательности действий чаще уже само по себе (т. е., доли СВ и НСВ более сбалансированы), и с точки зрения доминирования СВ словенский язык здесь ближе к русскому (Derganc 2014, 537–539; Dickey 2000, 204–208; Petrukhina 2019, 42–43), так как в русском языке СВ при последовательности действий вне повторяемости и настоящего исторического является предпочтительным выбором (Dickey 2000, 203–218). НСВ употребляется здесь в сочетании с СВ фазовых глаголов, особенно *начать*, *стать*, или же от НСВ образуются приставочные глаголы СВ — чаще всего с приставкой *за-*, обозначающей начало действия (как его границу) чаще, чем в чешском или словенском языках (Derganc 2014, 539; Dickey 2000, 225–228; Petrukhina 2019, 39–40).⁵⁷

ИСТОЧНИКИ

Корпусы Gigafida 2.0 DeDup, Kres и ssj500k 2.2 в программе NoSketch Engine: <http://www.clarin.si/noske/> и (Kres) <http://nl.ijs.si/noske/> (1. 3.–1. 4. 2019).

Корпус IMP: <http://www.clarin.si/noske/> (1. 3.–1. 4. 2019).

Словарно-справочный портал Fran: www.fran.si (31. 3. 2019).

⁵⁷ См. также Krvina (2018, 158–167).

ЛИТЕРАТУРА

- Барентсен, А. (1998) Выражение последовательности действий при повторяемости в прошлом в современных славянских языках. *Dutch Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists, Ohrid: Linguistics (= SSGL 34)*. Amsterdam–New York, 1–36.
- Бондарко, А. В. (2005) *Теория морфологических категорий и аспектологические исследования*. М.: Языки славянской культуры, 624 с.
- Зорихина-Нильссон, Н. (2014) Несовершенный вид и сукцессивность. К вопросу о нетривиальных контекстах в русском языке в плане прошлого. *Scando-Slavica* 60/2, 172–188.
- Зорихина-Нильссон, Н. (2018) Вид и последовательная повторяемость в предложениях с союзами быстрой смены ситуаций в современном русском языке. В кн.: Т. Milliaressi (ed.), *La relation temps /aspect: approches typologique et contrastive*, Université Charles-de-Gaulle, 165–172.
- Петрухина Е. В. (2019) Интерпретация видовых различий между русским, чешским и словенским языками. *Slavistična revija* 67/1, 31–49.
- Berger, T. (2013) Eine ungewöhnliche Verwendung des Aspekts im Tschechischen — der imperfektive Aspekt in Handlungssequenzen. *Zeitschrift für Slawistik* 58/1, 31–42.
- Berger, T. (2013a) Imperfektive Verben in Handlungsfolgen im Westslavischen [Imperfective verbs in sequence of events in West Slavic languages]. *Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress Minsk 2013*, 57–66.
- Comrie, B. (1976) *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 142 p.
- Derganc, A. (2003) Nekateri razlike v rabi dovršnega oz. nedovršnega vida v ruščini in slovenščini. *Slavistična revija* 51/posebna številka, 67–79.
- Derganc, A. (2014) Še o razliki med vzhodnim in zahodnim tipom delovanja glagolskega vida v slovanskih jezikih. *Slavistična revija* 62/4, 537–543.
- Dickey, Stephen, M. (2000) *Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach*. Stanford, California: Center for the Study of Language and Information Publ., 316 p.
- Krvina, D. (2015) Vidsko razmerje in vidskorazmerni potencial predponskih obrazil v slovenščini. *Slovenski jezik / Slovene linguistic studies* 10, 113–126.
- Krvina, D. (2015a) *Glagolski vid v sodobni slovenščini*. Doctoral thesis. Ljubljana: Faculty of Arts, 379 p.
- Krvina, D. (2018) *Glagolski vid v sodobni slovenščini 1. Besedotvorje in pomen*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU (Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts) Publ., 267 p.
- Krvina, D. (2019) Zaporednost dejanj in njen vpliv na rabo glagolskega vida v slovenščini. *Slovenski jezik / Slovene linguistic studies* 12, 75–93. (*Slovene linguistic studies* 12, 75–93) (DOI: <https://doi.org/10.3986/sjls.12.1.05>)
- Orešnik, J. (1994) *Slovenski glagolski vid in univerzalna slovnica*. Ljubljana: SAZU (Slovenian Academy of Sciences and Arts) Publ., 194 p.
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. (1972) *A Grammar of Contemporary English*. Longman Group UK Limited Publ., 1120 p.
- Radden, G, Dirven, R. (2007) *Cognitive English Grammar*. John Benjamins Publishing Company Publ., 374 p.
- Sokolova, S., Petrukhina, E., Egorov, D. (2018) Aspect and the Past Tense: A Case Study of Russian Narrative Sequences. В кн.: Т. Milliaressi (ed.) *La relation temps/ aspect: approches typologique et contrastive*, Université Charles-de-Gaulle, 323–327.

Stanojević, M.-M., Geld, R. (2011) New current relevance in Croatian: Epistemic immediacy and the aorist. In: A. Patarđ, F. Brisard (Eds.), *Cognitive Approaches to Tense, Aspect, and Epistemic Modality*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company Publ., 319 p.

SOURCES

Corpora Gigafida 2.0 DeDup, Kres i ssj500k 2.2 in application NoSketch Engine: <https://www.clarin.si/noske/> and (Kres) <http://nl.ijs.si/noske/> (1. 3.–1. 4. 2019).

Corpus IMP: <https://www.clarin.si/noske/> (1. 3.–1. 4. 2019).

Dictionary portal Fran: www.fran.si (31. 3. 2019).

REFERENCES

Barentsen, A. (1998) Vyrazhenie posledovatel'nosti dejstvij pri povtorjaemosti v proshlom v sovremennyh slavjanskikh jazykah [Expressing sequence of repeating past events in modern Slavic languages]. *Dutch Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists, Ohrid: Linguistics (= SSGL 34)*. Amsterdam–New York, 1–36. (In Russian)

Berger, T. (2013) Eine ungewöhnliche Verwendung des Aspekts im Tschechischen — der imperfektive Aspekt in Handlungssequenzen [A special use of verbal aspect in Czech — imperfective in sequence of actions]. *Zeitschrift für Slawistik* 58/1, 31–42. (In German)

Berger, T. (2013a) Imperfektive Verben in Handlungsfolgen im Westslavischen [Imperfective verbs in sequence of events in West Slavic languages]. *Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress Minsk 2013*, 57–66. (In German)

Bondarko, A. (2005) *Teorija morfoložičeskikh kategorij i aspektoložičeskije issledovanija [Theory of morphological categories and aspectological studies]*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 624 p. (In Russian)

Comrie, B. (1976) *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 142 p. (In English)

Derganc, A. (2003) Nekatere razlike v rabi dovršnega oz. nedovršnega vida v ruščini in slovenščini [Some differences in the use of perfective and imperfective verbs in Slovene and Russian]. *Slavistična revija* 51/posebna številka, 67–79. (Slavistic journal 51/congress edition 67–79) (In Slovene)

Derganc, A. (2014) Še o razliki med vzhodnim in zahodnim tipom delovanja glagolskega vida v slovanskih jezikih [Another Look at the Differences between East and West Slavic Types of Verbal Aspect Functioning]. *Slavistična revija* 62/4, 537–543. (Slavistic journal 62/4, 537–543) (In Slovene)

Dickey, Stephen, M. (2000) *Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach*. Stanford, California: Center for the Study of Language and Information Publ., 316 p. (In English)

Krvina, D. (2015) Vidsko razmerje in vidskorazmerni potencial predponskih obrazil v slovenščini [Aspectual correlation and aspectual-correlation potential of prefixes in Slovene]. *Slovenski jezik / Slovene linguistic studies* 10, 113–126. (*Slovene linguistic studies* 10, 113–126) (In Slovene)

Krvina, D. (2015a) *Glagolski vid v sodobni slovenščini [Verbal aspect in modern Slovene]*. Doctoral thesis. Ljubljana: Faculty of Arts, 379 p. (In Slovene)

Krvina, D. (2018) *Glagolski vid v sodobni slovenščini 1. Besedotvorje in pomen [Verbal aspect in modern Slovene 1. Word formation and semantics]*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU (Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts) Publ., 267 p. (In Slovene)

Krvina, D. (2019) Zaporednost dejanj in njen vpliv na rabo glagolskega vida v slovenščini [Sequence of events and its influence on verbal aspect usage in Slovene]. *Slovenski jezik / Slovene linguistic studies* 12, 75–93. (*Slovene linguistic studies* 12, 75–93) (In Slovene) DOI: <https://doi.org/10.3986/sjls.12.1.05>

Orešnik, J. (1994) *Slovenski glagolski vid in univerzalna slovnica [Slovene verbal aspect and universal grammar]*. Ljubljana: SAZU (Slovenian Academy of Sciences and Arts) Publ., 194 p. (In Slovene)

Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. (1972) *A Grammar of Contemporary English*. Longman Group UK Limited Publ., 1120 p. (In English)

Petrukhina, E. (2019) Interpretacija vidovih različij medžu ruskim, cheshskim i slovenskim jazykami [Interpretation of aspect differences between Russian, Czech and Slovenian]. *Slavistična revija* 67/1, 31–49. (*Slavistic journal* 67/1, 31–49) (In Russian)

Radden, G., Dirven, R. (2007) *Cognitive English Grammar*. John Benjamins Publishing Company Publ., 374 p. (In English)

Sokolova, S., Petrukhina, E., Egorov, D. (2018) Aspect and the Past Tense: A Case Study of Russian Narrative Sequences. В кн.: T. Milliaressi (ed.), *La relation temps/aspect: approches typologique et contrastiv*, Université Charles-de-Gaulle. 323–327. (In English)

Stanojević, M.-M., Geld, R. (2011) New current relevance in Croatian: Epistemic immediacy and the *aorist*. In: A. Patard, F. Brisard, (Eds.), *Cognitive Approaches to Tense, Aspect, and Epistemic Modality*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company Publ., 319 p. (In English)

Zorikhina-Nilsson, N. (2014) Nesovershennyj vid i sukcesivnost'. K voprosu o netrivial'nyh kontekstah v russkom jazyke v plane proshlogo [Imperfective and sequence of events. Regarding non-trivial past contexts in Russian]. *Scando-Slavica* 60/2, 172–188. (In Russian)

Zorikhina-Nilsson, N. (2018) Vid i posledovatel'naja povtorjaemost' v predlozhenijah s sojuzami bystroj smeny situacij v sovremennom russkom jazyke [Verbal aspect in the light of sequence of repeating events in sentences with conjunctions expressing events in quick succession in modern Russian]. В кн.: T. Milliaressi (ed.), *La relation temps /aspect: approches typologique et contrastive*, Université Charles-de-Gaulle. 165–172. (In Russian)

Мареk Лазинский
доктор филологических наук,
профессор Института польского языка
Варшавский университет,
Krakowskie Przedmieście 26/28, 00–925 Warszawa
M.Lazinski@uw.edu.pl, +48506389440

Marek Łaziński
dr. habil., professor, Institute of Polish Language
University of Warsaw,
Krakowskie Przedmieście 26/28, 00–925, Warsaw
M.Lazinski@uw.edu.pl, +48506389440

Видовые пары в польских и других славянских словарях⁵⁸

Аннотация. В работе представлены правила представления видовых пар в словарях польского, русского, украинского и чешского языков на фоне развития аспектологии. В старейших словарях XVII и XVIII веков видовые партнеры практически не признавались и не соотносились друг с другом. С начала XIX века и до последнего десятилетия XX века словари помещали в одну словарную статью главным образом суффиксальные и супплетивные пары, однако не учитывали префиксальные пары и не снабжали их перекрестными ссылками. Только в середине XX века в СССР и на рубеже XXI века в других западнославянских странах словари начали фиксировать префиксальные пары, используя систему перекрестных ссылок. Представление видовых пар в словарях развивается вслед за эволюцией теории глагольного вида, однако, с отставанием на несколько десятилетий, причем в западнославянской лексикографии это отставание оказывается большим, чем в восточнославянской.

Ключевые слова: словарь, словарная статья, видовая пара, приставочные и суффиксальные пары.

⁵⁸ Статья написана в рамках совместного польско-немецкого проекта «Beethoven 2» NCN 2016/23/G/XC2/00922 «Развитие польской видовой системы в последние 250 лет на фоне соседних языков» (diaspol.uw.edu.pl). В статье использован также текст Łaziński — в печати.

Aspect pairs in Polish and other Slavic dictionaries

Abstract: The paper presents the rules of presenting aspect pairs in Polish, Russian, Ukrainian and Czech dictionaries against the background of the development of aspectology. Aspect partners were hardly recognised and connected to each other in the oldest dictionaries in the 17th and 18th centuries. Dictionaries from the 19th centuries till the last decade of the 20th century generally put suffixal and suppletive pairs into one lexical entry and neglected prefixal pairs not even cross referring them. Only in the middle of the 20th century in Soviet Union and at the turn of the 20th and the 21st centuries in West-Slavic other countries, dictionaries provided prefixal pairs with cross reference. Presentation of aspect pairs in dictionaries follows the evolution of the theory of verbal aspect, however several dozen years behind, with a longer distance in the West-Slavic than in the East-Slavic lexicography.

Keywords: dictionary, lexical entry, aspect pairs, suffixal and prefixal pairs.

Вид глагола в польских словарях

«*Thesaurus polono-latino-graecus*» Кнапиуса (Кнапиусз 1621), первый польский толковый словарь (хотя и трёхязычный) подает глагольные вокабулы как глаголы НСВ в 1 лице наст. времени, напр. *wpadam* ‘впадаю’, *wracam* ‘возвращаюсь’ без СВ-партнеров. Однако некоторые статьи репрезентируют инфинитивы СВ, если они не относятся к человеку, напр. *wściec się* ‘взбеситься (о собаках)’. Эти принципы непоследовательны: статьям глаголов НСВ *piszę* ‘пишу’ и *robię* ‘делаю’ не соответствуют партнеры СВ в 1 лице. Между тем есть статья *zrobić* ‘сделать’ — *conficere opus*.

«*Nowy dykcjonarz, to jest mownik polsko-niemiecko-francuski*» Троца (Trotz 1764) помещал только переводы польских слов и польские примеры. В расположении материала уже просматривались отношения внутри суффиксальных видовых пар, но приставочные партнеры, как и у Кнапиуса, отсутствовали. По теории, представленной во вступительной части словаря, Троц обозначал суффиксальные пары как временные формы одного глагола.

В словаре Линде (Linde 1807–1814) — первом польском одноязычном толковом словаре — суффиксальные пары размещены между другими дериватами словообразовательного гнезда. В гнезде *MRUG* есть и *mrugnąć*, и *mrugać* ‘моргнуть/моргать’, в гнезде под заглавием СВ глагола *przepisać* ‘переписать’ есть и НСВ *przepisywać* ‘переписывать’. Отношения между членами приставочных пар, как и в предыдущих словарях, отсутствуют. *Pisać* — это заголовок статьи,

а *napisć* помещено среди дериватов в статье *napis* ‘надпись’ без каких бы то ни было отсылок друг к другу.

В вильнюсском и варшавском словарях (Zdanowicz и др. 1861, Karłowicz и др. 1900–1927) в статьях представлены уже отдельные лексические единицы, в том числе приставочные СВ и коренные глаголы НСВ без отсылок друг к другу. Суффиксальные пары описаны вместе в алфавитном порядке глагола СВ.

Описание вида в словарях до половины XX века еще непоследовательно. Кроме терминов *dokonany* ‘СВ’ и *niedokonany* ‘НСВ’ на том же уровне появляются и *jednotliwy* ‘однократный’, *częstotliwy* ‘частый’, которые относятся к способам действия (Aktionsart). В словарях этого времени еще довольно много вторичных имперфективов, напр. *napisywać*, которые вместе с корневым НСВ и приставочным СВ глаголами, напр. *pisać* и *napisać*, составляют видовую тройку без большой разницы в лексических значениях между членами тройки.

Только в словаре Дорошевского (Doroszewski 1958–1969) глаголы описаны последовательно как СВ или НСВ, без определений способа действия. Но принцип соединять суффиксальные пары и оставлять приставочные в отдельных статьях без отсылок друг к другу — не изменился. Не найдем отсылок даже там, где они были в варшавском словаре, напр. между *uczynić* и *czynić*. Предпосылка о том, что приставочные партнеры — это не чистые видовые пары, была принята и описана в словаре в теоретическом введении⁵⁹.

Принцип независимости приставочных партнеров имеет силу во многих словарях, которые опираются на словарь Дорошевского: в словаре Шимчака (Szymczak 1978–1981), в «Универсальном словаре польского языка» Дубиша (Dubisz 2001) и даже в «Практическом словаре польского языка» (Zgółkowa 1994–2005) и «Словаре 100 тысяч необходимых слов» Бральчика (Bralczyk 2004).

Альтернативное решение принято впервые только в 1996 году в «Словаре современного польского языка» Дуная (Dunaj 1996), в котором как суффиксальные, так и приставочные пары описаны последовательно в словарных статьях к глаголам НСВ. Дефиниции в НСВ не звучат странно для моментальных глаголов типа *achievement*, напр. *strzelać* ‘стрелять’, но логически следуют из принятого порядка.

В словаре Банько (Bańko 2000) суффиксальные пары приводятся в одной статье. Приставочные партнеры, как и раньше, в отдельных статьях с разными дефинициями, но со ссылками друг на друга.

⁵⁹ Doroszewski (ред.) 1958 т 1, с. XLV.

Дефиниции в словаре — контекстные, в 1 лице наст. вр. для НСВ и прош. вр. для СВ, напр. *Jeśli piszemy jakieś słowa...* и *Jeśli napisaliśmy jakieś słowa...*

Как исходный, или первичный, трактуется член СВ, к нему идет ссылка от НСВ-партнера. Принцип СВ-партнера как исходного больше соответствует современной теории аспектологии, которая пытается найти инвариант именно для СВ, оставляя НСВ как набор альтернативных значений, в том числе и тривиальных, совпадающих со значением СВ.

В сетевом «Великом словаре польского языка» Жмигродзкого (wsjp.pl) все партнеры — суффиксальные и приставочные — описаны в отдельных статьях со ссылками в обоих направлениях СВ > НСВ и НСВ > СВ (в сетевом словаре не надо экономить место). В «Грамматическом словаре польского языка» (sgjp.pl), созданном под руководством Салони (Saloni 2012) по типу русского словаря Зализняка (Зализняк 1977), тоже есть полная система ссылок в видовых парах.

Вид глагола в русских, украинских и чешских словарях

После описания обозначения видовых пар в польских словарях⁶⁰ сравним эти принципы со стандартами русской, украинской и чешской лексикографии.

Толковый словарь Даля группировал лексические единицы в словообразовательных гнездах, так же, как и польский словарь Линде (см. выше). В одном гнезде могли находиться видовые партнеры, но это не осуществлялось системно. Суффиксальные пары по умолчанию помещались в одной статье. Эти принципы имели силу в 1-ом издании словаря (1863–1866) и в 3-ем издании Бодуэна де Куртена (1903–1906).

Толковый словарь Даля, как и польский словарь Линде (см. выше), еще частично собирал лексические единицы в словообразовательных гнездах: в одном гнезде *написать*, *написывать*, *написка*, *написатель* и *написательница*, но не *писать*. (В одном гнезде могли находиться видовые партнеры с приставкой и без нее, однако этот принцип не был проведен последовательно). Суффиксальные пары по умолчанию размещались в одной статье. Эти принципы имели силу в 1-м и 2-м из-

⁶⁰ Здесь не занимаемся отличиями в классификации конкретных глаголов в современных словарях как видовых партнеров или как дериватов с добавленным значением способа действия.

даниях словаря (1863–1866, 1880–1882), и в 3-м издании Бодуэна де Куртенэ (1903–1906), в котором слова из одного гнезда уже разделены между отдельными глагольными статьями. Между 2-м и 3-м изданием изменился порядок партнеров в суффиксальных парах, поскольку Бодуэн считал исходной и семантически простой форму СВ (не называя еще вид совершенным или несовершенным)⁶¹.

Решение обозначить связи между видовыми партнерами было принято в русской лексикографии еще в первой половине XX века. В «Толковом словаре русского языка» Ушакова (1935–1940) и в т. наз. Малом академическом словаре Евгеньевой (1957–61) приставочные партнеры СВ описаны короче, чем глаголы НСВ с отсылкой СВ > НСВ. В «Словаре русского языка» Ожегова (1949, позже Шведова) исходный НСВ и приставочный СВ — это партнёры в одной статье.

Лишь немногие русские современные словари отказываются от ссылок между партнерами, которые описаны в отдельных статьях, напр. *Новый словарь русского языка* (Ефремова 2000).

В «Словаре української мови» Б. Гринченко (1907–1909) суффиксальные пары размещены в одной статье (*переписувати і переписати*), но приставочные СВ и коренные НСВ-глаголы, как и супплетивные партнеры, не имеют отсылок друг к другу (*написати і писати*).

В «Словнике української мови» в 11 тт. И. Белододе (СУМ-11, 1970–1980) есть отсылки от префиксальных СВ-партнеров к первичным НСВ-глаголам (*написати* к *писати*), но не наоборот. Суффиксальные пары приводятся в одной статье.

В сетевом проекте «Словники України on-line» под руководством В. Широкова (www.ulif.org.ua) опять «потерялись» отношения не только между приставочными партнерами, но и между суффиксальными.

В «Удобном словаре чешского языка» — «Příruční slovník jazyka českého» (Havranek et al. 1935–57) приставочные и суффиксальные пары находятся в отдельных статьях, и нет ссылок между партнерами (напр. *psáti, napsati, podepsati* и *podpisovati* — это четыре разных словарных статьи без указания на видовые отношения внутри двух пар). Это решение вызвало критику лингвистов⁶².

⁶¹ «По принятому и в других русских словарях обычаю, В. И. Даль ставить во главѣ гнѣзда глаголы, сложные съ предлогами или представками (прѣфиксами), въ формѣ длительного или повторительнаго (многократнаго) вида. [...] Я же, обращая внимание прежде всего на простоту глагольной формы и на ея морфологическую первообразность или первичность, считаю подобный приемъ неумѣстнымъ, и данныя гнѣзда начинаю съ глаголовъ въ формѣ не длительной, но простой, такъ что длительная занимаетъ второе мѣсто...» (Бодуэн де Куртенэ, 3. Издание, с. VII).

⁶² Uvádět a vykládat každé sloveso vidové dvojice na příslušném místě v abecedě, jak to činí *Příruční slovník jazyka českého*, je sice pro uživatele nejpřístupnější a nejjednodu-

В «Словаре письменного чешского языка» — «Slovník spisovného jazyka českého» (Navránek 1957–1971) все видовые партнеры — в отдельных статьях, но, по крайней мере, между суффиксальными партнерами есть отсылки друг к другу (напр. между *podepsati* и *podpisovati*). Приставочные партнеры остаются по умолчанию без отсылок, но между некоторыми очень частотными видовыми партнерами ссылки есть (напр. *skončit* к *končit*, *udělat* к *dělat*). Та же самая ситуация в «Словаре письменного чешского языка для школ» — «Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost» (Daneš, Filipec 1978), но в нем суффиксальные партнеры помещены в одной статье. Между тем, в новейшем, опирающемся на корпус, «Языковом интернет-руководстве» Академии Наук — «Internetová jazyková příručka» (prirucka.ujc.cas.cz), которое создано по типу словарей Зализняка и Салони, нет связей между видовыми партнерами.

Итоги

Сравнение словарей обнаруживает следующую тенденцию. В лексикографии девятнадцатого века пары были разделены непоследовательным образом, в частности, со смешением характеристик аспекта и способов действия; позже видовыми считались только суффиксальные оппозиции, и только в середине двадцатого века была признана эквивалентность суффиксальных и приставочных пар.

Главной проблемой являются, конечно, приставочные видовые партнеры, а не суффиксальные, которые все-таки близки по алфавиту. Здесь не обсуждаем проблемы тождества функции приставочных и суффиксальных глаголов. Важно, что решение представлять в словарях приставочные пары иначе, чем суффиксальные, не было следствием развития теории аспектологии. Решающий фактор — это расстояние между партнерами в алфавитном порядке.

В соответствии с лексикографической традицией, до середины двадцатого века в словарях — как семантически исходный — приводился глагол НСВ, впоследствии же — СВ. Эволюция представления видовых пар в словарях более или менее отражает эволюцию теории вида, однако русские и украинские словари адаптировались к теории раньше, чем польские, а польские — раньше, чем чешские.

Как видим, в украинских словарях история обозначения вида развивалась как в русском, а в чешских словарях — как в польском.

šší, ale je to řešení jednak málo úsporné, jednak málo poučné. (Sochová 1955, 280) см. Hladká 2005.

Первый случай можно объяснить влиянием русского языкознания на украинское, во втором случае непосредственного влияния нет. Видимо, аспектология западнославянских языков не так рано проникла в словари, как в русском и других восточнославянских языках.

ИСТОЧНИКИ

Даль, В. И. (ред.) (1863–1906) *Толковый словарь живого великорусского языка*, 1 и 2 издания 1863–1866, 1880–1882, 3 изд. Бодуэна де Куртене 1903–1906, Петербург.

Евгеньева А. П. (ред.) (1957–1961) *Словарь русского языка (Малый академический словарь)*. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей.

Ефремова, Т. Ф. (ред.) (2000) *Новый словарь русского языка. Толково-слово-образовательный*, М.: Русский язык.

Зализняк, А. А. (ред.) (1977) *Грамматический словарь русского языка*. М.: Русский язык, 879 с.

Ожегов, С. И. (2007) *Словарь русского языка: ок. 60000 слов и фразеологических выражений*. М.: Оникс, 639 с.

Ушаков, Д. Н. (ред.) (1935–1940) *Толковый словарь русского языка в 4-х томах*. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд. иностр. и нац. словарей.

Білодід, К. К. и др. (ред.) (1973) *Словник української мови. В 11 т.* Київ: Наукова думка.

Грінченко, Б. (ред.) (1996) *Словарь української мови. В 4-х томах*. Київ: Лексикон.

Словники України on-line руковод. В. Широков, URL: www.ulif.org.ua.

Bańko, M. (red.) (2000) *Inny słownik języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Daneš F., Filipec J. (red.) (1978) *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha: Academia, 799 p.

Doroszewski, W. (red.) (1958–1969) *Słownik języka polskiego*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Hujer, O., Smetánka, E., Weingart, M., Havránek, B., Šmilauer, V., Ziskal, A. (red.) (1935–1957) *Příruční slovník jazyka českého*. Praha : Státní nakladatelství.

Havránek, B. (red.) (1957–1971) *Slovník spisovného jazyka českého*. Praha: Akademie věd České republiky.

Internetová jazyková příručka. URL: prirucka.ujc.cas.cz

Karłowicz, A., Kryński, A. A., Niedźwiedzki, W. (red.) (1900–1927) *Słownik języka polskiego*. Warszawa: Nakł. prenumeratowów, w drukarni E. Lubowskiego i s-ki.

Szymczak, M. (red.) (1978–1981) *Słownik języka polskiego*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Trotz, M. A. (1764) *Nowy dykcjonarz, to jest mownik polsko-niemiecko-francuski*. Lipsk: Nakładem Iana Fryderyka Gledycza.

Zdanowicz, A., Bohusz-Szyszko, M., Filipowicz, J. et al. (red.) (1861) *Słownik języka polskiego*. Wilno: Maurycy Orgelbrand.

Zgólkowa H. (red.) 1995–2006 *Praktyczny słownik polszczyzny współczesnej*. Poznań: Kurpisz.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк, Анна А., Шмелев, А. Д. (2015) Русский вид в лексикографическом аспекте. В кн.: Зализняк, Анна А., Микаэлян, И. Л., Шмелев, А. Д. (2015) *Русская аспектология: в защиту видовой пары*. М.: Языки славянской культуры, 392 с.

Anstatt, T. (2003) Die Behandlung des Verbalaspekts in russischen Wörterbüchern. In: L. Geist, R. Hammel (eds.), *Linguistische Beiträge zur Slavistik*, X. München: Sagner, 7–37.

Bogusławski, A. (2003) *Aspekt i negacja*. Warszawa: ILS UW, 328 p.

Hladká, Z. (2005) České slovníkářství na cestě k jednojazyčnému výkladovému slovníku. *Naše řeč*, 3/88, 140–159.

Łaziński, M. (в печати) *Pary aspektowe w polskich słownikach, Glossa do leksykografii*. Warszawa.

Łaziński, M. (в печати) *Wykłady o aspekcie polskiego czasownika*. Warszawa.

Młynarczyk, A. (2004) *Aspectual Pairing in Polish*. Utrecht: LOT, 209 p.

Saloni, Z. (2012) *Podstawy teoretyczne „Słownika gramatycznego języka polskiego”*, Warszawa, URL: <http://sgjp.pl/static/pdf/Wst%C4%99p%20do%20II%20wydania%20SGJP.pdf?1458313456>

Sochová, Z. (1955) Slovesný vid s hlediska slovníku. *Naše řeč*, 9–10/38, 280–289.

SOURCES

Bańko, M. (ed.) (2000) *Inny słownik języka polskiego [Another Dictionary of the Polish Language]*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN Publ. (In Polish)

Bilodid, K. K. et al. (ed.) (1973) *Slovník ukrajinštoi movy. V II t. [Dictionary of the Ukrainian Language. In II vol.]* Kiev: Naukova dumka Publ. (In Ukrainian)

Dal', V. I. (ed.) (1863–1906) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]*, 1st and 2nd. ed. 1863–1866, 1880–1882, 3ed by Boduen de Kurtene 1903–1906. Saint Peterburg. (In Russian)

Daneš F., Filipce J. (ed.) (1978) *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost [Dictionary of Standard Czech for Schools and the Public]*. Prague: Academia Publ, 799 p. (In Czech)

Doroszewski, W. (ed.) (1958–1969) *Słownik języka polskiego [Dictionary of the Polish Language]*. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ. (In Polish)

Efremova, T. F. (ed.) (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy [New Dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational]*. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russian)

Evgen'eva A. P. (ed.) (1957–1961) *Slovar' russkogo yazyka (Malyy akademicheskij slovar') [The Dictionary of the Russian Language (Small Academic Dictionary)]*. Moscow: Gos. izd. inostr. i nats. slovarej Publ. (In Russian)

Havránek, B. (ed.) (1957–1971) *Slovník spisovného jazyka českého českého [Dictionary of Standard Czech Language]*. Prague: Akademie věd České republiky Publ. (In Czech)

Hrinchenko, B. (ed.) (1996) *Slovar' ukrajinštoi movy. V 4-kh tomakh. [Dictionary of the Ukrainian Language. In 4 vol.]* Kiev: Leksykon Publ. (In Ukrainian)

Hujer, O., Smetánka, E., Weingart, M., Havránek, B., Šmilauer, V., Ziskal, A. (ed.) (1935–1957) *Průruční slovník jazyka českého [Reference dictionary Dictionary of the Czech Language]*. Prague: Státní nakladatelství Publ. (In Czech)

Internetová jazyková příručka [Internet Language Guide]. URL: prirucka.ujc.cas.cz (In Czech)

Karłowicz, A., Kryński, A. A., Niedźwiedzki, W. (ed.) (1900–1927) *Słownik języka polskiego [Dictionary of the Polish Language]*. Warsaw: Nakł. prenumeratowów, w drukarni E. Lubowskiego i s-ki Publ. (In Polish)

Ozhegov, S. I. (2007) *Slovar' russkogo yazyka: ok. 60000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Dictionary of the Russian Language: about 60000 words and idiomatic expressions]*. Moscow: Oniks Publ., 639 p. (In Russian)

Slovnkyky Ukrainy on-line [Dictionary of Ukraine] by V. SHyrokov, URL: www.ulif.org.ua. (In Ukrainian)

Szymczak, M. (ed.) (1978–1981) *Słownik języka polskiego [Dictionary of the Polish Language]*. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ. (In Polish)

Trotz, M. A. (1764) *Nowy dykcjonarz, to jest mownik polsko-niemiecko-francuski [A new dictionary, that is a Polish-German-French speech book]*. Leipzig: Nakładem Iana Fryderyka Gledyca Publ. (In Polish; in German; in French)

Ushakov, D. N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka v 4-kh tomakh [The Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 volumes]*. Moscow: Gos. in-t «Sov. entsikl.» Publ.; OGIZ Publ; Gos. izd. inostr. i nats. slovaroj Publ. (In Russian)

Zaliznyak, A. A. (ed.) (1977) *Grammaticheskij slovar' russkogo yazyka [Grammatical Dictionary of the Russian Language]*. Moscow: Russkij yazyk Publ., 879 p. (In Russian)

Zdanowicz, A., Bohusz-Szysko, M., Filipowicz, J. et al. (ed.) (1861) *Słownik języka polskiego [Dictionary of the Polish Language]*. Wilno: Maurycy Orgelbrand Publ. (In Polish)

Zgólkowa H. (ed.) 1995–2006 *Praktyczny słownik polszczyzny współczesnej [Practical dictionary of contemporary Polish]*. Poznań: Kurpisz Publ. (In Polish)

REFERENCES

Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. (2015) *Russkij vid v leksikograficheskom aspekte [Russian aspect in lexicographic perspective]*. In: Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. (2015) *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoj pary [The study of Russian aspect: In defense of the aspectual pair]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 392 p.

Anstatt, T. (2003) Die Behandlung des Verbalaspekts in russischen Wörterbüchern [The treatment of the verbal aspect in Russian dictionaries.]. In: L. Geist, R. Hammel (eds.), *Linguistische Beiträge zur Slavistik [Linguistic contributions to Slavic studies]*, X. München: Sagner Publ., 7–37. (In German)

Bogusławski, A. (2003) *Aspekt i negacja [Aspect and Negation]*. Warsaw: ILS UW Publ, 328 p. (In Polish)

Hladká, Z. (2005) České slovníkářství na cestě k jednojazyčnému výkladovému slovníku [Czech lexicography on the way to a monolingual explanatory dictionary]. *Naše řeč*, 3/88, 140–159. (In Czech)

Łaziński, M. (in press) *Pary aspektowe w polskich słownikach* [Aspectual pairs in Polish dictionaries], *Glossa do leksykografii*. Warsaw. (In Polish)

Łaziński, M. (in press) *Wykłady o aspekcie polskiego czasownika* [Lectures on the aspect of the Polish verb]. Warsaw. (In Polish)

Młynarczyk, A. (2004) *Aspectual Pairing in Polish*, Utrecht: LOT, 209 p. (In English)

Saloni, Z. (2012) *Podstawy teoretyczne „Słownika gramatycznego języka polskiego”* [Theoretical foundations of the „Polish Grammatical Dictionary”], Warsaw, URL: <http://sgjp.pl/static/pdf/Wst%C4%99p%20do%20II%20wydania%20SGJP.pdf?1458313456> (In Polish)

Sochová, Z. (1955) Slovesný vid s hlediska slovníku [Verbal aspect with a dictionary perspective]. *Naše řeč*, 9–10/38, 280–289. (In Czech)

Евгения Альбертовна Малая

PhD, доцент
кафедра коммуникативных расстройств
Алабамский университет
США, Алабама, 35401, Таскалуса, Джонни Стерлинг Драйв, 700
eamalaia@ua.edu

Evie A. Malaia

PhD, Associate Professor, Department of Communicative Disorders
The University of Alabama
700 Johnny Sterling Drive, Tuscaloosa, AL 35401, USA
E-mail: eamalaia@ua.edu

Дебарчана Басу

PhD, независимый исследователь

Debarchana Basu

PhD, Independent scholar

Сопоставительный анализ взаимосвязи между аспектом и структурой события в морфосинтаксисе глагола на материале русского и бенгальского языков

Аннотация. Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу морфосинтаксиса глагола в русском и бенгальском (бенгали) языках с точки зрения взаимодействия аспекта и структуры события предиката. В работе показано, что глагольные приставки в русском языке и сложные глаголы в бенгальском языке модифицируют структуру события глагольной группы, добавляя точку отсчета для ситуаций изменения состояния или ограничивая внешне длительность события, что оказывает влияние на аспектуальную интерпретацию. Выдвигается предположение, что как глагольные приставки в русском языке, так и глаголы-композиции в бенгальском, функционируют в зависимости от акционального класса/структуры события и выступают в качестве операторов, влияющих на интерпретацию предиката в рамках теории структуры событий (Folli & Harley 2006; Ramchand 2008). Глаголы в обоих языках распределяются по параллельным классам на основе семантики, сочетаемости с наречиями времени и способности лицензировать внутренний аргумент. Таким образом, морфемы обоих языков, имеющие схожее распределение, должны рассматриваться как имеющие сходные функции и занимающие одинаковые позиции в дереве структуры событий. Исходя из этого, можно

утверждать, что подобное распределение может быть объяснено процессами грамматикализации, влияющими на различные компоненты глагола, но ведущими к одному и тому же результату, а именно: явно специфицированной структуре события, которая воздействует на аспектуальную интерпретацию глагольной группы. Предложенный анализ приводит к единой событийно-структурной оценке аспектуального морфосинтаксиса типологически различных языков.

Ключевые слова: глаголы, структура события, морфология, синтаксис, точка отсчета, русский язык, бенгальский язык (бенгали).

Comparative analysis of interface between aspect and event structure in verbal morphosyntax of Russian and Bangla

Summary. This work compares verbal morphosyntax of Russian and Bangla (Bengali) at the interface between aspect and event structure of the predicate. We show that Russian verbal prefixes and Bangla compound verbs modify event structure of the VP by introducing a reference time for change-of-state events, or by quantifying the duration of the event externally, which affects aspectual expression. We propose that both Russian verbal prefixes and Bangla compound verbs operate on Aktionsart/Event Structure, and act as operators that affect interpretation of the predicate using Event Structure approach (Folli & Harley, 2006; Ramchand 2008) to consider this phenomenon. Verbs in both languages fall into parallel categories with regard to their semantics, combinability with temporal adverbials, and ability to license an internal argument. Thus, the morphemes in the two languages that have similar distribution need to be treated as having similar functions, and occupying the same slots on the event structure tree. We then claim that such distribution can be explained by grammaticalization processes affecting different components of the verb, but leading to a similar result: overtly specified event structure that affects aspectual expression of the VP. The current analysis leads to a unified event-structural account of aspectual morphosyntax in typologically distinct languages.

Key words: verbs, event structure, morphology, syntax, reference time, Russian, Bangla (Bengali).

Event structure and compositional analysis of predicates

The decompositional view of verbal meaning, including event and argument structure, has been gaining currency in linguistic work, as morphological markers of event structure components, such as result, inception, or causation, have been described for typologically distinct languages, including English, Dutch, Russian, Indonesian, and ASL

(Arsenijevic, 2006; Son & Cole, 2008; van Hout, 2001). Ramchand (2008a) proposed to model event/argument interface as a cohesive structure. In this model events can be represented as having the Initiation phase (InitP), the Process phase (ProcP), and the Result phase (ResP). The participants involved in each phase of the event assume the roles of, respectively, the Initiator, the Undergoer, and the Resultee. A single argument can be linked to one, two, or all three of these roles, yielding a factorial typology of thematic roles.

The model captures the fact that verbal morphology of individual languages can represent individuated elements of event structure, while allowing for structural homonymy — the use of a single verbal root in several event structure frames (‘verb frame alternation’). We assume this model as a departure point for analysis of event-structure-related verbal morphology in Russian and Bangla and demonstrate, that in order to account for perfective-telic distinction in Russian and Bangla compound verbs, the model requires elaboration in the form of projection for “event-quantification” morphemes, which make the reference time, available in event structure, opaque to further aspect and tense computations.

Verbal morphology in Russian and Bangla

Lexical and superlexical prefixes in Russian

Russian perfectivising prefixes are subdivided into two groups: lexical and superlexical. Lexical prefixes are homophonous with prepositions, and contribute temporal semantics of event completion (*vy-*, *s-*, *nad-*, *iz-*, *ot-*, *raz-*) or initiation (*za-*, *ot-*) to perfective verbs, as well as directional meaning to motion verbs.

Superlexical prefixes (*po-*, *pri-*, and *na-*) contribute temporal delimitation to the meaning to the predicate:

- (1) *On po-chita-l knigu (pyat' minut).*
 He PO-read-PAST. MASC.3SG book (five minute-ACC.PL)
 “He read a book (for five minutes).”

Superlexical prefixes do not change the argument structure of the predicate. When several prefixes are stacked on a verb, the lexical ones are located closer to the verb root than superlexical prefixes: *na-pod-dat'*, *po-nad-kusyvat'*, *po-raz-vlech'*. This phenomenon inspired several proposals locating lexical prefixes within the v/VP, and superlexical ones in the AspP (Ramchand, 2008b). We now compare the behavior of Russian perfective prefixes with verbal morphology in Bangla to assess cross-linguistic properties of conceptual structure in events.

Bangla Compound Verbs

In Bangla, there exists a set of semantically “bleached” verb morphemes. They occupy the second position in complex (V₁V₂) predicate structures, marking result (group 1), initiation (group 2), or durative nature of the event (group 3).

The verbs of group 1 mark event completion (telicity) (2, 3):

- (2) *John chithi-ta likh-e ni-lo*
 John letter-CL write-PERF take-PAST.3
 “John wrote the letter (completely).”
- (3) *John chithi-ta likh-e di-lo*
 John letter-CL write-PERF give-PAST.3
 “John wrote up the letter (for someone).”

Group 2 verbs mark the sudden onsets of an event (4):

- (4) *John kotha-ta bol-e uth-lo*
 John words-CL say-PERF rise-PAST.3
 “John said those words (unexpectedly).”

Group 3 verbs impart the meaning of ongoing duration (5) or repeated iterations over a period of time (6):

- (5) *Meye-ti kotha bol-e ja-chchi-lo*
 Girl-CL word say-PERF go-BE-PAST.3
 “The girl was going on talking.”
- (6) *Ami toma-ke (anek deen dhore) kotha-ta bol-e ja-chhi-lam*
 I-NOM you-DAT many days for word-CL say-PERF go-BE-PAST.1
 “I have been telling you this for a long time.”

Table 1. We will further refer to the morphemes denoting event completion as group 1, morphemes denoting event onset as group 2, and event-delimiting ones as group 3 in both languages (as summarized in Table 1).

Table 1

Event structure morphemes in Russian and Bangla

	Morphemes denoting event result (group 1)	Morphemes denoting event onset (group 2)	Event-delimiting morphemes (group 3)
Russian	v-, do-, vy-, pere-	za-, ot-	pri-, na-, pro-, po-
ngla	phel-, di-, ni-, tul-	bosh-, por-, uth-	chol-, ja-, ash-, ge-

Verbal morphology and phases of event structure

The event-structure-affecting morphemes in the two languages induce similar grammatical phenomena in both. Aspectually, all of the verbs in the following examples are perfective⁶³, so the divergent behaviour of different groups of predicates is driven by the structure of the event, rather than (external) aspect.

Combinability with temporal adverbials. Dowty (1979) suggested that only predicates with resultative morphemes can be modified by temporal adverbials of the ‘in an hour’ type (7, 8):

(7) *Sasha pere-sheľ ulitsu (za pyat’ minut).*
Sasha pere-walk.PAST.MASC.3SG street-ACC (in five minutes-GEN.PL)
“Sasha crossed the street (in five minutes).” (Russian)

(8) *John appel-ta paanch minit-e khe-ye ni-lo.*
John apple-CL five minute-LOC eat-PERF take-PAST.3
“John ate up the apple in five minutes.” (Bangla)

Predicates with morphemes denoting event initiation require an ‘after an hour’-type adverbial (9, 10)⁶⁴:

(9) *(Cherez pyat’ minut) Artem za-pel.*
(After 5 minutes) Artem ZA-sing.PAST.MASC.3SG
“(In five minutes) Artem started singing.” (Russian)

(10) *Ram du minit-er moddhe kotha-ta bol-e uth-lo.*
Ram two minute-GEN within word-CL say-PERF rise-PAST.3
“Ram said those words (unexpectedly) within two minutes.” (Bangla)

Predicates with quantification morphemes combine with ‘for an hour’-type adverbials (11, 12):

⁶³ Perfective verbs in Russian are determined on the basis of the following diagnostics:
1. — only perfective verbs allow derivation of past passive participles; derivation of present active participles is limited to imperfective verb stems (Borik, 2006);
2. — perfective verbs cannot be used as complements of phase verbs with the semantics of ‘begin/finish/continue/stop’.

In Bangla, the aspect is marked on the main lexical verb (V1) of the VC predicate by either the morpheme *-ye* (Perfective), or *-te* (Imperfective).

⁶⁴ In English, the same adverbial ‘in an hour’ describes both the ‘time elapsed to event onset’, and the ‘time to event completion’.

(11) *Ya po-chita etu stat'ju vsego pyat' minut, i ne pomn-u sodержaniya.*

I PO-read-PAST.MASC.3SG this article only five minutes, and not remember-PRES.1SG content-GEN.

“I only spent 5 minutes reading this article, and I don’t remember its contents.”

(12) *Meye-ti paanch minit dhore kotha bol-e ja-chhi-lo.*

Girl-CL five minutes for word say-PERF go-be-PAST.3

“The girl was going on talking for five minutes.”

The test demonstrates that predicates of group 1 only allow specification of time to event completion; predicates of group 2 allow adverbials denoting time elapsed to event onset; and predicates of group 3 present events as homogenous, and only allow adverbial specification of event duration.

‘Almost’ combinability test. Predicates denoting event initiation and result state combine with the ‘almost’ adverbial. However, in the case of resultant state predicates, the event is presented as an incomplete telic one (13, 14), while for event initiation verbs, the semantics of the event in combination with ‘almost’ is unrealized inception (15, 16).

(13) *Anya pochti do-chita-l-a knigu (no ee prevrali).*

Anya almost DO-read-PAST-FEM.3SG book-ACC (but she-ACC interrupt-3PL)

“Anya almost finished reading the book, but she was interrupted.” (Russian)

(14) *John appel-ta praye khe-ye ni-lo.*

John apple-CL almost eat-PERF take-PAST.3

“John almost ate up the apple.” (Bangla)

(15) *Olga pochti ot-kryla dver' (no ispugala-s').*

Olga almost OT-open-PAST.FEM.3SG door-ACC (but scare-REFL.FEM.3SG)

“Olga almost opened the door, but she got scared.” (Russian)

(16) *John praye kotha-ta bol-e uth-lo*

John almost words-CL say-PERF rise-PAST.3

“John almost said those words.” (Bangla)

Predicates with event-delimiting morphemes do not combine with *almost* adverbial in either Russian (17) or Bangla (18):

(17) **Kolya pochti po-iskal knigu.*

Kolya almost PO-search-PAST.PERF.MASC.3SG book-ACC.

“Kolya almost looked for the book.” (Russian)

(18) **John praye kotha-ta bol-e ja-chhi-lo*

John almost words-CL say-PERF go BE-PAST.3PRSN

“John was almost going on saying those words.” (Bangla)

Semantic entailment test. Testing of semantic entailment further confirms that the verbs of the three groups are not homogenous in their temporal semantics. On the conjunction test (Verkuyl, 1972, 1993), in which two temporal intervals denoted by the two PPs are introduced into the sentence, the predicates of group 1 (19, 20) and group 2 (21, 22) yield the interpretation of two distinct eventualities both in Russian and in Bangla:

- (19) *Sasha pere-ela* *grib-ov v ponedel'nik i vo vtornik.* (Russian)
 Sasha PERE-eat-PAST.FEM.3SG mushroom-GEN.PL on Monday and on Tuesday.
 “Sasha ate too many mushrooms on Monday and on Tuesday.”
- (20) *John shombar ar mongolbar duto aam kheye nilo.* (Bangla)
 John Monday and Tuesday two-CL mango eat-PERF take-PAST.3
 “John ate up two mangoes on Monday and Tuesday.”

Example (20) describes a situation in which John has eaten two mangoes on each day — in other words, two telic events.

- (21) *Olga za-ryadila* *batareju telefona v ponedel'nik i vo vtornik.*
 Olga ZA-charge-PAST.FEM.3SG battery camera on Monday and on Tuesday.
 “Olga charged the battery of the camera on Monday and on Tuesday.” (Russian)
- (22) *John shombar ar mongolbar adda-ye kotha-ta bol-e uth-lo.*
 John Monday and Tuesday gathering-LOC word-CL say-PERF rise-PAST.3
 “John said those words (suddenly) on Monday and Tuesday.” (Bangla)

The predicates of group 3, however, can be interpreted either as constituting a single event, or as referring to multiple events:

- (23) *Anton po-chital* *knigu v ponedel'nik i vo vtornik.*
 Anton PO-read-PAST.MASC.3SG on Monday and on Tuesday.
 “Anton read (some of) the book on Monday and on Tuesday.”

The Russian sentence (23) can mean that Anton was reading the book for a period of time that happened to span both Monday and Tuesday (e. g. before and after midnight on Monday); or that he engaged in reading the book for limited time periods on both days — not necessarily only once on each day.

- (24) *John dureen dhore boi-ta por-e ja-chhe.*
 John Monday and Tuesday book-CL read-PERF go-PAST.3
 “John went on reading the book for two days.”

The Bangla sentence (24) also conveys two possibilities: either that John was engaged in reading the book continuously for two days, or did some reading on each day.

Imperfective paradox. In English, this test is used in the following manner: if the verb used in Past Continuous tense implies the truth of the sentence with the same verb used in the Simple Past, then the verb denotes an event with homogenous (atelic) event structure:

- (25) *Kate was eating at noon today.* → *Kate ate today.*

For predicates with a specific reference time, such entailment does not hold:

- (26) *My cat was dying today.* -/> *My cat died today.*

For Russian, if the Imperfective verb used in a sentence implies the truth of the sentence with the verb used in Perfective, then both verbs denote an homogenous event. When applied to verbs with prefixes of group 1, it demonstrates that these verbs denote non-homogenous, telic events (27):

- (27) *Sasha chitala v 5 utra.* -/> *Sasha pro-chitala king-u.*
 Sasha read-PAST.FEM.3SG in 5 am. -/>
 Sasha PRO-read-PAST.FEM.3SG book-ACC.SG
 “Sasha was reading at 5am.” -/> “Sasha read the (entire) book.”

The first sentence in (28), with the imperfective form of the verb, does not entail the truth of the second sentence. With group 2 prefixes, the result of this test is more ambiguous (28):

- (28) *Sasha pel-a v 5 utra* → ?*Sasha ZA-pel-a.*
 Sasha sing-PAST.FEM.3SG in 5 am →
 Sasha ZA-sing-PAST.FEM.3SG
 “Sasha was singing at 5 am.” → “Sasha started to sing.”

Although both sentences can be true at the same time, the second one is not entailed by the first one. The information about event onset is assumed in the imperfective variant, but it is not entailed. Thus the two sentences describe different events.

With group 3 prefixes, the imperfective paradox yields a plausible entailment, demonstrating that such verbs are atelic and perfective at the same time.

(29) *Sasha rabotala v 5 utra.* → *Sasha PO-rabotal-a.*

Sasha work-PAST.FEM.3SG in 5 am →

Sasha PO-work-PAST.FEM.3SG

“Sasha was working at 5 am.” → “Sasha worked.”

In Bangla if the verb used in the Past Continuous entails the truth of the verb used in the Simple Past, the verb must refer to a homogenous (atelic) event. With predicates of group 1, the verb the Past Continuous does not entail the truth value of the sentence with the same verb in Simple Past.

(30) *John aam-ta kha-chi-lo.* -/→ *John aam-ta khey ni--lo*

John mango-CL eat-BE-PAST.3PRSN-/→

John mango-CL eat- PERF take-PAST.3

“John was eating the mango.” -/→ “John ate (up) the mango.”

The V2 verbs in the second sentence is focused on the onset of the action. While both sentences can be true at the same time, the second one has additional information about the event onse not available in the first sentence.

(31) *John gaan-ta gai-chi-lo* → *John gaan-ta ge-ye uth-lo.*

John song-CL sing-BE-PAST.3 →

John song-CL sing-PERF rise-PAST.3

“John was singing the song.” → “John started to sing the song.” (suddenly)

For group 3 verbs, imperfective predicates entail perfective interpretations (32):

(32) *John anekkhun bhashon di -chilo* → *John (anekkhun) bhashon di-ye ge-lo.*

John longtime speech give-BE-PAST.3PRSN →

John (long time) speech give-PERF go-PAST.3

“John was giving the speech for a long time.” →

“John gave the speech.”

Event structure of perfective predicates

We suggest a modified event structure for direct mapping between the demonstrated semantic decomposition of the predicates and the (morpho) syntax. We have shown that both Russian verbal prefixes and Bangla ‘bleached’ verbs act as operators that affect the event structure of the predicate.

The three types of verbal morphemes (Russian or Bangla) should have similar distribution on the event structure tree. The morphemes of group

1 are at the head of the ResP, providing the predicate with a reference time which occurs at the end of the event. The morphemes of group 2 occupy the head of the InitP — thus, the predicates with those morphemes are interpreted as non-homogenous events, giving reference time to the event onset.

We propose that morphemes of group 3 act as “event quantifiers”, located outside the event structure above v/VP. The Aspectual phrase receives information from both *inside* v/VP (such as event initiation or result), and from the event Quantification Phrase⁶⁵.

The interaction of verbal event structure and aspectual calculation proceeds somewhat differently in Russian and Bangla. In both languages, the Aspect head can be left empty, but if the event structure of the verb contains a morpheme providing the event with a reference time (group 1 or 2) or delimitation (group 3), the predicate receives perfective reading.

In Bangla, the head of Aspect Phrase can be occupied either by perfective morpheme (*ye-*), or imperfective morpheme (*te-*). Lexically bleached verbs of all groups are compatible with the overt instantiation of Perfective AspP head. With Imperfective ‘*te-*’, however, these verbs are interpreted as retaining their full lexical meaning, as in (33–35).

- (33) *John kagoj-ta likh-te di-lo.*
 John paper-CL write-IMPERF give-PAST.3
 “John gave the paper (to someone) to write.”
- (34) *John gaan gai-te uth-lo.*
 John song sing-IMPERF rise-PAST.3
 “John got up to sing a song.”
- (35) *Ami kotha-ta bol-te ge-lam.*
 I.NOM word-CL say-IMPERF go-PAST.1
 “I went to say the words.”

In Russian, the head of AspP can only be occupied by the Imperfective suffix ‘*-iva-*’/ ‘*yva-*’ (the secondary imperfectives); there is no equivalent Perfective morpheme.

Ramchand (2008) analysis predicts that Russian prefixes of group 3 (superlexical prefixes) do not occur with imperfectivizing morphemes, specifically aspectual suffix *-iva*. This prediction does not bear out, however (36):

⁶⁵ The event structure tree is not intended to deal with overt order of morphemes, but rather with their scope interactions. It does, however, reflect a common conceptual structure (CS) underlying predicate decomposition.

- (36) *On po-kur-iva-l trubku u okna.*
 He PO-smoke-Past.masc.3sg pipe-ACC by window-PREP
 “He was smoking a pipe and looking out the window.”

Conclusion

Comparative analysis of verbal morphosyntax in Russian and in Bangla demonstrates that perfective predicates in the two languages fall into three classes, which are similar in *Aktionsart* semantics and argument structure of the predicate. We suggest that event decomposition of the predicates is directly reflected in verbal morphosyntax in both languages, positing that the three distinct classes of perfective verbs instantiate heads of Q(uantification), Init(iation), and Result phrases respectively, which are embedded in an expanded VP structure. The present analysis adds to the growing number of works on predicate decomposition, which reveal correlations between predicate semantics and syntactic behavior. Neurophysiological evidence of sentence processing (Malaia et al., 2009) suggests that event structure acts as a cue for comprehension. Further analysis of event structure representation in typologically different languages is a promising research venue, which could lead to the formulation of factorial typology of linguistic events indicative of biolinguistic universals.

REFERENCES

- Arsenijevic, B. (2006) Inner Aspect and Telicity: the Decompositional and the Quantificational Nature of Eventualities at the Syntax-semantics Interface. *LOT dissertation series*, 142.
- Dowty, D. (1979) *Word Meaning and Montague Grammar*. Dordrecht: Reidel Publishing.
- Filip, H. (1999) *Aspect, Situation Types, and Noun Phrase Semantics*. New York/London: Garland Publishing, Inc.
- Folli, R. and Harley, H. (2006) What Language Says about the Psychology of Events. *Trends in Cognitive Sciences*, 10 (3), 91–92.
- Folli, R., and Harley, H. (2007) The In(ter)dependence of Event Structure, Aspect and Tense. *Lingua*, 118, 1657–1663.
- Hale, K., and Keyser, S. J. (1993) On Argument Structure and the Lexical Expression of Syntactic Relations. In: K. Hale and S. J. Keyser (eds.), *The view from Building 20: A festschrift for Sylvain Bromberger*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Malaia, E., Wilbur, R. B. and Weber-Fox, C. (2009) ERP Evidence for Telicity Effects on Syntactic Processing in Garden-path Sentences. *Brain and Language*, 108 (3), 145–58.
- O’Bryan, E. (2003) *Event Structure in Language Comprehension*. Ph.D Thesis, University of Arizona.

- Pylkkänen, L. (2001) On Stativity and Causation. In: C. Tenny and J. Pustejovsky (eds.), *Events as Grammatical Objects*. Stanford, CA: CSLI Publications.
- Ramchand, G. (2008) Perfectivity as Aspectual Definiteness: Time and the Event in Russian. *Lingua*, 118, 1690–1715.
- Ramchand, G. (2008) *Verb Meaning and the Lexicon: A First-Phase Syntax*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ritter, E. and Rosen, S. (1998) Delimiting Events in Syntax. In: M. Butt and W. Geuder (eds.), *The projection of arguments*. Stanford, CA: CSLI Publications.
- Sanz, M. (2000) *Events and Predication. A New Approach to Syntactic Processing in English and Spanish*. Amsterdam: John Benjamins.
- Son, M. and Cole, P. (2008) An Event-based Account of -kan Constructions in Standard Indonesian. *Language*, 84 (1), 120–160.
- Speer, N. K., Zacks, J. M. and Reynolds, J. R. (2007) Human brain activity time-locked to narrative event boundaries. *Psychol Sci*, 18 (5), 449–55.
- Tenny, C. (2001) Core Events and Adverbial Modification. In: C. Tenny and J. Pustejovsky (eds.), *Events as Grammatical Objects*. Stanford: CSLI Publications.
- van Hout, A. (2001) Event Semantics in the Lexicon-Syntax Interface. In: C. Tenny and J. Pustejovsky (eds.), *Events as Grammatical Objects*. CSLI Publications.
- Verkuyl, H. (1972) *On the Compositional Nature of Aspects*. Dordrecht: Reidel.
- Verkuyl, H. (1993) *A Theory of Aspectuality: the Interaction between Temporal and Atemporal Structure*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Zacks, J. M., Speer, N. K., Swallow, K. M. et al. (2007) Event Perception: a Mind-brain Perspective. *Psychol Bull*, 133 (2), 273–93.

Ивана Матас Иванкович

Доктор наук, старший научный сотрудник
Институт хорватского языка и лингвистики
Хорватия, 10000, Загреб, ул. Републике Аустрии, 16
imatas@ihjj.hr

Ivana Matas Ivanković

Dr. sc., Senior Research Fellow
Institute of Croatian Language and Linguistics
16, Ulica Republike Austrije, Zagreb, 10000, Croatia
imatas@ihjj.hr

Горанка Благус Бартолец

Доктор наук, старший научный сотрудник
Институт хорватского языка и лингвистики
Хорватия, 10000, Загреб, ул. Републике Аустрии, 16
gblagus@ihjj.hr

Goranka Blagus Bartolec

Dr. sc., Senior Research Fellow
Institute of Croatian Language and Linguistics
16, Ulica Republike Austrije, Zagreb, 10000, Croatia
gblagus@ihjj.hr

**Приставочные глаголы движения и предлоги
в хорватском языке**

Аннотация. Приставочный способ образования глаголов является наиболее продуктивным в хорватском языке. Присоединение приставки к основе глагола несовершенного вида обычно превращает его в глагол совершенного вида. Основное значение глагола при этом сохраняется, но частично модифицируется в соответствии со значением приставки (*letjeti* ‘лететь’ — *uletjeti* ‘влететь’). Согласно грамматическим описаниям хорватского языка, за таким глаголом часто следует аналогичный приставке предлог (*uletjeti u vodu* ‘влететь в воду’). Такое повторение характерно также для русского и ряда других славянских языков (Талму 2007). Настоящее исследование, основанное на материале корпуса хорватского языка hrWaC v2.2, имеет своей целью изучить взаимосвязи между четырьмя приставками (*do-* ‘до’, *od-* ‘от’, *u-* ‘в’, *iz-* ‘из’) и пятью глаголами движения (*ići* ‘идти’, *letjeti* ‘лететь’, *plivati* ‘плыть’, *ploviti* ‘плыть (о судне)’, *trčati* ‘бежать’), а также установить, оказывает ли воздействие на выбор пред-

лога, следующего за базовым имперфективом, его префиксация, и если оказывает, то каким образом. Основной задачей исследования является изучение (с привлечением корпуса) взаимосвязи между приставкой и предлогом для пяти основ глаголов движения (из общего количества в 20 приставочных глаголов) и подтверждение универсальности выбора омонимичного приставке предлога.

Ключевые слова: хорватский язык, hrWaC, глаголы движения с приставками, путь, предлоги.

Prefixed Verbs of Motion and Prepositions in Croatian

Summary: Prefixation is the most productive type of word-formation of verbs in Croatian. Adding the prefix to the basic verb of the imperfective aspect usually changes it into perfective verb. The basic meaning of the verb with prefix is preserved but it is slightly modified in accordance with the meaning of the prefix (*letjeti* ‘fly’ — *uletjeti* ‘fly in’). According to Croatian grammars, such a verb is often followed by the same preposition (*uletjeti u vodu* ‘fly into the water’). This repetitive pattern is considered typical in Russian and some other Slavic languages as well (Talmy 2007). The aim of this research is, based on corpus data (from Croatian hrWaC v2.2 corpus), to examine the interrelation between four prefixes (*do-* ‘to’, *od-* ‘from’, *u-* ‘in’, *iz-* ‘out of’) and prepositions with five verbs of motion (*ići* ‘go’, *letjeti* ‘fly’, *plivati* ‘swim’, *ploviti* ‘sail’, *trčati* ‘run’) and to determine whether and how the word-formation with prefix changes the choice of preposition following the basic imperfective verb. Using corpus data, the main goal is to research the relation between prefix and preposition on five verb roots of motion (altogether 20 prefixed verbs) and to confirm the homonymous prefix-prepositional pattern.

Key words: Croatian, hrWaC, prefixed verbs of motion, path, prepositions

Introduction: Prefixation in Croatian

In this work, we will research the relationship between prefix of a verb and a preposition, since verbs of motion are often followed by a prepositional phrase denoting space. This relation is often expressed with a homonymous prefix-prepositional pattern.

As Talmy (2007, 70) explained: “The ‘Path’ (with a capital ‘P’) is the path followed or site occupied by the Figure object with respect to the Ground object.” The Path is generally expressed fully by the combination of a satellite and a preposition. The satellite is “the grammatical category of any constituent other than a nominal complement that is in a sister relation to the verb root. It relates to the verb root as a dependent to

a head.” (Talmy 2007, 141, 139). In research of the verb *otići* in Croatian, it is concluded:

that the meaning of the preposition as a Path element of motion neutralizes the meaning of distancing or departing contained in the prefix *od-* lit. ‘from-’. It also indicates that the property of the Path element of motion weakens in the prefix *od-* in such collocations, while the property of the perfective aspect prevails. (Blagus Bartolec and Matas Ivanković 2017, 29–30)

Prefixation is the most productive type of word-formation of Croatian verbs. Adding the prefix to the basic imperfective verb usually changes it into perfective verb. The basic meaning of the verb with prefix is preserved but it is slightly modified in accordance with the meaning of the preposition (*letjeti* ‘fly’ — *uletjeti* ‘fly in’). According to Babić (1986, 484–492), the Croatian prefix *od-* with verbs of motion has the meaning of separation, distancing, moving away, disassembling, and completion of the verb action, among others. Prefix *do-* means that the action of the verb is done to the end or to some spatial or time limit and that the action is carried out to the extent necessary. Prefix *iz-* means to remove, to extract from the place where something was by the action of the verb, to lead to a result and that the action goes from one subject or object onto the other (*iznapijati se* ‘get drunk’). Prefix *u-* among other denotes movement of action into the interior of something (Babić, 1986, 492). By each of those three prefixes (except for *od-*) stands the remark that their characteristic complement is a parallel preposition (*do,* *iz* with genitive, and *u* with accusative).

Our goal was, based on corpus data, to research the relation between prefixes (satellites) and prepositions on five verb roots of motion (altogether 20 prefixed verbs) and to confirm the homonymous prefix-prepositional pattern.

Methodology: Corpus-based analysis

In this research, five verbs of motion were analyzed: *ići* ‘go’, *letjeti* ‘fly’, *plivati* ‘swim’, *ploviti* ‘sail’, *trčati* ‘run’ in combination with four prefixes: *do-* ‘to’, *od-* ‘from’, *u-* ‘in’, *iz-* ‘out of’. We searched them on hrWaC and focused on frequency data obtained from the corpus. For each of listed imperfective verbs we have made their perfective forms by adding prefixes (which gave us 20 perfective verbs: *otići* ‘go away’, *doći* ‘come’, *izaći*⁶⁶ ‘go out’, *ući* ‘go in’, *odletjeti* ‘fly away’, *doletjeti* ‘fly in’,

⁶⁶ Although *izaći* is considered colloquial in Croatian (standard form is *izići*), it is more frequent in hrWaC, so we used that form.

izletjeti ‘fly out’, *uletjeti* ‘fly into’, *otplivati* ‘swim away’, *doplivati* ‘swim to’, *isplivati* ‘swim out’, *uplivati* ‘swim in’, *otploviti* ‘sail away’, *doploviti* ‘sail to’, *isploviti* ‘set sail’, *uploviti* ‘sail into’, *otrčati* ‘run off’, *dotrčati* ‘come running’, *istrčati* ‘run out’, *utrčati* ‘run into’). In our search we used regular expressions (for example [lemma=”uploviti”][lemma=”biti|htjeti”]?[tag=”S.*”]) for the verb *uploviti*). Enclitics (auxiliary verbs *biti* ‘be’ and *htjeti* ‘will’ as a part of complex tenses like perfect or future) often come after the verb so we included them in regular expression. The word-order in Croatian is relatively free and adverbials can come at different places in the sentence, but when they are in the form of a prepositional phrase, they usually come after the verb (unlike adverbs, which often come before the verb, e. g. *brzo trčati* ‘run fast’). That is why we focused on *verb + preposition* order and placed the preposition (as the head of a prepositional phrase) in the first place after the verb. Then we looked for frequency of lemmas in the nod and used first ten results. For each one of them we counted the percentage of number of the preposition in proportion to the number of all the other prepositions used with that verb. Results are shown in Table 1.

According to Talmy’s motion-aspect formulae (2007, 93) and the general meaning of distancing or closing, verbs from the list can be divided into ‘move to’ verbs (with prefixes *do-* and *u-*) and ‘move from’ verbs (with *iz-* and *od-*). Most of prepositions obtained with corpus search can also be divided into ‘to’-type prepositions (like *u* ‘into’, *na* ‘onto’, *do* ‘to’, *po* ‘for, after’, *za* ‘for’, *k* ‘at’, *kod* ‘at’) and ‘from’-type prepositions (like *s* ‘from’, *iz* ‘out of’, *od* ‘from’).

Table 1

The list of verbs and prepositions with percentage of preposition in proportion to the total number of prepositions according to hrWaC statistics

verb + preposition	%	verb + preposition	%	verb + preposition	%	verb + preposition	%
otići u	36,85	doći do	39,03	izaći iz	36,16	ući u	79,3
otići na	25,94	doći u	18,45	izaći na	27,66	ući biti u	7,31
otići sa	5,95	doći na	16,36	izaći u	11,87	ući na	3,66
otići do	5,58	doći biti do	4,9	izaći sa	7,49	ući sa	3,41
otići iz	5,04	doći sa	3,32	izaći biti iz	2,62	ući među	0,85
otići biti u	3,85	doći iz	2,53	izaći biti na	2,04	ući htjeti u	0,63

verb + preposition	%	verb + preposition	%	verb + preposition	%	verb + preposition	%
otići kod	2,65	doći biti u	1,69	izaći pred	1,91	ući kroz	0,56
otići biti na	2,03	doći po	1,43	izaći biti u	1,17	ući bez	0,51
otići po	1,52	doći k	1,33	izaći za	0,82	ući biti sa	0,32
otići od	1,27	doći biti na	1,22	izaći prije	0,57	ući pod	0,3
odletjeti u	46,42	doletjeti u	26,02	izletjeti iz	34,94	uletjeti u	64,44
odletjeti na	12,85	doletjeti iz	16,68	izletjeti sa	23,01	uletjeti biti u	11,75
odletjeti sa	7,28	doletjeti na	14,03	izletjeti na	10,4	uletjeti na	9,24
odletjeti za	5,13	doletjeti do	13,06	izletjeti biti iz	5,05	uletjeti sa	4,77
odletjeti biti u	4,7	doletjeti sa	10,15	izletjeti u	4,89	uletjeti među	1,59
odletjeti do	4,14	doletjeti biti u	3,93	izletjeti kroz	3,44	uletjeti biti na	1,49
odletjeti iz	3,87	doletjeti biti iz	2,91	izletjeti biti sa	3,29	uletjeti kroz	1,08
odletjeti prema	2,76	doletjeti biti na	1,63	izletjeti pred	1,91	uletjeti htjeti u	0,67
odletjeti preko	1,5	doletjeti za	1,12	izletjeti izvan	1,76	uletjeti za	0,41
odletjeti kroz	1,08	doletjeti od	1,02	izletjeti biti na	1,61	uletjeti iz	0,41
otplivati do	22,45	doplivati do	64,83	isplivati na	56,69	uplivati u	57,99
otplivati u	22	doplivati biti do	10,87	isplivati iz	13,17	uplivati na	30,72
otplivati na	12,02	doplivati u	6,91	isplivati u	11,2	uplivati sa	4,08
otplivati za	11,11	doplivati na	4,6	isplivati za	3,91	uplivati biti u	1,57
otplivati prema	4,31	doplivati sa	2,94	isplivati biti na	3,47	uplivati kod	1,25
otplivati biti do	3,63	doplivati iz	2,69	isplivati sa	1,74	uplivati među	0,94

verb + preposition	%	verb + preposition	%	verb + preposition	%	verb + preposition	%
otplivati biti u	3,4	doplivati za	1,53	isplivati nakon	1,01	uplivati po	0,63
otplivati sa	2,95	doplivati biti u	1,02	isplivati biti u	0,98	uplivati od	0,63
otplivati od	2,72	doplivati od	0,64	isplivati do	0,49	uplivati kroz	0,63
otplivati biti na	2,04	doplivati pred	0,38	isplivati htjeti na	0,46	uplivati za	0,31
otploviti u	34,52	doploviti do	35,73	isploviti iz	34,89	uploviti u	80,98
otploviti na	15,36	doploviti u	20,39	isploviti u	12,4	uploviti biti u	9,29
otploviti do	9,86	doploviti iz	10,03	isploviti na	12,34	uploviti sa	2,43
otploviti prema	9,14	doploviti na	7,97	isploviti prema	8,17	uploviti na	2,21
otploviti iz	5,17	doploviti sa	5,91	isploviti biti iz	6,54	uploviti htjeti u	0,92
otploviti sa	5,09	doploviti biti u	4,46	isploviti sa	5,24	uploviti prije	0,33
otploviti za	4,37	doploviti biti do	4,37	isploviti za	4	uploviti pod	0,33
otploviti biti u	2,83	doploviti biti iz	2,06	isploviti biti u	3,38	uploviti nakon	0,26
otploviti od	1,7	doploviti biti sa	1,37	isploviti biti na	1,3	uploviti biti na	0,26
otploviti preko	1,37	doploviti biti na	1,03	isploviti po	1,07	uploviti kroz	0,22
otrčati u	28,6	dotrčati do	46,3	istrčati na	33,23	utrčati u	55,79
otrčati do	20,64	dotrčati biti do	13,24	istrčati u	17,83	utrčati na	19,56
otrčati na	8,76	dotrčati u	8,58	istrčati iz	12,19	utrčati biti u	9,58
otrčati biti do	5,96	dotrčati na	7,62	istrčati sa	7,6	utrčati biti na	3,48
otrčati po	5,8	dotrčati sa	6,95	istrčati za	4,47	utrčati sa	2,68

verb + preposition	%	verb + preposition	%	verb + preposition	%	verb + preposition	%
otrčati biti u	5,56	dotrčati iz	3,03	istrčati pred	3,84	utrčati iza	1,34
otrčati prema	3,6	dotrčati k	2,37	istrčati biti iz	3,2	utrčati među	0,87
otrčati za	3,16	dotrčati za	2,07	istrčati protiv	2,75	utrčati iz	0,67
otrčati sa	2,52	dotrčati biti u	1,85	istrčati biti na	2,6	utrčati ispred	0,67
otrčati biti na	1,32	dotrčati pred	1,04	istrčati bez	2,07	utrčati za	0,54

Analysis of the results

Considering the results presented in Table 1, it is possible to conclude the following:

1. Table shows that the strongest correlation is between prefix *u-* and preposition *u*. *Uploviti u* has the highest percentage of all combinations (80,98%), followed closely by *ući u* (79,3%).

2. *Iz-*verbs also highly correlate with preposition *iz* with exception of the verbs *isplivati* and *istrčati*, with the most frequent constructions *isplivati na* (often as a part of an idiom *isplivati na površinu* ‘to be found out’) and *istrčati na*.

3. The weakest correlation is between prefix *od-* and preposition *od* (with verbs *odletjeti*, *otrčati*, this relation is not even among the first ten combinations), which means that the meaning of separation, distancing, moving away of the prefix is not primarily expressed, and that the meaning of the completion of action is in focus.

4. With all *od-* prefixed verbs ‘to’-type prepositions prevail. The only ‘from’-type prepositions that show up with these are *s* (with *otići*, *odletjeti*, *otplivati*, *otrčati*), *iz* (with *otići*, *odletjeti*, *otploviti*), and *od* (with *otići*, *otplivati* and *otploviti*). All the others can be described as ‘to’-type prepositions, which is in the opposition with the meaning of prefix.

Conclusion

This corpus-based research on 20 prefixed verbs in Croatian confirms that verbs of motion with prefixes *do-*, *iz-* and *u-*, as prevailing complement have correlated prepositions or semantically related preposition. The exception are verbs with prefix *od-*.

Finally, these results lead to the conclusion that the meaning of perfectivisation in the prefix *do-/od-/iz-/u-* stands out in relation to the their ‘move’ meaning. This research is based on statistic numbers retrieved from the corpus. Detailed examination of examples based on the broader semantic context in which such prefix-prepositional constructs appear, would give insight that is more precise since some of the constructions have metaphoric meaning or can be considered collocations and idioms.

Acknowledgments

This paper is written within the research project Croatian Web Dictionary — MREŽNIK (IP-2016–06–2141), financed by the Croatian Science Foundation.

SOURCES

Croatian web corpus: hrWaC. Available at: <http://nlp.ffzg.hr/resources/corpora/hrwac/> (accessed 04.10.2019).

REFERENCES

Blagus Bartolec, G. and Matas Ivanković, I. (2018) The Corpus Analysis of Path Elements of the Verb *otići/oditi* ‘leave’ in Croatian and Slovene. In: J. Monti, R. Mitkov, V. Seretan, G. Corpas Pastor (Eds.), *Proceedings of The 3rd Workshop on Multiword Units in Machine Translation and Translation Technology (MUMTTT 2017)*. Geneva: Editions Tradulex, pp. 25–32. Available at: <http://www.tradulex.com/varia/MUMTTT2017.pdf> (accessed 01.10.2019).

Babić, S. (1986) *Tvorba riječi u hrvatskome književnome jeziku*. [*Word formation in literary Croatian*]. Zagreb: JAZU—Globus, 618 p.

Talmy, L. (2007) Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. In: T. Shopen (Ed.), *Language Typology and Syntactic Description: Grammatical Categories and the Lexicon 3*. Cambridge: Cambridge University, pp. 57–149.

Ханс Роберт Мелиг
доктор филологических наук, научный директор
Кильский университет имени Христиана Альбрехта
Институт славистики
Ляйбништрассе 10, D-24098 Киль, Германия
mehlig@slav.uni-kiel.de

Hans Robert Mehlig
Dr. phil., Wissenschaftlicher Direktor
Christian-Albrechts-Universität, Kiel
Institut für Slavistik
Leibnizstr. 10, D-24098 Kiel, Deutschland
mehlig@slav.uni-kiel.de

Различие между общефактическим и единично-фактическим НСВ в отрицательном ответе на общие вопросы

Аннотация. Предикации с фактическим НСВ, во-первых, могут отсылать к «типу» [type] описанной ситуации и сообщать, что в течение некоторого временного интервала по крайней мере один «экземпляр» [token], одна ситуация данного «типа», имела или будет иметь место (общефактический НСВ). Во-вторых, они могут отсылать к конкретным, индивидуализованным ситуациям, не актуализуя их в своей аспектуальности, т. е. не представляя их как происходящие (единично-фактический НСВ). Различие между общефактическим и единично-фактическим НСВ является релевантным при отрицательном ответе на экзистенциальные и экспликативные общие вопросы. Экзистенциальные вопросы верифицируют существование описанной ситуации и относятся к модусному компоненту (modus) предикации. В отличие от этого экспликативные вопросы относятся к описанию ситуации, к диктумному компоненту (dictum), и верифицируют правильность обозначения ситуаций, существование которых предполагается. В статье показывается, почему экзистенциальные вопросы в СВ допускают в ответе отрицание как с общефактическим НСВ, так и с единично-фактическим НСВ, а экспликативные вопросы в СВ только с общефактическим НСВ.

Ключевые слова: глагольный вид в русском языке, фактический несовершенный вид, «тип» [type] vs. «экземпляр» [token], экзистенциальные vs. экспликативные общие вопросы, контрадикторное vs. контрарное отрицание.

About negation of general questions with general-factual and singular-factual ipf. aspect

Summary. Predications with factual ipf. aspect may relate to the “type” of the denoted situation and inform us that within a certain time interval at least one “token” of the denoted “type” has occurred or will occur at some point (General-factual ipf. aspect). Otherwise, they can relate to concrete individualized situations without actualization of their aspectuality, i. e. they are not characterized as ongoing (Singular-factual ipf. aspect). This distinction is relevant to the negation of existential and explicative general questions. Existential general questions verify the existence of the denoted situation, whereas explicative general questions verify the correctness of the description of situations whose existence are presupposed. It will be shown that existential questions in the pf. aspect can be negated with both general-factual and singular-factual ipf. aspect. Explicative questions in the pf. aspect can only be negated with the general-factual ipf. aspect.

Key words: Verbal aspect in Russian, Factual imperfective aspect, Type vs. Token, Existential vs. explicative general questions, Contradictional vs. contrary Negation.

1. Разграничение общефактического и единично-фактического НСВ

Предикации с фактическим НСВ в русском языке допускают две принципиально разные интерпретации. Во-первых, они могут отсылать к «типу» [type] описанной ситуации и сообщать о том, что в течение некоторого временного интервала по крайней мере один «экземпляр» [token], одна ситуация данного «типа», имела или будет иметь место. Во-вторых, они могут отсылать и к конкретным, индивидуализованным ситуациям, не актуализуя их в своей аспектуальности, т. е. не представляя их как происходящие (Мелиг 2013, Dübbers 2015, Mueller-Reichau 2018). Обычно эти два варианта фактического НСВ терминологически не различаются. Для обоих вариантов употребляется термин «общефактический». Однако различие между этими вариантами фактического НСВ имеет принципиальное значение для категории вида в славянских языках. Поэтому здесь, как и в (Падучева 1996), термин «общефактический» употребляется только для предикаций, которые имеют общереферентный статус и отсылают к «типу» описанной ситуации. Для предикаций с фактическим НСВ, которые имеют конкретно-референтный статус и отсылают к индивидуализованным, конкретным

ситуациям, не представляя их в своей аспектуальности, в своем протекании, употребляется введенный А. М. Шелякиным (2007) термин «единично-фактический».⁶⁷

2. Разграничение экзистенциальных и экспликативных общих вопросов

Глагольные предикации являются бытийными высказываниями. Они имеют двойную информацию. Они сообщают о существовании некоторой ситуации и в то же время дают описание ситуации, о существовании которой сообщается. Такое высказывание как (1), во-первых, сообщает о том, что какая-то ситуация имела место и, во-вторых, описывает эту ситуацию как «передвижение пианино».

(1) *Вчера наши соседи передвигали* ^[ipf] *ПИАНИНО*.⁶⁸

Двойная функция личной формы предиката может быть продемонстрирована через преобразование предикации в бытийное предложение.

(1а) *Вчера имело место передвижение ПИАНИНО*.

Ш. Балли (Bally 1950, 39) различает эти два компонента глагольных предикаций терминологически как «modus» и «dictum», Ч. Филмор (Fillmore 1968, 23) как «modality constituent» и «proposition». Общие вопросы могут относиться как к модусному, так и диктумному компоненту предикации (Mehlig 1991). Если они относятся к модусному компоненту, то мы имеем дело с экзистенциальным общим вопросом. Экзистенциальные общие вопросы имеют верификативный коммуникативный статус. Они верифицируют существование описанной ситуации и в русском языке характеризуются тем, что фразовое ударение в них всегда падает на личную форму предиката.

(2) *Вы вчера ПЕРЕДВИНУЛИ* ^[pf] *пианино? НАШЛИ* ^[pf] *ему хорошее место?*

Экзистенциальные вопросы допускают только общее отрицание (contradictory negation).

⁶⁷ М. А. Шелякин (2007) употребляет понятие «единично-фактический» не только для предикаций с фактическим НСВ, которые описывают конкретные, индивидуализованные ситуации, но также и для предикаций с общефактическим НСВ, которые отсылают к «типу» описанной ситуации, если они по прагматическим причинам отсылают не к хотя бы одной ситуации, но к ровно одной ситуации обозначаемого «типа», как в примере: *Ты ОБЕДАЛ* ^[ipf] *сегодня?*

⁶⁸ Прописными буквами обозначается слово, на которое приходится фразовое ударение высказывания.

Общие вопросы, однако, могут относиться и к диктумному компоненту предикации и верифицировать правильность описания ситуации, существование которой предполагается. В таком случае мы имеем дело с экспликативным общим вопросом. Эта вторая интерпретация общих вопросов имеется для нашего примера в следующих контекстах.

- (3) *[У вас в комнате стало уютнее.] Вы передвинули ^[рп] ПИАНИНО?*
(4) *[Что это был вчера за шум за стеной?] Соседи передвигали ^[ип] ПИАНИНО?*

В отличие от экзистенциальных вопросов, в которых фразовое ударение всегда приходится на личную форму предиката, положение фразового ударения в экспликативных вопросах является подвижным. Оно зависит от того, какие компоненты описания предполагаются как известные адресату, и какие как новые. Экпликативные вопросы далее характеризуются тем, что языковое выражение, на которое приходится фразовое ударение, может быть перенесено в позицию перед предикатом.

- (4а) *[Что это был вчера за шум за стеной?] Соседи ПИАНИНО передвигали ^[ип]?*

В отличие от экзистенциальных вопросов экспликативные вопросы допускают частное отрицание (contrary negation).

При преобразовании общих вопросов в бытийное предложение экзистенциальные и экспликативные вопросы различаются местом фразового ударения. У экзистенциальных вопросов фразовое ударение падает на бытийный глагол, а у экспликативных на описание ситуации.

- (5а) *Вы ПЕРЕДВИНУЛИ ^[рп] пианино?*
→ Ситуация X имела место?
(5б) *[В комнате стало уютнее.] Вы передвинули ^[рп] ПИАНИНО?*
→ Имела место ситуация X?

3. Употребление видов в отрицательных ответах на экзистенциальные общие вопросы

Экзистенциальные общие вопросы в НСВ допускают общее отрицание только через НСВ, а в экзистенциальных вопросах в СВ общее отрицание возможно через СВ и НСВ. При этом НСВ в зависимости от контекста допускает как единично-фактическую, так

и общефактическую интерпретацию. В следующих примерах налицо единично-фактический НСВ.

- (6) — Саша **ЗАПОЛНИЛ**^[pf] анкету для получения визы?
— Нет, он ее еще не **ЗАПОЛНИЛ**^[pf] / еще не **ЗАПОЛНЯЛ**^[ipf].
- (7) — Ты вчера **НАПИСАЛ** брату?
— Нет еще. Не **НАПИСАЛ**^[pf] / **ПИСАЛ**^[ipf]. Но обязательно **НАПИШУ**^[pf].

Отрицаемые предикации относятся к открытому временному интервалу, который простирается до момента речи. Независимо от употребления видов они сообщают о том, что описанные ситуации в момент речи еще не осуществлены. Между описанием ситуации в вопросе и в отрицательном ответе имеется кореферентность. Отрицаемые описания ситуации имеют точно так же, как и описание ситуации в вопросе, референтный статус специфической определённости. *The situation X has not yet taken place* [+SPEC +DEF]. Благодаря контексту, например, употреблению союза *пока* и / или частицы *еще*, сообщается о том, что осуществление описанных ситуаций после момента речи не исключено.

При употреблении СВ отрицается, что описанная ситуация в момент речи достигла своего результата. Так как мы в примерах (6) и (7) имеем дело с Accomplishment предикатом, обозначающим ситуацию, которая реализуется поэтапно, остается открытым, осуществлена ли описанная ситуация уже частично. При употреблении единично-фактического НСВ отрицается процессный компонент описанной ситуации и таким образом отрицается также то, что описанная ситуация в момент речи уже началась. В обоих видах на основе контекста не отрицается, что обозначаемая ситуация в более позднее время еще может состояться.

Экзистенциальные вопросы в СВ допускают общее отрицание с единично-фактическим НСВ и тогда, когда у них нет процессного компонента, например, «culminations» в классификации Э. Баха (Bach 1986, 6).

- (8) — Ты **ЗАКАЗАЛ**^[pf] такси?
— Нет еще. Не **ЗАКАЗАЛ**^[pf] / не **ЗАКАЗЫВАЛ**^[ipf].
- (9) — Саша **ВЫЗВАЛ**^[pf] врача, как он собирался? ^[pf]?
— Нет, пока не **ВЫЗВАЛ**^[pf] / пока не **ВЫЗЫВАЛ**^[ipf].
- (10) — Саша **ОТВЕТИЛ**^[pf] на письмо от брата?
— Нет, еще не **ОТВЕТИЛ**^[pf] / не **ОТВЕЧАЛ**^[ipf].

В таком случае отрицание относится к прелиминариям описанной ситуации и сообщается, что к осуществлению ожидаемых ситуаций еще не приступали.

Экзистенциальные вопросы в СВ, однако, допускают общее отрицание не только с единично-фактическим НСВ, но и с общефактическим НСВ. Это показывают следующие примеры.

- (11) — Ты вчера **НАПИСАЛ**^[pf] брату?
— Нет, не писал^[ipf]. Я ему позвонил^[pf].
- (12) — Ты **ЗАКАЗАЛ**^[pf] такси?
— Не **ЗАКАЗЫВАЛ**^[ipf]. Не надо заказывать^[ipf]. Антон повезет^[pf] нас на станцию.
- (13) — Саша **ВЫЗВАЛ**^[pf] врача, как он собирался^[ipf]?
— Знаешь, не **ВЫЗЫВАЛ**^[ipf]. Решил не вызывать^[ipf]. Больному стало^[pf] лучше.
- (14) — Саша **ОТВЕТИЛ**^[pf] на письмо от брата?
— Нет, не **ОТВЕЧАЛ**^[ipf] и не будет отвечать^[ipf]. На такие письма не отвечают.

При употреблении общефактического НСВ сообщается о полном отсутствии описанной ситуации как таковой и таким образом отрицается, что осуществление описанной ситуации можно еще ожидать в более позднее время. В отличие от единично-фактического НСВ предикация с общефактическим НСВ отсылает к временному промежутку, который разобщен с моментом речи. При отрицании с общефактическим НСВ описание ситуации имеет референтный статус неспецифической неопределенности: *Такая ситуация, как X, не ИМЕЛА место* [-SPEC -DEF]. Таким образом происходит изменение референтного статуса, а именно переход от специфической определенности в вопросе к неспецифической неопределенности в отрицательном ответе. Вопрос в СВ имеет конкретно-референтный статус и отсылает к конкретному «экземпляру» ситуации, а отрицательный ответ с общефактическим НСВ имеет общереферентный статус и отсылает к «типу» описываемой ситуации.

Эти две возможности, а именно отсылка предикации с общим отрицанием в НСВ к «экземпляру» или к «типу» описываемой ситуации, имеют соответствие в области именных выражений, где это различие может быть выражено синтаксически, как показывает следующий пример из (Падучева 1985: 107).

- (15) *Гостиница не построена.*
(16) *Гостиницы не построено.*

В личном предложении существительное *гостиница* имеет референтный статус специфической определенности [+SPEC +DEF], и в

перевод на английский язык существительное должно быть введено с определённым артиклем.

(15a) *The hotel has not been built.*

А в безличном предложении существительное имеет референтный статус неспецифической неопределенности [-SPEC –DEF] и требует введения с отрицательной формой неопределенного артикля.

(16a) *No hotel has been built.*

4. Употребление видов в отрицательных ответах на экспликативные общие вопросы

Экпликативные общие вопросы относятся не к модусному, а к диктумному компоненту предикации. Они верифицируют правильность описания ситуации, существование которой предполагается. В именной парафразе фразовое ударение приходится не на бытийный глагол, а на описание ситуации: *Имела место СИТУАЦИЯ X?* Экпликативные вопросы точно так же, как и экзистенциальные вопросы, могут относиться как к «типу», так и к «экземпляру» описанной ситуации.

(17) *Откуда ты об этом знаешь? Ты читал^[рл] об этом в ГАЗЕТАХ?*

(18) *Почему твое пальто такое грязное? Ты УПАЛ^[рл]?*

(19) *Где письмо, которое мы вчера получили^[рл]? Ты его ВЫБРОСИЛ^[рл]?*

В примере (17) описание ситуации имеет общереферентный статус и отсылает к «типу» описанной ситуации, в примерах (18) и (19) к конкретным, индивидуализованным ситуациям, при этом в примере (18) к случайной ситуации. Такой вопрос как *Ты УПАЛ?* допускает только экспликативную интерпретацию, так как экзистенциальные вопросы в СВ не могут отсылать к случайной ситуации, т. е. к ситуации, которую адресат не может идентифицировать. В примере (19) без дальнейшего контекста остается открытым, имеем ли мы дело с ожидаемой или со случайной ситуацией и, в зависимости от этого, с экзистенциальным или экспликативным вопросом.

Экпликативные вопросы допускают контрастное противопоставление, так называемое частное отрицание (contrary negation).

(18a) — *Почему твое пальто такое грязное? Ты УПАЛ^[рл]?*
— *Нет, я не упал^[рл], а к МАШИНЕ твоей прислонился^[рл].*

- (19а) — *Где письмо, которое мы вчера получили [pf]? Ты его ВЫБРОСИЛ [pf]?*
— *Нет, я его не выбросил [pf], а дал [pf] прочитать БРАТУ.*

С частным отрицанием подтверждается предположение говорящего, что какая-то ситуация имела место и одновременно вносится коррекция правильности описания ситуации. При частном отрицании видовая конкуренция исключена.

Однако коррекция описания ситуации возможна и через общее отрицание и последующее правильное описание ситуации, как показывают следующие примеры.

- (18б) — *Почему твое пальто такое грязное? Ты УПАЛ [pf]?*
— *Нет, я не УПАЛ [pf]. Меня МАШИНА обрызгала [pf].*
- (19б) — *Где письмо, которое мы вчера получили [pf]? Ты его ВЫБРОСИЛ [pf]?*
— *Нет, я его не выбросил [pf]. Я дал [pf] его прочитать брату.*
→ **Ситуация X** не имела место. Имела место СИТУАЦИЯ У.
- (18в) — *Почему твое пальто такое грязное? Ты УПАЛ [pf]?*
— *Нет, я не ПАДАЛ [pf]. Меня МАШИНА обрызгала [pf].*
- (19в) — *Где письмо, которое мы вчера получили [pf]? Ты его ВЫБРОСИЛ [pf]?*
— *Нет, я его не ВЫБРАСЫВАЛ [pf]. Я дал [pf] его прочитать брату.*
→ **Такая ситуация, как X**, не имела место. Имела место СИТУАЦИЯ У.

Если исправление осуществляется через общее отрицание и последующее правильное описание ситуации, то имеется видовая конкуренция. При этом НСВ допускает только общефактическую интерпретацию, так как экспликативный общий вопрос предполагает существование описанной ситуации.

Возможность коррекции описания ситуации в экспликативном вопросе в СВ через общее отрицание с общефактическом НСВ имеет соответствие в области именных выражений, как показывает следующий пример из (Арутюнова, Ширяев 1983, 63). Такой вопрос, как *У тебя в корзине ЯБЛОКИ?* осмысливается вследствие нулевой формы бытийного глагола как экспликативный вопрос. Если на этот вопрос даётся отрицательный ответ, то допускается частное и общее отрицание.

- (20) — У тебя в корзине яблоки?
— В корзине не яблоки, а грибы.
— В корзине нет яблок. В корзине грибы.

Общему отрицанию соответствует в области глагольных предикаций отрицание с общефактическим НСВ.

Резюме

В статье разграничиваются экзистенциальные и экспликативные общие вопросы. Экзистенциальные общие вопросы допускают только общее отрицание (contradictory negation). Если экзистенциальный вопрос в СВ отрицается с НСВ, то НСВ может иметь как единично-фактическое, так и общефактическое осмысление. При отрицании с единично-фактическим НСВ ситуация вопроса отсылает так же, как и вопрос в СВ, к конкретной ожидаемой ситуации, но без видовой актуализации. Если общее отрицание осуществляется с общефактическим НСВ, то имеет место изменение референтного статуса, а именно переход от специфической (референтной) определенности в вопросе к неспецифической (нереферентной) неопределенности в ответе. Отрицается ситуация как «тип», как таковая.

В отличие от экзистенциальных вопросов экспликативные вопросы отсылают к описанию ситуации, существование которой предполагается. Поэтому НСВ при общем отрицании допускает только общефактическую интерпретацию.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова, Н. Д., Ширяев, Е. Н. (1983) *Русское предложение. Бытийный тип*. М.: Русский язык, 198 с.
- Мелиг, Х. Р. (2013) Общефактическое и единично-фактическое значение не-совершенного вида в русском языке. *Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология*. 4, с. 19–47.
- Падучева, Е. В. (1996) *Семантические исследования*. М.: Языки русской культуры, 464 с.
- Падучева, Е. В. (1985) *Высказывание и его соотносительность с действительностью*. М.: Наука, 271 с.
- Шелякин, М. А. (2007) *Категория аспектуальности русского глагола*. М.: Изд. ЛКУ. 268 с.
- Bach, E. (1986). The algebra of events. *Linguistics and Philosophy* 9, с. 5–16.
- Bally, Ch. (1950) *Linguistique générale et linguistique française*. Bern: Francke, 440 с.
- Dübbers V. (2015) *Konzeptuelle Motivationen des Verbalaspekts und seiner Variationen mit besonderer Berücksichtigung von Iterativität und der „faktischen Funktion“ im Russischen und Tschechischen*. Dissertation Tübingen, 451 с.

Fillmore Ch.J. (1968) The Case for Case. *Universals in Linguistic Theory*. E. Bach, R. T. Harms (eds.), London, Holt, с. 1-88.

Mehlig, H. R. (1991) Экзистенциальные и экспликативные вопросы. *Russian Linguistics* 15, с. 117–125.

Mueller-Reichau (2018) *Das Rätsel allgemeinfaktischer Interpretationen im Aspektsystem des Russischen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 200 с.

REFERENCES

Arutyunova, N. D., Shiryayev, E. N. (1983) *Russkoe predlozhenie. Bytijnyj tip [Existential sentences in Russian]*. Moscow: Russkij yazyk Publ., 198 p. (In Russian)

Bach, E. (1986). The algebra of events. *Linguistics and Philosophy* 9, p. 5–16. (In English)

Bally, Ch. (1950) *Linguistique générale et linguistique française*. Bern: Francke, 440 с. (In French)

Dübbers V. (2015) *Konzeptuelle Motivationen des Verbalaspekts und seiner Variationen mit besonderer Berücksichtigung von Iterativität und der „faktischen Funktion“ im Russischen und Tschechischen [Conceptual motivations of verbal aspect and its variations with special consideration of iterativity and the „factual function“ in Russian and Czech]*. Dissertation Tübingen, 451 p. (In German)

Fillmore Ch.J. (1968) The Case for Case. *Universals in Linguistic Theory*. E. Bach, R. T. Harms (eds.), London, Holt, p. 1-88. (In English)

Mehlig, H. R. (1991) Экзистенциальные и экспликативные вопросы [Existential and explicative questions]. *Russian Linguistics* 15, p. 117–125. (In Russian)

Mehlig, H. R. (2013) Общечеловеческое и единично-фактическое значение несомнительного вида в русском языке [General-factual i singular-factual nesovershennyj vid v russkom jazyke] *Vestnik Moskovskogo Universiteta [Moscow State University Bulletin] ser. 9. filologija* 4, 19–47. (In Russian)

Mueller-Reichau (2018) *Das Rätsel allgemeinfaktischer Interpretationen im Aspektsystem des Russischen [The puzzle of general-factual interpretations in the Russian aspect system]*. Wiesbaden: Harrassowitz, 200 p. (In German)

Paducheva E. V. (1985) *Vyskazyvanie i ego sootnesennosti s dejstvitel'nost'ju [Utterances and their relation to reality]* Moscow: Nauka Publ., 271 p. (In Russian)

Paducheva E. V. (1996) *Semanticheskie issledovanija [Semantic research]*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury Publ., 464 p. (In Russian)

Sheljakin, M. A. (2007) *Kategorija aspektual'nosti russkogo glagola [The category of aspectuality of the Russian verb]* Moscow: LKI Publ., 268 p. (In Russian)

Степан Кириллович Михайлов

Бакалавр, стажер-исследователь

Научно-учебная лаборатория по формальным моделям в лингвистике,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20
stepanmihajlov@gmail.com, +7 (985) 255-30-72

Stepan Kirillovich Mikhailov

Bachelor's degree, intern researcher

Laboratory of Formal Models in Linguistics,
National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya ulitsa, Moscow, 101000, Russia.
stepanmihajlov@gmail.com, +7 (985) 255-30-72

**Некоторые проблемы для моносемичных подходов
к анализу полифункциональных аспектуальных граммем:
прогрессив**

Аннотация. В настоящей работе представлен ряд функций прогрессивов (König 1995; Bertinetto et al., 2000), которые должны учитываться в любой теории прогрессива. На основании данных о 36 конструкциях из языков Европы (Dahl (ed.) 2000: §4) можно выделить три основных группы функций различной семантической природы: аспектуальную (см. Klein 1994), акциональную и экспрессивную (см. Lyons 1995). В статье рассматривается ряд особенностей данных функций, которые необходимо принимать во внимание. Для определения истоков вариативности аспектуальных функций прогрессива вводится понятие прото-процесса, основанное на идеи прототипа. Предполагается, что прогрессивы различаются по строгости селективных ограничений, накладываемых на предикат посредством данного понятия. В работе очерчена возможность применения нео-грайсианского подхода к ряду функций, а также обсуждается проблематичность чрезмерного обобщения при данном подходе. Сложность заключается в том, чтобы вывести конкретное число функций, которые засвидетельствованы для данной конструкции, а не все функции, которые выводятся при нео-грайсианском анализе, поскольку межъязыковые данные показывают, что в некоторых языках зафиксирована только часть функций, выводимых с помощью нео-грайсианского подхода. Также отмечается, что понятие прото-процесса имеет ценность с точки зрения диахронии, поскольку по-

звolyет выделить наследуемые функции при развитии прогрессива в имперфектив.

Ключевые слова: аспект, прогрессив, прото-процесс, акциональность, экспрессивное значение, типология, диахрония, нео-грайсианская прагматика.

Some issues with monosemic analyses of polyfunctional aspectual grams: the progressive⁶⁹

Summary. This paper presents some of the functions of progressives (König 1995; Bertinetto et al. 2000), that any theory of a progressive must account for. The data from 36 constructions in the languages of Europe (Dahl (ed.) 2000: §4) suggest that three major groups of functions of differing semantic nature can be distinguished — aspectual (in the sense of (Klein 1994)), actional, and expressive (in the sense of (Lyons 1995)). The paper highlights some of the properties of these functions that have to be taken into account. To derive the variation in the aspectual functions of progressives a prototype-based notion «proto-process» is presented. The progressives are said to differ in the strictness of the selectional restrictions they impose on the predicates via this notion. A possible neo-Gricean approach to a range of functions is sketched and a challenge of overgeneration that it faces is discussed. The challenge is to derive only some of the functions, but not the others, since the cross-linguistic data show that in some languages only some of the functions derivable in a neo-Gricean fashion are attested, while similar functions are unavailable for the same construction. It is noted that the notion of proto-process is also useful from a diachronic point of view, since it picks out exactly those functions that are inherited, when a progressive evolves into an imperfective.

Key words: aspect, progressive, proto-process, actionality, expressive, typology, diachrony, neo-Gricean pragmatics

1. Introduction

For a semanticist encountering a polyfunctional linguistic expression it is natural to try to contrive a monosemic analysis thereof. That is, to provide the expression with such a semantics, that all of its multiple functions will automatically follow from it. Indeed, as the principle of

⁶⁹ The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2020.

I would like to thank O. S. Volkov, who has supervised the project that resulted in this paper, for inspiration and wisdom I have received from him, as well as an anonymous reviewer for helpful comments on the first draft of this paper.

Modified Occam's Razor states: «Senses are not to be multiplied beyond necessity» (Grice 1978, 47).

The issue, however, is that at least in the formal semantics of aspect it is occasionally the case that in deriving such a monosemic analysis the researcher overlooks multiple other functions as given aspectual gram. Thus, the seminal work (Landman 1992) is only concerned with the differing entailments of accomplishments and activities in the English Progressive construction. A more recent article (Portner 2011, 1241) presents a series of challenges that any theory of progressive has to overcome, there it is explicitly stated that only the «core progressive meaning» will be considered.

The issue is not overcome in typological literature either. For example, in the works on the progressive in languages of Europe by P. M. Bertinetto and colleagues (Bertinetto et al. 2000) the diversity in the progressive constructions is organized in two types of the progressive, essentially, two clusters of properties: focal progressive and durative progressive. However, a closer investigation of their data shows that the 36 constructions examined correspond to 28 different sets of functions. Thus, even if one assumes that the two types have fuzzy boundaries, the overall theory fails to generate significant predictions.

A more recent and much broader typological study of progressives (Vafaeian 2018) is entirely based on the theory of P. M. Bertinetto and colleagues. Even though it presents novel generalizations pertaining to other issues in the typology of progressives, it provides no significantly new theoretical insight into the multiple functions of the progressive and the analysis thereof.

In the research by A. De Wit and her colleagues (e. g. De Wit et al. 2013), carried out in the Cognitive Grammar framework, different uses of the present progressive are analyzed with modal uses taking the central stage. (The latter roughly correspond to the expressive functions of the present study, see 2.3.) However, it also presents a narrower perspective, since only the present uses of the progressive are discussed and only two constructions are compared, thus the set of functions considered is smaller than a broader study would allow for.

The goal of the present study is to provide a formulation of different functions that a theory of progressive must account for, based on a re-examination of the data by P. M. Bertinetto and colleagues.

2. Three groups of functions

Since the functions to be discussed are derived from data collected from translations of a questionnaire, the formulations of the functions

will crucially rely on the sentences from the questionnaire. For each function discussed here the code for the sentences will be given. The questionnaire PROGQ is provided in (Dahl (ed.) 2000, 810–818).

A function is only said to constitute a separate region in the semantic space of the progressive, if there are at least two constructions that differ with respect to it.

2.1. Aspectual functions

Following (Klein 1994) aspect is defined here as a relation between the Topic Time (TT) and a Time of Situation (TSit) of a sentence.

The aspectual functions all involve an imperfective aspectual viewpoint, that is TT is included in TSit.

The core function, available to all constructions in the study, — the **agentive function** — is observed, when a sentence with a progressive is used to describe a process⁷⁰ performed by an agentive subject (PROGQ S01, S03).

- (1) PROGQ S01 for English
{Somebody on the phone wants to know about Ann; the answer is: — Ann is near me...} she **is working** right now.

The first point of cross-linguistic variation is observed for the **absentive function**, when the sentence describes a process that is not perceptually accessible to the speaker (PROGQ S46, S47). This function is not available, for example, for the Danish construction *er ved at* + INF.

- (2) PROGQ S46 for English
{on the phone: A: Is Ann at home right now? — B: No,} she **is shopping**. She left one hour ago.

The **habitual function** is observed, when a sentence describes a regularly repeated situation and it usually implies that the tendency in question is temporary (PROGQ S63, S02).

- (3) PROGQ S63 for English
At that time, he **was going** to dance every Saturday.

When a progressive is used with posture or wearing verbs, stative in their nature, to describe a temporary situation, the **postural function** is observed (PROGQ S28, S29).

⁷⁰ Following (Tatevosov 2010) the states are understood here to differ from the processes in the fact that the former can be true of momentary intervals of time, while for the latter a non-momentary interval is required.

- (4) The statue **is standing** in the garden. (Bertinetto et al. 2000, 535)

Finally, the possibility for a progressive to be used with **non-human subjects** also constitutes a separate function (PROGQ S37, S38, S62, S77).

2.1.1 *Proto-process*

The classic intuition about the semantics of the progressive, *e.g.* that it is the imperfective restricted to processes, is clearly wrong (4).

One possible way to repair this intuition, is to say that the restriction on processes refers not to the aspectual class, but rather to a set of properties. The cross-linguistic variation in aspectual functions of progressives can then be said to derive from the differences in the strictness of this restriction.

This set of properties is introduced here under the name of **proto-process**, it includes:

- i. the subject is agentive;
- ii. the situation described is perceptually accessible to the speaker;
- iii. the predicate can be true of momentary time intervals;
- iv. the situation is temporary;
- v. the situation is restricted to one occasion.

The most restricted progressives such as the Danish construction demand that the predicate that appears in this construction wholly corresponds to the proto-process. On the other hand, in languages with more grammaticalized progressives such as English the restriction is laxer, and hence more functions are available for the progressive.

The notion of proto-process will be discussed in more detail in the talk.

2.2. *Actional functions*

Actional functions are revealed when a progressive occurs in a perfective context.

For example, the Spanish *estar -ndo* construction can occur with perfective tenses and **durational adverbials** (5) (PROGQ S48). Note that the latter according to (Klein 1994, §10.2.1) specify the temporal boundaries of a situation, which should be impossible with a TT included in TSit.

- (5) **Estuvo leyendo** todo el día.
'S/he spent the whole day reading'. (Bertinetto et al. 2000, 535)

In such cases the only function of a progressive seems to be to derive an atelic process from a verb of some actional class (Bertinetto, Delfitto 2000, 208).

Another actional function is observed, when a progressive is embedded under a perfect, which is possible in English (PROGQ S81, S82):

- (6) PROGQ S81 for English
{I am so tired:} I **have been baking** all day since I got up this morning.

According to (Klein 1994, §6.5) a perfect specifies that the TT is in the posttime of TSit. Since the TT clearly can't be included in TSit and follow it at the same time, it follows that a progressive in such cases does not perform an aspectual function.

Any analysis of a progressive that has actional functions must specify how the contradiction in such cases is resolved. With no additional refinements the classic analysis that a progressive specifies inclusion of TT in TSit will fail in such cases.

2.3. Expressive functions

The expressive functions, as the name suggests, involve expressive semantics. J. Lyons describes such semantics as: «the kind of meaning by virtue of which speakers express, rather than describe, their beliefs, attitudes and feelings» (Lyons 1995, 44).

One example of expressive functions is found in the **behavioral** uses of progressives (PROGQ S42, S43), which occurs with adjectives that denote properties controllable by the subject and that involve judgement or opinion on the speaker's part, *i. e.* the speaker may be mistaken in attributing this property to the subject, see (König 1995, 156–157):

- (7) Ele **est sendo** alegre.
'He is being friendly'. (König 1995, 159)

E. König (König 1995, 157) describes such uses as derived via a Q-implicature based on a Horn scale <*polite, being polite*>, where a use of the progressive is said to be logically weaker than a use of the unmarked form, and hence the sentence with the unmarked form is implied to be false. That is, such behavior is considered by the speaker to be uncharacteristic of the subject and to be volitional on the subject's part.

Another expressive function, which seems to necessarily involve adverbials such as *always*, is the **hyperbolic function**, when a habitual situation is presented as occurring too often. (For this function there was no sentence in the PROGQ.)

- (8) You **are** always **complaining!** (Bertinetto 2000, 659)

Note the difference with the same sentence in Present Simple:

(9) You always complain!

Example (8) seems to imply some additional negative attitude on the part of the speaker as compared to (9).

Once again, an analysis of a progressive possessing these functions has to incorporate an account of how the expressive meaning is derived.

3. A neo-Gricean account

One tempting way to derive some of these functions, is to claim that they are essentially Q-implicatures based on a Horn scale <unmarked form, progressive>, as König suggests for behavioral uses. A use of a progressive in such an approach can imply that the situation in question is temporary as opposed to unrestricted (*e. g.*, the habitual or the postural function) or that the situation is performed voluntarily as opposed to unconsciously (the behavioral function).

The problem for such an approach would be to derive just the implicatures needed for a particular progressive and not derive the others. This problem arises, for example, in the case of the Portuguese *estar* + GER construction, which has the habitual function and doesn't have the postural function. Or in Finnish where the situation is opposite: the *olla -ma-ssa* construction has the postural and doesn't have the habitual or the behavioral function.

4. Concluding remarks

This paper aimed to show that a theory of a progressive has to account for three semantically distinct kinds of functions: aspectual, actional, and expressive.

Naturally, such a theory is even more promising, if it can easily be adopted for the progressives in other languages, that is, if it can also account for the cross-linguistic variation in progressives.

One possible way towards such a theory is through adopting a notion similar to the proto-process presented here, which allows to provide a rather similar semantics for differing progressives: a progressive specifies the TT to be included in the TSit and requires that the predicate in question correspond to the proto-process. The differences in the functions of the progressive come from the difference in the strictness of the proto-process restriction.

A drawback and a benefit of the proto-process approach at the same time is the fact that it only concerns the aspectual functions. The drawback is that one has to provide an additional account of how the other functions are derived. The benefit is that only the aspectual functions seem to be preserved when a progressive evolves into an imperfective (Bybee et al.

1994), this evolution can be modeled as a gradual relaxation of the proto-process restriction, until none of the properties are necessary for the form in question to be used.

Finally, it has been noted that a neo-Gricean account will have to somehow prevent overgeneration in cases where only some of the implicature-like functions are available to a progressive.

REFERENCES

Bertinetto, P. M. (2000) The progressive in Romance, as compared with English. In: Ö. Dahl (Ed.), *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, Boston: De Gruyter -Mouton, pp. 559–604.

Bertinetto, P. M., Delfitto, D. (2000) Aspect vs. Actionality: Why they should be kept apart. In: Ö. Dahl (Ed.), *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, Boston: De Gruyter -Mouton, pp. 189–226.

Bertinetto, P. M., Ebert, K. H., de Groot, C. (2000) The progressive in Europe. In: Ö. Dahl (Ed.), *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, Boston: De Gruyter -Mouton, pp. 517–558.

Bybee, J. L., Perkins, R., Pagluica, W. (1994) *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press.

Dahl, Ö. (Ed.) (2000) *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton.

De Wit, A., Patard, A., & Brisard, F. (2013) A Contrastive Analysis of the Present Progressive in French and English. In: *Studies in Language*, 37(4), pp. 846–879.

Grice, H. P. (1978) Further notes on logic and conversation. In: Peter Cole & Jerry L. Morgan (Eds.), *Pragmatics* (Syntax and Semantics 9). New York: Academic Press, pp. 113–127.

Klein, W. (1994) *Time in language*. London: Routledge.

König, E. (1995) He is being obscure: non-verbal predication and the progressive. In: P. M. Bertinetto, V. Bianchi, Ö. Dahl, M. Squartini (Eds.), *Temporal Reference, Aspect and Actionality. Vol. 2: Typological Perspectives*. Torino: Rosenberg & Sellier, pp. 155–167.

Landman, F. (1992) The Progressive. *Natural Language Semantics*, 1, pp. 1–32.

Lyons, J. (1995) *Linguistic semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Portner, P. (2011) Perfect and progressive. In: K. von Stechow, C. Maienborn & P. Portner (Eds.), *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*. De Gruyter Mouton, pp. 1217–1261.

Tatevosov, S. G. (2010) *Aksional'nost' v leksike i grammatike [Actionality in the lexicon and in the grammar]*. Ph. D. Thesis, Moscow. (In Russian)

Vafaiean, G. (2018). Progressives in use and contact: A descriptive, areal and typological study with special focus on selected Iranian languages. Ph. D. Thesis, Stockholm University.

Милорад Милякович

Аспирант, ассистент.

Философский факультет Новисадского университета.

Ул. Др Зорана Ђинђића 2, 21000 Нови Сад, Србија.

darolim12@gmail.com

Milorad Miljković

PhD candidate, teaching assistant.

University of Novi Sad, Faculty of Philosophy.

2, Dr Zorana Đinđića, Novi Sad, 21000, Serbia.

darolim12@gmail.com

О функционировании нестандартных двувидовых и парных по виду глагольных лексем в интернет-общении (на материале сербского, русского и польского языков)⁷¹

Аннотация. В статье на материале сербского, русского и польского языков рассматриваются заимствованные глагольные лексемы, употребляющиеся для описания действий в интернете и социальных сетях (напр. серб. *lajkovати*, рус. *лайкать* / *лайкнуть*, польс. *lajkować* / *złajkować* / *zajkować* / *lajknać* / *polajkować* и т. д.). Особое внимание уделяется способам контекстуальной дифференциации двувидовых глаголов в сербском языке в сопоставлении с глаголами парными по виду в русском и польском языках. Проведенный анализ показал, что в сербском языке чаще всего заимствованные двувидовые глаголы употребляются в одном видовом значении, зависящем от контекста. В польском и русском языках при заимствовании задействованы словообразовательные механизмы аффиксации с целью адаптивирования к парным по виду глаголам. В польском языке при образовании глаголов совершенного вида встречается довольно большое разнообразие чистовидовых аффиксов без дополнительных семантических модификаций. Однако во всех исследуемых языках существуют и глаголы, образующие формы, у которых есть разные семантические модификации (способы глагольного действия).

Ключевые слова: нестандартные глагольные лексемы, двувидовые глаголы, сербский язык, русский язык, польский язык.

⁷¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта № 178002 («Языки и культуры во времени и пространстве»), поддержанного Министерством образования, науки и технологического развития Республики Сербия.

On the functioning of biaspectual and aspectual pairs of non-standard verb lexemes in Internet communication (in Serbian, Russian, and Polish)

Summary. The article analyzes borrowed verb lexemes in the Serbian, Russian, and Polish language, which are used to describe actions related to the Internet and social networks (e. g. Serbian: *лајковати*, Russian: *лайкать / лайкнуть*, Polish: *lajkować / zljkować / zalajkować / lajknąć / polajkować*). Particular attention is drawn to the ways of contextual differentiation of biaspectual verbs in the Serbian language as compared to verbs which have two forms representing two aspects in Russian and Polish. The analysis showed that in Serbian, the most commonly borrowed verbs are used in the same form for two different aspects, depending on the context. In Polish and Russian, the borrowing process involves affixing words to fit the system of two aspectual verb forms (perfective and imperfective). In Polish, when perfective verbs are formed, there is a fairly wide selection of affixes with exclusively-aspectual meanings without additional semantic modifications. However, in all the languages examined, there are verbs that form forms that have different semantic modifications (Aktionsart).

Key words: non-standard verb lexemes, biaspectual verbs, Serbian, Russian, Polish.

Введение

Технологические изменения в современном обществе влекут и определенные изменения в языке, особенно на его лексическом уровне. Общение в социальных сетях занимает большую часть существования современного человека. Для описания новых действий в процессе интернет-общения и действий на компьютере образуются новые слова — неологизмы. Неологизмы образуются разными способами, но в последнее время самым активным способом является заимствование из других языков, особенно из английского. В данной работе на материале сербского, русского и польского языков рассматриваются заимствованные глагольные лексемы из английского языка, употребляющиеся для описания действий в интернете и социальных сетях. В статье будут проанализированы адаптированные заимствованные глагольные лексемы от следующих английских глаголов: *to like*, *to unlike* (*to dislike*) и *to tweet* и глагольные лексемы образованные от имён существительных: *Instagram* (напр., рус. *инстаграмить*, *сынстаграмить*), *Facebook* (напр., рус. *фейсбукнуть*, *фейсбучить*, *пофейсбучить*) и *Youtube* (напр., рус. *ютубить*). Особое

внимание уделяется способам контекстуальной дифференциации двувидовых глаголов в сербском языке в сопоставлении с глаголами парными по виду в русском и польском языках. Источником всех приведённых языковых примеров в статье является интернет.

Перед началом более подробного обсуждения поставленной проблемы следует предварительно отметить, как показано в статье «Словообразовательные модели нестандартных лексем типа *лајковати*, *твитовати* в сербском, русском и других славянских языках» (Миљаковић 2016), что во всех анализируемых языках (в сербском, русском, болгарском, словенском, чешском и польском) при адаптации задействованы словообразовательные механизмы аффиксации — суффиксация и префиксация.

Сербский язык

При адаптации новых глагольных лексем к категории славянской аспектуальности сербский язык показывает определенное различие по сравнению с русским и польским. Самым распространённым суффиксом в сербском языке является суффикс *-овати*, использующийся для образования двувидовых глаголов. Данные глаголы совмещают в одном лексическом значении функции совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) видов. Поскольку у двувидовых глаголов нет формальных показателей вида (приставок и суффиксов), видовое значение выражается при помощи различных средств контекста (Vojvodić 2013, 160). Такой способ выражения аспектуального значения называется аналитическим (Ремчукова 2004, 91–92). Ср. (1) *Узгред један мој пријатељ је већ лајковао* [‘лайкнул’] (СВ) и *поделио*. (2) *Крусијус је био активан на друштвеним мрежама Твитер и Линкедин, а раније је често лајковао* [‘лайкал’] (НСВ) и *ретвитовао* [‘ретвитил’] (НСВ) *објаве написане у позитивном контексту на рачун шефа Беле куће*. (3) *Белгијски кризни центар је већ твитовао* [‘твитнул’] (СВ) *о затварању јавног превоза у граду*. (4) *Владимир Стојковић ретко твитује* [‘твитит’] (НСВ). В примерах (1) и (3) аспектуальное значение СВ выражается при помощи наречия *већ* «уже», в то время как в примерах (2) и (4) значение НСВ выражается при помощи наречий *често*, *ретко* «часто, редко». Видовая дифференциация двувидовых глаголов в сербском языке редко выражается синтетическим способом, т. е. чистовидовое значение редко выражено в пределах заимствованных глагольных лексем. Возможность образовать глагол СВ *лајкнути* существует, но этот глагол чаще встречается на хорватских веб-страницах. Глагол СВ *твитнути*

встречается довольно редко среди сербскоговорящих. На материале газетных текстов газеты «Политика» двувидовой глагол в форме прошедшего времени *твитовати* встречается 96 раз, в то время как глагол СВ *твитнути* встречается только 6 раз. Ср. (5) *Оперисан је четири пута, прошао кроз хемотерапије, али из кревета је твитовао* [‘твитил’] (НСВ). (6) *Један од њих се одмах латио свог телефона и твитовао* [‘твитнул’] (СВ): „Мајкл Хајден у возу репортере снабдева потцењивачким цитатима о влади.” (7) „Организатор скандала је Центар за истраживање корупције и организованог криминала (ОЦЦРП) у сарадњи с Америчком агенцијом за међународни развој (УСАИД) и Соросовим фондом, а мета су Русија и бивше земље Совјетског савеза”, *твитнуо је* [‘твитнул’] (СВ) „Викиликс”.

Надо обратить внимание, что чаще всего глаголы *одлајковати*, *анлајковати* и *дислајковати* употребляются как глаголы СВ, хотя они могут употребляется и как двувидовые глаголы. Ср. (8) *Ма нема везе, јесам лајковао и после одлајковао* [‘разлайкал’] (СВ), *сам твит ван контекста је чак и симпатичан*. (9) *Убрзо након тога, Шутановац је анлајковао* [‘анлайкнул’] (СВ) *поменути твит и написао да је погрешно, као и да прихвата критике*. (10) *Орбан дислајковао* [‘дислайкнул’] (СВ) ММФ. (11) *Дислајкујем* [‘дислайкаю’] (НСВ) *клипове на јутјубу за џабе*.

Категория вида тесно связана с категорией способа действия (Шелякин 2008, 123–128). Отличительным признаком способов глагольного действия оказывается отсутствие у глаголов видовых коррелятов. В сербском языке возникают и формы, у которых есть семантические модификации. В группе адаптированных глаголов в сербском языке различаются следующие семантические модификации: инхоативный (напр. *залајковати*), взаимно-итеративный (напр. *лајковати се*), кумулятивно-дистрибутивный (напр. *излајковати*), сатуративный (напр. *налајковати се*) и другие способы глагольного действия. Ср. (12) *Због тога треба да их позовете да залајкују* [‘залайкаць’] *вашу страницу како би пратили и будући садржај*. (13) *Додам се са девојком на друштвеним мрежама, лајкујемо се* [‘лайкаем друг друга’] *неко време и ја јој се онда јавим*. (14) *Лик ми је управо излајковао* [‘пролайкал’] *све фотке на инстаграму дакле 694 комада*. (15) *Колико сам се тих слика налајковала* [‘налайкалась’] *протеклих 6 месеци*.

В сербском языке можно образовать и отыменные глаголы, такие как *јутјубовати*, *фејсбучити*, *инстаграмовати*. Глагол *јутјубовати* является многозначным. Ср. (16) *Имам и једну адресу са пословицама са разних језика света (гуговала сам и јутјубовала* [‘јутубила’]) *и нашла...* (17) *Видели да јутјубујем* [‘јутублю’] *и лајвујем и одмах*

сам била сумњива. В примере (16) глагол употребляется в значении ‘искать в поисковике Ютуба’, а в примере (17) глагол употребляется в значении ‘выкладывать / выложить видео в Ютуб’. Значение ‘проводить время в Фейсбуке’ встречается у глагола *фејсбучити*. Нпр. (18) *Да ли Кремљ фејсбучи* [‘фейсбучит’]? У глагола *инстаграмова* *ти* встречается значение ‘выкладывать / выложить фото и видео в Инстаграм’. Ср. (19) *Бернијеви фанови су: <...> генерација Инсилон (1985–1995) која седи у Старбаксу у уским фармеркама и шеширима и пипа свој ајнед на којем инстаграмује* [‘инстаграмит’] (НСВ) *слике заласка сунца*. (20) *Ђовак је чак са рандом зимовања у Аспену инстаграмовао* [‘заинстаграмил’] (СВ) *то исто*.

Русский язык

В русском языке существует достаточно многочисленная группа двувидовых глаголов, среди которых и исконно русские, и заимствованные. Однако в русском языке наблюдается тенденция к включению двувидовых глаголов, в основном иностранного происхождения, в системные видовые оппозиции и к формальной дифференциации видовых значений (Петрухина 2009, 82–83; Ремчукова 2004, 95–101). Все глагольные лексемы, образованные от английских глаголов, адаптируются к славянской аспектуальной системе, т. е. образуют видовые пары. Ср. (1) *Она уже лайкнула* (СВ) *моё сообщение, где я поблагодарил ее, пожелал ей много хорошего, заценила мои фотографии с поездки*. (2) *Фотки в моём Инстаграме постоянно лайкает* (НСВ) *одна кафешка из соседнего района*. (3) *Илон Маск твитнул* (СВ) *свой мобильный*. (4) *Да, Трамп постоянно твитил* (НСВ) *свое мнение о каких-то событиях, но ведь об этих событиях он узнавал по телевизору*.

Следует напомнить, что для передачи одного и того же значения можно использовать формы НСВ наряду с формами СВ. Это явление называется «конкуренцией видов». Ср. (5) *Это очень смешно, если учесть, что утром в день батла он твитил* (можно использовать и глагол СВ: *твитнул*) *вот такое*. Не стоит путать конкуренцию видов с двувидовостью глаголов, поскольку взаимозаменяемость глаголов характерна только для глаголов парных по виду. А. В. Исаченко считает, что «замена претеритальной формы СВ, обозначающей единичный акт в прошлом, формой НСВ является распространенным стилистическим приемом, повышающим наглядность повествования» (Исаченко 1960, 439). Данный стилистический прием соответствует требованиям публицистического стиля (пример (5) является частью репортажа в интернете).

Глаголы, образованные от английских глаголов *to unlike* или *to dislike*, в русском языке встречаются с префиксами иностранного происхождения *анлайкать* / *анлайкнуть*, *дислайкать* / *дислайкнуть* или с русским префиксом *раз-*: *разлайкать* / *разлайкивать* / *разлайкнуть*. Ср. (6) *И, чувак, я тебя не анлайкал* (НСВ), *тебе кто-то другой влепил минус...* (7) *Тао лайкнул и сразу же анлайкнул* (СВ) *пост про Криса...* (8) *Кто так гнусно дислайкает* (НСВ) *наше все?* (9) *Я лучше дислайкну* (СВ) *этот пост, чтоб не угодить куда-нибудь.* (10) *А где гарантия, что он не разлайкает* (СВ), *после получения скидки?* (11) *Встречались придурочные, кто после расставания разлайкивает* (НСВ) *все публикации.* (12) *Познакомилась. Лайкнула. Поссорилась. Разлайкнула* (СВ).

Кроме вышеприведённых глаголов, в русском языке наблюдается и большое количество глаголов с другими семантическими модификациями: инхоативной (напр. *залайкать*, *затвитить*), дистрибутивной (напр. *полайкать*, *пролайкать*), делимитативный (напр. *потвитить*), сатуративной (напр. *натвититься*, *налайкайся*), интенсивно-достигательной (напр. *дотвититься*), чрезмерно-длительной (напр. *залайкайся*, *затвититься*), интенсивно-результативной (напр. *раствититься*, *разлайкайся*), а также другие способы действия. Ср. (13) *Работяги, залайкайте страницу пж.* (14) *Илон Маск случайно затвитил свой личный номер телефона!* (15) *Полайкал все посты Швеи и нашёл ещё кучу песен!* (16) *Я тут всем пролайкал ответы.* (17) *Там я отдохнул, отогрелся, потвитил и почитал ленты.* (18) ... *я натвитился, налайкался и спать.* (19) *Дотвитились: Госдуме предложили создать реестр с запрещенными сайтами.* (20) *Вообще грустно, «залайкайся» и «зафейсбучился» народ, пообщаться уже редко с кем удосуживается...* (21) *Кэм в последнее время весь затвитился.* (22) *А сейчас раствитилась, видите ли.* (23) *Ну вы тут разлайкались.*

В русском языке, как и в сербском, образуются и отыменные глагольные лексемы от имён существительных: Инстаграм (напр. *инстаграмить*, *сынстаграмить*, *заинстаграмить*), Фейсбук (напр. *фейсбукнуть*, *фейсбучить*, *пофейсбучить*, *сфейсбучить*) и Ютуб (напр. *ютубить/сьютубить*). Надо обратить внимание на то, что форма СВ *сынстаграмить* не частотна, зато есть примеры употребления глагола НСВ в значении СВ (см. (25)). Ср. (24) *И было бы совсем прекрасно, если бы он поменьше инстаграмил* (НСВ). (25) *Билли Новик в Омске инстаграмил* (НСВ) *подстаканники.* (26) *Медведев заинстаграмил* (СВ) *минские крыши.*

Количество новообразованных глагольных лексем в русском разговорном языке указывает на возможность дальнейших исследований на плане морфологии и аспектологии.

Польский язык

В польском языке при заимствовании задействованы словообразовательные механизмы аффиксации с целью адаптивования к парным по виду глаголам. Как уже было показано в статье (Миляковић 2016, 392), самым распространённым суффиксом в польском языке является суффикс *-ować*, использующийся для формирования отыменных глаголов. Глаголы, образованные таким способом, могут быть двувидовыми. Материал в интернете показывает огромное количество аффиксов, употребляющихся для образования чистовидовых значений. Ср. (1) *Czy Ty też **lajkujesz*** [‘лайкаешь’] (НСВ) *z grzeczności?* (2) *Ja już **zajakowałam*** [‘лайкнула’] (СВ) *bo w życiu by mi coś takiego na tablicie nie wyszło.* (3) *Przez przypadek **zajakowałem*** [‘лайкнул’] (СВ) *Twój komentarz.* (4) ***Lajknąłem*** [‘лайкнул’] (СВ) *zdjęcie tego pieska na fb.* (5) *Jak **polajkowałem*** [‘лайкнул’] (СВ) *tego posta, dostałem piątkę z matmy, a tobie co się przydarzyło?* (6) *Kilka dni temu np. **lajkowałem*** [‘лайкал’] (НСВ) *Wyborcza.biz i do tej pory nie widzę ani jednego wpisu tej strony w FB.* (7) *Jak nie **tweetować*** [‘твитить’] (НСВ)? (8) *Już **tweetnąłem*** [‘твитнул’] (СВ) *do MSZ.* (9) *Ale on już **zatweetował*** [‘твитнул’] (СВ), *że Glik nie jedzie.*

Следует напомнить, что существует и возможность употребления глагола НСВ в значении СВ, как в (6).

Польские заимствованные глаголы от глаголов *to unlike* и *to dislike* чаще всего образуют видовые пары *anlajkować / zanjajkować* (встречается и написание: *unlajkować / zunlajkować*) [‘анлайкать / анлайкнуть’], *dislajkować / zdislajkować* [‘дислайкать / дислайкнуть’], наряду с которыми существует и переводный вариант с польскими аффиксами: *odlajkować / odlajkować* [‘разлайкать / разлайкивать’].

В польском языке также встречаются отыменные глагольные лексемы, такие как *facebookować* (или: *fejsbukować*), *fejsbuczyć*, *fejsować* [‘фейсбучить’], *instagramować* [‘инстаграмить’], *youtubować* (*jutubować*) [‘ютубить’], *zyoutubować* [‘сьютубить’], и т. д.

Кроме глаголов с чистовидовым значением в польском языке встречаются и глаголы с разными семантическими модификациями — взаимно-итеративным (напр. *lajkować się* [‘лайкать друг друга’]), делимитативным (напр. *pofacebookować*, *pooutubować* [‘пофейсбучить, поютубить’]) и другими способами действия.

Выводы

Во всех исследуемых языках встречаются заимствованные глагольные лексемы от глаголов *to like*, *to unlike (to dislike)*, *to tweet* и отыменные глагольные лексемы от имён собственных *Facebook*, *Instagram* и *Youtube*. В сербском языке двувидовые глаголы употребляются в одном видовом значении, зависящем от контекста, т. е. аспектуальное значение выражается аналитическим способом (контекстуально). В польском и русском языках при заимствовании задействованы словообразовательные механизмы аффиксации с целью адаптирования к парным по виду глаголам. На материале русского и польского языков отмечается также конкуренция видов, которая присуща парным по виду глаголам. В польском языке при образовании глаголов совершенного вида встречается довольно большое разнообразие чистовидовых аффиксов без дополнительных семантических модификаций. Однако во всех исследуемых языках существуют и глаголы, образующие формы, у которых есть различные семантические модификации.

Данная статья указывает на возможность дальнейших морфологических и аспектологических сопоставительных исследований заимствованных глагольных лексем в славянских языках, описывающих действия на компьютере, в интернете и социальных сетях.

ЛИТЕРАТУРА

Исаченко, А. В. (1960) *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология II*. Братислава: Издательство Словацкой АН, 580 с.

Петрухина, Е. В. (2009) *Русский глагол: категория вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований)*. М.: МАКС Пресс, 208 с.

Ремчукова, Е. Н. (2004) *Морфология современного русского языка. Категория вида глагола: учебное пособие*. М.: Флинта — Наука, 144 с.

Шелякин, М. А. (2008) *Категория аспектуальности русского глагола*. М.: Издательство ЛКИ, 272 с.

Миљаковић, М. (2016) Творбени модели нерегистрованих глаголских лексема типа *лајковати*, *твитовати* и сл. у српском, руском и другим словенским језицима. В кн.: С. Гудурић, М. Стефановић (ред.), *Језици и културе у времену и простору: тематски зборник 5*. Нови Сад: Филозофски факултет, с. 387–393.

Vojvodić, D. (2013) Двувидовост глаголног слова и способи ње преодоленија у руском језику у сопостављењу са српским. В кн.: М. Нилссон, Н. Зорихина-Нилссон (ред.), *Семантички спектар славјанског вида IV: Конференција Комисије по аспектологији Међународног Комитета Славистов Гётеборгског универзитета, 10 јуна — 14 јуна 2013 г.* Гётеборг: Гётеборгски универзитет, с. 160–163.

REFERENCES

Isachenko, A. V. (1960) *Grammaticheskij stroj ruskogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya II [The Grammatical System of Russian Language in Comparison with Slovak. Morphology II]*. Bratislava: VEDA, 580 p. (In Russian)

Miljakovic, M. (2016) Tvorbeni modeli neregistrovanih glagolskikh leksema tipa lajkovati, tvitovati i sl. u srpskom, ruskom i drugim slovenskim jezitsima [Word formation of non-standard verb lexemes such as *лајковати, твитовати*, etc. in Serbian, Russian, and other Slavic languages]. In: S. Guduric, M. Stefanovic (eds.), *Jezitsi i kulture u vremenu i prostoru 5 [Languages and cultures in time and space V]*. Novi Sad: Faculty of Philosophy, pp. 387–393. (In Serbian)

Petrukhina, E. V. (2009) *Russkij glagol: kategoriya vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovanij) [Russian verb: Category of the aspect and tense (in the modern linguistics research)]*. Moscow: MAKS Press, 208 p. (In Russian)

Remchukova, E. N. (2004) *Morfologiya sovremennogo ruskogo yazyka. Kategoriya vida glagola: uchebnoe posobie [Morphology of the modern Russian language. Category of verb aspect: work book]*. Moscow: Flinta — Nauka Publ., 144 p. (In Russian)

Shelyakin, M. A. (2008) *Kategoriya aspektual'nosti ruskogo glagola [Category of aspectuality of the Russian verb]*. Moscow: LKI Publ., 272 p. (In Russian)

Vojvodic, D. (2013) Dvuvidovost' glagol'nogo slova i sposoby ee preodoleniya v ruskom yazyke v sopostavlenii s serbskim [Verbal biaspectuality and ways to overcome it in Russian in comparison to Serbian]. In: M. Nilsson, N. Zorikhina Nilsson (eds.), *Semanticheskij spektr slavyanskogo vida IV Konferentsiya Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo Komiteta Slavistov Geteborgskij universitet, 10 iyunya — 14 iyunya 2013 g. [The Semantic Scope of Slavic Aspect: Fourth Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists University of Gothenburg, June 10 — 14, 2013]* Gothenburg: University of Gothenburg, 160–163. (In Russian)

Екатерина Андреевна Мишина
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
kmishina@mail.ru

Ekaterina A. Mishina
PhD, senior research fellow
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Volchonka 18/2, 119019 Moscow, Russia

**Björn Wiemer /
Бьёрн Вимер**
Dr. habil., ordinary professor (Universitätsprofessor)
Johannes-Gutenberg-Universität
Institut für Slavistik, Turkologie und zirkumbaltische Studien (Abt. Slavistik)
Jakob-Welder-Weg 18, D- 55128 Mainz, Germany
wiemer@uni-mainz.de

Как отличать будущее от неактуального настоящего в диахронии русского вида? Опыт установления преемственности и дифференциации на корпусной основе

Аннотация. Видовые оппозиции в области неактуального настоящего тесно связаны с модальными функциями (в понимании van der Auwera, Plungian 1998; Hansen 2001), которые, в свою очередь, взаимодействуют с функциями из области (неограниченной) кратности и условности (Wiemer 2015). Эти функции бывает трудно различать не только в прежних состояниях, но и в современном русском языке; например *Вася всегда / никогда не поможет* (vs. *помогает*); *Гриша справится* (vs. *справляется*) с любым уравнением.

Привносимые основой настоящего времени СВ модальные компоненты являются следствием преодоления Present Perfective Paradox (De Wit 2017), которое тоже привело к укреплению временного дейксиса, т. е. будущего времени в качестве основного тех же форм. Исходя из этих положений и из предположения, что модальные функции предшествовали временному дейксису и продолжают на него накладываться, в докладе уточняется, насколько можно отличать будущее от неактуального настоящего.

Пользуясь корпусами разных периодов, мы проанализируем выборку частотных глаголов, претендовавших на видовую парность уже в древнерусский период (Bermel 1997; Мишина 2012), чтобы установить функциональное распределение членов потенциальных видовых пар в области настоящего-будущего (по грамматическим формам, сочетанию с потенциальными показателями будущего времени и разных типов модальности или кратности) в развитии. Решение данной задачи позволит проследить преемственность функций (или же её отсутствие), а также показать, насколько такие функции вообще выделялись/выделяются, а насколько они пересекались/пересекаются.

Ключевые слова: будущее время, неактуальное настоящее, модальность, глагольный вид, русский язык, древнерусский язык.

How to distinguish future from inactual present
in the diachrony of Russian aspect?
An attempt at establishing inheritance and differentiation
on the basis of corpora

Summary. Aspect choice in the domain of the inactual present is intimately connected with modal functions (for which cf. van der Auwera, Plungian 1998, Hansen 2001). The latter ones, in turn, interact with functions from the domain of (unlimited) iteration and with conditional meanings (cf. Wiemer 2015). These functions are difficult to keep apart not only in earlier stages of the language, but also in modern Russian; compare, for instance, *Vasja vsegda / nikogda ne pomožet*^{PFV} (vs *ne pomogaet*^{PFV}) ‘Vasja always / never helps’; *Griša spravitsja*^{PFV} (vs *spravljaetsja*^{PFV}) *s ljubym uravneniem* ‘Grisha copes with any equation’.

Obviously, additional modal components acquired by present tense forms of PFV stems result from the Present Perfective Paradox (De Wit 2017), which also led to a temporal-deictic, i. e. future meaning as the default meaning of these forms. On the basis of these premises and on the assumption that modal functions preceded temporal deixis and continue to lay on the latter, the talk tries to specify to which extent, and when, one can distinguish the future from an inactual present meaning.

By using corpora from different periods, we analyse a subset of high-frequency verbs which could be considered aspect pairs already in the Old Russian period (Bermel 1997, Mišina 2012). The aim is to determine the evolution of the functional distribution among the members of potential aspect pairs in the non-past domain (accounting for different grammatical forms and for combinations with potential markers of future tense and of different types of modality or iterativity). By the same token, we try to reconstruct the degree to which the distribution for particular functions has been inherited or appeared only much more recently. Simultaneously, we want to show to which extent these functions

became (and become) sufficiently salient to be “visible” and to which extent they intersected (and intersect).

Key words: future, inactual present, modality, verbal aspect, Russian language, Old Russian.

Представление проблемы

Видовые оппозиции в области неактуального настоящего тесно связаны с модальными функциями (в понимании van der Auwera, Plungian 1998; Hansen 2001), которые, в свою очередь, взаимодействуют с функциями из области неограниченной кратности и условности (Wiemer 2015). Эти функции бывает трудно различать не только в прежних состояниях, но и в современном русском языке; ср. выбор вида в высказываниях, в которых предикация находится в сфере действия универсального квантора времени (или его противоположного эквивалента) (1) или общее высказывание без таких кванторов (2–3). Эти контексты интуитивно близки т. н. наглядно-примерному значению (4), для которого еще важна таксисная связь между предикатами:

- (1) *Вася всегда / никогда не поможет (vs. помогает).*
- (2) *Гриша решит (vs. решает) любое сложное уравнение.*
- (3) *Такая уж тут погода: то вдруг начнется ужасный ливень, то дожди вообще перестанут месяца на два.*
- (4) *С ним бывает так: он вдруг забудет, что хотел сказать, и замолчит.*

Примеры (1–3) иллюстрируют неограниченную и нерегулярную повторяемость, выбор СВ настоящего времени обуславливает модальную функцию, а точнее: *dispositional modality* (1–2) или *circumstantial modality* (3) по (Kratzer 1981). Данный тип повторяемости и названные модальные функции накладываются друг на друга систематически; см. также обзор в (Стойнова 2017).

Не вдаваясь в формальное описание, тесную связь между повторяемостью и упомянутыми типами модальности, а также видом, можно объяснить следующим образом. Функция СВ сводится к фокусированию (или введению) границ в обозначаемый глагольной основой тип ситуации; упомянутые модальные эффекты вытекают из того, что для каждой потенциально возникающей ситуации данного типа вводится ограничение, но без соотношения с моментом речи. Хотя основа СВ употребляется в финитной форме настоящего времени, предикации нельзя приписать референцию ни к какой-либо реально наблюдаемой (или даже когда-либо наблюдавшейся), ни к нарративной ситуации; ситуация не соотносится ни с действительской,

ни с нарративной точкой отсчета и в этом смысле является нереальной. Не утверждается никакой конкретный факт, а утверждается лишь, что либо какой-то субъект (человек), либо какие-то обстоятельства (напр., неживая природа) проявляют такие-то свойства, если возникнут к тому условия. Природа этих условий не уточняется, но допускается, что они могут появиться в любой момент. Этим объясняется, что именно нерегулярная повторяемость легко ассоциируется со способностью или предрасположенностью (*dispositional modality*, свойства того или иного человека) или со свойствами той или иной обстановки (*circumstantial modality*), т. е. с тем, что следует (по мнению говорящего) ожидать, когда создадутся условия, благоприятные для проявления этих свойств (см. также [Шлуинский 2006]). С этими соображениями хорошо согласуется тот факт, что (1–3) легко перифразируются с помощью условных предложений (напр., *В любой ситуации, когда Вася столкнется / сталкивается со сложным уравнением, он его решит / решает*) и все они объединяются признаком снятой утвердительности (Падучева 2005).

Основы СВ для выражения этих значений предпочитают из-за их лимитативной функции. Основы НСВ в настоящем времени могут приобрести упомянутые модальные функции только без учета границ (напр., *Ребенок уже ходит / говорит / рисует / ест вилкой*), а если временные кванторы допустимы, то они не порождают эффект условности как в (1) (ср. *Ребенок всегда ест вилкой, В нашем районе обычно идет дождь, Каждое утро он встает раньше всех*). Поскольку функция настоящего времени в данном случае атемпоральная, видовые различия выступают ярче. На этом фоне важно уточнить ряд вопросов.

Во-первых, устоялось ли в более древних состояниях языка функциональное противопоставление основ (с одной из них произведенной от другой путем префиксации или суффиксации) настолько, что можно говорить также о надежной видовой дифференциации в области обсуждаемых выше модальных функций и функций из области предикативной множественности? Или такая дифференциация наступила лишь позже, в ходе дальнейшей эволюции видового противопоставления как в формальном, так и в функциональном отношении?

Во-вторых, связь между неограниченной повторяемостью и указанными типами модальности основывается на импликатурах, но эти функции не обязательно совпадают. В том случае, когда импликатуры между модальностью и значением неограниченной повторяемости не возникает, использовать СВ в современном языке оказывается гораздо труднее, даже если вводятся дополнительные ограничители (ср. *Сосед часто по вечерам выпивает / *выпьет (кружку пива)*): просто констатируется узуальность, но нет модального эффекта). Для

того, чтобы разобраться в силе связи между данными типами повторяемости и модальности, а также в том, насколько модальный эффект зависит от выбора вида, необходимо проанализировать большее количество корпусных примеров с формами настоящего времени, причем как основ, которые уже в какой-то мере соотносились как видовые пары в древнейшую эпоху, так и основ, видовая принадлежность которых оставалась еще достаточно неопределенной.

В-третьих, обсуждаемые здесь модальные эффекты представляют собой один из возможных способов разрешения т. н. «парадокса перфективного презенса» (*Present Perfective Paradox* (PresPfvParadox); De Wit 2017). Этому способу можно противопоставить другой, который заключается в том, что конвенционализируется функция будущего времени: СВ настоящего времени по умолчанию относится к однократной ситуации, которая наступает только после речевого акта. Данная функция также связана со снятой утвердительностью, но в отличие от вышеназванных функций она локализована и привязана к временному дейксису. Указанный сдвиг можно подвести под «гипоанализис» (*hypoanalysis*), под которым понимается «a form-function reanalysis such that a contextual semantic / functional property is reinterpreted as an inherent property of a syntactic unit» (Van Linden, Van de Velde 2014: 241) со ссылкой на (Croft 2000). В отличие от севернославянских языков в южнославянских языках конвенционализация презентных форм СВ в функции будущего времени не произошла (будущее время обозначается отдельным маркером при основах обоих видов), но настоящее время основ СВ продолжает ограничиваться контекстами со снятой утвердительностью или хабитуальностью. Тем не менее, для современных севернославянских языков остается открытым, насколько значение будущего времени действительно перевешивает, т. е. насколько на уровне текста действуют закономерности первого способа преодоления PresPfvParadox. Например, для современного русского языка предварительные подсчеты на основе НКРЯ показали, что только ок. 40% всех форм настоящего времени СВ можно понимать как будущее время (Д. Кошелева, личное сообщение).

Древнерусский язык уже в раннюю эпоху демонстрирует очевидную тенденцию к предпочтительному употреблению СВ в сфере будущего, а НСВ — в сфере настоящего. Вместе с тем древнерусские тексты отражают случаи более широкого, по сравнению с современным состоянием, функционирования презентных форм СВ в сфере неактуального настоящего (Мишина 2002), при этом, как и в современном русском, презентные формы СВ, по сравнению с формами НСВ, чаще оказывались осложненными дополнительными функциями (напр., условность или модальность), а также приобрели до-

полнительные семантические наращения в результате взаимодействия с такими операторами, как отрицание (Мишина 2020). Ситуация, наблюдаемая в исходной точке (древнерусский период), поддерживалась тем, что в сфере будущего широко употреблялись презентные формы от неохарактеризованных по виду (т. е. двувидовых) основ (преимущественно симплексы), кроме того аналитические сочетания инфинитива любого вида с личными формами вспомогательных глаголов *хотѣти, имѣти, начати, почати*, употребляемые для референции к будущему, были осложнены модальностью или фазовостью (Юрьева 2011; 2018). Тем не менее функционирование СВ в сфере неактуального настоящего постепенно сужалось.

Представленные выше соображения ставят вопрос, в какой мере современный русский язык действительно отличается от исторических «предшественников», если речь идет о разграничении модальных и временных функций в области непрошедшего времени. На самом деле, контексты типа (1–3), а также (4), справедливо характеризовать как остаточные в диахронном смысле. Они отражают состояние видовой системы до сдвига основ СВ в формах настоящего времени в сторону значения будущего времени.

Вместе с тем, в севернославянских языках постепенная дифференциация временных планов (настоящее vs будущее) зависела от становления видовой оппозиции, четко разводящей функции двух морфологически соотнесенных классов глагольных основ. Стержнем этих классов являются т. н. видовые пары, которые в более древних состояниях образовывались менее последовательно и, скорее всего, их было меньше. К тому же их функциональное распределение как раз по вышеупомянутым функциям могло отличаться от современного.

Постановка задачи

Исходя из изложенных выше положений, мы делаем попытку уточнить, насколько можно отличать будущее от неактуального настоящего в разных диахронических «срезах». С этой целью мы рассматриваем функциональное распределение на выборке частотных глаголов, претендовавших на видовую парность уже в древнерусский период (Bermel 1997; Мишина 2012: 231–236), употребление которых можно проследить по текстам на протяжении всего исторического периода, включая современный язык. Сюда относятся *дати* — *даяти*, *пустити* — *пуцати*, *бороти(ся)* — *побороти(ся)*, *красти* — *украсти*, *родити(ся)* — *рождати(ся)*, *явити(ся)* — *являти(ся)*, *отъпустити* — *отъпуцати*, *продати* — *продаяти* и др., а также ряд аспектуальных

троек (напр., *сушити* — *исушити* — *исушати*, *хвалити(ся)* — *похвалити(ся)* — *похваляти(ся)*, *славити* — *прославити* — *прославляти*). К рассмотрению привлекаются также некоторые частотные глаголы, в древнерусском языке еще не получившие четкой видовой характеристики, но употреблявшиеся преимущественно как СВ или НСВ. Выборка делается на основе подкорпусов разных периодов (НКРЯ): от ранневосточнославянских (древнерусский, старорусский) до современного состояния, что позволяет проследить в диахронической перспективе функционирование одних и тех же единиц (выбранных глаголов), в основном на уровне частотности в текстах (*token frequency*). Анализ сосредоточен на формах непрошедшего времени и инфинитивах, но в целом учитывается более широкий набор образуемых грамматических форм (аорист / имперфект, действительные причастия прошедшего / настоящего времени, сочетаемость с фазовыми глаголами и с потенциальными показателями будущего времени), а также акциональный класс глагольной лексемы, возможные лексические сдвиги и функции в тексте (Мишина 2018).

Постепенное сужение употребления СВ в области неактуального настоящего наблюдается при сравнении текстов древних памятников с их более поздними списками или схожими жанрами. Так, напр., в поздних списках, а также в летописных сводах, включавших текст более ранних летописей, в ряде контекстов переписчики меняли СВ на НСВ:

- (5) **не пренман же оученья ѿ латынѣ. нхѣ же оученье разъ-
вращено. влѣзѣше бо въ цѣрк(вѣ) не покланатъса (СВ)
[не покланяютъса (НСВ) — Радзивиловский и Академи-
ческий списки, XVII в.] иконамѣ (ПВЛ по Лавр., л. 39об.,
список XIV в.) — «Не принимай ученья от латинян. Их
учение развращено. Войдя в церковь, не кланяются / (ни-
когда) не покланяются (букв. не поклонятся) иконам».**
- (6а) **егда кончають (НСВ) прологъ тогда начнутъ (СВ) ли-
тургию (Хождение Антония Новгородца, памятник XIII в.
по списку XVI в.) — «Когда кончают пролог, тогда начи-
нают (букв. начнут) литургию».**
- (6б) **Ср. с НСВ в сходном контексте в более позднем памятнике:
по отсутствѣ вечерни выходитъ (НСВ) патріархъ изъ ол-
таря и начинаютъ (НСВ) молебенъ у чюдотворцовы
Іюнины раки (Устав церковных обрядов, XVII в.) — «После
окончания вечерни выходит патриарх из алтаря, и начина-
ют молебен у раки чудотворца Іюны».**

Для того, чтобы зафиксировать и проследить эти изменения в диахронической перспективе, в ходе настоящего исследования предполагается последовательно сравнить функционирование презентных форм и инфинитивных сочетаний в разных версиях тех же текстов из разных периодов, а также сравнить на разных исторических этапах соотношения презентных форм СВ и НСВ в текстах одного жанра.

Таким образом, исследуется функциональное распределение членов потенциальных видовых пар в области настоящего-будущего и прослеживается их развитие до современного состояния, с учетом прежде всего разных типов модальных и кратных значений. Наша задача не только эксплицитно сформулировать критерии определения модальных и кратных значений, но и специально остановиться на тех случаях, когда их определение затруднительно и разные функции пересекаются (т. е. они трудно различимы). Тем самым, с одной стороны, мы надеемся проследить (хотя бы фрагментарно) в диахронической перспективе, когда и при каких условиях составы функций основ НСВ и СВ в непрощедшем времени разошлись настолько ярко, что можно было отделить временную функцию от модальной. С другой стороны, мы надеемся определить меру устойчивости этих функций в темпоральной и модальной областях для выбранных частотных глаголов. При этом может оказаться, что часть таких функций вообще не выделялась и не выделяется до сих пор, так что они продолжают регулярно пересекаться. В этом плане наш доклад нацелен не столько на получение «первых твердых результатов» по диахронному функциональному развитию видо-временных форм русского глагола, сколько на показ методики на обозримой выборке. При этом нам важно выявить методологические подводные камни и указать способы их избегания и преодоления.

ИСТОЧНИКИ

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (05.10.2019).

ПВЛ по Лавр. — *Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Полное собрание русских летописей*. Т. 1. *Лаврентьевская летопись*. М.: Языки русской культуры, 496 с.

Устав церковных обрядов — *Устав церковных обрядов, совершавшихся в Московском Успенском соборе. Около 1634 г.* Рукописный сборник XVII в. В кн.: *Русская историческая библиотека*. Т. 3. СПб., 1876.

Хожение Антония Новгородца — *Книга Паломник: Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиеп. Новгородского в 1200 г.* В кн.: Лопарев, Х. М. (ред.). *Православный палестинский сборник*. 1899. Вып. 51. Санкт-Петербург: Имп. Православное Палестинское общество.

ЛИТЕРАТУРА

Мишина, Е. А. (2002) Настоящее узואальное и потенциальное в восточно-славянских памятниках XI–XV вв. *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. Молдован А. М., Гольшпенко В. С. (ред.) Москва: Древলেখ-ранище, с. 199–228.

Мишина, Е. А. (2012) «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание. *Русский язык в научном освещении* 24 (2012–2), с. 219–241.

Мишина, Е. А. (2018) К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке. *Русский язык в научном освещении*. 35 (2018–1), с. 161–182.

Мишина, Е. А. (2020) Влияние отрицания на функционирование видо-временных форм в древнерусском языке. *Русский язык в научном освещении*. 39 (2020–1), с. 109–135.

Падучева, Е. В. (2005) Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание. *Русский язык в научном освещении* 10 (2005–2), с. 17–42.

Стойнова, Н. М. (2017) Нефутуральные употребления форм будущего времени. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. URL: <http://rusgram.ru> (05.10.2019).

Шлуинский, А. Б. (2006) К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны. *Вопросы языкознания* 1, с. 46–75.

Юрьева, И. С. (2018) Грамматика нарратива в ранних древнерусских летописях. В кн.: А. М. Молдован (ред.) *Письменность, литература, фольклор славянских народов. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации*. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, с. 137–155.

Юрьева, И. С. (2011) Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *ймоу* в древнерусских текстах. *Русский язык в научном освещении*. 22 (2011–2), с. 68–88.

REFERENCES

Bermel, N. (1997) *Context and the Lexicon in the Development of Russian Aspect*. Berkeley: Los Angeles and London (= University of California Publications in Linguistics 129), XVII, 483 p. (In English)

Croft, W. (2000) *Explaining Language Change: An Evolutionary Approach*. Harlow: Longman, 287 p. (In English)

De Wit, A. (2017) *The Present Perfective Paradox across Languages*. Oxford: Oxford University Press, 221 p. (In English)

Hansen, B. (2001) *Das slavische Modalauxiliar (Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen)*. München: Otto Sagner, 454 s. (In German)

Kratzer, A. (1981) The Notional Category of Modality. In: Eikmeyer, Hans-Jürgen & Hannes Rieser (eds.): *Words, Worlds, and Contexts (New Approaches in Word Semantics)*. Berlin, New York: De Gruyter, p. 38–74. (In English)

Mishina, E. A. (2002) *Nastoyashchee uzual'noe i potentials'noe v vostochnoslavjanskikh pamyatnikakh XI–XV vv. Lingvистическое источниковедение*

i istorija russkogo jazyka. Moldovan A. M., Golysenko V. S. (red.) Moskva: Drevlekhranilishche. s. 199–228. (In Russian)

Mishina, E. A. (2012) «Situatsija naprasnogo ozhidaniya» i otritsanie. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* 24 (2012–2), s. 219–241. (In Russian)

Mishina, E. A. (2018) K voprosu o vidovoy semantike prostykh (bespristavochnykh) glagolov v drevnerusskom yazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. 35 (2018–1), s. 161–182. (In Russian)

Mishina, E. A. (2020) Vlijanie otritsaniya na funkcionirovanie vido-vremennykh form v drevnerusskom jazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. 39 (2020–1), c. 109–135. (In Russian)

Paducheva, E. V. (2005) Effekty snyatoy utverditel'nosti: global'noe otritsanie. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* 10 (2005–2), s. 17–42. (In Russian)

Shluinskij, [Šluinskij], A. (2006) K tipologii predikatnoj množestvennosti: organizatsiya semanticheskoy zony. *Voprosy jazykoznanija*. 2006–1, s. 46–75. (In Russian)

Stojnova, N. M. (2017) Nefutural'nye upotrebleniya form budushchego vremeni. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki. URL: <http://rusgram.ru> (05.10.2019). (In Russian)

van der Auwera, J., Plungian, V. A. (1998) Modality's semantic map. *Linguistic Typology* 1–2, p. 79–124. (In English)

Van linden, A., Van de Velde, F. (2014) (Semi-)autonomous subordination in Dutch: Structures and semantic-pragmatic values. *Journal of Pragmatics* 60, p. 226–250. (In English)

Wiemer, B. (2015) O roli vida v oblasti kratnosti i pragmaticheskikh funkcij (eskiz s točki zreniya hronotopii). In: Benacchio [Bennak'o], Rosanna R. (ed.): *Glagol'nyj vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst / Verbal aspect: Grammatical meaning and context*. München: Otto Sagner. p. 585–609. (In Russian)

Yur'yeva, I. S. (2011) Infinitivnye sochetaniya s glagolami *imam'* i *imou* v drevnerusskikh tekstakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. 22 (2011–2), s. 68–88. (In Russian)

Yur'yeva, I. S. (2018) Grammatika narrativa v rannikh drevnerusskikh letopisyakh. V kn.: A. M. Moldovan (red.) *Pis'menost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. XVI Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov. Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g. Doklady rossiyskoy delegatsii*. Moskva: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. s. 137–155. (In Russian)

Надежда Константиновна Онипенко

кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Юридический адрес: 119019, Москва, Гоголевский б-р,
дом 2/18/1, строение 1,3
e-mail: onipenko_n@mail.ru, тел.: +7(903)748-34-53

Nadezhda Konstantinovna Onipenko

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher
Federal State Budgetary Institution of Science Institute
of the Russian Language V. V. Vinogradova RAS
Legal address of the organization
(119019, Moscow, Gogolevskiyblvd, 2/18/1, building 1,3).
E-mail: onipenko_n@mail.ru; phone number: +7(903)748-34-53

**Категория вида
в «Семантико-грамматическом словаре
русских глаголов»⁷²**

Аннотация. В статье рассматриваются способы включения аспектуальных характеристик в грамматическое описание семантического класса глаголов (представлены подготовительные материалы к «Семантико-грамматическому словарю русских глаголов»). Семантико-грамматический словарь представляет собой такое лексикографическое описание русских глаголов, которое демонстрирует зависимость морфологических и синтаксических возможностей глагольной лексемы от ее принадлежности к определенному семантическому разряду внутри глагола как части речи, связь грамматических свойств глаголов того или иного разряда с их текстовыми функциями. Исходя из идеи разных степеней зависимости единицы от контекста, авторы словаря основываются на том, что частное видовое значение может принадлежать самой лексеме или быть производным от ее текстовых функций, появляться в определенных текстовых условиях. При этом оно оказывается компонентом семантики синтаксемы и компонентом семантики синтаксической конструкции в определенном коммуникативном регистре. Видовое

⁷² Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18–012–00263 «Семантико-грамматический словарь русских глаголов».

значение проявляет себя в таксисном взаимодействии двух или более предикатов, а значит, при интерпретации вида недостаточно одного предложения. Уровень проявления видовой семантики соотнесен с синтаксической классификацией глаголов, делением глагольных классов на полнознаменательные/ неполнознаменательные; акциональные/ неакциональные. Видовое значение соотносится также с функциональной характеристикой глагольных форм (финитно-предикативные, таксисные, модификационные, экспрессивные), набором синтаксических позиций (самостоятельного предиката, таксисного предиката, предиката в парентетической позиции) и набором текстовых функций (аористив, перфектив, имперфектив процессуальный и качественно-характеризующий). Набор аспектуальных значений, возможных для того или иного семантического класса глаголов, становится тестом при определении отнесенности конкретного глагола к определенному семантическому классу.

Ключевые слова: грамматика, глагол, категория вида, аспектуально-темпоральное, аспектуально-модальное, аспектуально-таксисные значения, текстовые функции видо-временных форм.

Category of aspect in the «Semantic-grammatical dictionary of Russian verbs»

Summary. The article considers ways to include aspectual characteristics in grammatical descriptions of the semantic class of verbs (the preparatory materials for the “Semantic-grammatical dictionary of Russian verbs” are presented). The semantic-grammatical dictionary is a lexicographic description of Russian verbs that demonstrates the dependence of the morphological and syntactic capabilities of the verbal lexeme on its belonging to a certain semantic category within the verb as part of speech, the relationship of grammatical properties of verbs of a particular category with their textual functions. Based on the idea of different degrees of dependence of the unit on the context, the authors of the dictionary are based on the fact that the aspectual value may belong to the lexeme itself or be derived from its text functions, appear in certain text conditions. In this case, it turns out to be a component of the semantics of the syntaxeme and a component of the semantics of the syntactic construction in a certain communicative register. The species value manifests itself in the taxic interaction of two or more predicates, which means that a single sentence is not enough when interpreting an aspect. The level of manifestation of aspectual semantics is correlated with the syntactic classification of verbs, the division of verb classes into full-sign/ non-sign; actional/ non-actional. The aspectual meaning is also correlated with the functional characteristic of verb forms (finitive-predicative, taxic, modification, expressive),

a set of syntactic positions (independent predicate, taxic predicate, predicate in the parenthetical position), and a set of textual functions (aoristic, perfective, imperfective procedural and qualitative-characterizing). A set of aspectual values that are possible for a particular semantic class of verbs becomes a test for determining whether a particular verb belongs to a particular semantic class.

Key words: grammar, verb, type category, aspectual-temporal, aspectual-modal, aspectual-taxic meanings, text functions of aspectual-temporal forms.

Глагольный вид в силу его многоаспектности⁷³ является серьезной проблемой при любом лексикографическом представлении русской глагольной системы. В каком виде давать глагол, имеющий видовую пару; какой глагол давать через толкование, а какой — отсылочно, сколько словарных статей писать для видовой тройки, указывать ли двувидовую семантику для многозначного глагола целиком или для отдельных его значений, указывать ли видовые запреты для переносных значений? Эти и другие вопросы должен решить лексикограф при написании, например, толкового словаря. При написании словаря активного типа количество вопросов увеличивается и они захватывают не только лексемы и словоформы, но и синтаксис предложения и грамматику текста. Словари активного типа предполагают, что грамматическое описание лексем должно опираться на грамматики активного типа, т. е. на функционально-коммуникативные теории, соединяющие системно-грамматическое описание с анализом текста и представляющее грамматическую категорию как результат соединения семантики, формы и функции. К грамматикам такого типа относится «Коммуникативная грамматика русского языка» (Золотова, Онипенко, Сидорова 1998). Ее принципы описания и положены в основу «Семантико-грамматического словаря русских глаголов», над которым в настоящее время ведется работа в ИРЯ РАН.

Единицей описания в «Семантико-грамматическом словаре» является глагольная синтаксема, являющаяся результатом соединения морфологической формы, категориальной семантики и синтаксических функций. Синтаксема как единица словарного описания была использована для представления функционально-семантических возможностей существительного в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой (1988). Словарь глаголов является логическим продолжением «Синтаксического словаря».

В новом словарном проекте глагольные синтаксеммы квалифицируются (1) по типовому значению синтаксической конструкции, (2) по

⁷³ См. об этом, например (Бондарко 1987; Горбова 2017)

возможным модификациям этой конструкции (синтаксическая парадигматика и типы перефразирования), (3) по функциям видо-временных форм в тексте. Типология глагольных синтаксем (так же как и субстантивных) включает три типа: свободные (собственная семантика глагола вносит вклад в типовое значение предложения, полная парадигма, отсутствие запретов на текстовые функции видо-временных форм и, как следствие, объемное видообразование, отсутствие коммуникативно-регистровых ограничений), конструктивно-обусловленные (имеют семантику, принадлежащую семантике синтаксической конструкции и без этих глаголов, парадигма и видообразование ограничены, функционирование видо-временных форм ограничено), связанные (имеют семантику, зависящую от семантики именного предиката, синтаксические позиции и текстовые функции видо-временных форм ограничены).

В отличие от субстантивных синтаксем, в глагольной синтаксеме форма — спрягаемая, неспрягаемая, модификационная (неопределенно-личная, обобщенно-личная, безличная) и экспрессивная (глагольное междометие) — всегда маркирует синтаксическую позицию, т. е. участие синтаксемы в организации определенной синтаксической конструкции. При этом важно, что семантика глагольного слова связана с типовым значением модели предложения. А видовая граммема в семантике глагольной синтаксемы соединяет типовое значение предложения с текстом, т. е. с теми текстовыми условиями, в которые попадает данное предложение. Текстовые условия характеризуются по трем параметрам: коммуникативный регистр речи, субъектная перспектива и таксисные отношения между линейно рядоположенными предикатами.

Г. А. Золотова в статье 2002 г. обосновала интерпретацию глагольного вида в связи с трехмерным представлением языковой единицы:

«в корне или основе глагольного слова заложена одна из возможных текстовых функций, соответствующая онтологической природе названного действия/ состояния. По ходу речи говорящему необходимо включить обозначения действий, состояний в текстовое время, в таксисные связи. Говорящий использует глагол, либо сохраняя его исходную функционально-семантическую характеристику, либо "преодолеваем" ее, приспособив глагол к нужному ему представлению действий в связном потоке событий» (Золотова 2002, 24).

Средствами такого приспособления становятся видовые приставки и суффиксы. В той же статье она показала, что «в тандеме вид — время» вид не всегда играет главенствующую роль, что сущность

видового противопоставления нередко становится очевидной в определенных глагольных формах и определенных синтаксических условиях (Там же, 16–18).

Для интерпретации текстовых функции видо-временных форм в концепции «Коммуникативной грамматики» (Золотова, Онипенко, Сидорова 1998; Золотова 2002) используются термины **аористив**, **перфектив**, **имперфектив**, которые восходят к общеизвестным обозначением временных форм глагола (аорист, перфект, имперфект). Аористив — это функция акционального глагола совершенного вида в репродуктивном и информативном регистрах; наличие аористива указывает на динамическую разновидность регистра, например репродуктивно-повествовательную (...*Лизавета Ивановна встала из-за пьльцев, вышла в залу, отворила форточку и бросила письмо на улицу... /.../ Герман подбежал, поднял его и вошел в кондитерскую лавку.* — Пушкин, Пиковая дама). Чтобы осуществилась аористивная (повествовательная) функция акциональных глаголов совершенного вида, обязателен событийный контекст, т. е. повествование организуется употреблением не менее двух глаголов (или отглагольных форм). Это значит, что в тексте сосуществуют 1) два самостоятельных простых предложения, 2) два простых в составе сложного предложения или 3) две предикативные единицы в составе осложненного предложения: а) две спрягаемые формы — однородные сказуемые или б) одна спрягаемая, другая неспрягаемая). Например:

1) *Бутафор выкатил на сцену старенький велосипед с облупленной рамой.*

Патрикеев поглядел на него плаксиво.

2) *Кот сполз с занавески, распоров ее донизу, и выскочил из комнаты, а Пряхина зарыдала громовым голосом и, закрыв глаза руками, вскричала...*

3а) *Он (кот) шарахнулся мимо меня к тюлевой занавеске, вцепился в нее и полез вверх.*

3б) *Добежав до середины комнаты, она опустилась на одно колено, наклонила голову и протянула руку вперед...* (Булгаков, Театральный роман).

Перфектив соединяет динамику предшествующего положения дел и статику последующего, что возможно для активных и пассивных форм совершенного вида. См., например, в условиях репродуктивно-повествовательного регистра серию из трех или четырех глагольных предикатов совершенного вида: начинается аористивами и завершается перфективом:

Она села за письменный столик, взяла перо, бумагу — и задумалась;

...она побежала в свою комнату, вынула из-за перчатки письмо: оно **было не запечатано**;

Она встала, начала убирать свои пальцы и, взглянув нечаянно на лицо, опять **увидела офицера** (Пушкин, Пиковая дама).

Глагол совершенного вида прочитывается перфективно (статически), если речь пойдет об изменении состояния:

Но капор обветшал, быстро и странно, в один последний год, и сборки ссеклись и потускнели, и потерлись ленты (Булгаков, Белая гвардия).

Если совершенный вид употреблен в перфективной (описательной) функции, то одно изменение не влечет за собой другого изменения: *Стены потрескались и заросли паутиной*. Перфективы не предполагают обязательного наличия второго глагола, их также можно переставлять местами, поскольку нет временной последовательности: *Стены потрескались. Стены заросли паутиной и потрескались. Стены потрескались и заросли паутиной*.

Аористивы двигают действие, перфектив его тормозит.

Глаголы НСВ представлены в двух функциях: (1) имперфектив процессуальный, который замедляет повествование в рамках репродуктивно-повествовательного регистра речи (...поэт / **Роняет** молча пистолет, /*На грудь кладет тихонько руку / И падает* — Пушкин, Евгений Онегин) или представляет нединамическое положение дел как локализованное во времени восприятия в условиях репродуктивно-описательного регистра (*Смеркалось; на столе, блистая, Шипел вечерний самовар, Китайский чайник загревая; Под ним клубился легкий пар.* — Пушкин, Евгений Онегин); (2) имперфектив узуально-характеризующий (*Она любила на балконе Предупреждать зари восход* — Пушкин, Евгений Онегин).

Аористив и перфектив противостоят имперфективу не столько тем, что образуются от глаголов совершенного вида, сколько тем, что прочитываются лишь на фоне событийного контекста: перфектив — на фоне предшествующего положения дел; аористив — в связи с последующим. Имперфектив указывает на то, что время восприятия (модус) полностью занято данным положением дел (диктум). Соответственно, различаются две техники передачи одних и тех же динамических событий: аористивы, следуя друг за другом, членят время внутри одного акта восприятия, а имперфективы соединяют в одной речевой последовательности несколько актов восприятия (психологически первый вариант быстрее, чем второй, ср.: *подошел, сказал, подходит, говорит*). Таким образом, аористив и перфектив предполагают таксисные условия функционирования видо-временной

формы. Имперфектив не маркирован в отношении к событийному контексту⁷⁴.

В статье 2002 г. Г. А. Золотова предложила выделять третий имперфектив, так называемое общефактическое значение несовершенного вида, эта функция реализуется в условиях информативного регистра речи (Золотова 2002, 14).

Из всего сказанного следует, что в «Семантико-грамматическом словаре русских глаголов» видовая характеристика семантических классов глаголов дается в связи с их текстовыми возможностями. Тем самым обосновывается отнесенность глаголов к разряду парных или непарных. Так, для бытийных глаголов типа *присутствовать, находиться, фигурировать, обретаться, вращаться, обитать* ограничение на видообразование проявляется в том, что бытийная конструкция требует либо имперфектива узואально-характеризующего в информативном регистре либо имперфектива процессуального в репродуктивном (обычно, в предложениях с субъектом личным). Более ограниченными оказываются текстовые возможности у глаголов с партитивной семантикой (например, *относиться, принадлежать*): для этих глаголов возможна имперфективная функция только в информативном регистре речи, поскольку модели предложения с данным типовым значением относятся к разряду стативно-квалифицирующих.

Отыменные глаголы на *-ствовать* и *-ничать* выступают в имперфективной функции в моделях, принадлежащих информативному регистру речи.

Разграничение аористивов и перфективов позволяет разграничить акциональные и неакциональные классы глаголов или обнаруживать возможности полисемии у акционального глагола. См., две текстовых функции глагола СВ *упасть* в предложениях с одушевленным субъектом в стихотворении в прозе И. С. Тургенева «Воробей»: *Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки. Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой — и весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти. Первое употребление — перфектив (упал и сидел; увидел упавшего сидевшим); второе — аористив (упал и прыгнул, чтобы зацщитить).*

Глаголы, обозначающие движения тела или частей тела, могут употребляться и в аористивной, и в перфективной функциях, при

⁷⁴ О таксисе на уровне предложения см. (Храковский, 2009).

этом перфективная функция оформляется неспрягаемыми формами (причастиями и деепричастиями).

Акциональность в соединении с инхоативным значением реализует аористивную функцию, а инхоатив от неакциональных глаголов (например, эмоционального состояния) — перфективную.

С точки зрения функциональной предназначенности глаголов оказываются противопоставленными и значения приставок. Так, приставка *про-* может образовывать глаголы для аористивной функции (*пролистал книгу и заметил ...; проехал еще остановку и вышел*) и для перфективной (*проглядеть, прошляпнуть, проворонить*).

Таким образом, в семантико-грамматическом описании глагольной лексики категория вида, понятая в функционально-текстовом ключе, интерпретируется как трехмерная, соединяющая онтологическую семантику (семантический тип предиката), морфологию и синтаксис (на уровне предложения и текста).

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко, А. В. (ред.) (1987) Теория функциональной грамматики: Введение. Актуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 348 с.

Горбова, Е. В. (2017) Грамматическая категория аспекта и контекст (на материале испанского и русского языков). СПб: Изд-во СПбГУ, 420 с.

Золотова, Г. А. (2002) Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. 2002, № 3. С. 8–29.

Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., Сидорова, М. Ю. (2004) Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, 544 с.

Храковский, В.С (ред.) (2009) Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 906 с.

REFERENCES

Bondarko, A. V. (red.) (1987) *Teorija funkcional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis [A theory of functional grammar: an Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis]*. Leningrad: Nauka, 348 p. (In Russian)

Gorbova, E. V. (2017) *Grammaticheskaja kategorija aspekta i kontekst (na materiale ispanskogo i russkogo jazykov) [The grammatical category of aspect and the context (based on the material of Spanish and Russian languages)]*. St.Petersburg: SPbGU publishing House, 420 p. (In Russian)

Zolotova, G. A. (2002) Kategorii vremeni i vida s tochki zreniya teksta [Categories of tense and aspect from the point of view of text]. *Voprosy iazykoznanija [Topics in the study of language]*. 3, 8–29. (In Russian)

Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M.Yu. (2004) *Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka [A communicative grammar of the Russian language]*. Moscow: Russian language Institute of the Russian Academy of Sciences, 544 p. (In Russian)

Xrakovskij, V.S (red.) (2009) *Tipologija taksisnyh konstrukcij [Typology of taxis structures]*. Moscow: Znack, 906 p. (In Russian).

Надежда Константиновна Онипенко

кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Юридический адрес: 119019, Москва, Гоголевский б-р, дом 2/18/1, строение 1,3

e-mail: onipenko_n@mail.ru, тел.: +7(903)748-34-53

Ольга Сергеевна Биккулова

Аспирант

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Юридический адрес: 119019, Москва, Гоголевский б-р, дом 2/18/1, строение 1,3

e-mail: olga.bikkulova@gmail.com, тел.: +7(905)704-55-93

Nadezhda Konstantinovna Onipenko

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher

Federal State Budgetary Institution of Science Institute

of the Russian Language V. V. Vinogradova RAS

Legal address of the organization (119019, Moscow, Gogolevskiy blvd, 2/18/1, building 1,3).

E-mail: onipenko_n@mail.ru; phone number: +7(903)748-34-53

Olga Sergeevna Bikkulova

Graduate student

Federal State Budgetary Institution of Science Institute

of the Russian Language V. V. Vinogradova RAS

Legal address: 119019, Moscow, Gogolevsky blvd, house 2/18/1, building 1.3

e-mail: olga.bikkulova@gmail.com, tel .: +7 (905) 704-55-93

**К проблеме соотношения вида и таксиса
(деепричастие в «Семантико-грамматическом словаре
русских глаголов»)⁷⁵**

Аннотация. Статья посвящена исследовательским результатам работы над «Семантико-грамматическим словарем русских глаголов», который является словарем активного типа и содержит морфологическую, синтаксическую и функционально-текстовую информацию о лексико-семантических группах глаголов. Единица словарного описания — глагольная синтаксема, в том числе деепричастная. Разработана система грамматических параме-

⁷⁵ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00263).

тров, по которым доказывается грамматическая значимость той или иной семантической группы глаголов, что составляет объяснительную направленность данного словаря. Предметом обсуждения в настоящей статье являются таксисные значения деепричастий от глаголов разной лексико-семантической принадлежности. Предъявляются результаты статистических исследований употребляемости деепричастных форм (по ресурсу НКРЯ с 1970 по 2019 г.). Устанавливается связь между текстовыми функциями видо-временных форм (аористив, перфектив, имперфектив), семантикой глагольных лексем, соединенных в лексико-семантические разряды, и временными (таксисными) значениями деепричастий (деепричастными синтаксемами). С учетом деления глаголов на изосемические (акциональные) и неизосемические (стативные, релятивные, каузативные и др.) рассматриваются различия в функционально-текстовых возможностях деепричастий, то есть возможностях их употребления в повествовательных и описательных разновидностях репродуктивного и информативного регистров речи. Особое внимание уделяется деепричастиям в системе форм неизосемических разрядов глаголов (каузативно-эмотивных, эмотивных, интерпретационных, со значением изменения положения в пространстве). Термины аористив, перфектив, имперфектив используются для интерпретации функций деепричастных синтаксем в разных текстовых условиях. Семантика деепричастий рассматривается с учетом синонимических связей деепричастий с именными (субстантивными и адъективными), наречными и причастными зависимыми (таксисными) предикатами. В статье делается вывод о том, что частотность конвербов, характерная для определенных групп неизосемических глаголов, и набор текстовых функций этих конвербов обусловлены семантической близостью этих глаголов к изосемическим неглагольным предикатам.

Ключевые слова: деепричастие, конверб, синтаксис, вид глагола, таксис, коммуникативный регистр, словарь.

On the problem of the correlation of aspect and taxis (Converbs in the «Semantic-grammatical dictionary of Russian verbs»)

Summary. The article is devoted to the research results of the work on the “Semantic-grammatical dictionary of Russian verbs”, which is an active type dictionary and contains morphological, syntactic, and functional-text information about lexical-semantic groups of verbs. The unit of the dictionary description is the verb syntaxeme, including the adverbial part. We have developed a system of grammatical parameters that proves the grammatical significance of a particular semantic group of verbs, which is the explanatory direction of this diction-

ary. The subject of discussion in this article is the taxic meanings of adverbs from verbs of different lexical and semantic affiliation. The results of statistical studies of the use of adverbial forms (according to the National corpus of the Russian language resource 1970 to 2019) are presented. The connection is established between the textual functions of aspect forms (aoristic, perfective, imperfective), the semantics of verbal lexemes connected in lexical-semantic categories, and the temporal (taxic) values of adverbs (adverbial syntaxemes). Taking into account the division of verbs into actional and nonactional (stative, relative, causative, etc.) we discuss the differences in functional text features of gerunds, that is, the possibilities of their use in narrative and descriptive forms of reproductive and informative registers of speech. Special attention is paid to adverbial participles in the system of forms of non-isodemic categories of verbs (causative-emotive, emotive, interpretative, being-locative). The terms aoristic, perfective, and imperfective are used to interpret the functions of adverbial syntaxemes in different text conditions. The semantics of adverbs is considered taking into account the synonymous relations of adverbs with nominal (substantive and adjectival), adverbial and participial dependent (taxic) predicates. The article concludes that the frequency of conversions characteristic of certain groups of non-isodemic verbs and the set of textual functions of these conversions are due to the semantic proximity of these verbs to isodemic nominal predicates.

Key words: participle, converb, syntax, verb, aspect, taxis, communicative register, dictionary.

Работа посвящена роли деепричастий в семантико-грамматическом описании русского глагола, то есть месту деепричастий в словарных статьях «Семантико-грамматического словаря русских глаголов», над которым ведется работа в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Материалом для Словаря стали тексты из НКРЯ, время написания которых ограничивается последними 50-ю годами — с 1970 г. по 2019 г. В результате количественных исследований глагольных предложений с разной типовой семантикой стал очевидным тот факт, что для одних семантических групп глаголов характерна значительная частотность деепричастий, а для других — незначительная или их полное отсутствие. Кроме того, количественные исследования показали зависимость частности деепричастий от вида глагола. Так обнаружили три составляющие проблемы: глагольный вид, семантика предиката и деепричастие. Отношение категории вида к семантике предиката применительно к русскому глаголу начало обсуждаться после статей Ю. С. Маслова (1948 г.) и З. Вендлера (1967 г.), например, в работах (Авилова 1976; Булы-

гина 1982; Падучева 1996; 2004 и др.). Отношение вида и таксиса также известная проблема. Для русского языка таксис понимается как одна из функций глагольного вида (Якобсон (1957) 1972; Маслов 1978; Бондарко 1987; Плунгян 2003; Храковский 2009). Деепричастие и таксис — два понятия, очень тесно связанные: деепричастие квалифицируется как основная форма «зависимого таксиса» (Якобсон 1972) и как форма, принадлежащая ядру поля таксиса (Бондарко 1987). Синтаксическая сущность деепричастного таксиса обнаруживается в «противопоставлении второстепенного действия главному» (Маслов 1983, 42), что в традиционной русской грамматике обозначается терминами «второстепенное действие» (Грамматика русского языка, т. 1, 1952, 523), «предидирующее обстоятельство» (Овсяннико-Куликовский 1912, 78), «придаточное сказуемое» (Шахматов 1941, 229). Какую роль в этой синтаксической зависимости играет вид и семантика глагола — обсуждают авторы коллективной монографии «Типология таксисных конструкций» (Храковский 2009).

Но как связаны деепричастие и семантика глагола? И на что в семантике глагола указывает большая или малая частотность деепричастий?

Деепричастие в предложении выполняет функцию зависимого сказуемого (таксисного предиката). При этом точкой отсчета для предикативных категорий зависимого сказуемого является основное сказуемое, с которым деепричастие должно совпадать по субъекту, но может совпадать или не совпадать по времени, что выражается видом деепричастия. Стандартная ситуация такова: деепричастия НСВ выражают одновременность, деепричастия СВ — разновременность (предшествование или следование).

В деепричастии, в отличие от финитных форм, категория вида остается один на один с семантикой глагола, не взаимодействуя ни с какими другими глагольными категориями, и выражает членимость времени действия и времени восприятия при разновременности минимум двух событий (СВ) и нечленимость этих временных осей при одновременности положений дел (НСВ). Именно деепричастие позволяет соединить таксис и модусную сущность вида: способность СВ членить время восприятия (заполнять его несколькими событиями) и способность НСВ заполнять время восприятия целиком.

Категория вида в русской языковой системе оказалась основой семантической классификации глаголов в разных лингвистических работах. За разными терминами — «семантический тип предиката» (Булыгина 1982), «лексико-семантическая группа» (Бабенко 1997); «таксономическая категория и таксономический класс» (Падучева

2004); «семантический класс/подкласс» (Апресян 2006); «тип акциональности» (Татевосов 2016), «акциональный класс» (Горбова 2017)⁷⁶ — скрывается одна и та же сущность — встроенность глагольного вида в языковую картину мира, в ее событийно-динамическую составляющую.

Любая семантическая классификация предикатов предполагает взаимодействие лексической семантики и грамматики, то есть проекцию на формообразование и установление семантических вариантов каждого из трех времен (актуально-длительное, хабикулярное, профетическое, процессное, и др.). Возможность/невозможность личных форм в изъявительном и повелительном наклонении учитывается в связи с такой семантической характеристикой, как агентивность глагола, то есть наличие агенса и контролируемости действия. Что касается деепричастий, то их употребление также связано (1) на уровне предложения — с агентивностью субъекта, с акциональностью (динамикой) положения дел и наличием контроля), категорией вида и семантикой основного предиката, (2) на уровне текста — с коммуникативным регистром речи и субъектной перспективой высказывания.

Рассмотрим связь частотности деепричастий с семантикой глагола. Исследование показало, что в парадигме акциональных глаголов (глаголов, обозначающих динамические положения дел, контролируемые волей агентивного субъекта) деепричастия составляют в среднем около 2% от общего количества форм. При этом соотношение между деепричастиями СВ и НСВ для акциональных глаголов примерно равное. Однако количество употреблений деепричастий НСВ в два раза больше, чем количество употреблений деепричастий СВ. Так, в подкорпусе со снятой омонимией деепричастия СВ дают 6708 вхождений, а деепричастия НСВ — 13601. Отсюда следует вывод, что преобладание деепричастий НСВ образуется за счет глаголов неакциональных. См., например, соотношение деепричастий *прибежав* (38 вхожд.) и *прибегая* (295), которое объясняется омонимией глагола движения (*прибежать* — *прибегать*) и неполнозначенательного глагола (*прибегнуть к помощи* — *прибегать*); или другое соотношение — *свидетельствуя* (63) и *засвидетельствовав* (2), *освидетельствовав* (1), в котором количественное преобладание НСВ связано с тем, что (1) глагол *свидетельствовать* двувидовой; (2) с семантикой НСВ связано неакциональное значение, в то время

⁷⁶ В «Семантико-грамматическом словаре» термин *акциональность* используется для характеристики изосемических глаголов, обозначающих контролируемое личным субъектом действие.

как приставочные глаголы СВ всегда акциональны (*засвидетельствовав, освидетельствовав*).

Показательны в этом отношении эмотивные глаголы (эмотивно-каузативные и эмотивно-возвратные). Глаголы каузации эмоционального состояния, хотя и являются переходными, но не относятся к разряду акциональных, т. е. не являются изосемическими, поскольку они

(1) не являются глаголами констатации, не обозначают конкретного (наблюдаемого) действия; не выражают динамики;

(2) каузация эмоции, как правило, является ненамеренной, т. е. неконтролируемой с позиции первого субъекта (каузатора); каузированная эмоция в большей степени зависит от субъекта эмоциональной реакции, чем от субъекта-каузатора;

(3) глаголы этой группы семантически мотивированы именными корнями (субстантивными и адъективными), обозначающими состояние;

(4) каузативные эмотивы толкуются через возвратный глагол (*злить* — делать так, чтобы *злился*);

(5) возвратные глаголы, производные от каузативных эмотивов (*радовать* — *радоваться*, *удивлять* — *удивляться*, *злить* — *злиться*, *тревожить* — *тревожиться*), не выражают страдательности;

(6) видовое противопоставление в этой группе глаголов может осуществляться как за счет суффиксов (*удивить* — *удивлять*, *возмутить* — *возмущать*, *поразить* — *поражать*), так и за счет приставок (*радовать* — *обрадовать*, *бесить* — *взбесить*, *гневить* — *прогневить*). При этом СВ имеет значение не аористива, а перфектива, это означает, что глаголы СВ обозначают не результат, а начальную фазу эмоционального состояния.

В силу синонимических отношений между эмотивно-каузативными и эмотивно-рефлексивными синтаксическими конструкциями парадигматические возможности каузативных глаголов оказываются соотношенными с парадигматическими возможностями возвратных глаголов: это касается не только личных форм глагола, но и деепричастий. Из четырех деепричастий (от переходных глаголов СВ и НСВ и от возвратных глаголов СВ и НСВ) наибольшую частотность показывают деепричастия эмотивно-рефлексивные НСВ (*волнуясь, беспокоясь, радуясь, злясь, смущаясь*), на второй строчке эмотивно-рефлексивные глаголы СВ, ниже — каузативные эмотивы НСВ, и наконец — каузативы СВ. См., например, количество вхождений для деепричастий от глагола *злить* и его производных:

Злясь (103)

Разозлившись (83) / *разозлясь* (5)

Разозлив (3)

Зля (1).

От глагола *радовать*:

Радуясь (707)

Обрадовавшись (107) / *Порадовавшись* (22)

Радуя (57)

Обрадовал (4) / *Порадовал* (5)

От глагола *смущать*:

Смущаясь (407)

Смутившись (207)

Смущая (27)

Смутив (9)

При сравнении частотности употребления деепричастий с частотностью причастий оказывается, что для выражения вторичной предикативности выбирается не причастие, а деепричастие. Такой выбор указывает на временную семантику предикатов состояния (на их прикрепленность ко времени) и причинно-следственную связь с другим событием в той же временной плоскости.

Сравнение с субстантивными эмотивными синтаксемами показало, что частотность деепричастий от возвратно-эмотивных глаголов сближается с частотностью именных синтаксем «С+ Тв. пад.» (*радуясь* = с радостью; *печальюсь* = с печалью; *волнуюсь* = с волнением): *радуясь* (707) — с радостью (1380). Число вхождений деепричастия *радуясь* составляет 9% от общего числа вхождений глагола *радоваться*, число вхождений синтаксемы с радостью составляет около 8% от общего количества употреблений слова *радость*.

Деепричастие НСВ выражает одновременность данного положения дел по отношению к положению дел, выраженному основным предикатом:

В начале XX века, удивляя наших дедов и прадедов, парили над просторами русской равнины огромные железные птицы — четырехмоторные аэропланы «Русский витязь» и «Илья Муромец». [Олег Мраморнов. «Закон притяжения масс открывает закон добра и любви» // «Наука и религия», 2008]; Статуя будет просто тихо стоять, радуя людские взоры своим совершенством. [Борис Руденко. «Рабочий и колхозница». Возвращение // «Наука и жизнь», 2009]; Летом вся эта свора бродила возле склада, пугая прохожих, а зимой псам больше нравилось лежать на тёплой, преющей картошке. [Юрий Коваль. Картофельная собака (1972)] = Аэропланы летали и при этом удивляли людей; Псы бродили и тем самым пугали прохожих. Деепричастия каузативных эмотивов НСВ обозначают эмоциональную

реакцию личного субъекта, которая имеет место в том же временном фрагменте, что и каузирующее положение дел. Этот таксисный вариант вполне соответствует каноническому.

С деепричастиями каузативных эмотивов СВ ситуация сложнее. Если акциональные глаголы СВ (например, глаголы перемещения или изменения положения в пространстве) выражают предшествование или следование по отношению к основному сказуемому (*Подойдя к окну, она поймала муху и зажала её в правом кулачке*. [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)] — предшествование; *Санитар вздохнул, устало потер переносицу и неспешно вышел из палаты, на засов **закрыв** за собой дверь*. [Антон Ветров. Возвращение домой // «Сибирские огни», 2013] — следование), то постпозитивные деепричастия каузативных эмотивов СВ не обозначают следования: *...невестка, под маловразумительным предлогом, покинула милый семейный сабантуйчик, насмерть **обидев** этим сватов, кумовьев и прочих*. [Марина Палей. Ланч (1999)]; *Огромная, как вагон, машина резко затормозила рядом с ними, **испугав** старуху попрошайку...* [Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен (1998)] = *Невестка ушла и (тем самым) **обидела**; Машина затормозила и при этом **испугала*** — каузативные эмотивы не обозначают того, что второе положение дел начинается после завершения первого. Эмоциональная реакция начинается тогда же, когда осуществляется первое событие, а результат может сохраняться и до момента речи. См. примеры с деепричастием *пленив*: *...христианский философ Юстин устроил в Риме публичный диспут с эллинистами и вышел победителем, **пленив** умы и души многих просвещённых римлян*. [Сергей Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180 // «Знание — сила», 2003]; *Уже на другой день Коки произвел фурор в гостиной инженерши, **пленив** заодно ее подругу, фрейлину двора Ирину Алексеевну Васильеву*. [Гавриил Петросян. Рассказы о Камо (1977)]. Деепричастие СВ с эмотивно-каузативной семантикой обозначает эмоциональную реакцию, которая возникала во времени параллельно с временем основного предиката. При этом семантика деепричастия перфектна, это означает, что эмоциональное состояние длится дольше, чем то событие, которое вызвало эту реакцию.

Постпозитивные деепричастия СВ с каузативно-эмотивной семантикой могут выражать оценку и интерпретацию факта с точки зрения говорящего, на что указывает употребление местоименной конструкции *тем самым*; ср. примеры: (1) *Не добившись справедливости у Юстиниана, прасины демонстративно покинули ипподром, **тем самым оскорбив** и императора, и венетов*. (Интернет-ре-

сурсе); (2) *Внук Пугачевой причислил Николая Баскова к «тупой по-се», тем самым оскорбив и свою родню.* Пример (1) представляет собой каузативную конструкцию, в которой деепричастие выражает следствие целенаправленной деятельности (*прасины оскорбили Юстиниана своим демонстративным уходом*) — и уход (прасинов), и эмоциональное состояние (императора) являются фактами; в примере (2) деепричастие выражает мнение говорящего, т. е. интерпретацию говорящим действий каузирующего субъекта: слова внука — факт, а реакция бабушки — лишь предположение говорящего. В примере (1) оценка действия становится непосредственной причиной эмоционального состояния второго субъекта; в примере (2) субъектом оценки является говорящий (пишущий интерпретатор).

Деепричастные обороты с глаголами каузативно-эмотивной семантики могут быть связаны с точкой зрения наблюдателя: *Подсвечник воцарился на столе, **пленья** завершенностью ансамбля* (И. Бродский). Отсутствие в деепричастном обороте указания на субъекта состояния (того, кому принадлежит глаз или слух) прочитывается в связи с Я говорящего — либо определенно-лично, либо обобщенно-лично.

Деепричастия каузативно-эмотивной семантики создают трудности при построении грамматически корректных высказываний, как по линии категорий вида и времени, так и по линии кореферентности, соотнесенности субъекта основной и зависимой предикаций; см. некорректные (ошибочные) предложения с деепричастиями:

(1) *А вот часовня была выстроена ими весьма скоро, **радуя** взоры всех приезжавших в Хан-Тюбе.* [Дмитрий Сень. Дщерь Петрова и «ахреяне» // «Родина», 2009]; (2) *Закаленное стекло толщиной 6–8 мм — очень прочный и эстетичный материал, способный без труда сохранить внешний вид душевой кабины на долгие годы, **радуя** ощущением чистоты и комфорта.* [Minimum=maximum // «Мир & Дом. City», 2003.06.15]; (3) *Игорю Николаевичу почему-то сразу вспомнилось похожее движение молоденькой кобылки из конюшни Михалкина, но не в оскорбительном, унижающем жену сравнении, а приятно **удивив** искренностью порыва.* [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)]. В примере (1) деепричастие НСВ употребляется при страдательном причастии СВ; в примере (2) непонятно, что является каузатором и кому принадлежит ощущение; в примере (3) непонятно, кому принадлежит «искренность порыва».

Еще один класс глаголов, для которых деепричастия показывают значительную частотность по отношению к формам изъявительного

наклонения, — это глаголы с семантикой изменения положения в пространстве (позы): *облокотиться* (*облокачиваться*), *опереться* (*опираться*), *склониться* (*склоняться*), *повернуться* (*поворачиваться*), *обернуться* (*оборачиваться*), *согнуться* (*сгибаться*), *выпрямиться* (*выпрямляться*). В условиях репродуктивного регистра речи деепричастия СВ могут обозначать динамику (в репродуктивно-повествовательном фрагменте), то есть выполнять аористивную функцию (быть синонимом финитной формы при «независимом таксисе»), и обозначать статику (в репродуктивно-описательном фрагменте), то есть выполнять перфективную функцию.

Сопоставление частотности показывает, что «зависимый таксис», представленный формами деепричастий, так же востребован, как и «независимый». Например, для глаголов *облокотиться/облокачиваться* деепричастия частотнее форм изъявительного наклонения (прош. вр. для СВ и прош. и наст. вр. для НСВ):

Облокотившись (162), *облокотясь* (54) — *облокотился/-лась/-лись* (116)

Деепричастие НСВ *облокачиваясь* дает 7 вхождений, в то время как изъявительное наклонение (все формы прош. и наст. вр.) — 15 вхождений.

Деепричастие глагола *опереться* (*опершись*) в полтора раза частотнее, чем финитные формы прошедшего времени (отношение: 413 к 280). Деепричастие НСВ *опираясь* частотнее деепричастия СВ, но за счет наследования от глагола *опираться* неакционального переносного значения («основываться на чем-л»). Значение изменения положения в пространстве составляет 30% от общего числа вхождений (от 1704).

Глагол *обернуться* так же демонстрирует равенство между «зависимым» и «независимым» таксисом: *обернувшись* (610) — *обернулся/-лась/-лись/-лось* (807). При этом финитная форма допускает многозначность, а деепричастие ее ограничивает.

Подводя предварительные итоги, отметим, что деепричастие позволяет уточнить функционально-семантическую предназначенность глаголов: их способность выражать основную или фоновую информацию, способность сохранять или не сохранять акциональность глагола и его связь с тем или иным типом модуса в определенных текстовых условиях. Сравнительное исследование каузативных и возвратных глаголов, глагольных и именных предикатов дает возможность увидеть распределение финитных и нефинитных форм между разными моделями предложения, интерпретировать парадигматические возможности глаголов разных семантических групп.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян, Ю. Д. (2006) Фундаментальная классификация предикатов. В кн.: Апресян Ю. Д. (ред.) Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, с. 75–110.

Авилова, Н. С. (1976) Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 328 с.

Бабенко, Л. Г. (ред.) (1997) Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Э. В. Кузнецовой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 520 с.

Бондарко, А. В. (ред.) (1987) Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 348 с.

Булыгина, Т. В. (1982) К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, с. 7–85.

Горбова, Е. В. (2017) Грамматическая категория аспекта и контекст (на материале испанского и русского языков). СПб: Изд-во СПбГУ, 420 с.

Грамматика русского языка (1952). Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 720 с.

Маслов, Ю. С. (1978) К основаниям сопоставительной аспектологии. В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии. В. 1. Л.: Наука, с. 4–44

Маслов, Ю. С. (1983) Глава 2. Результатив, перфект и глагольный вид. В кн.: В. П. Неद्याлков (ред.) Типология результативных конструкций. Л.: Наука, с. 41–54.

Падучева, Е. В. (1996) Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 464 с.

Падучева, Е. В. (2004) Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК, 607 с.

Плунгян, В. А. (2003) Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Эдиторал УРСС. 383 с.

Татевосов, С. Г. (2016) Глагольные классы и типология акциональности. М.: ЯСК, 564 с.

Храковский, В. С. (ред.) (2009) Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 906 с.

Шахматов, А. А. (1941) Синтаксис русского языка. Л.: УЧПЕДГИЗ, 620 с.

Овсяннико-Куликовский, Д. Н. (1912) Синтаксис русского языка. Изд 2-е. СПб.: Издание Л. Н. Овсяннико-Куликовской. 322 с.

Якобсон, Р. О. (1972) Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, с. 95–113.

REFERENCES

Apresyan, Yu.D. (2006) Fundamental'naja klassifikacija predikatov. In: Yu.D. Apresyan (ed.) *Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija [Language picture of the world and systematic lexicography]*. Moscow: Jazyki slavianskoj kul'tury, 75–110 (In Russian).

Avilova, N. S. (1976) *Vid glagola i semantika glagol'nogo slova [Verbal aspect and the semantics of a verb]*. Moscow: Nauka, 328 p. (In Russian).

Babenko, L. G. (ed.) (1997) *Russkaja glagol'naja leksika: peresekaemost' paradig. Pamiati E. V. Kuznetsovoj [Russian verbal lexicon: intersectability of*

paradigms. In Memory of E. V. Kuznetsova]. Ekaterinburg: Ural University press, 520 p. (In Russian).

Bondarko, A. V. (ed.) (1987) *Teorija funkcional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis [A theory of functional grammar: An introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis]*. Leningrad: Nauka, 348 p. (In Russian)

Bulygina, T. V. (1982) K postroeniyu tipologii predikatov v russkom jazyke [To construct the predicate typology in the Russian language]. In: *Semanticheskie tipy predikatov [Semantic types of predicates]*. Moscow: Nauka, 7–85. (In Russian).

Gorbova, E. V. (2017) *Grammaticheskaja kategoriya aspekta i kontekst (na materiale ispanskogo i russkogo jazykov) [The grammatical category of aspect and the context (based on the material of Spanish and Russian languages)]*. St.Petersburg: SPbGU Publishing House, 420 p. (In Russian)

Grammatika russkogo jazyka [Grammar of the Russian Language] (1952). V. 1. Fonetika i morfolozija [Phonetics and Morphology]. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 720 p. (In Russian).

Jakobson, R. O. (1972) Shiftery, glagol'nye kategorii i russkij glagol [Shifters, verbal categories and the Russian verb]. In: *Principy tipologicheskogo analiza jazykov razlichnogo stroja [Principles of typological analysis of languages of various systems]*. Moscow: Nauka, 95–113 (In Russian).

Maslov, Yu.S. (1978) K osnovaniyam sopostavitel'noj aspektologii [On the foundations of comparative Aspectology]. In: *Voprosy sopostavitel'noj aspektologii [Questions of the Comparative Aspectology]*. Vol. 1. Leningrad: Nauka, 4–44 (In Russian).

Maslov, Yu.S. (1983) Rezul'tativ, perfekt i glagol'nyj vid [Resultative, perfect and the verbal aspect]. In: V. P. Nedialkov (ed.) *Tipologija rezul'tativnyx konstrukcij [Typology of resultative constructions]*. Leningrad: Nauka, 41–54 (In Russian).

Ovsjaniko-Kulikovskij, D. N. (1912) *Sintaksis russkogo jazyka [Syntax of the Russian language]*. 2nd ed. Saint Petersburg: Edition of L. N. Ovsjaniko-Kulikovskaya. 322 p. (In Russian).

Paduceva, E. V. (1996) *Semanticheskie issledovanija: Semantika vremeni i vida v russkom jazyke. Semantika narrativa [Semantics examinations: Semantics of the tense and aspect in the Russian language; Semantics of narrative]*. Moscow: Languages of Russian culture, 464 p. (In Russian).

Paduceva, E. V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic models in lexical semantics]*. Moscow: Languages of Russian culture, 607 p. (In Russian).

Plungyan, V. A. (2003) *Obshchaja morfolozija: Vvedenie v problematiku [General morphology: An introduction to problems]*. Moscow: Editorial URSS. 383 p. (In Russian).

Shakhmatov, A. A. (1941) *Sintaksis russkogo jazyka [A syntax of the Russian language]*. Leningrad: UChPEDGIZ, 620 p. (In Russian).

Tatevosov, S. G. (2016) *Glagol'nye klassy i tipologija akcional'nosti [Verbal classes and a typology of the actionality]*. Moscow: Languages of Slavic culture, 564 p. (In Russian).

Xrakovskij, V.S (ed.) (2009) *Tipologija taksisnyh konstrukcij [Typology of taxis structures]*. Moscow: Znak, 906 p. (In Russian).

Искра Пановска-Димкова

доктор на филолошки науки, редовен професор
Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ — Скопје,
Филолошки факултет „Блаже Конески“

бул. Крсте Мисирков бб, 1000 Скопје, Република Северна Македонија
ipdimkova@gmail.com

Iskra Panovska-Dimkova

PhD, Full Professor

“Ss. Cyril and Methodius” University — Skopje,
“Blazhe Koneski” Faculty of Philology

bul. Krste Misirkov bb, 1000 Skopje, Republic of North Macedonia

**Идното време како замена за загубениот перфективен
презент во македонскиот јазик**

Анстракт: Во трудот се разгледуваат спецификите на употребата на идното време, особено од свршени глаголи, во македонскиот јазик за изразување вообичаени дејства. Идното време од свршени глаголи често се користи за изразување хабитуалност во македонскиот јазик, а се разликува од другите хабитуални форми поради тоа што бара низа од најмалку два настана: *Ќе седне, ќе го отвори весникот и ќе го прочита од почеток до крај.* Честата употреба на хабитуалното идно време во македонскиот јазик се должи на фактот што свршените глаголски форми се блокирани во сегашно време, односно не можат да се употребат самостојно. Едно од значењата на перфективниот презент во словенските јазици е токму изразувањето вообичаеност, а недостигот на таа форма во македонскиот јазик се надоместува со зачестената употреба на идното време од перфективни глаголи. Ексерцираните примери укажуваат дека српскиот перфективен презент, на пример, во македонскиот јазик главно се преведува со идно време од перфективи (српски: *Zagreje se, zaraduje. Sva se unese i posao.* — македонски: *Ќе се затопли, зарадува. Сета ќе се внесе во работата*). Сметаме дека вака употребеното идно време во македонскиот јазик претставува видска категорија, а не темпорална форма и затоа го нарекуваме хабитуално идно време. Доказ за тоа е и фактот што формите на ова време се многу често проследени од форми во презент, што значи има обретен редослед на времињата во реченицата: (1) идно време, па (2) сегашно време: *Кога ќе заврши со работа, задолжително поминува на кафе.*

Клучни зборови: глаголски вид, хабитуалност, македонски јазик, хаби-туално идно време, перфективен презент.

The Future Tense as a Replacement for the Lost Perfective Present in the Macedonian Language

Summary: The paper examines the specifics in the Macedonian language of the use of the future tense, especially when derived from perfectives, to express habitual actions. In the Macedonian language, the future tense of perfectives is frequently used to express habitualness and differs from the other habitual forms in that it requests a sequence of at least two events: *Kje sedne, kje go otvori vesnikot i kje go pročita od početok do kraj*. The frequent use of the habitual future tense in Macedonian is due to the fact that the perfectives are blocked in the present tense, i. e. that they cannot be used independently. Namely, one of the meanings of the perfective present in the Slavic languages is precisely the expression of habitualness and the absence of this form in Macedonian is compensated through the rather frequent use of the future tense of perfectives. The excerpted examples indicate the Serbian perfective present, for instance, is translated into Macedonian by the use of the future tense of perfectives (Serbian: *Zagreje se, zaraduje. Sva se unese u posao.* — Macedonian: *Kje se zatopli. zaraduva. Seta kje se vnese vo rabotata*). We consider the future tense used in this manner in Macedonian to be an aspectual category rather than a temporal form and thus we use for it the term habitual future tense. A further evidence for this is also the fact that the forms of this tense are quite frequently followed by forms in the present tense, which means that there is a reversed order of the tenses in a sentence (1) future tense, followed by (2) present tense: *Koga kje zavrshi so rabota, zadolzhitelno pomnuva na kafe*.

Key words: aspect, habitualness, Macedonian language, habitual future tense, perfective present.

Будущее время как замена утраченного перфективного презенса в македонском языке

Анотация. В данной статье рассматривается специфика функционирования в македонском языке будущего времени для обозначения хаби-туальных ситуаций, в первую очередь, форм будущего времени перфективных глаголов. Отперфективное будущее в македонском языке частотно для обозначения хаби-туальности и отличается от других форм с хаби-туальной семантикой тем, что нуждается в ряде (последовательности) из, как минимум, двух событий: *Ke sedne, ke go otvori vesnikot i ke go pročita od početok do kraj*. Частотность использования хаби-туального будущего в македонском языке обусловлена тем обстоятельством, что перфективные формы забло-

кированы в настоящем времени, т. е. они не могут быть употреблены изолированно. Хабитуальность является одним из значений перфективного презенса в славянских языках, и отсутствие этой формы в македонском компенсируется повышенной частотностью использования перфективного будущего. Извлеченные (автором из материала) примеры показывают, что сербский перфективный презенс с наибольшей частотностью переводится на македонский язык формами перфективного будущего (сербский: *Zagreje se, zaraduje. Sva se unese u posao*; — македонский: *Ќе се затопли, зарадува. Сета ќе се внесе во работата*). Мы считаем, что подобное использование будущего времени в македонском языке представляет собой аспектуальную категорию, а не исключительно форму времени, и, следовательно, принимаем для нее терминологическое наименование будущее хабитуальное. Дополнительным аргументом в пользу принятого решения является тот факт, что после данных форм достаточно частотны формы настоящего времени, т. е. используется обратный порядок временных форм в предложении — (1) будущее время, за которым следует (2) настоящее время: *Koga ќе заврši so rabota, zadolžitelno pomинува na kafe*.

Ключевые слова: глагольный вид, хабитуальность, македонский язык, будущее хабитуальное, перфективный презенс.

Временските форми на глаголот може самите да имаат повторливо значење, да одат со повторлива прилошка определба или да бидат еднозначно специјализирани за изразување повторливост (Храковский 1989, 43). Глаголските *ќе*-конструкции во македонскиот јазик се испитувани во рамките на глаголските времиња, со назначување дека едно од нивните значења е значењето на повторливост на дејството или итеративно-хабитуалната употреба (Kramer 1997, Князев 1989, Барентсен 2014). Во глаголски *ќе*-конструкции во македонскиот јазик спаѓаат формите на идното време, минато-идното време и идното прекажано време, а во овој труд *ќе* се задржиме на идното време како едно од изразните средства на хабитуалноста во македонскиот јазик, кое го нарекуваме хабитуално идно време (Пановска-Димкова 2011).

1. Развивањето на хабитуално значење на идното време во македонскиот јазик се должи пред сè на губењето на перфективниот презент во македонскиот јазик (Конески 1987, 489), кој претставува изразно средство на хабитуалноста во сите други словенски јазици (Ivić 1983, Храковский 1989). Во македонскиот јазик перфективна глаголска форма воопшто не може самостојно да се употреби во сегашно време, па ниту за изразување хабитуалност (Конески 1987, 412, Барентсен 2014, 47). Перфективните глаголи може да се менуваат во сегашно време, но секогаш придружени со определени сврзници во рамките на зависната реченица (*да дојдам, ако успеам*,

итом станам, дури не се стемни, додека не излезе и др.) или во составот на идното време придружени од честицата *ке* (*ке проше-там*), па поради нивната несамостојност овие форми се нарекуваат уште и „блокирани форми”.

Според Б. Конески, перфективниот презент во македонскиот јазик се загубил поради изедначувањето на презентските, императивните и аористните форми кај некои глаголи, што, пак, се случило кога дошло до поместување на акцентот и негово фиксирање на третиот слог (Конески 1987, 420). Така, во западномакедонското наречје дошло до хомонимија меѓу презентот, аористот и императивот, особено кај глаголите од *и*-група: *'отвори*: сегашно време 3 л. едн., аорист 3 л. едн., императив 2 л. едн.. Во источномакедонските говори, каде што акцентот е слободен, овие глаголи гласат: *отв'ори* — сегашно време 3 л. едн., *отвор'и* — аорист 3 л. едн. и *'отвори* — императив 2 л. едн. Некои говори од источното македонско наречје во однос на хабитуалниот презент од перфективни глаголи се доближуваат до словенските јазици, па можни се примери како (1) и (2) од кочанскиот говор:

- (1) *Он секојпат дојде, напие се нешто и си оде.*
- (2) *Некојпат почне да плаче без причина.*

Ваквите примери во кочанскиот говор се сепак поретки од пообичното идно време во овој контекст:

- (3) *Он секојпат **ке** дојде, **ке** се напие нешто.*

За непостоењето на перфективниот презент во стандардниот македонски јазик Ивиќ вели: “Treba posebno istaći: od svih se slovenskih jezika makedonski izdvaja originalnošću gramatičkih rešenja koja primenjuje osposobljavajući glagole perfektivnog vida za signalizovanje razlika u vremenu pod datim nereferencijalnim okolnostima” (Ivić 1983, 49). Така, според Ивиќ, за укажување на дејство што се повторува, во македонскиот јазик постојат две граматички решенија: аналитичко и синтетичко, достапни и на свршените и на несвршените глаголи. Аналитичкото решение подразбира информирање за времето со посебна јазична единица: *чини*, а лексичката информација за дејството е искажана со формата на императивот (*тој чини: дојди, наполни ја торбата...*). Синтетичкото решение се сведува на употребата на футурските форми, како за сегашност (*тој ќе дојде, ќе ја наполни торбата...*), така и за минатост (*тој ќе дојдеше, ќе ја наполние торбата...*). Како особено интересен факт, Ивиќ ја нагласува употребата на перфективниот футур во македонскиот јазик за означување на повторливост во сегашноста, додека за планот на

иднината, според неа, се користи футур од несвршени глаголи (*тој ќе доаѓа, ќе ја полни торбата...*) (Ivić 1982).

За употребата на перфективните глаголи во презент во македонскиот јазик, придружени со честицата *ќе* за изразување обични повторливи дејства пишува и Р. Ускова, каде што македонскиот пример со идно хабитуално време го преведува со перфективен презент во рускиот еквивалент (Ускова 1977, 363):

- (4) *Ќе дојде, ќе седне, на ќе стане и ќе си излезе, без да прозбори.*
- (5) *Придет, бивало, сядет, затем встанет и уйдет, не проронив ни слова.*

2. Еден од најкарактеристичните контексти за хабитуалното идно време е редувањето на две или повеќе дејства во функција на опис на нечие карактеристично однесување во одредени прилики (Тополинска 1996), што значи дека тоа подразбира *низа настани*. Така, ако кај хабитуалноста изразена со други формални средства, настанот Р може да биде еден, кај хабитуалноста изразена со идно време задолжително има низа настани (P₁, P₂...). На пример, хабитуалноста изразена со секундарен имперфектив може да означува еден настан што потенцијално може да се случува (6), но хабитуалноста изразена со идно време бара повеќе од еден настан (7).

- (6) *Весникот го прочитува од почеток до крај.*
- (7) *Ќе седне, ќе го отвори весникот и ќе го прочита од почеток до крај.*

К. Конески исто така смета дека хабитуалното идно време подразбира низа настани кои најчесто се користат за опишување на навики на ликови или за опишување на ситуација или обичај што се состојат од низа настани што се случуваат по определен редослед (Конески 1999):

- (8) *Големите авантуристи имаат најневозбудлив живот... Ќе станат, самите ќе си зготват појадок, ќе изминат одреден број километри, ќе ручаат, ќе ги прегледаат инструментите, ќе се одморат и ќе продолжат“.*
- (9) *Кога и во најдлабоките дупки ќе се истопи снегот, кога ќе престанат пролетните дождови и вулци, кога ќе се избеснат ветриштата..., кога облаците трајно ќе се повлечат на високите рабови на стрмниот амфитеатар од планини што го опкружуваат градот, кога на*

стрмините над градот **ке фатат** да жолтеат нивјето и веднатите круши **ке почнат** да го растураат по стрништата изобилниот плод што паѓа од зрелост, — тогаш настанува ова кратко и убаво травничко лето. (Андриќ, 207–8)

3. Хабитуалниот презент од перфективни глаголи во српскиот јазик, М. Стевановиќ го вбројува во релативната употреба на квалификативниот презент. Во ваквата употреба доаѓаат и имперфективни и перфективни глаголи кои меѓусебно можат да се заменуваат. При таа замена, не се менува смислата на реченицата, а особено квалификацијата останува сосема иста, па, така, примерите (10) и (11) се сметаат за истозначни (Стевановиќ 1969).

(10) *U tom malom svetu od šezdeset duša **dešava se** sve ono što **se dešava** u velikim zajednicama.*

(11) *U tome **se** malom svetu od šezdeset duša **desi** sve ono što **se desi** u velikim zajednicama.*

Со него не се согласува Ивиќ, според која хабитуалниот презент од перфективни глаголи во српскиот јазик служи за искажување на епизодичност, нерегуларност на повторувањето (*on nas ponekad obiđe*), а презентот од имперфективни глаголи служи за означување на регуларноста на повторувањето (*on nas redovno obilazi*). Па дури и кога нема прилошка определба, видот на употребениот глагол во презент укажува на регуларноста на повторувањето. Па, така, ако на прашањето: *Dolazi li taj još uvek sredom kod nje?*, следува одговорот: *Pa... dođe, namesto dolazi*, значењето е: ‘доаѓа, ама не баш редовно’ (Ivić 1983).

При направената споредба на презентот од перфективни глаголи со хабитуална употреба од српскиот јазик и еквивалентите во македонскиот јазик се покажа дека српскиот презент од перфективни глаголи во македонскиот јазик најчесто се предава со идно време од перфективни глаголи (Пановска-Димкова 2014). На пример:

(12) *Kad Marko **dođe** negde, on ne ide u bogate kuće, nego **zasedne** u nekoj kačari ili seoskoj kući, pored vatre. Razgovara sa ljudima i ženama koji **se tu skupe**. Onda, u neko doba, **iziđe** u noć i **ostane** po sat, nekad i po dva. A kad **se vrati**, rosan ili pokisao, on **sedne** pored vatre, gde ga slušaoci još čekaju i... **počne** da govori. Ali često još pre toga on **se obrati** nekome od prisutnih, **ukori** ga oštro zbog greha i **pozove** da napusti društvo. (Andrić, 424)*

- (13) *Кога **ќе дојде** Марко некаде, тој не оди во богатските куќи, туку **ќе заседне** во некоја качарница или селска куќа, покрај огнот. Разговара со луѓето и жените што **ќе се зберат** тука. Тогаш, во некое време, **ќе излезе** во ноќта и **ќе остане** по саат, некојпат и по два. А кога **ќе се врати**, наросен или наврнат, тој **ќе седне** крај огнот, каде што го чекаат слушателите и... **ќе почне** да зборува. Но често уште пред тоа тој **ќе се обрати** кон некој од присутните, **ќе го укори** остро поради гревот и **ќе повика** да го напушти друштвото. (Андриќ, 463)*
- (14) *Tada obično odmah **preduzme** kakav posao, kakav težak i čuveni vez. **Zagreje se, zaraduје**. Sva se **unese** u posao. (Stanković, 48)*
- (15) *Тогаш обично веднаш **ќе се зафати** со некоја работа, некаков тежок и прочуен вез. **Ќе се затопли, зарадува**. Сета **ќе се внесе** во работата. (Станковиќ, 41)*

4. Со хабитуалното идно време во македонскиот јазик се изразува отворениот интервал на хабитуалноста. Така, наспрема идното време од имперфективи со кое се означува претпоставен интервал: *Тој секој ден ќе учи.*, со идното време од перфективи се означува отворен интервал. „Со идното време се изразуваат обопштено-повторливи дејства кои се однесуваат на трите временски плана“ (Конески 1999, 271).

Хабитуалното идно време е со исто значење како хабитуален глагол во презент. Така, на пример, реченицата со хабитуално идно време (16) е истозначна со реченицата со хабитуални глаголи во презент (17).

(16) *Тој **ќе влезе** и **ќе почне** да вика.*

(17) *Тој **влегува** и **почнува** да вика.*

Разликата во дистрибуцијата меѓу хабитуалното идно време и хабитуалните глаголи во презент е таа што со употребата на хабитуалното идно време, настаните што се повторуваат се појасно издиференцирани, со што се постигнува поголема динамичност во раскажувањето. Употребата на идно време за означување хабитуални дејства ориентирани во сегашноста или современи е стилски мотивирана во однос на таквата употреба на минато-идно или минато определено несвршено време (Конески 1990, 109).

5. Истозначноста на хабитуалното идно време со хабитуалните глаголи во презент, овозможува нивно наизменично користење:

- (18) *Кога ќе заврши со работа, задолжително поминува на кафе во Бастион.*

Ова докажува дека хабитуалното идно време не е темпорална форма, зашто при темпоралноста (актуелната употреба), редувањето на времињата е со вообичаен редослед: прво презент, па футур (*Сега јадеме, па ќе излеземе*), додека при изразувањето на отворениот интервал на хабитуалноста, слободно може да се употреби прво футур од перфективи, па по него хабитуален глагол во презент. Притоа, во текстот почесто се бираат секундарните имперфективи, отколку примарните (*затоплува место топли, скокнува место скока* итн.).

- (19) *И кога ќе му побараат препис од некој документ или некое старо писмо, тој секојпат ќе се возбуди..., ќе скокне, ќе застане среде соба, ќе се фати со раце за слепите очи и ќе почне да си припомнува. Погледот на неговите црни очи станува тогаш одеднаш шашилив... Во еден миг неразбирливото мрmoreње нагло се прекинува, тедфтеркеајата скокнува како да фаќа птици и со обете раце посега во некој рафт. (Андриќ, 193–4)*

- (20) *По неколку пати во денот ќе дојде во оној приземен, сумрачен Диван... Тука ги повикува постарите и поблиски чиновници да го прекрати со нив времето и да си поприкаже. (Андриќ, 130–1)*

6. Заклучни белешки.

• Главниот експонент на семантиката на презентот од перфективни глаголи со хабитуална употреба во македонскиот јазик е идното време од перфективни глаголи, кое го нарекуваме хабитуално идно време.

• За хабитуалноста изразена со идно време во македонскиот јазик е специфично тоа што таа подразбира низа на настани кои се повторуваат по определен редослед.

• Споредбата со српскиот јазик покажа дека перфективниот презент во македонскиот јазик најчесто се преведува со форми во идно време.

• Хабитуалното идно време претставува повторување на настани во отворен интервал кој ги опфаќа сите три временски плана.

• Употребено на почетокот на исказот, хабитуалното идно време дозволува по него да дојдат форми на сегашното време. Таквиот обратен темпорален редослед на времињата — идно па сегашно, е можен само во неактуелен контекст, што докажува дека хабитуалното идно време во македонскиот јазик е видска категорија.

ИЗВОРИ

Андриќ, Иво. (1984) *Травничка хроника* (прев. Тодор Димитровски). Битола: Мисла, Култура, Македонска книга.

Станковиќ, Борисав. (1988): *Нечиста крв* (прев. Цветко Мартиновски). Битола: Мисла, Култура, Македонска книга.

Andrić, Ivo. (1963) *Travnička hronika*. Beograd: Prosveta.

Stanković, Borisav. (1980) *Nečista krv*. Beograd: Prosveta.

РЕФЕРЕНЦИ

Барентсен, А. (2014) О взаимодействию категории вида с другими глагольными категориями при выражении последовательности действий в случаях неограниченной повторяемости в различных славянских языках. *Acta Linguistica Petropolitana*, 10, 3, с. 42–58.

Ивић, М. (1982) Македонски глаголски облици за овременавање хабитуалне ситуације у поређењу са српскохрватском. *Македонски јазик*, XXXII–XXXIII, с. 259–262.

Князев, Ю. П. (1989) Выражение множественности ситуаций в русском и других славянских языках. В. кн.: В. С. Храковский (от. ред.). *Типология итеративных конструкций*. Ленинград: Наука, с. 132–144.

Конески, Б. (1987) *Грамматика на македонскиот литературен јазик*. Скопје: Култура.

Конески, К. (1990) *Глаголските конструкции со ќе во македонскиот јазик*. Скопје: Институт за македонски јазик “Крсте Мисирков”.

(1999) *За македонскиот глагол*. Скопје: Детска радост.

Пановска-Димкова, И. (2011) *Видската категорија хабитуалност во македонскиот јазик*. Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“.

(2014) Македонските еквиваленти на српскиот презент од перфективни глаголи. *Македонски јазик*, LXV, с. 337–348.

Стевановић, М. (1969) *Савремени српскохрватски јазик II*. Београд: Научна књига.

Тополињска, З. (1996) *Студии од македонско-бугарската јазична конфронтација*. Скопје: МАНУ.

Ускова, Р. П. (1977) Македонский язык. В. кн.: А. Г. Широкова, В. П. Гудков (от. ред.). *Славянские языки*. Москва: Издательство Московского университета, с. 333–374.

Храковский, В. С. (от. ред.). (1989) *Типология итеративных конструкций*. Ленинград: Наука.

Ivić, M. (1983) Načini na koje slovenski glagol ovremenjuje ponavljanu radnju. *Lingvistički ogledi*, s. 37–56.

Kramer, C. (1997) Aspect and Iterativity in Macedonian. *Balkanistica*, 10, pp. 282–295.

SOURCES

Andrić, I. (1984) *Travnička hronika [Travnik Chronicle]* (trans. Todor Dimitrovski). Bitola: Misla, Kultura, Makedonska kniga Publ. (in Macedonian)

Stanković, B. (1988): *Nechista krv [Impure Blood]* (trans. Cvetko Martinovski). Bitola: Misla, Kultura, Makedonska kniga Publ. (in Macedonian).

- Andrić, I. (1963) *Travnička hronika [Travnik Chronicle]*. Belgrade: Prosveta Publ. (in Serbian)
- Stanković, B. (1980) *Nečista krv [Impure Blood]*. Belgrade: Prosveta Publ. (in Serbian)

REFERENCES

- Barentsen, A. (2014) O vzaimodejstvii kategorii vida s drugimii glagol'nyimi kategorijami pri vyrazhenii posledovatel'nosti dejstvij v sluchajah neogranichennoj povtorjaemosti v razlichnyh slavjanskih jazykah [On the interaction of the category of aspect with other verbal categories in expressing a sequence of actions in cases of unlimited iteration in various Slavic languages]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 10, 3, pp. 42–58.
- Chrakovskij, V. (Ed.). (1989). *Tipologija iterativnyh konstrukcij [Typology of iterative constructions]*. Leningrad: Nauka Publ. (in Russian)
- Ivić, M. (1982) Makedonski glagolski oblici za ovremenjavanje habitualne situacije u poređenju sa srpskohrvatskim [Macedonian verbal forms for expressing habitual situations in comparison with Serbo-Croatian]. *Makedonski jazik [Macedonian Language]*, XXXII–XXXIII, pp. 259–262. (in Serbian)
- Ivić, M. (1983) Načini na koje slovenski glagol ovremenjuje ponavljaju radnju [Ways in which Slavic verbs express repeated action]. *Lingvistički ogledi [Linguistic essays]*, pp. 37–56. (in Serbian)
- Knjazev, Ju. (1989) Vyrazhenie mnozhestvennosti situacij v ruskom i drugih slavjanskih jazykah [Expressing plurality of situations in Russian and other Slavic languages]. In: V. S. Khrakovskij (Ed.). *Tipologija iterativnyh konstrukcij [Typology of iterative constructions]*. Leningrad: Nauka Publ., pp. 132–144. (in Russian)
- Koneski, B. (1987) *Gramatika na makedonskiot literaturnen jazik [Grammar of Macedonian literary language]*. Skopje: Kultura Publ. (in Macedonian)
- Koneski, K. (1990) *Glagolskite konstrukcii so kje vo makedonskiot jazik [Verb constructions with kje in Macedonian]*. Skopje: Institute for Macedonian Language “Krstе Misirkov” Publ. (in Macedonian)
- (1999) *Za makedonskiot glagol [On the Macedonian verb]*. Skopje: Detska radost Publ. (in Macedonian)
- Kramer, C. (1997) Aspect and Iterativity in Macedonian. *Balkanistica*, 10, pp. 282–295.
- Panovska-Dimkova, I. (2011) *Vidskata kategorija habitualnost vo makedonskiot jazik [The aspectual category of habitualness in Macedonian]*. Skopje: “Ss. Cyril and Methodius” University, “Blazhe Koneski” Faculty of Philology Publ. (in Macedonian)
- (2014) Makedonskite ekvivalenti na srpskiot present od perfektivni glagoli [Macedonian equivalents of Serbian perfective verbs present tense]. *Makedonski jazik [Macedonian Language]*, LXV, pp. 337–348. (in Macedonian)
- Stevanović, M. (1969) *Savremeni srpskohrvatski jezik II [Modern Serbo-Croatian language II]*. Belgrade: Naučna knjiga Publ. (in Serbian)
- Topolinjska, Z. (1996) *Studii od makedonsko-bugarskata jazichna konfrontacija [Studies in the Macedonian-Bulgarian language confrontation]*. Skopje: MANU Publ. (in Macedonian)
- Usikova, R. (1977) Makedonskij jazyk [Macedonian Language]. In: A. G. Shirokova, V. P. Gudkov (Ed.). *Slavjanskije jazyki [Slavic Languages]*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta Publ., pp. c. 333–374. (in Russian)

Елена Пчелинцева

доктор филологических наук,
заведующая кафедрой украинского языка и общего языкознания,
Черкасский государственный технологический университет
бул. Шевченко 460, Черкассы 18006, Украина
e-mail: pchele@gmail.com, моб. тел. +380679514682, +380937890927

Elena Pchelintseva

Doctor of Philology, Head of the Department of Ukrainian Language
and General Linguistics, Cherkasy State Technological University
blvd. Shevchenko 460, Cherkasy 18006, Ukraine
e-mail: pchele@gmail.com, tel. +380679514682, +380937890927

Взаимодействие вида с именными и глагольными категориями в славянских *Nomina Actionis*

Аннотация. В статье анализируется взаимодействие вида (аспектуальности) с именными или глагольными категориями в русских отглагольных именах действия на фоне других славянских языков. Дана характеристика наиболее общим аспектуальным особенностям *Nomina Actionis* в славянских языках: в западнославянских категориальных именах действия вид сохраняется почти полностью, в южнославянских (и в украинском языке) — частично, в русских именах действия сохраняется аспектуальная семантика, но не грамматический вид. Описан «грамматический контекст» вида в именах действия: унаследованные глагольные категории предельности / не-предельности, единичности / кратности, способа глагольного действия, рефлексы залога, каузативности, транзитивности, приобретенные именные категории рода, числа и падежа. Особое внимание в статье уделено взаимодействию категорий вида (аспектуальности) и числа. Корреляция между аспектуальной семантикой ряда *Nomina Actionis* и наличием / отсутствием у них парадигматических числовых форм свидетельствует о проявлениях парадигматического взаимодействия между этими категориями. Функциональное взаимодействие числа и вида исследовано с привлечением материала параллельного корпуса *Parasol*. Обнаружено, в частности, что речевым употреблением форм множественного числа имен действия со значением интенсивного или длительного процесса соответствуют в польском, чешском, украинском и сербском языках аналогичные формы множественного числа, глагольные формы НСВ, или категориальные имена действия, кото-

рые строго соотносятся с глаголом НСВ. Это подтверждает взаимосвязь между определенной числовой формой и актуализируемой аспектуальной семантикой имени действия. Установлено, что стандартная именная категория числа может использоваться в *Nomina Actionis* не для выражения значения множественности, а для различных оттенков аспектуальных значений: неограниченной кратности, длительности, интенсивности.

Ключевые слова: вид, аспектуальность, отглагольное имя действия, *Nomina Actionis*, категория числа.

Interaction of the aspect with noun and verb categories in Slavic *Nomina Actionis*

Summary. The paper analyzes the interaction of an aspect with nominal or verbal categories in Russian verbal *Nomina Actionis* in comparison to other Slavic languages. The characteristic of the general aspectual features of *Nomina Actionis* in Slavic languages is given: in the West Slavic categorical *Nomina Actionis* the aspect remains almost completely, in South Slavic (and in the Ukrainian) — partially, in Russian *Nomina Actionis* the aspectual semantics, but not a grammatical aspect remains. The “grammatical context” of the aspect in the *Nomina Actionis* is described: inherited verb categories of telicity/nontelicity, singularity/multiplicity, aktionsart, traces of voice, causality and transitivity, acquired categories of the genus, number and case. The correlation between the aspectual semantics of the number of *Nomina Actionis* and the presence/absence of their paradigmatic numerical forms testifies the existence of the paradigmatic interaction between these categories. Functional interaction of the number and the aspect was studied on the basis of Parasol parallel corpus. It was found that speech uses of the plural forms of *Nomina Actionis* with the value of an intensive or long process correspond in Polish, Czech, Ukrainian and Serbian languages to the similar forms of the plural, to the verbal forms of the imperfectives, or to the categorical *Nomina Actionis*, which are strictly related to the imperfective verb. It has been found that the standard noun category of a number can be used in *Nomina Actionis* not to express the value of plurality, but to differentiate aspectual nuance values: unlimited multiplicity, duration, intensity.

Key words: aspect, aspectuality, deverbal noun, *Nomina Actionis*, category of number.

Вступление

В фокусе внимания в этой статье — взаимодействие категории вида (аспектуальности) с другими категориями в именах существительных, имеющих значение действия, процесса или состояния

(*Nomina Actionis*, далее — NA). В центре категории *Nomina Actionis* находятся имена существительные со значением действия, образованные от глаголов. Эти имена сочетают свойства глагола и существительного и образуются во всех славянских языках, хотя и с разной регулярностью: часто одному русскому NA соответствует два, например, в украинском, сербском, хорватском и четыре в польском, чешском, словацком: рус. *повторение* — укр. *повторення / повторювання* — срб. *понављење / понављање* — пол. *powtórzenie / powtórzenie się / powtarzanie / powtarzanie się*.

Наиболее общие аспектуальные особенности *Nomina Actionis* в славянских языках

В западнославянских языках эти существительные подразделяются на два типа: категориальный (с суффиксами *-nie/-ni /-tie/-cie/-ti*, например, чеш. *honěníe* «охота») и некатегориальный (с любыми другими транспозиционными суффиксами, например, чеш. *honěná, hon, honba, honitba, hoňka / honka, honička, honěnice*). Существительные первого типа обладают высокой степенью семантической предсказуемости, очень близки к глаголу, и если производящий глагол является парным по виду, то эти существительные обычно регулярно образуются от обеих аспектуальных форм (СВ и НСВ): пол. *przeprowadzenie / przeprowadzanie* «выполнение», чеш. *zvýšení / zvušování* «повышение»). Часть из них имеет также и рефлексивные формы (пол. *przeprowadzanie się / przeprowadzenie się*). Это дает основания некоторым исследователям решительно относить их к формам глагола (Havránek 1960; Petr 1986; Saloni 2007) или же к пограничной зоне между формообразованием и словообразованием (Grzegorzcykova 1998; Rozwadowska 2000; Karlík 2017).

Два типа NA довольно четко различаются и в южнославянских языках (сербском, боснийском, хорватском, болгарском и т. д.). Например, в грамматике сербского языка выделяют *glagolske imenice* и *deverbativne imenice*, см. (Klajn 1998; Marić 2010). Имена первого типа регулярно образуются от глаголов НСВ и сохраняют связь с глаголом. Второй тип (*deverbativne imenice*) образуется от глаголов СВ нерегулярно, претерпевает семантические метаморфозы, приобретая вторичные значения, что затрудняет отнесение этой группы к глагольным формам. Д. Шипка даже предлагает выделить сербские существительные, которые регулярно образуются от глаголов НСВ, в особую группу и вводит для них специальный термин *gerund* (Šipka 2000). В болгарском языке такой тип NA иногда также квалифицируют как

глагольные формы и включают в глагольную парадигму, см., напр., (Gradinarova 1999), однако эта идея не является общепринятой.

В восточнославянских языках нет деления на категориальные и некатегориальные типы: все НА являются результатом словообразовательного процесса, хотя в различной степени сохраняют глагольную семантику и формальные видовые показатели (*спасенне / спасание*, но *изучение / *изучание*). Степень глагольности НА неодинакова и при межъязыковом сравнении: если расположить украинские и русские НА на условной шкале между именем и глаголом, то украинские НА семантически и формально будут находиться ближе к глаголу, чем русские, они в большей степени сохраняют формальные показатели вида. Тем не менее недостаточная регулярность и предсказуемость семантики не дают оснований классифицировать их как формы глагола (Вихованець 2004; Пчелинцева 2016).

Таким образом, глагольная актуальность в славянских НА (грамматическая или функционально-семантическая) сохраняется по-разному – от почти полноценного вида в западнославянских языках (в категориальных НА), частичного сохранения в южнославянских (и в украинском) до незначительных рефлексов в русском.

«Грамматический контекст» вида в именах действия

Категория глагольного вида занимает одно из доминирующих мест в составе глагольных грамматических категорий. Существует мнение, что вид является максимально независимой категорией по отношению к другим глагольным категориям (Пупынин 1996, 46–47). Однако в результате транспозиции глагола в имя актуальность теряет свои «доминантные свойства» и становится более зависимой. Речевая реализация этой глагольной категории в НА связана не только с унаследованными глагольными формальными маркерами вида и влиянием внешнего контекста. Важным оказывается также внутренний «грамматический контекст» — рефлексы других глагольных категорий и приобретенные именные категории. Мы предполагаем, что эти категории могут вступать в функциональное взаимодействие с видом, приводя к различным грамматическим «последствиям».

Говоря о взаимодействии категорий, мы опираемся на определение В. С. Храковского:

взаимодействие — это такое отношение между грамматическими категориями, при котором обе категории функционируют согласованно и влияют друг на друга таким образом, который может

приводить к видоизменению обеих грамматических категорий (в частном случае — одной грамматической категории) (Храковский 1996, 25).

В этом понимании на реализацию видовых значений влияют, прежде всего, унаследованные глагольные категории предельности / не-предельности, единичности / кратности, способа глагольного действия (о чем уже написан ряд работ), вероятно, в какой-то степени (и это еще необходимо проверить) — рефлексы залога, каузативности, транзитивности. Меньше внимания в этом смысле получили именные категории рода, числа и падежа. Далее, учитывая ограниченный объем статьи, мы проиллюстрируем взаимодействие аспектуальности и числа.

Взаимодействие вида (аспектуальности) и числа

Несмотря на то, что грамматически все НА являются существительными, категория числа в них редуцирована: ряд отглагольных имен имеет только грамматическую форму множественного числа (как в рус. *посиделки*, укр. *оглядини* «смотрины» пол. *łowy* «охота»), другие имеют только форму единственного числа (рус. *борьба*, укр. *прискорення* «ускорение», пол. *belkot* «лепет», серб. *трчање* «бег»), третьи могут употребляться как в форме ед. ч., так и в форме мн. ч. (рус. *перебежка* / *перебежки*, укр. *видих* / *видихи* «выдох / выдохи», пол. *wylot* / *wyloty* «вылет / вылеты» и т. п.). Поскольку есть некоторая корреляция между аспектуальной семантикой этих групп и наличием / отсутствием числовых форм (например, обе формы имеют чаще НА, образованные от парновидовых глаголов, а исключительно форму мн. ч. — НА, обозначающие событие, имеющее сложную внутреннюю структуру), можно говорить о проявлениях парадигматического взаимодействия между этими категориями в НА. Однако в данном случае более любопытным представляется функциональный аспект их взаимодействия.

Семантические и функциональные связи между категорией числа и видом глагола уже отмечались в аспектологических исследованиях (Weinreich 1963; Mehlig 1994). Специфическое числовое поведение русских отглагольных имен стало объектом внимания в работе О. Ляшевской: по ее наблюдениям, состояния (*тошнота*), процессы (*таяние*) и деятельности (*рисование*) обычно исчисляемы, события (*вдох*) исчисляемы и имеют форму множественного числа (*вдохи*), что, как кажется, очевидно, поскольку исчисляемость предполагает наличие границ. Но любопытно, что имена одной тематической группы иногда ведут себя по-разному (*частые простуды*, но не **частые*

кашли), и кроме известных классов событий, состояний, процессов и деятельностей требуется выделение более мелких подклассов (например, кванты и фазы (*припадок*)). Употребление этого типа существительных в форме множественного числа может приводить к нестандартным значениям множественного числа, которые не связаны с исчисляемостью / неисчисляемостью: имена движения в форме мн. ч. могут выражать целостную ситуацию, состоящую из мелких циклов (*колебания*), регулярно повторяющиеся кванты (*шаги*), разнонаправленные движения (*шатания*) и т. п. (Ляшевская 2004, 312–336).

Для нас в данном случае важно, что числовые формы НА могут быть тесно связаны с аспектуальными значениями. В тривиальном варианте их взаимодействия НА в форме мн. ч. выражает значения НСВ, в ед. ч. — значения СВ, ср. примеры (1) и (2):

- (1) *Грозные посещения, пожары и грабежи прекратились* (Пушкин) = ‘перестали посещать’ (НСВ, неограниченно-кратное значение);
- (2) *Это слово пришлось мне сдерживать лет через семь после моего первого посещения* (Чехов) = ... ‘после того, как первый раз посетил’ (СВ, конкретно-фактическое значение)⁷⁷.

По нашим наблюдениям, такое числовое поведение чаще свойственно именам действия, образованным от событийных глаголов, НСВ которых имеет неограниченно-кратное (непроцессуальное) значение.

Зависимость между формой числа и аспектуальным значением НА наблюдается и в других славянских языках. Например, многие польские имена действия с суффиксом *-k(a)* в форме ед. ч. не употребляются в узальном или кратном значении, для этого требуется только форма мн. ч.: **lubi sprzeczkę* «любит спор» звучит странно, в норме: *lubi sprzeczkę* «любит споры» (*sprzeczać się* «спорить»).

Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживаем, что форма мн. ч. может способствовать выражению не только тривиального значения НСВ, но и других компонентов аспектуальности, например, длительности или интенсивности. Полагаем, что это зависит и от семантической группы глагольного действия (например, процесс, состояние, событие), и от более тонких семантических оттенков. Рассмотрим это на двух примерах русских НА — *рыдание* (соотно-

⁷⁷ В исследовании использованы материалы из личной картотеки автора, а также из Параллельного корпуса славянских и других языков Parasol (von Waldenfels 2006).

сится с одновидовым процессуальным *рыдать*) и *стук* (соотносится с парновидовым глаголом *стучать / стукнуть*).

В первом случае производящий глагол имеет значение более или менее монотонного процесса. При употреблении производного от него НА *рыдание* в форме мн. ч. актуализируется не множественность, а интенсивность действия:

- (3) *Пимко, не обращая внимания на **рыдания** и протесты, тянет меня за ручку* (В. Гомбрович)⁷⁸

Примечательно, что в оригинале (польском) здесь также использована форма мн. ч.:

- (3a) *Пол. Pimko ciągnie mnie za rączkę pomimo **placzów i protestów***

В следующем примере форма мн. ч. НА *рыдание* выражает значение процесса, имеющего длительность:

- (4) *Он снова простерся пред Богородицею, и до меня донеслись подавленные **рыдания*** (У.Эко)

Симптоматично, что в сербском, польском и чешском вариантах употреблены не НА, а спрягаемые глагольные формы НСВ, что еще раз свидетельствует о выраженной процессуальности, длительности:

- (4a) срб.: *Opet pade ničice pred Bogorodicu i začuh kako tiho **jeca***
(4б) пол.: *Z powrotem rzucił się na kolana przed Najświętszą Panną i usłyszał em, jak **łka** cicho*
(4в) чеш.: *Znova padl na tvář před Pannou Marií a slyšel jsem, jak tiše **vzlyká***

Сравните: в примере (5), где отсутствует значение длительности, интенсивности, процессуальности, для характеристики единичного целостного действия употреблена форма ед. ч. — в русском, чешском и польском вариантах:

- (5) *...и у меня вырвался крик, не похожий на **рыдание**, сухой, отвратительный* (С. Лем)
(5a) чеш.: *...vyrazil ze sebe ne **vzlyk**, ale divný zvuk , suchý, odporný*
(5б) пол.: *...wydał em dziwny głos, niepodobny do **łkania**, suchy, wstrętny.*

⁷⁸ Тут и далее, где представлены соответствия из польского, чешского, сербского и болгарского языков, материал цитируется по: von Waldenfels 2006, parasol.unibe.ch, дата обращения: 18.10.2019.

Следующая группа примеров иллюстрирует употребление числовых форм НА *стук*. Эта лексема сама по себе выражает значение процесса, состоящего из повторяющихся квантов (*слышать стук*), и форма мн. ч. *стуки* может показаться избыточной. Однако это (и подобные) НА в форме мн. ч. получают значение не множественности (она содержится в лексическом значении и не требует отдельных маркеров), а длительности, продолжительности процесса, состоящего из отдельных квантов:

- (6) ...*будто бы в № 50-м всю ночь слышались какие-то стуки и будто бы до утра в окнах горел электрический свет* (Булгаков).

В украинском переводе использована аналогичная форма НА мн. ч.:

- (6а) укр.: ...*ніби в № 50 усю ніч було чути якісь звуки й ніби до рання у вікнах палилося.*

Интересно, что в чешском и польском вариантах употреблены формы ед. ч., но категориальных НА, которые строго соотносятся с глаголами НСВ:

- (6б) чеш.: ... *celou noc se z bytu č. 50 ozývalo **klepání** a okna svítla až do božího rána*
(6в) пол.: ... *jakoby spod pięćdziesiątego przez całą noc dobiegało jakieś **stukanie** i w oknach jakoby aż do rana paliło się światło*

Если выражается последовательность сменяющих друг друга действий (событий), предпочтение отдается форме ед. ч. *стук*, а в польском, чешском и сербском – некатегориальным НА ед. ч.:

- (7) ...*потом послышался **стук** его сапог по мрамору меж львов* (=застучали сапоги)
(7а) укр.: ...*потім почувся **стукім** його чобіт об мрамур між лєвами*
(7б) сrb.: ...*posle se čuo **bat** njegovih čizama po mermeru izmeđ u lavova*
(7в) пол.: ...*potem **stukot** jego butów po marmurze pomiędzy lwami*

Выводы

В целом эти предварительные результаты свидетельствуют о сложном взаимодействии в НА категорий числа и вида (аспектуаль-

ности) на парадигматическом и функциональном уровнях. Стандартная именная категория числа часто используется в НА не для выражения значения множественности, а для различных оттенков аспектуальных значений: неограниченной кратности (что было наиболее ожидаемо), длительности, интенсивности, что является еще одним доказательством схождения концептуализации пространственных и временных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

Ляшевская, О. Н. (2004) *Семантика русского числа*. М.: Языки славянской культуры, 396 с.

Пупынин, Ю. А. (1996) Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях. В кн.: А. В. Бондарко (ред.). *Межкатегориальные связи в грамматике*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 43–60.

Пчелинцева, Е. Э. (2016) *От глагола к имени: аспектуальность в русских, украинских и польских именах действия*. СПб.: Наука, 368 с.

Храковский, В. С. (1996) Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия). В кн.: А. В. Бондарко (ред.). *Межкатегориальные связи в грамматике*. СПб.: Дмитрий Буланин, с.22–42.

Вихованец, І. Р. (ред.) (2004) *Теоретична морфологія української мови*. Киев: Пульсары, 398 с.

Gradinarova, A. A. (1999) *Semantics of Russian and Bulgarian Deverbal Nouns*. Sofia: Eurasia Academic Publishers, 142 с.

Grzegorzczukowa, R. (red) (1998) *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. [Grammar of the modern Polish language. Morphology]. Cz. 1. Warszawa: PWN, 640 s.

Havránek, B., Jedlička, A. (1960). *Česká mluvnice*. Praha: Státní pedagogické nakl. 418 s. (in Czech)

Karlík, P. (ed.) (2017) *Nový encyklopedický slovník češtiny online* [New Encyclopedia Dictionary of Czech] [Электронный ресурс] URL: www.czechency.org. (дата обращения: 15.07.2019). (in Czech)

Klain, I. (1998) Gramatički i leksikografski satus glagolskih imenica od nesvršenih glagola [Grammatical and lexicographical satus of verb nouns from unfinished verbs] *Naučni stanok slavista u Vukove dane*, 27/2, с. 149–158. (in Serbian)

Marić, B. (2012) *Sintaksička derivacija u svremenom ruskom knievnom jeziku u porehjenju sa srpskim*. [Syntactic derivation in contemporary Russian literary language compared to Serbian]. Beograd: University of Beograd, 278 s. (in Serbian)

Mehlig, H. R. (1994) Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени: о категории глагольного вида в русском языке. *Revue des Études Slaves Année*, 1994, 66–3, p. 585–606. (in Russian)

Petr, J. (1986) *Mluvnice češtiny II* [Grammar of Czech language]. Praha: Academia, 568 s. (in Czech)

Rozwadowska, B. (2000) Aspectual Properties of Polish Nominalizations. *Journal of Slavic Linguistics* 8, p. 239–261. (in English)

- Saloni, Z. (2007). *Czasownik polski (odmiana, słownik)* [Polish verb (variety, dictionary)]. Wyd. III, zmienione. Warszawa: Wiedza powszechna, 260 s. (in Polish)
- Šipka, D. (2000) O statusu glagolske imenice [About the status of deverbal nouns]. *Zbornik MS za filologiju i lingvistiku*, XLIII, 641–645 s. (in Serbian)
- von Waldenfels, R., Meyer, R. (2006-) *ParaSol, a Corpus of Slavic and Other Languages*. Bern, Regensburg [Электронный ресурс] URL: (дата обращения: 25.09.2019). (in English)
- Weinreich, U. (1963) On the semantic structure of language. In: J. N. Greenberg (ed.), *Universals in language*. Cambridge, Mass., M. I. T. Press, 275 p. (in English)

REFERENCES

- Gradinarova, A. A. (1999) *Semantics of Russian and Bulgarian Deverbal Nouns*. Sofia: Eurasia Academic Publishers, 142 p. (in Russian)
- Grzegorzczkowska, R. (ed.) (1998) *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. [Grammar of the modern Polish language. Morphology]. P. 1. Warszawa: PWN Publ., 640 p. (in Polish)
- Havránek, B., Jedlička, A. (1960) *Česká mluvnice*. [Czech Grammar]. Praha: Státní pedagogické nakl. Publ. 418 p. (in Czech)
- Karlík, P. (ed.) (2017) *Nový encyklopedický slovník češtiny online*. [New Encyclopedia Dictionary of Czech]. [Online]. Available at: URL: www.czechency.org. (accessed: 15.07.2019). (in Czech)
- Khrakovskij V. S. (1996) Grammaticheskie kategorii glagola (opyt teorii vzaimodejstviya). [Verb grammatical categories (experience of interaction theory)]. In: A. V. Bondarko (ed.), *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike*. [Intercategory relations in grammar]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., pp. 22–42. (in Russian)
- Klain, I. (1998) Gramatički i leksikografski satus glagolskih imenica od nesvršenih glagola [Grammatical and lexicographical satus of verb nouns from unfinished verbs]. *Naučni stanok slavista u Vukove dane*, 27/2, p. 149–158. (in Serbian)
- Lyashevskaya, O. N. (2004) *Semantika ruskogo chisla*. [Semantics of the Russian number]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 396 p. (in Russian)
- Marič, B. (2012) *Sintaksička derivacija u svremenom ruskom knievnom jeziku u porehjenju sa srpskim*. [Syntactic derivation in contemporary Russian literary language compared to Serbian]. Beograd: University of Beograd Publ., 278 p. (in Serbian)
- Mehlig, H. R. (1994) Gomogennost' i geterogennost' v prostranstve i vremeni: o kategorii glagol'nogo vida v ruskom yazyke. [Homogeneity and heterogeneity in space and time: about the category of verbal aspect in Russian]. *Revue des Études Slaves Année*, 1994, 66–3, p. 585–606. (in Russian)
- Pchelintseva, E. E. (2016) *Ot glagola k imeni: aspektual'nost' v russkikh, ukrainkikh i pol's'kikh imenakh dejstviya* [From Verb to Noun: Aspectuality in Russian, Ukrainian and Polish nouns of action]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 368 p. (in Russian)
- Petr, J. (1986) *Mluvnice češtiny II* [Grammar of Czech language]. Prague: Academia Publ., 568 p. (in Czech)
- Pupynin, Yu.A. (1996) Grammaticheskie kategorii ruskogo glagola v ikh sistemo-paradigmaticeskikh i funkcional'nykh svyazyakh [Grammar categories of

the Russian verb in their system-paradigmatic and functional relations]. In: A. V. Bondarko (ed.). *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike [Intercategory relations in grammar]*. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., p. 43–60. (in Russian)

Rozwadowska, B. (2000) Aspectual Properties of Polish Nominalizations. *Journal of Slavic Linguistics*, 8, p. 239–261. (in English)

Saloni, Z. (2007). *Czasownik polski (odmiana, słownik)* [Polish verb (variety, dictionary)]. 3rd ed., revised. Warsaw: Wiedza powszechna Publ., 260 p. (in Polish)

Šipka, D. (2000) O statusu glagolske imenice [About the status of deverbal nouns]. *Zbornik MS za filologiju i lingvistiku*, XLIII, p. 641–645. (in Serbian)

von Waldenfels, R., Meyer, R. (2006-) *ParaSol, a Corpus of Slavic and Other Languages*. Bern, Regensbur. [Online]. Available at: URL: (accessed: 25.09.2019). (in English)

Vykhovanets, I. R. (ed.) (2004) *Teoretichna morfologiya ukraïns'koï movi [Theoretical morphology of the Ukrainian language]*. Kiev: Pul'sary Publ., 398 p. (in Ukraine)

Weinreich, U. (1963) On the semantic structure of language. In: J. N. Greenberg (ed.), *Universals in language*. Cambridge, Mass., M. I. T. Press, 275 p. (in English)

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ед. ч. — единственное число

мн. ч. — множественное число

НСВ — несовершенный вид

СВ — совершенный вид

NA — Nomina Actionis

Яна Андреевна Пенькова

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
ул. Волхонка 18/2, 119019 Москва, Россия
amoena@inbox.ru

Yana Andreevna Penkova,

PhD, senior research fellow,
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Volchonka 18/2, 119019 Moscow, Russia

Предбудущее и вид глагола в восточнославянской письменности XV–XVII вв. на фоне влияния польского языка⁷⁹

Аннотация: Статья посвящена вопросу о сочетаемости форм предбудущего времени с видом в восточнославянской письменности XV–XVII вв. В древнерусском языке формы предбудущего образовывались или от перфективных основ, или от основ, не охарактеризованных по виду.

Первое направление дальнейшей эволюции восточнославянского предбудущего связано с тенденцией к преимущественной специализации на глаголах СВ, что не типично для славянского предбудущего в целом. В истории других славянских языков с течением времени формы предбудущего от глаголов СВ были вытеснены, полностью или частично. В рассматриваемый период, на фоне преобладания форм от перфективных основ, восточнославянское предбудущее расширяет свою сочетаемость с видом: начинает употребляться также с вторичными имперфективами, а в западнорусском языке – и с бесприставочными вторичными имперфективами с суффиксами *ыва-/ива* (типа *хаживал*) – особым классом, характеризующимся экспериментальной семантикой. Причины изменений в сочетаемости форм предбудущего с глагольным видом отражают сдвиги, связанные с формированием видовой корреляции в истории русского языка. В результате таких изменений имперфективы получают возможность употребляться в общефактических контекстах, в которых в более ранний период употреблялись

⁷⁹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 17-29-09113 офи_м «Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы»).

исключительно глаголы, не охарактеризованные по виду. Именно такой экспансией на общефактические контексты и следует объяснять возможность предбудущего сочетаться с имперфективами.

Второе направление эволюции предбудущего в восточнославянской письменности связано с влиянием польского языка. Это влияние приводит к постепенному вытеснению форм СВ и специализации на глаголах НСВ в истории западнорусского языка. Возможность постепенной «полонизации» предбудущего в западнорусском языке объясняется тем же функциональным сближением неохарактеризованных основ с имперфективами, в результате которой предбудущее становится способно усвоить сочетаемость с видом, характерную для причастного аналитического будущего в польском языке.

Ключевые слова: предбудущее, вид, польский язык, среднерусский (старовеликорусский) язык, западнорусский язык, история русского языка.

Future anterior and aspect in the XVth–XVIIth century East Slavic writing on the background of Polish influence

Abstract: The article discusses the co-occurrence of the future anterior forms with aspect in the XVth–XVIIth century East Slavic writing. In Old East Slavic, future anterior co-occurred either with perfective verbs, or with aspectually unmarked simplex verbs.

First direction of its further evolution is connected with the tendency to specialize more on the perfective verbs, which is not typical for future anterior among Slavic languages. However, East Slavic future anterior also acquired the ability to co-occur with imperfective aspect verbs, among which habitual non-prefixed imperfectives played a special role. The changes in the co-occurrence of future anterior with different aspectual forms reflect the shifts in the development of the aspect correlation in the history of the Russian language. As a result, imperfectives began to be used in habitual contexts, alongside with aspectually unmarked verbs. This expansion to habitual contexts should explain the possibility of future anterior to co-occur with imperfectives.

Second direction in the evolution of East Slavic future anterior is connected with the influence of the Polish language. It led to the gradual decline of the perfective forms and further specialization of future anterior on the imperfective aspect verbs in the Ruthenian language. The “polonization” of future anterior in Ruthenian is explained by the same functional convergence of aspectually unmarked verbs with imperfectives, which resulted in the ability to adopt the patterns of Polish participial analytical future.

Key words: future anterior, aspect, Polish language, Middle Russian language, Ruthenian language, history of the Russian language.

Настоящая работа посвящена истории взаимодействия предбудущего времени и категории глагольного вида в восточнославянской письменности XV–XVII вв. Восточнославянское предбудущее, восходящее к праславянской конструкции, представляло собой сочетание вспомогательного глагола от основы *буд-* в презентной форме (*буду, будешь...*) и *л*-причастия:

- (1) *ци ти боудоу задела своимъ бьзоумьемъ* ‘если окажется, что я тебя по своему неразумию задела’ № 752 XI–XII вв. (Зализняк 2004, 177).

Семантика и эволюция восточнославянского предбудущего рассмотрены в относительно недавних работах Х. Андерсена (Andersen 2006) и Я. А. Пеньковой (Пенькова 2012, 2014, 2018b, 2019), а также в некоторых более ранних исследованиях, подробный обзор литературы см. в (Пенькова 2014). Важной для дальнейшего обсуждения является особенность восточнославянского предбудущего употребляться преимущественно по отношению к событиям в прошлом, ср.:

Дело в том, что в не книжных источниках она в действительности крайне редко означает будущее время, а в нормальном случае имеет чисто модальное значение, которое может быть приблизительно передано как ‘окажется, что [нечто уже произошло]’ (Зализняк 2004, 134, 177).

Однако вопрос о сочетаемости форм предбудущего времени с видом, а также эволюция этой сочетаемости до сих пор остаются малоисследованными. Впервые изменения в соотношении форм предбудущего от глаголов совершенного и несовершенного видов в славянских языках и причины специализации на формах НСВ отдельно были проанализированы в работах Я. А. Пеньковой (Пенькова 2018a; Пенькова 2018b). Д. В. Сичинава (Сичинава 2018) также исследовал сочетаемость абсолютно-относительных времен (т. е. плюсквамперфекта и предбудущего) с видом в истории славянских языков, однако основное внимание в этой работе было уделено формам плюсквамперфекта, тогда как для форм предбудущего времени дан лишь общий обзор. При этом в указанной работе сделано два важных вывода, которые необходимо учитывать:

- 1) соотношение употребительности разных видов с временами перфектного ряда находится в связи с семантическим спектром этих времен в конкретных языках и его эволюцией (Сичинава 2018, 97);
- 2) специализация (бывшего) абсолютно-относительного времени на одном из дополнительных значений и утрата остальной семантики

сопровождается и аспектуальной специализацией формы (Сичинава 2018, 97).

Данные восточнославянской письменности XV–XVII вв. чрезвычайно показательны на общеславянском фоне. В отличие от других славянских языков, здесь, напротив, преобладают формы от глаголов совершенного вида:

- (2) *повѣстоуа тако: чтобы есте, которое **будете преступили** пред княземъ Ярославомъ, и вы бы есте емоу челом добили* ‘рассказывая так: чтобы вы, если что-нибудь нарушили перед князем Ярославом, то вы бы, в самом деле⁸⁰, ему били челом’ (Пск. 3 лет., 170–170 об., 1476 г.).

В других славянских языках, в том числе и в диахронической перспективе, наблюдается прямо противоположная тенденция: специализация на формах от глаголов несовершенного вида или явное преобладание таковых; о соотношении форм СВ и НСВ в современном сербохорватском языке и многократном преобладании вторых над первыми см. (Vuković 2014). Такая тенденция привела к полному вытеснению форм предбудущего от глаголов СВ в чакавских говорах сербохорватского языка, а в польском языке она достигла своего завершения, по-видимому, еще в дописьменную эпоху, см. (Пенькова 2018b); ср., однако, противоположную точку зрения в (Błaszczak et al. 2014, 186).

С другой стороны, восточнославянские языки в XV–XVII вв. (как западнорусский, так и старовеликорусский) испытывают влияние польского языка, которое наиболее значительно на территории Великого княжества Литовского. Полонизация отражается и на сочетаемости предбудущего с видом: польский язык, использующий форму аналитического будущего, структурно аналогичную восточнославянскому предбудущему (типа *będe+pisał*), ограниченную, однако, только формами несовершенного вида, оказывается проводником прямо противоположной тенденции к вытеснению форм совершенного вида.

В настоящей работе рассматриваются признаки обеих тенденций в восточнославянской письменности. В качестве материала исследования использован Национальный корпус русского языка (НКРЯ) в объеме среднерусского подкорпуса и данные западнорусских грамот и переводов на просту мову. Западнорусские данные, в сравнении со

⁸⁰ В (Шевелева 2006) показано, что *есте* в данном употреблении функционирует уже как достоверительная частица.

старовеликорусскими, довольно ограничены в объеме, поскольку до сих пор не создан диахронический корпус западнорусского языка.

Как показано в (Кукушкина, Шевелева 1991) и – на более широком материале и с более глубокой проработкой — в (Мишина 2018), в древнерусском языке не все глаголы были «охарактеризованы» по виду: наряду с приставочными перфективами (*убити*) и имперфективами (*убивати*) существовали т. н. симплексы — бесприставочные глаголы (*бити*), которые не имели ограничений в дистрибуции, т. е. могли употребляться как в диагностических контекстах НСВ (например, с фазовыми глаголами), так и в диагностических контекстах СВ (например, в контексте конкретно-фактического прошедшего). Особой сферой употребления таких неохарактеризованных глаголов были контексты с общефактическим значением, в которых ни перфективы, ни имперфективы не употреблялись:

- (3) *А се старая наша правда и грамота, на чьмъ **цѣловали** оѣци ваши и наши крѣсть* ‘это прежний наш закон и грамота, на которой поклялись отцы ваши и наши’ (Дог. гр. Ал. Яросл. Невск.) (Кукушкина, Шевелева 1991, 46).

Охарактеризуем исходную ситуацию для предбудущего и его сочетаемости с видом в древнерусском языке. Примерное представление об этой ситуации позволяет сделать «Русская правда» (далее — РП), древнейший юридический памятник, дошедший до нас в списках конца XIII и середины XV в. Однако в устной традиции РП возникла еще до крещения Руси (Успенский 2002, 103), поэтому ее язык, восходящий к дописьменной мнемонической традиции (Живов 2002, 187–291), весьма архаичен, прежде всего, на синтаксическом уровне. В РП представлены формы предбудущего только от приставочных перфективов и симплексов. К перфективам относим также глагол *дати*, имеющий видовую пару (*даяти*) и рано охарактеризованный как глагол СВ (Мишина 2018). При этом соотношение перфективных основ и симплексов в РП оказывается равным: 17 примеров с СВ и ровно столько же с глаголами, не охарактеризованными по виду. Такая ситуация во многом симметрична сочетаемости с видом у древнерусского сверхсложного прошедшего (типа *даль есмь быть*): отсутствие форм от глаголов НСВ и явное преобладание форм от глаголов СВ над неохарактеризованными по виду (подробнее о сочетаемости сверхсложного прошедшего с видом см. Сичинава 2020).

В старовеликорусской и западнорусской письменности ситуация существенно изменяется. Предбудущее получает возможность образовывать формы с вторичными имперфективами (такая возмож-

ность отмечается и несколько раньше – в деловых грамотах XIV в., один пример встретился также в берестяной грамоте № 363 конца XIV в.):

- (4) *А кто будет от вас въступался, а тот бы престал от сего часа ‘а если кто-нибудь из вас посягал на чужие владения, то с этого момента ему следует перестать это делать’* (митрополит Феодосий. Указная заповедная грамота митрополита Феодосия новгородскому архиепископу Ионе, 1463 г.)

В западнорусских и старовеликорусских грамотах соотношение разных типов глагольных основ, употребляющихся в формах предбудущего, в сравнении с древнерусским периодом, таково:

Таблица 1

Период	Перфективы	Неохарактер.	Вторичные имперфективы	Бесприставочные вторичные имперфективы типа <i>хаживал</i>
Др.-рус. (РП)	50%	50%	–	–
Старорус.	68%	21%	11%	–
Западнорус.	65%	21%	4%	10%

Как видно из таблицы, в более поздний период предбудущее получает возможность употребляться с вторичными имперфективами, хотя таких употреблений намного меньше в сравнении с другими типами. При этом в западнорусской письменности в составе предбудущего встречается особая группа бесприставочных имперфективов с суффиксами *-ыва/ива* и некоторыми другими суффиксами имперфективации (*суживать, рубливать, бирать, бивать* и т. д.). Особый статус этих глаголов связан, во-первых, с ограниченным формообразованием (от таких основ образуются только формы инфинитива и л-формы), во-вторых — с их особой семантикой. Как показала М. Н. Шевелева (Шевелева 2016), такие глаголы, как правило, выражали экспериенциальное (общефактическое) значение и — реже — хабиутальность и итеративность. Ту же особенность они сохраняют и в составе предбудущего, ср. примеры общефактических контекстов из Смоленских грамот (5, 6), относящихся к древнерусскому периоду, — с симплексами и более поздний пример из Судебника Казимира (7) — с вторичным бесприставочным имперфективом на *-ыва-*:

- (5) *Аже ла<ти>ньский чловѣкъ. оучинить насилье свободньгъ женгъ а боудеть переже. на неи не было сорама за то*

платити .ѣ. грив. серебра ‘если латинянин подвергнет насилью свободную женщину, а окажется, что до этого на ней позора не было, за то платить 5 гривен серебра’ (СГ, список А, 1229 г.);

- (6) *боудет ли дотоль блла. грѣна серебра за соромъ* ‘если же окажется, что она до этого блудила (окажется блудившей), гривну серебра за позор’ (СГ, список Е, 1 пол. XIII в.);
- (7) *Которыи първое украдѣтъ, а дотоль будеть не крадывал, ино за първою татбу виною его казнити* ‘кто украдет в первый раз, а до этого никогда не крал, то за первую кражу наказать его штрафом’ (Судебник Казимира 1468 г., 203b–204 (Булыка et al. 1988, 187)).

Как объяснить такое изменение? По-видимому, ключом является как раз особая семантика таких вторичных имперфективов, появление которых в составе предбудущего свидетельствует не о чем ином, как о начале функционального сближения имперфективов с симплексами: вторичные имперфективы приобретают возможность употребляться в общефактических контекстах (ср. пример 7), ранее закрепленных только за неохарактеризованными глаголами (примеры 5–6). Изменение в формообразовании предбудущего помогает также в установлении хронологии этого процесса: вторичные имперфективы получили возможность образовывать формы предбудущего именно тогда, когда проникли в общефактические контексты, т. е. не ранее XIV в.

В западнорусской письменности, в отличие от старовеликорусской, в сочетаемости предбудущего с видом сосуществует одновременно две тенденции: с одной стороны, в деловом языке Великого княжества Литовского (см. таблицу 1), растет доля форм от глаголов СВ. С другой стороны, в книжной переводной письменности на простой мове абсолютно преобладают конструкции, структурно аналогичные польскому причастному будущему:

- (8) *Буду тут ажъ до вечера лежал* ‘буду тут лежать до самого вечера’ (Булыка et al. 1988, 188);
- (9) *Под крыла Его будеш надею мел* ‘под крыльями Его будешь безопасен’ [ср. польск. *będziesz miał*] (Псалтырь XVI в.) (Булыка et al. 1988, 188).

При этом формы будущего времени с инфинитивом по другой польской модели (*będe+писаć*) проникают в западнорусскую письменность существенно раньше – широко употребляются уже в XIV в. Что же воспрепятствовало польскому причастному будущему быть

усвоенным западнорусским языком одновременно с инфинитивным будущим? По-видимому, экспансия форм НСВ, связанная с польским влиянием, стала возможна и была поддержана именно функциональным сближением неохарактеризованных глаголов с вторичными имперфективами. Это и стало своего рода «лазейкой» для польского причастного будущего, которое образуется только от глаголов несовершенного вида. При этом чрезвычайно показателен тот факт, что в переводах на простую мову XV–XVII вв. в составе конструкции *буду* + *л-форма* употребляются преимущественно симплексы, т. е. бывшие неохарактеризованные глаголы, функционально сближившиеся с вторичными имперфективами.

ЛИТЕРАТУРА

Булыка, А. М., Жураўскі, А. І., Крамко, І. І., Свяжынскі, У. М. (1988) *Мова беларускай пісьменнасці XIV-XVIII ст ст.* Мінск: Навука і тэхніка, 319 с.

Живов, В. М. (2002) *Разыскания в области истории и предьстории русской культуры.* М.: Языки славянской культуры, 760 с.

Зализняк, А. А. (2004) *Древненовгородский диалект.* 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 872 с.

Кукушкина, О. В., Шевелёва, М. Н. (1991) О формировании современной категории глагольного вида. *Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология*, № 6, с. 38–49.

Мишина, Е. А. (2018) К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке. *Русский язык в научном освещении*, № 1 (35), с. 161–182.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка <http://ruscorpora.ru>

Пенькова, Я. А. (2002) *Финитные образования от основы буд- в языке памятников русской письменности XII – первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис).* Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. МГУ им. М. В. Ломоносова.

Пенькова, Я. А. (2014) К вопросу о семантике так называемого будущего сложного второго в древнерусском языке (на материале Жития Андрея Юродивого). *Русский язык в научном освещении*, № 1 (27), с. 150–184.

Пенькова, Я. А. (2018а) От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы. *Вопросы языкознания*, № 2, с. 53–70. DOI: 10.31857/S0373658X0003718–8

Пенькова, Я. А. (2018б) Славянское второе будущее: семантика, структурные особенности, эволюция. В кн.: С. М. Толстая (ред.). *Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 2018. Доклады российской делегации.* М.: ИСл РАН, с. 225–243. DOI: 10.31168/0417–6.2.6

Пенькова, Я. А. (2019) *Иму, учьну, стану, буду: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности.* *Slavistična revija*, V. 67, no. 4, с. 569–586.

Пск. 3 лет. — Псковская третья летопись (по Строевскому списку). *Полное собрание русских летописей*, Т. V, Вып. 2. Псковские летописи. М., 2000.

РП — Палеографический снимок текста Русской Правды по Новгородской кормчей книге XIII века, скопированный с подлинника студентами ист.-филол. фак-та Им. С.-Петерб. ун-та, под руководством И. И. Срезневского. СПб., 1888.

СГ — Смоленские грамоты XIII–XIV веков. Подготовили к печати Т.А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М.: АН СССР, 1963, 141 с.

Сичинава, Д. В. (2018) Абсолютно-относительные времена и их сочетаемость с видом в истории славянских языков. В кн.: Milliaressi, T. (ed.). *La relation temps/ aspect: approches typologique et contrastive*. Lille: Université Lille-3, P. 93–99.

Сичинава, Д. В. (2020) Перечитывая плосквамперфект: новый обзор корпуса примеров в берестяных грамотах. *Русский язык в научном освещении*, № 1, с. 136–171.

Успенский, Б. А. (2002) *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. М.: Аспект Пресс, 561 с.

Шевелёва, М. Н. (2006) Некнижные конструкции с формами глагола быти в Псковских летописях. В кн.: А. М. Молдован (ред.). *Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова*, Москва: Языки славянской культуры, с. 215–241.

Шевелева, М. Н. (2016) К истории грамматической семантики форм типа хаживал, бивал, бирал в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, № 2 (32), с. 71–90.

Andersen, H. (2006) The last days of the Russian future perfect. In: Hanne Leth Andersen, Merete Birkelund, Maj-Britt Mosegaard Hansen (eds.). *La linguistique au Coeur. Valence verbale, grammaticalisation et corpus : Mélanges offerts à Lene Schøler à l'occasion de son 60e anniversaire*. Odense: University Press of Southern Denmark, p. 149–160.

Błaszczak, J., Jabłońska, P., Klimek-Jankowska, D., Migdalski, K. (2014) The riddle of 'future tense' in Polish. In: De Brabanter, P., Kissine, M., Sharifzadeh, S. (eds.). *Future times, future tenses*. Oxford: Oxford university press, p. 165–204.

Vuković, P. (2014) Futur drugi u suvremenom hrvatskom jeziku. *Jezik: časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika*, No. 61 (3), с. 81–94.

REFERENCES

Bulyka, A. M., Zhuraŭski, A. I., Kramko, I. I., Svyazhynski, U. M. (1988) Mova belaruskaj pis'mennasti XIV–XVIII st st. [Language of the Belorussian writing from the XIVth–XVIIIth centuries] Minsk: Navuka i tekhnika, 319 s. (In Belorussian)

Zhivov, V. M. (2002) Razyskaniya v oblasti istorii i predistorii russkoj kul'tury. [Investigations in the history and prehistory of Russian culture] M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 760 s. (In Russian)

Zaliznyak, A. A. (2004) Drevnenovgorodskij dialekt. 2-e izdanie, pererabotannoe s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg. [Old Novgorod dialect. 2nd edition, revised taking into account the material of finds from 1995–2003] M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 872 s. (In Russian)

Kukushkina, O. V., Sheveleva, M. N. (1991) O formirovanii sovremennoj kategorii glagol'nogo vida. [On the formation of the contemporary category of aspect] Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya, № 6, s. 38–49.

Mishina, E. A. (2018) K voprosu o vidovoj semantike prostykh (bespristavochnykh) glagolov v drevnerusskom yazyke. [on the aspect of simplex (non-prefixed) verbs in Old Russian] *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language and linguistic theory], № 1 (35), s. 161–182.

NKRYa – Natsional'nyj korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus] <http://ruscorpora.ru>

Pen'kova, Ya.A. (2002) Finitnye obrazovaniya ot osnovy bud- v yazyke pamyatnikov russkoj pis'mennosti XII–pervoj poloviny XVI vv. (morfologiya, semantika, sintaksis). [Finite formations from the stem bud- in the Russian writing of the XIIIth – first half of the XVIth centuries (morphology, semantics, syntax)] *Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. MGU im. Lomonosova.

Pen'kova, Ya.A. (2014) K voprosu o semantike tak nazывaemogo budushchego slozhnogo vtorigo v drevnerusskom yazyke (na materiale Zhitiya Andrey a Yurodivogo). [Towards the problem of the so called «compound future II» semantics in the Old Russian language (on the material of the Life of st. Andrew the Fool)] *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language and linguistic theory], № 1 (27), s. 150–184.

Pen'kova, Ya.A. (2018a) Ot retrospektivnosti k prospektivnosti: grammatikalizatsiya predbudushchego v yazykakh Evropy. [From retrospective to prospective: Grammaticalization of future anterior in the languages of Europe] *Voprosy yazykoznanija*, № 2, s. 53–70. DOI: 10.31857/S0373658X0003718–8

Pen'kova, Ya.A. (2018b) Slavyanskoe vtoro e budushchee: semantika, strukturnye osobennosti, evolyutsiya. [Slavic future anterior: semantics, structure and evolution] V kn.: S. M. Tolstaya (red.). *Slavyanskoe yazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyj s"ezd slavistov*. Belgrad, 2018. *Doklady rossijskoj delegatsii*. M.: ISI RAN, s. 225–243. DOI: 10.31168/0417–6.2.6

Pen'kova, Ya.A. (2019) Imu, uchnu, stanu, budu: korpusnoe issledovanie perifraz budushchego vremeni v srednerusskoj pis'mennosti. [Imu, uchnu, stanu, budu: A Corpus-Based Study of Periphrastic Future Constructions in Middle Russian] *Slavistična revija*, V. 67, no. 4, s. 569–586.

Psk. 3 let. — Pskovskaya tret'ya letopis' (po Stroevskomu spisku). *Polnoe sobranie russkikh letopisej*, T. V, Vyp. 2. Pskovskie letopisi. M., 2000.

RP — Paleograficheskiy snimok teksta Russkoj Pravdy po Novgorodskoj kormchej knige XIII veka, skopirovannyj s podlinnika studentami ist.-filol. fak-ta Imp. S.-Peterb. un-ta, pod rukovodstvom I. I. Sreznevskogo. SPb., 1888.

Sichinava, D. V. (2018) Absolyutno-otnositel'nye vremena i ikh sochetaemost' s vidom v istorii slavyanskikh yazykov. V kn.: Milliariessi, T. (ed.). *La relation temps/ aspect: approches typologique et contrastive*. Lille: Université Lille-3, P. 93–99.

Sichinava, D. V. (2020) Perechityvaya plyuskvamperfekt: novyj obzor korpusa primerov v berestyanykh gramotakh [Re-reading the pluperfect: new overview of examples from birchbark letters]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], № 1, s. 136–171.

Uspenskij, B. A. (2002) *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)*. [History of the Russian literary language (XI – XVII centuries)] M.: Aspekt Press, 561 s.

Sheveleva, M. N. (2006) *Neknizhnye konstruksii s formami glagola byti v Pskovskikh letopisyakh*. [Non-literary constructions with verb forms to be in the

Pskovian Chronicles.] V kn.: A. M. Moldovan (red.). Verenitsa liter. K 60-letiyu V. M. Zhivova [A string of letters. To the 60th anniversary of V. M. Zhivov], Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, s. 215–241.

Sheveleva, M. N. (2016) K istorii grammaticheskoy semantiki form tipa khazhival, bival, biral v russkom yazyke. [Upon the history of the grammatical semantics of verbal forms like khazhival, bival, biral In Russian] Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii [Russian language and linguistic theory], № 2 (32), s. 71–90.

Andersen, H. (2006) The last days of the Russian future perfect. In: Hanne Leth Andersen, Merete Birkelund, Maj-Britt Mosegaard Hansen (eds.). *La linguistique au Coeur. Valence verbale, grammaticalisation et corpus : Mélanges offerts à Lene Schøsler à l'occasion de son 60e anniversaire*. Odense: University Press of Southern Denmark, p. 149–160.

Błaszczak, J., Jabłońska, P., Klimek-Jankowska, D., Migdalski, K. (2014) The riddle of 'future tense' in Polish. In: De Brabanter, P., Kissine, M., Sharifzadeh, S. (eds.). *Future times, future tenses*. Oxford: Oxford university press, p. 165–204.

Vuković, P. (2014) Futur drugi u suvremenom hrvatskom jeziku [Future anterior in contemporary Croatian]. *Jezik: časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika*, No. 61 (3), c. 81–94.

Елена Васильевна Петрухина

доктор филологических наук, профессор, профессор
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
119991, Москва, Ленинские горы, д.1.
elena.petrukhina@gmail.com; 4991331613, 8916 874 2118

Elena V. Petrukhina

D. Sc. in Philology, professor, professor.
Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Lenin Hills, GSP-1.
elena.petrukhina@gmail.com; 4991331613, 8916 874 2118

**Аспектуальные свойства
деагентивных возвратных конструкций
в русском языке**

Аннотация. В статье рассматриваются аспектуальные свойства конструкций с безличными возвратными формами типа *Ей (хорошо) работается*, в которых выражается неконтролируемость ситуации со стороны персонального Субъекта. Выявлена высокая степень коррелятивности данных форм с однокоренными невозвратными глаголами. Хотя некоторые безличные формы не представлены в Национальном корпусе русского языка, они регулярно обнаруживаются в текстах Рунета. Специфика значения данных форм связана с деагентивацией, т. е. утратой персональным Субъектом контролируемости ситуации (*не пишу* → *не пишется*). Деагентивация сопровождается обычно стативной и модальной семантикой, вносящей ограничения в сочетаемость безличных возвратных форм НСВ, в частности исключающей сочетаемость с обстоятельствами цели. В статье показано, что безличные возвратные формы могут быть образованы и от глаголов совершенного вида с приставкой *по-*, т. е. от делимитативов (*Мне вчера хорошо поработалось*). Это подтверждает на новых фактах совместимость делимитативов с семантикой неагентивности и стативности. Как известно, делимитативы свободно употребляются в личных агентивных конструкциях, и не всегда агентивное предложение можно преобразовать в деагентивное. Например, предложение *Мы вчера два часа погуляли в саду* практически невозможно трансформировать в безличную конструкцию: **Нам вчера два часа погулялось в саду* (такое предложение маловероятно). Безличные формы делимитативов употребляются в основ-

ном в связи с оценкой ситуации — того, как все сложилось или сложится. Поэтому для них характерна сочетаемость с оценочными обстоятельствами, например: *Нам вчера хорошо погулялось в саду.* = ‘Все сложилось так, что мы вчера хорошо погуляли в саду’. В целом деагентивация меняет аспектуальные свойства глаголов как несовершенного, так и совершенного вида (делимитативов).

Ключевые слова: деагентивные конструкции, безличные формы, возвратные формы, неконтролируемость, делимитатив, аспектуальные свойства, сочетаемость.

Aspectual properties of deagentive reflexive structures in Russian

Abstract. The article discusses the aspectual properties of structures with impersonal reflexive forms such as *Ej (khorosho) rabotaetsja* ‘She can get on well with her work today’, which expresses the uncontrollability of the situation by the personal Subject. A high degree of correlation of these forms with cognate nonreflexive verbs is revealed. Although some impersonal forms are not represented in the National Corpus of the Russian language, they are regularly found in Runet texts. The specificity of the meaning of these forms is associated with deagentation, i. e. loss by the personal Subject of controllability of the situation (*ne pishu* ‘I do not write’) → *ne pishetsja* (‘I am not in the mood for writing’). Deagentation is usually accompanied by stative and modal semantics, introducing restrictions on the compatibility of impersonal reflexive imperfective forms, in particular, excluding compatibility with the adverbial of purpose. The article shows that impersonal reflexive forms can also be formed from perfective verbs with the prefix *po-*, i. e. from delimitatives. This confirms the compatibility of Russian delimitatives with semantics of stativity and inactive processes on new facts. As known, delimitatives are freely used in personal agent constructions (*My vchera poguljali v sadu dva chasa* — *We walked in the garden for two hours yesterday*). But it’s almost impossible to convert this sentence into an impersonal construction with a delimitative. Such sentence is unlikely in Russian: **Nam vchera poguljalos’ v sadu dva chasa*. Impersonal forms of delimitatives are used mainly in connection with the assessment of how everything turned out. Therefore, they are characterized by compatibility with adverbials of evaluation (*Nam vchera khorosho poguljalos’ v sadu*. — *We took a nice walk in the garden*. ‘Our yesterday’s walk in the garden turned out to be very pleasant’). In general, deagentation changes the aspectual properties of both imperfective and perfective verbs (delimitatives).

Key words: deagentiv constructions, impersonal forms, reflexive forms, uncontrollability, delimitative, aspectual properties, compatibility.

1. Вступление

Семантическая категория агентивности / неагентивности (описываемая также в терминах контролируемости / неконтролируемости (Арутюнова 1999, 793–802; Вежицкая 1996, 59), волютивности / инволютивности (Золотова, Онипенко, Сидорова 1998, 124), изучалась в русистике прежде всего в связи с семантическими классами глаголов и предикатов, а также категорией аспектуальности и функционированием видов (Булыгина, Шмелев 1997, 97–110; Горбова 2011, 2017; Падучева 2004). Так, глагольная таксономическая категория (Т-категория) Е. В. Падучевой «объединяет два противопоставления, связанные между собой, — аспектуальный класс по Вендлеру и агентивность (т. е. контролируемость, намеренность)». Действие и деятельность — агентивные категории; остальные категории (процессы, состояния, происшествия, тенденции, свойства, соотношение, предостояния, предрасположения) неагентивные (Падучева 2004, 33).

В ряде работ, в том числе упомянутых выше, было также отмечено, что семантические оппозиции агентивности / неагентивности (контролируемости / неконтролируемости) значимы для структуры соответствующих синтаксических конструкций, в частности неагентивность (неконтролируемость) связана с возвратными конструкциями, в которых Субъект выражен именем в дательном падеже. Это инактивный Субъект ситуации, которую он не контролирует (Горбова 2017, 136; Князев 2007, 298–299, 433), Эксперидент (Падучева 2004). Можно сказать, что неагентивность в русском языке выражается в результате взаимодействия лексических, морфологических и синтаксических средств, поэтому при ее исследовании мы используем понятие «конструкции», опора на которое способствует изучению такого взаимодействия как единого комплекса (Goldberg 2003, Кузнецова 2007).

В возвратных конструкциях с дативным субъектом представлен определенный тип неагентивности, а именно неконтролируемость ситуации со стороны персонального Субъекта. В данной статье в центре внимания находятся конструкции с возвратными глагольными формами и дативным субъектом типа *Мне (хорошо) работается / Мне не работается*. Такие конструкции анализируются в работах многих лингвистов, таких как Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко, Е. М. Галкина-Федорук, Т. В. Булыгина, А. Вежицкая, В. В. Виноградов, А. В. Исаченко, Г. А. Золотова, Ю. П. Князев, А. Б. Летучий, Е. В. Петрухина, О. Н. Селиверстова, В. С. Храковский, Ф. Фичи и других. При этом для их номинации используются разнообразные термины: рефлексивные конструкции (Вежицкая

1996, 67–68), модально-деагентивные рефлексивные конструкции (Князев 2007, 298), безличные конструкции (Арутюнова 1999, 791–793), безличные предложения (точнее, разновидность безличных предложений) (Галкина-Федорук 2012; Арутюнова 1999, 845–846), безличный модальный пассив (Летучий 2014б) и др. Но вопрос об аспектуальной специфике таких конструкций специально не рассматривался, что и определило основной предмет нашего анализа.

Мы рассматриваем возвратные формы в конструкциях типа *Мне здесь (не) работается* как безличные (не изменяющиеся по лицам в настоящем времени и не сочетающиеся с именем Субъекта в именительном падеже) формы однокоренных невозвратных глаголов, т. е. так же, как они трактуются в (Виноградов 1972, 501; Клобуков 2009, 526; Летучий 2014а, 387). Образование возвратных форм от глаголов деятельности, занятий и некоторых других семантических групп сопровождается деагентивацией, т. е. утратой персональным Субъектом контролируемости ситуации (другие модели деагентивации, в частности модель семантической деривации (Падучева 2004, 526), в данной статье не рассматриваются). При этом, если глагол обозначает обычно неконтролируемое, например физиологическое, действие, то его безличная форма выражает неагентивность эксплицитно, исключая контролируемость. Например, глагол *спать*, выражающий физиологический процесс, с отрицанием и при поддержке контекста может выражать и контролируемость ситуации. Так, в следующем предложении выражено, что отсутствие сна контролируется Субъектом: *Сегодня ночью он не спал — работал*, тогда как в предложении *Сегодня ночью ему не спалось* эксплицитно выражена неконтролируемость.

2. Семантика безличных возвратных форм глаголов НСВ

О формообразовании в изучаемых конструкциях свидетельствует прежде всего высокая степень коррелятивности данных форм с исходными невозвратными глаголами целого ряда семантических групп. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) мы обнаружили формы настоящего и прошедшего времени, образованные от шести десятков глаголов НСВ со значением деятельности (в том числе и ментальной), занятий и действий, интерпретируемых как деятельность, например: *бегается, бегалось (бегать), бежится, бежалось (бежать), бродилось (бродить), воюется (воевать), вставалось, встается (вставать), думается, думалось (думать), гадалось (гадать), гулялось, гуляется (гулять), зевается, зевалось (зевать),*

*едется (ехать), елось, ется (есть), играется, игралось (играть), командуются, командовалось (командовать), кричится, кричалось (кричать), мечталось, мечтается (мечтать), мыслится, мыслилось (мыслить), ночевалось (ночевать), обедается, обедалось (обедать), пилось, пьется (пить), плавается (плавать), плясалось, пляшется (плясать), путешествуется (путешествовать), рассуждается (рассуждать), рисуется, рисовалось (рисовать), служится, служилось (служить), сочиняется, сочинялось (сочинять), стреляется (стрелять), танцуется, танцевалось (танцевать), хлопочется (хлопотать), читается, читалось (читать), шутится, шутилось (шутить), а также от глаголов, обозначающих положение человека в пространстве: сидится, сиделось (сидеть), стоится, стоялось (стоять), лежится, лежалось (лежать); физиологических процессов и состояний: дышится, дышалось (дышать), зевается, зевалось (зевать), икается, икалось (икать), кашляется (кашлять), плакалось, плачется (плакать), спится, спалось (спать), чихается, чихалось (чихать); эмоциональных и модальных отношений любилось, любится, можется и др. Зафиксированность и повторяемость данных форм в НКРЯ не позволяет считать их и другие аналогичные формы потенциальными, ср. (Гото, Сай 2009). Самые частотные формы в НКРЯ таковы: *живется* и *жилось* (в сумме в НКРЯ представлено 2630 употреблений данных форм), *спится*, *спалось* (1438), *дышалось*, *дышится* (569), *работается*, *работалось* (416), *мечталось*, *мечтается* (397), *сидится*, *сиделось* (411), *плачется*, *плакалось* (151), *лежалось*, *лежится* (52). Частотность остальных форм колеблется от 45 до 1, например форма *воюется* зафиксирована только один раз (Петрухина, Шэнь 2019). Конечно, не все возможные формы непереходных глаголов НСВ представлены в НКРЯ, отсутствующие формы легко обнаруживаются в Рунете, напр., такие как *воевалось*, *гастролируется*, *директорствуется*, *завтракалось*, *заседается*, *ездится*, *импровизируется*, *клеветается*, *княжилось*, *лазится*, *начальствуется*, *негодовалось*, *ночевалось*, *обедалось*, *обитается*, *отвечается*, *пируется*, *подражается*, *ползется*, *распеваётся*, *рыдалось*, *скучается*, *соперничается*, *ужиналось*, *ужинается*, *умствуется*, *умирается*, *хныкается*, *хнычется*, *хозяйничается*, *шалится* и др. Наше исследование показало, что в Рунете можно найти возвратные безличные формы практически от любого глагола деятельности и занятий и даже от многих глаголов со значением обобщенных процессов и состояний, в том числе и такие формы, как *умиралось*, *умирается*, *наступается*, *квартируется*, *отвыкается*.*

Апресян с рассматриваемыми безличными формами связывает представление о неподконтрольности ситуации говорящему или

иному деятелю и о «неопределенности той силы, которая, по мнению говорящего, является причиной наблюдаемого положения вещей» (Апресян 2006, 36). Арутюнова также видит в моделях типа *Ему (не) работается* не просто семантику неконтролируемости, но и значение «пассивного» подчинения некой силе. «Рассмотренная конструкция отражает определенную жизненную позицию человека — его стремление согласовывать свои действия с течением жизни: жить, как живется, делать то, что делается, стрелять, когда стреляется, пить, когда пьется, не строить, когда не строится, не думать, когда не думается» (Арутюнова 1999, 807). В ряде других исследований также отмечается, что конструкции с возвратными безличными формами выражают «внутреннее расположение человека», «внутреннюю модальность возможности или желания», ср. *Мне не работается* — ‘Я не могу работать в силу своего состояния’, *Ему и в Думе неплохо заседается* ‘Ему нравится заседать в Думе’ (Фичи 2010). Такие конструкции при сильной поддержке контекста могут выражать и внешнюю модальность (Легучий 2014а, 379).

Наш анализ употребления и сочетаемости анализируемых возвратных форм в НКРЯ и Рунете подтверждает стативную и модальную семантику данных языковых структур, в частности выражение неконтролируемого состояния расположенности (предрасположенности) / нерасположенности Субъекта к осуществлению действия, выраженную в той или иной степени. Стативность трактуем как в (Падучева 2004, 311), т. е. как состояние или постоянное соотношение (различного характера, в том числе модального, волевого, эмоционального). Семантика нерасположенности и невозможности выражается обычно в отрицательных конструкциях, например: *То-то мне так тревожно было всё последнее время, и не работалось, и не гулялось, и не думалось, и не читалось* (Ю. М. Нагибин. 1975)⁸¹; *Не естся мне там и не пьется. Приду домой, разогрею борщ — и тарелочку с «бугром». Вот это еда!* (Нонна Мордюкова. Казачка, 2005). Эта семантика может быть выражена также качественными наречиями типа *плохо, с трудом*: *После тяжелого рабочего дня плохо гулялось мне...* (М. В. Нестеров. 1926–1928). Безличные формы некоторых глаголов способны выражать расположенность к действию без контекстной поддержки, напр.: *Ему работалось, он выходил из номера только перекусить...* (Ю. Семенов, 1968). *Мне работалось: я писал этюды, делал зарисовки...* (К. С. Петров-Водкин, 1932). *А раз им еще бегаются, пускай носятся!* (Ф. Чуев, 1998). Но чаще, по на-

⁸¹ Примеры без указания URL почерпнуты из НКРЯ.

шим наблюдениям, такие конструкции включают наречные обстоятельства типа *хорошо, легко*, например: *Сегодня хорошо бегаюсь после усталости* (Н. Амосов, 1999). Стаивность в зависимости от контекста может быть выражена в большей (напр., в предложениях с отрицанием) или меньшей (напр., в сочетании с другими глагольными формами в процессном значении) степени.

Из всего сказанного вытекает, что образование безличных возвратных форм от глаголов деятельности связано с деагентивацией и стативизацией деятельности и процесса и это может сопровождаться имплицитным выражением модальности. Она легко эксплицируется в аналитических толкованиях данных конструкций: *Мне работалось* = 'Я мог работать и работал'. Эффект выражения имплицитной модальности при деагентивации процесса был отмечен и в других конструкциях, в отрицательных предложениях его описала Падучева (Это не объясняет ... = 'не может объяснить') (Падучева 2011).

Подтверждением неагентивной и соответственно стативной интерпретации безличных возвратных форм могут служить диагностические тесты, разработанные в (Булыгина, Шмелев 1995, 29–30, 93), а именно неспособность анализируемых форм употребляться в настоящем времени для выражения запланированного будущего, а также их несочетаемость с целевым обстоятельством, выраженным инфинитивом, наречием или придаточным цели. Ср. предложения типа *Мы работаем вдвоем, чтобы закончить проект в срок. Они во вторник танцуют на сцене ДК ЗИЛ* и невозможность их деагентивных трансформаций, как **Нам работается вдвоем, чтобы закончить проект в срок, *Им во вторник танцуются на сцене ДК ЗИЛ*.

3. Безличные возвратные формы делимитативов

В публикациях Падучевой отмечается, что критерием разграничения агентивов и стативов может служить также делимитативная деривация, которая характерна и частотна прежде всего для глаголов НСВ деятельности и занятий. «Способность мотивировать делимитатив дает один из самых показательных тестов, отличающих деятельности от постоянных свойств и состояний» (Падучева 1996, 145–146). Утверждение, что делимитативы образуются лишь от активных глаголов деятельности, в большей степени, чем для русского, справедливо для чешского и других западнославянских языков, где от глаголов, обозначающих физические процессы и состояния с неактивным субъектом, делимитативы с приставкой *ro-* образуются значительно реже, чем в русском языке (Петрухина 2000 / 2012,

161–164). А в русском языке образование делимитативов возможно от многих глаголов НСВ со значением психического, физического, эмоционального состояния субъекта, поведения, обобщенной деятельности, инактивных физических процессов, положений в пространстве (Петрухина 2012, 143–151), см. также (Горбова 2011, 76–78). Например, в НКРЯ представлены делимитативы, образованные от глаголов названных семантических групп: *поболеть, побастовать, погореть, позаседать, поприсутствовал, попьянствовать, поруководить, потерзаться, поспекулировать, поцарствовать, поучаствовать* и др.

Подтверждению совместимости делимитативной семантики со стативностью в русском языке может также служить возможность образования безличных форм от делимитативов (факт такой деривации отмечен лишь в некоторых работах, в частности в (Летучий 2014б)). От других типов глаголов СВ рассматриваемые возвратные формы в современном русском языке не образуются⁸². Несколько безличных форм делимитативов представлено и в НКРЯ, например *погулялось, поживется, пожилось, поработалось, заплакалось, поспалось, поспитя, посиделось, посидится*⁸³. Значительно больше делимитативов в безличной форме нашлось на сайтах Рунета: *побегалось, повставалось, подышалось, поездилось, позевалось, покричалось, полетелось, полежалось, поплавалось, попрыгалось, попутешествовалось, пофилософствовало, пошагалось, позевается, полетается, полежится, попрыгается, путешествуется, пошагается* и др. (Петрухина, Шэнь 2019).

В нашем материале преобладает употребление безличных возвратных форм делимитативов с адвербиальными квалификаторами, оценивающими результат деятельности, которая была или будет реализована. При этом происходит своего рода «результативная стативизация» делимитативов: акцент с выражения порции деятельности переносится на ее оценку, своего рода «результатирующее состояние».

Показательным является сопоставление агентивных и неагентивных конструкций с делимитативами. Так, нельзя трансформировать в деагентивную конструкцию следующее предложение: *Мы вчера погуляли в саду два часа – *Нам вчера погулялось в саду часа два* (такое предложение в русском языке маловероятно). Безличная форма

⁸² По данным А. А. Градинаровой, безличные возвратные формы от некоторых глаголов СВ зафиксированы в словаре В. Даля (Градинарова 2009).

⁸³ В НКРЯ преобладают формы прошедшего времени безличных делимитативов. Все семь примеров последней формы *посидится* из НКРЯ зафиксированы в литературных текстах 19-го в.

делIMITATИВА нуждается в поддержке наречного квалификатора и желательно без определения временного отрезка, в рамках которого осуществлялась деятельность, например: *Нам вчера хорошо погулялось в саду*. Деагентивные элементы смысла (т. е. смысл, что такое положение вещей не контролировалось Субъектом) в толковании данной конструкции можно эксплицировать с помощью деагентивной рамки: ('Сложилось так, что мы вчера хорошо погуляли в саду').

Приведем некоторые примеры употребления делимитативов в деагентивных конструкциях, извлеченные из НКРЯ и Рунета. *Отлично сегодня побегалось на лыжах* (imgurk.com/user/roman_polyakov40). *...Ему славно погулялось в Енисейске в честь такой победы* (В. Астафьев, 1974). *Славно поработалось в тот день Федоре...* (В. В. Бианки, 1923–1958). *Начало концерта задержалось, но не критично, а потом здорово попрыгалось под новые и старые песни* (www.diary.ru/~Evilempire/p158420135.htm). *А поездилось хорошо. И поигралось хорошо* (<http://lev-evgenevi4.livejournal.com/444666.html>). *Если в субботу полетается нормально, тогда в воскресенье раненько утром стартуем в Вязи* (<http://www.firststep.ru/forum/viewtopic.php?t=1213>). *Мне и рядышком неплохо полежится* (<https://www.popcornnews.ru/persons/taylorlautner/talks/topic/7606/4510>). *Вот уж им поспится всласть!* (<https://www.vekperevoda.com/1900/vlugovskoj.htm>).

В большинстве приведенных примеров использовать безличный делимитатив без квалификатора практически невозможно: **Сегодня нам побегалось на лыжах*, **Вчера нам погулялось в Енисейске*, **Мне и рядышком полежится*. Единичные безличные делимитативы допускают употребление без квалификатора, но обычно с отрицанием, сопровождающееся имплицитной семантикой неагентивности и невозможности: *Ну, думаю, будут жить. Нет, опять не пожилось* (Василий Шукшин, 1972–1973). *И что вам в Москве не посиделось?* (Г. Н. Владимов, 1994). В нашей выборке нет примеров с отрицательными квалификаторами типа *плохо*, *с трудом*.

С собственно делимитативным значением (как порции деятельности или процесса) зафиксировано употребление лишь некоторых словоформ, обозначающих неконтролируемые конкретные ментальные или физиологические процессы, ограниченные временными рамками, без показателей оценки ситуации и иногда с временными количественными определителями: *Ну и поикалось, наверное, власть и мушкетер за состояние дороги от моих добрых слов* (<http://gribnik-rossii.ru/?p=45954>); *Очень понравился фильм, сразу подумалось-философствовало о жизни, о том, чего достиг* (<https://forums>).

drom.ru/kino/t1151166595.html); *Вот в этих мыслях прошла вся Литургия... И заплакалось немного* (Митрополит Вениамин Федченков, 1948).

4. Заключение

Наше исследование позволяет сделать выводы об аспектуальных свойствах возвратных безличных форм и о соотношении семантических признаков неагентивности и стативности. Если за пределами изучаемых конструкций агентивность / неагентивность и динамичность / статичность рассматриваются обычно как два независимых признака, см. (Бульгина, Шмелев 1997: 97–110, 147–148)), то в рамках данных конструкций деагентивация деятельности и процесса при образовании возвратных безличных форм сопровождается стативизацией семантики исходных личных глаголов. При таких преобразованиях (типа *Не работаю* → *Не работаетя*) персональный Субъект, сохраняя свой субъектный статус, утрачивает свойства Агенса как действующего и контролирующего ситуацию Субъекта, и становится Экспериентом (Падучева 2004), то есть Субъектом внутреннего психического, ментального, эмоционального или физиологического состояния, не зависящих от его воли. При этом стативизация глаголов НСВ, как правило, сопровождается имплицитной модальностью, но в зависимости от контекста это проявляется в разной степени. Возможность образования безличных форм от делимитативов подтверждает сочетаемость последних с семантикой стативности. Такие формы делимитативов употребляются в основном в связи с оценкой того, как все сложилось, поэтому для них характерно употребление с оценочными обстоятельствами типа *хорошо, прекрасно*. Таким образом, деагентивация меняет аспектуальные свойства делимитативов.

ИСТОЧНИКИ

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (2003–2019), URL: <http://www.ruscorpora.ru>

ЛИТЕРАТУРА

Апресян, Ю. Д. (2006). *Языковая картина мира и системная лексикография*. М.: Языки славянских культур, 36–39.

Арутюнова, Н. Д. (1999). *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 911 с.

Булыгина, Т. В., Шмелев, А. Д. (1997). *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

Вежицкая, А. (1996). *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари. 416 с.

Виноградов В. В. (1972). *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. М.: Высшая школа, 601 с.

Галкина-Федорук, Е. М. (2012) *Безличные предложения в современном русском языке*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 336 с.

Горбова, Е. В. (2011). *Грамматическая категория аспекта и контекст*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 565 с. URL: <https://www.academia.edu/>.

Горбова, Е. В. (2017). *Грамматическая категория аспекта и контекст: (на материале испанского и русского языков)*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 420 с.

Гото, К. В., Сай, С. С. (2009). Частотные характеристики классов русских рефлексивных глаголов. В кн.: *Корпусные исследования по русской грамматике*. М.: Пробел, 184–223.

Градинарова А. А. (2009) Славянский рефлексивный имперсонал: к проблеме описания значений. *Acta Linguistica*. Vol. 3, № 2. 49–63.

Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., Сидорова, М. Ю. (2004). *Коммуникативная грамматика русского языка*. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 544 с.

Клобуков, Е. В. (2009). Морфология. В кн.: *Современный русский литературный язык. Новое издание. Учебник / под ред. П. А. Леканта*. М.: Высшая школа, с. 402–586.

Князев, Ю. П. (2007). *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянских культур, 704 с.

Кузнецова, Ю. Л. (2007). Грамматика конструкций. Обзор. *Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы*. № 4. 3–6.

Летучий, А. Б. (2014а). Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы. *Acta Linguistica Petropolitana*. Том X, часть 3. СПб: Наука, 365–395.

Летучий, А. Б. (2014б). Безличный модальный пассив. URL: <http://rusgram.ru>.

Падучева, Е. В. (2004). *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 607 с.

Падучева, Е. В. (2011). Взаимодействие лексической и аспектуальной семантики: деагентивация. В кн.: *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. III Конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов*. URL: http://www.maldura.unipd.it/glagvid/docs/Abstract_DEF.pdf.

Петрухина, Е. В. (2000 / 2012): *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. М.: УРСС. 2-е издание. 255 с.

Петрухина, Е. В., Шэнь, Ю. (2019). Безличные возвратные формы глаголов в современном русском языке: семантика, частотность и производность. *Вестник Башкирского университета*. Уфа. № 2. 439–445.

Фици, Ф. (2010). Об одной модальной функции рефлексивных конструкций. В кн.: *Слово и язык. Сборник статей к 80-летию Ю. Д. Апресяна*. Крысин Л. П. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 645–652.

Goldberg, A. (2003) Constructions: A new theoretical approach to language. *Trends in Cognitive Sciences*, 7 (5), pp. 219–224.

SOURCES

Nacional'nyi korpus ruskogo jazyka [Russian National Corpus] (2003–2019), URL: <http://www.ruscorpora.ru> (In Russian)

References

Apresjan, Ju.D. (2006). *Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija [Language picture of the world and systemic lexicography]*. Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ., 36–39. (In Russian).

Arutjunova, N. D. (1999). *Jazyk i mir cheloveka [Language and the world of man]*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury Publ., 911 p. (In Russian).

Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). *Jazykovaja kontseptualizatsija mira (na materiale russkoj grammatiki) [Language conceptualization of the world]*. Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury» Publ., 1997. 576 p. (In Russian).

Fichi, F. (2010). Ob odnoj modal'noj funktsii reflektivnykh konstruksij [*On a modal function of reflexive constructions*]. In: L. P. Krysin (red.), *Slovo i jazyk. Sbornik statej k 80-letiju Ju. D. Apresjana [Word and language. Collection of articles on the 80th anniversary of Yuri Apresjan]*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 645–652. (In Russian).

Galkina-Fedoruk, E. M. (2012) *Bezlichnye predlozhenija v sovremennom ruskom jazyke [Impersonal sentences in modern Russian]*. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 336 p. (In Russian).

Goldberg, A. (2003) Constructions: A new theoretical approach to language. *Trends in Cognitive Sciences*. 7 (5), pp. 219–224. (In English).

Gorbova, E. V. (2011). *Grammatičeskaja kategorija aspekta i kontekst. Dissertatsija na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologičeskikh nauk [The grammatical category of aspect and context. The dissertation for the degree of Doctor of Philology]*. S.-Peterburg, 565 p. URL: <https://www.academia.edu/>. (In Russian).

Gorbova, E. V. (2017). *Grammatičeskaja kategorija aspekta i kontekst: (na materiale ispanskogo i ruskogo jazykov) [Grammatical category of aspect and context: (based on Spanish and Russian languages)]*. S.-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 420 p. (In Russian).

Goto, K. V., Saj, S. S. (2009). Chastotnye kharakteristiki klassov russkikh reflektivnykh glagolov [*Frequency characteristics of classes of Russian reflexive verbs*]. In: *Korpusnye issledovanija po russkoj grammatike [Corpus studies in Russian grammar]*. Moscow: Probel Publ., 184–223. (In Russian).

Gradinarova A. A. (2009) Slavjanskij reflektivnyj impersonal: k probleme opisanija znachenij [*Slavic reflexive impersonal: to the problem of describing meanings*]. *Acta Linguistica*. Vol. 3, № 2. 49–63. (In Russian).

Klobukov, E. V. (2009). Morfologij [Morphology]. In: *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk. Novoe izdanie. Uchebnik [Modern Russian literary language. New edition. Textbook]*. Pod red. P. A. Lekanta. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 402–586. (In Russian).

Knjazev, Ju.P. (2007). *Grammatičeskaja semantika. Russkij jazyk v tipologičeskoj perspektive. [Grammatical semantics. Russian language in a typological perspective]*. Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ., 704 p. (In Russian).

Kuznetsova, Ju.L. (2007). Grammatika konstruksij. Obzor. [Construction grammar. Overview]. *Nauchno-tekhničeskaja informatsija*. Ser. 2. Informatsionnyj protsessy i sistemy. № 4. 3–6. (In Russian).

Letuchij, A. B. (2014a). Mezhdru passivom i dekauzativom: russkie modal'nye passivy [Between passive voice and decausative: Russian modal passive voice]. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol X (3). S.-Peterburg: Nauka Publ., 365–395. (In Russian).

Letuchij, A. B. (2014b). Bezlichnyj modal'nyj passiv. [Impersonal modal passive voice]. URL: <http://rusgram.ru>. (In Russian).

Paduceva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 607 p. (In Russian).

Paduceva, E. V. (2011). Vzaimodejstvie leksicheskoj i aspektual'noj semantiki: deagentivatsija. [The interaction of lexical and aspectual semantics: deagentation]. In: *Glagol'nyj vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst. III Konferentsija Komissii po Aspektologii Mezhdunarodnogo Komiteta Slavistov* [Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists]. URL: http://www.maldura.unipd.it/glagvid/docs/Abstract_DEF.pdf. (In Russian).

Petrukhina, E. V. (2000 / 2012): *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom jazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim jazykami* [Aspectual categories of the verb in Russian in comparison with Czech, Slovak, Polish and Bulgarian languages]. Moscow: URSS, 2-e izdanie, 255 p. (In Russian).

Petrukhina, E. V., Shen', Ju. (2019). Bezlichnye vozvratnye formy glagolov v sovremennom russkom jazyke: semantika, chastotnost' i proizvodnost' [Impersonal reflexive forms of verbs in modern Russian: semantics, the frequency and the derivation]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, № 2, 439–445. (In Russian).

Vezhbitskaja, A (1996). *Jazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition.]. Moscow: Russkie slovari Publ., 416 p. (In Russian).

Vinogradov, V. V. (1972). *Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical doctrine of the word)]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 601 p. (In Russian).

Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M.Ju. (2004). *Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka*. [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 544 p. (In Russian).

Малинка Пила
PhD., старший научный сотрудник
Университет г. Констанц
Universitätsstraße 10, 78457 Konstanz (Германия)
malinka.pila@uni-konstanz.de

Malinka Pila
PhD., Research assistant
Universität Konstanz
Universitätsstraße 10, 78457 Konstanz (Deutschland)
malinka.pila@uni-konstanz.de

Вид и таксис в резьянском микроязыке (в сопоставлении с русским): первые заметки

Аннотация. Резьянский микроязык является славянской (точнее словенской) языковой разновидностью, на которой говорят в долине юлийских Альп на северо-востоке Италии, куда предки сегодняшних резьян переселились приблизительно тысячу лет назад. Резьянский микроязык находится под сильным влиянием итальянского и других романских языковых разновидностей, между тем как контакты со словенскими языковыми разновидностями значительно сократились уже в XV веке.

В настоящей работе рассматривается взаимодействие категории таксиса (в широком смысле, т. е. не только в сложноподчиненных и осложненных предложениях) с видом. Сначала с учетом роли ситуации языкового контакта в образовании новых форм или в изменении функций уже существующих в общих чертах будет представлена темпоральная система резьянского микроязыка, перечислены абсолютные и относительные времена и дано описание их форм и функций. В дальнейшем мы рассмотрим роль вида при выражении таксиса в сочетании отдельных предложений или в сложных предложениях, лишенных специализированных союзов (как напр. *dopo ki* 'после того, как', *kar* 'в то время, как' и т. д.), при употреблении финитных глаголов в абсолютных и относительных временах. Будут прокомментированы и случаи употребления некоторых нефинитных форм (в частности деепричастий и инфинитивов), поскольку именно в этой области обнаруживается влияние контакта с окружающими языками. Кроме того, возможно опять же под чужим влиянием, наблюдается интересное отклонение от общих норм употребления вида в сфере инфинитивов: совершенный вид

проникает в сферу несовершенного. Анализ ведется в сопоставлении с русским.

Ключевые слова: славянские языки, словенский язык, резьянский микро-язык, глагол, глагольный вид, таксис, абсолютные и относительные времена, языковой контакт.

Aspect and taxis in the Resian micro-language (compared to Russian): first remarks

Summary. The Resian micro-language is a Slavic (more precisely a Slovenian) variety, spoken in a valley in Northeast Italy, where the ancestors of the contemporary Resians settled most likely a thousand years ago. The Resian micro-language finds itself in a situation of absolute linguistic contact with the Italian language and with other Romance varieties, whereas the contact with Slovene varieties has dramatically diminished since the XV century. This paper deals with the interplay between the verbal category of taxis (in broad sense) and the verbal category of aspect. I will give an overview of the temporal system of Resian by describing the forms and functions of the absolute and relative tenses in this micro-language. The potential influence of language contact in developing new forms, or in changing functions of already existing ones is taken into account. Thereafter I will describe the role of aspect in the expression of taxis relationships in complex sentences without conjunctions expressing taxis boundaries (like, for instance, *dopo ki* 'after' or *kar* 'while') but containing finite verbs in absolute and relative tenses. I will also analyse a few sentences containing non-finite verb forms (gerund and infinitive), as here the linguistic contact with neighbouring languages continues to play a role. Moreover, in the sentences containing the infinitive of a verb, a violation of the general rules governing the use of verbal aspect is observed, with the perfective aspect entering the domain usually pertaining to the imperfective aspect.

Key words: Slavic languages, Slovene language, Resian micro-language, verb, verbal aspect, taxis, absolute and relative tenses, linguistic contact.

1. Введение

Резьянский микроязык является разновидностью славянского языкового меньшинства. На нём говорят в северо-восточной Италии в долине юлийских Альп, куда предки сегодняшних резьян переселились из Каринтии, по всей вероятности, в X в. Резьянский микроязык находится под сильным влиянием итальянского и других романских языковых разновидностей (в частности фриульского и, в меньшей мере, венецианского). Наиболее близким к нему стандарт-

ным славянским языком является словенский. Однако контакты со словенскими языковыми разновидностями значительно сократились уже в XV в., когда прекратились связи резьянского с зильским диалектом.⁸⁴ В ранний период (а так же в XIX в.) резьянский был в контакте и с южнонемецкими языковыми разновидностями.

В настоящей работе рассматривается взаимодействие категории таксиса с видом, с учётом роли языкового контакта в развитии резьянской глагольной системы. Понятие таксиса (темпорального соотношения двух, или более, глагольных действий в одном и том же абсолютном временном плане) понимается здесь в широком смысле, т. е. в анализ будут включены не только примеры сложноподчиненных и осложненных предложений, но и сочетания отдельных предложений⁸⁵. Сложноподчиненные предложения рассматриваются только в том случае, если они не имеют специализированных союзов (таких, как *dopo ki* ‘после того, как’, *kar* ‘в то время, как’ и т. д.). Анализ приводится, прежде всего, на основе проведенных мной опросов информантов в течение 2015–2019 гг.

2. Темпоральная система резьянского микроязыка

В изъявительном наклонении резьянский язык обладает довольно сложной темпоральной системой. Помимо настоящего времени единственной синтетической формой этого наклонения является будущее время вспомогательного глагола *bet* ‘быть’⁸⁶. Все остальные времена построены аналитически с помощью трех разных вспомогательных

⁸⁴ О переселении резьян ср. Benacchio (2002, 18–20). Об общем языковом развитии резьянской и зильской языковых разновидностей см. Ramovš (1928, 108–113).

⁸⁵ Об определении основополагающих понятий в области таксиса, включая характеристику сложноподчиненных и осложненных предложений, см. концепцию Храковского (2009), которая является важнейшей теоретической основой для данной работы. Заметим, однако, что по этой концепции таксис понимается в узком смысле и примеры с однородными сказуемыми, как некоторые из приведенных в этой статье (примеры (1), (2), (4)), не включены в эту категорию.

⁸⁶ В резьянском обнаруживаются и формы имперфекта, которые сохранились в данном микроязыке благодаря влиянию контактных с ним романских языковых разновидностей. Однако в наши дни имперфект сочетается почти исключительно с модальными и вспомогательными глаголами и выражает, как правило, контрфактическое значение. В очень редких случаях имперфект выступает в сочетании с глаголами несовершенного вида с таксисной функцией следования, а именно «будущего в прошедшем», как в следующем примере: *ni so rikly, da tej wčera ni harděšajo*: *TRFG na gobe, anō ni so šly*. ‘Они (раньше) сказали, что они вчера пойдут за грибами и они (действительно) ходили’. О сохранении имперфекта в резьянском и о переходе этой формы из области вида в сферу наклонения см. (Breu 2011, 175–177).

глаголов: *bet* ‘быть’, *tēt* ‘хотеть’ и *mēt* ‘иметь, быть должным’. К аналитическим формам причисляются как абсолютные времена (перфект и три разновидности будущего⁸⁷), так и относительные времена (два типа плюсквамперфекта, два варианта будущего в прошедшем, будущее предварительное и др.). В принципе все перечисленные формы совместимы как с глаголами СВ, так и с глаголами НСВ.

3. Взаимодействие вида с таксисом

Если ограничиться абсолютными временами, можно обнаружить, что таксис выражается преимуществом видом, который в сегодняшнем резьянском, в отличие от некоторых других стандартных и нестандартных славянских языков, например, болгарского, хорватского и молиско-славянского, выражается только деривационной (а не флективно-деривационной) оппозицией. Таким образом, ситуация в резьянском соответствует ситуации в русском и словенском языках. Иначе говоря, при однократных ситуациях в предложениях, содержащих два действия, полная одновременность выражается с помощью двух глаголов НСВ (1), а последовательность (следование или предшествование) выражается двумя глаголами совершенного вида (2). В случае неполной одновременности (= инцидентности⁸⁸) употребляется сочетание глагола совершенного вида, выражающего осуществление действия в его целостности (в прошлом или в будущем), с глаголом несовершенного вида, описывающего ситуацию на фоне выраженного СВ действия (3).

- (1) *An pīlil:PRF.IPFV dyrwa, anu an se mimbrel:PRF.IPFV*
‘Он **пилил** дрова и он **жаловался**’⁸⁹.
- (2) *Moti jĕ poledala:PRF.PFV otroka, an wun an se ġal:PRF.PFV smĕjet.*
‘Мать **посмотрела** на ребенка и он [он] **начал смеяться/улыбаться**’.

⁸⁷ Они строятся с помощью трех вышеупомянутых вспомогательных глаголов. Будущее с ‘быть’ передает вероятность осуществления действия, будущее с ‘хотеть’ — обязательность, а будущее с ‘иметь’ — предвиденность (проспективность). Подробнее о будущем в резьянском в (Breu–Pila 2018).

⁸⁸ О понятии инцидентности см. (Breu в печати, § 1.3).

⁸⁹ Стоит обратить внимание на то, что в резьянском микроязыке перфект строится с презенсом вспомогательного глагола *bet* ‘быть’ + причастие на *-l* главного глагола. Однако в третьем лице единственного числа презенс вспомогательного глагола (*jĕ*) часто отсутствует и форма перфекта состоит из одного причастия, как в этом и во многих следующих примерах.

- (3) *Ko ja si dušlū:PRF.PFV, an präl:PRF.IPFV plahüte.*
'Когда я пришла, он стирал постельное белье'.

В русском языке встречаются и такие примеры, как *он постарел, располнел и обрюзг*, в которых глаголы СВ выражают своеобразную «одновременность». В данных случаях, однако, одновременность относится не к самим действиям, а, скорее, к их результатам. Такие случаи возможны и в резьянском микроязыке (4)⁹⁰.

- (4) *An pustarël:PRF.PFV anö se putulstil:PRF.PFV*
'Он постарел и потолстел.'

Между русским и резьянским языками обнаруживаются и интересные различия. Касательно последовательности, напр., в русском языке наблюдаются такие примеры, как *он пришел, потанцевал и ушел*, в которых глаголы, описывающие деятельность (в этом примере *танцевать*) употребляются с (перфективирующим) префиксом *po-*, выражающим делимитативный (= временно ограниченный) характер действия. В этих случаях употребить соответствующий глагол НСВ в русском языке, за исключением очень редких случаев, невозможно.

В резьянском микроязыке, напротив, (перфективирующая) приставка *po-* с делимитативным значением не очень употребительна. Следовательно, в случаях последовательности ситуаций, глаголы деятельности предпочитают НСВ, как в (5).

- (5) *An se rizbudil:PRF.PFV, an jökal:PRF.IPFV nu malö, anö an spe(t) usanöl:PRF.PFV*
'Он проснулся, он поплакал (досл. «плакал немного») и он опять уснул'.

Резьянский микроязык отличается от русского и употреблением многочисленных относительных времен, которые позволяют эксплицитно (= непосредственно) описать таксисное соотношение действий.

⁹⁰ Такая возможность вытекает из взаимодействия вида с лексическим значением глагола. Она есть только у результативных глаголов с основой, образованной от прилагательного, как, напр., русские глаголы *потолстеть, постареть* и др., кроме того, это характерно для начинательных (напр., *заходить, заговорить*) и ограничительных (напр., *поговорить, посидеть* и т. д.) глаголов. По этому поводу см. (Breu 1980, 30–38). Следует уточнить, что в резьянском говоре способы глагольного действия, как правило, менее употребительны по сравнению с русским, см. Бенаккьо (2015, 22). Следовательно, примеры «одновременности», выраженной глаголами СВ, встречаются в резьянском реже чем в русском.

Среди относительных форм, в области прошедшего времени, перфекту (напр., *jě šlä:3SG.F* ‘она шла/пошла’), выражающему локализованную в прошлом ситуацию, противопоставляется плюсквамперфект типа *jě bila šlä:3SG.F* (PQP₂), образованный при помощи перфекта вспомогательного глагола ‘быть’ (*jě bila*) + причастия на -л главного глагола (*šlä* от двувидового глагола *tet* ‘идти’), и обозначающий «предшествование в прошедшем», т. е. выражающий тот факт, что данное действие имело место до начала другого действия в прошлом (6)⁹¹.

- (6) *Ko ni so se nakwaržinali:PRF, korijera bila wže šlě:PQP₂.*
 ‘Когда они (это) **заметили**, автобус уже **отправился**’.

В сложноподчиненном предложении в (6), содержащем неспециализированный союз *ko* ‘когда’, однократная ситуация описывается с помощью двувидовых глаголов *se nakwaržinat* (в зависимой части предложения) и *tet* (в главной части предложения). Однако при передаче однократных действий, как правило, встречаются глаголы СВ. Если речь идет о многократной ситуации, плюсквамперфект факкультативно появляется в НСВ. НСВ обязательно употребляется в главной части предложения при выражении делимитативного процесса. Важно ещё заметить, что, в отличие от русского, в резьянском говоре во многих контекстах частица ‘уже’ может, в принципе, быть опущена.

В резьянском существует и плюсквамперфект типа *běšě šlä:3SG.F* (PQP₁), состоящий из имперфекта вспомогательного глагола ‘быть’ + причастие на -л главного глагола. В конце XVIII в. плюсквамперфект типа *běšě šlä* выступал с таксисной функцией «предшествования в прошлом» (7)⁹².

- (7) *Kada an jə rišušital:PRF? — [...]te tretni din döpö náha smarti,*
 ‘Когда он **воскрес**? — [...] на третий день после своей смерти,
takoj an bæšə pridiital:PQP₁
 как он (до этого) **проповедовал**’.

В современном резьянском, однако, плюсквамперфект₁ выражает в основном модальное (контрфактическое) значение и/или (по мне-

⁹¹ Пример взят из (Steenwijk 1992, 191). Речь идет о краже карнавальной куклы туристом, приехавшим в Резию на автобусе. Надо уточнить, что в плюсквамперфекте₂, как и в перфекте, в третьем лице единственного числа форма *jě* часто опускается.

⁹² Такой пример можно обнаружить в резьянском Катехизисе, см. (Baudouin de Courtenay 1894, 66). Все немногочисленные примеры такого типа относятся к однократным ситуациям, выраженным глаголами, которые можно отнести к СВ.

нию отдельных информантов) таксисное значение «будущего в прошедшем». Последнюю возможность следовало бы изучить глубже.

Таксисной функцией следования в прошедшем (и/или контрфактическим значением) обладают оба варианта будущего в прошедшем, которые образуются при помощи имперфекта вспомогательных глаголов *tēt* ‘хотеть’ или *mēt* ‘иметь’ + инфинитив главного глагола, напр. *těšon tet* ‘я бы пошел/я пойду (оба в прошедшем)’.

В будущем времени встречаются формы будущего предварительного (FUT₂), напр. *čon bet šlā: 1SG.F*, состоящего, состоящего из будущего обязательности глагола ‘быть’ (*čon bet*) + причастие на -л главного глагола. Оно выражает таксисное значение «предшествования в будущем». Эти формы являются новообразованиями, возникшими в резьянском, по всей вероятности, под влиянием языкового контакта с романскими языками, в которых встречаются формы будущего предварительного типа итал. *sarò partito* ‘я (уже) отправлюсь’⁹³. Однако в разговорном итальянском, как и в резьянском, вместо будущего предварительного часто встречается перфект, см. (8).

- (8) *Ko ti priděš gorě w Reziyo, ä čon bet wžě prodol:FUT₂.PFV (~si wžě prodol:PRF.PFV) vās strok.*
‘Когда ты **приедешь** (досл. «наверх») в Резию, я уже **продам** (~ уже **продал**) весь чеснок’.

Интересно заметить, что в случае делимитативного действия формы будущего предварительного выражаются НСВ, что, опять же, является следствием отсутствия в резьянском систематического класса глаголов для выражения делимитативного (ограничительного) способа действия.

Как известно, таксис выражается не только финитными, но и нефинитными глагольными формами (прежде всего, деепричастиями, реже — причастиями). При употреблении нефинитных форм мы имеем дело не с сложноподчиненным, а с осложненным предложением⁹⁴.

В резьянском языке деепричастия образуются очень редко. Самыми частотными являются деепричастия НСВ *sadoć* ‘сидя’, *lažoć* ‘лежа’ и некоторые другие. Они, как и в русском языке, служат показателями одновременности, как в (9).

⁹³ Стоит уточнить, что они появились пока только при переводе итальянских примеров на резьянский.

⁹⁴ Если ограничиться деепричастиями, можно отметить, что в русском языке они довольно частотны и что деепричастия НСВ употребляются при передаче одновременности действий с главным глаголом осложненного предложения, между тем как деепричастия СВ передают предшествование зависимого действия по отношению к главному.

- (9) *Anö lažoć:CVB.IPFV na travi, an jokal.*
'И лежа на траве, он плакал'

Интересен тот факт, что в резьянском микроязыке одновременность может быть выражена и формами инфинитива, а именно в составе локативных конструкций (= *tu-w* 'в' + инфинитив). Важно заметить, что инфинитив, кажется, выступает только в СВ (10), несмотря на то, что он выражает действие в процессном значении. Примеров с НСВ пока не встретилось.

- (10) *Tu-w vilěst:INF.PFV z iše, an jě spadel:PRF.PFV ano si jě zlomył no nõo.*
'Выходя из дома, он упал и сломал себе [одну] ногу (досл. «в выйти из дома...»)

Моделью для употребления инфинитива при передаче одновременности являются, по всей вероятности, аналогичные конструкции в контактных с резьянским романских, а также, возможно, в немецких языковых разновидностях, в которых существуют конструкции типа итал. *nel tagliare (il pane), si è ferito* или нем. *beim Schneiden, hat er sich verletzt* досл. «в резать (хлеб), он себя ранил».

4. Заключение

Глагольная система резьянского языка очень богата. В ней обнаруживаются, кроме ряда абсолютных времен, также и многочисленные специализированные таксисные формы (= относительные времена), такие как, напр., плюсквамперфект₂. Некоторые формы (напр., будущее предварительное) образовались, скорее всего, по модели контактных романских языков, которые повлияли и на функции некоторых уже существующих форм (напр., имперфекта), прибавив им новое для них таксисное значение (в случае имперфекта «следование в прошедшем»).

Если ограничиться употреблением финитных форм в абсолютных временах, то таксисные отношения — при отсутствии специализированных союзов — выражаются (в основном) видом. При употреблении глагольных форм в относительных временах сама форма выражает присущее ей таксисное значение, между тем как вид описывает внутренний темпоральный характер действия. Употребление нефинитных форм в резьянском не очень распространено. Но все-таки и в этой области обнаруживается инновация, вызванная ситуацией языкового контакта, а именно употребление инфинитива при передаче одновременности. Здесь наблюдается

и нарушение общих правил употребления вида, так как инфинитив в локативных конструкциях, о которых идет речь, употребляется в совершенном виде.

ЛИТЕРАТУРА

Бенаккьо, Р. (2015) Морфологические проявления вида в резьянском диалекте: префиксация и суффиксация. М. Китадзэ (ред.). *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции по Аспектологии Международного Комитета Славистов*. Киото: Университет Киото Сангэ, 21–26.

Брой, В. (в печати) Категория таксиса в Молизско-славянском языке. А. Барентсен, В. С. Храковский (отв. ред.), *Таксис в славянских языках*. Санкт Петербург.

Храковский, В. С. (2009) Таксис: семантика, синтаксис, типология. В. С. Храковский (отв. ред.), *Типология таксисных конструкций*. М.: Знак, 11–113.

Baudouin de Courtenay, G. (1894) *Il catechismo resiano (con una prefazione del dott. G. Loschi)*. Udine: Tipografia del Patronato, 112 p.

Benacchio, R. (2002) *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Udine: Società filologica friulana, 196 p.

Breu, W. (1980) *Semantische Untersuchungen zum Verbalaspekt im Russischen*. (= Slavistische Beiträge Band 137). München: Otto Sagner, 244 S.

Breu, W. (2011) Il verbo slavomolisano in confronto con altre lingue minoritarie: mutamento contatto-dipendente, resistenza e sviluppo autonomo. W. Breu (ed.), *L'influsso dell'italiano sul sistema del verbo delle lingue minoritarie. Resistenza e mutamento nella morfologia e nella sintassi*. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 149–184.

Breu, W., Pila, M. (2018) Le futur et l'aspect en molise slave et en résian / Взаимодействие будущего времени с глагольным видом в молизско-славянском и резьянском микроязыках. В кн.: Т. Milliaressi (éd.), *La relation temps/aspect: approches typologique et contrastive*. Lille: UL3, Éditions du conseil scientifique, 129–138.

Ramovš, F. (1928) *Karakteristika slovenskega narečja v Reziji*, "Časopis za slovenski jezik, književnost i zgodovino", VII, 107–121.

Steenwijk, H. (1992) *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio*. Amsterdam etc.: Rodopi, 352 p.

REFERENCES

Benacchio, R. (2015) Morfologičeskie projavlenija vida v rez'janskom dialekte: prefiksatsija i suffiksatsija [Morphological manifestations of aspect in the Resian dialect: prefixation and suffixation]. М. Kitajo, (ed.), *Aspektual'naja semantičeskaja zona: tipologija sistem i stsenarii diakhroničeskogo razvitija. Sbornik statej V Meždunarodnoj konferentsii po Aspektologii Meždunarodnogo Komiteta Slavistov [Aspectual-semantic zone: typology of systems and scenarios of diachronical development]*. Kyoto: University Kyoto Sangyo Publ., 21–26. (in Russian)

Breu, W. (in press) Kategorija taksisa v Molizsko-slavjanskom jazyke [The category of taxis in the Molise Slavic language]. // А. Барентсен, В. С. Храковский

(ed.), *Taksis v slavjanskikh jazykakh [Taxis in the Slavic languages]*. Saint Petersburg. (in Russian)

Khrakovskij, V. S. (2009) Taksis: semantika, sintaksis, tipologija [Taxis: semantics, syntax, typology]. V. S. Khrakovskij, (ed.), *Tipologija taksisnykh konstruksij [Typology of taxis constructions]*. Moscow: Znak Publ., 11–113. (in Russian)

Baudouin de Courtenay, G. (1894) *Il catechismo resiano (con una prefazione del dott. G. Loschi) [The Resian Catechism (with a preface of dr. G. Loschi)]*. Udine: Tipografia del Patronato Publ., 112 p. (in Italian)

Benacchio, R. (2002) *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto [The Slovene dialects of Friuli between periphery and contact]*. Udine: Società filologica friulana Publ., 196 p. (in Italian)

Breu, W. (1980) *Semantische Untersuchungen zum Verbalaspekt im Russischen [Semantic studies on verbal aspect in Russian]*. (= Slavistische Beiträge Band 137). Munich: Otto Sagner Publ., 244 p. (in German)

Breu, W. (2011) Il verbo slavomolisano in confronto con altre lingue minoritarie: mutamento contatto-dipendente, resistenza e sviluppo autonomo [The Molise Slavic verb in comparison with other minority languages: contact-depending change, resistance, independent development]. In: W. Breu (ed.): *L'influsso dell'italiano sul sistema del verbo delle lingue minoritarie. Resistenza e mutamento nella morfologia e nella sintassi [The influence of Italian on the verbal system of minority languages. Resistance and change in morphology and syntax]*. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer Publ., 149–184. (in Italian)

Breu, W., Pila, M. (2018) Le futur et l'aspect en molise slave et en résian / Vzajmodejstvie budushchego vremeni s glagol'nym vidom v molizsko-slavjanskom i rez'janskom mikrojazykakh [The interplay between the future tense and the verbal aspectual system in Molise Slavic and Resian]. In: T. Milliaressi (ed.), *La relation temps/aspect: approches typologique et contrastive [The relationship tense/aspect: typological and comparative approaches]*. Lille: UL3, Éditions du conseil scientifique Publ., 129–138. (in Russian)

Ramovš, F. (1928) *Karakteristika slovenskega narečja v Reziji [Characteristics of the Slovene dialect in Resia]*, “Časopis za slovenski jezik, književnost i zgodovino”, VII, 107–121. (in Slovene)

Steenwijk, H. (1992) *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio*. Amsterdam etc.: Rodopi Publ., 352 p. (in English)

СОКРАЩЕНИЯ:

CVB = деепричастие (конверб)

PRF = перфект

INF = инфинитив

IPRF = имперфект

PFV = совершенный вид

IPFV = несовершенный вид

PQP = плюсквамперфект

FUT = будущее

Драгана Попович

Доктор филологических наук, доцент
Философский факультет Новисадского университета
21000 Нови Сад, др Зорана Ђинђића 2
dragana.popovic@ff.uns.ac.rs

Dragana Popovic

PhD, assistant professor
Faculty of Philosophy, University of Novi Sad
2, dr Zoran Djindjic, Novi Sad, 21000, Serbia
dragana.popovic@ff.uns.ac.rs

**Русские и сербские глаголы
в контексте итеративной последовательности ситуаций**

Аннотация. В статье рассматривается выражение повторительного значения глаголами русского и сербского языков при реализации «итеративной последовательности ситуаций» в плане настоящего времени. Особое внимание уделяется выявлению и определению лексических, грамматических и контекстуальных условий функционирования данного значения (в сопоставительном аспекте). Исходя из того, что условия употребления славянских глаголов НСВ и СВ зависят от ряда грамматических и лексико-семантических компонентов, присущих как самим глаголам, так и словам, с которыми они взаимодействуют в рамках высказывания, можно выяснить, за счет каких компонентов достигается — в данном случае в русском и сербском языках — упомянутое повторительное значение. Для его выражения в обоих рассматриваемых языках существуют лексические и грамматические ограничения. Лексические ограничения проявляются в том, что компонент итеративности присущ только определенному числу глаголов (напр. *встречаться / сретати се, виђати се; переписываться / дописивати се*), на фоне которых и другие глаголы могут приобретать повторительное значение. Грамматические ограничения четко проявляются при сопоставлении с минимальным контекстом с актуально-длительным значением (ср. *Ребенок* (ед. ч.) *плачет / Дете* (ед. ч.) *плаче : Дети* (мн. ч.) *плачут / Деца* (мн. ч.) *плачу*). При анализе учитывается и тот факт, что анализируемое значение в сербском языке может выражаться и глаголами СВ (напр. *Дети часто плачут / Деца често плачу / заплачу*). Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы: рассматриваемое повтор-

тельное значение, реализуемое глаголами НСВ в обоих сопоставляемых языках, выражается не граммемой НСВ, а лексемами глаголов и средствами контекста (грамматическими и лексическими), в то время как в высказываниях с сербскими глаголами СВ повторительное значение достигается исключительно за счет контекста.

Ключевые слова: вид глагола, русский язык, сербский язык, повторительное значение, итеративность.

Russian and Serbian verbs in the context of iterative succession of events

Summary. The paper explores Russian and Serbian verbs expressing iterativity, i. e. realizations of an “iterative succession of events”, using present tense forms. Particular attention is paid to identifying the lexical, grammatical and contextual conditions which have to be satisfied in order for the intended interpretation to arise (from a comparative viewpoint). The use of perfective and imperfective aspectual forms in the Slavic languages depends on a number of grammatical and lexico-semantic properties, inherent not only to the verbs but also to the words with which they co-occur and interact within the utterance. The aim of the present study is to pinpoint the properties which make the above mentioned iterative interpretation possible in Russian and Serbian. Namely, in both languages under consideration there are both lexical and grammatical restrictions on expressing iterativity. The lexical constraints refer to the fact that the component of iterativity is inherent to only a number of verbs (e. g. *vstrechat'sya / sretati se, vidjati se* ‘meet, see each other’; *perepisyvati'sya / dopisivati se* ‘write to each other, correspond’) while other verbs may receive an iterative interpretation by way of contextual links with these verbs. The grammatical constraints are clearly manifested in the possibility of a verb having a habitual/iterative reading only in plural but not in singular form (cf. *Rebenok* (sg) *plachet / Dete* (sg) *plache* ‘The child is crying’: *Deti* (pl) *plachut / Deca* (pl) *plachu* ‘The children are crying / Children cry’). The analysis takes into account the fact that in Serbian (but not in Russian) iterativity can also be expressed by perfective verbs (eg. *Deti chasto plachut / Deca chesto plachu / zaplachu* ‘Children often cry / Children often start crying’). The analysis conducted leads to the conclusion that iterative meaning, realized by imperfective verbs in both languages, is not expressed by the grammeme of imperfective aspect but by means of lexemes and by means of context (both grammatical and lexical), while in the Serbian sentences in which perfective verb forms are used, iterative interpretation entirely stems from the context.

Key words: verbal aspect, Russian, Serbian, iterative interpretation.

1. Вступление

Употребление глаголов НСВ и СВ зависит от общих условий реализации конкретной глагольной формы. Эти условия создаются рядом грамматических и лексико-семантических компонентов, присутствующих как самому глаголу, так и окружающим его словам. Поэтому на выбор глагола НСВ или СВ влияют не только его грамматические и лексические характеристики, но и характеристики слов, с которыми он взаимодействует в рамках определенного модально-временного плана. В данных рамках реализуются и повторительные значения НСВ в русском и сербском языках. Не углубляясь в вопрос о количестве повторительных значений граммемы НСВ, критериях их выделения и даже их существования (см. Војводић 2003; Храковский 1989, 2011a, 2011b, 2014) здесь рассматривается употребление русских и сербских глаголов при реализации «итеративной последовательности ситуаций» (термин В. С. Храковского) в плане настоящего времени с целью выяснения, за счет каких компонентов в русском и сербском языках достигается данное повторительное значение. Исходя из того, что итеративное значение выделяется в качестве одного из инвариантов НСВ (имперфектива) в сфере количественной аспектуальности⁹⁵, в то время как в сфере линейной аспектуальности выделяется значение неизменности (Падучева 2013, 8), анализ должен дать ответ на вопрос, выражается ли упомянутое повторительное значение, реализуемое глаголами НСВ в обоих языках, именно граммемой НСВ. Анализу подвергаются и сербские глаголы СВ, так как они тоже употребляются в высказываниях с повторительным значением.

2. Итеративная последовательность ситуаций как одно из повторительных значений

Под итеративной последовательностью ситуаций подразумеваются ненаблюдаемые «повторяющиеся ситуации, каждая из которых соотносится со своим отдельным периодом времени, причем ни в один из этих периодов времени не входит момент речи», в отличие от мультипликативной последовательности ситуаций (мультипликативного типа множества ситуаций), т. е. от повторяющихся ситуаций «которые происходят в один период времени и которые фиксируются наблюда-

⁹⁵ В рамках функционально-семантического поля аспектуальности Ю. С. Маслов (2004, 312, 322) выделяет качественную и количественную аспектуальность, значения которой выражаются «с помощью лексических, словообразовательных, словозменных и синтаксических средств, а чаще всего — сочетанием средств разных уровней».

телем» (Храковский 2014, 8)⁹⁶; ср. с категорией временного порядка А. В. Бондарко (1996). Данный тип повторительного значения в обоих рассматриваемых языках может осуществляться формами разного временного плана, а для его реализации в формах настоящего времени (настоящее абстрактное) существуют следующие лексико-семантические, словообразовательные и синтаксические ограничения.

2.1. Лексические и словообразовательные ограничения для выражения итеративной последовательности ситуаций

Лексические ограничения для осуществления рассматриваемого повторительного значения проявляются в том, что компонент итеративности присущ семантике только небольшого числа имперфективных глаголов, таких как *встречаться* / *сретати се* (*виђати се*), *переписываться* / *дописивати се*, напр.:

- (1) *В мастерских на твоём месте Цветаев, я его мало знаю, на губкоме **встречаемся**, кажется, парень неглупый, но самодулюбивый.* (rubook.org) / (1) *У радионицама је на твоём месту Цветајев, ја га мало знам, **срећемо се** у Комитету, изгледа није глуп младић, али је самољубив.* (korpus.matf.bg)
- (2) *С ее Антоном я **переписываю**сь по Интернету.* (ruscorpora.ru) / (2) *Са другарицом **се дописујем** истовремено на три апликације <...>* (mudrolije.org)

На фоне упомянутых глаголов и глаголы, в семантике которых нет компонента итеративности, приобретают повторительное значение, напр.:

- (3) ***Встречаю**сь с друзьями, **слушаю**, сама **болтаю** <...>* (ruscorpora.ru) / (3) ***Виђамо се** заједно, **причамо**, **читамо**...* (korpus.matf.bg)

Данные ограничения напрямую связаны с морфемным составом глаголов. Во-первых, это нередко глаголы с постфиксом *-ся*, во-вторых, это глаголы, в состав которых входят определенные суффиксы и префиксы. С другой стороны, есть случаи, когда повторительным значением обладает только определенная лексема глагола, как, например, у лексем *писать* / *писати* — 'сообщать, извещать о чем-

⁹⁶ Учитывая тот факт, что повторительные значения НСВ обозначаются разными терминами (*неограниченно-кратное*, *многократное*, *итеративное*, *хабитуальное*, *узвальное*), автор рассматривает их как варианты одного повторительного значения (Храковский 2014, 7).

либо в письменной или печатной форме' (БАС 1959, 1228), а у *читать* / *читати* — 'проводить время за книгой, заниматься чтением' (БАС 1965, 1087):

- (4) — *Он тебе пишет?*— *Пишет.* / (4) — Он теби *пише?* — *Пише.*
(5) — *Ты любишь читать... читаешь, Марфинька?* — *спросил он, очнувшись.* — *Да, когда соскучусь, читаю.* (litra.ru) / (5) — *Волиш ли да читаши... читаши ли, Марфињка?* — *упитао је он.* — *Да, читам кад ми је досадно.* (Гончаров)

2.2. Грамматические ограничения для выражения итеративной последовательности ситуаций

2.2.1. Глаголы НСВ

Грамматические ограничения для выражения рассматриваемого повторительного значения четко проявляются на фоне минимального контекста с актуально-длительным значением (прототипически присущим НСВ), так как изменения контекста нередко приводят к изменению аспектуального значения использованных глаголов. Для появления данного значения необходимы изменения исходного контекста, касающиеся:

а) форм числа имен в позиции актантов, а тем самым и форм глаголов, напр.:

- (6) *Ребенок* (ед. ч.) *плачет* / (6) *Дете* (ед. ч.) *плаче*: актуально-длительное значение.
(7) *Дети* (мн. ч.) *плачут* / (7) *Деца* (мн. ч.) *плачу*: актуально-длительное / итеративное (хабитуальное) значение.

б) введений в высказывание второстепенных членов, прежде всего обстоятельств, напр.:

- (8) *Ребенок плачет* / (8) *Дете плаче*: актуально-длительное значение.
(9) *Дети часто плачут* / (9) *Деца често плачу*: итеративное (хабитуальное) значение.
(10) *Их ребенок редко плачет* / (10) *Њихово дете ретко плаче*: итеративное (хабитуальное) значение.

2.2.2. Глаголы СВ

При сравнении русского и сербского языков в глаза бросается разница использования глаголов СВ в формах настоящего времени в итеративном контексте. В сербском языке в данном контексте

наряду с употреблением форм НСВ возможно использование глаголов СВ (перфективный презенс)⁹⁷, напр.:

- (11) *Их ребенок редко плачет* / (11) *Њихово дете ретко плаче / заплаче* (СВ).
(12) *Дети часто плачут* / (12) *Деца често плачу / заплачу* (СВ).
(13) *Виђамо се* (НСВ) *и овде и у Паризу, а преко лета понекад одем* (СВ) *код њега на Халкидики* <...> (korpus.matf.bg) «**Встречаемся** (НСВ) и здесь, и в Париже, а летом **иногда еду** (НСВ) к нему на Халкидики»

Итак, сербские глаголы СВ могут употребляться при описании регулярно повторяющихся действий, напр.: *Он сваког дана дође* (СВ), *погледа* (СВ) *робу, али ништа не купи* (СВ) (Пипер, Клајн 2013, 176) «Он каждый день **приходит** (НСВ), **смотрит** (НСВ) товары, но ничего **не покупает** (НСВ)»⁹⁸. Значение повторяемости действия в сербском языке здесь достигается за счет квантификатора (итеративного обстоятельства) *сваког дана*, без которого высказывание теряет смысл, ср.: *Он сваког дана дође и погледа робу* и **Он дође и погледа робу*⁹⁹. Последняя фраза могла бы быть частью придаточного предложения, напр.: *Када он дође и погледа робу, одлучиће да ли ће нешто купити* «Когда он **придет** и **посмотрит** товары, он **решит**, будет ли он что-нибудь **покупать**»¹⁰⁰. Согласно сказанному, конкуренция видов в сербском языке имеет место только в контексте с маркерами повторительного

⁹⁷ О функционировании перфективного презенса в русском, сербском и других славянских языках см. напр. (Войводић 1998, Войводић 2019).

⁹⁸ Формы настоящего времени, используемые в данном значении, авторы (Пипер, Клајн 2013, 389) обозначают термином *неактуальный презенс*: *У просеку сваких 12 секунди једно дете умре* (СВ) *од глади* «В среднем каждые 12 секунд один ребенок **умирает** (НСВ) от голода» / *Сваког дана она иде* (НСВ) *на посао* «Каждый день она **ходит** (НСВ) на работу» / *Помоћу овог препарата лече се* (НСВ) / *излече се* (СВ) *и тежки болесници* «С помощью этого препарата **вылечиваются** (НСВ) и тяжело больные».

⁹⁹ В простых предложениях глаголы СВ не могут употребляться в формах настоящего времени, потому что оно подразумевает протекающее действие, которое выражается несовершенным видом, ср.: *Читам* (НСВ) *књигу* «**Читаю** (НСВ) книгу» и **Прочитам* (СВ) *књигу* «**Прочитаю** (СВ) книгу» (Пипер, Клајн 2013, 176), за исключением редких случаев в сербском языке, когда в простых предложениях перфективный презенс используется в сочетании с модальным словом (адвербиальной частицей) *можеда*, см. (Войводић 2018, 64–66).

¹⁰⁰ Глаголы СВ употребляются в формах настоящего времени в придаточных предложениях (напр.: *Они траже да прочитам књигу* «Они хотят, чтобы я **прочитал(а)** книгу»; *Ако прочитам књигу, јавићу вам* «Если **прочитаю** книгу, сообщу вам», в которых действие, выраженное глаголом СВ, относится к будущему (Пипер, Клајн 2013, 176).

значения, в то время как в русском языке ни в одном из вышеприведенных контекстов не употребляются глаголы СВ, ср.:

- (14) *У радионицама је на твојем месту Цветајева, ја га мало знам, срећемо се* (НСВ) [*сретнемо се (СВ)] *у Комитету, изгледа није глуп младић, али је самољубив.* (korpus.matf.bg) / (14) *В мастерских на твојем месту Цветаева, ја его мало знам, на губкоме встречаемся* (НСВ) [*встретимся (СВ)], *кажется, парень неглупый, но самолюбивый.* (rubook.org)
- (15) *У нашем селу <...> често се окупи* (СВ) [*се окупља* (НСВ)] *екипа.* (fruskac.net/rs) / (15) *К тому же, я знаю, что у вас в мастерской часто собирается* (НСВ) [*соберется (СВ)] *компания ваших друзей.* (ruscorpora.ru)
- (16) *То је и део тела који је тешко дохватити, па често и не нанесемо* (СВ) [*не наносимо* (НСВ)] *добро крему на леђа.* (mondo.rs) / (16) *Ученые делают акцент на том, что люди очень часто просто не наносят* (НСВ) [*не нанесут (СВ)] *достаточного количества крема на кожу.* (medportal.ru)

Итак, при употреблении сербских глаголов СВ значение многократного повторения действия обеспечивается присутствием квантификатора в высказывании. Само использование глаголов СВ в контексте повторяющихся действий можно объяснить тем, что в этих ситуациях они ведут себя подобно глаголам НСВ, входящим в тривиальную видовую пару: «глагол НСВ обозначает многократное повторение той ситуации, которая обозначена глаголом СВ» (Падучева 1996, 89). Другими словами, вместе взятые глагол СВ и квантификатор содержат все компоненты значения соответствующего глагола НСВ, напр.: *често се окупити* = *окупљати се*. С точки зрения носителей сербского языка такое употребление глаголов СВ вполне оправдано, потому что рассматриваемая ситуация видится как «повторяющееся единичное действие».

3. Заключение

В русском и сербском языках есть глаголы НСВ с повторительным значением, которое обеспечивается соответствующими аффиксами, входящими в состав этих глаголов. Но выражение повторительного значения самим глаголом ограничено. Так значение итеративной последовательности ситуаций, реализуемое глаголами НСВ в обоих сопоставляемых языках, чаще всего выражается не граммемой НСВ, а лексемами глаголов и средствами контекста (грамматическими и лексическими). В высказываниях с сербскими глаголами СВ повторитель-

ное значение достигается исключительно за счет контекста. Так как данное значение не содержится в глаголе СВ, при употреблении сербских глаголов СВ в названных контекстах присутствие квантификатора обязательно. Именно с помощью квантификатора в высказывание и вносится значение итерации. Более того, можно согласиться с положением Храковского (2014, 11) о том, что реализуемое в разных вариантах повторительное значение на самом деле является или актуально-длительным, или неактуально-длительным, как в случае итеративной последовательности ситуаций, которая подразумевает ситуации, следующие друг за другом и реализуемые в разные периоды.

ИСТОЧНИКИ

- Гончаров, И. А. (1961). *Понор*. Нови Сад: Матица српска.
<http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/>
<http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00427651189940515355/page/12/>
<https://medportal.ru/mednovosti/news/2018/05/22/450sunscreen/>
<http://mondo.rs/a1107842/Magazin/Zdravlje/Krema-za-suncanje-koliko-trebananeti.html>
<https://mudrolije.org/savrsenadevojka>
<http://rubook.org/book.php?book=96350&page=75>
<http://www.ruscorpora.ru>
<https://fruskac.net/rs/o-nama/autorski-tekst>

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Словарь современного русского литературного языка. Т. 9. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1959.

Словарь современного русского литературного языка. Т. 17. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1965.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко, А. В. (1996) Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании (на материале русского языка). В кн.: А. В. Бондарко (ред.). *Межкатегориальные связи в грамматике*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 6–21.

Войводиц, Д. (1998) Русский и сербско-хорватский перфективный презент в сопоставительном аспекте. *Зборник Матице српске за славистику*. № 54–55, с. 119–147.

Маслов, Ю. С. (2004) Обзор аспектуальных значений. В кн.: Ю. С. Маслов. *Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание*. М.: с. 311–324.

Падучева, Е. В. (1996) Вид и лексическое значение глагола. В кн.: *Семантические исследования*. М.: Языки русской культуры, с. 84–102.

Падучева, Е. В. (2013) Русский имперфектив: инвариант и частные значения. *Вестник Московского университета*, сер. 9, № 4, с. 7–18.

Храковский, В. С. (ред.) (1989) *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука, 311 с.

Храковский, В. С. (2011a) Повторительные значения НСВ: итеративное, хабитуальное, узуальное. В кн.: М. Д. Воейкова, А. Ю. Пупынина, М. Ю. Пупынина (ред.). *Системные связи в грамматике и тексте. Материалы чтений памяти Ю. А. Пупынина, 30 апреля 2010. г.* СПб.: Нестор-История, с. 10–13.

Храковский, В. С. (2011b) Сколько контекстно-обусловленных повторительных значений у глаголов НСВ в русском языке? *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. III Конференция комиссии по аспектологии Международного комитета славистов.* Падуя, с. 19–21.

Храковский, В. С. (2014) Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узуальное / хабитуальное) значение? *Вопросы языкознания*, № 4, с. 3–12.

Војводић, Д. (2003) О синтаксичкој итеративности (на српско-руском материјалу). *Славистика*, № 7, с. 52–64.

Војводић, Д. П. (2018). Презент глагола свршеног вида. В кн.: *Футуралност у савременом руском, пољском и српском језику*. Нови Сад: Филозофски факултет, с. 58–69. URL: <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2018/978-86-6065-449-8> (дата обраћања 08.10.2019).

Војводић, Д. П. (2019) О видско-временској синонимији и метафори у српском, руском и другим словенским језицима. *Славистика*, № 23/1, с. 11–44.

Пипер П., Клајн И. (2013) *Нормативна граматика српског језика*. Нови Сад: Матица српска, 582 с.

SOURCES

- <https://fruskac.net/rs/o-nama/autorski-tekst>
Goncharov, I. (1961). *Ponor*. Novi Sad: Matica srpska.
<http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/>
<http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00427651189940515355/page/12/>
<https://medportal.ru/mednovosti/news/2018/05/22/450sunscreen/>
<http://mondo.rs/a1107842/Magazin/Zdravlje/Krema-za-suncanje-koliko-trebananeti.html>
<https://mudrolije.org/savrsenadevojka>
<http://rubook.org/book.php?book=96350&page=75>
<http://www.ruscorpора.ru>

DICTIONARIES AND REFERENCE LITERATURE

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of modern Russian literary language]. Vol. 9. Moscow — Leningrad: ANSSSR Publ., 1959.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of modern Russian literary language]. Vol. 17. Moscow — Leningrad: ANSSSR Publ. 1965.

REFERENCES

- Bondarko, A. (1996) Kategoriya vremennogo poryadka i funkcii glagol'nykh form vida i vremeni v vyskazyvanii (na materiale russkogo yazyka) [Category of time order and function of aspectual verbal forms in the sentences (on Russian material)]. In: A. Bondarko (ed.). *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike [Intercategorical communications in grammar]*. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 6–21. (In Russian)

Khrakovskij, V. (ed.). (1989) *Tipologiya iterativnykh konstrukcij* [*Typology of the iterative constructions*]. Leningrad: Nauka Publ., 311. (In Russian)

Khrakovskij, V. (2011a) Povtoritel'nye znacheniya NSV: iterativnoe, khabitual'noe, uzual'noe [Recurrent meanings of the imperfective aspect: iterative, habitual, usual]. In: M. D. Voejkova, A.Yu. Pupynina, M.Yu. Pupynina (eds.). *Sistemnye svyazi v grammatike i tekste* [*Systemic communications in grammar and text*]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 10–13. (In Russian)

Khrakovskij, V. (2011b) Skol'ko kontekstno-obuslovlennykh povtoritel'nykh znachenij u glagolov NSV v russskomazyke? [How many contextual recurrent meanings do the verbs of the imperfective aspect have in the Russian language?]. In: *Glagol'nyj vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst. III Konferenciya komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov* [*Verbal aspect: grammatical meaning and context. III Conference of the commission on aspectology of the International committee of Slavists*]. Padova, 19–21. (In Russian)

Khrakovskij, V. (2014) Est' li u nesovershennogo vida v russskomazyke povtoritel'noe (neogranichenno-kratnoe / mnogokratnoe / iterativnoe / uzual'noe / khabitual'noe) znachenie? [Does the imperfective aspect in the Russian language have repetitive (infinite many-folded / multifold / iterative / usual / habitual) meaning?]. *Voprosy jazykoznanija* [*Issues of the linguistics*], 4, 3–12. (In Russian)

Maslov, Yu. (2004) Obzor aspektual'nykh znachenij [Overview of aspectual meanings]. In: Yu. S. Maslov. *Izbrannye trudy: Aspektologija. Obsheee jazykoznanie*. [Selected works: Aspectology. General Linguistics] Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 311–324. (In Russian)

Paducheva, E. (1996) Vid i leksicheskoe znachenie glagola [Aspect and lexical meaning of the verb]. In: *Semanticheskie issledovaniya* [*Semantic research*]. Moscow: Yazyki russoj kul'tury Publ., 84–102. (In Russian)

Paducheva, E. (2013) Russkij imperfektiv: invariant i chastnye znacheniya [Russian imperfective: invariant and contextual meanings]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [*Moscow State University bulletin*], 9/4, 7–18. (In Russian)

Vojvodic, D. (1998) Russkij i serbsko-khorvatskij perfektivnyj prezens v sopostavitel'nom aspekte [Russian and Serbo-Croatian perfective present in comparative aspect]. *Zbornik Matice srpske za salvistiku* [*Matica srpska journal of Slavic studies*], 54–55, 119–147. (In Russian)

Vojvodic, D. (2003) O sintaksichkoj iterativnosti (na srpsko-ruskom materijalu) [On syntactic iterativity (on Serbian and Russian material)]. *Slavistika* [*Slavic studies*], 7, 52–64. (In Serbian)

Vojvodic, D. (2018). Prezent glagola svrshenog vida. In: *Futuralnost u savremenom ruskom, poljskom i srpskom jeziku* [*Futurity in modern Russian, Polish and Serbian*]. Novi Sad: Filozofski fakultet, 58–69. URL: <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2018/978-86-6065-449-8> (In Serbian)

Vojvodic, D. (2019). O vidsko-vremenskoj sinonimiji i metafori u srpskom, ruskom i drugim slovenskim jezicima [On the aspectual-temporal synonymy and metaphor in Serbian, Russian and other Slavic languages]. *Slavistika* [*Slavic studies*], 23/1, 11–44. (In Serbian)

Piper P., Klajn I. (2013) *Normativna gramatika srpskog jezika* [*Normative grammar of the Serbian language*]. Novi Sad: Matica srpska, 582. (In Serbian)

Людмила Попович
доктор филологических наук, ординарный профессор
Филологический факультет, Белградский университет
Студентски трг 3, 11000 Београд, Србија

Ljudmila Popović
PhD, ordinary professor
University of Belgrade, Faculty of Philology
Studentski trg 3, 11000, Belgrade, Serbia
ljudmila.popovic@fil.bg.ac.rs

Перфектные значения абсолютного деепричастия в сербском языке в сравнении с восточнославянским «новым перфектом»¹⁰¹

Аннотация. Работа посвящена анализу сербских конструкций с несогласованным деепричастием, получившим название „абсолютное деепричастие“. Как показывает данное исследование, сербское абсолютное деепричастие в XIX в. переживает процесс наращивания перфектного значения. Приведенные примеры подтверждают, что речь идет о двух тенденциях, одна из которых основана на народной традиции (такие примеры находим в народных песнях и сочинениях Вука Караджича), а другая проистекла из книжной. В разнореферентных деепричастных конструкциях несовершенного вида можно усмотреть инклюзивное перфектное значение, сочетающееся с таксисным (указание на одновременность ситуаций), а в несогласованных деепричастных оборотах совершенного вида — деепричастный перфект, подобный тому, который встречается в северо-западных говорах русского языка (тип *он ушeдши* 'он ушел'). Однако в отличие от севернорусского перфекта, встречающегося в простых и сложносочиненных предложениях, сербское абсолютное деепричастие функционировало преимущественно в бессоюзных конструкциях. Несмотря на то, что несогласованное деепричастие потеряло связь со сказуемым, оно по-прежнему оформляло конструкцию только вместе с ним. Конструкции с несогласованным деепричастием, преимущественно несовершенного вида, и сегодня употребляются в литературном сербском языке. Высказывается предположение о том, что во время начала длитель-

¹⁰¹ Данная работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта 178021 Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия.

ного процесса преобразования сербского перфекта в прошедшее время, длящегося по сей день, несклоняемая деепричастная форма могла под стихийным влиянием разговорной речи и особого литературного стиля выполнять некоторые функции перфекта, однако ее дальнейшей грамматикализации в этом направлении препятствовало сохранение связки в форме сербского перфекта. Перфектные значения сербского абсолютного деепричастия по-новому освещают вопрос об ареальном распространении деепричастного перфекта в славянских языках.

Ключевые слова: абсолютное деепричастие, новый перфект, деепричастный перфект, инклюзивный перфект, сербский язык, русский язык.

Perfect-tense meanings of the absolute gerundial in Serbian in comparison with the East Slavic “new perfect”

Summary. This paper deals with the special Serbian constructions with a non-agreeing participle, called “absolute gerundial”. As this study shows, the Serbian absolute participle in the 19th century is going through a process of gaining a perfect interpretation. Examples confirm that we can talk about two trends, one of which is based on folk tradition (such examples are found in folk songs and works of Vuk Karadzic), and the other one stemming from the literary tradition.

In imperfective-aspect non-agreeing participles having a subject different from that of the main clause, we can see an inclusive perfect meaning combined with one of taxis (showing an action simultaneous to that of the main clause), and in perfective non-agreeing participles — a perfect-tense meaning of the gerundial, similar to the “new perfect” (the type *он ушедши* ‘he has gone’) in northwestern dialects of the Russian language. However, unlike this North Russian new perfect, which can act as a predicate in either simple or compound sentences, the Serbian absolute gerundial functioned predominantly in asyndetic constructions (standing without a conjunction alongside a main-clause predicate). Despite the fact that the non-agreeing gerundial no longer refers to the same subject as that of the main-clause predicate, it still could not occur without a main-clause predicate. Constructions with imperfective non-agreeing gerundial forms are still used today in literary Serbian. We suggest that during the long process of transforming the Serbian perfect into a past tense, continuing to this day, the indeclinable participle form could, under the influence of folk elements and a special literary style, perform some functions of the perfect; however its further grammaticalization in this direction was prevented by the preservation of the copula in the Serbian perfect. The perfect meanings of the Serbian absolute gerundial cast new light on the issue of the areal distribution of the gerundial perfect in Slavic languages.

Key words: absolute gerundial, gerundial perfect, inclusive perfect, Serbian, Russian.

1. Конструкции с деепричастием в сербском языке, как правило, однореферентны, то есть у опорного предиката и деепричастия один субъект. Однако встречаются конструкции с деепричастием, соотносимым с логическим субъектом, формально представленным косвенным падежом — дательным (1) или винительным (2) при опорном предикате. Деепричастие НСВ в данных конструкциях сочетается с предикатами как перфективными (1), так и имперфективными (2).

- (1) *Гледајућу*_{ger.ipfv} једно људско насеље на некој лажној стрмини, ограђено посрнулом оградом, дође_{oor} **ми**_{dat} *мисао*_{nom} о правој намени овога света (Andrić 1976).
'[Когда я наблюдал] (букв. наблюдая) за одним селением, обнесенном ветхой оградой, на каком-то необычном склоне горы, пришла мне в голову мысль о настоящем предназначении этого мира.'
- (2) *Сватајућу*_{ger.ipfv} то, *подилази*_{prs.ipfv} **ме**_{acc} *језа*_{nom} и ја хоћу да *изаћем напоље* (Pavić 2002).
'[Когда я начинаю понимать] (букв. понимая) это, меня охватывает страх и я хочу выйти [из сна].'

В одном из исследований подобных конструкций (Попович 2011) указано, что речь идет о двух ситуациях, соотносимых с одним логическим субъектом, контролируемое действие которого сопровождается неконтролируемым. Наличие формы в косвенном падеже, указывающей на логический субъект при опорном предикате, усиливает эффект неконтролируемости действия, выраженного предикатом:

- (3) *Смучило*_{prf.pfv} **ми**_{dat} *се слушајућу*_{ger.ipfv} *све те глупости*.
'Мне совсем стало плохо, [когда я слушал] (букв. слушая) все эти глупости.'

Предикат указывает на внезапное изменение состояния логического субъекта в один из моментов выраженной деепричастием ситуации, связанной с осознанием, мышлением, эмоциональным либо физиологическим состоянием этого субъекта.

Если преобразовать примеры (1–3) в СПП, деепричастие в исходной конструкции может соответствовать в трансформе придаточное времени, присоединяемое союзом ДОК (пока/в то время как):

- (4) *Мислећи*_{ger.ipfv} о њој *њему*_{dat} *падоше*_{acc} на памет *ријечи*_{nom} и он их *изређа*. [→ Падоше му на памет ријечи док је *мислио*_{prf.ipfv} о њој и он их изређа].
'[В то время как он думал] (букв. думая) о ней, ему припомнились слова, и он их высказал.'

Деепричастие в данном типе конструкций указывает на неполную одновременность — выраженное им действие служит темпоральным фоном для состояния, обозначенного предикатом. Однако речь идет не только о таксисной функции. Деепричастие делает возможным возникновение обозначенной предикатом ситуации, передает действие, каузирующее новое состояние логического субъекта, действие, начатое раньше и все еще длящееся во время этого изменения¹⁰². Поэтому для конструкций данного типа допустимо также преобразование в СПП с придаточным, присоединяемым союзом *пошто*, одновременно указывающим на причинно-следственные отношения между частями предложения (так как) и темпоральные (после того как). Если данный союз употребляется с глагольной формой НСВ, в конструкции профилируется причинно-следственная связь (Поповић 2014). Одновременно наблюдается экстензия таксисного значения конструкции, указывающего как на последовательность (к этому склоняет причинно-следственная связь), так и на одновременность — ситуация, являющаяся причиной изменения ситуации, выраженной предикатом, может продолжать существовать и во время наступления следствия, ср.:

- (5) *Озебле су*_{prf.ipfv} *им*_{dat} *руке*_{nom} *берући*_{ger.ipfv} *грожђе*¹⁰³. [→ Озебле су им руке ПОШТО су брали *берући*_{prf.ipfv} грожђе].
'У них замерзли руки, [так как/когда] они собирали (букв. собирая) виноград.'

В СПП с союзом *пошто* можно преобразовать все приведенные выше примеры простых предложений (1–5), что позволяет усматривать в данных конструкциях не только таксисное значение неполной одновременности, но и каузативную семантику, связанную с выражением последовательности ситуаций, между которыми четко прослеживается причинно-следственная связь.

¹⁰² Такие функции сербского деепричастия выделила Милка Ивич, определяя их как «омогућивач постојања предикатске радње» и «изазивач стања именованог предикатом» (Ivić 2008, 227).

¹⁰³ Примеры (3–7) взяты из (Стевановић 1974, 742; Feleszko 1981, 145; Стојановић 1921, 203).

2. Несогласованные деепричастия в более архаичных сербских конструкциях могли описывать зависимую ситуацию в качестве секундарного предиката, не соотносимого с субъектом предиката предложения. Данная неизменяемая глагольная форма, известная под названием *абсолютное деепричастие* (Мусић 1934; Белић 1933–1934; Стевановић 1974), полностью теряла связь со сказуемым и описывала действие, ведущее к ситуации, описанной предикатом, что дает основание рассматривать такое деепричастие в качестве каузативно-го актуализатора перфектного значения глагола-сказуемого, ср.:

- (6) *Иструну*_{aor} ми јагрук и марама, у марами грожђе *односећу*_{ger}
ипfv а јаглуком сузе *утирућу*_{ger.ipfv}
 'Обветшали мои корсаж и платок, в платке виноград носила (букв. нося), а корсажем слезы вытирала (букв. вытирая)'.

При преобразовании примера (6) в сложное предложение (6а), деепричастию НСВ может соответствовать форма перфекта НСВ, у которой отмечаем инклюзивное перфектное значение – *perfect of persistent situation* (Comrie: 1976: 60):

- (6а) [→Иструну_{aor} ми јагрук и марама ПОШТО сам у марами грожђе *носила*_{prf.ipfv} а јаглуком сузе *утирала*_{prf.ipfv}].

В примере (6а) форму перфекта НСВ *сам носила* трактуем, как 'носила и все еще ношу', а *сам утирала* — как 'вытирала и все еще вытираю'. Несовершенный вид несогласованной деепричастной формы (*бришућу*, *утирућу*) в примере (6) актуализирует таксисное значение одновременности с ситуацией, выраженной аористом (*иструну* — 'обветшали'), а ретроспективная сема связана с результативностью этой ситуации. Отсюда и значение инклюзивного перфекта у несогласованных деепричастий НСВ, обозначающих ситуацию, начатую раньше некоторой точки отсчета в прошлом и длящуюся в момент сообщения о ней.

В данном случае можно говорить о примере перехода причастия, утратившего обязательное согласование с существительным, при сохранении смысловой связи между действием и его субъектом, в сферу сказуемого и приобретения таковым функций перфекта. При этом под перфектом, вслед за Ю. С. Масловым, подразумеваем глагольные формы, в которых «совмещены два временных плана — предшествующий и последующий, причем между двумя ситуациями, относящимися к этим двум планам, имеется та или иная причинно-следственная связь» (Маслов 1983, 42).

Еще яснее перфектный характер абсолютного деепричастия НСВ проступает в следующем примере:

- (7) *И за чалмом перјанице златне, које му_{dat.} је султан поклатио_{perf.}pfv* **сијекући**_{ger.ipfv} *јадне Херцеговце. [→...које му је султан поклатио ПОШТО је сијекао_{perf.ipfv} јадне Херцеговце].*
'А за тюрбаном перья золотые, которые подарил ему султан, [за то что] рубил (букв. рубя) несчастных герцеговинцев.'

Примеры (6–7) подтверждают, что обе конструкции с несогласованным деепричастием НСВ допускают трансформирование в таксисные конструкции с союзом ПОШТО (так как). То, что в обеих преобразованных таким образом конструкциях деепричастием соответствует перфект, позволяет сделать предположение о межърусной семантической изофункциональности абсолютного деепричастия НСВ и перфекта НСВ в сербском языке, выражающих в данном случае действие, начатое до ситуации, описанной предикатом конструкции, каузирующем ее и продолжающемся во время ее существования. Это предположение подтверждает и следующий пример:

- (8) *По овоме српски владатели међусобним раздором ослабљени_{perf.pfv} а Турци напред наступајући_{ger.ipfv} само су до 1389. год. бар неки јошт независни били (Гласникъ 1847: 145)*
'После этого сербские князья межусобицами были ослаблены, а Турки продолжали наступать (букв. наступая), к 1389 году только немногие [из князей] сохранили независимость).'

Примечательно, что в приведенном примере (8) результативный перфект (*ослабљени*), описывающий состояние сербов, подан в одном темпоральном плане с деепричастием (*наступајући*), характеризующем турок, т. е. абсолютное деепричастие НСВ в данном случае реализует таксисное значение одновременности по отношению к ситуации, выраженной пассивным причастием (результативным перфектом). Обе ситуации, в свою очередь, изображены как синхронные каузаторы возникновения новой ситуации (почти полной потери независимости), обозначенной предикатом, что дополнительно подтверждает предположение о наличии *инклюзивного перфектного значения у сербского абсолютного деепричастия НСВ*.

Л. Стоянович находит подобные примеры в сербском фольклоре и сочинениях Вука Караджича и оценивает их уже в начале XX в.

как устаревшие¹⁰⁴ (Стојановић 1921, 203). Однако Л. Суботич, не соглашаясь со Стояновичем, пишет о популярности абсолютных деепричастий в языке сербской интеллигенции XIX в. и приводит многочисленные примеры их употребления (Суботић 1986, 205–207).

3. Еще один тип рассматриваемых конструкций представлен предложениями с абсолютным деепричастием СВ. Такие конструкции также были распространены в сербском литературном языке вплоть до XIX в., а сегодня встречаются в некоторых сербских говорах (Мусић 1934; Белић 1933–1934; Дешић 1976; Суботић 1986):

- (9) Доцније **поставиши**_{ger.pfv} слеп, зудило му_{dat} је давало_{prf.ipfv} препитање (Суботић 1986, 137/ Игњ.1859, 24).
'Позже он ослеп (букв. ослепши), смычок кормил его'.
- (10) [...] **посолтво ово дошавши**_{ger.pfv} к великом везиру, [...], земља раздeљена је_{prf.pfv} на три части (Сербский Летопись 1844, 80).
'[...] послы эти пришли (букв. пришедши) к великому везиру, [...], страну разделили на три части'.

Анализ подобных примеров показывает, что абсолютные деепричастия СВ являют собой в данном случае самостоятельные неизменяемые глагольные сказуемые, т. е. речь идет о функциональном равноправии деепричастных и склоняемых форм в функции предиката. При этом, **сербское абсолютное деепричастие СВ выражает либо субъектное результативное значение, указывающее на состояние субъекта предшествующего действия (9), либо перфектное (10).**

4. В исследованиях, посвященных деепричастиям, образованным, как правило, от глаголов СВ и рассматриваемых в качестве «деепричастного перфекта» (Трубинский 1984, 156) в восточнославянских языках и их говорах, подробно описан морфологический и синтаксический статус этих форм, а также степень их грамматикализации, см. (Мельничук 1958; Петрова 1962; Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1984; Кузьмина 1993; Соболев 1998; Wiemer, Markus 2005; Seržant 2012; Кюльмоя 2013; Bjørnflaten 2019) и пр.

Если сравнить конструкции с восточнославянским деепричастным перфектом и сербским абсолютным деепричастием СВ, то можно

¹⁰⁴ «Али се овака конструкција већ изгубила и тешко би се у народу у обичном говору могла чути» (Однако такая конструкция уже утеряна и вряд ли ее услышишь в разговорной речи народа).

отметить общность разнореферентности деепричастия и глагола, в случае наличия личной глагольной формы сказуемого в одной конструкции с деепричастием:

- (11) *Валенки полныя воды и вся обледеневиши* (Кюльмоя 2013, 418).
- (12) *Он у меня и ночевал, и выпивавиши с ним, бывало* (Кюльмоя 2013, : 418).

Подобно русскому деепричастному перфекту, сербское абсолютное деепричастие сочетается с глаголом-сказуемым в форме наст. вр., ср. (13–14):

- (13) [...] и девојка **клекнувиши**^{ger.pfv} на њих, отац јој држећи у рукама бокару вина, овако **даје**^{prs.ipfv} добру молитву (Караџић 1852, 125).
'[...] и девушка опустила (букв. опустившись) на колени, отец ее, держа в руках бокал вина, читает молитву'.
- (14) *Пришла, помню, с работы, а ен усефиши на столи и сиди* (Трубинский 1984, 169)

Обращает на себя внимание возможность выражения субъекта при сербском абсолютном деепричастии СВ, наряду с именительным (10, 13, 16), и дательным падежом (9), тогда как при деепричастном перфекте в русском языке он стандартно выражен именительным (11, 12, 14, 15), а также родительным (с предлогами У и ОТ) и творительным (Соболев 1998, 75).

Существенная разница между рассматриваемыми формами состоит в преимущественном употреблении русского деепричастного перфекта в односубъектных предложениях, а также в сложных с сочинительными союзами (11, 12, 14), в то время как сербское абсолютное деепричастие функционировало в бессоюзном предложении, см: (13, 16):

- (15) *Я там и ночевавиши не раз* (Трубинский 1984, 169).
- (16) *С оваким чувствама и начином мишљења дошавиши*^{ger.pfv} **Срби** у соседство християнски(х) народа, није тешко било учитељима християнске науке на своју и(х) страну добити (Гласникъ 1847: 141).
'Сербы пришли (букв. пришедши) с такими чувствами и способом мышления [...], не сложно было христианским проповедникам переманить их на свою сторону'.

Данное отличие указывает на то, что сербское абсолютное деепричастие, потеряв связь со сказуемым, по-прежнему оформляло

конструкцию только вместе с ним, то есть выступало, в первую очередь, в таксисной функции, тогда как перфектное значение являлось своеобразным грамматическим обертоном, возникшим вследствие утраты этой связи.

В плане диахронии восточнославянский деепричастный перфект и сербское абсолютное деепричастие восходят к активному причастию. Эволюция восточнославянского причастия в деепричастный перфект связывается исследователями с постепенным превращением перфекта в неопределенное прошедшее время, см. один из самых ранних и последний обзоры данного вопроса в (Мельничук 1958) и (Vjørnflaten 2019), либо влиянием других, в первую очередь, балтийских языков (Driпка 2017¹⁰⁵, 352).

Как показывает данное исследование, сербское абсолютное деепричастие в XIX в. переживает процесс наращивания перфектного значения. Возникает вопрос, что способствовало этому процессу? Примеры показывают, что речь идет о двух тенденциях, одна из которых основана на народной традиции (такие примеры находим в народных песнях и сочинениях Вука Караджича), а другая, очевидно, проистекла из книжной традиции (Суботич 1986). В разнореферентных деепричастиях можно усмотреть разные виды перфектного значения, сочетающегося с таксисным, и субъектное результативное значение. Конструкции с несогласованным деепричастием и сегодня можно встретить в литературных произведениях (1–2) и некоторых говорах сербского языка (Дешич 1976). Возможно, что во время начала длительного процесса преобразования сербского перфекта в прошедшее время, длящегося по сей день, несклоняемая деепричастная форма могла под влиянием народной стихии и особого литературного стиля выполнять некоторые функции перфекта, однако ее дальнейшей грамматикализации в этом направлении препятствовало сохранение связи в форме сербского перфекта. Именно исчезновение связи, по мнению исследователей (Vjørnflaten 2019), привело к совпадению грамматических значений *л*-причастия и краткой формы неизменяемого активного причастия, так как обе формы являются именными, а это, в свою очередь, способствовало переходу перфекта в претерит, а также синтаксической и семантической трансформации (дее)причастной формы в новый перфект.

Перфектные значения сербского абсолютного деепричастия по-новому освещают вопрос об ареальном распространении деепричастного перфекта. Если считать данные сербские конструкции след-

¹⁰⁵ См. также критику такого подхода в: (Danylenko 2018, 24).

ствием влияния греческо-старославянской традиции, то они должны присутствовать и в более ранний период функционирования сербского языка, до XVIII—XIX вв. Обсуждению данной проблемы, однако, будет посвящена отдельная статья.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Караџић, Вук Ст. (1852) *Српски рјечник иштумачен њемачкијем и латинскијем рјечима*. Беч: Штампарија јерменскога манастира.

Гласник Друштва србске словесности. (1847). Београд: Друштво српске словесности.

Сербскій Лѣтопись. (1844). Пешта.

Pavić, Milorad. (2002) *Vrata sna i druge priče*. Београд: Dereta.

Andrić, Ivo. (1976) *Znakovi pored puta*. Sarajevo: Svjetlost.

ЛИТЕРАТУРА

Кузьмина, И. Б., Немченко, Е. В. (1971) *Синтаксис причастных форм в русских говорах*. М.: Наука.

Кузьмина, И. Б. (1993) *Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте*. М.: Наука.

Кюльмоя, И. П. (2013) К синтаксической характеристике говора староверов Эстонии. В кн.: Л. Л. Касаткин (ред.). *Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XV Международному съезду славистов*. М.: Языки славянских культур, 414–423.

Маслов, Ю. С. (1983) Резултатив, перфект и глагольный вид. В кн.: В. П. Недялков (ред.) *Типология резултативных конструкций (резултатив, пассив, стив, перфект)*. Л.: Наука.

Мельничук, А. С. (1958) Развитие предикативного употребления причастий на -(в)ъ, -(в)ъи в восточнославянских языках. *Слов'янське мовознавство*, Т. 1, Київ, 91–159.

Петрова, З. М. (1962) О синтаксических и морфологических особенностях причастий в псковских говорах. В кн.: *Вопросы современного и исторического синтаксиса русского языка*. Т.225. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена.

Попович, Л. (2011) Таксисные значения деепричастия в сербском языке. *Јужнословенски филолог*, LXVII, Београд, 135–162.

Попович, Л. (2014) Таксисные конструкции с неспециализированными союзами в сербском и украинском языках. *Јужнословенски филолог*, LXX, Београд, 51–74.

Соболев, А. Н. (1998) О предикативном употреблении причастий в русских диалектах. *Вопросы языкознания*, 5, 74–89.

Трубинский, В. И. (1984) *Очерки диалектного синтаксиса*. Л.: Наука.

Белић, Александар. (1933–1934) Мусић д-р А. Значење и употреба партиципа у савременом српскохрватском језику. Рад ЈАЗУ. 1934, 127–157. *Јужнословенски филолог*, XIII, Београд, 195–202.

Дешић, Милорад. (1976) *Западнобосански ијекавски говори*. *Српски дијалектолошки зборник*, Београд, XXI.

Ивић, Милка. (2008) О српскохрватским герундима. В кн.: *Лингвистички огледи*. 3, доп. изд. Београд: Библиотека XX век, 209–229.

Мусић, Август. (1934) *Значење и употреба партиципа у савременом српскохрватском језику*. Загреб: ЈАЗУ.

Стевановић, Михаило. (1974) *Савремени српскохрватски језик. (Грамматички системи и књижевнојезичка норма). II Синтакса*. Београд: Народна књига.

Стојановић, Љубомир. (1928–1929) Значење глаголских партиципа. *Јужнословенски филолог*, VIII, Београд, 1–12.

Суботић, Љиљана. (1986) Један облик кондензације зависних реченица (из језика српских писаца 19. века). *Научни скуп слависта у Вукове дане*, XV, Београд, 133–139.

Bjørnflaten, Jan Ivar. (2019) Reanalysis in the Russian Past Tense. The Gerundial Perfect. In: L. Heltoft, I. Igartua, B. D. Joseph, K. Jeppesen Kragh, L. Schøsler (eds.). *Perspectives on Language Structure and Language Change. Studies in honor of Henning Andersen*. John Benjamins Publishing Company, 253–270.

Comrie, Bernard. (1976) *Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge University Press.

Danylenko, Andrii. (2018) The Arabs, the Slavs, and United Europe or, the vagaries of the development of Indo-European perfect. *Lingua*. 203, 16–26.

Drinka, Bridget. (2017) *Language Contact in Europe. The Periphrastic Perfect through History (Cambridge Approaches to Language Contact)*. Cambridge University Press.

Feleszko, Kazimiersz. (1977) Srpskohrvatski priloški participi — neke karakteristike. *Научни скуп слависта у Вукове дане*, VII, Београд, 139–145.

Seržant, Ilja A. (2012) The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. A diachronic and areal account. *Lingua*. 122, 356–385.

Wiemer, Björn & Markus Giger. (2005) *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (Bestandsaufnahme unter arealen und grammatikalisierungstheoretischen Gesichtspunkten)*. München, Newcastle: LINCOM Europa.

SOURCES

Karadžić, Vuk St. (1852) Srpski rječnik istumachen njemackijem i latinskijem riječima [Serbian dictionary, explained by German and Latin words]. Wien: Shtamparija jermenskoga manastira [Armenian monastery print.] Publ. (In Serbian).

Glasnikъ Druzhtva srbske slovesnosti — Herald of the Society of Serbian Letters. (1847). Belgrade: Drushtvo srpske slovesnosti [Society of Serbian Letters] Publ. (In Serbian).

Serbskij Lr̂topisъ. (1844). Pest. (In Serbian).

Pavic, Milorad. (2002) *Vrata sna i druge priče [The door of dreams and other stories]*. Belgrade: Dereta Publ. (In Serbian).

Andrić, Ivo. (1976) *Znakovi pored puta [Signs by the roadside]*. Sarajevo: Svjetlost Publ. (In Serbian).

REFERENCES

Kuz'mina, I. B., Nemchenko. E. V. (1971) *Sintaksis prichastnyh form v russkikh govorakh [Syntax of participial forms in Russian dialects]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Kuz'mina, I. B. (1993) *Sintaksis russkih govorov v lingvogeografskom aspekte* [The syntax of Russian dialects in the linguo-geographical aspect]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Kyul'moya, I. P. (2013) K sintaksicheskoj kharakteristike govora staroverov Estonii [On the syntactic characterization of the dialect of the Old Believers of Estonia]. In: L. L. Kasatkin (ed.). *Russkie staroobryadcy: yazyk, kul'tura, istoriya. Sbornik statej k XV Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov* [Russian Old Believers: language, culture, history. Proceedings of the XV International Congress of Slavists]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 414–423. (In Russian).

Maslov, Yu. S. (1983) Rezul'tativ, perfekt i glagol'nyj vid [Resultative, perfect and aspect]. In: V. P. Nedyalkov (ed.) *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksij (rezul'tativ, passiv, stativ, perfekt)* [Typology of resultative constructions (resultative, passive, stative, perfect)].

Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

Mel'nichuk, A. S. (1958) Razvitie predikativnogo upotrebleniya prichastij na -(v)ъ, -(v)ъsh v vostochnoslavjanskih yazykah [Development of the independent predicative use of -(v)ъ, -(v)ъsh past active participles in East Slavic]. *Slov'ians'ke movoznavstvo*, T.1, Kyjiv, 91–159. (In Russian).

Petrova, Z. M. (1962) O sintaksicheskikh i morfologicheskikh osobennostyakh prichastij v pskovskikh govorakh [About syntactic and morphological features of participles in Pskov dialects]. In: *Voprosy sovremennogo i istoricheskogo sintaksisa russkogo yazyka*. [Topics in the modern and historical syntax of the Russian language]. T.225. Leningrad: LGPI im. A. I. Gercena Publ. (In Russian).

Popovic, Lj. (2011) Taksisnye znacheniya deeprichastiya v serbskom yazyke [Taxis meanings of verbal adverb in the Serbian language]. *Juzhnoslovenski filolog – South Slavic Philologist*, LXVII, Belgrade, 135–162. (In Russian).

Popovic, Lj. (2014) Taksisnye konstrukcii s nespetsializirovannymi soyzumami v serbskom i ukrainskom yazykakh [Taxis constructions with unspecialized conjunctions in Serbian and Ukrainian]. *Juzhnoslovenski filolog – South Slavic Philologist*, LXX, Belgrade, 51–74. (In Russian).

Sobolev, A. N. (1998) O predikativnom upotreblenii prichastij v russkih dialektakh [On the predicative use of verbal adverbs in the dialects of Russian]. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the study of language*, 5, 74–89. (In Russian).

Trubinskij, V. I. (1984) *Ocherki dialektnogo sintaksisa* [Dialect Syntaxes' Essays]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

Belic, Aleksandar. (1933–1934) Music d-r A. Znamenje i upotreba partitsipa u savremenom srpskokhrvatskom jeziku. Rad JAZU 1934, 127–157 [The meaning and use of participles in contemporary Serbo-Croatian. Study of Yugoslav Academy of Sciences and Arts 1934, 127–157]. *Juzhnoslovenski filolog – South Slavic Philologist*, XIII, Belgrade, 195–202. (In Serbian).

Deshic, Milorad. (1976) Zapadnobosanski ijekavski govori [Western Bosnian Ijekavian Speeches]. *Srpski dijalektoloski zbornik – Serbian Dialectological Papers*, Belgrade, XXI. (In Serbian).

Ivic, Milka. (2008) O srpskokhrvatskim gerundima [On the Serbo-Croatian gerunds]. In: *Lingvistichki ogleadi* [Linguistic Essays], 3rd ed. Belgrade, Biblioteka XX vek Publ., 209–229. (In Serbian).

Music, Avgust. (1934) *Znachenje i upotreba partitsipa u savremenom srpskokhrvatskom jeziku* [The meaning and use of participles in contemporary Serbo-Croatian]. Zagreb: JAZU [Yugoslav Academy of Sciences and Arts] Publ. (In Serbian).

Stevanovic, Mihailo. (1974) *Savremeni srpskokhrvatski jezik. (Gramaticki sistemi i knjižvevojezichka norma). II Sintaksa* [Contemporary Serbo-Croatian. (Grammatical systems and literary norm). II Syntax]. Belgrade: Narodna knjiga Publ. (In Serbian).

Stojanovic, Ljubomir. (1928–1929) *Znachenje glagolskikh partitsipa* [The meaning of verbal adverbs]. *Juzhnoslovenski filolog – South Slavic Philologist*, VIII, Belgrade, 1–12. (In Serbian).

Subotic, Ljiljana. (1986) *Jedan oblik kondenzatsije zavisnih rechenitsa (iz jezika srpskikh pisaca 19. veka)* [The way of condensation of subordinate clauses (from the language of 19th century Serbian writers)]. *Nauchni skup slavista u Vukove dane*, XV, Belgrade, 133–139. (In Serbian).

Bjornflaten, Jan Ivar. (2019) Reanalysis in the Russian Past Tense. The Gerundial Perfect. In: L. Heltoft, I. Igartua, B. D. Joseph, K. Jeppesen Kragh, L. Schøsler (eds.). *Perspectives on Language Structure and Language Change. Studies in honor of Henning Andersen*. John Benjamins Publishing Company, 253–270. (In English)

Comrie, Bernard. (1976) *Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge University Press. (In English)

Danylenko, Andrii. (2018) The Arabs, the Slavs, and United Europe or, the vagaries of the development of Indo-European perfect. *Lingua*. 203,16–26. (In English)

Drinka, Bridget. (2017) *Language Contact in Europe. The Periphrastic Perfect through History (Cambridge Approaches to Language Contact)*. Cambridge University Press.

Feleszko, Kazimiersz. (1977) *Srpskohrvatski priloški participi — neke karakteristike* [Serbo-Croatian verbal adverbs — some features]. *Nauchni skup slavista u Vukove dane*, VII, Belgrade, 139–145. (In Serbian)

Seržant, Ilja A. (2012) The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. A diachronic and areal account. *Lingua*. 122, 356–385. (In English)

Wiemer, Björn & Markus Giger. (2005) *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (Bestandsaufnahme unter arealen und grammatikalisierungstheoretischen Gesichtspunkten)*. München, Newcastle: LINCOM Europa. (In German)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

НСВ — несовершенный вид

СВ — совершенный вид

СПП — сложноподчиненное предложение

aor — аорист

ger — деепричастие

nom — именительный

dat — дательный

ipfv — имперфективный

pfv — перфективный

prf — перфект

prs — презент

Луиза Руволетто
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Департамент лингвистических и компаративных культурных исследований,
Венецианский университет Ка Фоскари
Дорсодуро 3246, 30123 Венеция (Италия)
luisa.ruvoletto@unive.it

Luisa Ruvoletto
Ph. D., Research Fellow, Lecturer
Department of Linguistics and Comparative Cultural Studies
Ca' Foscari University of Venice
Dorsoduro 3246, 30123 Venice (Italy)
luisa.ruvoletto@unive.it

Глаголы *болѣти* и *горѣти* с конфиксом в древнерусском языке

Аннотация. Статья посвящена изучению конфиксальных глаголов, образованных от мотивирующих глаголов *болѣти* и *горѣти* с помощью конфиксов *въз-/за-/раз-...-ся* в древнерусском языке. Анализ проводится на материале древнерусских памятников, включенных в Древнерусский подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В подкорпусе встречаются конфиксальные глагольные формы, образованные от глагола *горѣти* с помощью трех указанных конфиксов, и группа глагольных форм, образованных от мотивирующего глагола *болѣти* с конфиксом *раз-/ся*. С помощью анализа данных глагольных форм определяются семантические характеристики рассмотренных конфиксальных глаголов — иными словами, выраженные ими способы действия — и их взаимодействие с категорией вида. Основные результаты проведенного анализа можно резюмировать следующим образом: 1) все рассмотренные конфиксальные глаголы являются перфективами и выражают значение начала действия; 2) конфиксальные глаголы *възгорѣтися*, *разгорѣтися* и *разболѣтися* выражают также результативное значение, в отличие от глагола *загорѣтися*; 3) конфиксы *въз-...-ся* и *за-...-ся* отличаются между собой стилистическим оттенком; 4) глагольные формы с конфиксом *раз-...-ся* обозначают также интенсивное проявление действия. Они относятся к интенсивно-начинательному способу действия и обозначают результативное состояние подлежащего, связанное с интенсивностью проявления глагольного действия. Конфиксы *въз-...-ся* и *за-...-ся* отличаются

от конфикса *раз-...-ся* тем, что они добавляют к значению мотивирующего глагола *горѣти* не семантику интенсивности, а только значение начала глагольного действия (*загорѣтися*), или начинательное и в то же время исчерпывающее значение самого действия (*възгорѣтися*). Поскольку в первые века восточнославянской письменности система способов действия и категория глагольного вида не были полностью сформированы, а находились лишь на пути развития до своего сегодняшнего состояния, изучение проанализированных глаголов кажется особо интересным для полного понимания становления этих двух категорий языка.

Ключевые слова: *болѣти, горѣти*, конфикс, *въз-...-ся, за-...-ся, раз-...-ся*, древнерусский язык, способ действия.

The verbs *bolěti* and *gorěti* with confixes in the Old Russian

Summary. The paper is devoted to the analysis of the confixal verbs derived from Old Russian *bolěti* ('to be ill') and *gorěti* ('to burn') with the confixes *въз-/за-/раз-...-sja*. The analysis is based on the Old Russian texts included in the historical subcorpus of the RNC. In this subcorpus there are some confixal verbal forms from the verb *gorěti* with all the three confixes and a group of verbal forms from *bolěti* only with *раз-...-sja*. Through the analysis of the confixal verbal forms the semantic characteristics of the confixal verbs (their *Aktionsart* meanings) are determined and the interaction between the two categories of *Aktionsart* and aspect is inquired. The main results of the study can be summarized as following: 1) all the confixal verbs analyzed in the paper are perfective and express the meaning of "beginning of the action"; 2) the confixal verbs *възгорѣtisja* ('to start to burn entirely'), *разгорѣtisja* ('to start to burn more and more') and *разболѣtisja* ('to start to be very ill') express a resultative meaning, unlike the verb *загорѣtisja* ('to start to burn'); 3) the confixes *въз-...-sja* and *за-...-sja* are also different from a stylistic point of view; 4) the confixal verbal forms with *раз-...-sja* also indicate that the action is carried out intensively. They express an intensive-ingressive "manner of action" (*sposob dejstvija*) and the resultative state of the subject, which is determined by the progressive intensity of the action. The confixes *въз-...-sja* and *за-...-sja* are different from *раз-...-sja*: they do not add an intensive meaning to the meaning of *gorěti*, but only the meaning of "beginning of the action", as in the case of *загорѣti*, or the same meaning combined with a resultative shade, as in the case of *възгорѣtisja*. In the Early East Slavic documents, the *Aktionsart* system and the category of Verbal aspect were not entirely formed, they were only progressing towards the state they have achieved in Modern Russian. That is why the study of confixal verbs can contribute to a better understanding of the two verbal categories.

Key words: *bolěti, gorěti*, confix, *vъz-...-sja, za-...-sja, raz-...-sja*, Old Russian language, *Aktionsart*.

1. Вступление

В настоящей статье будут проанализированы значения конфиксальных глаголов, образованных от мотивирующих глаголов *болѣти* и *горѣти* с помощью конфиксов *въз-/за-/раз-...-ся* в древнерусском языке¹⁰⁶. Исследование осуществлено на материале Древнерусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), включающего древнерусские оригинальные произведения и переводы с греческого языка. Оно фокусируется на конфиксальных глаголах, мотивированных неопредельными глаголами *болѣти* и *горѣти*, так как эти глаголы образуют особую группу предикатов, выражающих физическое или эмоциональное состояние подлежащего¹⁰⁷.

Как известно, конфиксы состояются из префиксального и постфиксального элементов, которые обрамляют глагольный корень и представляют собой единую аффиксальную морфему. Приведем слова Ю. С. Маслова об этом:

[...] если прерывистый аффиксальный сегмент охватывает с двух сторон корень, перед нами конфикс, или, лучше, циркумфикс [...] исторически циркумфикс есть сочетание префикса и постфикса, слившихся в смысловом и функциональном отношении в одно целое, в одну морфему (Маслов 1987, 137).

Изучению конфиксов современного русского языка посвящено немного работ (Ю 2002; Зевахина 2008), однако их развитие в рамках истории русского языка почти не изучалось (Бубекова, Чупрякова 2013). Анализ конфиксальных глаголов, образованных вышеуказанными мотивирующими глаголами с помощью разных конфиксов, позволяет определить: а) значения, выражаемые разными конфик-

¹⁰⁶ В данной статье употребляется термин «конфикс», который соответствует понятию «прикрепленное вместе», в то время как близкий ему термин «циркумфикс» обозначает «прикрепленное вокруг» (Маслов 1987, 137).

¹⁰⁷ Из настоящего анализа исключаются мотивирующие глаголы движения и глагол *гнѣвати(ся)*. Конфиксальные глаголы, образованные от глаголов движения, представляют собой особый тип конфиксальных образований, отличающихся по своему значению от тех глаголов, которые будут обсуждаться в статье. Конфиксальные образования от мотивирующего глагола *гнѣвати(ся)* не будут рассматриваться, потому что в древнерусском языке данный глагол чаще всего употреблялся с аффиксом *-ся*. В рамках нашего анализа конфиксальных глаголов с компонентом *-ся* он бы потребовал отдельной трактовки.

сальными глаголами, и б) каким образом категория вида взаимодействует с категорией способов действия. Цель исследования заключается в определении семантических и видовых характеристик конфиксальных глаголов в рамках выражения способов действия.

В Древнерусском подкорпусе НКРЯ встречаются следующие конфиксальные формы, образованные от мотивирующих *болѣти* и *горѣти* (см. Таблица 1):

Таблица 1

**Конфиксальные глаголы,
образованные от глаголов *болѣти* и *горѣти*
с помощью конфиксов *въз-/за-/раз-...-ся*, встречаемые
в Древнерусском подкорпусе НКРЯ**

Table 1

**Confixal verbs derived
from *bolěti* and *gorěti* with the confixes *въз-/за-/раз-...-ся*
in the Old Russian subcorpus of the RNC**

Конфикс	<i>болѣти</i>	<i>горѣти</i>
въз-...-ся	—	8
за-...-ся	—	39
раз-...-ся	37	10

В следующих разделах будут рассмотрены конфиксальные глаголы, образованные от *горѣти* с помощью конфиксов *въз-...-ся* (§ 2) и *за-...-ся* (§ 3), и конфиксальные глаголы, образованные от глаголов *болѣти* и *горѣти* с помощью конфикса *раз-...-ся* (§ 4).

2. Глагол *горѣти* с конфиксом *въз-...-ся*

Известно, что в старославянском и, в меньшей степени, древнерусском языках префикс *въз-*, обозначающий пространственное значение «снизу — вверх», в ряде случаев употреблялся для образования префиксальных глаголов, обозначающих начало действия. В работе 1958 г. Ю. С. Маслов трактует *въз-* как один из первых префиксов, использованных для обозначения начинательного способа действия (Маслов 2004, 467). С такой функцией он присоединялся чаще всего к мотивирующим глаголам с семантикой неопределенности. В произведениях, переведенных с греческого языка, данный префикс соответствовал греческому префиксу *ана-* («вверх»), а в выражении начинательного способа действия происходила метафоризация пространственного значения «вверх» в сторону временного, более абстрактного значения.

В нашем подкорпусе встречаются всего восемь глагольных форм конфиксального глагола *възгорѣтися*. Из них шесть принадлежат древнерусским переводам с греческого. Во всех примерах глагол обозначает осуществление действия с самого начала до конца. Точнее говоря, в них начинательное значение комбинируется с результативным значением «совсем / до конца».

См. следующие примеры из оригинальных древнерусских произведений:

- (1) не бѣ лъзѣ гасити. вси во дворѣ **възгорѣшася**^{AOP}. и повѣгоша лю(д)ѣ из города (ПВЛ)
- (2) дондеже **възгорѣшася**^{AOP} огньмь и мнози гнѣвомъ бѣнемь погивоша. и вси быша погивши (СЧЧ)

В (1) описывается ситуация, в которой все дворы начали гореть и совсем сгорели, а люди убежали из города. Также в (2) речь идет о том, что все люди погибли от божьего гнева: многие начали сгорать и сгорели все с первого до последнего.

3. Глагол *горѣти* с конфиксом *за...-ся*

Чаще всего к глаголу *горѣти* присоединяется конфикс *за...-ся*. Все встречаемые в подкорпусе глагольные формы от *загорѣтися* (39 вхождений) находятся в оригинальных древнерусских памятниках, точнее говоря, в летописях. Их значение явно начинательное.

См. примеры:

- (3) вса ѿ верховѣ. златана сгорѣ юже бѣ оукрашилъ блговѣрными кнѣзь андрѣи. и тако **загорѣся**^{AOP} с верху и что баше в неи (КЛ)
- (4) того(ж) · лѣта · бы(с) пожаръ великъ в градѣ Володимери [...] в днѣ су(в)ѣтныи · въ время литургии · **загориса**^{AOP} [загорѣся] · и горѣ до вечера цркви згорѣ · *Sl* · а города мало не половину (СЛ)
- (5) того(ж) · лѣ(т) · м(с)ца июна [...] **загорѣся**^{AOP} град(а) Ярославль · и мало не весь погорѣ (СЛ)

В (3) четко указано, откуда пошел пожар в церкви (*с верху*), и говорится о том, что дальше начало сгорать все, что было внутри нее. В (4) уточняется время, когда в городе начался пожар; потом пожар длился до вечера, пока часть города (почти половина) не сгорела. В данном примере выделяется значение начала действия: аорист *загорѣся* указывает только на факт, что пожар начался; дальше другие аористы описывают его продолжение (*горѣ*) и конец (*сгорѣ*).

Подобным образом в (5) речь идет о пожаре, начавшемся в городе в определенный момент года, и о том, что в связи с этим почти весь город сгорел.

В примерах формы глагола *загорѣтися* часто сопровождаются обстоятельствами времени, определяющими время начала действия, и описанием того, как продолжается само действие (примеры (4) и (5)). Кроме того, в подкорпусе все формы конфиксального глагола *загорѣтися* — за исключением инфинитива *загорѣти(с)* (ГЛ) — являются формами аориста, который лучше всех претеритов древнерусского языка передает значение начала действия (Eckhoff 2017).

Перейдем к рассмотрению группы конфиксальных глаголов, образованных от обоих мотивирующих глаголов с помощью конфикса *раз-...-ся*.

4. Глаголы *болѣти* и *горѣти* с конфиксом *раз-...-ся*

Из трех рассмотренных конфиксов только *раз-...-ся* присоединяется к обоим глаголам, *болѣти* и *горѣти*. Он наделяет конфиксальные образования особым значением, отсутствующим в мотивированных конфиксами *въз-/за-...-ся* глаголах. Во-первых, с высокой степенью регулярности глагольные образования с данным конфиксом относятся к одушевленному подлежащему. Во-вторых, отмечается высокая степень отвлеченности в значении мотивирующего глагола *горѣти*: в связи с образованием конфиксального глагола *разгорѣтися* обозначаемое действие не касается конкретного процесса горения материального существа, а относится к эмоциональному, моральному и душевному состоянию участников ситуации. При этом конфиксальные глаголы с *раз-...-ся*, как и глаголы с конфиксами *въз-/за-...-ся*, охарактеризованы начинательным значением.

См. следующие примеры с формами глагола *разгорѣтися*:

- (6) князь же андрѣи вражное оубиство слышавъ напередѣ до себе.
дѣмъ разгореса^{AOP} вж(с)тв(н)ымъ (КЛ)
- (7) Улеѣандръ же слышавъ словеса ихъ разгорѣса^{AOP} ср(д)цмъ и вниде в цркъвъ стѣна Софыа (СЛ)

В обоих примерах определяется эмоциональный характер обозначаемого действия: в (6) князь наполняется божественным духом в предчувствии своей гибели от рук врагов; в (7) описанное конфиксальным глаголом действие понимается как сильная эмоциональная реакция князя на услышанные им слова. В обоих предложениях конфиксальный глагол *разгорѣтися* обозначает душевную и эмоцио-

нальную «реакцию» подлежащего на какие-то обстоятельства и в связи с этим начало данного состояния. Кроме того, к значению начала действия добавляется оттенок интенсивности его проявления.

Приведем примеры с глаголом *разболѣтися*:

- (8) въ тѣ дѣнь на ночь **РАЗБОЛѢСА**^{АОР.} и бы(с) воласти его ѿ дѣнии и престависа киевъ. гюрги володимиричъ . кнѣзь киевскыи (КЛ)
- (9) и възступи ногою на лобъ. и выникну(ч)и змѣва и оуклюну и в ногу. и с того **РАЗБОЛѢСА**^{ПТВ} оумьре (ПВЛ)
- (10) и нар(ч)е вебд Изаслава вставити дома . и перебы нѣколико . и **РАЗБОЛѢСА**^{АОР} велми и везоша и Вышегороду . и тамо скончася м(с)ца . июля . въ . ѿ . дѣнь (СЛ)

В этих примерах конфиксальный глагол выражает не только понятие о начале болезни, но и значение интенсивности ее проявления: в (8) речь идет о том, что начинается тяжелое заболевание, а через некоторое время оно заканчивается кончиной князя; в (9) рассказывается, что укус змеи причинил поначалу болезненное состояние, а потом и гибель Олега; также в (10) конфиксальный глагол указывает на начало и интенсивное проявление болезни, подчеркнутое наречием *велми*. В рассказе, как и в предыдущих двух примерах, болезнь является такой тяжелой, что заканчивается смертью больного.

5. Выводы

Данный краткий обзор значений конфиксальных глаголов, образованных от глаголов *болѣти* и *горѣти* с помощью конфикса *раз-...-ся* в случае *болѣти* и трех конфиксов *въз-/за-/раз-...-ся* в случае *горѣти*, позволяет определить несколько семантических и видовых характеристик этих глаголов:

а) все рассмотренные конфиксальные глаголы являются перфективами и выражают начинательное значение;

б) конфиксальные глаголы *възгорѣтися*, *разгорѣтися* и *разболѣтися* выражают также результативное значение; данное явление оказывается релевантным, поскольку мотивирующие глаголы *горѣти* и *болѣти* принадлежат группе неопределенных глаголов;

в) все три конфикса присоединяются к глаголу *горѣти*, а к глаголу *болѣти* — только конфикс *раз-...-ся*; это связано, скорее всего, с семантической характеристикой компонента *раз-* конфикса *раз-...-ся* («из центра в разные стороны»), подходящей выражению проявления человеческих болезней;

г) конфикс *въз-...-ся* встречается в основном в древнерусских переводах с греческого языка, а конфикс *за-...-ся* встречается чаще всего в летописях; в этом можно увидеть стилистическое различие между двумя конфиксами;

д) конфиксальные глаголы, образованные с помощью конфикса *раз-...-ся*, обозначают не только начало действия, но и интенсивное проявление его; в связи с этим они фиксируют смену состояния подлежащего или, другими словами, достижение определенной стадии изменения его состояния.

В результате конфиксальные образования являются перфективными глаголами, обозначающими начинательный способ действия. Среди них выделяются глаголы с конфиксом *въз-...-ся*, выражающие исчерпывающий (результативный) семантический оттенок, которые отличаются от глаголов с конфиксом *за-...-ся* также на стилистическом уровне. Кроме того, присоединение конфикса *раз-...-ся* к мотивирующему глаголу влечет за собой интенсивное значение и семантический сдвиг предиката в сторону обозначения человеческого состояния. Данное явление можно представить как начало и нарастающее проявление внутреннего процесса наподобие пространственного значения «из центра в разные стороны» первого из двух компонентов конфикса (*раз-*).

Анализ значений данных конфиксальных глаголов, как нам кажется, вносит свой вклад в изучение истории конфиксальных образований и вообще способов действия в русском языке. Кроме того, он способствует изучению взаимодействия категорий вида и способов действия в истории русского языка.

ИСТОЧНИКИ

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 18.11.2019)

СЛОВАРИ

СДРЯ (1988–) *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.*, Вып 1–. Москва: Русский Язык/Азбуковник.

Срезневский, И. И. (1989) *Словарь древнерусского языка*. Репринтное издание. Т. I–IV. Москва: Книга.

СРЯ (1975–) *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Вып. 1–. Москва: Наука/Азбуковник.

ЛИТЕРАТУРА

Бубекова, Л. Б., Чупрякова, О. А. (2013) Парадигматические отношения конфиксальных глаголов в истории русского языка. *Филологические науки. Вопросы*

теории и практики, 12 (30), ч. 1, с. 53–56. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/12.html> (дата обращения 20.08.2019).

Зевахина, Н. А. (2008) Циркумфиксы в русском языке как показатели актантной деривации. В кн.: Ф. И. Дудчук, Н. В. Ивлиева, А. В. Подобрывев (ред.). *Структуры и интерпретации*. Работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике. М.: МГУ, с. 70–88.

Маслов, Ю. С. (1987) *Введение в языкознание*. М.: Высшая школа, 272 с.

Маслов, Ю. С. (2004) *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*. Москва: Языки славянской культуры, 840 с.

Ю, Ч.-Чж. (2002) Пространственные и непространственные значения конфикса *раз- -ся*. В кн.: В. А. Плунгян (ред.). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 2: *Грамматикализация пространственных значений в языках мира*. М.: ООО Русские словари, с. 295–331.

Eckhoff, H. (2017) New Beginnings: Ingressives in Early Slavic. In: A. Makarova, S. M. Dickey, D. Divjak (eds.), *Each Venture a New Beginning: Studies in Honor of Laura A. Janda*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 257–275.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АОР	Аорист
ГЛ	<i>Галицкая летопись</i> (1201–1260 гг.)
КЛ	<i>Киевская летопись</i> (1119–1199 гг.)
ПВЛ	<i>Повесть временных лет</i> (XI–XII вв.)
ППВ	Причастие прошедшего времени
СЛ	<i>Суздальская летопись</i> (1111–1305 гг.)
СЧЧ	<i>Сказание о черноризском чине</i> (XII в.)

SOURCES

NKRYa — Natsional'nyj korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. [Online]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (accessed: 18.11.2019).

DICTIONARIES

SDRYa (1988–) *Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv.* [Dictionary of Old Russian (XI–XIV centuries)]. Вып. 1–, Moscow: Russkij Yazyk/Azbukovnik Publ. (In Russian)

Sreznevskij, I. I. (1989) *Slovar' drevnerusskogo yazyka* [Dictionary of the Old Russian Language]. Reprintnoe izdanie. T. I–IV. Moscow: Kniga Publ. (In Russian)

SRYa (1975–) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language of XI–XVII centuries]. Вып. 1–, Moscow: Nauka/Azbukovnik Publ. (In Russian)

REFERENCES

Bubekova, L. B., Chupryakova, O. A. (2013) Paradigmaticheskie otnoshcheniya konfiksalsal'nykh glagolov v istorii russkogo yazyka [Paradigmatic relations of confixal

verbs in Russian language history]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12 (30), 1, pp. 53–56. [Online]. Available at: <http://www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/12.html> (accessed: 18.11.2019). (In Russian)

Eckhoff, H. (2017) New Beginnings: Ingressives in Early Slavic. In: A. Makarova, S. M. Dickey, D. Divjak (eds.), *Each Venture a New Beginning: Studies in Honor of Laura A. Janda*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, pp. 257–275. (In English)

Maslov, Yu. S. (1987) *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 272 p. (In Russian)

Maslov, Yu. S. (2004) *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected Studies. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 840 p. (In Russian)

Yu, Ch.-J. (2002) Prostranstvennye i neprostranstvennye znacheniya konfiksa *raz-...-sja* [Spatial and non-spatial meanings of the confix *raz-...-sja* in Russian]. In: V. A. Plungjan (red.), *Issledovaniya po teorii grammatiki. Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znachenij v yazykakh mira* [Studies of Grammatical theory. Grammaticalization of spatial meanings in the world's languages]. Vyp. 2. Moscow: OOO Russkie slovari Publ., pp. 295–331. (In Russian)

Zevakhina, N. A. (2007) Tsirkumfiksy v russkom yazyke kak pokazately aktantnoj derivatsii [Circumfixes in Russian language as a valency changing marker]. F. I. Dudchuk, N. V. Ivlieva, A. V. Podobryaev (red.), *Struktury i interpretatsii: Raboty molodykh issledovatelej po teoreticheskoj i prikladnoj lingvistike* [Structures and interpretations: Young scholars on theoretical and applied linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta Publ., pp. 64–85. (In Russian)

Незрин Гусейн гызы Самедова
Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Азербайджанский университет языков
134, ул. Р. Бехбудова, Баку, Азербайджан, 1014.
nezrin.samedova@gmail.com.

Nezrin Gusseyyn gyzy Samedova
PhD, senior lecturer.
Azerbaijan University of Languages
134, R. Behbudov str., Baku, Azerbaijan.
nezrin.samedova@gmail.com

Временная парадигма русского глагола: о значении так называемого презенса совершенного вида

Аннотация. Классическому тезису о том, что временная парадигма русского перфектива не содержит член «настоящее время», поскольку перфективность и значение настоящего времени не совместимы, противостоит мнение, что противоречие между ними может сниматься. Статья ставит задачу доказать, что современная лингвистика в состоянии предложить решающие аргументы для подтверждения канонической точки зрения.

В центре внимания — обоснование классической трактовки значения настоящего времени как одновременности с временной точкой отсчёта. Руководствуясь последовательно структуралистской теорией, автор разграничивает парадигматическое (устанавливается в рамках парадигмы) и синтагматическое (связанное с контекстом) временные значения. Установив, что парадигматическое значение члена «настоящее время» временной парадигмы (т. е. сема ‘настоящее время’) — это ‘одновременность временному ориентиру’, с помощью доказательства от противного автор демонстрирует, что временной ориентир не является интервалом: иначе возникают вопросы о «размерах» этого интервала; о том, варьируется ли его протяжённость или он одинаков для всех членов временной парадигмы (ср., в частности, «будущее простое» и «будущее аналитическое») и для всех типов глаголов (ср., в частности, моментальные и немоментальные омонимы типа *прыгать*, ингрессивные / финальные глаголы и делимитативы / пердуративы, аналитические разновидовые конструкции *стать* + ИНФ. и их синтетические корреляты); о том, какова когнитивная природа его границ и как она отличается от когнитивной природы видовой семы ‘точный предел’, характе-

ризирующей перфективы. Утверждается, что временной ориентир представляет собой момент наблюдения и является неподвижным.

Автор заключает, что семантика любого перфектива в принципе не способна содержать сему ‘настоящее время’, ибо семы ‘точечный предел’ и ‘процесс’ не могут одновременно сочетаться с семой ‘одновременность с временной точкой отсчёта’. Возможно, однако, что перфективам свойственны те же синтагматические значения, что и члену «настоящее время» временной парадигмы имперфективов.

Ключевые слова: время, вид, временная парадигма русского глагола, взаимодействие сем, последовательно структуралистский подход.

The temporal paradigm of the Russian verb: on the semantics of the so-called present perfective

Summary. The classical view that the temporal paradigm of the Russian perfective does not have the member “the present tense”, as perfectivity and the meaning of the present tense are not compatible, is opposed by the opinion that in certain cases the incompatibility is eliminated. The paper aims to prove that modern linguistics can develop conclusive arguments to substantiate the canonical perspective.

The focus is on the verification of the treatment of the present tense meaning as ‘simultaneity with the temporal reference point’. Following the consistently structuralist approach, the author differentiates the paradigmatic (identified within the temporal paradigm) and syntagmatic (connected with context) temporal meanings. After determining that the paradigmatic meaning of the member “the present tense” of the temporal paradigm (i. e. the seme ‘present tense’) is ‘simultaneity with the temporal reference mark’, the author reasons that the temporal reference mark is not an interval. Otherwise, questions arise, such as what the “size” of the interval is, if it is the same for all members of the temporal paradigm and all types of verbs, what cognitive nature its borders have. The entity is claimed to be the moment of observation and static (motionless).

The author concludes that no perfective can contain the seme ‘present tense’. The aspectual seme ‘punctual bound’ and the seme ‘process’ inherent in a perfective cannot be simultaneously compatible with the seme ‘simultaneity with the temporal reference point’. Possibly, however, perfectives can have the same syntagmatic meanings as the member “the present tense” of the temporal paradigm of imperfectives.

Key words: tense, aspect, the temporal paradigm of the Russian verb, interaction of semes, the consistently structuralist approach.

1. Состояние вопроса: «болевые точки»

Как известно, согласно устоявшемуся взгляду, русский перфектив, в отличие от имперфектива, не имеет формы настоящего времени (Виноградов 1986, 441), см. Табл. 1.

Таблица 1

Традиционный взгляд на временную парадигму русского глагола

Table 1

The established view on the temporal paradigm of the Russian verb

временная форма \ глагол	имперфективный	перфективный
прошедшее время	√	√
настоящее время	√	—
будущее время	√	√

Хорошо известно также, что классическое воззрение на временную парадигму русского глагола является далеко не единственным. С точки зрения его оппонентов, оно создаёт неточное представление об устройстве категории времени в русском языке и, следовательно, нуждается в пересмотре. См., например, (Перцов 2001; Зализняк 2015; Исаченко 1960; Стойнова 2018).

Классическое мнение покоится на семантических основаниях: перфективность и значение настоящего времени несовместимы (Потебня 1977, 166). Оно поддерживается авторитетными источниками (*Русская грамматика* 1980, 626).

Его оппоненты указывают на признак формального сходства: *режу* / *раз-режу* (Зализняк, Шмелёв 2015, 32), *куп* + *ит* / *докуп* + *ит* (Перцов 2001, 147). Их решающие аргументы, однако, также апеллируют к семантике и в общем виде сводятся к следующему: форма будущего времени перфективов способна передавать по крайней мере одно из значений, выражаемых формой настоящего времени имперфективов. А. В. Бондарко при этом подчёркивает, что она используется не для выражения, а при выражении таких значений (Бондарко 2011, 95, 94). Более сильная версия гипотезы, кроме собственно будущего времени перфективов, постулирует омонимичный ему «презент СВ» (Стойнова 2018, 22), употребления которого объясняются диахронически: это рудименты (Стойнова 2017, 32). И наконец, прямо объявляется, что у перфективов есть форма настоящего времени и на синхронном уровне, но она редко употребляется (Успенский 2008, 830–831).

Оппоненты устоявшегося взгляда отмечают роль контекста в представляемых иллюстрациях (Золотова и др. 1998, 403). Его пропоненты расценивают фактор контекста как неотразимый аргумент, доказывающий несостоятельность предлагаемого пересмотра: «Значение одновременности реализуется той же словформой, которая в изолированном употреблении имеет значение последующего действия. Это преобразование происходит лишь под воздействием контекста» (Милославский 1981, 210).

Однако критики господствующего воззрения подкрепляют свои утверждения столь богатым языковым материалом, что даже их противники принимают эти данные во внимание. Так, И. Г. Милославский считает, что традиционная парадигма игнорирует способность перфективов обозначать действие одновременно с моментом речи в предложениях типа *Он всегда скажет что-нибудь смешное* (Милославский 1981, 210). Е. В. Петрухина выражает несогласие с подобными интерпретациями, однако признаёт, что обсуждаемая форма характеризуется временной двойственностью, т. е. является формой настоящего-будущего (ср. (Виноградов 1986: 466)), так как в определённых типах предложений она может иметь значения настоящего неактуального и непроцессного настоящего момента речи (Петрухина 2009, 134).

Можно было бы ожидать, что критики доминирующего мнения находят значение перфективов и настоящего времени совместимыми. Однако анализ литературы показывает, что факт несовместимости признают представители обоих теоретических подходов: см. (Виноградов 1986, 466; Гвоздев 1973, 308; Демиденко, Наумович 1972, 60; Зализняк 2015, 314; Кацнельсон 2001, 140; Маслов 1959, 238; Падучева 2010, 172; Петрухина 2009, 114–115; Петрухина 2012, 57; Пешковский 1956, 110; Соколов 2010, 144; Успенский 2008, 848; Федотов, Чуйкова 2013, 160; Шатуновский 2009, 195; Comrie 1998, 66; Smith 1997, 112; Sussex, Cubberley 2006, 343), а также позицию Ф. Ф. Фортунатова в (Виноградов 1986, 466).

Оппоненты классического взгляда полагают, что им удастся избежать противоречия. Его пропоненты своих позиций не сдают. При этом обе стороны учитывают аргументы друг друга.

Ситуация, как видим, сложилась парадоксальная. За неимением места мы не можем проанализировать её корни, но у нас есть возможность обозначить проблемные вопросы традиционного подхода к семантике настоящего времени.

Здесь на одном полюсе мнение о том, что настоящее время — беспризнаковая категория (Jakobson 1984, 6), а на другом — широчайший спектр суждений о природе приписываемых ему признаков.

Значение настоящего времени представляется как линия, у которой есть границы, отделяющие настоящее время от прошедшего и будущего (Соколов 2010, 143). Одни считают эти границы резкими (Кацнельсон 2001, 427). Другие — квалифицируют как чаще всего неопределённые, размытые и при этом несущественные: «...Настоящее не имеет жестких пределов, которые бы отделяли его от прошлого и от будущего. Неактуальное настоящее ещё в большей степени неопределенно. Его открытость может переходить... в представление о неограниченности ситуации во времени» (Бондарко 1990, 23). См., однако, идеи «рассматривать настоящее как план, а не как линию» (Карцевский 2004, 176) или как «соединение смежных участков прошлого и будущего» (Князев 1997, 133) и ср. взгляды в (Виноградов 1986: 441).

Его дефиниции содержат понятие временного ориентира, но определяется оно разноречиво:

— как момент речи, грамматическая точка отсчёта, момент наблюдения, акт речи (Бондарко 1990, 7; Гвоздев 1973, 334; Зализняк 2015, 314, 315; Исаченко 1960, 469; Князев 1997; Маслов 2004, 513; Милославский 1981, 210; Петрухина 2009, 115; *Русская грамматика* 1980, 628; Успенский 2008, 828; Шелякин 2001, 93);

— имеющий точечную природу (см. выше) или представляющий собой отрезок, который может быть разрывным (Перцов 2001, 185);

— имплицитно представляемый как статичный или эксплицитно описываемый как находящийся в движении (Гвоздев 1973, 335; Шатуновский 2009, 195, 196).

Проблема в том, что сама категория времени в русском языке до сих пор не имеет общепринятого описания, несмотря на богатство наблюдений и подходов. См. идеи о разграничении парадигматики и синтагматики категории времени (Петрухина 2009), множественности временных ориентиров и неединственности определения одновременности, ср. различные классификации употребления временных форм (Исаченко 1960; Милославский 1981; Падучева 2010; Перцов 2001; Петрухина 2009).

2. Предлагаемое решение

Сущность русского глагола — это вид, и надо исходить из вида, чтобы по-настоящему разобраться в понятии времени в русской грамматике [...]

С. И. Карцевский (Карцевский 2004, 175)

В полном согласии с эпиграфом при решении проблемы мы опираемся на принятое нами описание категории вида (некоторое представление о нём можно получить, например, из (Самедова 2015; Самедова 2011; Samedova 2016)).

Исследование категории времени мы начинаем с разграничения парадигматического (выделяемое в рамках временной парадигмы) и синтагматического (связанное с контекстом) временных значений¹⁰⁸. Такой подход позволяет разработать нетривиальное решение, оставаясь в русле классических воззрений.

Уверенность, что некоторая часть единиц в парадигме глагола представляет собой временную парадигму, выкристаллизовалась у лингвистов за многовековую историю исследований русского языка. Действительно, самый обычный носитель языка, опираясь на показания своей языковой интуиции, при простом сопоставлении как личных, так и неличных форм некоего глагола, взятых вне контекста, выделит ряд типа *строил — строит — будет строить* или типа *построил — построит* на том основании, что его члены сообщают о времени осуществления действия в реальном, физическом, мире и толкуются с помощью понятий прошедшее, настоящее и будущее.

Естественно утверждать, что каждый из членов временной парадигмы характеризуется наличием определённой временной семы. Также несомненно, что для её определения необходимо понятие временной ориентир. Одна из сем представляет собой ‘одновременность с временным ориентиром’ (сема ‘настоящее время’), тогда как две другие — это, соответственно, ‘предшествование временному ориентиру’ (сема ‘прошедшее время’) и ‘следование за временным ориентиром’ (сема ‘будущее время’).

Итак, ключом к уяснению природы парадигматического временного значения является понятие временной ориентир. Дело, однако, в том, что оно само нуждается в конкретизации.

Прежде всего следует уяснить, является ли временной ориентир точкой или интервалом. Допустим, что верно второе.

В таком случае временной ориентир должен иметь чёткие границы, а шкала времени, соответственно, должна представлять собой отрезок, состоящий из трёх частей (допущение, что количество частей одно и то же как для имперфективов, так и перфективов, не сказывается на итоге рассуждений). Эти части должны быть равны друг другу, ибо представляется невероятным, чтобы временные планы одного и того же глагола отличались друг от друга по своей протяжённости. Их границы должны ощущаться языковым чутьём, подобно тому как любой носитель русского языка ощущает сему ‘точный предел’ в перфективах. При этом они должны отличаться от последней по своей когнитивной природе. См. рис. 1:

¹⁰⁸Различение классового, парадигматического и синтагматического значений — один из принципов последовательно структуралистской теории.

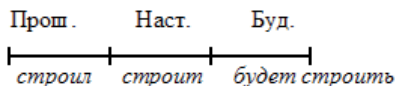
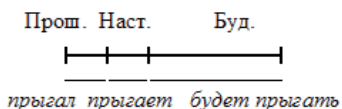

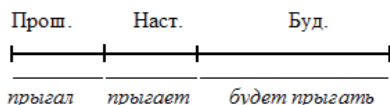
Рис. 1. Трактовка временного ориентира как интервала
 Fig. 1. Treating the temporal reference mark as an interval

При этом каждая из данных частей по своей «длине» должна строго соответствовать семе 'процесс', которая присуща глаголу, а границы временных интервалов не должны быть жёсткими, строго фиксированными, поскольку семы различаются с точки зрения протяжённости процесса. Кроме того, устройство временной шкалы должно согласовываться с тем обстоятельством, что будущее время имперфективов является аналитическим, а в значении перфективов наличествует сема 'точечный предел'.

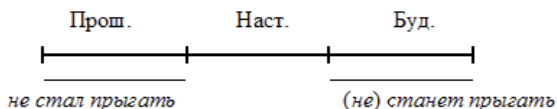
Представить эту картину помогают визуальные метафоры:

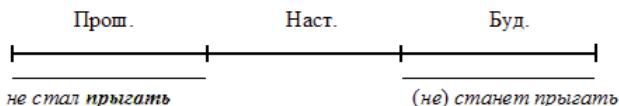
2.1. Моментальный имперфектив

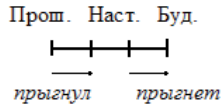
2.2. Немоментальный имперфектив

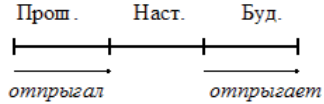
2.3. Имперфективная конструкция стать + моментальный инф.

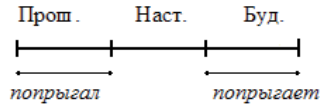
2.4. Имперфективная конструкция стать + немоментальный инф.

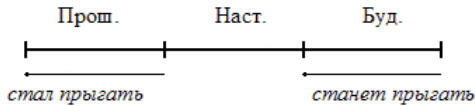
2.5. Финальный моментальный перфектив

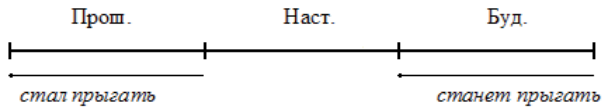
2.6. Финальный немоментальный перфектив

2.7. делимитатив

2.8. Перфективная конструкция стать + моментальный инф.

2.9. Перфективная конструкция стать + немоментальный инф.

Рис. 2. Трактовка временного ориентира как интервала (с учётом семантики конкретного глагола)

Fig. 2. Treating the temporal reference mark as an interval with regard of the meaning of a particular verb

Как показывают рис. 1 и 2, проанализированное допущение порождает довольно громоздкую картину. Трудно представить носителя, который смирится с такими контринтуитивными и, более того, противоречивыми чертами категории времени в своём языке.

Полученный вывод позволяет утверждать, что временной ориентир не может быть интервалом. Соответственно, традиция совершен-

но справедливо трактует его как точку. Важно уточнить, что нам она видится как строго фиксированная, статичная, находящаяся в покое¹⁰⁹. Воспринимаемое языковым чутьём движение мы объясняем наличием в значении глагола семы 'процесс'.

Теперь мы можем ответить на вопрос о временной парадигме глаголов совершенного вида.

Доминантная для перфектива сема 'точечный предел' неотделима от семы 'процесс', образует с ней семантический комплекс. Этот комплекс беспрепятственно совмещается с семами 'прошедшее время' (или 'предшествование временной точке отсчёта') и 'будущее время' (или 'следование за временной точкой отсчёта'). Однако в случае с семой 'настоящее время' (или 'одновременность с временной точкой отсчёта') картина парадоксальна. Дело в том, что нет никаких препятствий для сочетания семы 'настоящее время' с семами 'точечный предел' и 'процесс', если последние взяты в отдельности. Можно видеть, что ни точечная природа перфективности, ни линейная сущность семы 'процесс' не являются помехой для их совместимости с семой 'одновременность с временной точкой отсчёта'. Но одновременно одновременно¹¹⁰ с временной точкой отсчёта эти две семы быть не могут. Семантический комплекс 'точечный предел' + 'процесс', если прибегнуть к метафорам, вдохновлённым терминами естественных наук, отталкивается от семы 'настоящее время'. Их сближение невозможно даже себе представить, ибо оно означало бы для перфектива неминуемый распад, исчезновение: сема 'настоящее время' разрушила бы этот глагол: он бы разбился об неё, раскололся. Отсюда принципиальная несовместимость семантики перфектива и семы 'настоящее время'.

Проиллюстрируем предложенное объяснение с помощью визуальных метафор. Сравним рис. 3, представляющий временную парадигму имперфективов (которая является нормальной, недефектной парадигмой, содержащей все три члена), и рис. 4, изображающий темпоральную парадигму перфективов¹¹¹. Можно видеть сходство метафор, представляющих члены «прошедшее время» и «будущее время». Совершенно иначе обстоит дело в случае с метафорами членов «настоящее время». Дело в том, что гипотетическая сущность, сконструированная для перфективов, не может принадлежать одному временному плану.

¹⁰⁹ Как представляется, при определении временной точки отсчёта придётся отказать от понятия момент речи и использовать понятие момент наблюдения.

¹¹⁰ Выразительная формула И. Б. Шатуновского (Шатуновский 2009, 195).

¹¹¹ Для обозначения временных сем используется незакрашенная точка. Расстояние между нею и другими метафорами совершенно не существенно, однако её местоположение значимо. Метафоры гипотетических (т. е. грамматически неправильных, несуществующих) форм помечены звёздочкой.

Здесь возможны два сценария. Один, — когда конструкт вынужден расколоться на две (если перфективу свойственна видовая сема ‘начальный предел’ или ‘конечный предел’) или три части (если перфектив характеризуется аспектуальной семой ‘начально-конечный предел’). Другой, — когда конструкт остаётся «невредимым», но вынужден охватить два или даже все три временных плана. Первый сценарий означает аннигиляцию глагола, второй — ставит под вопрос тезис о том, что русский язык располагает категорией времени.

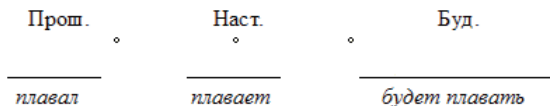

Рис. 3. Члены временной парадигмы имперфективов
 Fig. 3. The members of the temporal paradigm of imperfective verbs

- Бондарко, А. В. (2011) *Категоризация в системе грамматики*. М.: Языки славянской культуры, 472 с.
- Виноградов, В. В. (1986) *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. М.: Высшая школа, 639 с.
- Гвоздев, А. Н. (1973) *Современный русский литературный язык. Часть 1: Фонетика и морфология*. М.: Просвещение, 432 с.
- Демиденко, Л. П., Наумович, А. Н. (1972) *Современный русский язык*. Глагол. Минск: Вышэйшая школа, 176 с.
- Зализняк, Анна А. (2015) Презенс совершенного вида в значении настоящего времени. В кн.: Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелёв А. Д. *Русская аспектология: В защиту видовой пары*. М.: Языки славянской культуры, с. 314–329.
- Зализняк, Анна А., Шмелёв, А. Д. (2015). Введение в русскую аспектологию. В кн.: Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелёв А. Д. *Русская аспектология: В защиту видовой пары*. Москва: Языки славянской культуры, с. 15–151.
- Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., Сидорова, М. Ю. (1998) *Коммуникативная грамматика русского языка*. М.: Изд-во МГУ, 528 с.
- Исаченко, А. В. (1960) *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Часть 2: Морфология*. Братислава: Изд-во Словацкой Академии Наук, 570 с.
- Карцевский, С. И. (2004) Система русского глагола. В кн.: Карцевский, С. И. *Из лингвистического наследия*. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, с. 31–207.
- Кацнельсон, С. Д. (2001) *Категории языка и мышления: Из научного наследия*. М.: Языки славянской культуры, 851 с.
- Князев, Ю. П. (1997) Настоящее время: Семантика и прагматика. В кн.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко (ред.), *Логический анализ языка. Язык и время*. М.: Индрик, с. 131–138.
- Маслов, Ю. С. (1959) Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). В кн.: С. Б. Бернштейн (ред.), *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. М.: АН СССР, с. 157–312.
- Маслов, Ю. С. (2004) Настоящее время. В кн.: Маслов, Ю. С. *Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание*. М.: Языки славянской культуры, с. 513–515.
- Милославский, И. Г. (1981) *Морфологические категории современного русского языка*. Москва: Просвещение, 254 с.
- Падучева, Е. В. (2010) *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.: Языки славянской культуры, 464 с.
- Перцов, Н. В. (2001) *Инварианты в русском словоизменении*. М.: Языки славянской культуры, 280 с.
- Петрухина, Е. В. (2009) *Русский глагол: Категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований)*. М.: МАКС Пресс, 208 с.
- Петрухина, Е. В. (2012) *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 256 с.

Пешковский, А. М. (1956) *Русский синтаксис в научном освещении*. М.: МП РСФСР, 511 с.

Потебня, А. А. (1977) *Из записок по русской грамматике*. Т. 4, вып. 2: Глагол. М.: Просвещение, 406 с.

Русская грамматика (1980) Шведова Н. Ю. и др. (ред.), Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 783 с.

Самедова, Н. Г. (2011) *К вопросу о форме будущего времени глаголов несовершенного вида в современном русском языке*. В кн.: Н. Д. Арутюнова (ред.). *Логический анализ языка. Лингвофутуризм*. М.: Индрик, с. 263–276.

Самедова, Н. Г. (2015) *Перфективность и сема 'процесс': О когнитивном аспекте взаимодействия*. В кн.: М. Китадзэ (сост.). *Труды 5-й конференции комиссии по аспектологии Международного комитета славистов «Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития»*. Киото: Издательство университета Киото Сэнгэ, с. 248–254.

Соколов, О. М. (2010) *ИмPLICITная морфология русского языка*. Нijин: Гiдромакс, 184 с.

Стойнова, Н. М. (2017) Нефутуральные употребления форм будущего времени. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. URL: <http://rusgram.ru>

Стойнова, Н. М. (2018) Будущее время. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. URL: <http://rusgram.ru>

Усикова Р. П. (1963) О настоящем времени глаголов совершенного вида в македонском литературном языке. В кн.: С. Б. Бернштейн, Е. Э. Цыбенко (ред.), *Славянская филология*. Вып. 4. М.: Московский государственный университет, с. 64–77.

Успенский, Б. А. (2008) Вид и дейксис. В кн.: А. В. Бондарко, Г. И. Кустова, Р. И. Розина (ред.), *Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой*. М.: Языки славянских культур, с. 825–866.

Федотов, М. Л., Чуйкова, О. Ю. (2013) К определению аспектуального значения лимитатива и вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола. В кн.: Е. И. Грехова (ред.), *Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, с. 153–203.

Шатуновский, И. Б. (2009) *Проблемы русского вида*. М.: Школа «Языки славянской культуры» 352 с.

Шелякин, М. А. (2001) *Функциональная грамматика русского языка*. М.: Русский язык, 288 с.

Błaszczak, J. (2019). “Be future” — Old and Modern Views on FUTURE: Typological, Diachronic, and Psycholinguistic Aspects. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 502 с.

Comrie, B. (1998) *Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 142 p.

De Wit, A. (2017). *The present perfective paradox across languages*. New York: Oxford University Press, 240 p.

Divjak, D., Janda, L. A. & Kočańska, A. (2007) Why cognitive linguists should care about the Slavic languages and vice versa. In: D. Divjak, & A. Kočańska (eds.), *Cognitive paths into the Slavic domain*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, pp. 1–18.

Geld, R. & Zovko Dinković, I. (2007) Perfectives, imperfectives and the Croatian present tense. In: D. Divjak, & A. Kočańska (eds.), *Cognitive paths into the Slavic domain*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, pp. 111–148.

Jakobson, R. (1984) *Structure of the Russian verb*. In *Russian and Slavic grammar*. Berlin — New York — Amsterdam: Mouton Publishers, pp. 1–14.

Kočańska, A. (2007) Conflicting epistemic meanings of the Polish aspectual variants in past and in future uses: Are they a vagary of grammar? In: D. Divjak, & A. Kočańska (eds.), *Cognitive paths into the Slavic domain*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, pp. 149–180.

Malchukov, A. (2009) Incompatible categories: Resolving the “present perfective paradox”. In: L. Hogeweg, H. de Hoop, A. Malchukov, (eds.), *Cross-linguistic semantics of tense, aspect and modality*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, p. 13–31.

Samedova, N. G. (2016) Verbs of locomotion like *уѣму (to go) — хѡдѣть (to walk)*: Some thoughts on their semantic description. *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow*. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava. Warsaw: De Gruyter Open, I (1), December 2017, pp. 308–357. DOI: 10.1515/lart-2016-0007.

Smith, C. S. (1997) *The parameter of aspect*. 2nd ed. Dordrecht: Springer Science+Business Media, 353 p.

Sussex, R. & Cubberley, P. (2006) *The Slavic languages*. New York: Cambridge University Press, 660 p.

REFERENCES

Błaszczak, J. (2019) “Be future” — Old and Modern Views on FUTURE: Typological, Diachronic, and Psycholinguistic Aspects. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu Publ., 502 p. (In English)

Bondarko, A. V. (1990) Temporal’nost’ [Temporality]. In: A. V. Bondarko (ed.), *Teoriya funkcional’noj grammatiki. Temporal’nost’. Modal’nost’ [The Theory of functional grammar: Temporality. Modality]*. Leningrad: Nauka Publ., pp. 5–58. (In Russian)

Bondarko, A. V. (2011) *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki [Categorization in grammar]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul’tury Publ., 472 p. (In Russian)

Comrie, B. (1998) *Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 142 p. (In English)

Demidenko, L. P., Naumovich, A. N. (1972) *Sovremennij russkij yazyk. Glagol [The modern Russian language. The verb]*. Minsk: Vyshejschaya shkola Publ., 176 p. (In Russian)

De Wit, A. (2017) *The present perfective paradox across languages*. New York: Oxford University Press, 240 p. (In English)

Divjak, D., Janda, L. A. & Kočańska, A. (2007) Why cognitive linguists should care about the Slavic languages and vice versa. In: *Cognitive paths into the Slavic*

domain. Divjak, D. & Kochańska, A. (eds.). Berlin — New York: Mouton de Gruyter Publ., p. 1–18. (In English)

Fedotov, M. L., Chujkova, O.Yu. (2013) K opredeleniyu aspektual'nogo znacheniya limitativa i voprosu ob osobennostyakh «delimitativnoj» derivatsii russkogo glagola [On the definition of the aspectual meaning of the limitative and the question of special features of the “delimitative” derivation of the Russian verb]. In: E. I. Grekhova (red.), *Iz proshlogo v budushchee. Sbornik statej i vospominanij k 100-letiyu professora Yu.S. Maslova [From the past to the future. Collection of articles and memoirs on the 100th anniversary of Professor Yu.S. Maslov]*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet Publ., pp. 153–203. (In Russian)

Geld, R. & Zovko Dinković, I. (2007) Perfectives, imperfectives and the Croatian present tense. In: *Cognitive paths into the Slavic domain*. Divjak, D. & Kochańska, A. (eds.). Berlin — New York: Mouton de Gruyter Publ., p. 111–148. (In English)

Gvozdev, A. N. (1973) *Sovremennyj russkij literaturnyjazyk. Chast' 1: Fonetika i morfoloziya [Modern Russian literary language. Part 1: Phonetics and morphology]*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 432 p. (In Russian)

Isachenko, A. V. (1960) *Grammaticheskij stroj russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. Chast' 2: Morfoloziya [Grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak. Part 2: Morphology]*. Bratislava: Slovatskaya Akademiya Nauk Publ., 570 p. (In Russian)

Jakobson, R. (1984) Structure of the Russian verb. In: *Russian and Slavic grammar*. Berlin — New York — Amsterdam: Mouton Publishers, pp. 1–14. (In English)

Kartsevskij, S. I. (2004) Sistema russkogo glagola [The system of the Russian verb]. In: Kartsevskij, S. I. *Iz lingvisticheskogo naslediya. Vol. 2. [Extracts from his linguistic legacy. Vol. 2.]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., pp. 31–207. (In Russian)

Katsnel'son, S. D. (2001) *Kategorii yazyka i myshleniya: Iz nauchnogo naslediya [Categories of language and thought: From the scientific heritage]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 851 p. (In Russian)

Knyazev, Yu.P. (1997) Nastoyashchee vremya: Semantika i pragmatika [The present tense: Semantics and pragmatics]. In: N. D. Arutyunova, T.Ye. Yanko (red.), *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk i vremya [The logical analysis of language. Language and time]*. Moscow: Indrik Publ., pp. 131–138. (In Russian)

Kochańska, A. (2007) Conflicting epistemic meanings of the Polish aspectual variants in past and in future uses: Are they a vagary of grammar? In: *Cognitive paths into the Slavic domain*. Divjak, D. & Kochańska, A. (eds.). Berlin — New York: Mouton de Gruyter Publ., pp. 149–180. (In English)

Malchukov, A. (2009) Incompatible categories: Resolving the “present perfective paradox”. In: *Cross-linguistic semantics of tense, aspect and modality*. Hogeweg, L., de Hoop, H., Malchukov, A. (eds.). Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publ., pp. 13–31. (In English)

Maslov, Yu.S. (1959) Glagol'nyj vid v sovremenom bolgarskom literaturnom yazyke (znachenie i upotreblenie) [The verbal aspect in the modern Bulgarian literary language (meaning and usage)]. In: S. B. Bernshtejn (red.), *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka [Issues of the grammar of the Bulgarian literary language]*. Moscow: AN SSSR Publ., pp. 157–312. (In Russian)

Maslov, Yu.S. (2004). Nastoyashchee vremya [The present tense]. In: Maslov, Yu.S. *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie [Selected writings:*

Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., s. 513–515. (In Russian)

Miloslavskij, I. G. (1981) *Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo yazyka [Morphological categories of the modern Russian language]*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 254 p. (In Russian)

Paducheva, E. V. (2010) *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrative [Semantic studies: The semantics of time and aspect in the Russian language. The semantics of the narrative]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 464 p. (In Russian)

Pertsov, N. V. (2001) *Invarianty v russkom slovoizmenenii [Invariants in the Russian inflection]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 280 pp. (In Russian)

Peshkovskij, A. M. (1956) *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in academic interpretation]*. Moscow: MP RSFSR Publ., 511 pp. (In Russian)

Petrukhina, E. V. (2009) *Russkij glagol: Kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovanij) [The Russian verb: The categories of aspect and tense (in the context of modern linguistic researches)]*. Moscow: MAKSS Press, 208 s. (In Russian)

Petrukhina, E. V. (2012) *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim yazykami [Aspectual categories of the verb in the Russian language in comparison with the Czech, Slovak, Polish and Bulgarian languages]*. 2nd ed. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 256 p. (In Russian)

Potebnya, A. A. (1977) *Iz zapisok po russkoj grammatike. T. 4, vyp. 2: Glagol [Notes on Russian grammar. Vol. 4, iss. 2: Verb]*. Moskva: Prosveshchenie Publ., 406 p. (In Russian)

Russkaya grammatika [Russian grammar] (1980) Shvedova N. Yu. i dr. (red.), Vol. 1: *Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]*. Moscow: Nauka Publ., 783 p. (In Russian)

Samedova, N. G. (2011) *K voprosu o forme budushchego vremeni glagolov nesovershennogo vida v sovremennom russkom yazyke [On the issue of the future tense form of imperfective verbs in the modern Russian language]*. In: N. D. Arutyunova (red.). *Logicheskij analiz yazyka. Lingvofuturizm [The logical analysis of language. Linguistic futurism]*. Moscow: Indrik Publ., pp. 263–276. (In Russian)

Samedova, N. G. (2015) *Perfektivnost' i sema 'protsess': O kognitivnom aspekte vzaimodejstviya [Perfectivity and the seme 'process': On the cognitive aspect of interaction]*. In: M. Kitadze (red.). *Trudy 5-j konferentsii komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov «Aspektual'naya semanticheskaya zona: Tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya» [Proceedings of the 5th conference of the aspectological commission of the International committee of Slavists "The aspectual semantic zone: The typology of systems and scenarios of diachronic development"]*. Kioto: Universitet Kioto Senge Publ., pp. 248–254. (In Russian)

Samedova, N. G. (2016) *Verbs of locomotion like идти (to go) — ходить (to walk): Some thoughts on their semantic description*. In: *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow*. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava. Warsaw: De Gruyter Open Publ., I (1), December 2017, p. 308–357. DOI: 10.1515/lart-2016–0007. (In English)

- Shatunovskij, I. B. (2009) *Problemy russkogo vida [Problems of the Russian aspect]*. Moscow: Shkola «Yazyki slavyanskoj kul'tury» Publ., 352 p. (In Russian)
- Shelyakin, M. A. (2001) *Funksional'naya grammatika russkogo yazyka [Functional grammar of the Russian language]*. Moscow: Russkij yazyk Publ., 288 p. (In Russian)
- Smith, C. S. (1997) *The parameter of aspect*. 2nd ed. Dordrecht: Springer Science+Business Media Publ., 353 p. (In English)
- Sokolov, O. M. (2010) *Implitsitnaya morfologiya russkogo yazyka [Implicit morphology of the Russian language]*. Nizhjn: Gidromaks Publ., 184 p. (In Russian)
- Stojnova, N. M. (2017) Nefutural'nye upotrebleniya form budushchego vremeni [Non-future uses of the future tense forms]. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki [Materials for the project of the corpus description of the Russian grammar]*. URL: <http://rusgram.ru> (In Russian)
- Stojnova, N. M. (2018) Budushchee vremya [The future tense]. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki [Materials for the project of the corpus description of the Russian grammar]*. URL: <http://rusgram.ru> (In Russian)
- Sussex, R. & Cubberley, P. (2006) *The Slavic languages*. New York: Cambridge University Press, 660 p. (In English)
- Usikova R. P. (1963) O nastoyashchem vremeni glagolov sovershennogo vida v makedonskom literaturnom yazyke [On the present tense of perfective verbs in the Macedonian literary language]. In: S. B. Bernshtejn, Ye. E. Tsybenko (red.), *Slavyanskaya filologiya [The Slavic philology]*. Issue 4. Moscow: Moscow State University Publ., pp. 64–77. (In Russian)
- Uspenskij, B. A. (2008) Vid i dejksis [The aspect and deixis]. In: A. V. Bondarko, G. I. Kustova, R. I. Rozina (red.), *Dinamicheskie modeli. Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statej v chest' E. V. Paduchevoj [The dynamic models. The word. The sentence. The text. Collected papers in honor of E. V. Paducheva]*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., pp. 825–866. (In Russian)
- Vinogradov, V. V. (1986) *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical studies of the word)]*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 639 p. (In Russian)
- Zaliznyak, Anna A. (2015) Prezens sovershennogo vida v znachenii nastoyashchego vremeni [The present perfective in the meaning of the present tense]. In: Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. *Russkaya aspektologiya: V zashchitu vidovoj pary [Russian aspectology: In the defense of the aspectual pair]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., pp. 314–329. (In Russian)
- Zaliznyak, Anna A., Shmelev, A. D. (2015) Vvedenie v russkuyu aspektologiyu [Introduction to the Russian aspectology]. In: Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. *Russkaya aspektologiya: V zashchitu vidovoj pary [Russian aspectology: In the defense of the aspectual pair]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., pp. 15–151. (In Russian)
- Zolotova, G. A., Onipenko, H. K., Sidorova, M.Yu. (1998) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative grammar of the Russian language]*. Moscow: MGU Publ., 528 p. (In Russian)

Шарыгина Софья Сергеевна

Студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург
sofya-sharygina@mail.ru

Sharygina Sofia (Sergeevna)

1st year MA student, St Petersburg State University
Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., 199034, Saint Petersburg.
sofya-sharygina@mail.ru

**Перспектив и его взаимодействие
с темпоральными граммемами (футуром и презентом):
контрастивное исследование
на материале параллельного корпуса**

Аннотация. В статье описывается исследование, посвященное анализу употребления различных способов выражения значений перспективно-футуральной семантической зоны в русском и (косвенно) английском и испанском языках. В фокусе исследования находилась именно граммама перспектива, значение которой традиционно определяется как «состояние X-а таково, что позже произойдет Р» (Плунгян 2011, 387), однако из-за семантической близости перспектива к будущему (и, в меньшей степени, настоящему) времени в рамках данной работы представляется более правильным говорить о способах выражения значений именно перспективно-футуральной зоны.

Поскольку в русском языке отсутствуют достаточно грамматикализованные показатели перспектива, для выявления показателей перспективной семантики было решено отталкиваться от соответствий грамматикализованным способам выражения значений перспективно-футуральной зоны английского и испанского языков.

В числе рассмотренных показателей были конструкции *to be going to + Inf* и *to be about to + Inf* английского языка и конструкции *ir a + Inf*, *estar a punto de + Inf* и *estar por + Inf* испанского языка.

Источником материала для исследования послужили тексты письменной нормативной и устной разговорной речи в английско-русском и испанорусском параллельных подкорпусах (раздел Intercorp), входящих в состав

«Чешского национального корпуса» (The Czech National Corpus, CNC), рассмотренные отдельно.

Далее анализировались случаи соответствия перечисленных выше английских и испанских способов выражения значений проспективно-футуральной зоны русскому языковому материалу.

В результате анализа был сделан ряд наблюдений о существующих способах выражения значений проспективной семантики в текстах разной стилистики русского языка, их частотности в рассмотренном материале, а также особенностях и контекстах их употребления.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, английский язык, испанский язык, русский язык, аспект, вид, время, проспектив, будущее время.

Prospective aspect and interrelation with future and present tenses: a parallel corpora-based study

Summary. The present paper investigates means of expressing prospective semantics and future time reference in Russian via English and Spanish and (indirectly) in English and Spanish.

The focus of the study was on the prospective aspect, the meaning of which is traditionally defined as ‘the state of X is such that later P will occur’.

Since no means of expressing prospective semantics are grammaticalized in Russian, in order to identify the most frequently used of them it was decided to proceed from the translational equivalence of the grammaticalized constructions in English and Spanish. Among the discussed means of expressing prospective semantics are the following: English constructions *to be going to + Inf* and *to be about to + Inf* and Spanish constructions *ir a + Inf*, *estar a punto de + Inf* and *estar por + Inf*.

The research described in the paper has been carried out on the basis of data provided by the parallel English-Russian and Spanish-Russian corpora included in The Czech National Corpus. To improve the quality of the analysis the texts provided by the corpora were divided into two groups: the texts of written formal language and the texts of spoken informal language.

Subsequently, 100 examples of each of constructions being used in English and Spanish texts and translated to Russian were analyzed. Based on the analysis, the paper suggests a number of observations about the ways of expressing prospective semantics in Russian texts, their frequency, as well as about their special features and contexts of usage.

Key words: future tense, present tense, prospective aspect, tense, aspect, corpus linguistics, Russian, English, Spanish.

1. Введение: постановка проблемы и материал исследования

В статье описывается исследование, посвященное анализу употребления различных способов выражения значений проспективно-футуральной семантической зоны в русском и (косвенно) английском и испанском языках.

В фокусе нашего внимания находилась именно граммема проспектива, семантика которой традиционно описывается различными исследователями как «a state is related to some subsequent situation, for instance where some one is in a state of being about to do something» (Comrie 1976, 64), «состояние X-а таково, что позже произойдет Р» (Плунгян 2011, 387), «в точке отсчёта имеет место подготовительная стадия ситуации Р» (Федотов 2016, 6) или «состояние дел, за которым вероятнее всего последует ситуация Р» (Козлов 2014, 143). Обобщая, показатели проспектива можно охарактеризовать как указывающие на наличие предпосылок для некой ситуации, которая произойдет в будущем.

С точки зрения грамматической семантики и типологии проспектив принято отграничивать от футурума. Так, в отличие от футурума, проспектив традиционно описывается как аспектуальная, а не временная граммема. Тем не менее, в некоторых публикациях, напр., (Fleischman 1982, 17; Dahl 2000, 319), проспектив рассматривается скорее как «маргинальный» подвид будущего времени, чем как самостоятельная аспектуальная граммема. Кроме того, при работе с материалом конкретного языка зачастую оказывается сложно точно охарактеризовать значение, передаваемое отдельными показателями, а также классифицировать их в соответствии с выделяемыми компонентами футурально-проспективной семантической зоны.

Таким образом, представляется более правильным говорить о способах выражения значений именно проспективно-футуральной, а не строго проспективной семантической зоны.

В русском языке очевидным образом отсутствуют в достаточной степени грамматикализованные показатели, которые передавали бы значения проспектива. Референция к подготовительной стадии ситуации происходит эксплицитно, с помощью лексических средств (Чуйкова 2018, 157). Так, передача проспективных значений может происходить посредством сочетаний с наречиями типа *вот-вот*, с использованием глаголов, лексически передающих желание (*хотеть*) или намерение (*собираться*) (Чуйкова 2018, 157, 167).

Непосредственной целью данного исследования было выявление основных способов выражения проспективного значения в русском

языке. Для этого на основе литературы по грамматической семантике, а также академических описаний частных грамматик, был отобран ряд английских и испанских аналитических конструкций, наиболее частотно и обоснованно описываемых как передающих проспективное (иногда — футуральное) значение, после чего на материале параллельных корпусов рассматривались случаи их соответствия различным языковым выражениям русского языка. Параллельно делались некоторые наблюдения об особенностях употребления английских и испанских показателей проспективно-футуральной семантической зоны.

Исследование проводилось с использованием «Чешского национального корпуса» (The Czech National Corpus, CNC), точнее, его английско-русского и испано-русского подкорпусов (раздел Intercorp). Источником материала послужили тексты следующих типов: протоколы заседаний Европейского парламента, художественная литература, публицистические тексты, тексты субтитров из фильмов и сериалов.

Отметим, что если тексты первых трех типов являются примерами письменной нормативной речи, то тексты последнего типа являются, по меньшей мере, имитацией устной спонтанной речи, часто существенно отклоняющейся от нормы. По этой причине две группы текстов рассматривались отдельно друг от друга; для краткости им были присвоены условные наименования «Группа А» (тексты письменной речи) и «Группа В» (тексты имитации устной неформальной речи). Анализировались по 100 случаев соответствий для каждого английского и испанского показателя в текстах каждого типа речи.

2. Анализ языковых соответствий

В английском языке в качестве «проспективных» характеризуются аналитические конструкции *to be going to* + Inf и *to be about to* + Inf. Конструкция *to be going to* + Inf описывается как частотная при референции к «планам, решениям и приготовлениям», затрагивающим план будущего (Carter, McCarthy 2006, 629–630).

Как демонстрируют результаты, представленные в Табл. 1, в большинстве вхождений конструкции *to be going to* + Inf в русском языке ей соответствуют футуральные формы, причем выдача по ним сходна для письменной нормативной и устной неформальной речи.

**Частотность различных вариантов перевода конструкции
to be going to + Inf в письменной и устной речи**

	Группа А	Группа В
Футурум	61 %	68 %
Презенс	8%	3,50%
Выражения долженствования	3%	5,50%
Другое	28%	23%
Всего	100%	100%

Приведем типичный пример такого выбора переводного эквивалента:

- (1) *If we serve tea in crystal, the shop **is going to expand**...*
*Будешь подавать покупателям чай в хрустальных стаканах — наш оборот **вырастет**.*

Следующий результат по частотности среди однородных типов примеров демонстрируют формы презенса в письменной нормативной речи (2) и выражения долженствования — в имитации устной неформальной речи (3).

- (2) *«Are you serious, sir?» he said in a small whisper which had the effect of silencing the pub. «You think the world's **going to end**?»*
*— Вы серьезно, сэр? — спросил он тихим шепотом, который заставил замолчать всех в пабе. — Вы думаете, что **наступает** конец света?*
- (3) *I'm **going to be** a secret agent, I should have a better name.*
*Если я **должен быть** секретным агентом, мне нужно имя получше.*

Кроме того, высока доля «других» способов выражений значения, т. е. (здесь и далее) таких, которые в силу своей разнородности не могли быть объединены в одну гомогенную категорию, раздельное же их рассмотрение представлялось необоснованным в силу малочисленности их наполнения и нерегулярности. В числе таких переводных эквивалентов обнаруживаются показатели прошедшего времени, императива, а также случаи перефразирования с использованием различных лексических средств, которые особенно преобладают в категории письменной нормативной речи.

Отметим значительное преобладание будущего над другими видами переводных эквивалентов, что может объясняться сдвигом

семантики английской конструкции от проспективной к футуральной (Bybee, Pagliuca 1987, 109–111).

Сильно отличные результаты демонстрируются конструкцией *to be about to + Inf*, которую описывают как прошедшую сходный с *to be going to + Inf* путь развития (Höche 2010, 52; Collins 2009, 156) и семантически к ней близкую (Collins 2009, 155), однако не идентичную. Передаваемое конструкцией значение определяется как «референция к событиям, относящимся к близкому или ближайшему будущему» (Carter, McCarthy 2006, 636).

Таблица 2

Частотность различных вариантов перевода конструкции *to be about to + Inf* в письменной и устной речи

	Группа А	Группа В
Футурум + <i>сейчас</i>	18%	15%
Футурум + <i>вот-вот</i>	13%	3%
Презенс	13%	23%
Футурум	11%	16%
Другое	45%	43%
Всего	100%	100%

В этом случае наиболее типичными русскими переводными эквивалентами оказываются сочетания показателей футурума с наречием *сейчас* для письменной нормативной (4) и показатели презенса для неформальной разговорной речи (5).

- (4) *'The name of the man who is about to be released before you...'*
— *Имя того, кого сейчас при вас отпустят на свободу...*
- (5) *We are about to start the auction.*
Мы начинаем наш аукцион.

Кроме того, обращает на себя внимание ряд вхождений сочетания *вот-вот* с показателями футурума, в большой мере свойственных письменной нормативной речи и совершенно не свойственных устной разговорной.

- (6) *Secondly, we are about to jump into hyperspace for the journey to Barnard's Star.*
Во-вторых, мы вот-вот совершим прыжок в гиперкосмос для перелета к звезде Бернарда.

Перейдем к испанско-русской параллели. В испанском языке выделяются три конструкции, обозначающие подготовительную фазу ситуации (*fase preparatoria*) с оттенком ее неизбежности: *ir a + Inf*; *estar por + Inf*; *estar a punto de + Inf* (Nueva Gramática 2009, 2154–2161, 2168–2171).

Конструкция *ir a + Inf* является одним из способов маркирования следующей за моментом речи ситуации (Martínez, Manzano, Barriandos 2004, 669) наряду с формой обычного будущего времени, которую она часто «вытесняет» (Nueva Gramática 2009, 2155). Выше уже было высказано предположение о том, что подобная трансформация значения (с «чисто проспективного» на футуральное) происходит с английской конструкцией *to be going to + Inf*. Отметим, что в случае *ir a + Inf* это явление засвидетельствовано в академической грамматике.

В соответствии с этим результаты, полученные в результате анализа русских переводных эквивалентов для *ir a + Inf*, наиболее однородны (см. Табл. 3.). Так, в очевидном большинстве случаев в переводе данной конструкции соответствуют показатели будущего времени, причем такие соответствия наблюдаются как в текстах письменной нормативной, так и устной разговорной речи.

Таблица 3

Частотность различных вариантов перевода конструкции *ir a + Inf* в письменной и устной речи

	Группа А	Группа В
Футурум	72%	80%
Презенс	23%	9%
Выражения долженствования	2%	11%
Другое	3%	—
Всего	100%	100%

Более затрудненной представляется интерпретация и обобщение результатов, полученных для *estar a punto de + Inf* и *estar por + Inf* и представленных в Табл. 4 и 5 соответственно.

Проспективная конструкция *estar a punto de + Inf* характеризуется как маркирующая ситуацию, которая должна быть реализована в самом ближайшем будущем (Торор 2011, 269). Конструкция *estar por + Inf* является синонимичной, или, по крайней мере, весьма близкой ей по значению (Торор 2011, 287). Обе они «указывают на состояние, предшествующее осуществлению или началу представляемого положения дел», то есть передают значения, «близкие» к значению *ir a + Inf* (Nueva Gramática, 2154).

Частотность различных вариантов перевода конструкции *estar a punto de + Inf* в письменной и устной речи

	Группа А	Группа В
Презенс	20%	19%
Футурум	18%	28%
Авертив	22%	7%
Футурум + <i>соро</i>	2%	8%
<i>Собираться</i> + Inf	11%	16%
Другое	27%	22%
Всего	100%	100%

Так, эти конструкции, в целом редко встречающиеся в материале параллельного корпуса, при переводе демонстрируют большое разнообразие лексических средств передачи своего значения.

Для *estar a punto de + Inf* это преимущественно сочетания с наречиями, напр., *соро*, *уже*, а также разного рода комбинации на их основе с перефразировкой предложения.

Отдельно отметим характерность для конструкции *estar a punto de + Inf* случаев перевода, которые можно охарактеризовать как показатели авертива: соответствия различным комбинациям показателей с выражениями типа *почти*, *едва*.

- (7) *El hombre que había matado a su padre yacía muerto en el patio, y ella también **había estado a punto de morir**.*
 Человек, убивший ее отца, лежал мертвый в темном дворе замка, и она сама **едва не стала** его жертвой.

Анализ материала по конструкции *estar por + Inf* показал, что обнаруживаемые ею тенденции довольно сильно отличают ее от *estar a punto de + Inf* (см. Табл. 5).

Частотность различных вариантов перевода конструкции *estar por + Inf* в письменной и устной речи

	Группа А	Группа В
Футурум + <i>сейчас</i>	28%	20%
<i>Собираться</i> + Inf	28%	8%
Футурум + <i>вот-вот</i>	21%	12%
Другое	23%	60%
Всего	100%	100%

Так, несмотря на высокую долю соответствия конструкции *estar por* + Inf различных лексических выражений (особенно в устной неформальной речи), она демонстрирует достаточно стабильные показатели «переводимости» с помощью сочетаний футуральных показателей с *сейчас* и *вот-вот*, а также с использованием русской конструкции *собираться* + Inf.

Выскажем предположение, что это связано с большей «нейтральностью» *estar por* + Inf, и отсутствием у данной конструкции явно выраженной тенденции «выбирать» ситуации определенной семантики, требующей при переводе, напр., маркеров авертива. В целом следует отметить, что несмотря на свои «близкие» или даже «синонимичные», судя по описаниям, значения (Торор 2011, 287), в непосредственном языковом материале эти конструкции демонстрируют серьезные различия в особенностях и контекстах употребления, см. также (Горбова 2017, 30).

3. Выводы

Прежде чем приводить наблюдения на основе полученных результатов, следует отметить несколько факторов, которые очевидным образом оказывают на них определенное влияние.

Так, представляется невозможным рассматривать обсуждаемые в статье «соответствия», как существующие вне контекста параллельных текстов как результата перевода. Говоря о том, что какой-либо (английской или испанской) конструкции в русском языке чаще всего соответствуют показатели будущего времени, следует иметь в виду, что таким образом их интерпретирует переводчик. Кроме того, разница в данных для текстов «Группы А» и «Группы В» показывает, что тип речи (письменный нормативный или устный, имитирующий разговорный) может определять выбор того или иного переводного эквивалента для показателя. Тем не менее, ряд наблюдений по итогам проведенного исследования сделать необходимо.

В проанализированном материале корпуса встретились следующие крупные группы частотных переводных эквивалентов, выражающих значения проспективно-футуральной семантической зоны в русском языке: показатели будущего времени, показатели настоящего времени, выражения долженствования, конструкция *собираться* + Inf, ряд сочетаний показателей настоящего / будущего времени с наречиями *вот-вот*, *скоро* и *сейчас*.

Можно говорить о следующих тенденциях их соответствия английским и испанским показателям: структурно сходным конструк-

циям *to be going to* + Inf и *ir a* + Inf на материале русского языка регулярно соответствуют футуральные формы. Выше приводилось мнение о том, что *ir a* + Inf приобретает семантику референции к плану будущего и «вытесняет» простое будущее. По-видимому, то же наблюдение релевантно и для ее английского «эквивалента». Кроме того, подобная трансформация семантики может говорить о более высокой степени грамматикализации обеих конструкций.

Конструкциям *to be about to* + Inf и *estar a punto de* + Inf преимущественно соответствуют разнообразные лексические выражения в сочетании с формами футурума и/или настоящего времени, и, наконец, *estar por* + Inf занимает «промежуточную» позицию между двумя группами, что может указывать на поспешность бытующего в литературе вывода о ее сходстве с *estar a punto de* + Inf в той степени, которая обычно им приписывается.

ИСТОЧНИКИ

<https://korpus.cz/> — Чешский национальный корпус

ЛИТЕРАТУРА

Горбова, Е. В. (2017) *Перспектив в испанском языке: формы, семантика, прагматика* [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/33155007/%D0%98%D1%81%D0%BF_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2_%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D1%81

Козлов, А. А. (2014) К грамматической семантике старославянских конструкций хотѣти / имѣти с инфинитивом. *Русский язык в научном освещении*, № 1 (27), с. 122–149.

Плунгян, В. А. (2011) *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 672 с.

Федотов, М. Л. (2016) Выражение значений футурально-перспективной зоны в языке гбан, а также некоторые теоретические спекуляции на тему. *Хендаут доклада, прочитанного на «Рабочем совещании по семантике футурально-перспективной зоны»* (Санкт-Петербург: 8–10 декабря 2016 г., ИЛИ РАН), 22 с.

Чуйкова, О. Ю. (2018) *Семантика будущего времени в русском, английском и испанском языках (взаимодействие темпоральности, аспектуальности и модальности)*. Диссертация кандидата филологических наук. СПб.: СПбГУ, 272 с.

Barriendos, M. S., Martínez, F. P. Manzano, P. G. (2005) Presente, ir a + infinitivo y futuro ¿expresan lo mismo cuando se habla del futuro? *Las gramáticas y los diccionarios en la enseñanza del español como segunda lengua, deseo y realidad: Actas del XV Congreso Internacional de ASELE*, Sevilla 22–25 de septiembre de 2004. Sevilla: Universidad de Sevilla, pp. 668–674.

Bybee, J. L., Pagliuca W. (1987) The Evolution of Future Meaning. In: A. G. Ramat, O. Carruba, G. Bernini (eds.), *Papers from the Seventh International Conference on Historical Linguistics*, edited. Amsterdam: Benjamins Publ., pp. 109–122.

Carter, R., & McCarthy, M. (2006) *Cambridge grammar of English: A comprehensive guide: Spoken and written English grammar and usage*. Cambridge, UK. — 973 p.

Collins, P. (2009) *Modals and quasi-modals in English (Language and computers. Studies in practical linguistics)*. Amsterdam—New York: Rodopi. — 193 p.

Comrie, B. (1976) *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge; New York. — 142 p.

Dahl, Ö. (2000) The grammar of future time reference in European languages. In: Ö. Dahl (ed.), *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin—New York: Mouton de Gruyter, pp. 309–328.

Fleischman, S. (1982) *The Future in Thought and Language: Diachronic Evidence from Romance*. Cambridge: Cambridge University Press Publ.

Höche, S. (2010) What about ‘be about’? Walking the tightrope between tense and aspect. *Rice Working Papers in Linguistics*, vol. 2, pp. 52–74.

Nueva gramática de la lengua española. (2009) Morfología. Sintaxis I. Sintaxis II. Real Academia Española, Asociación de Academias de la Lengua Española. Madrid: Espasa Libros Publ., 3885 p.

Topor, M. (2011) *Perifrasis verbales del español y rumano. Un estudio contrastivo*. PhD. Universitat de Lleida, 2011. — 715 p. URL: <http://www.thesisenred.net/handle/10803/31989>.

SOURCES

<https://korpus.cz/> — The Czech National Corpus

REFERENCES

Barriendos, M. S., Martínez, F. P. Manzano, P. G. (2005) Presente, ir a + infinitivo y futuro ¿expresan lo mismo cuando se habla del futuro? [Present, go to + infinitive and future: do they express the same when talking about the future?] *Las gramáticas y los diccionarios en la enseñanza del español como segunda lengua, deseo y realidad: Actas del XV Congreso Internacional de ASELE* [Grammars and dictionaries in the teaching of Spanish as a second language, desire and reality: Proceedings of the XV International Congress of ASELE]. September 22–25, 2004. Sevilla: University of Sevilla, pp. 668–674. (In Spanish)

Bybee, J. L., Pagliuca W. (1987) The Evolution of Future Meaning // A. G. Ramat, O. Carruba, G. Bernini (eds.). *Papers from the Seventh International Conference on Historical Linguistics*, edited. Amsterdam: Benjamins Publ., pp. 109–122. (In English)

Carter, R., & McCarthy, M. (2006). *Cambridge grammar of English: A comprehensive guide: Spoken and written English grammar and usage*. Cambridge, UK. — 973 p. (In English)

Chujkova, O.Yu. (2018) *Semantika budushchego vremeni v russkom, anglijskom i ispanskom yazykakh (vzaimodejstvie temporal'nosti, aspektual'nosti i modal'nosti) [Semantics of the future tense in Russian, English and Spanish (the interrelation of*

tense, aspect and modality)]. PhD. St. Petersburg: St. Petersburg State University. — 272 p. (In Russian)

Collins, P. (2009) *Modals and quasi-modals in English. Language and computers. Studies in practical linguistics*. Amsterdam—New York: Rodopi. — 193 p. (In English)

Comrie, B. (1976) *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge; New York. — 142 p. (In English)

Dahl, Ö. (2000) The grammar of future time reference in European languages. In: Ö. Dahl (ed.), *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin—New York: Mouton de Gruyter, pp. 309–328. (In English)

Fedotov, M. L. (2016) Vyrashenie znachenij futural'no-prospektivnoj zony v yazyke gban, a takzhe nekotorye teoreticheskie spekuljatsii na temu. [The means of expressing future and prospective semantics in the Gban language and some theoretical speculations on the topic]. Presentation. *Rabocheje soveshchanie po semantike futural'no-prospektivnoj zony*. [Workshop on the semantics of the future and prospective]. 8–10 December 2016, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. — 22 p. (In Russian)

Fleischman, S. (1982) *The Future in Thought and Language: Diachronic Evidence from Romance*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1982. (In English)

Gorbova, E. V. (2017) *Prospektiv v ispanskom yazyke: formy, semantika, pragmatika [Prospective aspect in Spanish: Forms, Semantics and Pragmatics]*. URL: https://www.academia.edu/33155007/%D0%98%D1%81%D0%BF_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2_%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D1%81 (In Russian)

Höche, S. (2010) S. Höche. What about 'be about'? Walking the tightrope between tense and aspect. *Rice Working Papers in Linguistics*, vol. 2, pp. 52–74. (In English)

Kozlov, A. A. (2014) K grammaticheskoj semantike staroslavjanskikh konstruktivov *хотѣти / имѣти* s infinitivom [On the grammatical semantics of Old Slavonic constructions *хотѣти / имѣти* + infinitive]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshčenii*, 1 (27) [Russian Language and Linguistic Theory] P. 122–149. (In Russian)

Nueva gramática de la lengua Española (2009) The Royal Spanish Academy, the Association of Academies of the Spanish Language. Madrid: Espasa Libros Publ., 3885 p. (In Spanish)

Plungyan, V. A. (2011) *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [Introducing Grammatical Semantics: Grammatical Values and Grammatical Systems in the World's Languages]*. Moscow: Russian State University for Humanities Publ. — 672 c. (In Russian)

Topor, M. (2011) *Perifrasas verbales del español y rumano. Un estudio contrastivo [Verb periphrasis in Spanish and Romanian. A contrastive study]*. PhD. University of Lleida, 715 p. URL: <http://www.tesisenred.net/handle/10803/31989> (In Spanish)

Светлана Славкова

кандидат филологических наук, доцент.
Департамент устного и письменного перевода.
Болонский университет (Кампус Форли).
Corso della Repubblica 136
47121 Forlì (Italia)
svetlana.slavkova@unibo.it

Svetlana Slavkova

(PhD) Associate Professor
Department of Interpreting and Translation
University of Bologna (Forlì Campus)
Corso della Repubblica 136
47121 Forlì (Italy)
svetlana.slavkova@unibo.it

**Об интенсифицирующей функции префиксов,
присоединяемых к глаголам совершенного
и несовершенного вида в русском языке**

Аннотация. В статье рассматриваются глагольные префиксы *по-*, *под-*, *при-* с точки зрения их интенсифицирующей функции. В работе мы исходим из того, что феномен лингвистической интенсификации может проявляться на лексическом, но также и на словообразовательном, морфологическом, синтаксическом уровне и может охватывать широкий спектр проявления признака или действия. В русском языкознании рассматривались прежде всего лексические и фразеологические средства интенсификации (Арутюнова 1988, Убин 1974, Лисова 2015, Родионова 2005), хотя есть работы, посвященные деривационным способам выражения интенсивности (Palosi 2009, Белоглазова 2013, Улуханов 2017). Мы рассматриваем языковое явление интенсификации в широком смысле термина, т. е. не только как проявление качества ‘больше нормы’, но и ‘меньше нормы’ (Bolinger 1972).

В работе показано, что при присоединении к основам НСВ за префиксами *по-*, *под-* и *при-* закреплена функция интенсификаторов, связанная с субъективной оценкой говорящего качества действия, выраженного основой со значением неопределенного процесса. Возможность сочетания всех трех префиксов с адвербиалами высокой и низкой интенсивности может приводить к нейтрализации оценочной семантики префикса; при этом

префигированный глагол остается обычным событийным глаголом СВ. При соединяясь к основам СВ, префиксы *по-*, *под-* и *при-* выступают в качестве ограничителей степени результативности базовых глаголов СВ в том смысле, что субъективная оценка достигнутого результата выражается в подчеркивании его реализации ‘меньше нормы’, т. е. в минимальной степени по качественной оси совершения действия. Сочетание же с *бустерами* приводит к тому, что нейтрализуется аттенуативное значение префикса: получаем таким образом примеры, в которых наречный интенсификатор воздействует напрямую на мотивирующую основу СВ. Такое поведение *по-*, *под-* и *при-* префиксов делает возможной их интерпретацию как показателей сниженной интенсивности (*diminishers*).

Ключевые слова. Интенсификаторы, префиксы, совершенный вид, несовершенный вид, русский язык.

On the intensifying function of prefixes added to Russian perfective and imperfective verbs

Summary. This paper deals with the verbal prefixes *po-*, *pod-* and *pri-* from the point of view of their intensifying function. We proceed on the assumption that linguistic intensification can pertain to lexicon, word-formation, morphology and syntax. As for Russian attention has been mainly focused on the lexical means of intensification (Arutyunova 1988, Ubin 1974, Lisova 2015, Rodionova 2005). However, there are also works devoted to the derivational ways of expressing intensity (Palosi 2009, Beloglazova 2013, Ulukhanov 2017).

We consider the linguistic phenomenon of intensification following Bolinger, «for any device that scales a quality, whether up or down or somewhere between the two» (Bolinger 1972, 17). We show that when attached to IPF base-verbs, prefixes *po-*, *pod-* and *pri-* function as intensifiers of the subjective evaluation of the quality of the action expressed by the basis with imperfective meaning. If verbs with prefixes *po-*, *pod-* and *pri-* are combined with adverbs of high and low intensity, the evaluative semantics of the prefix can be neutralized; in this case, the prefixed verb becomes a common perfective one. Joining prefixes *po-*, *pod-* and *pri-* to perfective prefixed verbs limits the degree of results achieved; in other words, the subjective assessment of this result emphasizes its “less than normal” realization. However, the combination of derived verbs thus obtained with booster adverbs neutralizes the attenuative meaning of the prefixes and adverbs act directly on the perfective stem (not containing prefixes *po-*, *pod-* and *pri-*). In view of their behavior the analyzed prefixes may be interpreted as intensifiers, namely *diminishers*.

Key words. Intensifiers, prefixes, perfective verbs, imperfective verbs, Russian.

Вступление

В статье рассматриваются глагольные префиксы *по-*, *под-*, *при-* с точки зрения их интенсифицирующей функции. Разнообразные средства языковой интенсификации чаще всего относятся к так называемым *degree words*, т. е. к тем лексемам, чьей семантике может быть присуща большая или меньшая степень реализации некоторых их свойств или характеристик. В первую очередь, естественно, это качественные прилагательные и наречия. Тем не менее, феномен интенсификации может проявляться на различных языковых уровнях (помимо лексического, также на морфологическом, словообразовательном, синтаксическом) и может охватывать широкий спектр проявления признака или действия. В русском языкознании помимо таких классических работ, как (Арутюнова 1988, Убин 1974), в последние десятилетия вышло множество работ, исследующих именно категорию интенсивности признака, прежде всего с функционально-семантической точки зрения, и средства ее выражения (лексические и фразеологические), см. (Лисова 2015, Родионова 2005). Помимо лексики, в последнее время анализируются также морфологические, словообразовательные и синтаксические способы выражения интенсивности. В частности, глаголы с различного типа интенсифицирующими аффиксами рассматриваются в работах (Palosi 2009, Белоглазова 2013, Улуханов 2017).

Дискретный характер категории интенсивности выражается в том, что между крайними, предельными точками шкалы проявления признака (по терминологии Болинджера *boosters* и *minimizers*) могут располагаться и другие степени проявления признака: *compromisers* (приближающие соответствие признаку к верхнему пределу шкалы) и *diminishers* (приближающие соответствие характеристике к нижнему пределу шкалы). В настоящей работе мы будем рассматривать языковое явление интенсификации в широком смысле термина, в соответствии с позицией Болинджера: «I use the term *intensifier* for any device that scales a quality, whether up or down or somewhere between the two» (Bolinger 1972, 17). В применении к виду глагола мы хотели бы определить, каким образом интенсифицирующее значение присоединяемого глагольного префикса (*по-*, *под-*, *при-*) зависит от вида (СВ или НСВ) базового глагола (*аплодировать*, *торговать*, *лечить*, *задержаться*, *отдохнуть*, *ободриться*) и его акционального класса, а также понять, всегда ли можно градуировать качество действия и его результата.

Как известно, префиксы *по-*, *под-* и *при-* в русской грамматике относятся к префиксам, с помощью которых оформляются способы глаголь-

ного действия. В нашем случае речь будет идти в основном о так называемом аттенуативном способе действия, или о смягчительной совершаемости, согласно терминологии А. В. Исаченко, см. (Исаченко 1960, 238). Частично мы затронем делимитативы с префиксом *по-*.

Традиционно считается, что делимитативы с *по-* мотивированы основой НСВ: *поторговать*, *поохотиться*, *поносить*, а аттенуативы (с *по-*, *под-*, *при-*) производны от основ СВ (Исаченко 1960, Зализняк, Шмелев 2000): *попридержать*, *поразмыслить*, *поразвлечь*; *подзабыть*, *поднакопить*, *подзакусить*; *привстать*, *прилечь*, *приутихнуть*. В первом случае действие ограничено в своей длительности, а во втором речь идет о действиях, смягченных с точки зрения интенсивности. Иными словами, аттенуативы в отличие от делимитативов производятся не «некоторое время», а «слегка, отчасти, немного» (Исаченко 1960, 239). Тем не менее, в специальных работах по словообразованию приводятся примеры аттенуативов с мотивирующей основой НСВ: *подлечить*, *подладить*, *притаять*, *припачкать*, *приболеть* (Улуханов 2017).

Ниже мы рассмотрим, каким образом семантика префикса влияет на реализацию неопределенного гомогенного процесса и кратко остановимся на контекстах употребления глаголов деятельности с некоторыми типами наречий.

1. Присоединение префиксов *по-*, *под-*, *при-* к глаголам НСВ

Как известно, присоединение префикса *по-* к глаголам деятельности¹¹³, приводит к образованию предикатов СВ, называющих в основном ограниченную длительность, с ясно обозначенными внешними границами действия¹¹⁴, как в примере (1). При этом ограничение длительности может поддерживаться (или уточняться) различными обстоятельствами длительности — см. примеры (2) и (3):

- (1) *Рассчитывал хлебушком **поторговать**, чтобы одеть-обуть семью — у меня пять ртов было, — как нагрнули*

¹¹³ Под глаголами деятельности мы понимаем глаголы, называющие гомогенные процессы, которым не присуще поступательное развитие и которые можно прервать и начать заново в любой момент.

¹¹⁴ Присоединение префикса *по-* к глаголам деятельности некоторыми исследователями рассматривается с точки зрения изменения вида исходного глагола (т. е. в его аспектуальной роли перфективатора — см. об этом Федотов, Чуйкова, 2013, Dickey, Hutcheson, 2003, Dickey 2006) или же подчеркивается его роль делимитатива, т. е. возможность выражения совершения действия в меньшей, чем стандартной, степени (Filip, 2003, Kagan, 2015).

*алкоголики из комитета бедноты, все деревенские придурки, а с ними комиссар с револьвером*¹¹⁵.

- (2) *Старичок, с которым я познакомился в Риме на толкучке, признавался, что мечтает успеть хоть немного **поторговать**.*
- (3) *— **Поторговал** несколько минуток — и семьдесят пять копеек заработал!*

Тем не менее, указание на внешнюю границу действия может нейтрализоваться в контекстах с качественным наречием, выражающим оценку. Наречие может гармонизировать со значением префикса, как в примере (4), или вступать с ним в противоречие, как в (5).

- (4) *Студенты вежливо **поаплодировали**, но Павел Николаевич видел: никто, кроме толстого ректора, не воспринял сказанное всерьез.*
- (5) *Ленька вынул из-за пазухи тряпку, в которую были завернуты деньги, и весело улыбнулся: — Хорошо **поторговали**! Митрич доволен будет!*

В результате, значение длительности уходит на второй план, а глагол приобретает нейтральное событийное значение СВ. С другой стороны, если тип действия не предполагает возможности оценки, то можно говорить только о внешних временных границах состояния, но не о событии СВ:

- (6) *Она называла его по-старинному: Петербург, хоть он уже успел и Петроградом **поназываться**.* (пример из: Улуханов 2017, 121)

Префикс *под-*, присоединяясь к глаголам деятельности, как правило, не обозначает внешние (левую и правую) границы действия. Примеры, обнаруженные в НКРЯ, показывают, что семантика полученного глагола СВ связана с количеством в той степени, в какой количество определяет достижение нормы. Так в примерах (7) и (8) имеется в виду та мера действия, которая бы обеспечила достижение такого результата, который бы соответствовал некоему стандарту. Очень часто для этого необходимо совершить необходимую и достаточную (часто небольшую) порцию действия (процесса).

¹¹⁵ Все примеры в статье, за исключением случаев, в которых указан источник, взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

- (7) ***Подлечат** тебя там, **подкормят**, после этого домой к семье на месяц в отпуск съездишь, а когда вернешься к нам, — посмотрим, куда тебя определить.*
- (8) *Азотом, фосфором и калием мы через листья можем только **подкормить**, а не накормить растения; только дополнить, а не заменить основное — корневое питание. — немного, недостаточно для достижения полного необходимого объема.*

Глаголами с префиксом *при-* выражается низкая интенсивность действия или состояния, выраженного основой НСВ. В примерах (9)–(12) речь идет скорее о не доведенном до конца действии, о намерении на действие.

- (9) *Обида за Павла Первого (какой там пес? Орел! А сумасшедшим стал не сам по себе, а от сумасшедшей российской жизни!) и обида за Фомина потускнела, **пригасла**.*
- (10) *И скандал не то чтобы унялся, а так, знаете, **пригас**, да и надоел всем и, как болезнь, перетек в хроническую форму.*
- (11) *Но все-таки отчего так **прибалдел** редактор, от каких таких слов?*
- (12) *Иными словами, любитель выпить и **прибалдеть**. И его новая жена [...] не делает из этого трагедии.*

Наречия малой интенсивности возможны, но необязательны, как в примерах (13) и (14), поскольку префиксы *под-* и *при-* имеют собственное понижающее интенсивность действия значение.

- (13) *Вот мы тебя вымоем, расчешем, **подкормим** слегка ...*
- (14) *При виде эсэсовского роттенфюрера в красноармейской пилотке сержант слегка **прибалдел**, но бдительности не утратил.*

Тем не менее, возможны и противоположные случаи, а именно сочетание глагола с делимитативным или аттенуативным значением с оценочными наречиями высокой степени интенсивности (примеры (15)–(18)), что может приводить к нивелированию значения малого количества и незначительной интенсивности, привносимого приставками *по-*, *под-* и *при-*, оставляя за префигированным глаголом только событийное значение СВ.

- (15) *Старость — это не укор, у нас пойдет на племя, **подкормим** как следует пшеницей, размоченной в водке, и он*

[старый петух] начнет за курочками ухаживать — аж пыль столбом!

- (16) *Так что желающим приобрести нашу добычу предстояло изрядно **поторговаться**.*
- (17) *Не торопитесь. Вот мы **вас** основательно **подлечим**, отремонтируем, потом сделаем курс электризации, несколько сеансов массажа, несколько горячих грязевых ванн.*
- (18) *Закрытую банку я оставлял на ночь, чтобы мухи в ней успели основательно **прибалдеть** и не разлетелись тут же, как только я запушу под крышку пальцы.*

Таким образом, в случаях, в которых мотивирующая основа префигированного глагола называет неопредельный процесс или состояние, префикс *по-*, маркируя его внешние границы, подчеркивает в норме малую продолжительность этого процесса (состояния), т. е. реализация действия оценивается говорящим как ограниченная (в некоторых случаях ниже нормы) по временной (количественной, горизонтальной) оси развития действия (*поторговать*, *поназывать*). Тем не менее, приставка *по-* может выступать не только количественным ограничителем действия (или состояния), но и выражать субъективную оценку. Похожая ситуация наблюдается и в глаголах с префиксами *под-* и *при-*: действие оценивается говорящим по шкале качественной (вертикальной) оси как действие малой интенсивности, хотя совершающееся в достаточной степени, чтобы быть результативным (*подкормить*, *подлечить*, *прибалдеть*, *пригаснуть*). Добавление к таким глаголам наречий малой длительности или пониженной интенсивности (в обоих случаях ‘меньше нормы’) усиливают семантику префикса и подчеркивают его оценочную функцию. Наоборот, сочетание с интенсифицирующими наречиями повышенной интенсивности позволяет их воспринимать и как префиксы чистовидовые.

2. Присоединение префиксов *по-*, *под-*, *при-* к глаголам СВ

Глаголы СВ, к которым присоединяются названные префиксы, как правило уже префигированы и имеют ярко выраженное событийное значение. У полученных глаголов есть несколько особенностей.

Прежде всего, надо отметить, что присоединение префиксов не меняет вида глагола. Поэтому с точки зрения перфективации (а это в русском языке одно из основных свойств глагольных префиксов) префиксация уже префигированных глаголов не играет сугубо грамматической роли. Скорее всего функции этого процесса (т. е. префиксации глаголов СВ) можно отнести к области прагматики в том

смысле, что присоединение префиксов воздействует на результативный характер действия, в некотором смысле размывает его. Иными словами, рассматриваемые префиксы, присоединяясь к уже префигированному результативному глаголу СВ, способствуют понижению статуса компонента «достижение результата», присущего событийному глаголу.

- (18) *Пока я буду ездить с генеральшей, Софья **поотдохнет**... сил наберется то есть...*
- (19) *Это им не понравилось, потому что через день или два они поджидали артель, которой надо **поприготовить** харчей.*
- (20) *Но ему **поднадоело** на службе возиться со всякой швалью, устал он от нее, да и психовать, нарываться на нож или на драку не хотелось — донарывался.*
- (21) *Лизавета их заметила по чистой случайности — пока Петя Рюмин втирался в очередь, она **приотстала** и осталась как раз возле этого столика.*

В примерах (18) — (21) все три префикса реализуют свою смягчающую функцию (типа *diminisher*), которая распространяется на семантику основы базового глагола (иногда воздействуя на перфективирующий аффикс). Создающееся «противоречие» разрешается в пользу префикса, который как бы оттягивает фокус внимания от результативного компонента, и полученный глагол приобретает ярко выраженную окраску «недореализованного» действия. Во всех приведенных примерах помимо прочего присутствует оценка события говорящим. При этом она может касаться не только и не столько неполноты или слабой степени реализации действия, выраженного глаголом с аттенуативными *по-*, *под-*, *при-*, сколько желания говорящего донести до слушающего свое (субъективное) восприятие события. Субъективная оценка степени достигнутого результата выражается в подчеркивании его реализации ‘меньше нормы’, т. е. в минимальной степени по качественной вертикали совершения действия.

Тем не менее, присоединение префиксов *по-*, *под-*, *при-* к глаголам СВ не исключает возможности сочетания производных глаголов с наречиями большой интенсивности, как в примерах (22) — (24):

- (22) *В Высокінцах на днєвкє лєудї **поотдохнули** совершенно и достаточно погуляли, потому что в селе был праздник и жители угощали их хорошо (хорошо отдохнули).*

- (23) *Делать нечего, я побрел пешочком дальше, хотя уже изрядно **подустал**.*
- (24) *Причем слежку, целью которой было, как минимум, основательно **припугнуть**.*

В результате, внутрилексемная ‘борьба’ двух семантических компонентов (аттенуативного и видового) усиливает прагматический эффект в том смысле, что как бы ставится под сомнение факт достижения полноты результата, выражаемого глаголом СВ. Присоединение же наречий высокой степени интенсивности (*изрядно, основательно, совершенно*), значение которых распространяется на семантику мотивирующего событийного глагола (*отдохнуть, устать, пугнуть*) приводит к нейтрализации аттенуативного аффикса (*изрядно пообносились* по смыслу не отличается от *изрядно обносились*). Иными словами, в этих примерах значение префиксов практически аннулируется, и результат действия, выраженного глаголом без аттенуативного префикса, интенсифицируется благодаря лексическим средствам, основным содержанием которых является выражение высокой степени интенсивности действия и его результата.

3. Заключение

В предложенной статье мы рассмотрели функционирование префиксов *по-*, *под-* и *при-* с точки зрения их роли интенсификаторов действия. Было показано, что префикс *по-* может выступать не только в роли количественного ограничителя действия, но и выполнять интенсифицирующую функцию. Такая же функция закреплена за префиксами *под-* и *при-*. В первую очередь это зависит от типа основы, к которой присоединяется префикс.

Если базовый предикат называет неопредельный процесс, то префикс *по-*, воздействуя на его внешние границы, маркирует ограниченную продолжительность этого процесса, (*поторговать, поаплодировать, поназывать*). Кроме того, в определенных контекстах префикс *по-* способен выражать и субъективную оценку качества действия основы говорящим, что делает возможной интерпретацию *по-*, наряду с *под-* и *при-*, как показателя сниженной интенсивности. Однако, как нам представляется, возможность сочетания всех трех префиксов с адвербиалами высокой и низкой интенсивности приводит к нейтрализации оценочной семантики префикса, и префигированный глагол приобретает обычное событийное значение СВ.

Присоединяясь к основам СВ, где длительность никак не может быть маркирована, префиксы *по-*, *под-* и *при-* могут ограничивать

‘степень результативности’ глаголов СВ (*пообсохнуть, поотремонтировать, подустать, пообтrepаться, припугнуть*), т. е. выступать как интенсификаторы типа *diminisher (diminisher)*. Субъективная оценка достигнутого результата выражается в подчеркивании его реализации ‘меньше нормы’, т. е. в минимальной степени по качественной оси совершения действия. Сочетание же с адвербиалами с противоположным значением (это, например, наречия, относящиеся к категории *бустеров (booster)*, типа *изрядно* приводит к тому, что нейтрализуется (зачеркивается) смягчающее (аттенуативное) значение префикса: получаем таким образом примеры, в которых наречный интенсификатор воздействует напрямую на мотивирующую основу СВ.

Таким образом, мы видим, что слабая степень интенсивности может получать выражение и за счет деривационных механизмов: присоединение в русском языке глаголами десятилетия некоторых префиксов приводит к образованию глаголов СВ, не просто называющих темпорально ограниченное действие (в случае префикса *по-*) или действие малой интенсивности, указывающее на ослабленную реализацию ситуации (к этой категории относятся префиксы *по-, под-, при-*), но и обладающее градуируемой семантикой, предоставляющей широкие прагматические возможности.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова, Н. Д. (1988) *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. М.: «Наука», 341 с.
- Белоглазова, Е. В. (2013) Градуальная функция приставок, участвующих в образовании глаголов. *Филология*, № 3, с. 109–114.
- Зализняк, Анна А., Шмелев А. Д. (2000) Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры», 226 с.
- Исаченко, А. В. (1960). Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть вторая. Братислава: «Издательство словацкой академии наук», 570 с.
- Лисова, А. Б. (2015) Функционирование контекстуально обусловленных интенсификаторов в диалогической речи. *Вестник БДУ*. Сер. 4. № 2, с. 49–53
- Палоши, И. (2009) Способы выражения интенсивности действия в русском языке. *Studia Russica*, № XXIII, с. 289–297.
- Плунгян, В. А. (2011) *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 672 с.
- Родионова, С. Е. (2005) Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке. В кн.: А. В. Бондарко (ред.) *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры*. СПб.: Наука, с. 150–166.
- Убин, И. И. (1974) *Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва.

Улуханов, И. С. (2017) *Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 2: Глаголы, мотивированные глаголами*. М.: Издательский центр «Азбуковник», 516 с.

Федотов, М. Л., Чуйкова, О. Ю. (2013) К определению аспектуального значения лимитатива и к вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола — В кн.: Грехова Е. И. (отв. ред.) *Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, с. 153–203.

Bolinger, D. (1972) *Degree Words*, The Hague, Mouton.

Dickey, S. M. (2006) Aspectual Pairs, Goal Orientation and PO- Delimitatives in Russian. In: Glossos (The Slavic and East European Language Resource Center), Issue 7, Spring 2006: https://www.researchgate.net/publication/320441634_Aspectual_Pairs_Goal_Orientation_and_PO_Delimitatives_in_Russian

Dickey, S. M., Hutcheson, J. (2003) Delimitative Verbs in Russian, Czech and Slavic. In: R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.) *American Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists*. Columbus, Ohio: Slavica, p. 23–36.

Filip, H. (2003) Prefixes and the delimitation of events. In: *Journal of Slavic Linguistics*. Vol. 11 (1), p. 55–101.

Kagan 2015: O. Kagan, *Scalarity in the Verbal Domain: The Case of Verbal Prefixation in Russian*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

REFERENCES

Arutyunova, N. D. (1988) *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact]*. Moscow: «Nauka» Publ., 341 p. (In Russian)

Beloglazova, E. V. (2013) Gradual'naya funktsiya pristavok, uchastvuyushchikh v obrazovanii glagolov [The gradual function of verbal prefixes]. *Filologiya [Philology]*, 3, 109–114. (In Russian)

Bolinger, D. (1972) *Degree Words*, The Hague, Mouton.

Dickey, S. M. (2006) Aspectual Pairs, Goal Orientation and PO- Delimitatives in Russian. In: Glossos (The Slavic and East European Language Resource Center), Issue 7, Spring 2006: https://www.researchgate.net/publication/320441634_Aspectual_Pairs_Goal_Orientation_and_PO_Delimitatives_in_Russian

Dickey, S. M., Hutcheson, J. (2003) Delimitative Verbs in Russian, Czech and Slavic. In: R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.) *American Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists*. Columbus, Ohio: Slavica, p. 23–36.

Fedotov, M. L., Chujkova, O. Yu. (2013) К определению аспектуального значения лимитатива и к вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола [On the definition of limitative aspectual meaning and on the features of “delimitative” verbs in Russian]. In: Grekhova E. I. (ed.) *Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова [From the past to the future. Collection of articles and memoirs to the 100th anniversary of Professor Yu.S. Maslov]*. St. Petersburg: Saint Petersburg State Univ. Publ., 2013, 153–203. (In Russian)

Filip, H. (2003) Prefixes and the delimitation of events. In: *Journal of Slavic Linguistics*. Vol. 11 (1), p. 55–101.

Isachenko, A. V. (1960) *Grammaticheskij stroj russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim* [The grammatical system of Russian in comparison with Slovak]. Morphology. Part 2. Bratislava: Slovak Academy of Sciences Publ., 570 p.

Kagan 2015: O. Kagan, *Scalarity in the Verbal Domain: The Case of Verbal Prefixation in Russian*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Lisova, A. B. (2015) Funktsionirovanie kontekstual'no obuslovlennykh intensivatorov v dialogicheskoy rechi [The functioning of contextually dependent intensifiers in dialogic speech]. *Vesnik BDU*. Ser. 4. № 2, p. 49–53. (In Russian)

Pálosi I. (2009) Sposoby vyrazheniya intensivnosti dejstviya v russkom yazyke [Ways of expressing the intensity of action in Russian]. *Studia Russica*, XXIII, c. 289–297. (In Russian)

Plungyan, V. A. (2011) *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira*. [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages] Moscow: «Russian State Univ. for the Humanities» Publ., 672 p. (In Russian)

Rodionova, S. E. (2005) Semantika intensivnosti i ee vyrazhenie v sovremennom russkom yazyke [Semantics of intensity and its expression in modern Russian]. In: A. V. Bondarko (ed.) *Problemy funkcional'noj grammatiki. Polevye struktury* [Problems of functional grammar. Field structures]. Saint Petersburg: «Nauka» Publ., p. 150–166. (In Russian)

Ubin, I. I. (1974) *Leksicheskie sredstva vyrazheniya kategorii intensivnosti (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)* [Lexical means of expression of intensity (based on Russian and English linguistic material)]. PhD dissertation. Moscow. (In Russian)

Ulukhanov, I. S. (2017) *Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka. T. 2: Glagoly, motivirovannye glagolami* [Verb formation of the modern Russian language. Vol. 2: Verbs motivated by verbs]. Moscow: «Azbukovnik» Publ., 516 p. (In Russian)

Zaliznyak, Anna A., Shmelev A. D. (2000) *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [An Introduction to Russian Aspectology]. Moscow: «Yazyki russkoy kul'tury» Publ., 226 p. (In Russian)

Људмил Спасов

доктор по филолошки науки, редовен професор
Универзитет «Св. Кирил и Методиј» во Скопје,
Филолошки факултет «Блаже Конески»
бул. «Гоце Делчев» бр. 9А1000 Скопје,
Република Северна Македонија
ljspasov@ukim.edu.mk

Ljudmil Spasov

Doctor of Philology, Full time Professor
Ss. Cyril and Methodius University in Skopje,
«Blaze Koneski» Faculty of Philology
blvd. Goce Delcev 9A 1000 Skopje
Republic of North Macedonia
ljspasov@ukim.edu.mke

Семантичка и структурна сложеност резултативна конфигурација простых одно- и двуморфемных семантем в македонском языке

Анотација: В македонском языке существует небольшое количество резултативных корней, которые составляют основу. Это семантемы аориста, идентичные резултативному корню, который составляет основу. Примеры: *обу; призна; уби*. Результирующая конфигурация простой двуморфемной семантемы может состоять из комбинаций: Корень + суффикс: К + С [+ базис]; Резултативный корень + суффикс с нейтрализацией вида. Презентские и аористные глагольные темы семантем, выражающие резултативную конфигурацию, могут иметь следующие временные рамки: прошедшее определенное (неперцептивное) совершенное время (аорист), *-e + л-форма*, будущее в прошедшем, *има (-ше / -л) + причастие на -н / -т*, настоящее время глаголов совершенного вида в сложноподчиненных предложениях, будущее определенное (неимперцептив), будущее время глаголов совершенного вида, условное наклонение глаголов совершенного вида (*би + л-формы*). Например: *Тој ги има воспитано своите деца во духот на спартанството. — Ние сме ги воспитале своите деца во духот на спартанството. — Тој ги воспита своите деца во духот на спартанството. — Тој ќе ги воспиташе своите деца во духот на спартанството. — Тој би ги воспитал своите деца во духот на спартанството* и т. д.

Ключевые слова: глагольный аспект, резултатив, македонский язык, простые одноморфемные семантемы, простые двуморфемные семантемы.

Семантичка и структурна сложеност на резултативната конфигурација на простите едноморфемски и двоморфемски семантеми во македонскиот јазик

Анстракт: Во македонскиот јазик се јавуваат мал број резултативни корени што претставуваат основи. Тоа се аористни семантеми идентични со резултативниот корен што претставува основа. Примери: обу; призна; уби. Резултативната конфигурација на простите двоморфемски семантеми може да се состои од комбинациите: Корен + суфикс: K+C [+основа] резултативен корен + суфикс со неутрализирана видска вредност. Презентските и аористните глаголски теми на семантемите што изразуваат резултативна конфигурација можат да ја имаат следната темпорална рамка: минато определено (неимперцептив) свршено време (аорист), -е + л-форма, минатоидно време, има(-ше/-л) + глаголска придавка, сегашно време од свршени глаголи со употреба во зависно сложена реченица, идно определено (неимперцептив), идно време од свршени по вид глаголи, условен начин од свршени глаголи би + л-форма. Сп.: Тој ги има воспитано своите деца во духот на спартанството. — Ние сме ги воспитале своите деца во духот на спартанството. — Тој ќе ги воспита своите деца во духот на спартанството. — Тој ќе ги воспиташе своите деца во духот на спартанството. — Тој би ги воспитал своите деца во духот на спартанството., итн.

Клучни зборови: глаголски вид, резултативност, македонски јазик, прости едноморфемски семантеми, прости двоморфемски семантеми.

Semantic and structural complexity of the resultative configuration of simple one-morpheme and two-morpheme semantemes in the Macedonian language

Abstract: The Macedonian language has a small number of resultative roots that form bases. These are aorist semantemes identical to the resultative root that forms the base. Examples: обу; призна; уби. The resultative configuration of simple two-morpheme semantemes may consist of the combinations: root + suffix: R + S [+base]; resultative root + suffix with neutralized aspect value. Present and aorist verbal themes of semantemes expressing a resultative configuration may have the following temporal framework: past definite (non-perceptive) finite tense (aorist), -e + l-form, future-in-the-past tense, има(-ше / -л) + participle with -н/-т, present tense of finite verbs with the use in complex sentences with subordinate clauses, future definite (non-imperceptive) tense, future tense of perfective verbs, conditional mood of perfective verbs (би+л-form). E.g.: Тој ги има воспитано своите деца во духот на спартанството. — Ние сме ги воспитале своите деца во духот на спартанството. — Тој ќе ги воспита своите деца во духот на спартанството. — Тој ќе ги воспиташе своите деца во духот на спартанството. — Тој би ги воспитал своите деца во духот на спартанството., etc.

Key words: Verbal Aspect, Resultative, Macedonian Language, Simple One Morphemic Semantems, Simple Two Morphemic Semantems.

Анализата на материјалот оди во насоката од просто кон сложено. Тоа значи дека најнапред се разгледуваат семантички и структурно простите семантеми, односно оние што покажуваат една видска вредност семантички и структурно, па потоа посложените. Резултативната конфигурација на простите семантеми може да биде едноморфемска, двоморфемска, па сè до повеќеморфемска.

Резултативна конфигурација на простите семантеми

Прости семантеми се, како што беше кажано понапред, оние што покажуваат една видска вредност. Тоа значи дека една од морфемите кај семантемите што претставуваат +основа или -основа е носител на видското значење, додека другите морфеме во рамките на семантемата се без видска вредност, односно со неутрализирана видска вредност. Како носители на резултативното видско значење може да се јават коренската морфема, сп. *создад-* или префиксалната морфема сп. *в-* во *в-плет-е*. Моментната видска сема на префиксот ја неутрализира видската вредност на основата.

1. Резултативна конфигурација на простите едноморфемски семантеми

Од синхрониска гледна точка повеќето од резултативните корени што претставуваат +основа односно -основа произлегуваат од наследениот лексички материјал што значи дека тоа се историски деривирани семантеми од префикс + корен и синхрониски неделиви семантеми со идиосинкратичка употреба на лексички глаголи поради избришаната граница меѓу префиксот и коренот што подразбира непостоење на зборови во синхрониската деривациска мрежа кај кои историската основа би се јавила самостојно (со своја форма и значење) и која би создала привативна опозиција со друг префиксиран збор на истата основа.

1.1. Корен: К [+основа]

1.1.1. Резултативен корен

Во македонскиот јазик се јавуваат мал број резултативни корени што претставуваат основи. Тоа се аористни семантеми идентични со резултативниот корен што претставува основа.

Список на корени

Примери: *обу; призна; уби*

Историски гледано некои од примерите покажуваат морфолошка структура од префикс + корен + суфикс.

Резултативните корени што претставуваат основи, според својата континуативна сема што покажува резултативна ситуација, можат да се поделат на такви што изразуваат:

⇒ **номинализација**

а) X предизвика X/S да постои

Контексти: *ја призна грешката пред себеси и почна да живее поинаку*¹¹⁶

б) X предизвика X/S да не постои

Контексти: *човекот се*¹¹⁷ *уби со нож*

⇒ **релација**

а) X предизвика X/S да е во релација со нешто/некого

Контексти: *Отиде во врбјакот, ги обу чевлите, го јавна коњот и тргна во селото.* (МФГ, 68)

1.2. Корен: К [-основа]

1.2.1. Резултативен корен

Во овој дел се сместени резултативни корени што претставуваат *-теми*. Маслов (Маслов 1963) за бугарскиот јазик ги наведува на пример следните резултативни корени (перфективни видски основи), истакнувајќи дека во бугарскиот јазик за разлика од рускиот, перфективни и двовидски синхрониски основи има околу 80, а заедно со историските нивниот број изнесува 97, додека во рускиот има само 35, на пр.: *благослов-*, *глав-*, *глоб-*, *дад-*, *контуз-*, *лиш-*, *плат-*, *прост-*, *род-*. Во македонскиот јазик нивниот број може да е поголем, пред сè поради можноста од вторична транзитивизација на некои од непреодните глаголи.

Резултативните корени според својата континуативна сема што покажува резултативна ситуација, можат да се поделат на такви што изразуваат:

⇒ **номинализација**

а) X предизвика X/S да постои

Примери: *докаж-*; *идентифик-*; *идентифиц-*; *извед-*; *издад-*; *каж-*; *кре-*; *најд-*; *одговор-*

б) X предизвика X/S да не постои

Примери: *егзекут-*; *елимин-*; *отстран-*; **умр-/т урн-*

⇒ **релација**

а) X предизвика X/S да е во релација со нешто/некого

¹¹⁶ Резултантната состојба што ја покажува континуативната сема може да има прост структурен експонент *именка*, *придавка* и сл., или сложен структурен експонент *дел-реченица* или *именска синтагма* составена од глаголска именка и генитивско дополние составено од предлог + именка.

¹¹⁷ Во случајов *се* претставува објект врз кого е извршено дејството, т. е., во согласност со неговите својства наречено објектно/предметно *се*.

Примери: *абон-*; *адапт-*; *акредит-*; *анект-*; *венч-*; **востан-/т*¹¹⁸; **врат-*; *дад-*; *достав-* (*пошта*); **додад-*; *забошот-*; *завер-* (*уверение*); *завар-*; *завеит-*; *заград-*; *зајм-*; *закуп-*

б) X предизвика X/S да не е во релација со нешто/некого

Примери: *ампут-*; **диференц-*; *елимин-*; **зед-*; **зем-*; **остав-*; *развед-/т*

⇒ **нерелациска состојба (реална состојба)**

а) X предизвика X/S да е некаков

Примери: *аборт-*; *амнест-*; *анализ-*; *афирм-*; *благослов-*; **боготвор-*; *верифик-*; *верифиц-*; *виз-*; *возбуд-*; *воспит-*; **восхит-/т*; *врз-*; *грав-*; **завед-* (*девојка*); *дезаву-*; *дегенер-*; *дефин-*; *дискредит-*; *дисциплин-*

б) X предизвика X/S да не е некаков

Примери: *атроф-*; *одлож-*; *руин-*

⇒ **акција/процес**

а) X предизвика X/S да направи

Примери: **востан-/т*; *дозвол-*; *инспир-*; *капитул-/т-*; **најм-*; **наред-*

б) X предизвика X/S да не направи

Примери: *осует-*; **стоп-*; *сторн-*

⇒ **локација**

а) X предизвика X/S да е некаде

Примери: **врат-*; **затвор-*; *зафрл-*; **инстал-*; *интерн-*; *капт-*; *кач-*; *крен-*; **навал-*

б) X предизвика X/S да не е некаде

Примери: *депорт-*

2. Резултативна конфигурација на простите двоморфемски семантеми

Резултативната конфигурација на простите двоморфемски семантеми може да се состои од комбинациите:

2.1. Корен + суфикс: K+C [+основа]

2.1.1. Резултативен корен + суфикс со неутрализирана видска вредност

Овде спаѓаат семантемите составени од корени и следниве суфикси што образуваат презентски и аористни глаголски теми:

⇒ *-a* (презент) / *-a* (аорист); *-e* (презент) / *-a* (аорист);

⇒ *-e* (презент) / *-e* (аорист); *-e* (презент) / *-∅* (аорист);

¹¹⁸Свездичката пред глаголската форма означува дека тој глагол може да биде и теличен, а не само резултативен. Знакот /т обележува вторично преоден глагол, сп.: *човекот умре vs го умре човекот* (Спасов 1981).

- ⇒ -и (презент) / -и (аорист); ш-ира (презент) / -ира (аорист);
 ⇒ -ува (презент) / -ува (аорист)

Презентските и аористните глаголски теми на семантемите што изразуваат резултативна конфигурација можат да ја имаат следната темпорална рамка:

време	употреба
минато определено(неимперцептив) свршено време	аорист е + л-форма минато-идно време има(-ше/-л) + глаголска придавка
сегашно време од свршени глаголи	употреба во зависно сложена реченица
идно определено (неимперцептив)	идно време од свршени по вид глаголи
условен начин од свршени глаголи	би + л-форма

Како што се гледа, *аористот* (минатото определено свршено време) е основното, немаркирано во употребата време (за разлика од на пр. сегашното време од свршените глаголи кое е маркирано во употребата во зависно сложени реченици), што ја покажува резултативната конфигурација. За да ја означиме комбинацијата на членовите на сложените времиња (сите други наведени во табелата, освен аористот и сегашното време од свршени глаголи), го прифаќам терминот **синтема**, сп. (Граматика 1984), сп.: *Тој ги има воспитано своите деца во духот на спартанството. — има _____-но (=синтема) — Ние сме ги воспитале своите деца во духот на спартанството. — сме _____-ле (=синтема) — Тој ќе ги воспита своите деца во духот на спартанството. — ќе _____ — ∅ (=синтема) — Тој ќе ги воспиташе своите деца во духот на спартанството. — ќе _____-ше (=синтема) — Тој би ги воспитал своите деца во духот на спартанството. — би _____-л (=синтема) итн.*

Примери:

⇒ -а (презент) / -а (аорист): *венч-а; воспит-а; маѓенс-а; основ-а; *папс-а/т; предизвик-а*

Употреба: *Ги воспита своите деца во духот на спартанството.; втората недела да ги венчаеме* (КЧ, 76); *на повозрасните говедарчиња им препорача ... да внимаваат на Сандар* (МФС, 73).

⇒ -е (презент) / -а (аорист): **востан-е/т -*востан-а/т; врз-е — врз-а; драсн-а; *застан-е/т — *застан-а/т; затн-е — затн-а; *зин-е/т — *зин-а/т; каж-е — каж-а; крен-е — крен-а*

Употреба: *се плашат да го драснат и крв да му пуштат* (ПМА, 57); *морам со нешто да ги врзам купувачите* (БП, 120).

⇒ -е (презент) / -е (аорист): *дад-е; додад-; *зед-е; извед-е; издад-е; најд-е; облеч-е; продад-е; произвед-е; развед-е/т; реч-е; слеч-е/т; создад-е; сопр-е; *умр-е/т*

Употреба: зеде податоци од мајсторот кој ме беше зграпчил (ПГ, 95).

⇒ -е (презент) / -∅ (аорист) : *обу-е — обу-∅; (се) убие — (се) уби-∅*

⇒ -и (презент) / -и (аорист): *благослов-и; *боготвор-и; возбуд-и; *восхит-и/т; *врат-и; дозвол-и; забошот-и; забран-и; завар-и; завер-и; заград-и; зајм-и; *затвор-и*

Употреба: проклет да биде оној што го заградил првото место и рекол — ова е мое (ТД, 28); дедото ја заварил куката своја отворена (КЧ, 60).

⇒ -ира (презент) / -ира (аорист): *абон-ира; аборт-ира; адапт-ира; акредит-ира*

Употреба: нашата карактеристика редовно ги идентифицирала овие два поима (ПШ, 19).

⇒ -ува (презент) / -ува (аорист): *верифик-ува; идентифик-ува; квалифик-ува; кодифик-ува; мистифик-ува; ратифик-ува*

Употреба: стручната критика што ја напиша другарот Ставре (да) ја верификува (ДР, 139).

3. Заклучок

Сосема се согласуваме со мислењето на Маслов (Маслов 1963) во врска со поголемиот број на резултативните корени (перфективните видски основи) во бугарскиот јазик во однос на рускиот јазик, дополнувајќи дека во македонскиот јазик тие се повеќе и од бугарскиот јазик, пред сè поради можноста од вторична транзитивизација на непреодните глаголи во македонскиот јазик.

**Целосен список на резултативните корени/основи
во македонскиот јазик на двата истражувани типови**

**Полные списки резултативных корней/основ
македонского языка обоих исследуемых типов**

Резултативна конфигурација на простите едноморфемски семантеми

Основа: -основа и +основа

Семантемата може да биде со и без суфикс на основата, па според тоа се користиме со термините **-основа** (за семантема без суфикс на

основата/тематски суфикс), сп. *врат*, *дад-*, *куп-* итн. и + **основа** (за семантема со суфикс на основата/тематски суфикс), сп. *врати*, *даде*, *купи*.

Резултативниот корен може да биде + **основа** кога глаголската основа е еднаква на семантемата, а тој е без суфикс на основата. На ваков начин во анализата се избегнува воведувањето на нула суфикс што, од своја страна, придонесува за чистината на моделот, сп. *обу*.

Морфемите (со неутрализирана) (без)видска вредност

Во зависност од семантичката сложеност (прости семантеми или сложени од прв степен) некои од морфемите, вклучувајќи ја и коренската морфема, можат да ја неутрализираат својата видска вредност и во соодветната комбинација да се јават како морфемите без видска вредност. Така на пр. тематскиот суфикс во комбинација со резултативен корен (корен со резултативна видска вредност) претставува суфикс без видска вредност, сп. *создад-е*. Во комбинацијата со префикс кој го управува видското значење коренот се јавува без видска вредност, сп. *в-би* (*ја вби шајката во сидот*). Префиксот/префиксите како и суфиксот исто така можат да се јават без видска вредност во комбинација со резултативен корен, сп. *по-за-врз-е*. Ако коренот не е резултативен, а комбинацијата на морфемите претставува резултативна конфигурација тогаш префиксот може да биде без видска вредност, сп. *из-* (*без видска вредност*)-*адрес-*(*континуативен корен*)-*ира* (*суфикс со моментна видска вредност*). Префиксот и еден од суфиксите можат да бидат без видска вредност, сп. *при-*(*без видска вредност*)-*диг-*(*теличен корен*)-*н-*(*моментен суфикс*)-*е* (*суфикс без видска вредност*) итн.

Корен: К [+основа]

Во македонскиот јазик се јавуваат мал број резултативни корени што претставуваат основи. Тоа се аористни семантеми идентични со резултативниот корен што претставува основа.

Список на корени

Примери: *обу*; *призна*; *уби*

Корен: К [-основа]

Резултативен корен

Примери:

⇒ **номинализација**

докаж-; *идентифик-*; *идентифиц-*; *извед-*; *издад-*; *каж-*; *кре-*; *најд-*; *одговор-*; *одлуч-*; *приред-*; *произвед-*; *реч-*; *род-*; *создад-*; *егзекут-*; *елимин-*; *отстран-*; *отпр-*; *суспенд-*; **умр-/т урн-*

⇒ **релација**

*абон-; адапт-; акредит-; анект-; венч-; *востан-/т¹¹⁹; *врат-; дад-; достав- (пошта); *додад-; забошот-; завер- (уверение); завар-; завеишт-; заград-; зајм-; закуп-; закопч-; залож-; заработ-; затн-; *инстал-; интегр-; куп-; *монт-; надомест-; најд-; *одобр-; *окоуж-; облеч-; организ-; плат-; пломб-; продад-; снабд- (со нешто); фалсифик-; фалсифиц-; фат-; ампут-; *диференц-; елимин-; *зед-; *зем-; *остав-; развед-/т; сепар-*

⇒ **нерелацииска состојба (реална состојба)**

*аборт-; амнест-; анализ-; афирм-; благослов-; *боготвор-; верифик-; верифиц-; виз-; возбуд-; воспит-; *восхит-/т; врз-; грав-; *завед- (девојка); дезаву-; дегенер-; деград-; дефин-; дискредит-; дисциплин-; драсн-; електрифиц-; завер-; зараз-; *застан-/т; *зин-/т; извин-; казн-; кар- (карира); карик-; квалифик-; квалифиц-; клас-; кодифик-; кодифиц-; конденз-; корумп-; ланс-; максим-; маѓепс-; маск-; мистифиц-; мистифик; навред-; назнач-; обработ-; обрат-; озар-; октро-; организ-; основ-; опсен-; откаж-; оцен-; *папс-/т; прециз-; *разлож-; ратифик-; ратифиц-; регенер-; редиг-; редуц-; реставр-; рехабилит-; сепар-; слеч-/т; *слож-; струпол-; сфат-; униж-; уред-; увер-; унифиц; цивилиз-; форм-; атроф-; одлож-; руин-*

⇒ **акција/процес**

**востан-/т; дозвол-; инспир-; капитул/т; *најм-; *наред-; предизвик-; предлож-; препорач-; убед-*

⇒ **локација**

**врат-; *затвор-; зафрл-; излож-; *инстал-; интерн-; капт-; кач-; крен-; *монт-; *навал-; ориент-; погреб-; полож-; прат-; став-; турн-; фрл-; депорт-*

Резултативна конфигурација на простите двоморфемски семанти

Корен + суфикс: К+С [+основа]

⇒ -а (презент) / -а (аорист): *венч-а; воспит-а; завеишт-а; закопч-а; маѓепс-а; основ-а; *папс-а/т; предизвик-а; препорач-а*

⇒ -е (презент) / -а (аорист): **востан-е/т -*востан-а/т; врз-е - врз-а; драсн-а; *застан-е/т - *застан-а/т; затн-е - затн-а; *зин-е/т*

¹¹⁹ Сведичката пред глаголската форма * означува дека се има предвид едно од значењата на лексемата, односно дека тој глагол може да биде и теличен, а не само резултативен, а ознаката - /т означува дека се работи за транзитивизирана лексема, односно секундарно резултативна семантиема.

- *зин-а/т; каж-е - каж-а; крен-е - крен-а; *откаж-е - *откаж-а; оча-е - очај-а; погреб-е - погреб-а; турн-е - турн-а

⇒ -е (презент) / -е (аорист): дад-е; додад-; *зед-е; извед-е; издад-е; најд-е; обљеч-е; продад-е; произвед-е; развед-е/т; реч-е; слеч-е/т; создад-е; сопр-е; *умр-е/т

⇒ -е (презент) / -θ (аорист) : обу-е - обу-θ; (се) уби-е - (се) уби-θ¹²⁰

⇒ -и (презент) / -и (аорист): благослов-и; *боготвор-и; возбуд-и; *восхит-и/т; *врат-и; дозвол-и; забошот-и; забран-и; завар-и; завер-и; заград-и; зајм-и; залож-и; заработ-и; зараз-и; *затвор-и; зафрл-и; извин/т-и; излож-и; казн-и; кач-и; куп-и; навред-и; *навал-и; надомест-и; назнач-и; најм-и; наред-и; објасн-и; обработ-и; обрат-и; одговор-и; одлож-и; *одобр-и; озар-и; *окруж-и; ослобод-и/т; *остав-и; осует-и; *отстран-и; оцен-и; опсен-и; плат-и; полож-и; прат-и; предлож-и; приред-и; *разлож-и; разјасн-и; род-и; сфат-и; *слож-и; снабд-и; став-и; струпол-и; тур-и; убед-и; увер-и; униж-и; уред-и; фат-и; фрл-и

⇒ -ира (презент) / -ира (аорист): абон-ира; аборт-ира; адапт-ира; акредит-ира; амнест-ира; ампут-ира; анализ-ира; анект-ира; атроф-ира; афирм-ира; верифиц-ира; виз-ира; грав-ира; дегенер-ира; деград-ира дезаву-ира; депорт-ира дефин-ира; дискредит-ира; дисциплин-ира; *диференц-ира; егзекут-ира; електрифиц-ира; елимин-ира; идентифиц-ира; инстал-ира; инспир-а; интегр-ира; интерн-ира; капитул-ира/т; капт-ира; карик-ира; кар-ира; кастр-ира; квалифиц-ира; клас-ира; кодифиц-ира; конденз-ира; корумп-ира; кре-ира; ланс-ира; максим-ира; маск-ира; мистифиц-ира; *монт-ира; октро-ира; организ-ира; ориент-ира; пломб-ира; прециз-ира; ратифиц-ира; регенер-ира; редиг-ира; редуц-ира; реставр-ира; рехабилит-ира; руин-ира; *стоп-ира; сторн-ира; суспенд-ира; унифиц-ира; фалсифиц-ира; форм-ира; цивилиз-ира

⇒ -ува (презент) / -ува (аорист): верифик-ува; идентифик-ува; квалифик-ува; кодифик-ува; мистифик-ува; ратифик-ува; фалсифик-ува

ИЗВОРИ

БП = Павловски, Божин. (1984) *Црвениот хипокрит*. Скопје: Мисла.

ДР = Родев, Душко. (1991) *Здраво седма сила*. Скопје: Наша книга.

КЧ = Чашуле, Коле. (1970) *Простум*. Скопје: Култура.

МФГ = Фотев, Методија. (1970) *Големите скитачи*. Скопје: Култура.

МФС = Фотев, Методија. (1969). *Селани и војници*, Скопје: Култура.

¹²⁰ Употребата на -θ (аорист).

ПМА = Андреевски М., Петре. (1980). *Пуреј*. Скопје: Мисла.
ПГ = Гилевски, Паскал. (1989). *Бездомници*. Скопје: Култура.
ПШ = Ширилов, Петар. (1971). *Од болот до метафората*. Скопје: Мисла.

РЕФЕРЕНЦИ

Грамматика 1984 = Grzegorzcykowa, R., Laskowskie R., Wróbel, H. (red.) (1984). *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia* Warszawa: PWN, 456
Маслов, Ю. С. (1963) *Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке*. Москва-Ленинград: АН СССР, 183.
Спасов, Љ. (1981) *Преодноста на глаголите во македонскиот јазик*. Скопје: Филолошки факултет, Универзитет во Скопје, 549.

REFERENCES

Gramatica 1984 = Grzegorzcykowa, R., Laskowskie R., Wróbel, H. (eds.) (1984). *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia [Grammar of the modern Polish language. Morphology]* Warsaw: PWN Publ., 456
Maslov, Yu.S. (1963) *Morfologiya glagol'nogo vida v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke [Morphology of verbal aspect in Modern Standard Bulgarian]*. Moskva-Leningrad: AN SSSR Publ., 183 p.
Spasov, Lj. (1981) *Preodnosta na glagolite vo makedonskiot jazik [Transitivity of Verbs into Macedonian language]*. Skopje: Faculty of Philology, University of Skopje, 549.

Алексей Дмитриевич Шмелев
доктор филологических наук;
главный научный сотрудник, заведующий отделом,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
Волхонка 18/2, Москва;
shmelev.alexei@gmail.com.

Alexei Shmelev
Doctor of Sciences (Philology)
Senior Research Fellow, Head of Department
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka, 119019 Moscow, Russia

Видовая корреляция и супплетивизм: подводные камни¹²¹

Аннотация. В статье рассматривается явление супплетивизма в видовых парах, на материале электронных корпусов (в частности, «Национального корпуса русского языка») анализируются некоторые трудные случаи трактовки супплетивизма, связанные с языковыми изменениями. В основу анализа кладется общая теория супплетивизма и функциональный подход к аспектологии, в соответствие с которым понятие видовой пары определяется его необходимостью для адекватного описания русской аспектуальной системы, а именно — явления автоматической замены совершенного вида на несовершенный в позициях обязательной имперфективации. К супплетивным видовым парам относятся такие пары, как *сказать* — *говорить*, *взять* — *брать*, *поймать* — *ловить*, *положить* — *класть*, а также множество пар типа *доложить* — *докладывать*. Как правило, такие пары возникают в результате лексической конвергенции, которая иногда бывает обусловлена тем, что «регулярный» имперфективный коррелят вышел из употребления

¹²¹ В статье развиваются положения, высказанные в докладах на конференции Славянского лингвистического общества (сентябрь 2016) и на Шмелевских чтениях в ИРЯ РАН в феврале 2018 (см. сборник тезисов — <http://www.ruslang.ru/doc/shmelevskije12-tezisy.pdf>); эти доклады никогда не публиковались. Общий подход к супплетивизму основан на соображениях, высказанных в статье (Шмелев 2012). Часть использованных примеров заимствована из «Национального корпуса русского языка». Окончательный вариант статьи написан при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00 650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка»).

или поменял значение (сюда относятся такие глаголы, как *сказывать* или *взимать*). При этом супплетивизм может иметь место не для всех лексических значений перфективного глагола. Глагол *положить* в сочетании *положить пределы* <чему-либо> имеет коррелят *полагать* (а не супплетивный коррелят *класть*); глагол *сложить* в сочетании *сложить числа* имеет коррелят *складывать*, а в сочетании *сложить стихи* — коррелят *слагать*. Критерии разграничения между супплетивизмом и синонимией применяются к потенциальным супплетивным видовым парам. Рассматриваются некоторые сложные случаи, связанные с различной употребительностью глаголов в разные периоды существования языка (напр., для 1920-х–1930-х был употребителен имперфектив *влагать смысл*, а в современной речи он практически не встречается — используется сочетание *вкладывать смысл*).

Ключевые слова: глагольный вид, обязательная имперфективация, видовая корреляция, супплетивизм.

Aspectual correlation and suppletion: “pitfalls”

Summary. This paper deals with the phenomenon of suppletion as applied to the aspectual correlation in Russian. It makes use of electronic linguistic corpora (in particular, the Russian National Corpus). The paper provides a tentative approach to some challenging questions of the alleged suppletion (some of them are due to linguistic changes). The basis for the analysis is the general theory of suppletion and the functional approach to the verbal aspect. In accordance with this approach, the substitution of the imperfective correlate for a perfective verb in the positions of the obligatory imperfectivization is basic to the adequate description of the Russian aspectual system. *Сказать — говорить, взять — брать, поймать — ловить, положить — класть* and the set of pairs like *докладить — докладывать* are examples of suppletive aspectual pairs. Such pairs generally result from the lexical convergence of etymologically unrelated items. The convergence in some cases results from the fact that the “regular” correlate has passed out of existence or changed its meaning. The suppletive correlation may not apply to every lexical meaning of a given perfective verb. Thus, the verb *положить* in *положить пределы* <чему-либо> has the correlate *полагать*; the verb *сложить* in *сложить числа* has the correlate *складывать*, while in *сложить стихи* it has the correlate *слагать*. The paper applies the suggested criteria of distinction between suppletion and synonymy to the alleged suppletive aspectual correlation of Russian verbs. It discusses some intricate questions resulting from the difference in the frequency of use of certain verbs in various historical periods.

Key words: verbal aspect, obligatory imperfectivization, aspectual correlation, suppletion.

В основу анализа кладется общая теория супплетивизма и функциональный подход к аспектологии, согласно которому понятие видовой пары необходимо для адекватного описания русской аспектуальной системы, а именно — явления автоматической замены совершенного вида на несовершенный в позициях обязательной имперфективации (см., напр., [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015]). В определенных случаях (в частности, в настоящем времени, при обозначении неоднократных или узуальных действий или событий и др.) правила русской грамматики предписывают использование несов. вида. В таких случаях, даже если «в норме» нужный смысл выражается глаголом совершенного вида, говорящий обязан найти этому глаголу имперфективное соответствие. Носители языка часто вообще не замечают сдвига и не отдают себе отчет в том, что меняется вид. Глагол, заменяющий глагол совершенного вида в таких позициях, объявляется его имперфективным коррелятом и составляет с ним видовую пару.

Стандартным средством установления имперфективного коррелята для заданного глагола совершенного вида может считаться морфологическая имперфективация, т. е. присоединение к основе перфективного глагола имперфективного суффикса (нередко с предварительным усечением уже имеющегося суффикса). Это средство применимо и к бесприставочным, и к приставочным перфективным глаголам (*дать* — *давать*, *раздать* — *раздавать*). В подавляющем большинстве случаев, если от глагола совершенного вида можно образовать имперфектив посредством морфологической имперфективации, то именно этот имперфективный глагол и является его коррелятом, используемым в случае обязательной имперфективации. Исключения относительно немногочисленны и хорошо известны: так, в качестве имперфективных коррелятов производящих глаголов совершенного вида не используются такие вторичные имперфективы, как *умолять*, *заблуждаться* и некоторые другие (в качестве коррелятов глаголов *умолить* и *заблудиться* иногда используются окказиональные вторичные имперфективы *умаливать* и *заблуживаться*). Когда по каким-то причинам (чисто фонетическим или иным) данное средство оказывается неприменимо и соответствующий морфологический имперфектив не существует или не функционирует как видовой коррелят, используются иные способы установления имперфективного коррелята: депрефиксальный и супплетивный.

Депрефиксальный способ применим лишь в том случае, если исходный глагол совершенного вида имеет приставку; часто при нем полученный имперфективный глагол (внешне совпадающий с мор-

фологически исходным имперфективным глаголом), в результате семантического «заражения» включает в себя значение отсекаемой приставки. Поскольку депрефиксация возможна лишь в отсутствие стандартного коррелята с имперфективным суффиксом, префиксальные видовые пары немногочисленны: *сделать* — *делать*, *увидеть* — *видеть*, *испугаться* — *пугаться* (большая часть «префиксальных видовых пар», приводимых в словарях и пособиях, на самом деле таковыми не являются); лишь для глаголов с приставкой *по-* этот способ используется относительно регулярно: *потерять/терять*, *поменять/менять*, *попросить/просить*, *построить/строить*.

Супплетивный способ, в отличие от депрефиксального, применим как к префиксальным, так и к беспрефиксным глаголам. Признание супплетивных коррелятов у глаголов *взять*, *сказать* и *поймать*, а именно — *брать*, *говорить* и *ловить*, обусловлено как отсутствием у них стандартных коррелятов (морфологические имперфективы *взимать* и *сказывать* семантически оторвались от глаголов *взять* и *сказать*), так и тем, что *брать*, *говорить* и *ловить* не входят в пары ни с какими другими глаголами.

Супплетивизм следует отличать от лексической синонимии. Так, в современном русском языке имеются близкие по значению глаголы *оказаться* <где-то> и *очутиться* <где-то>. Для глагола *оказаться* легко обнаруживается имперфективный коррелят, а именно — образованный посредством морфологической имперфективации глагол *оказываться*. Для глагола *очутиться* такого легко обнаруживаемого имперфективного коррелята нет: формы *очучаться* и *очучиваться*, которые могли бы претендовать на роль морфологических имперфективов глагола *очутиться*, почти неупотребительны. В позиции обязательной имперфективации в качестве несобственного коррелята глагола *очутиться* функционирует глагол *оказываться*. Однако мы не можем признать его имперфективом глагола *очутиться*, поскольку он уже «задействован» в качестве имперфектива глагола *оказаться*, синонимичного глаголу *очутиться*. В качестве имперфективов глагола *очутиться* в словаре должны быть указаны варианты формы *очучаться* и *очучиваться* с указанием на малую употребительность этих форм (впрочем, окказионально они все же используются).

Соответственно, имперфективом глагола *ударить* является глагол *ударять*, имеющий синоним *бить*: фразы *Он ударяет кулаком по столу* и *Он бьет кулаком по столу* синонимичны. Нет никаких оснований для признания супплетивной видовой пары *ударить* — *бить*.

Однако это касается не всех значений глагола *ударить*. Рассмотрим значение, которое используется при описании некоторых

спортивных игр и реализуется в сочетании *ударить по воротам*. Выясняется, что «регулярный» имперфективный коррелят в таких сочетаниях не используется (не говорят **ударять по воротам*; наблюдение И. Л. Микаэлян); вместо него используется глагол *бить*, который таким образом превращается в супплетивный видовой коррелят глагола *ударить* в указанном значении:

Форварды если и **били** по воротам, то с таким расчетом, чтобы мяч шел на три метра левее левой штанги и на пять метров правее правой. [Анатолий Гладилин]

... игроки бегали по полю, пинали мяч, **били** по воротам, и кто больше заколотит, у того больше и счет. [Владимир Войнович]

Он понял, что надо **бить** по воротам, другого пути нет. [Фазиль Искандер]

Обратим внимание на то, что для близкого значения, которое реализуется в сочетании *ударить (ногой, ракеткой и т. д.) по мячу*, вполне возможен коррелят *ударять* (и тем самым здесь супплетивизма нет):

В день турнира выяснилось, что их физические кондиции не позволяют им точно **ударять по мячу**. [Александр Зильберт]

Заметим, что не следует считать супплетивными видowymi парами такие пары, как *уйти — уходить, прийти — приходить* и т. п. Соотношение приведенных форм действительно представляет собою пример супплетивизма. Однако формы прошедшего времени глаголов *уйти, прийти* и т. д. связаны с формами соответствующих имперфективных глаголов вполне регулярными чередованиями (*ушел : уходить = увел : уводить*). Чередование *x: ш* является одним из регулярных чередований русского языка; *д* в прошедшем времени глагола *уйти* «восстанавливается» в форме причастия *ушедший*. Тем самым мы имеем дело с супплетивизмом в пределах совершенного вида, а не с супплетивизмом видových коррелятов: имперфективный член пары соотносится с одной из супплетивных основ совершенного вида.

Итак, к супплетивным видovým парам относятся такие пары, как *сказать — говорить, взять — брать, поймать — ловить, положить — класть*, а также множество пар типа *доложить — докладывать*. Как правило, такие пары возникают в результате лексической конвергенции, которая иногда бывает обусловлена тем, что «регулярный» имперфективный коррелят вышел из употребления или поменял значение (упомянем такие глаголы, как *сказывать* или *взимать*). При этом, как мы уже видели на примере глагола *ударить*, супплетивизм может

иметь место не для всех лексических значений перфективного глагола. Глагол *положить* в сочетании *положить пределы* <чему-либо> имеет коррелят *полагать* (а не супплетивный коррелят *класть*); глагол *сложить* в сочетании *сложить числа* имеет коррелят *складывать*, а в сочетании *сложить стихи* — коррелят *слагать*.

В целом для глаголов на *-ложить* общая закономерность заключается в том, что морфологически регулярные имперфективы на *-лагать* выражают более абстрактное значение и относятся к более высокому стилю; в частности, именно морфологически регулярные имперфективы имеют церковнославянизмы. Соответственно, от абстрактного глагола *изложить* (с церковнославянской приставкой) образуется имперфектив *излагать*, а от глагола с конкретным значением *выложить* (с исконно русской приставкой) — *выкладывать*. Если глагол имеет более абстрактное и «высокое» значение и более конкретное или «сниженное», то часто от более абстрактного образуется морфологически регулярный имперфектив, а от менее абстрактного — супплетивный. Ср. использование имперфективов *налагать* и *накладывать*:

Любой решительный шаг **налагает** ответственность. [Сергей Довлатов]

Элементы можно как угодно перемещать, поворачивать и переворачивать, но нельзя **накладывать** друг на друга. [Владимир Красноухов. Парадоксальная геометрия (две головоломки) // «Наука и жизнь», 2009]

Однако, как и в прочих случаях, «мера супплетивизма» (о понятии «мера супплетивизма» см. [Шмелев 2012]) в видовых парах зависит от оценки степени аномальности «регулярного» имперфектива. Так, глагол *вложить* в разных значениях имеет морфологически регулярный, но устаревший коррелят *влагать* и синонимичный ему, но более употребительный коррелят *вкладывать*. Для некоторых значений глагола *вложить* коррелят *влагать* можно считать полностью устаревшим; тем самым *вкладывать* становится супплетивным коррелятом. Это касается, напр., выражения *вложить* <в нечто> тот или иной *смысл*; фразы, в которых использован оборот ^{??}*влагать смысл* представляются не соответствующим современной норме, напр.:

Василий Львович убедился с удивлением, что **влагал** совсем иной, неуместный смысл в понятие свойства тел. [Юрий Тынянов]

Никто из нас не **влагал** в эти «похороны» кощунственного смысла. [Антон Деникин]

Для оборота *вложить* <кому-либо> в уста имперфектив *влагать* представляется более уместным, напр.:

Переводчица Диккенса М. А. Шишмарева напрасно **влагает** в уста англичанам русские простонародные слова. [Корней Чуковский]

Тем самым для этого значения, возможно, еще не следует усматривать супплетивную пару *вложить* — *вкладывать*, хотя, разумеется, оборот *вкладывать в уста* более употребителен, напр.:

Поэт **вкладывает** в уста своего героя, русского революционера, гордое пророчество о неизбежной победе над насилием и деспотизмом. [Лидия Чуковская]

Однако бывают и случаи, когда не вполне ясно, чем определяется выбор формы имперфектива. Ср. использование имперфективов сочетаний *наложить отпечаток* и *наложить условия*:

...наличность в командном составе значительного числа представителей аристократии **налагает** отпечаток на все офицерство. [Н. С. Трубецкой. Идеократия и армия (1926)]

...он не сможет стереть из памяти то, что знает о своем «допапуасском» прошлом — а это неминуемо будет **накладывать** отпечаток на всю его деятельность и на те познавательные матрицы, которыми он располагает. [Сергей Неклюдов. Гуманитарное знание и народная традиция // «Знание — сила», 2009]

Изменим условия, изначально **налагаемые** нами на треугольники... [В. А. Успенский. Из книги «Что такое аксиоматический метод?» (2002)]

...условия, **накладываемые** общей теорией относительности Эйнштейна на проявления чёрных дыр [А. М. Черепашук. Поиски чёрных дыр // «Вестник РАН», 2004]

Возможны различные трактовки указанных фактов. Если считать, что *налагать* и *накладывать* <условия, отпечаток> полностью синонимичны и не различаются стилистической окраской, то в принципе возможны два решения:

1) признать их вариантами (подобно вариантным морфологическим имперфективам *приспособлять/приспосабливать*);

2) признать *налагать* «законным» морфологически регулярным коррелятом, а *накладывать* его полным лексическим синонимом.

Если же имперфектив *налагать* <условия, отпечаток> воспринимается как устаревший вариант имперфектива *накладывать*, то следует признать *накладывать* «законным» супплетивным коррелятом, а *налагать* его стилистически окрашенным синонимом.

Для разных идиолектов предпочтительными могут оказаться разные решения. Если же говорить о языке в целом, то релевантными могут оказаться статистические соображения. Однако не всегда они позволяют сделать однозначный вывод. Так, для выражения *положить предел(ы)* <чему-либо> используется как морфологически регулярный коррелят *полагать предел(ы)*, так и супплетивный коррелят *класть предел(ы)*. В основном подкорпусе «Национального корпуса русского языка» оборот *полагать предел(ы)* имеет 33 вхождения, а оборот *класть предел(ы)* — 15 вхождений. Можно было бы заключить, что *полагать предел(ы)* более частотно в русских текстах. Однако среди этих вхождений в текстах, созданных после 1950 г. и вошедших в Основной подкорпус, *полагать предел(ы)* имеет всего лишь одно вхождение, а оборот *класть предел(ы)* — пять вхождений. Из этого можно было бы заключить, что оборот *полагать предел(ы)* постепенно устаревает, и этот вывод отчасти подтверждается данными газетного подкорпуса «Национального корпуса русского языка», в котором *полагать предел(ы)* имеет одно вхождение (из несколько стилизованной речи митрополита Кирилла, будущего Патриарха), а оборот *класть предел(ы)* — три вхождения. Впрочем, совершенно ясно, что все эти данные случайны и недостаточны для какого бы то ни было уверенного суждения.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк, Анна А., Микаэлян, И. Л., Шмелев, А. Д. (2015) *Русская аспектология: в защиту видовой пары*. М.: Языки славянских культур, 392 с.

Шмелев, А. Д. (2012) Супплетивизм или синонимия? В кн.: Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Ваннер и др. (ред.), *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука*. М.: Языки славянской культуры, с. 573–586.

REFERENCES

Shmelev, A. D. (2012) Suppletivism ili sinonimiya? [Suppletion or synonymy?] In: Yu. D. Apresyan, I. M. Boguslavskij, L. Vanner i dr. (red.), *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety. Sbornik statej v chest' 80 letiya I. A. Mel'chuka* [Meanings, Texts, and Other Exciting Things: a Festschrift to Commemorate the 80th Anniversary of Professor Igor Alexandrovič Mel'čuk]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., p. 573–586. (In Russian)

Zaliznyak, Anna A., Micaelyan, I. L., Shmelev, A. D. (2015) *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoj pary* [Russian Aspectology: in Defense of the Aspectual Correlation]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 392 p.

Сергей Георгиевич Татевосов

доктор филологических наук, профессор РАН,
заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики
МГУ имени М. В. Ломоносова
119991 Москва, Ленинские горы, 1.
tatevosov@gmail.com

Ксения Львовна Киселева

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
119019 Москва, ул. Волхонка, 18/2
xkisseleva@gmail.com

**Инкорпорация и акциональность: несколько наблюдений
о предельности отыменных глаголов¹²²**

Аннотация. В статье излагается несколько наблюдений об акциональных характеристиках отыменных глаголов преимущественно на материале мишарского диалекта татарского языка. Обсудив один частный тип этих глаголов — неэргативы, образуемые соединением глагольной вершины и существительного, авторы приходят к выводу, что их предельность зависит от двух параметров. Во-первых, это наличие инкрементального отношения между описываемой ситуацией и инкорпорируемым аргументом. Если инкрементальное отношение есть, а соответствующий именной предикат квантован, предельная интерпретация становится доступна. Во-вторых, это возможность минимального стандарта сравнения, связанного с параметром количества. Если именной предикат допускает такую количественную параметризацию, производный глагол получает ингрессивную интерпретацию. Для рассматриваемого типа глаголов недоступен третий потенциально возможный источник предельности: у неэргативов нет заданного в событийной структуре результирующего состояния.

¹²² В статье используются полевые данные, собранные в ходе экспедиций Отделения теоретической и прикладной лингвистики по изучению мишарского диалекта татарского языка в 1999–2000 и 2011–2012 гг. (с. Татарский Елтан и Кутлушкино Чистопольского района Республики Татарстан и Рыбушкино Красноярского района Нижегородской области). Авторы выражают бесконечную признательность всем информантам-переводчикам, которые работали с экспедицией. Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627.

Ключевые слова: акциональность, отыменные глаголы, событийная структура, предельность, квантованность.

Incorporation and actionality: a few notes on telicity of denominal verbs

Summary. The article presents a few observations about characteristics of denominal verbs, focusing on evidence from the Mishar dialect of Tatar. After discussing one specific type of such verbs, namely, unergatives built up by merging V and N, the authors argue that their telicity is determined by two parameters. One is whether V entails the incremental relation between an event argument of the derived event structure and a corresponding nominal argument. If this relation is entailed and the nominal predicate is quantized, the telic interpretation becomes available, exactly as predicted by existing theories of aspectual composition. The other parameter is whether the verb can be associated with a scalar structure that comes with the minimal standard of comparison on the quantity scale. If this option is available, the derived verb licenses the ingressive interpretation. For the type of verbs under consideration, a third potential source of telicity is not available: unergatives do not project a result state description as part of their event structure.

Key words: actionality, denominal verbs, event structure, quantization.

1. Введение

Цель этих заметок — изложить несколько наблюдений об акциональных характеристиках отыменных глаголов, или, в терминах АГ-80, «глаголов, мотивированных существительными и прилагательными».

В русском языке акциональные типы отыменных глаголов достаточно разнообразны. Не вдаваясь в мелкие дела, перечислим основные возможности. В (1) представлены самые распространенные акциональные группы, в которые могут входить отыменные глаголы, в нотации, принятой в (Татевосов 2016):

- (1) а. Сильные предельные акциональные группы (характеристика <BC; П>):
<оседлать; **седлать**, оседлывать>
- б. Слабые предельные акциональные группы (<BC, П; П>)
<просверлить, посверлить; **сверлить**, просверливать>
- с. Непредельные акциональные группы (<П; П>)
<поразбойничать; **разбойничать** >
- d. Ингрессивно-непредельные акциональные группы (<ВП, П; П>)
<закровить, покровить; **кровить**>

Акциональная группа — это группа глаголов, полностью реализующая акциональный потенциал глагольной основы, которая представляет собой объединение акциональных пар от этой основы. Акциональная пара — пара деривационно-связанных разновидовых глаголов, семантические различия которых, если они есть, исчерпываются одним из универсальных акциональных значений. Универсальных акциональных значений используется три: вхождение в состояние (ВС), вхождение в процесс (ВП), процесс (П).

Например, слабая предельная акциональная группа, проецируемая основой *сверл-*, содержит два перфективных элемента и два имперфективных. *Просверлить* описывает достижение кульминации, после которой объект вступает в новое состояние; делимитатив *посверлить* — ограниченный во времени некульминирующий процесс сверления. Имперфективные элементы пары имеют идентичную акциональную интерпретацию (если признать, что у *просверливать* есть актуально-длительное прочтение): оба описывают процесс на пути к кульминации. Из этого выводится акциональная характеристика группы: <вхождение в состояние, процесс; процесс>, или, более кратко <ВС, П; П>.

Для производящей основы *кровь* создается акциональная группа с принципиально другим диапазоном возможностей, который обеспечивается первичным имперфективом *кровить*, ингрессивом *закровить* и делимитативом *покровить*. Последние два не слишком частотны, однако стабильно представлены в корпусах:

- (2) а. Но он наконец отвел глаза и отвернулся так быстро, что рана снова закровила. [books.google.ru]
- б. У вас разрыв селезенки — но, к вашему счастью, она, по-видимому, покровила и перестала. [books.google.ru]

Акциональные характеристики других групп в (1) строятся аналогично.

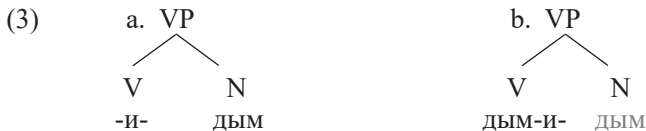
Общий вопрос, который возникает в этой связи, очень прост: как предсказать акциональность отыменного глагола, исходя из свойств производящего имени и характера отыменной деривации, в которой оно участвует?

2. Отыменная деривация неэргативов

Исследовательский сюжет, который возникает как ответ на этот вопрос, очень обширен. В пределах этой статьи мы коснемся лишь небольшого его фрагмента.

Во-первых, материал будет ограничен отыменными глаголами от существительных.

Во-вторых, мы рассмотрим лишь такие глаголы, для которых можно предполагать неэргативную структуру в (3) — одну из четырех возможных структур отыменных глаголов в (Hale, Keyser 2002) и значительной последующей литературе.

(3a) показывает, как соотносится производящая основа и деривационная морфема при деривации глагола *дымить*. Основа *дым* присоединяется как комплемент глагольной вершины, которая интерпретируется как глагол созидания или эмиссии, в первом приближении — ‘делать, создавать, выделять, испускать’. Морфема *-и-*, которая в описаниях русской глагольной системы чаще всего фигурирует как «тематический элемент», представляет собой фонологическую реализацию этой вершины.

Тот факт, что глагол имеет неполный план выражения, содержащий лишь аффикс, приводит в действие операцию фонологического слияния (conflation), которая делает структуру фонологически корректной. Результат ее применения к структуре в (3a) показан в (3b): цепочка /дым/, представленная у существительного, копируется на глагольную вершину. Там она соединяется с уже имеющимся компонентом /и/. В результате фонологическая подпись существительного содержится в двух позициях — в исходной, N, и конечной, V. Получает фонетическую реализацию верхняя копия цепочки /дым/. Неозвучиваемая копия показана в (3b) более бледным шрифтом.

Далее в деривацию вступает вершина *v*, которая добавляет к структуре каузирующее подсобытие и его участника в позиции Spec, *v*P. После внедрения этого внешнего аргумента создается конфигурация, которая интерпретируется как ‘X участвует в качестве каузатора в ситуации, в которой создается/выделяется дым’, т. е. ‘X дымит’. Это показано (в плоской нотации) в (4):

Таким образом, наша задача — исследовать акциональное поведение существительных в деривации типа (4).

Следует признать, что в русском языке работе с дистиллированной структурой вида (4) мешают два возмущающих фактора. Во-первых,

в глаголах такого типа возможно более одной деривационной морфемы — *-и-*, *-а-*, *-ова-* и *-е-*:

- (5) а. княж-и-ть с. плут-ова-ть
 b. паломнич-а-ть d. сирот-е-ть

Во всех случаях производящее существительное — одушевленный предикат индивидуального уровня, обозначающий род занятий, деятельность, реляционное состояние или стабильное во времени свойство. Глаголы (5а-с) — явные представители структуры в (3а), хотя в их деривации задействуется вершина V с иной интерпретацией, чем у глаголов типа *дымить*: АГ-80 характеризует это значение как ‘совершать действия, свойственные тому, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным’. (Мы вернемся к вопросу о типах V в следующем разделе.) Несколько менее очевидно, является ли также и (5d) реализацией (3а): глаголы типа *сиротеть* семантически напоминают отадективные глаголы изменения состояния типа *глупеть* больше, чем (5а-с). Однако даже если отвлечься от (5d), остается без ответа вопрос, чем определяется выбор деривационной морфемы в (5а-с). При поиске обобщений о связи характеристик производящего существительного и акциональности производного глагола влияние фактора, ответственного за этот выбор, желательнее исключить.

Русская глагольная система вносит в рассматриваемый сюжет еще одно осложнение: взаимодействие отыменной деривации и префиксации.

Примеры акциональных групп в (1) содержат бесприставочный первичный имперфектив в качестве непосредственного результата отыменной деривации (=ближайшего деривата существительного): *седлать*, *сверлить* и т. д. Однако это не единственная возможность. В значительном количестве акциональных групп ближайшим дериватом оказывается приставочный перфектив. Вот лишь один пример:

- (6) <обюрократить>; обюрокративать || *бюрократить

Глагола *бюрократить* со значением ‘превращать X в бюрократа’ или ‘делать X бюрократическим’, по-видимому, не существует¹²³: минуя стадию *бюрократить*, деривация, начинающаяся с *бюрократ*, приходит сразу к *обюрократить*. Это дает некоторым исследователям основание говорить о том, что *обюрократить* и подобные гла-

¹²³ В корпусах отмечен *бюрократить* в том же значении, что и глаголы из (5): ‘заниматься деятельностью, характерной для бюрократа’: *Знавал я когда-то комсомольского вожжака ... Борю Яйцева. Потом Боря бюрократил в Кремле и пропал из виду.* [blagovestor.livejournal.com]

голы образуются от существительных «префиксально-суффиксальным» способом, при помощи своего рода циркумфикса *o- -и-*.

Хотя глагол *обюрократить* не относится к интересующему нас деривационному типу в (3а), он иллюстрирует общую проблему. К вопросу о том, как свойства существительного и характер деривации влияют на характеристики производного глагола, добавляется еще один: что делает префикс обязательным элементом ближайшего деривата и исключает бесприставочный имперфектив в этом качестве в случаях типа (6)?

Исходя из этих соображений, в следующих разделах мы рассмотрим материал языка, отличного от русского, в котором ни одна из двух проблем не дает о себе знать. Это татарский язык, а именно, его мишарский диалект (см. Татевосов и др. (ред.) 2017).

3. От русского языка к мишарскому диалекту

Отыменной глагол интересующего нас типа в мишарском диалекте показан в (7):

(7)	marat	tir-l-i.
	Марат	пот-VRB-IPFV ¹²⁴
	‘Марат потеет.’	

Как и в русском языке, исходной точкой деривации выступает существительное, в данном случае *tir* ‘пот’. После присоединения деривационного показателя *-la-* возникает глагол, обозначающий выделение субстанции, описываемой существительным.

Важное эмпирическое преимущество этого материала состоит в том, что *-la-* — единственная морфема в татарском языке, доступная для деривации отыменных глаголов. Кроме того, в общую картину не вмещивается никакая другая деривационная морфология, подобная русским префиксам или показателю вторичного имперфектива.

Как мы уже видели, деривация (3а) создает неэргативные глаголы, имеющие только внешний аргумент. Важная их разновидность, иллюстрируемая в (7), — дескрипция события формата ‘X выступает каузирующим участником процесса, в результате которого возникает или выделяется то, что описывается производящей основой’. Типичные представители класса — единицы, образованные от существительных, которые обозначают физиологические процессы и выделения, такие, как ‘потеть’ в (7) или глаголы в (8):

¹²⁴ В подстрочном поморфемном переводе здесь и далее используются следующие сокращения: IPFV имперфектив, PST прошедшее время, VRB вербализатор.

(8)	<i>jütäl</i> ‘кашель’
<i>eren</i> ‘гной’
<i>maŋka</i> ‘сопли’ | <i>jütälli</i> ‘кашлять’
<i>erenli</i> ‘гноиться, исходить гноем’
<i>maŋkalxj</i> ‘сопливеть’ |
|-----|---|---|

Еще один характерный пример дериватов этого типа — глаголы, описывающие появление на свет детей и детенышей животных¹²⁵:

(9)	<i>bäbi</i> ‘младенец’
<i>bala</i> ‘ребенок’

<i>bxzau</i> ‘теленоч’ | <i>bäbili</i> ‘рожать ребенка’
<i>balalxj</i> ‘производить детенышей (о животных)’

<i>bxzaulxj</i> ‘телиться’ |
|-----|---|---|

Сюда же относятся глаголы эмиссии типа *tetenli* ‘дымить’ (от *teten* ‘дым’), *čxŋlxj* ‘звенеть’ (от *čxŋ* ‘звон’), *mŋxaulxj* ‘мяукать’ и т. п. Русские аналоги таких глаголов очевидны: *дымить* ‘выделять дым’, *чадить*, *коптить* ‘испускать копоть’, *искриуть*, *мусорить*, *кляксить*, *бликовать*, *кукарекать* и т. п.¹²⁶

Другой продуктивный класс, как и в русском языке, — это глаголы, образующиеся от существительных, обозначающих систематические занятия и профессиональную деятельность. Таковы, например, *ečkečeli* ‘пьянствовать’ от *ečkeče* ‘пьяница’ и *julbasarlxj* ‘разбойничать’ от *julbasar* ‘разбойник’:

(10)	<i>marat</i>
Марат
‘Марат’ | <i>julbasar-l-xj</i> .
разбойник-VRB-IPFV
разбойничает.’ |
|------|----------------------------------|--|

Глаголы такого типа образуют естественный семантический класс: ‘проявлять поведение, характерное для индивидов, входящих в экстенционал непроизводного существительного’.

Даже если не вдаваться в детализацию этой семантики, становится ясно, что анализ для глаголов типа ‘потеть’ или ‘телиться’ вряд

¹²⁵ Весьма интересен и небольшой класс отыменных метеорологических предикатов типа мишарского *jäšenli* ‘сверкать (о молнии)’ или русского *вьюжить*. Первый, судя по всему, представляет собой глагол с внутренним подлежащим (cognate subject): другие аргументы у него невозможны. Второй используется преимущественно в безличных предложениях, но допускается и в конструкциях с внутренним подлежащим: *Выпало время, когда кружились хороводы пушистых снежинок и вьюжила метель* [books.google.ru]. Некоторые соображения о деривации таких глаголов излагаются в (Татевосов и др. (ред.) 2017).

¹²⁶ Вероятно, сюда же относятся глаголы типа *балаганить* или *базарить*, которые АГ-80 описывает как ‘совершать действия, обычно производимые в (на) том, что названо мотивирующим существительным’. Мы не видим серьезных препятствий, чтобы свести их к формату глаголов созидания / эмиссии: ‘создавать то, что имеет существенные свойства объекта, обозначаемого производящим существительным’.

ли легко распространяется на этот случай. ‘Действовать как N’ и ‘действовать так, что возникает/распространяется N’ слишком различны. Если это верно, репертуар вершин V, доступных для деривации отыменных глаголов, состоит по меньшей мере из двух единиц, как показано в (11):

- (11) а. $\lambda R.\lambda e. \exists x [e — \text{ процесс, в котором возникает или распространяется } x \wedge P(x)]$
б. $\lambda R.\lambda e. e — \text{ процесс, характерный для } \circ P \text{ и только для } \circ P,$
где $\circ P — \text{ тип (kind), соответствующий предикату } P \text{ (см. Chierchia 1998)}$

(11a-b) — функции, которые применяются к именному предикату как к аргументу и создают событийный предикат. В (11a) индивидуальная переменная связывается квантором существования. Такую операцию иногда называют семантической инкорпорацией: неотъемлемой частью событийной дескрипции становится информация об участнике события. В (11b) мы предполагаем семантический сдвиг, превращающий предикат P в соответствующий ему тип (kind) $\circ P$.

Для (11b) мы не даем более строгих определений. Это очень непростая задача. ‘Разбойничать’ — значит осуществлять деятельность, характерную для разбойника, так же, как, например, ‘бродяжничать’ — это вести образ жизни, характерный для бродяги. Каковы дескриптивные свойства такого образа жизни? Они очень нечетки и контекстно зависимы. Мы знаем, что бродяга — это человек, не имеющий постоянного места жительства. Однако мы можем опознать индивида как бродягу, вовсе не зная, есть ли у него домашний адрес, например, по внешнему виду. Кажется правдоподобным, что в этом случае мы не обращаемся к экстенционалу предиката ‘бродяга’, а сопоставляем наблюдаемого индивида с доступным нам *типом* бродяги. Эту интуицию и отражает указание на тип, а не на элемент экстенционала в (11a).

Уже вопрос о том, что определяет индивида как разбойника или бродягу, делает описание семантики глаголов типа ‘разбойничать’ или ‘бродяжничать’ нетривиальным. Однако это не единственная сложность. Даже если мы знаем ответ на этот вопрос, мы можем определить содержание предикатов ‘быть разбойником’ и ‘быть бродягой’, но не ‘разбойничать’ и ‘бродяжничать’. ‘Быть бродягой’ и ‘бродяжничать’ — семантически близкие, но не тождественные предикаты. ‘Быть бродягой’ — состояние, обладающее свойством истинности в точке. ‘Бродяжничать’, напротив, — это предикат, который Ю. Д. Апресян (Апресян 2006) относит к классу деятельностей. Де-

ятельности Ю. Д. Апресяна — это предикаты, для оценки истинности которых необходим интервал, превышающий нормальный раунд наблюдения. Именно поэтому такие предикаты сопротивляются модификации с помощью обстоятельств, задающих относительно краткий временной интервал, ср. русские предложения в (12a) и (12b):

- (12) а. Весь прошлый год Володя бродяжничал.
b. #Сегодня после обеда || с трех до полчетвертого || в 8:22 Володя бродяжничал.

В отличие от (12a), вне контекстов, предполагающих языковую игру, (12b) воспринимается как семантически аномальное.

4. Предельность отыменных глаголов

Событийная структура не определяет акциональные свойства предиката однозначным образом (см. (Татевосов 2016)). Однако многие ее компоненты имеют отчетливые акциональные корреляты. Один из основных параметров в этой области — наличие в структуре результирующего состояния описываемой ситуации. Его влияние на акциональность описывается следующим обобщением:

- (13) Обобщение о результирующем состоянии
Если в событийной структуре представлен компонент, интерпретируемый как результирующее состояние, предикат имеет предельную интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ в перфективных формах.

Интересующая нас событийная структура в (3a) результирующего состояния не содержит. Какие из этого выводятся предсказания о предельности соответствующих глаголов? Напрашивающийся ответ — предикаты типа ‘потеть’ непредельны — неверен. Они допускают предельную интерпретацию без затруднений:

- (14) marat ike minut ečendä tir-lä-de.
Марат два минута за пот-VRB-PST
‘Марат вспотел за две минуты.’

Как возникают эти предельные интерпретации? Мишарские данные показывают, что, во-первых, их доступность определяется семантическим типом вершины V, а во-вторых — свойствами инкорпорированного имени.

Рассмотрим вариант V в (11a), который интерпретируется как событие созидания или выделения сущности, обозначенной компле-

ментом. В общем случае предикаты, описывающие процессы созидания или эмиссии, предполагают инкрементальное отношение между процессом и его участником. Например, глаголы *строить*, *писать* и тому подобные инкрементальны: чем дольше происходит строительство дома, тем большая часть дома построена. Это означает, что свойства событийного предиката, который возникает после заполнения аргументной позиции в (11a), зависят от кумулятивности / квантованности именного предиката Р.

Перед нами, таким образом, тот редкий случай акциональной композиции, когда в ней участвует не синтаксически реализованный аргумент, а аргумент, подвергающийся семантической инкорпорации.

С квантованным предикатом мы ожидаем возникновения предельной интерпретации. По всей видимости, именно это происходит в случаях типа (15):

- (15) *sɣjɣt bɣzau-la-dɣ.*
корова теленок-VRB-PST
'Корова отелилась.'

Если верно, что предикат *bɣzau* 'теленки' квантован, предельность (15) вытекает из общих принципов теории акциональной композиции и не нуждается ни в каком дополнительном объяснении.

Если инкорпорированный предикат неквантован, у него ожидаемо возникает неопредельная интерпретация ПРОЦЕСС. Это происходит с неисчисляемым, а следовательно неквантованным существительным *maŋka* 'сопли' в (16.1):

- (16) *marat maŋka-la-dɣ.*
Марат сопли-VRB-PST
1. 'Марат соплевел.'
2. 'Марат засоплевел.'

Предельная интерпретация предикатов такого типа, если она вообще возможна, описывает вхождение в процесс, как в (16.2), но не кульминацию процесса — просто в силу того, что такие предикаты не способны кульминировать.

По всей видимости, так же — как ингрессивную интерпретацию вхождение в процесс — можно анализировать и предикаты типа 'вспотеть' в (7).

Как возникают ингрессивные интерпретации? Вот возможный сценарий. Выделение субстанций типа соплей и пота (как и, по видимому, эмиссия любых субстанций) может происходить в большей или меньшей степени. Это создает естественное основание для

реинтерпретации (11a) как выражения, содержащего параметрический предикат со степенной переменной:

- (17) $\lambda P.\lambda e. \exists x \exists d [e — \text{ процесс, в котором возникает или распространяется } x \wedge P(x) \wedge \text{increase}(\text{amount}(x))(d)(e) \wedge d \geq \text{std}_c]$

где $\text{increase}(G(x))(d)(e) = 1$, если и только если степень, которой индивида x характеризует параметрическое свойство G , увеличилась на величину d в событии e , а std_c — контекстно зависимый стандарт сравнения.

Для глагола *tirli* ‘потеть’ (17) создает событийный предикат в (18):

- (18) $\lambda e. \exists x \exists d [e — \text{ процесс, в котором возникает или распространяется } x \wedge \text{пот}(x) \wedge \text{increase}(\text{amount}(x))(d)(e) \wedge d \geq \text{std}_c]$

(18) — множество событий, в которых выделяется пот, таких, что его количество превышает контекстный стандарт сравнения. Параметр количества (*amount*) привязан к закрытой снизу и открытой сверху шкале: количество любой субстанции меняется от нуля до бесконечности. Стандарт сравнения для таких шкал — минимум на шкале, то есть нуль. О любом индивиде, на котором заметно отличное от нуля количество пота, можно сказать *Он потный*. Тем самым экстенционал предиката в (18) содержит в том числе события, в которых количество пота, выделяемое индивидом, изменилось на минимальную величину — от нуля до любого положительного значения. Это и есть события, в которых возникает процесс ‘потеть’, описываемый как ‘Марат вспотел’. Ингрессивная интерпретация вхожде- ние в процесс с начальной кульминацией, таким образом, определяется тем, что в семантику предиката встраивается параметрическое свойство с минимальным стандартом сравнения.

Рассмотрим второй вариант вершины V, задействованный в создании неэргативов в (11b). Критически важное для акциональной интерпретации отличие (11b) от (11a) состоит в том, что (11b) не предполагает инкрементального отношения между событием и инкорпорированной сущностью. Нельзя сказать, что чем больше развивается ситуация типа ‘разбойничать’ и ‘бродяжничать’, тем большая часть типа ‘разбойник’ или ‘бродяга’ в ней участвует. Инкорпорированное существительное не может быть источником кульминации для описываемой ситуации тем же способом, что и, например, ‘теленки’ в (15).

С другой стороны, инкорпорированное существительное не создает и естественного основания для количественной параметризации,

такой, которую мы предположили в (17). Типы (kinds) вообще с трудом поддаются количественной оценке. Предложение типа *Камчатского тигра в природе больше, чем уссурийского* можно интерпретировать только через обращение к токенам: токенов, представляющих первый тип, больше, чем токенов, представляющих второй. В любом случае процесс ‘разбойничать’ трудно осмыслить как движение от малого количества свойств типа ‘разбойник’ к большому количеству.

Можно ожидать, таким образом, что (11b) будет сопротивляться интерпретации в том же духе, что и (17), когда в его семантику внедряется параметрическое свойство ‘количество’. Если верно предположение о том, что именно оно несет ответственность за ингрессивную интерпретацию, предикаты типа ‘бродяжничать’ не будут иметь прочтения ВХОЖДЕНИЕ в ПРОЦЕСС. По всей видимости, ожидание подтверждается. Предложение (19) имеет неопредельное прочтение ПРОЦЕСС в (19.1), тогда как ВХОЖДЕНИЕ в ПРОЦЕСС в (19.2) до крайности затруднено:

- (19) marat julbasar-la-dx.
 Марат разбойник-VRB-PST
 1. ‘Марат разбойничал.’
 2. ??‘Марат начал разбойничать.’

Подведем итог. Предельность отыменных глаголов происходит из трех источников:

- результирующего состояния, выступающего компонентом событийной структуры;
- инкрементального актанта, в том числе инкорпорированного;
- минимального стандарта сравнения, связанного с параметром количества.

У неэргативов первый источник недоступен. Второй генерирует интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ в СОСТОЯНИЕ, когда кульминация завершает описываемую ситуацию, третий — ВХОЖДЕНИЕ в ПРОЦЕСС, когда посредством кульминации она инициируется.

5. Вместо заключения

Краткий очерк, предложенный выше, оставляет много открытых вопросов даже применительно к тому классу отыменных глаголов, который был предметом непосредственного рассмотрения. При известном упрощении они сводятся к двум:

- Каков полный диапазон возможных интерпретаций структуры в (3a)?

▪ Каковы параметры межъязыкового варьирования в реализации (3а) и ограничения на это варьирование?

Первый вопрос возникает вместе с идеей о том, что вершина V, с которой соединяются производящие основы, существует в двух семантических разновидностях. Если предположить два способа интерпретировать ее в неэргативных отыменных конфигурациях, то каков набор возможностей в общем виде и чем он ограничен? Не предлагая решения этой проблемы, отметим, что признание различных вариантов V представляется эмпирически неизбежным: наблюдение, что ее семантика не сводится к единственной возможности, подкрепляется и другим материалом.

Например, и в татарском и в русском языке есть глаголы типа *зимовать* или *kɨʂlɨj* ‘зимовать’. Во всех релевантных отношениях они попадают в тот же класс неэргативов, что и другие обсуждаемые в этой статье глаголы. Это подводит нас к идее анализировать и их в терминах структуры в (3а). Однако у *зимовать* отношение между внешним аргументом и производящим существительным не сводимо ни к (11а), ни к (11b). Зима не возникает в результате деятельности агенса; агенс не проявляет характерное для зимы поведение. ‘Зимовать’ — значит проводить в определенном месте промежуток времени, описываемый существительным.

То же можно сказать, например, об относительно редкой группе глаголов типа русских *бельчить* ‘охотиться на белок’ или *мышковать* ‘ловить мышей’. Будучи неэргативами, такие глаголы сопротивляются сведению вовлеченной в их деривацию вершины V к одному из обсуждавшихся выше семантических типов.

Самое предварительное сравнение русской и татарской систем показывает одно примечательное различие: отсутствие в русском языке предельных глаголов, образуемых от квантованных именных предикатов, таких, как *bɨzaulɨj* ‘телиться’ в (15). Русские аналоги таких глаголов задействуют другой деривационный сценарий, в котором участвует возвратный постфикс *-ся*. По всей видимости, у русских отыменных глаголов к инкорпорации способны только неквантованные именные предикаты, такие как *дым*, *кровь*, *шум* и т. п. Полная теория отыменной деривации должна, безусловно, иметь ответ на вопрос об источниках и параметрах межъязыкового варьирования, однако мы не пытаемся добиться этого в пределах одной статьи. Если нам удалось убедить читателя в том, что акциональность именных дериватов не хаотична, а в огромной степени предсказуема исходя из уже известных обобщений и теоретических предпосылок, наша задача выполнена.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян, Ю. Д. (2006) Фундаментальная классификация предикатов. В кн.: Ю. Д. Апресян (ред.) *Языковая картина мира и системная лексикография*. М.: Языки славянских культур, с. 75–109.

Татевосов, С. Г., Пазельская, А. Г., Сулейманов, Д. Ш. (ред.) (2017) *Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект*. М.: Буки Веди, 763 с.

Татевосов, С. Г. (2016) *Глагольные классы и типология акциональности*. М.: Языки славянских культур, 566 с.

Chierchia, G. (1998) Reference to kinds across languages. *Natural Language Semantics*, vol. 6, №4, pp. 339–405.

Hale, K. L., Keyser, S. J. (2002) *Prolegomenon to a theory of argument structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 465 p.

REFERENCES

Apresyan, Yu.D. (2006) Fundamental'naya klassifikaciya predikatov [A Fundamental Classification of Natural Language Predicates]. In: Yu.D. Apresyan (ed.) *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Linguistic Picture of the World and Systematized Lexicography]*. Moscow: Yazyki slavyanskih kultur, pp. 75–109.

Chierchia, G. (1998) Reference to kinds across languages. *Natural Language Semantics*, vol. 6, №4, pp. 339–405.

Hale, K. L., Keyser, S. J. (2002) *Prolegomenon to a theory of argument structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 465 p.

Tatevosov, S. G. (2016) *Glagolnye klassy i tipologiya akcionalnosti [Verb Classes and Typology of Actionality]*. Moscow: Yazyki slavyanskih kultur, 566 pages.

Tatevosov, S. G., Pazelskaya, A. G., Sulejmanov, D.Sh. (ed.) (2017) *Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskij dialekt [Elements of Tatar in a Typological Perspective. The Mishar Dialect]*. Moscow: Buki Vedi, 763 pages.

Ольга Викторовна Трофимова

Доктор филологических наук, профессор, профессор
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6
otrofim@rambler.ru

Olga V. Trofimova

Doctor of philological Sci., Professor, Professor
Tyumen state University
6, Volodarsky street, Tyumen, 625003, Russia
otrofim@rambler.ru

Польские деепричастия НСВ и варианты их перевода на русский язык (на материале мемуаров «Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie; spisane przez Ewę Felińską» 1852 г.)

Аннотация. В статье на материале исходного польского текста анализируются конструкции с деепричастиями НСВ (*imiesłów współczesny nieodmienny postaci niedokonanej*, или IWNPN), иначе конструкции $V_{\text{part(-ac)}}$ и рассматриваются варианты их перевода на русский язык.

В большинстве случаев польские предложения с конструкцией $V_{\text{part(-ac)}}$ можно перевести русскими грамматическими конструкциями с деепричастными оборотами, но с ограничениями, налагаемыми русским формообразованием. Перевод на русский язык польских безличных предложений, содержащих конструкцию $V_{\text{part(-ac)}}$, часто стилистически маркированных, требует трансформации в сфере синтаксического лица и использования неопределенно-личных предложений.

При переводе польских предложений с личными глагольными формами СВ в предикативной основе и с деепричастиями НСВ, в которых значения предшествования, причины и следствия «концентрируются» на деепричастии, а значение предела — на личной форме глагола движения, оказывается предпочтительным перевод польского IWNPN русским деепричастием СВ или личной глагольной формой СВ, что чаще всего сопровождается субъектно-объектной трансформацией в структуре русского предложения и его переходом в статус полипредикативной синтаксической единицы. Выявлено, что в сочетании с личными глагольными формами настоящего, прошедшего и (единично) будущего времени, а также с причастиями и девер-

бативами деепричастия НСВ участвуют в выражении событийной корреляции во времени, которая может дополняться значением причины, образа действия и др. (исследование вариантов семантических осложнений, а также их частотности может в дальнейшем привести к выявлению индивидуально-авторской картины мира Эвы Фелиньской).

Полученные выводы о функционировании форм IWNPН в структуре как простого, так и сложного предложения в сочетании с разными формами глаголов НСВ и СВ и с отглагольными существительными коррелируют с выводами польских исследователей о конструкциях, включающих IWNPН (или конструкциях $V_{\text{part(-qc)}}$), что позволяет говорить о репрезентативности привлеченного к исследованию языкового материала середины XIX века.

Ключевые слова: польский язык, русский язык, деепричастия несовершенного вида, перевод, Эва Фелиньска.

Polish Participles of the Imperfective Aspect and Variants of their Russian Translation (exemplified by the 1852 memoirs *Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie; spisane przez Ewę Felińską*)

Summary. In the article, the author analyzes $V_{\text{part(-qc)}}$ constructions or original constructions with continuous aspect participles (*imięstów współczesny nieodmienny postaci niedokonanej*, or IWNPН) in the source Polish text and studies options of their translation into Russian.

In most cases, Polish sentences with the $V_{\text{part(-qc)}}$ construction can be translated into Russian with adverbial participial phrases though with some restrictions imposed by Russian morphological rules. Polish impersonal sentences containing the $V_{\text{part(-qc)}}$ phrase are often stylistically marked. Their translation into Russian requires transformation in the category of person and the use of indefinite personal sentences.

When translating Polish sentences with personal verb forms of the perfective aspect as part of the *subject or predicate* of the sentence and with participles of the imperfective aspect, in which the meanings of precedence, cause and effect 'are concentrated' in the participle and the meaning of the limit is in the personal form of the verb of movement, it is preferable to translate the Polish participle of the imperfective aspect with the Russian participle of the perfective aspect or a personal verb form of the perfective aspect. This is most often accompanied by a subject-object transformation in the structure of the Russian sentence and its transition to the status of a polypredicative syntactic unit.

It has been found that in combination with personal verb forms of the present, past and (singly) future tenses, as well as participles and deverbials, IWNPН

forms participate in the expression of event correlation in time, which can be supplemented by the meaning of the cause, mode of action, etc. (the study of the variants of semantic development and their frequency can subsequently help us identify Ewę Felińską's individual worldview).

Our findings on the functioning of IWNPN forms in the structure of both simple and complex sentences in combination with different verb forms of the perfective and imperfective aspects and verbal nouns correlate with the conclusions of Polish researchers about IWNPN-including constructions (or $V_{\text{part(-qc)}}$ constructions) which proves representativeness of the mid-19th century language sample under study.

Keywords: Polish, Russian, imperfection of the participle, translation, Ewa Felińska.

Вступление

На возможность регулярного образования польских деепричастий НСВ (*imiesłów współczesny nieodmienny postaci niedokonanej*, или IWNPN) от практически любых непереходных глаголов прибавлением к основе настоящего времени морфа *-ąc* и свободного функционирования их в структуре конструкции $V_{\text{part(-qc)}}$ типа *wracając, zająrzyliśmy* (**возвращаясь**, заглянули) указывают многие польские лингвисты. Обзор литературы по теме можно найти, напр., в (Bojalkowska 2010). В польской научной литературе отмечается вхождение IWNPN в парадигму глагола, а также обращается внимание на достаточную близость польского и русского языков в их противопоставлении другим славянским языкам в условиях и ситуациях употребления деепричастий НСВ.

Польские авторы дискутируют по поводу грамматической природы (в том числе предикативной) конструкций с IWNPN, т. е. «деепричастных фраз» (*fraza imiesłowowa*) VP_{part} (Wiśniewski 1993, 64; Bojalkowska 2010, 30), обращают внимание на сочетаемость с разными глагольными лексемами с учетом вида глагола и времени глагольной формы, на стилистическую маркированность и полифункциональность форм $V_{\text{part(-qc)}}$ в старопольском и современном польском языке. Так, на функцию причастия (*imiesłów odmienny*) в цитате из текста XVI в. *...ukazał się dwema idąc w drodze = dwu idącym* (= двум идущим) указывает Виолетта Ярош (Jaros 2004, 53).

О возможности образования русского деепричастия, т. е. атрибутивной формы глагола, в которой совмещаются значения действия и обстоятельство-определяющее, в «Русской грамматике» в частности говорится, что, хотя грамматические законы русского

языка и разрешают образование деепричастий глаголов НСВ «от каждого глагола несов. вида» присоединением «к основе наст. вр. суф. *-a*», но «значительное число глаголов» пяти групп (типа **брехать, блёкнуть, беречь, врать, бежать** и др.) деепричастий не образует или образует редко (Русская грамматика 1980, т. 1, 672, 673).

Таким образом, при переводе с польского языка на русский предложений с IWNPN существуют грамматические ограничения, корректное преодоление которых входит в задачи переводчика.

Материал исследования

На материале воспоминаний первой польской ссыльной в Сибирь Эвы Фелиньской «*Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie; spisane przez Ewę Felińską*» (далее — «Воспоминания...») о её пути из Киева через Тобольск до сибирского Берёзова и о пребывании там на поселении в 1839–1841 гг., которые были изданы впервые в Вильно в 1852 г. (Felińska 1852), но до настоящего времени не переведены на русский язык в полном объеме, исследуется функционирование деепричастий НСВ (далее — НСВ_{деепр.}), напр.:

(1) *Wracając, zajrzałyśmy do publicznego ogrodu* (s. 41), «**Возвращаясь**, мы заглянули в общественный сад».

Некоторое представление о частотности НСВ_{деепр.} у Фелиньской можно получить из следующего расчета: на первых 64 страницах текста (из 461) обнаружено 107 фиксаций НСВ_{деепр.}, т. е. в первых трех частях «Воспоминаний...»: «Вступление», «Дорога от Киева до Тобольска», «Пребывание в Тобольске» — фиксируем в среднем 1,7 НСВ_{деепр.} на страницу.

Конструкции V_{part(-ac)} со значением одновременности (типа *wydając, tam na celu: издавая*, имею целью; *mówiła, wspominając: говорила, вспоминая*) на протяжении всего текста «Воспоминаний...» хотя и преобладают над конструкциями V_{part(-szy)} с деепричастиями СВ и значением предшествования (типа *wyniósłszy, wszedł: убрал, вошел; napisawszy, wracam: написав, возвращаюсь*), но в меньшей степени, чем это свойственно в среднем польским текстам. Так, на 13 страницах «Вступления», представляющего собой реализацию типа текста рассуждение, находим 17 конструкций V_{part(-ac)} и 13 конструкций V_{part(-szy)}, или 1,3 : 1, в то время как в среднем в текстах XIX в., вошедших в Корпус польского языка Корп IPI PAN, это соотношение 2,6 : 1 (Wojalkowska 2010, 21). Таким образом, исходя из особенностей данного небольшого фрагмента мемуаров можно задаться вопросом о возможной корреляции в «Воспоминаниях...» между типом текста

и частотностью в нем НСВ_{деепр.} и СВ_{деепр.}, что может вывести в дальнейшем, с учетом лексического значения деепричастий, к исследованию авторской языковой картины мира.

В одном предложении (простом или сложном) в «Воспоминаниях...» находим до шести НСВ_{деепр.}, в том числе в структуре однородного ряда, напр.: *...pozostałe znużenie z podróży lądowej tym mi powabniej przedstawiało podróż wodną, którą **odbywając** spokojnie, bez trzęsieniz, **śpiąc**, **chodząc**, **jedząc**, **czytając**, **robiąc** robotę, można było dać wypoczynek zboliałym członkom* (s. 37). Правда, авторы польских пособий по культуре речи и научных изданий отнесли бы это предложение с деепричастиями НСВ, зависимыми от безличной грамматической основы *można było dać*, к некорректным, с нарушением «принципа тождественности предметов» (Gaertner 1935, 10; Kochański 1989, 223; Wojalkowska 2010, 29). Буквальный, также спорный в грамматическом отношении для русского текста, перевод мог бы быть таким: «...оставшаяся усталость после сухопутного путешествия тем мне привлекательнее представляла путешествие по воде, **совершая** которое спокойно, без тряски, **спя**, **ходя**, **едя**, **читая**, **занимаясь** рукоделием, можно было дать отдых исстрадавшемуся телу».

В русском подстрочнике грамматическим «недочетом» является как использование безличной предикативной конструкции, так и образование деепричастных форм **спя**, **едя**, единичных в русских текстах. Для сравнения частотности выделенных единиц в двух языках обратимся к материалам польского и русского языковых корпусов, а именно Корп IPI PAN (<http://korpus.pl>) и НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru>). Корпусные данные показывают достаточную употребительность в польских текстах всех шести единиц: *odbywając* (79), *śpiąc* (161), *chodząc* (335), *jedząc* (279), *czytając* (653), *robiąc* (631) (nkjp.pl/poliqarp/nkjp300/query/), в то время как в русских текстах, ставших источниками НКРЯ, к частотным вряд ли можно отнести деепричастия **спя**, **едя**: **совершая** (777), **спя** (17), **ходя** (626), **едя** (10), **читая** (4402), **занимаясь** (1416) (<http://www.ruscorpora.ru/old/search-main.html>).

Анализ сочетаемости форм IWNPN с разными формами главного компонента

В исследуемом начальном фрагменте мемуаров Фелиньской в нарративных главах «Дорога от Киева до Тобольска», «Пребывание в Тобольске» формы IWNPN сочетаются чаще с главным компонентом — глаголом НСВ (58 НСВ + 32 СВ = 90), хотя в тексте-рассуж-

дении «Вступления» разницы практически нет: восемь личных глаголов НСВ и девять СВ (= 17).

Как правило, в польских текстах конструкции $V_{\text{part(-ac)}}$ синтаксически зависят от спрягаемых глагольных форм (у Фелиньской в 90 случаях из 107), как в личных (преимущественно), так и в безличных предложениях, реже — от инфинитивов (у Фелиньской 15), единично — от причастий (1) и отглагольных существительных (1). Подобная сочетаемость, с учетом частотности функционирования соответствующих конструкций в польских текстах по данным исследователей, коррелирует с наблюдениями в (Wojalkowska 2010). Эти же грамматические варианты сочетаемости свойственны русскому языку (Русская грамматика 1980, т. 1, 672).

1. Представление материала начнем с наиболее частотных структур — сочетаний конструкции $V_{\text{part(-ac)}}$ с личными формами глаголов. Из 90 предложений в 60 — это НСВ_{спряг.гл.} (22 в форме настоящего и 38 в форме прошедшего времени), в 30 — СВ_{спряг.гл.} (29 в форме прошедшего и 1 в форме будущего времени).

1.1. В нарративном контексте «Воспоминаний...» естественно ожидать более частотное использование личных глагольных форм прошедшего времени.

1.1.1. При этом ситуации препозиции $V_{\text{part(-ac)}}$ по отношению к спрягаемой глагольной форме, напр.:

(2) *Wracając z nadbrzeża widziałam śliczne zwierzę* (s. 45): «**Возвращаясь** с набережной, я **видела** симпатичного зверя» (НСВ_{деепр.} + НСВ_{спряг.гл.}; значение совпадения во времени двух действий, вероятно, частичного = в какой-то момент возвращения видела; как и в примере (1)), или:

(3) *Zbliżając się o wiorst kilka tysięcy ku domowi, weszłam w częstsze stosunki z moją rodziną* (s. 7), «**Приближаясь** на несколько тысяч верст к дому, я **вошла** в более частые отношения с моей семьей» (НСВ_{деепр.} + СВ_{спряг.гл.}; с дополнительным значением обусловленности, выраженного конструкцией $V_{\text{part(-ac)}}$);

преобладают над ситуацией постпозиции, напр.:

(4) *W 1839 kraj opuściłam zostawując sześcioro dzieci i matkę bez żadnej opieki* (s. 8), «В 1839 я **покинула** (мой) край, **оставляя** шестерых детей и мать без какого бы то ни было попечения» (СВ_{спряг.гл.} + НСВ_{деепр.}; с дополнительным значением следствия).

Подобное преобладание препозиции отмечается и в научной литературе, где говорится о единичности интерпозиций и конструкций $V_{\text{part(-ac)}}$. Однако в тексте Фелиньской ситуации интерпозиции достаточно частотны, напр.:

(5) *Brat mój, umierając bezżennym nie zostawił rodziny, którejby przekazał pieczętowość nad schorzałą matką* (s. 18), «Брат мой, умирая неженатым, не оставил семьи, которой бы он поручил заботу о больной матери», или:

(6) *Dozorca..., widząc mój stan zniemożenia, kazał memu przewodnikowi pokazać sobie instrukcyę* (s. 6), «Смотритель..., видя мое состояние изнеможения, приказал моему сопровождающему показать ему инструкцию» (в обоих примерах НСВ_{деесп.}+СВ_{спряг.гл.}; с дополнительным значением причины).

1.1.2. В примерах выше субъекты действий, названных разными глагольными формами, совпадают, что корректно и для польской, и для русской речи. Однако у Фелиньской среди личных предложений прошедшего времени неединичны примеры с нетождественными субъектами действия или состояния, напр., в конструкциях с НСВ_{спряг.гл.}: ... *serce się krajało, czytając je [listy]* (s. 16), ... *serce się ścisnęło, widząc taki upadek umysłu* (s. 43); с СВ_{спряг.гл.}: ... *wjeżdżając do Ekaterynburga, inny przedstawił się nam widok* (s. 30),

(7) *Zwiedzając tę część miasta, uderzył moje oko niewielki lecz ładny domek* (s. 48).

Во всех этих примерах действия, названные формами ІWNPN, относятся к субъекту речи *ja* (я, Эва Фелиньска); при трансформации в личный глагол получаем: «я читала письма; я видела такое падение ума; я въезжала в Екатеринбург; я осматривала эту часть города»; в то время как субъект действия, названный подлежащим, — другой: «сердце разрывалось на части; сердце сжималось; другой вид представился нам; бросился в мои глаза небольшой, но красивый домик». Так как в русской речи аналогичные исходным польским предложениям грамматические кальки нежелательны, при переводе оборота с V_{part(-qc)} требуются грамматические трансформации:

а) либо в конструкцию сложного предложения (подчиненного: *когда я читала письма...* и др. или сочиненного: *я читала письма, и...*);

б) либо в субстантивированный детерминант времени (*при чтении писем; при въезде в Екатеринбург; во время осмотра этой части города*), причины (*при виде такого падения ума*), что не всегда стилистически уместно;

в) либо замена субъекта в предикативной части, часто приводящая к увеличению её объема и к громоздкости, напр.: *Читая эти письма, я чувствовала, что сердце (мое) разрывалось на части.*

1.1.3. Среди предложений с личными формами прошедшего времени встречаются и безличные предикативные основы, осложненные

оборотами с IWNPN, напр., в предложении наречной модели с глаголом-связкой НСВ и зависимым инфинитивом + $V_{\text{part(-ac)}}$:

(8) *Mając zabawić w Tobolsku kilka tygodni, **treba było pomyśleć o najęciu pomieszczenia*** (s. 38), что можно перевести как «Нам предстояло (букв.: имея) пробыть в Тобольске несколько недель, надо было подумать о найме квартиры».

1.2.1. При сочетании активного оборота с $V_{\text{part(-ac)}}$ с НСВ_{спряг.гл.} в 22 случаях обнаруживаем формы настоящего времени, из них в активных конструкциях 19. Препозицию $V_{\text{part(-ac)}}$ отмечаем в 14 примерах из 19, в частности: ...*ona **nie znając** naszych nawyków, **nie wie** czym trafić do gustu* (s. 20), «... она, **не зная** наших привычек, **не знает**, чем угодить (нашему) вкусу». Здесь грамматически представленная через формы НСВ_{деесп.} и НСВ_{спряг.гл.} одновременность мыслительных состояний одного и того же субъекта (с контекстуальными дополнительными значением причинности) поддерживается синонимичностью глаголов *znać* и *wiedzieć*. Если в рассмотренном примере значение настоящего времени можно квалифицировать как актуальное, то в других, а именно в конструкциях одновременности без причинной зависимости, — как постоянное, напр.: ...*te szyszki **rosnąc**, bardzo szybko **twardnieją*** (s. 46) или (с постпозицией $V_{\text{part(-ac)}}$): ...*[parafija] **się rozciąga od gór Uralskich **postępując** na wschód, do Jenisseja*** (s. 51). В приведенных примерах так же, как и в предыдущем, сохраняется оговариваемый в польской научной литературе «принцип тождества предмета» («шишки растут, твердеют»; «церковный приход простирается, продвигается»). Все три примера соответствуют также второму условию корректности для конструкций $V_{\text{part(-ac)}}$, называемому польскими исследователями и методистами, а именно «принципу одновременности действий» (Gaertner 1935, 10; Kochański 1989, 223; Wojalkowska 2010, 29).

1.2.2. В трех из 22 предложений с НСВ_{спряг.гл.} настоящего времени наблюдаем употребление активного оборота с $V_{\text{part(-ac)}}$ при пассивной глагольно-безличной конструкции, в частности:

(9) *Jadąc z Permu do Ekaterynburga, **przeżywa się** gór łańcuch w ukośnym kierunku, <...> wszakże **pnąc się** z góry na górę, **jedzie się** mil kilkadziesiąt, gościńcem dobrze zrównanym* (s. 28): «Едучи (= по пути) из Перми к Екатеринбург, через горную цепь **можно перевалить** наискосок, <...> однако **поднимаясь** с горы на гору, едется (= дорога идет) несколько десятков миль хорошо выровненным трактом». Для современной польской речи (как и для русской, без замены существительным) этот пример имеет явную стилистическую окраску устаревшего, характерного скорее для поэтических текстов, употребления.

1.3. Единственный на анализируемых страницах пример сочетания НСВ_{деесп.} с глаголом будущего времени выражает значение частичной одновременности:

(10) *Któż patrząc na ogromne drzewo, pomyśli o tym pyłku...* (s. 45), «Кто, **смотря** на огромное дерево, **подумает** об этой пылинке».

2. Зависимость НСВ_{деесп.} от инфинитива в структуре глагольного сказуемого наблюдаем в 15 предложениях, напр.: *Piérwsze dni podróży wydawały się nieznośne dla mnie, która nie umiem spać jadąc* (s. 6); ... *i inne transporta musiały się zatrzymać w miejscu, gdzie ich bezdróż zaskoczyła, czekając odkrycia dogodniejszej drogi* (s. 36). Примеры демонстрируют разные функции НСВ_{деесп.}: если в первом она имеет наречное значение образа действия (*не умею спать сидя*), то во втором приближается к значению второго предиката в предложении, со значением действия-состояния, объективно в реальной действительности начинающегося после остановки, т. е. исчерпывания первого действия-движения (*должны были задержаться..., ожидая = задержаться и ожидать*). Чаще (11 примеров из 15) фиксируем препозицию инфинитива или инфинитивной группы, как в примерах выше; значительно реже — препозицию конструкции V_{part(-ac)}, напр.:

(11) *Któżby się nie zgodził spać, wieczność całą snem mogiłnym, byle budząc się corocznie, mógł przeżywać niedziel kilka życiem pełném...* (s. 13). Здесь речевая последовательность компонентов конструкции V_{part(-ac)} соответствует реальной последовательности состояний (*пробуждаясь, мог проживать несколько недель полной жизнью = пробудиться, прожить...*). При постпозиции НСВ_{деесп.} семантически зависимо от инфинитивной группы в целом, напр.: ... *postanowiliśmy użyć wolności..., odprocywając w tym mieście* (s. 14), фиксируем временную тождественность, ср.: «... мы решили воспользоваться свободой, отдыхая в этом городе» (время будущего пользования свободой = времени будущего отдыха).

3. Достаточно яркий пример наложения во времени состояния и действия, выраженных грамматической основой и оборотом с IWNPN, находим в предложении, в котором V_{part(-ac)} будучи формально связанным с СВ_{спряг.гл.}, грамматически зависит и от отглагольного (от НСВ_{спряг.гл.}) существительного, имеющего значение временной протяженности:

(12) *Zostałyśmy w oczekiwaniu, poglądając z sani na miasto* (s. 16): «Мы остались в ожидании (=ждать), **посматривая** из саней на город».

4. Единичный пример реализует модель со страдательным причастием от СВ_{спряг.гл.} + V_{part(-ac)}:

(13) *Wytłómaczono mi tę zagadkę, mówiąc, że to część miasta, w której się odbywa sławny jarmark* (s. 12). На русский язык предпочтительнее перевод конструкции неопределенно-личного предложения с тождественностью субъектов действия: «Мне объяснили эту загадку, сказав (досл.: говоря), что это часть города, в которой проходит славная ярмарка».

Семантика предложений с IWNPN

Признавая основополагающим в грамматической семантике предложений с конструкцией $V_{\text{part(-ac)}}$ временной аспект с его оттенками полного/неполного совпадения во времени действия/состояния в IWNPN и действия/состояния в предикативной основе предложения, некоторые авторы считают неуместным поиск других смысловых отношений, так как деепричастия не выражают постоянного значения и смысл зависит от значения лексемы и формы спрягаемого глагола (Wiśniewski, 1993). Однако в ситуации анализа связанного текста, своей грамматикой и лексикой отражающего авторскую концепцию мира, мы считаем важным обратить внимание на то, что конструкции $V_{\text{part(-ac)}}$ в виде деепричастия с зависимым словом (реже — одиночного IWNPN), как правило, выражают у Фелиньской различные обстоятельственные значения, накладывающиеся на основное временное значение двух разных глагольных форм с их

1) совпадением действий во времени:

а) «векторным», напр.:

(14) *Próżno mój przewodnik, stojąc nade mną nalegał, abyjechać, utrymując, że w saniach wyśpię się wybornie* (s. 6): «Напрасно мой сопровождающий, стоя надо мной, настаивал, чтобы ехать, твердя, что в санях я превосходно высплюсь». При переводе на русский язык сохраняются видовые характеристики глагольных форм: НСВ_{деепр.} + НСВ_{спряг.гл.}; то же в примерах 9, 12. Значение одновременности для русских НСВ_{деепр.} считается обычным, возможными «Русская грамматика» называет наречные (адвербиальные) значения: **лежа, шутя** (Русская грамматика 1980, т. 1, 672). Это значение образа действия наблюдаем в мемуарах в примере: ... *odpowiedział stary kiwając głową, jakby wyzywając uzalenia* (s. 26) при постпозиции конструкции $V_{\text{part(-ac)}}$: «... отвечал старик, качая головой, как бы вызывая жалость» — представляется, что использование здесь НСВ_{спряг.гл.} имеет художественную задачу и вызвано авторским желанием «замедлить» ситуацию и процесс говорения старика для того, чтобы слушатель «успел» стать и зрителем и проникнуться сочувствием к говорящему.

В примере 13, где в польском оригинале СВ_{спряг.гл.}+НСВ_{деепр.}, а в русском переводе требуется замена НСВ_{деепр.}→СВ_{деепр.}, есть дополнительное значение пояснения с оттенком следствия: говоря → сказав, (тем самым) объяснили (= стало понятно);

б) «точечным», напр., в иллюстрациях 1, 7, 10, где НСВ_{деепр.}+СВ_{спряг.гл.}, и 2, где НСВ_{деепр.}+НСВ_{спряг.гл.}, без дополнительных обстоятельственных значений.

В русском переводе при выражении значения одновременности возможно сохранение видовых характеристик глагольных форм. Однако, как показывают материалы НКРЯ, НСВ_{деепр.} чаще сочетаются с НСВ_{спряг.гл.}: так, из 100 первых вхождений деепричастия *возвращаясь* в НКРЯ сочетаемость с НСВ_{спряг.гл.} наблюдается в 55 случаях, из них 34 в форме прошедшего времени, 20 — настоящего и 1 — будущего.

Сочетаемость с СВ_{спряг.гл.} фиксируем в 35 случаях, из них 29 в форме прошедшего времени (в т. ч. в цитате из Лермонтова «... Печорин, **возвращаясь** из Персии, умер») и 6 — будущего; 10 вхождений демонстрируют независимую позицию НСВ_{деепр.} в связном тексте, скорее в метатекстовой функции, напр.: «И всё-таки, **возвращаясь** к теме поколений. Вы говорите <...>» (http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?sort=i_grtagging&lang=ru&startyear=1995&text=lexform&req=%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B0%D1%8F%D1%81%D1%8C&endyear=2015&mode=main&env=alpha&nodia=1&p=7);

2) а также значение временной последовательности: примеры 3, 4, 5, 6, где НСВ_{деепр.}+СВ_{спряг.гл.}, также пример 11, где НСВ_{деепр.}+НСВ_{спряг.гл.}, а временное следование выражено лексически.

В этих случаях констатируем дополнительное значение обусловленности: следствия (4. «покинула, **оставляя**»), причины (6. «**видя**, приказал»), цели, как, напр.: ... *uprzedzając one, pozwalaliśmy wszystkim opatrzyć zblizka* (s. 24), «... **предупреждая** их, мы **разрешали** всё рассматривать вблизи», где НСВ_{деепр.}+НСВ_{спряг.гл.}.

В русском языке, согласно «Русской грамматике», выражение отношений временного предшествования и следования закреплено за СВ_{деепр.} (Русская грамматика 1980, т. 1, 672), поэтому, вероятно, при переводе возможно использовать деепричастие другого вида, т. е. НСВ_{деепр.}→СВ_{деепр.} (4. «покинула, **оставив**»; 6. «**увидев**, приказал»), хотя таким образом в переведенном предложении снимается художественный эффект замедления времени, нежелания автора мемуаров ехать под присмотром конвойного дальше, в Сибирь; эффект восприятия Эвой Фелинской времени продвижения к месту поселения

только как замедленного симулякра жизни (настоящая жизнь осталась там, на родине) — эффект, значимый в ситуации ссылки, т. е. вынужденного пребывания в чужом (и часто чуждом) для ссыльного пространстве.

Выводы

1. Несмотря на близость польского и русского языков в образовании и употреблении деепричастий НСВ возможности их функционирования в русском языке лимитированы отнесенностью глагола к определенному глагольному классу и ограниченной сочетаемостью с глаголом СВ в структуре предложения.

2. При переводе на русский язык тождественность грамматической конструкции с сохранением видовой характеристики глагольных форм возможна при исходной модели НСВ_{деепр.}+НСВ_{спряг.гл.}; при переводе исходной модели НСВ_{деепр.}+СВ_{спряг.гл.} требуется трансформация в сфере категории вида, а также синтаксического лица.

3. Исследование основных и дополнительных значений конструкций с НСВ_{деепр.}, а также СВ_{деепр.} в связанном тексте в проекции на исследование авторской картины мира, отраженной в мемуарах Эвы Фелиньской, — предмет дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 12.12.2019)

Шведова, Н. Ю. (ред.) (1980) *Русская грамматика*. М.: Наука, 783 с.

Bojalkowska, K. (2010) *Opis składniowy imiesłowów przysłówkowych we współczesnym języku polskim*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 252 s. [Online]. Available at: https://repozytorium.umk.pl/bitstream/handle/item/5759/Boja%C5%82kowska_OPIS%20SK%C5%81ADNIOWY_preprint.pdf?sequence=1 (accessed 10.10.2019). (In Polish)

Felińska, E. (1852) *Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie; spisane przez Ewę Felińską*. Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 348 s. [Online]. Available at: [file:///C:/Users/apc/Desktop/Эва%20Фелиньска+%20++/Wspomnienia_z_podr%F0iEjy_do_Syberji_pobyt\[1\].pdf](file:///C:/Users/apc/Desktop/Эва%20Фелиньска+%20++/Wspomnienia_z_podr%F0iEjy_do_Syberji_pobyt[1].pdf) (accessed 11.06.2012). (In Polish)

Gaertner, H. (1935) *Mowa polska. Podręcznik do nauki o języku dla III klasy gimnazjalnej*. Lwów – Warszawa: Książnica – atlas, 58 s. [Online]. Available at: http://pbc.up.krakow.pl/Content/5605/mowa_polska_podrecznik_do_nauki_gaertner_henryk_000231.pdf (accessed 10.10.2019). (In Polish)

Jaros, V. (2004) О языке. Historii i chwalebny Zmartwychwstaniu Pańskim Mikołaja z Wilkowiecka (fonetyka i fleksja). *Prace naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie, Seria: Filologia polska. Językoznawstwo*, V, s. 35–60.

[Online]. Available at: http://www.ifp.ajd.czest.pl/media/domeny/131/download/językoznawstwo_V.pdf (accessed 10.10.2019). (In Polish)

Kochański, W., Klebanowska, B., Markowski, A. (1989) *O dobrej i złtej polszczyźnie*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 380 s. (In Polish)

Korp IPI PAN — Korpus opracowany w Instytucie Podstaw Informatyki PAN. URL: <http://korpus.pl> (data обращения 12.12.2019) (In Polish)

Wiśniewski, M. (1993) Składniowa charakterystyka tzw. Imiesłowów we współczesnej polszczyźnie. *Kujawsko-Pomorska Digital Library – Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Filologia Polska*, 42 (268), s. 64–73. [Online]. Available at: <http://kpbc.ukw.edu.pl/dlibra/plain-content?id=20662> (accessed 10.10.2019). (In Polish)

REFERENCES

Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/> (Accessed: 12.12.2019). (In Russian).

Shvedova N.Yu. (Ed.) (1980). *Russkaya grammatika [Russian Grammar]*. Moscow, Nauka Publ., 783 s. (In Russian).

Bojalkowska, K. (2010) *Opis składniowy imiesłowów przysłówkowych we współczesnym języku polskim. [Syntactic description of participles in modern Polish]*. Torun: Scientific Publishing House of the University Nicholas Copernicus Publ., 252 s. [Online]. Available at: https://repozytorium.umk.pl/bitstream/handle/item/5759/Boja%20C5%82kowska_OPIS%20SK%20C5%81ADNIOWY_preprint.pdf?sequence=1 (accessed 10.10.2019). (In Polish)

Felińska, E. (1852) *Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie; spisane przez Ewę Felińską. [Memories of a trip to Siberia, a stay in Berezov and Saratov, written by Eva Felinskaya]*. Vilnius: Publishing House of Jozef Zawadzky Publ., 348 s. [Online]. Available at: [file:///C:/Users/apc/Desktop/Эва%20Фелиньска+%20+/Wspomnienia_z_podr%20iEjy_do_Syberji_pobyt\[1\].pdf](file:///C:/Users/apc/Desktop/Эва%20Фелиньска+%20+/Wspomnienia_z_podr%20iEjy_do_Syberji_pobyt[1].pdf) (accessed 11.06.2012). (In Polish)

Gaertner, H. (1935) *Mowa polska. Podręcznik do nauki o języku dla III klasy gimnazjalnej. [Polish language. Textbook for language learning for grade III gymnasium]*. Lviv–Warsaw: Library–Atlas Publ., 58 s. [Online]. Available at: http://pbc.up.krakow.pl/Content/5605/mowa_polska_podrecznik_do_nauki_gaertner_henryk_000231.pdf (accessed 10.10.2019). (In Polish)

Jaros, V. (2004) O języku Historii o chwalebnym Zmartwychwstaniu Pańskim Mikołaja z Wilkowiecka (fonetyka i fleksja). [About the language of the Story about the glorious Divine resurrection of Mikołaj from Wilkoveck (phonetics and flexion)] *Prace naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie, Seria: Filologia polska. Językoznawstwo [Scientific works of the Academy. Jan Długosz in Częstochowa. Series: Polish Philology. Linguistics]*, Częstochowa: Publishing House of the Academy. Jan Długosch in Częstochowa Publ., V, s. 35–60. [Online]. Available at: http://www.ifp.ajd.czest.pl/media/domeny/131/download/językoznawstwo_V.pdf (accessed 10.10.2019). (In Polish)

Kochański, W., Klebanowska, B., Markowski, A. (1989) *O dobrej i złtej polszczyźnie. [About good and bad Polish]*. Warsaw: Universal Knowledge Publ., 380 s. (In Polish)

Korp IPI PAN — Corps developed at the Institute of Computer Science of the Polish Academy of Sciences. [Online] Available from: [http:// http://korpus.pl/](http://http://korpus.pl/). (Accessed: 12.12.2019). (In Polish).

Wiśniewski, M. (1993) Składniowa charakterystyka tzw. imiesłowów we współczesnej polszczyźnie. [The syntactic characterization of the so-called adverb in modern Polish]. *Kujawsko-Pomorska Digital Library – Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Filologia Polska [Kujawsko-Pomorska Digital Library – Acta Universitatis Nicolai Copernici. Social sciences. Polish philology]*, 42 (268), s. 64–73. [Online]. Available at: <http://kpbc.ukw.edu.pl/dlibra/plain-content?id=20662> (accessed 10.10.2019). (In Polish)

Владимир Михайлович Труб

доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
ведущий научный сотрудник
Институт украинского языка Национальной Академии наук Украины
4, ул. Грушевского, Киев, 01001, Украина
trub44@ukr.net, 38-093-019-87-34

Volodymyr Mykhajlovych Trub

doctor of philology, senior researcher, leading researcher
Institute of Ukrainian of the National Academy of Science of Ukraine
4, Hrushevsky str., Kyiv, 01001, Ukraine
trub44@ukr.net, 38-093-019-87-34

О некоторых факторах, влияющих на варьирование видовых глагольных значений

Аннотация. Среди разнообразных аспектов функционирования глагольного вида привлекает внимание разнообразие видовых значений, которые возникают под влиянием варьирования временных форм глаголов и их сочетаемости. Эти явления рассматриваются в статье в первую очередь на примерах глаголов передвижения (в частности — форм НСВ глаголов прибытия) с заполненной (или анафорически компрессированной) валентностью конечной точки. Они сочетаются с темпоральными обстоятельствами, указывающими как на неоднократность соответствующего действия, так и на уникальный момент или уникальный временной интервал. В первом случае речь идёт о периодически повторяемом двунаправленном действии в любой временной перспективе, тогда как во втором говорится о двунаправленном однократном, которое имело место в прошлом.

Отчасти похожим образом ведут себя глаголы итеративного передвижения с заполненной валентностью конечной точки в сочетании с обстоятельством неоднократности, которое хорошо согласуется со значением итеративного глагола. Однако в настоящем времени эти глаголы абсолютно несовместимы с обстоятельствами, указывающими на уникальный временной показатель.

Наряду с иными свойствами глаголов передвижения рассмотрены особенности поведения других форм НСВ прош., в частности условия сохранения или несохранения состояний или результатов целостных однократных действий, описываемых данными глаголами в утвердительных и отрица-

тельных предложениях. При этом отдельно анализируются случаи обозначения формами НСВ прош. информации, образующей асертивную часть предложения и, с другой стороны, случаи, когда аналогичная информация образует прагматическую презумпцию.

Проанализированный материал убедительно свидетельствует о важности дальнейших исследований нетривиальных изменений видовых значений при варьировании временных форм глаголов, их сочетаемости и дискурсивного окружения.

Ключевые слова: видовое значение, варьирование, совершенный вид, несовершенный вид, однократность, неоднократность, двунаправленность, сохранение результата, прагматическая презумпция, асерция.

On some factors influencing upon the variation of aspectual verbal meanings

Summary. Among the different aspects of functioning of the verbal aspect special attention is attracted to the variety of aspectual meanings that arise under the influence of variation of temporal verbal forms and their combinatory power.

In the first place this phenomenon is considered in the article on examples of the verbs of movement (particularly imperfective forms of the verbs of arrival) with the filled (or empty in the function of anaphora) valence of the end point. These verbs combine with adverbial modifiers of time indicating the repeated action as well as the single moment or a single temporal interval. In the first case they express repeated bidirectional actions in any temporal perspective while in the second case they express a single bidirectional action that took place in the past. A similar behavior is showed with the verbs of iterative movement in their combination with adverbial modifiers of frequency which accord well with the meaning of iterative verb. However in the present tense these verbs are absolutely incompatible with adverbial modifiers indicating a unique temporal interval.

Along with other properties of the verbs of movement the peculiarities of behavior of another type of imperfective verbs in the past tense were observed, in particular the conditions of conservation or non-conservation of results of integral single actions which are designated by these verbs in affirmative and negative sentences. At the same time the author separately analyses cases of indicating assertive information and on the other hand — cases, when imperfective verbs in the past indicate information that corresponds to the pragmatic presupposition.

The material being observed brings out clearly the importance of the further research on nontrivial changes of aspectual meanings in the result of variation of the verbs' temporal forms, their combinatory power and discursive environment.

Key words: aspectual meaning, variation, perfect aspect, imperfect aspect, single action, repeated action, bidirectional action, conservation of result, pragmatic presupposition, assertion.

Введение

При исследовании разнообразных аспектов функционирования глагольного вида трудно не обратить внимания на многообразие видовых значений, которые возникают под влиянием варьирования временных форм глаголов и их сочетаемости. Эти явления особенно ярко проявляются у глаголов движения, которые образуют особую аспектуальную подсистему в русском языке.

1. Анализ ряда глаголов движения

Рассмотрим, напр., формы несовершенного вида (НСВ) глаголов прибытия (вторичных имперфективов, образованных от **глаголов определённого движения** (Анна Зализняк, Микаэлян, Шмелёв 2015, 99) типа *ехать*) с заполненной (или анафорически компрессированной) валентностью конечной точки. Примечательно, что эти формы свободно сочетаются с темпоральными обстоятельствами, указывающими как на неоднократность соответствующего действия (1), так и на уникальный момент или уникальный временной интервал (2):

- (1) *Он часто (иногда, время от времени, по субботам...) приезжал (приезжает, будет приезжать) (прилетал...) в Лондон;*
- (2) *Он однажды (позавчера, прошлым летом...) приезжал*

В этих примерах значение *приезжать* модифицируется по-разному. В (1) речь идёт о периодически повторяемом двунаправленном действии, тогда как в (2) говорится о двунаправленном однократном, которое имело место в прошлом.

Отчасти похожим образом ведут себя **глаголы неопределённого движения второго типа** (Анна Зализняк, Микаэлян, Шмелёв 2015, 100). Они указывают на целенаправленное обратимое повторяемое перемещение субъекта в другую точку. При этом обстоятельства многократности хорошо согласуются со значением периодичности, которое органически присуще данным глаголам:

- (3) *Он часто (иногда, время от времени, по субботам...) ездил (ездит) в Лондон*

Однако в настоящем (как и в будущем) времени эти глаголы абсолютно несовместимы с обстоятельствами, указывающими на уникальный временной отрезок:

- (4) *Он в субботу (завтра, в конце июня...) ездит (летает...) (будет ездить) в Лондон/

Ведь органически свойственное этим глаголам значение неоднократности входит в противоречие со значением однократности, навязываемом обстоятельством.

Между тем глаголы определённого движения прибытия (как и другие глаголы движения) в настоящем времени свободно употребляются, реализуя значение «предстояния» (Падучева 1996, 115):

- (5) Он в субботу (завтра, в конце июня...) приезжает (уезжает, едет...) в Лондон

В то же время в прошедшем времени глаголы неопределённого движения вполне могут сочетаться с такими обстоятельствами, приобретая значение однократности:

- (6) Он в субботу (в конце июня, прошлым летом...) ездил (летал...) в Лондон

Таким образом, значение многократности, которое данные обстоятельства «не в силах» победить в настоящем и будущем времени, в прошедшем времени может быть ими подавлено. В результате формы НСВ глаголов неопределённого движения становятся квазисинонимичными соотносимым с ними формам совершенного вида (СВ) (съездить, слетать):

- (7) Он в субботу (вчера, в конце июня...) съездил (слетал...) в Лондон

В отличие от рассмотренных глаголов форма НСВ *бывать* сохраняет значение неоднократности независимо от варьирования её граммы времени (8) и несовместима с обозначениями уникальными временных отрезков (9):

- (8) Он часто (нередко, время от времени, по выходным...) бывал (бывает) в Лондоне, но:
(9) *Он в субботу (вчера, в конце июня...) бывал в Лондоне

С такими темпоральными обстоятельствами закономерно сочетается лишь форма СВ *побывать*, указывающая на однократность события:

(10) *Он в субботу (вчера, в конце июня...) побывал в Лондоне*

Аналогичным образом значение однократности приобретают формы СВ других рассмотренных глаголов:

(11) *Он в субботу (вчера, в конце июня...) приехал (прилетел, уехал, улетел...) в Лондон*

Как было показано, в отличие от *бывать*, однократность действия в прошедшем времени могут обозначать и формы НСВ глаголов определённого и неопределённого движения — ср. (2) и (6).

Перфектное значение сохранения результата действия (локализации субъекта в новом месте или его отсутствия в начальной точке) имеют только формы СВ глаголов определённого движения, указывающие на прибытие и отправление — ср. (11). Формы же СВ глаголов неопределённого движения, как и форма СВ *побывать* сохраняют значение двунаправленности — ср. (7) и (10).

2. Сохранение / несохранение ситуаций, обозначаемых глаголами НСВ прош.

В проанализированных примерах термин «двунаправленность» используется для обозначения несохранения результатов передвижений, описываемых рассматриваемыми глаголами. Представляет интерес анализ условий сохранения или несохранения состояний или результатов целостных однократных действий, описываемых другими глагольными формами НСВ прош. в «общефактическом» значении. Далее на конкретных примерах рассматриваются особенности поведения таких глагольных форм в утвердительных и отрицательных предложениях. В процессе анализа материала стала очевидной целесообразность отдельного рассмотрения случаев обозначения формами НСВ прош. информации, образующей асертивную часть предложения и, с другой стороны, случаев, когда аналогичная информация образует прагматическую презумпцию. Перейдём к рассмотрению примеров.

2.1. Асертивные значения глаголов НСВ прош.

(12a) Суд **избирал** меру пресечения двум правоохранителям в виде содержания под стражей сроком на 60 дней;

(12б) Его **обвиняли** в контрреволюционной деятельности

В (12a–12б) речь идёт о целостных однократных действиях (была избрана мера пресечения, было выдвинуто обвинение), которые как

бы «принадлежат истории», т. е. с точки зрения говорящего находятся за пределами времени говорящего (ВГ) (Апресян 1986) со стороны прошлого.

- (13а) *Обоих правоохранителей уволяли из ОВД, но потом возобновили на работе;*
(13б) *Нас вынуждали заплатить 60 тысяч за обновление электроснабжения;*
(13в) *В Белом доме пытались заблокировать доступ к стенограмме разговора Зеленского и Трампа*

(13а–13в) содержат имплицитное указание на разные «срезы» развития одной и той же ситуации. Первоначальный «срез», выходящий за пределы ВГ в прошлом, указывает соответственно на то, что оба правоохранителя были уволены из ОВД, что лица (рассказчики) были побуждены заплатить 60 тысяч за обновление электроснабжения и что в Белом доме пытались заблокировать доступ к стенограмме. В то же время последующий срез развития ситуации, который входит в ВГ, отражает несохранение результатов среза предыдущего (правоохранителей возобновили на работе, рассказчики уже не обязаны платить 60 тысяч, а попытка Белого дома заблокировать доступ к стенограмме оказалась безуспешной). Таким образом на втором срезе происходит восстановление того положения дел, которое имело место до наступления первоначального среза. При этом указание на несохранение результатов предыдущего среза достигается разными средствами. В (13а) эксплицитно сообщается, что оба правоохранителя были возобновлены на работе; в (13б) рассказчики, будучи непосредственными участниками описываемой ими ситуации, не могут не знать, что имеет место в их ВГ. Употребляя форму НСВ прош. *вынуждали* (ведь форма СВ *вынудили* указывала бы, что соответствующая сумма была ими уплачена), они тем самым свидетельствуют, что ситуация вымогательства этой суммы осталась за пределами ВГ в прошлом. А в (13в) сам факт употребления глагола *пытаться* в прошедшем времени без указания на положительный результат попытки однозначно свидетельствует о её безуспешности.

2.2. Презумптивные значения глаголов НСВ прош.

Далее рассмотрим примеры, в которых формы НСВ прош. употреблены в акциональном значении (Падучева 1996):

- (14а) *Зимний дворец строил Растрелли;*
14б *Как убивали Павла 1-го* (заголовок — обозначение темы текста, повествующего о подробностях убийства Павла 1-го);

(14в) *Кто заполнял (эту) анкету?* (модификация примера из (Мелиг 2015, 350))

Как известно (ср. (Падучева 1996)), акциональное значение НСВ предусматривает, что компонент ‘результативность’ описываемого действия присутствует в контексте, указывающем на известное положение дел, которое образует прагматическую презумпцию (здесь — реальное наличие Зимнего дворца, общеизвестной информации о том, что Павла 1-го давно нет в живых, конкретного экземпляра полностью или частично заполненной анкеты). Сам же компонент ‘результативность’ в значении формы НСВ не входит. Тем самым в (14а—14в) употребление форм НСВ прош. «разделяет» время существования известного положения дел и, с другой стороны — **каузации** этого существующего положения. При этом сохранённый результат каузации входит в ВГ, а действие, приведшее к этому сохранённому результату (процесс строительства Зимнего дворца, само убийство Павла 1-го, процесс заполнения анкеты) представлено как выходящее за пределы ВГ в прошлом. Другой пример:

(14г) *Я уезжала в Англию из Облэнерго*

Пример (14г) погружён в контекст, из которого известно, что рассказчица давно эмигрировала и в настоящее время живёт в Англии. Утверждается, что непосредственно перед отъездом в Англию она работала в Облэнерго, т. е. её работа в Облэнерго подаётся как «вид, способ» предстояния (Падучева 1996, 115) её отъезду. Таким образом, работа рассказчицы в Облэнерго, как и её отъезд, представлены как выходящие за пределы ВГ в прошлое, а её проживание в Англии входит в ВГ.

Несколько иной тип соотношения между компонентом ‘результативность’ и значением формы НСВ прош. представлен в неоднократно обсуждавшемся в литературе (ср. (Падучева 1996, 64; Шатуновский 2009, 173)) примере (14д):

(14д) *Должна быть у вас моя карточка. Я записывался*

Как справедливо отмечает И. Б. Шатуновский, в данном случае результативность носит предположительный характер. Источником уверенности говорящего о наличии карточки является не факт, известный из контекста, а высоковероятный вывод на основании того, что действие, обозначенное формой НСВ, относится к множеству однородных событий определённого типа: всегда, когда люди записываются, на них заводится карточка. При этом предполагаемое наличие карточки входит в ВГ, а факт записи в библиотеку выходит за пределы ВГ в прошлое.

Заметим, что при употреблении тех же глагольных форм СВ — ср.:

(14а') *Зимний дворец построил Растрелли;*

(14б') *Как убили Павла I-го;*

(14в') *Кто заполнил (эту) анкету?;*

(14г') *Я уехала в Англию из Облэнерго;*

(14д') *Должна быть у вас моя карточка. Я записался*

никакого «разделения» времён каузации результата и его существования не происходит.

Интересно, что в ряде случаев характер интерпретации примеров может зависеть от актуального членения фразы. Ср. (14а''), где при сохранении изначальной глагольной формы НСВ прош. имя *Растрелли* входит не в ремагическую часть предложения, как в (14а), а образует его тему:

(14а'') *Растрелли строил Зимний дворец*

Легко видеть, что (14а'') интерпретируется по тому же типу, что и ранее рассмотренные примеры, описывающие целостную ситуацию, расположенную за пределами ВГ в прошлом, т. е. целиком принадлежащую истории.

2.3. Отрицательные формы не НСВ прош.

2.4. Перейдём к анализу примеров, содержащих отрицательные формы не НСВ прош.:

(15) (15а) *Файл не открывался;*

(15б) *У меня на квартире никто охрану не выставлял;*

(15в) *Раскольников сказал, что не убивал старуху-процентщицу*

(15а–15б), в которых фигурирует отрицание, закономерно опираются на презумпции, что ранее кто-то собирался открыть файл и на предположения, что файл был открыт и что в квартире говорящего была выставлена охрана. При этом имеется в виду, что безуспешная попытка открытия файла и отсутствие каких-либо действий по выставлению охраны квартиры относятся к прошлому, выходящему за пределы ВГ. В то же время использование отрицательных форм СВ относит те же ситуации к ВГ:

(15а') *Файл не открылся;*

(15б') *У меня на квартире никто охрану не выставил*

Пример (15в), в котором отрицание содержится в придаточном предложении, опирается на актуализованную фактивную прагмати-

ческую презумпцию ‘старуха-процентщица убита; в её убийстве подозревают Раскольников’. Ассертивную часть значения (15в) можно представить как:

(15в) \approx ‘Раскольников сказал, что непричастен к убийству старухи-процентщицы (т. е. что тот, кто убил — не Раскольников) и что он не знает, кто убил’.

Нормативно указание о том, что некто не был участником фактивного события, имевшего место ранее (здесь — о том, что Раскольников не причастен к убийству) маркируется структурой *не P НСВ прош.* — (ср. *не убивал* в (15в)). Напротив, функция неосуществления предполагаемого (ожидаемого) события маркируется формой *не P СВ* — ср.:

(15в') *Раскольников не убил старуху-процентщицу*

(15в') опирается на ожидание того, что Раскольников убьёт старуху, но констатирует, что Раскольников не предпринял никаких усилий для её умерщвления, т. е. что старуха осталась жива.

Заметим, что в (15а–15в) структура *не P НСВ прош.* служит для опровержения предположения, согласно которому ситуация P (открытие файла, выставление охраны квартиры, убийство старухи Раскольниковым) могло иметь место **ранее**, т. е. до возникновения этого мнения. В то же время в (15а'–15в') структура *не P СВ* указывает на неосуществление тех же событий, мнение (ожидание) о которых **предшествует** их наступлению. При этом обе структуры предусматривают, что мнение о P (как предшествующее, так и апостериорное) входит то ли в ВГ, то ли в рассматриваемый актуальный период.

Одним из многочисленных контекстов актуализации мнений, которые становятся объектом последующего опровержения, является контекст диалога. Ср. пример, приведенный (с несколько иной интерпретацией) в работе (Падучева 1993):

- (16) (16а) — *Обратитесь к Пантюхиной;*
(16б) — *Я к ней уже обращался (обратился)*

Важно подчеркнуть, что ответная реплика (16б) помимо прочего выполняет функцию скрытого отрицания. Первый участник диалога даёт совет, исходя из предположения (или даже уверенности), что его адресат ранее к Пантюхиной не обращался, так как не допускал, что такое обращение может помочь решить его проблему. В то же время ответная реплика адресата, сформированная на основе конструкций *уже + НСВ прош.* или *уже + СВ*, содержит в себе скрытое отрицание, указывающее на ошибочность исходного предположения первого участника:

(166') 'То, что я ранее не обращался (не обратился) к Пантюхиной, неверно \approx Я ранее не (не обращался) (не (не обратился)) к Пантюхиной, а обращался (обратился)'.

При этом обе формы *НСВ прош. обращался / СВ обратился* указывают на одно и то же одноактное событие обращения. Функция же данного видового противопоставления в (166) состоит в том, что форма *НСВ прош.* указывает на безрезультатность обращения к Пантюхиной, а форма *СВ* — на то, что оно привело к нужному результату. Отрицательный результат обращения маркируется формой *НСВ* в силу его бесполезности и тем самым второй участник относит это обращение за пределы своего ВГ в прошлое. В то же время эффективность обращения делает его актуальным, важным, в связи с чем оно маркируется формой *СВ* и попадает в ВГ второго участника.

Как представляется, анализируемый материал служит достаточным обоснованием важности дальнейших исследований нетривиальных изменений видовых значений при варьировании временных форм глаголов, их сочетаемости и дискурсивного окружения.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян, Ю. Д. (1986) Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. *Семиотика и информатика*. М. — Вып. 28 — С. 5–33.

Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелёв А. Д. (2015) *Русская аспектология: В защиту видовой пары*. М.: Языки славянской культуры (Studia philologica) — 350 с.

Мелиг, Х. Р. (2015) Бытийность и категория вида в русском языке. В кн.: Р. Бенаккьо (ред.) *Глагольный вид: Грамматическое значение и контекст*. München — Berlin — Washington/D. C. Verlag Otto Sagner, С. 335–357.

Падучева, Е. В. (1993) О так называемой конкуренции совершенного и несовершенного вида. *Wiener Slawistischer Almanach*. Band 31, Wien, S. 259–273.

Падучева Е. В. (1996) *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.: Языки русской культуры. — 464с.

Шатуновский И. Б. (2009) *Проблемы русского вида*. М.: Языки славянских культур. — 350с.

REFERENCES

Aprjesjan, Ju. (1986) Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira. [Deixis in vocabulary and grammar and naïve model of the world] *Semiotika i informatika — Semiotics and information science* М., 28, P. 5–33 (In Russian).

Zaliznyak Anna, Mikaelyan I., Shmel'ov A. (2015). Russkaja aspektologija: V zashchitu vidovoj pary. [*Russian aspectology: Defending an aspectual pair*]. М.:

Jazyki slavianskoj kul'tury — The languages of Slavonic cultures. — 350 p. (In Russian).

Mehlig, H. (2015) Bytijnost' i kategorija vida v rusckom jazyke. [Existence and a category of aspect in Russian] Benacchio, R. (ed.). *Glagol'nyj vid: Grammatičeskoje znachenije i context — The verbal aspect: Grammatical meaning and context*. München — Berlin — Washington D. C. Verlag Otto Sagner, P. 335–357 (In Russian).

Paduceva, Je. (1993) O tak nazyvajemoj konkurencii sovershennogo i nesovershennogo vida. [On the so called competition of perfect and imperfect aspect] *Wiener Slawistischer Almanach*. Band 31, Wien, S. 259–273 (In Russian).

Paduceva, Je. (1996). *Semantičeskije issledovanija. Semantika vremeni i vida v rusckom jazyke. Semantika narrativa*. [Semantic researches. Semantics of time and aspect in Russian. Semantics of narrative] M.: Shkola: Jazyki rusckoj kul'tury — The school: The languages of russian culture. — 464 p. (In Russian).

Šatunovskij, I. *Problemy rusckogo vida* [The problems of Russian aspect] M.: Jazyki rusckoj kul'tur — The languages of Slavonic cultures. — 350 p. (In Russian).

Мария Дмитриевна Воейкова

доктор филологических наук, доцент
зав. отделом теории грамматики ИЛИ РАН — СПбГУ
Тучков пер. 9, 199053 Санкт-Петербург Россия
maria.voeikova@gmail.com

Maria Dmitrievna Voeikova

Dr. Phil., Docent, Head of the Department of Grammar Theory
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences —
Saint Petersburg State University
Tuchkov per. 9 199053, Saint Petersburg Russia
maria.voeikova@gmail.com

**Конструкции прерывания действия
с инфинитивом типа «прекратите паясничать»
в русском языке**

Аннотация. В статье рассматриваются глаголы и прилагательные, каузирующие прерывание действия, типа *прекратите паясничать, хорош шуметь, хватит орать* с точки зрения взаимной избирательности предиката и инфинитива НСВ. В поле зрения попадают такие особенности данных предикатов, как склонность к разным видам зависимых, лексические предпочтения в выборе инфинитива, формальный статус и возможные гипотезы происхождения. Демонстрируется, что рассматриваемые предикаты мало различаются по лексической сочетаемости с инфинитивом, однако у них ясно прослеживаются различия в грамматическом выборе зависимых: так, при некоторых из них почти не встречаются существительные в косвенных падежах, в других случаях они распространены. Глаголы сходной семантики (например, *перестать* и *прекратить*) могут резко различаться по данному признаку. Предикаты этого типа можно разделить на исходно глагольные и исходно адъективные, а по своей семантике они делятся на терминативные и интерраптивные, в зависимости от того, в какой фазе может быть прервано нежелательное действие. Большинство рассмотренных предикатов являются глагольными формами, однако некоторые (*полно, довольно*) обладают признаками кратких прилагательных, а для некоторых формальный статус определяется с трудом (*хорош* + инф). Предикаты этого класса встраиваются в более широкую систему предикатов безнадежной попытки, которая также распространяется на сферу НСВ.

Ключевые слова: предикаты, каузирующие прекращение действия, инфинитив НСВ, лексическая сочетаемость, грамматическая избирательность, конструкция.

Causative constructions with the function of the interruption of an action of the type *prekratite pajasničat'* 'stop clowning around' in modern Russian

Summary. The paper deals with some verb and adjective forms used as predicates that cause the interruption of an undesirable action of the type *prekratite pajasničat'* 'stop clowning around', *xoroš šumet'* 'stop making noise', *xvatit orat'* 'stop screaming'. They are examined for the mutual preferences between the predicates and dependent imperfective infinitives. Special paragraphs are dedicated to their preference for certain types of dependents, lexical choice of the infinitives, formal characteristics and possible explanation of their origin. It is demonstrated that such predicates have similar lexical choice of the infinitives, however, they differ greatly by the grammatical choice of their dependents: some of them are not able to govern nomina agentis, whereas others do. Synonymous verbs (like *perestat'* and *prekratit'* 'to stop') can be opposed by their ability to govern nouns. These predicates may be classified into originally verbal and originally adjectival. According to their semantic differences, they may be divided into terminative and interruptive ones due to the different phases of the action to be stopped. Most of these predicates are verb forms, however, some of them (like *polno, dovol'no* 'enough') rather conserve the characteristics of adjectives, whereas some of such predicates are not yet specified for certain grammatical class (e. g. *xoroš* 'good' + Inf). The predicates of this class refer to the more general class of the predicates of 'hopeless effort' that are also characterized by dependent imperfective infinitives.

Key words: causative predicates, interruption of action, imperfective infinitive, lexical choice, grammatical preferences, construction.

К постановке проблемы

В статье рассматриваются императивные конструкции, каузирующие прерывание действия, типа *прекратите паясничать, хорош шуметь, хватит орать* с точки зрения взаимной избирательности предиката и инфинитива НСВ. Конструкции этого типа в литературе получили название «прохибитивного континуатива» (Рахилина 2013, 667–668), которое следует понимать как запрет на продолжение действия. Поскольку латинский термин можно перевести и как 'продолжительный запрет', или 'запретное продолжение', мы будем для простоты и большей ясности здесь использовать его русский экви-

валент. Специфика этих конструкций состоит в том, что в них используются специальные исходно глагольные или исходно адъективные предикаты со значением прекращения действия в сочетании с инфинитивами НСВ, *nomina agentis* и сходными с ними по семантике именами или просто без зависимых (ср. примеры 1–3)¹²⁷. В последнем случае речь идет о прерывании того действия, которое адресат сообщения совершает в данный момент, т. е. наблюдается распространенный в данном случае ситуативный эллипсис.

- (1) *Родители сказали /«Хватит экспериментировать / занимайтесь делом / всё».* [Красота земная. Тутаев. «Письма из провинции» (Т/к «Культура») (2009)]
- (2) [Женский голос, жен] *а выпуск четвёртого изделия временно прекратите.* [Аркадий Райкин и др. Люди и манекены, к/ф (1974)]
- (3) **Прекратите!** *Одевайте его шубу... Идите / будто вы он в мотор! Ну!* [Элем Климов, Семен Лунгин, Илья Нусинов. Агония, к/ф (1974)]

Несмотря на кажущуюся композициональность этих синтаксических образований, они обладают значительной степенью связанности. Она проявляется, в первую очередь в ограничениях на временную форму основного глагола, если он не в императиве. Так, невозможно употребить связку в исходно адъективных предикатах (ср. **хорош было шуметь*, **довольно будет издеваться*) или изменить время глагола в финитных формах (**хватило грубить матери*). Единственно возможной модификацией является мена императива на форму прошедшего времени «грубого приказа», ср. *прекратите разговаривать* и *прекратили разговоры*. Только такие замены не противоречат императивной функции этих предикатов, которые, как и прототипические для прохибитива глагольные формы, находятся вне грамматического времени, хотя действие прескрипции распространяется, как правило, на настоящее и ближайшее будущее. Некоторым отступлением от этого правила служат не локализованные во времени высказывания, имеющие характер общей рекомендации, ср. (4):

- (4) [Симон Шноль, ученый, муж] *Мужественный человек/ он мне сказал/ немедленно бросьте все остальные занятия/ прекратите отвлечения/ делайте только эти опыты.* [Симон Шноль. Космофизические факторы в случайных процессах. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)]

¹²⁷ Все примеры взяты из Устного подкорпуса НКРЯ, www.ruscorpora.ru.

Несмотря на кажущуюся отнесенность к ближайшему будущему (*немедленно бросьте*), рекомендация, высказанная в (4), выходит далеко за его рамки и распространяется на все гипотетические занятия и опыты в будущем. Подобные высказывания характеризуются множественностью и обобщенной референцией объектов (*остальные занятия, отвлечения*), что характерно в целом для временной нелокализации, ср. ее основные признаки в (Смирнов 2011, 178).

Общими семантическими признаками конструкций прерывания действия является, по мнению Е. В. Рахилиной, их связь с лексическим значением основных предикатов, независимо от их исходной частеречной принадлежности, мультипликативное представление действия, обозначенного инфинитивом и отрицательная оценка или ощущение избыточности тех действий, которые хочет прервать говорящий, до такой степени, «что в их контексте любое доброе дело переинтерпретируется как вредное или неуместное» (Рахилина 2013, 669). Общим грамматическим признаком этих конструкций можно считать НСВ зависимого инфинитива, так что замена вида инфинитива на СВ автоматически влечет за собой реинтерпретацию основного глагола, ср. (5):

- (5) [52, Ася Клячина, жен] *Мне много чего надо / Стёпа / денег не хватит / откупиться*. [Андрей Кончаловский, Юрий Клепиков. История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж, к/ф (1988)]

Употребление инфинитива СВ и наличие при глаголе дополнения немедленно сообщает инфинитиву семантику цели и разрушает конструкцию. Обязательность НСВ сближает эти высказывания с другими прохибитивными, ср. *не надо грубить старшим, нельзя курить, сорить, шуметь* и т. д. ср. анализ конструкций *нельзя* + инф. СВ и НСВ в (Шмелев 2012, 613–614), где употребление НСВ в прохибитиве связывается с семантикой общего запрета, в то время как допустимая после *нельзя* форма СВ может иметь другие, дополнительные семантические признаки. Такая интерпретация хорошо объясняет контраст форм СВ и НСВ после *нельзя*. В наших конструкциях мена НСВ на СВ разрушает саму прохибитивную трактовку. Да и ситуация, которая передается высказываниями с *нельзя*, сильно отличается от данной: в случаях с *нельзя* запрет осуществляется чаще всего на фоне еще не начатого действия, в то время как в нашем случае нежелательное действие уже происходит и требует жесткого запрета. Таким образом, НСВ оказывается постоянным грамматическим признаком данных конструкций, на его фоне проявляются раз-

личные оттенки семантики запрета и прерывания нежелательного действия.

Для лингвистики каталогизирующей и учебной остается не вполне решенным вопрос о частеречной принадлежности некоторых предикатов, особенно исходно адъективных. Для лингвистики аналитической существенен также вопрос о взаимной избирательности основного предиката и инфинитива, идея о том, что, хотя все предикаты передают семантику каузации прекращения нежелательных действий, одни все же более специализированы, чем другие. На это указывает и статья Е. В. Рахилиной, где говорится, в частности, о семантических различиях между формами *прекрати* / *перестань*, не способными к сочетаемости с количественными объектами, и *хватит*, в равной степени способным сочетаться как с объектом (*хватит уже воды*), так и с инфинитивом (*хватит мудрить*) (Рахилина 2013, 669). Предикаты этого типа можно разделить на исходно глагольные и исходно адъективные, а по своей семантике они делятся на терминативные (*кончай, хорош, довольно, хватит*) и интеррагивные (*прекрати, перестань*), в зависимости от того, в какой фазе может быть прервано нежелательное действие. В первом случае действие воспринимается как доведенное до логического конца, во втором случае, оно находится в процессе осуществления и должно быть пресечено до логического завершения или до того, как слушающий сам захочет завершить его.

Семантические различия, на наш взгляд, обусловлены различным происхождением функционально близких, но формально очень разных предикатов, а возможно, и их деривационной структурой. Этой проблеме в основном и посвящена данная статья, хотя «номенклатурный» элемент для нас также интересен, поскольку эти предикаты нуждаются в частеречной трактовке и описании с формальной точки зрения¹²⁸. Для анализа этих вопросов мы будем рассматривать сочетаемость разных предикатов с их зависимыми и ее возможные последствия.

Склонность к различным видам зависимых

Как упоминалось выше, рассматриваемые нами предикаты могут присоединять инфинитив, имена действия или совсем не иметь зависимых, распространяя прескрипцию на текущее, но не названное в высказывании действие. Поскольку все они характерны для диалогической разговорной речи, эллиптические модификации рассма-

¹²⁸ Я благодарна Н. В. Богдановой-Бегларян за то, что она привлекла мое внимание к этой проблеме.

триваются нами здесь как полноправная вариация конструкции, не нуждающаяся в достраивании¹²⁹.

Таблица 1

**Три вида зависимых различных предикатов
прерывания действия и их доли
в общем числе употреблений данных конструкций**

Table 1

**Three types of dependents of the causative verbs
of interruption of an action and their share
to all examples of such constructions**

Предикат	Общее число примеров	1. Инфинитив НСВ	2. Имя действия	3. Эллипсис	Доля зависимых в процентах
Хватит	390	138	2	250	35/1/64
Перестань/-те	273	139	0	134	51/0/49
Прекрати/-те	157	49	34	74	31/22/47
Довольно	81	23	2	56	28/2/69
Кончай/-те	72	32	20	20	44/28/28
Хорош	29	15	0	14	50/0/50

Количественное соотношение примеров с различными предикатами и разными видами зависимых представлено в таблице 1. Как показывают подсчеты, наиболее частотными являются конструкции с исходно глагольными предикатами. Исходно адъективные *хорош* и *довольно* менее частотны и мало приспособлены к присоединению имен действия. Последние могут оформляться винительным (при предикатах *прекрати/-те* и *кончай/-те*) или родительным (при предикатах *хватит* и *довольно*) падежами, ср. (6–7):

- (6) [22, Рома, муж] **Прекрати издевательство!** [Генрих Оганесян, Сергей Михалков. Три плюс два, к/ф (1963)]
- (7) [53, Пуришкевич, муж] **Хватит диссертаций!** *Это надо прекратить любым способом / а значит / убить!* [Элем Климов и др.. Агония, к/ф (1974)]

¹²⁹ Поиск осуществлялся по отдельности для всех видов зависимых, причем команда предусматривала контактное расположение предиката с зависимыми. Эллиптические употребления задавались поиском восклицательного знака после предиката. Иными словами, погрешности возможны, однако доля неправильных примеров во всех выборках не превышала одного-двух, за исключением эллиптического употребления слова *хорош!* В этом случае пришлось просмотреть все контексты вручную, так как доля неимперативных употреблений составляла около половины случаев.

По-видимому, скудная доля сочетаний с именами действия объясняется в случае (7) нежелательной омонимией с высказываниями непрохибитивной функции, ср. (8):

- (8) [51, Маргадон, муж] *Для бегства у меня хватит мужества!* [Марк Захаров, Григорий Горин, Алексей Толстой. Формула любви, к/ф (1984)]

Формальное различие между (7) и (8) состоит только в том, что во втором случае употреблена посессивная формула *у меня* (возможна и модификация *мне хватит мужества*). Но и это не позволяет четко разграничить оба случая: в примере (7) дательный падеж тоже возможен (*хватит нам диссертаций!*), только с другим порядком компонентов. Однако порядок слов в русском языке не может быть достаточным критерием разграничения, поэтому, вероятно, говорящие избегают двусмысленных выражений.

Способность употребляться в эллиптических императивных высказываниях в целом пропорциональна общему числу употреблений, поэтому исходно адекватные предикаты и тут проигрывают исходно глагольным. В случае с *хорош* снова играет роль нежелательная омонимия с прилагательным в роли именной части сказуемого, ср. (9):

- (9) [53, Мартин, муж] *Главное дело / невежа! А сам-то хороши! Белке спасибо / а мне?* [Владимир Полковников и др. Заколдованный мальчик, м/ф (1955)]

В обычном случае омонимия разрешается тем, что в высказываниях типа (9) содержится прямое указание на субъект (*сам-то, ты, ой*) или общий контекст качественной характеристики. Высказывания с семантикой прекращения действия встречаются в императивном контексте (*хорош, не заливай; хорош, объявляй следующего*). Это позволяет слушателю легко уловить, какая из модификаций эллиптического высказывания прозвучала — квалитативная или императивная. Существенен также выбор зависимого инфинитива: разные предикаты, как кажется, демонстрируют здесь особенные предпочтения.

Склонность к различным инфинитивам

В нашей выборке многие зависимые инфинитивы часто повторяются. Так, после предиката *хорош* употреблены инфинитивы глаголов реального контролируемого действия: *орать, трепаться, ржать, пыхтеть, пить, танцевать, тереть (=разговаривать), разговаривать*. Заметно, что большинство из них обозначают вербальную деятельность. Эти же глаголы легко могут употребляться и после

предиката *довольно*, однако еще чаще после него встречаются глаголы обобщающей оценки, которые в первой выборке отсутствуют: *миндальничать, кукситься, изворачиваться, придуриваться, секретничать, зубоскалить, баловаться, прятаться за рационализацию, паясничать, болтаться без дела*. Иными словами, в последнем случае возникает разногласие в оценке действия говорящим и адресатом: говорящий интерпретирует действия адресата в невыгодном для него свете. Разумеется, речь идет не о жестких предпочтениях, запретах или правилах, а о некоторой статистической тенденции, которая, к тому же, может не выдержать проверки на более обширном материале, однако сама эта тенденция представляется естественным свойством хотя бы в какой-то степени некомпозициональных конструкций: говорящий, употребляя их, идет «по накатанной дорожке», все менее затрудняя себя как грамматическим, так и лексическим выбором.

После предиката *хватит*, помимо уже перечисленных глаголов вербальной реакции (*болтать, ворчать, балаболить, трендеть, знать, базарить* и их синонимы) и негативной обобщающей оценки поведения (*морочить голову, дуться, иронизировать, докапываться до слов, причитать, издеваться, истерить, лодырничать, пререкаться* и т. д.) встречаются также глаголы, обозначающие «общественно порицаемые» действия и состояния (*пить, курить, жрать, дрыхнуть, валяться, ругаться, реветь, кривляться, врать, ныть* и т. д.). Выделенные группы инфинитивов частично пересекаются, и необходимо еще выработать дополнительные семантические критерии их выделения. В случае отрицательной оценки своих действий слушающий вполне может в ответной реплике применить критерий «безошибочного разногласия» (Kölbel 2002; Umbach 2014, 1), отвергая негативную характеристику и давая свою интерпретацию (*я не истерю, причитаю, издеваюсь, я просто трезво оцениваю ситуацию*). Мы рассматриваем здесь распространенные речевые сценарии тривиального развертывания обыденного диалога, не требующие от говорящих слишком глубокого сосредоточения на лексическом выборе.

Исходно глагольные предикаты демонстрируют сходные предпочтения. Так, после *прекрати/-те* наиболее частотным инфинитивом является *орать*, соединяющий в себе семантику вербальной деятельности и ее негативной оценки, причем субъект действия, по всей видимости не контролирует именно громкость своих вербальных выражений, о чем ему и сообщает говорящий, который хочет их прекратить. Иными словами, в некоторых случаях отрицается вся деятельность, а иногда только ее аспекты или детали, особенно неконтролируемая часть деятельности. После *прекрати/-те* часто упо-

требляются инфинитивы со значением интерпретации деятельности, даже индивидуально-авторские, например, (10):

(10) [писатель, Измаилов, муж] *Вот если бы я был редактором / а Тюрин моим автором / я бы сказал / «Тюрин / прекратите «двенадцатистульничать»». Это у него есть / да!* [Заседание семинара Б. Стругацкого (1989)].

Пример (10) показывает, что при оценке чужих действий говорящие проявляют существенную изобретательность. Помимо таких экзотических глаголов, встречаются и более привычные — *хулиганить, ругаться матом, молоть чепуху, реветь, цитировать* (с отрицательной коннотацией), *причитывать, безобразничать* и т. п.

Предикат *перестань/-те* напоминает *прекрати/-те* по выбору и соотношению глаголов. Значительное место занимают глаголы негативной обобщающей оценки (*юродствовать, фантазировать, хулиганить, идиотничать, передразнивать маму, прогибаться перед Западом, кривляться, паясничать, разговаривать загадками, грубить, дурачиться, философствовать, пошлить, мямлишь* и т. п.). Важно, что употребление таких глаголов требует от говорящего обобщения различных действий субъекта, которые в совокупности интерпретируются как отрицательное поведение, ср. характерные для этих глаголов суффиксы *-ств-, -нича-* и т. д., подробнее в (Матханова 2013, 232–241).

Предикат *кончай/-те* вводит значительное число глаголов речи — *хохмить, трепаться, гнать, болтать, базарить, мутить, философствовать*. Остальные глаголы — уже знакомые нам неприязненные интерпретации чужого поведения — *бакланить, прикалываться, химичить, сачковать, придуриваться, безумствовать, филонить, бузить*. С этим предикатом встретились и два вполне безоценочных примера — *кончай работать* и *кончайте пить*.

Анализ лексического окружения предикатов, каузирующих прекращение действия показывает, что они мало различаются на уровне лексической сочетаемости. Все они способны присоединять 1) глаголы речи, 2) глаголы, обозначающие общественно порицаемые действия, 3) глаголы, отрицательно интерпретирующие нейтральные действия субъекта, 4) глаголы нейтрально оцениваемых действий.

Формальный статус предикатов, каузирующих прерывание действия

Остается вопрос о формальном (частеречном и синтаксическом) статусе предикатов рассматриваемых конструкций. Большая часть из них являются глагольными формами, частями составного глаголь-

ного сказуемого, наряду с обычными фазовыми глаголами. Это справедливо для императивных форм, таких как *прекрати, перестань, кончай*, характерных для определенно-личных предложений. Предикат *хватит*, по всей видимости, является безличным и допускает распространители в дат. падеже, ср. *хватит ему (тебе, мне) по чужим углам шататься*. Иными словами, если канонические императивные формы адресованы только слушающему или его окружению, то формы, отличные от императивных, могут использоваться и в отношении третьих лиц, и даже по отношению к себе, ср. (11):

- (11) *Царевич я. Довольно, стыдно мне Пред гордою полячкой унижаться* (А. С. Пушкин. Борис Годунов)

Хотя в примере (11) употребляется эллиптическая форма без распространителей, из контекста ясно, что говорящий собирается прервать свое собственное действие, рассматривая его как унижительное для царевича. В языках с обязательным грамматическим субъектом такое предложение будет оформлено безличным субъектным местоимением.

Определение формального статуса предикатов со значением прерывания действия наводит также и на мысли об их происхождении. Можно предположить, что современные конструкции с этими предикатами имели в недалеком прошлом более распространенный вид. Например, предикат *довольно* способен также иметь распространители в дат. падеже, ср. (12):

- (12) *Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — все больно*
(А. Блок. На железной дороге)

В Основном корпусе НКРЯ было обнаружено 87 вхождений конструкции с *довольно*, содержащих и местоимение в дат. падеже, и инфинитив, как в (13):

- (13) *Довольно вам считать меня идиоткой!..* [П. Д. Боборыкин. Жертва вечерняя (1868)]

Три примера из найденных датируются 2002 годом, однако во всех трех имитируется старомодная речь и употреблено местоимение 2-го лица. Остальные современные примеры восходят уже к 80-м гг. XX века. Иными словами, можно предположить, что местоимения в дат. падеже все чаще специализируются и пропускаются, и вся

конструкция относится по умолчанию к сфере 2-го лица — сфере слушающего.

Загадку во всех отношениях представляет собой форма *хорош*. В качестве предиката прерывания действия она употребляется сравнительно недавно: по данным Основного корпуса НКРЯ, — с конца 90-х гг. Вполне возможно, что в разговорной речи такие примеры встречались и раньше, однако в литературе они зафиксированы не были. Возможно, источником новой конструкции была какая-то поговорка или команда в совместной деятельности, однако мне такой источник пока не известен. Само по себе выражение удовлетворения как сигнал завершения действия вполне естественно, ср. архаичную форму *полно/-те* с этим значением, однако в *хорош* необъяснимым для меня представляется мужской род. Для удовлетворительного объяснения необходимо собрать сведения о происхождении этого выражения.

Объяснение отдельных случаев — не единственная перспектива изучения подобных конструкций. Они встраиваются в длинный ряд безличных предложений со значением безнадежной попытки, допускающих дат. падеж экспериенцера и включающих инфинитив НСВ, таких как *позднѣк метаться, не стоит пытаться, глупо стараться, странно упорствовать*. Расширяя сферу этих предикатов, мы, естественно, размываем и грамматические признаки конструкций, каждая из которых может служить объектом детального исследования, однако неизменным остается НСВ зависимого инфинитива в тех случаях, когда речь идет о прекращении действия или о безнадежных стараниях.

Выводы

Мы рассмотрели некоторые особенности конструкций с предикатами, каузирующими прекращение действия в русском языке. С грамматической точки зрения они характеризуются тем, что требуют после себя зависимый инфинитив НСВ. Предикаты этого типа можно разделить на исходно глагольные и исходно адективные, а по своей семантике они делятся на терминативные и интерраптивные, в зависимости от того, в какой фазе должно быть прервано нежелательное действие.

У данных предикатов обнаруживается склонность к разным видам зависимых, лексические предпочтения в выборе инфинитива определенных групп: 1) общественно порицаемые действия, 2) отрицательно оцениваемые говорящим интерпретации действий, 3) глаголы речи, 4) немногочисленные нейтральные глаголы. Формальный ста-

тус этих предикативов в современном языке остается дискуссионным, хотя большинство из них по-прежнему относится к тем грамматическим классам, из которых они происходят — к глаголам или к прилагательным. Рассматриваемые предикаты мало различаются по лексической сочетаемости с инфинитивом, однако у них ясно прослеживаются различия в грамматическом выборе зависимых: так, при некоторых из них почти не встречаются существительные в косвенных падежах, в других случаях они распространены. Глаголы сходной семантики (например, *перестать* и *прекратить*) могут резко различаться по данному признаку. Большинство рассмотренных предикатов являются глагольными формами, однако некоторые (*полно*, *довольно*) обладают признаками кратких прилагательных, а для некоторых формальный статус определяется с трудом (*хорош* + инф). Предикаты этого класса встраиваются в более широкую систему предикатов безнадёжной попытки, которая также распространяется на сферу НСВ.

Конструкции описываемого типа относятся к ограниченно композиционным, так как в них встречаются только определенные, застывшие формы времени и лица глагола (если есть глагол) или рода прилагательного (если предикат выражен исходным прилагательным).

ИСТОЧНИКИ

Национальный Корпус русского языка (НКРЯ) www.ruscorpora.ru (дата обращения 18.08.2019)

ЛИТЕРАТУРА

Матханова, И. П. (2013) Высказывания со значением поведения: принцип естественной классификации и анализ нецентральных компонентов системы. В кн.: *Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации*. М.: Языки славянских культур, с. 227–247.

Рахилина, Е. В. (2013) Кондуктор, нажми на тормоза... В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.)*. В 2-х т. Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19). М.: РГГУ, с. 665–673.

Смирнов, И. Н. (2011) Признак временной локализованности / нелокализованности действия в аспектуальной семантике русского глагола. *Сибирский филологический журнал*. Вып. 2, с. 172–180.

Шмелев, А. Д. (2012) Модальность, контроль и вид: точки взаимодействия (русское слово нельзя в сочетании с инфинитивом). В кн.: *От значения к форме, от формы к значению: сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко*. М.: Языки славянских культур, с. 608–618.

Kölbel, M. (2002) *Truth without objectivity*. London: Routledge (Цит. по Umbach 2014).

Umbach, C. (2014) *Evaluative propositions and subjective judgments* (последний вариант рукописи). <http://www.leibniz-zas.de/fileadmin/Archiv2019/mitarbeiter/umbach/EvaluativePropositions.finalDraft.Mai2014.pdf> (Дата обращения — 18.08.2019)

SOURCES

Russian National Corpus (RNC) www.ruscorpora.ru (Assessed on 18.08.2019)

REFERENCES

Mathanova, I. P. (2013) Vyskazyvaniya so znacheniem povedeniya: princip estestvennoj klassifikacii i analiz necentral'nyh komponentov sistemy [Utterances describing the behavior of a person: principle of natural classification and the analysis of the peripheral elements of the system] In: *Problemy funkcional'noj grammatiki: princip estestvennoj klassifikacii* [Problems of functional grammar: the principle of natural classification]. Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur, pp. 227–247. (In Russian)

Rahilina, E. V. (2013) Konduktor, nazhmi na tormoza... [Conductor, press the brakes]. In: *Computer linguistics and intellectual technologies: the materials of the annual International conference "Dialogue"* (Bekasovo, 29 May — 2 June 2013). In 2 vol. Vol. 1: Main program of the conference. Iss. 12 (19). Moscow: RGGU Publ., 2013. S. 665–673. (In Russian)

Smirnov, I. N. (2011) Priznak vremennoj lokalizovannosti / nelokalizovannosti dejstviya v aspektual'noj semantike russkogo glagola [The parameter of temporal localization of the action in the aspectual semantics of Russian verb]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. iss. 2, pp. 172–180. (In Russian)

Shmelev, A. D. (2012) Modal'nost', kontrol' I vid: tochki vzaimodejstviya (russkoe slovo nel'zja v sochetanii s infinitivom) [Modality, control and aspect: points of interaction (Russian word *nel'zja* in the interaction with the dependent infinitiv)] In: *Ot znacheniya k forme, ot formy k znacheniyu: sbornik statej v ches' 80-letiya chlena-korrespondenta RAN A. V. Bondarko*. [From meaning to form and from form to meaning: Festschrift to the 80-th anniversary of the correspondent member of RAS A. V. Bondarko] Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur Publ., pp. 608–618. (In Russian)

Kölbel, M. (2002) *Truth without objectivity*. London: Routledge (Quote from Umbach 2014).

Umbach C. (2014) *Evaluative propositions and subjective judgments* (poslednij variant rukopisi). <http://www.leibniz-zas.de/fileadmin/Archiv2019/mitarbeiter/umbach/EvaluativePropositions.finalDraft.Mai2014.pdf> (Assessed on 18.08.2019)

Дойчил Петровић Войводић

доктор филолошких наука, ординарни професор.
Филозофски факултет Новисадског универзитета.
Ул. Др Зорана Ђинђића 2, 21000 Нови Сад, Србија.
vojvodicd@ff.uns.ac.rs

Dojčil Petrović Vojvodić

Doctor of Philological Sciences, Full Professor.
University of Novi Sad, Faculty of Philosophy.
2, Dr Zorana Đinđića, Novi Sad, 21000, Serbia.
vojvodicd@ff.uns.ac.rs

**О взаимодействии презентно-футуральных форм глагола
и гипотетической модальности**¹³⁰

Анотација. В статье особое внимание уделяется аспектуально-темпоральным корреляциям, реализующимся в сложноподчиненных предложениях с обусловленной семантической структурой. Отмечается, что в литературе очень часто не различаются все виды гипотетической обусловленности — реальная, эвентуальная, потенциальная и ирреальная. Анализируются таксисные ситуации (как особый тип относительно-временных отношений в рамках единного периода времени) одновременности и неодновременности (предшества/следования) сказуемых главной и придаточной частей условных предложений. В ходе интерпретации данных корреляций сербский материал сопоставляется с русским и польским. Подчеркивается, что севернославянские (здесь русский и польский) языки не способны различать реальную и эвентуальную обусловленности, так как они, в отличие от сербского языка, не имеют формальных (грамматических) средств для разгра-

¹³⁰ Исследование выполнено в рамках научных проектов № 178002 («Языки и культуры во времени и пространстве») и № 178021 («Описание и стандартизация современного сербского языка»), поддержанных Министерством образования, науки и технологического развития Республики Сербия.

Статья представляет собой часть более обширного исследования предложений со значением обусловленности в сербском и других славянских языках. Поскольку многие из вопросов по данной теме были уже раньше предметом нашего анализа (см., в частности, Войводић 2007b; 2009; 2015; 2018b), мы их не будем рассматривать подробно, а лишь в той мере, в какой они являются необходимыми для подтверждения общих сведений и итогов о функционировании обусловленных предложений. Также и экзemplификация и литература по этой теме приводятся в статье выборочно.

ничения данных видов гипотетической модальности. Иными словами, презенс совершенного вида в сербском языке, формально совпадающий в условных предложениях с севернославянскими футуральными формами совершенного вида (которые употребляются и в главной, и в придаточной частях условных предложений), никогда не обозначает реальную обусловленность, а только — эвентуальную. Кроме того, в сербском языке в качестве средства для выражения эвентуальной обусловленности в придаточных предложениях используется еще одно средство — футурум II. Таким образом, сопоставительный анализ материала позволяет сделать вывод, что инвентарь средств, с помощью которых выражаются приведенные типы модальных гипотетических отношений, в сербском языке гораздо богаче, чем в русском и польском. В связи с этим отмечается, что именно указанные специфические признаки сопоставляемых языков представляют собой типологическую границу в рассматриваемом плане между южнославянскими и севернославянскими языками.

Ключевые слова: вид и модальность, межкатегориальная взаимосвязь, условные предложения, презенс СВ, реальная/эвентуальная гипотетическая обусловленность, русский, польский и сербский языки, сопоставительное исследование.

On the interaction of the present-future verb forms and hypothetical modality

Summary. This article focuses on the aspectual-temporal correlations that are realized in complex sentences with a conditional semantic structure. Very often it is noted in the linguistic literature that no differentiation is made between all the types of hypothetical conditionality — real, eventual, potential and unreal. The objective of the paper is to analyze taxis contexts of simultaneity and succession of the main and subordinate clause predicates in conditional sentences that represent special types of relative-temporal relationships within the same temporal plan. While interpreting these correlations, the Serbian data is compared to the Russian and Polish. It is noted that the Northern Slavic (in this case the Russian and the Polish) languages are unable to distinguish real from eventual conditionality because they, unlike the Serbian language, do not have formal (grammatical) means for delimitation of the given types of hypothetical modality. In other words, perfective present in the Serbian language, which in conditional sentences formally coincides with Northern Slavic perfective future (that is used in those languages in both the main and the subordinate clause of conditional sentences), can never signify real conditionality, but only an eventual one. In addition to this, future II (exact) is used in the Serbian language as a means of expressing eventual conditionality in subordinate clauses. Therefore, based on

a short contrastive analysis of the data, it can be concluded that the inventory of the resources used to express the above types of modal hypothetical relationships is much richer in the Serbian language than it is in Russian and Polish. In relation to this, it can be also pointed out that the specific features of the compared languages described in this paper represent a typological boundary between the Southern Slavic and Northern Slavic languages in the above specified areas.

Key words: aspect and modality, intercategory interaction, conditional sentences, present perfective, real/eventual hypothetical conditionality, Russian, Polish and Serbian languages, contrastive analysis.

1. Вводные замечания

Целью статьи является рассмотрение (преимущественно на материале близкородственных языков — сербского, русского и польского) гипотаксического употребления формы настоящего времени совершенного вида (далее — презенс СВ), с помощью которого реализуется межкатегориальная взаимосвязь глагольного вида и гипотетической модальности (обусловленности). Анализ гипотаксиса презенса СВ проводится на материале условных предложений, в которых темпоральная ориентация как протазиса, так и аподозиса связана с будущим временем. В каждом из трех сопоставляемых языков презенс СВ в данном плане отличается специфичным употреблением, связанным с различными семантическими интерпретациями.

Структуру, оформление и функционирование предложений со значением обусловленности (выражающих условные, причинные, следственные, целевые и уступительные отношения)¹³² всегда определяет взаимосвязь грамматики (в первую очередь, синтаксиса) и лек-

¹³¹ Несмотря на то что рассматриваемая проблематика тесно связана с (пока все еще не до конца сформированной) «теорией взаимодействия», мы не будем отдельно обсуждать — в первую очередь из-за недостатка места — основные исходные положения этой теории, которые могли бы в определенной степени добавочно пояснить и теоретико-методологический подход, применяемый в настоящей статье. Полагаем, что будет достаточно сослаться на некоторые фундаментальные исследования, посвященные теоретическим и эмпирическим аспектам данной теории, напр.: (Храковский 1990; Бондарко 1996 (колл. монография, в которой авторы — А. В. Бондарко (6–21), В. С. Храковский (22–42), Ю. А. Пупынин (43–60, 144–152), Е. Е. Корди (61–78), Н. А. Козинцева (79–106), И. А. Смирнова (107–143), М. Д. Воейкова (153–167) и Е. А. Мельникова (168–216) — подробно освещают вопросы межкатегориального взаимодействия в грамматике на материале русского и других славянских и неславянских языков); Храковский, Мальчуков 2016).

¹³² Изучению данных предложений в славянских языках посвящен целый ряд лингвистических исследований; см., в частности, (Војводић 2015), где приведена и соответствующая литература по этому вопросу.

сики. В функционировании данных предложений весьма значительную роль играют видо-временные отношения, реализующиеся — в качестве хронологических корреляций одновременности и неодновременности (предшествования/следования) — между их главной и придаточной частями; ср., в частности, (Кравар 1978; Бондарко 1985).

Особое место в изучении этих предложений принадлежит условным предложениям, которые как бипредикативные синтаксические (взаимо)связи оформляются в самых различных языках, в том числе и славянских, двумя способами: (а) лексически — с помощью присоединения придаточных условных к главной части сложноподчиненного предложения посредством союзов (рус. *если / если бы, ежели / ежели бы, коли (коль) / коли бы, как / как бы, когда / когда бы, кабы, буде, раз, ли...ли*; серб. *ако / ако би, кад / кад би, да / да би, уколико / уколико би, <будем, -еш...> ли*; польск. *jeśli / jeśli by, jeżeli / jeżeli by, gdy / gdyby, jak / jakby, kiedy*) и (б) грамматически — при помощи лексико-морфологических средств (императива, инфинитива, деепричастия и др.) в придаточной части бессоюзных, а также в осложненных (обособленным обстоятельством) простых предложениях (ср. рус. *Приди я вовремя* [‘если бы я пришел вовремя’], *я бы его застал дома*; *Волков бояться* [‘если волков бояться, так...’] — *в лес не ходить*; *Не занимаясь* [‘если не занимаешься / не будешь заниматься’], *ты не сдашь экзамена*). Настоящие отношения гипотетической обусловленности могут подчеркиваться сочетаниями (союзами) *в том случае (если), при условии (если)* и т. п.

Данные предложения, придаточная часть которых выражает условие, являющееся исходной основой выражения (осуществления) следствия в главной части, могут иметь модальные значения: (1) *реальной* (‘если действительно’), (2) *эвентуальной* (‘если случайно’/‘если покажется’), (3) *потенциальной* (‘если быть может’) и (4) *ирреальной* (‘если вообще’) гипотетической обусловленности, ср., в частности, (Кравар 1985b).

В литературе по этому вопросу не всегда различаются реальная и эвентуальная обусловленности: оба случая рассматриваются как реальные, ср. (Стевановић 1969, 866 и сл.). Также не различаются эвентуальная и потенциальная обусловленности, ср. (Шведова 1980, 562 и сл.), где выделяются только нереальные и потенциальные условные предложения; ср. также (Храковский 1996, 193 и сл.; 1998; Пипер и др. 2005, 636, 812 и сл.; Пипер, Клајн 2013, 518–519)¹³³.

¹³³ В некоторых (относительно недавних) исследованиях встречаются несколько иные классификации кондициональности (условной обусловленности). Ср., например,

Когда речь идет о сравнительно-типологическом аспекте в области аспектуально-темпоральных корреляций в сложных предложениях, не будет излишним указать, хотя бы в кратких чертах, на некоторые проблемы, связанные с изучением славянских, а также и неславянских языков в сопоставительном плане.

2. Презенс СВ и другие глагольные формы как средства выражения гипотетической обусловленности

Остановимся на некоторых случаях выражения эвентуальной и реальной модальности (гипотетической обусловленности). Особый интерес в этом отношении в русском и других славянских языках представляют условные предложения, в придаточной части которых используется форма настоящего-будущего совершенного вида (презенса СВ) и где темпоральная ориентация как условия (протазис), так и следствия (аподозис) связана с будущим временем. Речь идет, в первую очередь, о предложениях, введенных с помощью союза *если* в русском языке и его эквивалентов в других славянских (как, напр., в польском — *jeśli/jeżeli* и сербском — *ako*) языках, напр.:

- (1а) *Я ничуть не погрешу, если, говоря об этом, упомяну о причудливо тасуемой колоде карт* (Булгаков 1982, 204);
- (1б) *Ani trochę nie przesadzę, jeśli mówiąc o tym naromknę o dziwacznie tasowanej talii kart* (Bułhakow 1996, 307);
- (1в) *Neću nimalo pogriješiti, ako, govoreći o tome, spomenem hirovito izmiješan špil karata* (Bulgakov 1980, 272).
- (2а) *А ако га овако оставимо, загазуће и сам у преступ* (Андрић 1963);
- (2б) *А если мы так все оставим, он в конце концов и сам пойдём на преступление* (Андрич 1978);
- (2в) *Jeżeli go tak zostawimy, dojdzie i do zbrodni* (Andrić 1977).

Приведенные условные предложения (1а) и (2б) в русском языке (а также их эквиваленты (1б) и (2в) в польском) могут, в принципе,

диссертационное исследование французского слависта Ирины Кор Шаин, которая — учитывая тип коннектора, характерного для условных конструкций (в русском языке) — предлагает четыре типа кондициональности: потенциальный (*condition potentielle*), ирреальный (*condition irréelle*), виртуальный (*condition virtuelle*) и реальный (*condition réelle*), отмечая, что гипотетическая модальность (с союзом *если*), которую она более подробно анализирует, может быть реализована в трех из четырех возможных типов кондициональности (только реальная не может быть реализована) (Voitenkova–Kor Chahine 2001, 17–27, 31–62), что близко к нашему взгляду на данную проблему.

иметь два «прочтения», первое из которых имеет значение реальной обусловленности (когда положение дел в придаточной части предложения можно обозначить как ‘если действительно упомяну’, ‘если действительно оставим’), а второе — значение эвентуальной обусловленности (когда положение дел можно обозначить как ‘если случайно упомяну’, ‘если случайно оставим’). Следует отметить, что в русистике второе значение русских условных предложений, как правило, интерпретируется как потенциальная обусловленность (возможность положения дел), так как «и условие и следствие представлены как ситуации, которые могут быть реализованы» (Шведова 1980, 563).

Для интерпретации употребления русского презенса СВ в значении реальной обусловленности можно сравнить употребление «актуального» индикатива — футурума I (СВ и НСВ) в реально-условном предложении в сербском языке и его эквивалентов — простого (презенса СВ) и сложного будущего в русском языке:

(3а) *Ако **ћеш доћи** (СВ) / **долазити** (НСВ) [‘если действительно’] на моје часове, **добитћеш** (СВ) (онда) добру оцену (на крају семестра);*¹³⁴

(3б) *Если ты **придешь** / **будешь (при)ходить** (действительно) на мои занятия, (то) **получишь** хорошую оценку (в конце семестра).*

Русский пример показывает, что презенс СВ без добавочного контекста (*действительно*) не способен четко отличить «актуальный» от «виртуального» индикатива, т. е. реальное от эвентуального значения.

Форма презенса СВ в примерах (1в) и (2а) в сербском языке используется только в одном значении — эвентуальном; для реализации реальной обусловленности в будущем времени используются формы футурума I, как это представлено в примере (3а).

Отметим, что невозможность дифференциации данных двух условных значений характерна не только для русского и польского, но и для всех других севернославянских (восточных и западных) языков, ср., напр., (Войводић 2007а; 2018а, 349–366).

¹³⁴ Футурум I в придаточных предложениях в сербском языке употребляется очень редко, ср. (Хајдиќ 1991). Такое употребление должно всегда обозначать (только) реальное действие в условных и временных предложениях (следовательно, никоим образом — эвентуальное или потенциальное), ср. (Кравар 1985b, 13–16; Katičić 1985, 340). Данные и подобные условные предложения М. Ивич предлагает называть *мотивированными*, так как «говорящий исходит из того, что реальным является то, о чем сообщает, и, ссылаясь на эту реальность, произносит содержание аподозиса» (Ivić 1983, 151–152).

2.1. Футурум II в качестве средства выражения гипотетической (эвентуальной) обусловленности в сербском языке

Сербский язык, наряду с презентом СВ, имеет еще одно средство для выражения эвентуальной обусловленности. Это форма футурума II (подробнее о данной форме см., в частности, Kravar 1960; Милошевић 1970), представляющая собой сочетание презентной формы вспомогательного глагола *бити* и причастия на *-л* спрягаемого глагола СВ и НСВ (*будем дошао/долазио*), которая совпадает с одной из аналитических форм будущего времени в польском языке. Такое совпадение лишь формально, что наглядно прослеживается в употреблении. В польской форме спрягаемый глагол всегда НСВ, и она используется (наряду с другой аналитической формой, содержащей инфинитив НСВ, и формой простого будущего — презенса СВ) и в главной, и в придаточной части условных предложений, в то время как сербская форма используется лишь в придаточной части.¹³⁵

В качестве иллюстрации дифференциации реальной и эвентуальной модальности приведем вариативный ряд (парадигму) условных предложений с футуральной семантикой в сербском языке (в котором четко разграничены рассматриваемые модальные (условные) значения) и их эквиваленты в русском и польском (в которых наблюдаются

¹³⁵ Напомним, что такая форма (вспомогательный глагол *быть* + причастие на *-л* спрягаемого глагола) и употребление характерны и для словенского языка (что эти два языка — польский и словенский — делает типологически близким), с той лишь разницей, что данный тип футурума в словенском образуется от обоих видов, т. е. как и в сербском форма футурума II, что, в частности, указывает и на принадлежность этих двух языков к одной и той же — южной — группе славянских языков, несмотря на различное функционирование настоящей формы в каждом из них; ср. словенск. *bom prišel* (СВ) / *prihajal* (НСВ). Ср. в качестве иллюстрации перевод французского условного предложения, представляющего в данном случае фрагмент «объективного» корпуса (из сказки Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц») *Si tu viens* (презенс), *par exemple, à quatre heures de l'après-midi, dès trois heures je commencerai d'être heureux* (<http://lauralorenzoni.blogspot.com>) на словенский и польский языки: (словенск.) *Če boš prihajal* (футурум НСВ) [ср. *boš prišel* (футурум СВ); *prideš* (презенс СВ)], *recimo, ob štirih po poldne, te bom vzemirjena pričakovala* (футурум НСВ) *že ob treh* (<https://www.zrss.si>); (польск.) *Jeśli będziesz przychodził* (футурум НСВ) [ср. *będziesz przychodzić* (футурум НСВ); *przyjdiesz* (презенс-футурум СВ)], *przykładowo o czwartej po południu, zacznę być szczęśliwy już od trzeciej* (<https://lubimuszyczac.pl>). Ср. также: (рус.) *Вот, например, если ты будешь приходить* (футурум НСВ) [*придешь* (презенс-футурум СВ)] *в четыре часа, я уже с трех часов почувствую себя счастливым* (<https://www.booksite.ru>); (серб.) *Ako dolaziš* (презенс НСВ) [ср. *budeš dolazio* (футурум II НСВ) / *budeš došao* (футурум II СВ); *dodeš* (презенс СВ); *ćeš doći* (футурум I СВ) / *ćeš dolaziti* (футурум I НСВ)], *na primjer, u četiri sata popodne, ja ću biti sretna već od tri sata* (<http://www.slobodni-univerzitet-srbije.org>).

ся «двойное прочтение» употребления футуральных форм СВ и НСВ в условных предложениях, т. е. синкретическое сосуществование и неразличение реального и эвентуального условных значений).¹³⁶

2.1.1. Реальная модальность (обусловленность) в сербском ≠ синкретизм (реальная + эвентуальная модальность) в русском и польском

2.1.1.1. Употребление СВ в придаточной части сложноподчиненного предложения:

- (4а) Ако **heš dođu** (барем једанпут) (СВ) [‘если действительно’] *na moje часове, добићеш* (СВ) (*онда*) *добру оцену* (на крају семестра);
- (4б) Если ты **придешь** (хотя бы один раз) *na мои занятия* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], (*то*) **получишь** *хорошую оценку* (в конце семестра);
- (4в) *Jeśli przyjdiesz* (choć jeden raz) *na moje zajęcia* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], **dostaniesz** *dobłą ocenę* (na końcu semestru).
- (5а) Ако **heš dođu** (барем једанпут) (СВ) [‘если действительно’] *na moje часове, добијаћеш* (НСВ) (*онда*) *добре оцене* (у преосталом делу семестра);
- (5б) Если ты **придешь** (хотя бы один раз) *na мои занятия* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], (*то*) **будешь** *получать хорошие оценки* (в оставшейся части семестра);
- (5в) *Jeśli przyjdiesz* (choć jeden raz) *na moje zajęcia* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], (*wtedy*) **będziesz dostawał / dostawać** *dobre oceny* (w dalszej części semestru).

2.1.1.2. Употребление НСВ в придаточной части сложноподчиненного предложения:

- (6а) Ако **heš долазити** (НСВ) [‘если действительно’] *na moje часове, добићеш* (СВ) (*онда*) *добру оцену* (на крају семестра);

¹³⁶ Нижеприведенные (сконструированные) условные предложения на русском и польском языках были проверены информантами, для которых данные языки являются родными. По итогам опроса все эти примеры-предложения были признаны нормативными. Также русские примеры были проанализированы и верифицированы проф. Алиной Юрьевной Масловой (Мордовский гос. у-нт), а польские — маг. Милошем Валигурским [Miłosz Waligórski] (Новисадский у-нт), которым автор выражает искреннюю признательность за сделанные поправки и ценные критические замечания.

- (6б) *Если ты **будеши** (при)ходить на мои занятия* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], *(то) **получиши** хорошую оценку* (в конце семестра);
- (6в) *Jeśli **będziesz chodził / chodzić** na moje zajęcia* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], ***dostaniesz dobrą ocenę*** (na końcu semestru).
- (7а) *Ако **heш** долазити* (НСВ) [‘если действительно’] *на моје часове, **добијаћеш*** (НСВ) *(онда) добре оцене;*
- (7б) *Если ты **будеши** приходишь на мои занятия* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], *(то) **будеши** получать хорошие оценки;*
- (7в) *Jeśli **będziesz chodził / chodzić** na moje zajęcia* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], *(wtedy) **będziesz dostawał / dostawać** dobre oceny.*

2.1.2. Эвентуальная модальность (обусловленность) в сербском ≠ синкретизм (реальная + эвентуальная модальность) в русском и польском

2.1.2.1. Употребление СВ в придаточной части сложноподчиненного предложения:

- (8а) *Ако **доћеш*** (барем једанпут) (СВ) [‘если случайно’] *на моје часове, **добићеш*** (СВ) *(онда) добру оцену* (на крају семестра);
- (8б) *Если ты **придеши*** (хотя бы один раз) *на мои занятия* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], *(то) **получиши** хорошую оценку* (в конце семестра);
- (8в) *Jeśli **przyjdiesz*** (choć jeden raz) *na moje zajęcia* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], ***dostaniesz dobrą ocenę*** (na końcu semestru).
- (9а) *Ако **доћеш*** (барем једанпут) (СВ) [‘если случайно’] *на моје часове, **добијаћеш*** (НСВ) *(онда) добре оцене* (у преосталом делу семестра);
- (9б) *Если ты **придеши*** (хотя бы один раз) *на мои занятия* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], *(то) **будеши** получать хорошие оценки* (в оставшейся части семестра);
- (9в) *Jeśli **przyjdiesz*** (choć jeden raz) *na moje zajęcia* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], *(wtedy) **będziesz dostawał / dostawać** dobre oceny* (w dalszej części semestru).

- (10a) *Ако будеш дошао* (барем једанпут) (СВ) [‘если случайно’] *на моје часове, добићеш* (СВ) (онда) *добру оцену* (на крају семестра);
- (10б) *Если ты **придешь*** (хотя бы один раз) *на мои занятия* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], (то) *получишь хорошую оценку* (в конце семестра);
- (10в) *Jeśli **przyjdiesz*** (choć jeden raz) *na moje zajęcia* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], *dostaniesz dobrą ocenę* (na końcu semestru).
- (11a) *Ако будеш дошао* (барем једанпут) (СВ) [‘если случайно’] *на моје часове, добијаћеш* (НСВ) (онда) *добре оцене* (у преосталом делу семестра);
- (11б) *Если ты **придешь*** (хотя бы один раз) *на мои занятия* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], (то) *будешь получать хорошие оценки* (в оставшейся части семестра);
- (11в) *Jeśli **przyjdiesz*** (choć jeden raz) *na moje zajęcia* [‘если действительно’ + ‘если случайно’], (wtedy) *będziesz dostawał / dostawać dobre oceny* (w dalszej części semestru).

2.1.2.2. Употребление НСВ в придаточной части сложноподчиненного предложения:

- (12a) *Ако будеш долазио* (НСВ) [‘если случайно’] *на моје часове, добићеш* (СВ) (онда) *добру оцену* (на крају семестра);
- (12б) *Если ты **будешь (при)ходить*** на мои занятия [‘если действительно’ + ‘если случайно’], (то) *получишь хорошую оценку* (в конце семестра);
- (12в) *Jeśli **będziesz chodził / chodzić*** на moje zajęcia [‘если действительно’ + ‘если случайно’], *dostaniesz dobrą ocenę* (na końcu semestru).
- (13a) *Ако будеш долазио* (НСВ) [‘если случайно’] *на моје часове, добијаћеш* (НСВ) (онда) *добре оцене*;
- (13б) *Если ты **будешь приходит*** на мои занятия [‘если действительно’ + ‘если случайно’], (то) *будешь получать хорошие оценки*;
- (13в) *Jeśli **będziesz chodził / chodzić*** на moje zajęcia [‘если действительно’ + ‘если случайно’], (wtedy) *będziesz dostawał / dostawać dobre oceny*.

Приведенные русские и польские переводные примеры-эквиваленты еще раз подтверждают справедливость вышеизложенного за-

мечания, что севернославянские языки, в отличие от сербского и (в принципе) других южнославянских языков, не имеют формальных (грамматических) средств для разграничения реальной ('если действительно') и эвентуальной ('если случайно') обусловленности. Разграничение возможно лишь с помощью добавочного лексического контекста, которым поясняется каждое из упомянутых значений; ср., в частности, (Vojvodić 1989); ср. также (Dancygier, Trnavač 2007; Fortuin 2011).

2.2. Возможные интерпретационные и переводческие трудности при передаче гипотетической обусловленности

Наряду с рассмотренным неразличением, затруднения могут появиться и при интерпретации потенциальных предложений, в которых основное условное значение ('если быть может'), как правило, выражается сослагательным наклонением. Оно встречается во всех славянских языках, в том числе и в сопоставляемых здесь русском, польском и сербском. Ср.:

- (14а) *Если бы пришел завтра, закончил бы работу;*
- (14б) *Jakby przyszedł jutro, zakończyłby pracę;*
- (14в) *Ако (кад) би дошао сутра, завршио би посао*¹³⁷.

Для «видовых» языков, какими являются и славянские, проблема возникает при переводе данных предложений с «безвидовых» языков, выражающих видовые и временные значения и, особенно, модальные и относительно-временные отношения с помощью т. н. «согласования времен» (фр. *concordance des temps*). Непонимание правил согласования времен в некоторых неславянских языках может привести переводчиков на славянские языки к ошибочным решениям, так что перевод в этом отношении может отличаться не только от оригинала, но и от параллельных переводов на другие славянские языки (о проблемах, связанных с согласованием / несогласованием времен в русском и других славянских языках см. Кравар 1985а).

В качестве иллюстрации ср. правильный перевод на русский язык (сослагательным наклонением) французского имперфекта (*imparfait*) в потенциальном (придаточном) предложении и кондиционала (*conditionnel*) настоящего времени (в главном предложении), а также и его несоответствующие переводы на польский (презенсом-футурумом СВ) и сербский языки (футурумом II), вследствие чего явля-

¹³⁷ В сербском языке потенциальное значение можно выразить и конструкцией «да + презент СВ» в придаточном предложении (ср. *Да дођеш сутра, завршио би посао*).

ется неправильным и перевод французского кондиционала в главном предложении — презентом-футурусом СВ в польском и футурусом I в сербском:

- (15a) *S'il avait la chance de prendre un beau poisson (...), on le vendrait et on achèterait du pain* (Zola 1978, 234);
- (15б) *Если бы ему удалось поймать (...) хорошую рыбу, ее продали бы и (...на вырученные деньги) купили хлеба* (Золя 1988, 538);
- (15в) *Jeśli uda mu się złowić jakąś ładną sztukę (...), to sprzedą ją i kupi chleba* (Zola 1987, 187);
- (15г) *Ako bude imao sreće da ulovi lijepu ribu (...), prodat će je i kupiti kruha* (Zola 1989, 185).

Здесь, как мы видим, потенциальная обусловленность во французском оригинале (используемого в качестве «объективного» корпуса) и русском переводе передана в польском и сербском (сербохорватском) языках эвентуальной обусловленностью, с оговоркой, что данное употребление презенса-футуруса в польском можно интерпретировать и как реальную обусловленность, так как польский (и остальные севернославянские языки), как было сказано выше, формально не различает эти два вида гипотетической обусловленности.

3. Вместо заключения

Проведенный краткий сопоставительный анализ материала позволяет сделать следующие выводы:

(1) севернославянские (здесь русский и польский) языки не способны различать реальную и эвентуальную обусловленности, так как они, в отличие от сербского языка, не имеют формальных (грамматических) средств для разграничения данных видов гипотетической модальности;

(2) инвентарь средств, с помощью которых выражаются приведенные типы модальных гипотетических отношений, в сербском языке гораздо богаче, чем в русском и польском;

(3) именно указанные специфические признаки сопоставляемых славянских языков представляют собой типологическую границу в рассматриваемом плане между южнославянскими и севернославянскими языками.

В заключение отметим, что более глубокая разработка в сопоставительном аспекте как рассмотренных здесь условных предложений, так и всех остальных предложений с гипотетической семанти-

кой (со значением обусловленности), может способствовать построению их окончательной типологии. Такая типология синтаксических отношений должна включать не только модальный, но и темпоральный аспект с особым учетом видовых значений, которыми отличаются славянские языки.

ИСТОЧНИКИ

Андрич, И. (1978) Проклятый двор (перевод Т. Поповой). В кн.: О. Кутасова, Н. Глен (ред.) *Повести и рассказы югославских писателей*. М.: Художественная литература, 15–87.

Булгаков, М. (1982) *Избранное: Роман «Мастер и Маргарита». Рассказы*. М.: Художественная литература, 400 с.

Золя, Э. (1988) *Западня. Жерминаль* (перевод Е. Шишмаревой, О. Моисеенко и Н. Немчиновой). М.: Художественная литература, 783 с.

Андрић, И. (1963) *Проклета Авлија*. Београд: Просвета — Загреб: Младост — Сарајево: Свјетлост — Љубљана: Државна založba Словеније, 134 с.

Булгаков, М. (1985) *Мajстор и Маргарита* (превео М. Чолић). Београд: Народна књига, 394 с.

Andrić, I. (1977) Przeklęte Podwórze (przełożył J. Wierzbicki). In: I. Andrić. *Opowiadania o bracie Piotrze. Rozmowa z Goyą*. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 17–124.

Bulgakov, M. (1980) *Majstor i Margarita* (prevela V. Flaker). Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 434 s.

Bułhakow, M. (1996) *Mistrz i Małgorzata* (tłumaczyli I. Lewandowska, W. Dąbrowski). Warszawa: Czytelnik, 480 s.

Zola, E. (1974) *Žerminál* (preveo D. Matić). Novi Sad: Matica srpska — Beograd: Rad, 510 s.

Zola, E. (1987) *Germinal* (przełożyła K. Dolatowska). Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 432 s.

Zola, E. (1989) *Germinal* (preveo T. Ujević). Zagreb: Grafički zavod Hrvatske, 435 s.

Zola, É. (1978) *Germinal*. Paris: J'ai Lu, 538 p. (Éditions J'ai Lu 901***)
https://www.booksite.ru/archiv_new/02_2016/02.pdf (дата обращения 15.10.2019).

<http://lauralorenzoni.blogspot.com/2011/03/si-tu-viens-par-exemple-quatre-heures.html> (дата обращения 15.10.2019).

<https://lubimyczytac.pl/cytat/207142> (дата обращения 15.10.2019).

<http://www.slobodni-univerzitet-srbije.org/files/antoine-de-saint-mali-princ.pdf> (дата обращения 15.10.2019).

<https://www.zrss.si/digitalnaknjiznica/Posodobitve%20pouka%20v%20gimnazijski%20praksi%20FILOZOFIJA/files/assets/basic-html/page19.html> (дата обращения 15.10.2019).

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко, А. В. (1985) О таксисе (на материале русского языка). *Zeitschrift für Slawistik*, 30 (1), 3–16.

Бондарко, А. В. (отв. ред.) (1996) *Межкатегориальные связи в грамматике*. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 232 с.

Войводић, Д. П. (2007а) Некоторые замечания о типологической дифференциации условных предложений в славянских языках. В кн.: О. В. Иншаков, Б. Н. Сипливый, И. О. Тюменцев и др. (ред.), *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : материалы Второй Междунар. науч. конф.* (Волгоград, 24–26 апр. 2007 г.): в 2 т. Т.1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007, 109–115.

Кравар, М. (1985а) К вопросу о согласовании времен в русском литературном языке. In: M. Deanović (gl. ur.), *Mélanges Skok: Zbornik u čast Petru Skoku o stotoj obljetnici rođenja*. Zagreb: JAZU, 249–261. (Djela JAZU, Razred za filologiju ; knj. 59)

Храковский, В. С. (1990) Взаимодействие грамматических категорий глагола (Опыт анализа). *Вопросы языкознания*, 5, 18–36.

Храковский, В. С. (1996) Условные конструкции (опыт исчисления). В кн.: А. В. Бондарко (отв. ред.), *Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессиивность. Обусловленность*. Санкт-Петербург: Наука, 175–213.

Храковский, В. С. (отв. ред.) (1998) *Типология условных конструкций*. СПб.: Наука, 583 с.

Храковский, В. С., Мальчуков, А. Л. (2016) Взаимодействие и иерархия грамматических категорий глагола: введение в тему и типологическая анкета. *Вопросы языкознания*, 6, 51–83.

Шведова, Н. Ю. (гл. ред.). (1980) *Русская грамматика*. В 2 тт. Т. 2: *Синтаксис*. М.: Наука, 712 с.

Војводић, Д. (2007b) О аспектуално-темпоралној корелативности у сложеним (условним) реченицама. *Славистика*, 11, 206–222.

Војводић, Д. (2009) О зависносложеним реченицама са условљеном структуром (опште карактеристике, статус и класификација). *Славистика*, 13, 121–136.

Војводић, Д. (2015) О каузално-импликативним односима у српској хипотакси (комплекс условљених зависносложених реченица). *Јужнословенски филолог*, 71/3–4, 121–186.

Војводић, Д. (2018а) *Футуралност у савременом руском, пољском и српском језику*. Нови Сад: Филозофски факултет, 477 с. (Едиција Е-дисертација ; књ. 15). URL: <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2018/978-86-6065-449-8> (дата обраћања 29.08.2019).

Војводић, Д. (2018b) Реченице са клаузама категоријалног комплекса условљености: узрочним, последичним, циљним, погодбеним, допусним. В кн.: П. Пипер (ред.), *Синтакса сложене реченице у савременом српском језику*. Нови Сад: Матица српска — Београд: Институт за српски језик САНУ, 433–490.

Кравар, М. (1985b) Модална типологија хипотетичкога периода у хрватско-српском језику. *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 14 (2), 11–20.

Милошевић, К. (1970) *Футур II и синонимски облици у савременом српскохрватском књижевном језику*. Сарајево: АНУБиХ, 194 с. (Дјела, књ. 39: Одјелјење друштвених наука; књ. 24)

Пипер, П., Антонић, И., Ружић, В. и др. (2005) *Синтакса савременога српског језика: Проста реченица*. [М. Ивић (ур.)]. Београд: Институт за српски језик САНУ : Београдска књига — Нови Сад: Матица српска, 1164 с.

Пипер, П., Клајн, И. (2013) *Нормативна граматика српског језика*. Нови Сад: Матица српска, 583 с.

Стевановић, М. (1969) *Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевнојезичка норма)*. Т. II: *Синтакса*. Београд: Научна књига, 902 с.

Хајдић, А. (1991) Употреба на идното време во подредната дел-реченица на условната зависносложена реченица (македонски јазик) односно на фигурот I во протазата на погодбената реченица (српскохрватски/хрватскосрпски јазик). *Slavist : časopis za slavistiku*, 2, 143–149.

Dancygier, B., Trnavač, R. (2007) Conjunctions, verb forms, and epistemic stance in Polish and Serbian predictive conditionals. In: D. Divjak, A. Kochanska (eds.) *Cognitive Paths into the Slavic Domain*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 181–218. (Cognitive Linguistics Research; Vol. 38)

Fortuin, E. (2011) Iconicity, economy and frequency: the paratactic conditional perfective present construction in Russian. *Russian Linguistics*, 35 (1), 89–123.

Ivić, M. (1983) O srpskohrvatskim pogodbenim rečenicama. In: M. Ivić, *Lingvistički ogledi*. Beograd: Prosveta, 145–153. (Biblioteka 20. vek; knj. 61).

Katičić, R. (1985) Vrste pogodbenih rečenica u standardnom jeziku srpskom ili hrvatskome. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, 27–28, 339–342.

Kravar, M. (1960) Futur II. u našem glagolskom sistemu. *Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru*, 1, 30–50.

Kravar, M. (1978) Verbal Aspect and Relative Time (The w h e n — Clause Test). *Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru*, 17 (10), 149–163.

Voitenkova–Kor Chahine, I. (2001) *Esli et l'expression de la condition en russe moderne / Thèse de doctorat en Linguistique slave*. Université Aix-Marseille I — Université de Provence, U. F. R. L.A. C.S., 343 p. URL: <http://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00452520/fr/> (дата обращения 25.09.2019).

Vojvodić D. (1989) Modalna upotreba ruskog i hrvatskosrpskog perfektivnog prezenta u uvjetnim rečenicama. *Suvremena lingvistika*, 27–28, 57–64.

SOURCES

Andrich, I. (1978) Proklyatyj dvor (perevod T. Popovoj) [The Damned Yard (tr. T. Popova)]. In: O. Kutasova, N. Glen (ed.) *Povesti i rasskazy jugoslavskih pisatelej [Novels and short stories of Yugoslav writers]*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ., 15–87. (In Russian)

Andrić, I. (1963) *Prokleta Avlija [The Damned Yard]*. Belgrade: Prosveta Publ. — Zagreb: Mladost Publ. — Sarajevo: Svjetlost Publ. — Ljubljana: Državna založba Slovenije Publ., 134 p. (In Serbo-Croatian)

Andrić, I. (1977) Przekłete Podwórze (przełożył J. Wierzbicki) [The Damned Yard (tr. J. Wierzbicki)]. In: I. Andrić. *Opowiadania o bracie Piotrze. Rozmowa z Goyą [Short Stories about Brother Peter. Conversation with Goya]*. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie Publ., 17–124. (In Polish)

Bulgakov, M. (1982) *Izbrannoe: Roman “Master i Margarita”. Rasskazy [Selected works: The novel “The Master and Margarita.” Short Stories]*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ., 400 p. (In Russian)

Bulgakov, M. (1985) Majstor i Margarita (preveo M. Čolić) [The Master and Margarita (tr. M. Colic)]. Belgrade: Narodna knjiga Publ., 394 p. (In Serbo-Croatian)

Bulgakov, M. (1980) *Majstor i Margarita* (prevela V. Flaker) [The Master and Margarita (tr. V. Flaker)]. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber Publ., 434 p. (In Croato-Serbian)

- Buľhakow, M. (1996) *Mistrz i Maľgorzata* (tłumaczyli I. Lewandowska, W. Dąbrowski) [*The Master and Margarita* (tr. I. Lewandowska, W. Dąbrowski)]. Warsaw: Czytelnik Publ., 480 p. (In Polish)
- Zola, E. (1974) *Żerminal* (preveo D. Matic) [*Germinal* (tr. D. Matic)]. Novi Sad: Matica srpska Publ. — Belgrade: Rad Publ., 510 p.
- Zola, E. (1987) *Germinal* (przełożyła K. Dolatowska) [*Germinal* (tr. K. Dolatowska)]. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy Publ., 432 p. (In Polish)
- Zola, E. (1989) *Germinal* (preveo T. Ujević) [*Germinal* (tr. T. Ujević)]. Zagreb: Grafički zavod Hrvatske Publ., 435 p. (In Croato-Serbian)
- Zola, É. (1978) *Germinal* [*Germinal*]. Paris: J'ai Lu Publ., 538 p. (Editions J'ai Lu 901***) (In French)
- Zolya, E. (1988) *Žapadnya. Žherminal'* (perevod E. Shishmarevoj, O. Moiseenko i N. Nemchinovoj) [*L'Assommoir. Germinal* (tr. E. Shishmareva, O. Moiseenko & N. Nemchinova)]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ., 783 p. (In Russian)
https://www.booksite.ru/archiv_new/02_2016/02.pdf (accessed 15.10.2019).
<http://lauralorenzoni.blogspot.com/2011/03/si-tu-viens-par-exemple-quatre-heures.html> (accessed 15.10.2019).
<https://lubimyczytac.pl/cytat/207142> (accessed 15.10.2019).
<http://www.slobodni-univerzitet-srbije.org/files/antoine-de-saint-mali-princ.pdf> (accessed 15.10.2019).
<https://www.zrss.si/digitalnahnjiznica/Posodobitve%20pouka%20v%20gimnazijski%20praksi%20FILOZOFIJA/files/assets/basic-html/page19.html> (accessed 15.10.2019).

REFERENCES

- Bondarko, A. V. (1985) O taksise (na materiale russkogo yazyka) [About taxis (on the material of the Russian language)]. *Zeitschrift für Slawistik — Journal of Slavic Studies*, 30 (1), 3–16. (In Russian; In German)
- Bondarko, A. V. (ed.) (1996) *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike* [*Intercategorical relations in grammar*]. Saint Petersburg: Izd-vo "Dmitrij Bulanin" Publ., 232 p. (In Russian)
- Dancygier, B., Trnavač, R. (2007) Conjunctions, verb forms, and epistemic stance in Polish and Serbian predictive conditionals. In: D. Divjak, A. Kochanska (eds.) *Cognitive Paths into the Slavic Domain*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter Publ., 181–218. (Cognitive Linguistics Research; Vol. 38) (In English)
- Fortuin, E. (2011) Iconicity, economy and frequency: the paratactic conditional perfective present construction in Russian. *Russian Linguistics*, 35 (1), 89–123. (In English)
- Hajdić, A. (1991) Upotreba na idnoto vreme vo podrednata del-rečenica na uslovnata zavisnosložena rečenica (makedonski jazik) odnosno na futurot I vo protazata na pogodbenata rečenica (srpskohrvatski/hrvatskosrpski jazik) [Use of the future tense in the subordinate clause of a conditional complex sentences (Macedonian) and futur I in the protasis of a conditional clause (Serbo-Croatian/Croato-Serbian)]. *Slavist: časopis za slavistiku — Slavist: Journal of Slavic Studies*, 2, 143–149. (In Macedonian)
- Ivić, M. (1983) O srpskohrvatskim pogodbenim rečenicama [Serbo-Croatian conditional sentences]. In: M. Ivić. *Lingvistički ogledi* [*Selected Writings on*

Linguistics]. Belgrade: Prosveta Publ., 145–153. (20th Century Library; Vol. 61). (In Serbo-Croatian)

Katičić, R. (1985) Vrste pogodbenih rečenica u standardnom jeziku srpskom ili hrvatskome [Types of conditional sentences in Serbian or Croatian standard language]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku — Matica Serbica Archivum philologicum et linguisticum*, 27–28, 339–342. (In Croato-Serbian)

Khrakovskij, V. S. (1990) Vzaimodejstvie grammatičeskikh kategorij glagola (Opyt analiza) [Interaction of grammatical categories of the verb (an attempt of analysis)]. *Voprosy iazykoznanija — Topics in the study of language*, 5, 18–36.

Khrakovskij, V. S. (1996) Uslovnye konstruksii (Opyt ischisleniia) [Conditional constructions (an attempt of calculation)]. In: A. V. Bondarko (ed.), *Teoriia funkcional'noj grammatiki: Lokativnost'. Bytijnost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [Functional Grammar Theory: Locativity. Beingness. Possessivity. Conditionality]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 175–213. (In Russian)

Khrakovskij, V. S. (ed.) (1998) *Tipologija uslovnykh konstruksij* [Typology of conditional constructions]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 583 p. (In Russian)

Khrakovskij, V. S., Malchukov, A. L. (2016) Vzaimodejstvie i ierarkhiya grammatičeskikh kategorij glagola: vvedenie v temu i tipologičeskaya anketa [Hierarchy and interaction of verbal categories: research program and typological questionnaire]. *Voprosy iazykoznanija — Topics in the study of language*, 6, 51–83. (In Russian)

Kravar, M. (1960) Futur II. u našem glagolskom sistemu [Futur II in our <Croato-Serbian> verb system]. *Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru — Papers of the Faculty of Philosophy in Zadar*, 1, 30–50. (In Croato-Serbian)

Kravar, M. (1978) Verbal Aspekt and Relative Time (The when — Clause Test). *Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru — Papers of the Faculty of Philosophy in Zadar*, 17 (10), 149–163. (In English; In Croato-Serbian)

Kravar, M. (1985a) Modalna tipologija hipotetičkoga perioda u hrvatsko-srpskom jeziku [Modal typology of the hypothetical period in Croato-Serbian]. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane — Scientific Meeting of Slavists During Vuk's Days*, 14 (2), 11–20. (In Serbo-Croatian)

Kravar, M. (1985b) K voprosu o soglasovanii vremen v ruskom literaturnom yazyke [On the issue of sequence of tenses in the Russian literary language]. In: M. Deanović (ed.), *Mélanges Skok: Zbornik u čast Petru Skoku u stotoj obljetnici rođenja* [Mélanges Skok: Proceedings to honor Peter Skok on the centenary of his birth]. Zagreb: JAZU Publ., 249–261. (Works JAZU, Department of Philology; Vol. 59) (In Russian; In Croato-Serbian)

Milošević, K. (1970) *Futur II i sinonimski oblici u savremenom srpskohrvatskom književnom jeziku* [Futur II and Synonymous Forms in Contemporary Serbo-Croatian Literary Language]. Sarajevo: ANUBiH Publ., 194 p. (Works, Vol. 39: Department of Social Sciences; Vol. 24) (In Serbo-Croatian)

Piper, P., Antičić, I., Ružić, V. et al. (2005) *Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica* [Syntax of Contemporary Serbian. Simple Sentence]. [M. Ivic (ed.)]. Belgrade: Institut za srpski jezik SANU Publ. : Beogradska knjiga Publ. — Novi Sad: Matica srpska Publ., 1164 p. (In Serbian)

Piper, P., Klajn, I. (2013) *Normativna gramatika srpskog jezika* [Normative grammar of the Serbian language]. Novi Sad: Matica srpska Publ., 583 p. (In Serbian)

Shvedova N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika*. V 2 tt. T. 2: *Sintaksis [Russian Grammar*. In 2 vols. Vol. 2: *Syntax*]. Moscow: Nauka Publ., 1980, 712 p. (In Russian)

Stevanović, M. (1969) *Savremeni srpskohrvatski jezik (gramatički sistemi i književnojezička norma)*. T. 2: *Sintaksa [The modern Serbo-Croatian language (grammatical systems and the literary language norm)*. Vol. 2: *Syntax*]. Belgrade: Naučna knjiga Publ., 902 p. (In Serbo-Croatian)

Voitenkova–Kor Chahine, I. (2001) *Esli et l'expression de la condition en russe moderne / Thèse de doctorat en Linguistique slave [Esli and the expression of the condition in modern Russian / Ph. D. thesis in Slavic Linguistics]*. Université Aix-Marseille I — Université de Provence, U. F. R. L.A. C.S. Publ., 343 p. [Online]. Available at: <http://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00452520/fr/> (accessed 25.09.2019). (In French)

Vojvodich, D. P. (2007a) Nekotorye zamechaniya o tipologicheskoy differenciacii uslovykh predlozhenij v slavyanskikh yazykakh [Some remarks on the typological differentiation of conditional sentences in Slavic languages]. In.: O. V. Inshakov, B. N. Sipliviy, I. O. Tyumencev et al. (ed.), *Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennykh integracionnykh processov (materialy Vtoroj Mezhdunar. nauch. konf.): v 2 t. T. 1. [Russian philology in the context of modern integration processes (materials of the Second Intern. scientific conf.)*. In 2 vols. Vol. 2] (Volgograd, 24–26 apr. 2007). Volgograd: Izd-vo VolGU Publ., 109–115. (In Russian)

Vojvodić D. (1989) Modalna upotreba ruskog i hrvatskosrpskog perfektivnog prezenta u uvjetnim rečenicama [Modal use of Russian and Croatian-Serbian perfective present in conditional sentences]. *Suvremena lingvistika — Contemporary Linguistics*, 27–28, 57–64. (In Croato-Serbian)

Vojvodić, D. (2007b) O aspektualno-temporalnoj korelativnosti u složenim (uslovnim) rečenicama [Aspectual-temporal correlation in complex (conditional) sentences]. *Slavistika — Slavic studies*, 11, 206–222. (In Serbian)

Vojvodić, D. (2009) O zavisnosloženim rečenicama sa uslovljenom strukturom (opšte karakteristike, status i klasifikacija) [Complex sentences with conditional structure (general characteristics, status and classification)]. *Slavistika — Slavic studies*, 13, 121–136. (In Serbian)

Vojvodić, D. (2015) O kauzalno-implikativnim odnosima u srpskoj hipotaksi (kompleks uslovljenih zavisnosloženih rečenica) [Causal-implicative relationships in the Serbian hypotaxis (Complex of generative complex sentences)]. *Južnoslovenski filolog — South Slavic philologist*, 71 (3–4), 121–186. (In Serbian)

Vojvodić, D. (2018a) *Futuralnost u savremenom ruskom, poljskom i srpskom jeziku [Futurity in modern Russian, Polish and Serbian]*. Novi Sad: Filozofski fakultet Publ., 477 p. (Edition E-Dissertation ; Series 15). [Online]. Available at: <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2018/978–86–6065–449–8> (accessed 29.08.2019). (In Serbian)

Vojvodić, D. (2018b) Rečenice sa klauzama kategorijalnog kompleksa uslovljenosti: uzročnim, posljedičnim, ciljnim, pogodbenim, dopusnim [Sentences with clauses of a categorical generative complex: causal, consequential, final, conditional, concessive]. In: P. Piper (ed.), *Sintaksa složene rečenice u savremenom srpskom jeziku [Syntax of Complex Sentence in Contemporary Serbian]*. Novi Sad: Matica srpska Publ. — Belgrade: Institut za srpski jezik SANU Publ., 433–490. (In Serbian).

Бьёрн Вимер

доктор хаб., профессор
Университет им. Иоганна Гутенберга, Майнц
Saarstr. 21 D-55122 Mainz
wiemberb@uni-mainz.de

Александр Ростовцев-Попель

доктор, научный сотрудник
Университет им. Иоганна Гутенберга, Майнц
Saarstr. 21 D-55122 Mainz
rostovts@uni-mainz.de

Йоханна Квятковска М. А.,

научный сотрудник
Университет им. Иоганна Гутенберга, Майнц
Saarstr. 21 D-55122 Mainz
kwiatkow@uni-mainz.de

Анна Соцка

доктор, адъюнкт
Гданьский университет
ul. Jana Bażyńskiego 8
PL-80-309 Gdańsk
anna.socka@ug.edu.pl

Björn Wiemer

Dr. habil., Professor
Johannes Gutenberg University Mainz
Saarstr. 21 D-55122 Mainz

Alexander Rostovtsev-Popiel

Dr., researcher (employee in scientific project)
Johannes Gutenberg University Mainz
Saarstr. 21 D-55122 Mainz

Joanna Kwiatkowska

Dr., researcher (employee in scientific project)
Johannes Gutenberg University Mainz
Saarstr. 21 D-55122 Mainz

Anna Socka

Dr., scientific assistant
Uniwersytet Gdański
ul. Jana Bażyńskiego 8
PL-80-309 Gdańsk

**«Четырехугольник снятой утвердительности»
в русско-польском сопоставлении**

Аннотация. При рассмотрении функционального распределения СВ—НСВ показательны контексты снятой утвердительности, в частности, контексты (i) хабитуальности, (ii) неэпистемической и недеонтической модаль-

ности, (iii) (неконтрафактические) условные предложения, (iv) будущее время. Контексты (i-iii) неоднократно обсуждались в связи с «неактуальным настоящим» основ СВ. Между тем, (iv) функцию в северославянских языках принято считать основным значением основ СВ наст. вр. Указанные функции систематически пересекаются, вследствие чего зачастую трудно определить, (а) какое значение преобладает, (б) как отграничить значение будущего времени от остальных функций и (в) возможно ли вывести одни функции из других.

В докладе будут рассмотрены концептуальные причины систематического пересечения указанных функций, что, в свою очередь, позволит уточнить механизм, вызывающий эффект снятой утвердительности у форм наст. вр. основ СВ, а также служащий катализатором развития так наз. простого будущего времени в северославянских языках. При этом также учитывается общее распределение функций СВ и НСВ в области повторяемости во взаимодействии с временем, релевантных для положений «East-West theory of Slavic aspect». Кроме того, будут представлены результаты количественного анализа корпусных данных современного польского и русского языков, который позволяет определить относительный вес выделяемых факторов в реальных текстах и вскрыть межславянские различия, трудно уловимые невооруженным глазом.

Ключевые слова: русский/польский вид, модальность, снятая утвердительность, неактуальное настоящее, будущее время, корпусная лингвистики.

The «quadrangle of suspended propositions»: comparing Russian and Polish

Summary. For an analysis of the functional distribution of PFV and IPFV verbs an account of contexts with suspended propositions appears especially useful. This concerns, in particular, (i) habitual contexts, (ii) contexts of non-epistemic and non-deontic (a.k.a. dynamic) modality, (iii) conditional sentences, (iv) future tense. Contexts (i-iii) have frequently been discussed under the heading of “inactual present” use of PFV stems, while for North Slavic it has been customary to consider contexts under (iv) the main (or default) meaning of present tense forms of PFV stems. The aforementioned functions intersect systematically, consequently it often proves difficult to determine (a) which meaning is the dominant one, (b) how future tense should be distinguished from the remaining functions and (c) whether any one of these functions can be derived from any of the others.

In our talk we will deal with the conceptual reasons of the systematic interplay of these functions. This, in turn, will allow to specify the mechanism which is responsible for the suspension of propositional content with present tense forms

of PFV stems and which catalysed the evolution of the so-called simple future tense in North Slavic languages. In this connection we will also account for the functional distribution of PFV and IPFV stems in the domain of iterativity and its interaction with tense, as far as it is relevant for the «East-West theory of Slavic aspect». Moreover, we will present the results of a quantitative analysis of data from the Polish and the Russian national corpora. By this analysis we intend to throw light on the significance of various factors relevant for the issues named above in authentic discourse and to contribute to the disclosure of inner-Slavic differences which are otherwise difficult to determine with the naked eye.

Key words: Russian/Polish aspect, modality, suspended propositions, inactual present, future tense, corpus linguistics.

Введение

При рассмотрении функционального распределения форм настоящего времени (наст. вр.) основ совершенного и несовершенного видов (СВ—НСВ) показательны контексты снятой утвердительности (см. (Падучева 2005). Характеризуются они тем, что содержат пропозицию, которую нельзя проверить относительно момента речи. Таким образом, их следует считать *ирреальными* (*неассертивными*): «An assertive utterance makes a statement about a certain time span by identifying a point on the time line in which the respective proposition is true. (...) Most nonassertive independent clauses denote an event which may be temporally located with respect to the time of speech, but they have no truth value at this time» (Nikolaeva 2013, 113 etc.. С этой точки зрения стоит рассматривать контексты (i) хабитуальности, (ii) неэпистемической и недеонтической модальности (т. е. *dispositional* и *circumstantial modality* по Kratzer 1981 etc., (iii) условные предложения, (iv) будущее время (буд. вр.). Контексты (i-iii) неоднократно обсуждались в связи с «неактуальным настоящим» основ СВ (см., например, Бондарко 1971; Galton 1976). Между тем, функция буд. вр. (iv), т. е. обозначение конкретной (и единичной) ситуации в момент, наступающий после момента речи, мыслится как значение, лишённое упомянутых в пункте (ii) модальных компонентов, тогда как семантику буд. вр. трудно отделить от эпистемического значения. Вместе с остальными функциями (i-iii) функции буд. вр. свойственна снятая утвердительность, однако, в отличие от них, буд. вр. допускает временную локализацию — в соответствии с известной схемой (1):

- (1a) $E > R = S$ (= Topic Time; см. ниже)
- (1б) *Завтра мы вышлем тебе письмо.*

График 1

Семантическая конфигурация модальных интерпретаций

(а) СВ ограничивает
ситуацию S, но

(б) TSit не соответствует
никакому временному
интервалу (соотнесенному
с TU), но

(в) TSit требуется соотнесение
(англ. *reference*), чтобы
TSit было приписано
пропозициональное содержание

(г) ТТ соотносится
с замкнутым
интервалом TSit,

(д) поскольку время
не прошедшее, $ТТ > ТО$
(т. е. не обязательно
совпадать с TU)

Пояснение символов:

TSit время ситуации (с определенными акциональными свойствами, англ. *event time*)

TU момент речи (англ. *speech/utterance time*)

ТТ интервал, относительно которого делается ассерция (англ. *Topic Time*, фокусовое время)

ТО точка отсчета (время наблюдения, время оценки)

Напротив, функции (i-iii) исключают временную локализацию, но в то же время их обслуживают своего рода миропорождающие операторы, подробно описанные в работах по формальной семантике.

Функцию буд. вр. в северославянских языках принято считать основным значением основ СВ наст. вр., тогда как в южнославянских языках формы наст. вр. основ СВ функцию буд. вр. не приобрели, но выступают во всех контекстах, относящихся к типам (i-iii). В связи с этим представляется справедливым рассматривать контексты типов (i-iii) как первичные по отношению к буд. вр. и являющиеся

его источником. Конвенционализацию этой функции в северославянских языках можно трактовать как следствие *гипоанализа* (англ. *hypoanalysis*), т. е. «a form-function reanalysis such that a contextual semantic/functional property is reinterpreted as an inherent property of a syntactic unit» (Van Linden/Van de Velde 2014, 241, со ссылкой на Croft 2000; см. также Haspelmath 1998). Если эти положения верны, то следует считать, что грамматическое значение т. наз. простого будущего естественным образом вытекает из семантики ряда других ирреальных контекстов, в которых основы СВ в формах наст. вр. маркируют снятую утвердительность.

Задачи

В данной связи в докладе ставится две задачи. Первая состоит в попытке указать причины систематического пересечения вышеупомянутых функций (i-iii), а также уточнить механизм, который привел к установлению т. наз. простого будущего времени в северославянских языках. Прежде всего важно осознавать, что функции (i-iii), хотя и взаимосвязаны на ассоциативном уровне, не обнаруживают данной связи на уровне логического следствия (англ. *entailment*). Т. е. они зачастую сосуществуют (пусть даже скрыто) в одних и тех же высказываниях, как, например, в (2a):

- (2a) *A bywa, że z żalu po człowieku i pies zaraz umrze.*
«А **бывает**, что от печали после потери хозяина и собака **умрет** сразу».
[NKJP; W. Myśliwski, *Traktat o łuskaniu fasoli*, 2007]

Тем не менее, едва ли можно утверждать, что эти функции вытекают по необходимости одна из другой. Так, например, модальное значение предрасположенности (англ. *dispositional*) может быть реализовано без выражения хабитуальной семантики (см. 3), и наоборот — можно найти высказывания с хабитуальной семантикой, но без модального значения (см. 4):

- (3) *Wiesz jaka jest różnica między osobą 30 letnią a 3 latkiem?*
*Osoba starsza budząc się o 6 rano **poleży**^{PEV} w łóżku*
*poogląda^{PEV} TV czy **poczyta**^{PEV} książkę (...).*
«Ты знаешь, какая разница между тридцатилетним человеком и трехлетним ребенком?
Человек постарше, просыпаясь в 6 утра, **полежит** в кровати, **посмотрит** телевизор или **почитаает** книгу (...).»
[NKJP; Usenet – pl.soc.dzieci. 2003–11–12]

- (4) (...) *potem nastala epoka 3D (do teraz czasami sobie w nie pogram^{PFV}, ale już nie cieszą tak jak kiedyś).*
«(...) потом наступила эра 3D (пояныне иногда **поиграю** в них, но они уже не радуют так, как когда-то)».
[NKJP; forum.historia.org.pl, 2008]

Следует обратить внимание на то, что в корпусном материале много легче найти примеры пересечения функций (i-iii), если предикат выступает с отрицанием, нежели в случаях, когда отрицание отсутствует. Данное обстоятельство, по-видимому, можно объяснить тем, что отрицание способно блокировать отнесенность высказывания к какому-либо сегменту действительности какого бы то ни было мира.

Связь с эпистемической интерпретацией форм наст. вр. основ СВ обычно вытекает из импликатур: поскольку у референта X имеется такая-то способность или же отсутствует (ср. 5), или поскольку имеют место такие-то обстоятельства (ср. 6–7), то можно с большей или меньшей достоверностью предсказать, что будет (или не будет) иметь место ситуация S (см. также Sonnenhauser 2008). Отсюда простой шаг к значению буд. вр., в то время как значение предсказания представляется трудным отделить от семантики простого будущего.

диспозициональность > эпистемичность

- (5) *szkoda ze po angielsku.... Nie jestem co prawda weganą i nie zamierzam byc, ale jestem ciekawa... szkoda ze **nie poczytam**^{PFV} :)*
«жаль, что по-английски... Правда, я не веганка и не намерена ею стать/становиться, но мне любопытно... жаль, что **не почитаю** :-)».
[NKJP; Usenet -- pl.soc.wegetarianizm, 2004]

Комментарий: автор не знает английского > не прочтет текст

циркумстанциальность > эпистемичность

- (6) *Dzięki za naprowadzenie.... **nie poczytam**^{PFV} z braku czasu chociaż może w wolnej chwili....*
«Спасибо за наводку... я **не почитаю** из-за отсутствия времени, хотя, может быть, в свободную минуту...»
[NKJP; Usenet -- pl.soc.dzieci, 2001]

Комментарий: у автора нет времени > не прочтет текст

- (7) *Przymiotnik „sarmacka” ma odróżniać tę formę melancholii od form pokrewnych, których opisanie **znajdziemy**^{PFV} w podręcznikach psychologii, psychiatrii lub w obrazach literackich (...).*

«Прилагательное «сармацкая» предназначено для того, чтобы отличать эту форму меланхолии от близких форм, описание которых мы **найдем** в пособиях по психологии, психиатрии или в литературных образах».

[NKJP; J. Tischner, *Świat ludzkiej nadziei: wybór szkiców filozoficznych 1966–1975*, 1975]

Комментарий: Существуют источники, в которых подается искомая информация.

Кроме того, семантика условности может оказаться связующим звеном между хабитуальной и модальной интерпретацией интересующих нас высказываний. Так, например, (2а) можно перефразировать с помощью (2б), а (8а, 9а) — с помощью (8б) и (9б) соответственно:

(2б) *Zawsze gdy **umrze**^{PFV} człowiek, po nim **umrze**^{PFV} też jego pies.*
«Всегда, когда **умрет** хозяин, после него **умрет** и его собака».

(8а) *Он всегда поможет*^{PFV}.

(8б) *≅ Всегда / В любой ситуации когда возникнет*^{PFV} *необходимость, он поможет*^{PFV}.

(9а) *Здесь не покурить*^{PFV}.

(9б) *≅ Здесь нет условий, дающих возможность покурить*^{PFV}.

Если в качестве основной функции СВ принимать функцию ограниченности (или же целостности) и учитывать все приведенные наблюдения, то получится, что функции (i–iii) легко выводимы из алгоритма, основанного на понятиях темпоральной семантики В. Кляйна (Klein 1994) при добавлении понятия *точки отсчета* (см. Падучева 1996 и т. д.). См. График 1, суммирующий, с небольшими модификациями, результаты, полученные Б. Зонненхаузер (Sonnenhauser 2008).

В данной связи важно отметить, что такая конфигурация применима не только к рассматриваемым здесь модальным значениям, но и к другим контекстам снятой утвердительности, за исключением буд. вр. Последний тип отличается от прочих обсуждаемых контекстов в том отношении, что TSit соответствует конкретному временному интервалу, соотносенному с моментом речи. Поэтому в случае с буд. вр. алгоритм «обрубается» уже на шаге (б).

По работам С. Дики (см. Dickey 2000 и т. д.) хорошо известны межславянские различия, которые во многих контекстах вытекают из противоборства между временной локализованностью (англ. *temporal*

definiteness) и акциональными характеристиками обозначаемых ситуаций (= TSit). В этом (функциональном и географическом) континууме русский язык наиболее явно отличается от прочих славянских языков в силу предпочтения, которое отдается выражению временной локализации; в частности, это проявляется в том, что при отсутствии точной временной соотнесенности с моментом речи (см. разные кратные и общефактические контексты) в значительной мере превалируют глаголы НСВ. На этом фоне довольно свободное употребление форм наст. вр. основ СВ в вышеуказанных контекстах неактуального настоящего становится особенно примечательным явлением; это обстоятельство подкрепляется тем, что эти контексты связаны с неограниченной и нерегулярной повторяемостью (см. Wiemer 2008, 399–404; 2015, 590–599), под которую подпадает хабитуальное значение.

С этими выводами более теоретического порядка связана вторая задача доклада, которая заключается в эмпирической проверке встречаемости значений (i–iii) и их делимости от значения (iv), т. е. буд. времени, в реальных текстах современного русского и польского языков. Иными словами, поскольку эти значения можно рассматривать как узлы некоего «четырёхугольника снятой утвердительности», возникает вопрос, с какой систематичностью они на самом деле переплетаются в реальных высказываниях и нет ли различий между русским и польскими языками, которые нельзя увидеть невооруженным глазом, а только с помощью подробного качественного и количественного анализа сопоставимых выборок материала на основе случайным образом выбранных примеров из национальных корпусов соответствующих языков (тексты с 1945 по 2010 год). Случайные выборки корпусных примеров собирались для наиболее частотных пар предельных глаголов (напр., *выйти*—*выходить*) и неопредельных глаголов (напр., *работать*—*поработать*) в польском и русском языке. Частотность устанавливалась по спискам, полученным на основании тех же национальных корпусов.

Качественный анализ, главным образом, заключается в обобщении проблем, связанных с аннотацией функций в примерах из корпуса. Количественный анализ сводится к выявлению значимости различий во взаимодействии различных параметров, способных повлиять на интерпретацию форм наст. вр. основ СВ, включая такие параметры, как акциональность и предельность. Тем самым, настоящий доклад опирается на пилотное исследование, проведенное на польском материале, и расширяет его за счет привлечения материала русского языка. Из того пилотного исследования здесь, по-видимому, можно упомянуть следующие предварительные результаты:

1. Предельность глагола не влияет на интерпретацию в сколько-нибудь значительной степени. Тем не менее, можно заметить определенный перевес модальной интерпретации у предельных глаголов СВ, тогда как хабикулярной — у непредельных.

2. Влияние эксплицитно условных контекстов на интерпретацию (модальную или хабикулярную) незначительно.

3. Прочтения буд. вр. преобладают над хабикулярными, однако в заметно большей степени у предельных, нежели у непредельных глаголов СВ.

4. При прочих равных условиях отрицание не влияет на тенденцию к хабикулярной интерпретации, что, однако, не мешает ему значительно повышать вероятность модальной интерпретации.

5. Взаимобусловленность модального и хабикулярного значений нельзя признать сильной: иными словами, эти значения в большей степени независимы друг от друга. Однако необходимо найти более пригодные рабочие критерии для их определения.

6. Доминирующим модальным значением рассматриваемых видо-временных форм является циркумстанциальное значение (англ. *circumstantial*). Доля примеров с эпистемическим значением незначительна.

Ожидаемые результаты

Анализ обнаруженных в упомянутых корпусах контекстов в настоящее время еще не завершен. Тем не менее, в нашем докладе мы планируем представить результаты сопоставительного исследования польского и русского материала, а также предложить ряд решений для трактовки возникших проблем.

ИСТОЧНИКИ

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). <http://www.ruscorpora.ru>.

Национальный корпус польского языка (Narodowy korpus języka polskiego, NKJP). <http://nkjp.pl/>.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко, А. В. (1971) *Вид и время русского глагола (Значение и употребление)*. Москва.

Падучева, Е. В. (1996) *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива)*. Москва.

Падучева, Е. В. (2005) Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание. *Русский язык в научном освещении* 10 (2005–2), 17–42.

- Dickey, S. M. (2000) *Parameters of Slavic aspect (A cognitive approach)*. Stanford, CA.
- Galton, H. (1976) *The main functions of the Slavic verbal aspect*. Skopje.
- Klein, W. (1994) *Time in Language*. London, New York.
- Kratzer, A. (1981) The notional category of modality. In: H.-J. Eikmeyer, H. Rieser (eds.), *Words, worlds, and contexts (New approaches in word semantics)*. Berlin/New York, 38–74.
- Nikolaeva, I. (2013) Unpacking finiteness. In: D. Brown, M. Chumakina, G. Greville (eds.), *Canonical morphology and syntax*. Oxford: Oxford University Press, 99–122.
- Sonnenhauser, B. (2008) The ‚potential reading‘ in Russian. *Russian Linguistics* 32–3, 185–201.
- Wiemer, B. (2008) Zur innerslavischen Variation bei der Aspektwahl und der Gewichtung ihrer Faktoren. In: K. Gutschmidt, U. Jekutsch, S. Kempgen, L. Udolph (eds.), *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongreß, Ohrid 2008*. München, 383–409.
- Wiemer, B. (2015) O roli vida v oblasti kratnosti i pragmatičeskix funkcij (èskiz s točki zrenija xronotopii). In: R. Benacchio (ed.), *Glagol'nyj vid: grammatičeskoe značenje i kontekst / Verbal aspect: Grammatical meaning and context (Sbornik dokladov III Konferencii Aspektologičeskoj Komissii, sostojavšejsja v Padue s 30.9. po 4.10.2011)*. München, 585–609.

REFERENCES

- Bondarko, A.V. (1971) Vid i vremya russkogo glagola (Znachenie i upotreblenie) [Aspect and tense of the Russian verb (meaning and use)]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 239 p. (In Russian)
- Dickey, S. M. (2000) *Parameters of Slavic aspect (A cognitive approach)*. Stanford, CA: CSLI Publications, 316 p. (In English)
- Galton, H. (1976) *The main functions of the Slavic verbal aspect*. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 307 p. (In English)
- Klein, W. (1994) *Time in Language*. London, New York: Routledge, 243 p. (In English)
- Kratzer, A. (1981) The notional category of modality. In: H.-J. Eikmeyer, H. Rieser (eds.), *Words, worlds, and contexts (New approaches in word semantics)*. Berlin/New York: W. de Gruyter, 38–74. (In English)
- Nikolaeva, I. (2013) Unpacking finiteness. In: D. Brown, M. Chumakina, G. Greville (eds.), *Canonical morphology and syntax*. Oxford: Oxford University Press, 99–122. (In English)
- Paducheva, E.V. (1996) *Semantičeskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v ruskomazyke. Semantika narrativa [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of the narrative]*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 464 p. (In Russian)
- Paducheva, E.V. (2005) Effekty snyatoj utverditel'nosti: global'noe otritsanie [Effects of suspended assertion: global negation]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 10 (2005-2), 17–42. (In Russian)

Sonnenhauser, B. (2008) The 'potential reading' in Russian. *Russian Linguistics* 32–3, 185–201. (In English)

Wiemer, B. (2008) Zur innerslavischen Variation bei der Aspektwahl und der Gewichtung ihrer Faktoren [On inner-Slavic variation in aspect choice and the different weight of factors]. In: K. Gutschmidt, U. Jekutsch, S. Kempgen, L. Udolph (eds.), *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongreß*, Ohrid 2008. München:, 383–409. (In German)

Wiemer, B. (2015) O roli vida v oblasti kratnosti i pragmatičeskix funkcij (eskiz s točki zrenija xronotopii) [On the role of aspect in pluractional domains and for pragmatic functions]. In: R. Benacchio (ed.), *Glagol'nyj vid: grammatičeskoe značenie i kontekst / Verbal aspect: Grammatical meaning and context (Sbornik dokladov III Konferencii Aspektologičeskoi Komissii, sostojavšejsja v Padue s 30.9. po 4.10.2011 [Talks given at the III Conference of the Aspectological Commission, delivered in Padua, Sept., 30, to Oct., 4, 2011])*. München: Verlag Otto Sagner, 585–609. (In Russian)

Валентина Анатольевна Закревская
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»
625003 г. Тюмень, ул. Володарского, 6
zakrev@yandex.ru

Valentina Anatol'evna Zakrevskaia
Candidate degree, associate professor
Tyumen state university
6, Volodarskogo st., 625003, Tyumen, Russia
zakrev@yandex.ru

Вид и залог глагола: особенности функционирования в диалектной речи

Аннотация. В докладе на материале архангельских говоров рассматриваются некоторые особенности функционирования глагольных категорий вида и залога. На наш взгляд, четкое противопоставление граммем и той, и другой категории, характерное для письменной формы языка, в диалектной (и вообще устной) речи как бы «уходит» на второй план. Во-первых, в говорах преобладают формы совершенного вида, «берущие на себя», кроме присущих им функций, аспектуальные смыслы кратности и длительности действия, проявляющиеся в особой лексической сочетаемости, а также в удвоении глагольной формы (*Бабушка долго прожила, в пригляде. Что опять долго ушла-то? Раза три он окошко всё и выбьет. Он всё эти огурцы перемыл, перемыл, перемыл. Я всё много напеку другой раз*). Во-вторых, обычно для говоров органичное сосуществование в одном высказывании глаголов обоих видов (*Антошка не болеет, она всё заболела*). Указанные черты создают динамичность, краткость и емкость речи, в которой синкретично представлены разные смыслы. Что касается залога, то здесь тоже классической оппозиции типа *Рабочие строят дом — Дом строится рабочими* (представленной, в основном, в учебной литературе) не наблюдается. Зато весьма употребительны краткие страдательные причастия, которые образуются как от переходных, так и от непереходных, как от возвратных, так и от невозвратных глаголов (*Ел рыбу, было выдано ему, ещё и не доедено. Так привыкнуто. В кипяток села, было обожгонось. Так живут с девкой, не записанось. Всё съедено у моли. Хоть немного ежжено у них*). Подобные конструкции уже нельзя рассматривать как страдательные, а следовательно,

и говорить о противопоставлении залогов. Таким образом, стирание грамматической семантики и вида, и залога — это вообще особенность устной речи, и не только диалектной.

Ключевые слова: вид, залог глагола, функционирование, диалектная речь.

Aspect and voice of the verb: features of functioning in dialect speech

Summary. The report, based on the material of the Arkhangelsk dialects, discusses some features of the functioning of the verb categories of the aspect and voice. In our opinion, a clear juxtaposition of grammas of both categories, characteristic of the written form of the language, in dialect (and generally oral) speech, as it were, “fades into the background”. Firstly, in dialects the perfect-looking forms prevail, “taking upon themselves”, in addition to their inherent functions, aspectual meanings of multiplicity and duration of action, manifested in special lexical compatibility, as well as in doubling the verb form. Secondly, usually for dialects, organic coexistence in one utterance of verbs of both aspects is common. These features create dynamism, brevity and capacity of speech, in which different meanings are represented syncretically. As for the voice, here too there is a classical opposition such as *Workers are building a house — The house is being built by workers* (presented mainly in educational literature) is not observed. But short passive participles, which are formed both from transitive and intransitive, from both returnable and irrevocable verbs, are very common. Such constructions can no longer be regarded as passive, and therefore, talk about the opposition of voice. Thus, the erasure of grammatical semantics of both aspect and voice is generally a feature of oral speech, and not only dialect.

Key words: aspect, voice, functioning, dialect speech.

Введение

Объект нашего исследования — глагольные формы разного вида и залога, предмет — некоторые особенности их функционирования в диалектной речи. Материалом для анализа послужили собственные записи живой речи, осуществленные в разных районах Архангельской области в 80-е гг. XX в. и в первые десятилетия XXI в. Многолетние наблюдения над употреблением глагольных форм заставили нас усомниться в четком противопоставлении граммем важнейших глагольных категорий вида и залога, характерном для письменной формы языка, в устной его форме, в частности, диалектной. Существует большой объем лингвистической литературы, посвященной

описанию этих категорий, и, даже если исследователь обращается к функциональному аспекту, к анализу, как правило, привлекаются книжные источники. Рассмотрим, как проявляются обе категории в нашем материале.

Категория вида

В. А. Плунгян сделал очень значимое для нас замечание о близости граммем совершенного и несовершенного вида в выражении того или иного смысла (Плунгян 2004, 392). Анализ проявления категории вида в диалектной речи выявил следующие особенности:

1) значительное превалирование в употреблении форм совершенного вида (особенно это касается префиксальных глаголов);

2) в связи с этим более широкий диапазон глаголов совершенного вида в выражении аспектуальных смыслов (в том числе в контекстах кратности и длительности действия), что выражается в своеобразной лексической сочетаемости;

3) органичное сосуществование в одном контексте глаголов разных видов;

4) регулярность в образовании вторичных имперфективов;

5) активное употребление наряду с глаголами несовершенного вида так называемых многократных глаголов.

Сосредоточим наше внимание на первых трех чертах в силу частотности функционирования перфективов в наших говорах. Так, по наблюдениям, сделанным ранее, больше двух третей всех употреблений глагольных форм составляют глаголы совершенного вида (Закревская 2002). Данное обстоятельство заставляет задуматься над причинами такого явления. Исследователи литературного языка усматривают здесь определенную языковую аномалию, правда, с оговоркой, что она, вероятно, имеет следы в истории языка (Гловинская 2008). Последнее кажется нам справедливым, так как более ранним этапам развития языка было свойственно так называемое неразличение видов, что проявлялось как в отсутствии специфики в лексической сочетаемости глаголов совершенного и несовершенного видов, так и связанной с этим большей свободой употребления глаголов обоих видов в одном контексте (в частности в качестве однородных членов) (Плотникова 1998).

Данные черты находят отражение в исследуемых говорах. Так, обращает на себя внимание сочетание сочетаемость глаголов совершенного вида с показателями кратности и длительности действия. Как правило, это количественно-именные группы с указанием определенно-

го или неопределенного количества или слова со значением меры длительности. Например:

Каждый месяц я съезжу. Я вечером сто раз позвонила. Иногда четыре дня не придёт. Ночью всегда проснусь. Что долго ушла-то?

Своеобразное значение длительности (и тщательности) действия создается очень частотным в наших говорах удвоением перфективов. Приведем примеры:

Погляжу, погляжу (=проснусь, открою глаза на какое-то время) и опять проваливаюсь в сон. Я натёрла, натёрла (мазью больное место). Он все эти огурцы перемыл, перемыл, перемыл. Я опять ей вынесу да вынесу (еды кошке). Потихоньку по одному ведру наношу да наношу. У меня словечко како выскочит да выскочит.

Вполне органично в одном контексте могут соседствовать формы глаголов разных видов:

Колька-то любит, погрызёт сухарики. Сама зарезу (овцу), никого не прошу. Птицы-то добывают и потащат (мох с крыши). Каждый день придёт, беседует с нами.

Отмеченные черты, с одной стороны, характеризуют диалектную речь как динамичную, емкую, синкретично передающую с помощью глагольной формы и соответствующего контекста разные смыслы, в т. ч. модальные; с другой стороны, свидетельствуют об ослаблении противопоставления по виду.

Категория залога

Вопрос о категории залога традиционно вызывает много споров и не имеет однозначного решения, что объясняется, прежде всего, своеобразной природой данной грамматической категории — отсутствием четкого морфемного показателя в пользу определенной синтаксической конструкции, в которой или явно, или подспудно присутствует субъект действия. Исследователи литературного языка отмечают асимметрию противопоставления по залогу в зависимости от вида глагола: переходный глагол несовершенного вида имеет залоговую пару типа *решать / решаться*, а переходный глагол совершенного вида вступает в залоговую пару со страдательным причастием (*решить / решен*) (Петрухина 2017). Подобного противопоставления в чистом виде мы не наблюдаем в живой диалектной речи (особенно это касается форм несовершенного вида). Да и в литера-

турном языке страдательные конструкции встречаются, в основном, в письменной книжной форме. Тем не менее в архангельских говорах весьма частотны краткие страдательные причастия с суффиксами *-н-* и *-т-*. Данный феномен не раз становился предметом исследования и в прошлом, и в настоящем (Кузьмина, Немченко 1971; Маркова 2018). В том, что по форме (наличию суффиксов) это безусловно причастия страдательного залога, никто не сомневается. Однако их употребление в конкретных высказываниях требует осмысления. Отметим следующие особенности.

1. Страдательные причастия встречаются как в двусоставных, так и в односоставных конструкциях. В двусоставных предложениях употребляются причастия и от глаголов совершенного, и несовершенного вида: *Бочки-то поставлены под капель. Там лоток сделан, натекает воды. Я драна не была* (не бил муж).

2. Нередки высказывания с отсутствием согласования: *Сашка-то выжито был. Ты снято, как второй отец* (похож на отца характером). *Две медали дано*. Такое употребление делает причастную форму особой, готовой к употреблению в безличных односоставных предложениях. Поэтому не случайно на фоне двусоставных конструкций, в которых подлежащее (=объект) опускается, развивается безличность.

3. Употребление кратких страдательных причастий в безличных конструкциях свидетельствует о том, что как бы стирается, уходит на второй план залоговое значение страдательности, тем более что возможно образование и от переходных, и от непереходных (в т. ч. возвратных) глаголов обоих видов: *Ел рыбу, было выдано ему, ещё и не доедено* (о коте). *Сущика засушено. Картошки насажено. Всего хвачено. Везде бывано, дак наслушаешься. Там выжито, всё своё, знакомое. Отвыкнуто дак, отвыкнуть-то легко. Так привыкнуто. Разве подумано, что она в потёмках побредёт. С кошка-то на беду попадено. Люди обычно долго не живут, на которых шаманёно. За прошлый год не рассчитанось. В кипяток села, было обожгонось. Отгороженось* (стена между квартирами).

4. Еще одной яркой особенностью является выражение субъекта действия при страдательных причастиях формой *у + род. падеж*: *Всё съедено у моли* (=моль съела). *Одется у ей было — одва содрали. Хоть немного езжено у них* (о машине). *У меня у сына накошено. У Наташи вчера сварено. Что у меня побегано из квартиры в квартиру*.

Таким образом, и в случае с категорией залога мы не видим явного противопоставления граммем в реальной речи. На первый план

выступает само действие, а не субъект или объект (хотя они, безусловно, есть).

ВЫВОДЫ

1. Категории вида и залога имеют особенности в своем проявлении в диалектной речи, что, на наш взгляд, вполне естественно в силу ее устного характера.

2. Глаголы совершенного вида преобладают в устном высказывании, беря на себя функции глаголов несовершенного вида, выступая в контекстах кратности и длительности действия. Это может быть объяснено не только сохранением следов более раннего развития языка, но и большей информативностью самой формы совершенного вида, способной в окружении соответствующего контекста более емко, образно, динамично передать мысли говорящего.

3. Страдательный залог формально представлен в архангельских говорах только краткими страдательными причастиями прошедшего времени с суффиксами *-н-*, *-т-*, употребляющимися, в основном, в безличных конструкциях. Но семантика пассивности в них сильно ослаблена, поскольку они образуются и от переходных, и от непереходных (в т. ч. возвратных) глаголов разных видов.

4. Таким образом, обе глагольные категории в их проявлении в диалектной речи объединяет отсутствие четкого противопоставления, характерного для кодифицированного языка. Данное обстоятельство не кажется нам странным, так как для говорящего важно более точно и компактно передать информацию о самом действии, а для этого идеально подходят перфективы и краткие страдательные причастия.

ЛИТЕРАТУРА

Гловинская, М. Я. (2008) Активные процессы в грамматике. В кн.: *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков*. М.: Языки славянских культур, с. 216–224.

Закревская, В. А. (2002) *Употребление приставочных глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи (на материале архангельских народных говоров)*. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М.: МАКС Пресс, 24 с.

Кузьмина, И. Б., Немченко, Е. В. (1971) *Синтаксис причастных форм в русских говорах*. М., 310 с.

Маркова, Н. В. (2018) Страдательные конструкции в частной диалектной системе. В кн.: *Актуальные проблемы русской диалектологии*. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, с. 161–163.

Петрухина, Е. В. (2017) Асимметрия видовых и временных корреляций в русском страдательном залоге (объяснительная концепция). В кн.: *Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина)*. СПб.: Нестор-История, с. 117–119.

Плотникова, О. С. (1998) Проблемы сопоставительного изучения славянского вида в диахронии. В кн.: *Типология вида. Проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры, с. 364–370.

Плунгян, В. А. (2004) К дискурсивному описанию аспектуальных показателей. В кн.: *Типологические обоснования в грамматике*. М.: Языки славянских культур, с. 390–411.

REFERENCES

Glovinskaya, M. Ja. (2008) Aktivnye processy v grammatike [Active processes in grammar]. In: *Sovremennij russkij jazyk. Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov [Modern Russian language. Active processes at the turn of the XX–XXI centuries]*. Moscow: Jazyki slavyanskikh kul'tur Publ., pp. 216–224. (In Russian)

Kuz'mina, I. B., Nemchenko, E. V. (1971) *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorkakh [Syntax of participial forms in Russian dialects]*. Moscow, 310 p. (In Russian)

Markova, N. V. (2018) Stradatel'nye konstruksii v chastnoj dialektnoj sisteme [Passive constructions in a private dialect system]. In: *Aktual'nye problemy russkoj dialektologii [Actual problems of Russian dialectology]*. Moscow: Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., pp. 161–163. (In Russian)

Petrukhina, E. V. (2017) Asimetriya vidovykh i vremennykh korrelyatsij v russkom stradatel'nom zaloge (ob'jasnitel'naya kontseptsija) [Asymmetry of aspectual and temporal correlations in the Russian passive voice (explanatory concept)]. In: *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsija «Russkij glagol» (k 50-letiju vykhoda v svet knigi A. V. Bondarko i L. L. Bulanina) [International Scientific Conference “Russian verb” (to the 50th anniversary of the publication of the by A. V. Bondarko and L. L. Bulanin)]*. Saint Petersburg: Nestor-Istorija Publ., pp. 117–119. (In Russian)

Plotnikova, O. S. (1998) Problemy sopostavitel'nogo izuchenija slavyanskogo vida v diahronii [Problems of comparative study of the Slavic aspect in diachrony]. In: *Tipologija vida. Problemy, poiski, reshenija [Typology of the aspect. Problems, searches, solutions]*. Moscow: Iazyki russkoj kul'tury Publ., p. 364–370. (In Russian)

Plungyan, V. A. (2004) K diskursivnomu opisaniju aspektual'nykh pokazatelej [To the discursive description of aspectual indicators]. In: *Tipologicheskie obosnovanija v grammatike [Typological justification in grammar]*. Moscow: Iazyki slavyanskikh kul'tur Publ., pp. 390–411. (In Russian)

Zakrevskaya, V. A. (2002) *Upotreblenie pristavochnykh glagolov sovershennogo i nesovershennogo vidov v dialektnoj rechi (na materiale arkhangel'skikh narodnykh govorov) [The use of prefixed verbs of perfective and imperfective in dialect speech (based on the material of the Arkhangelsk folk dialects)]*. Atoref. dis. ...kand. filol. nauk. Moscow: MAKS Press Publ., 24 p. (In Russian)

Олег Феофанович Жолобов

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008 Казань, ул. Кремлевская, д. 18
E-mail: ozolobov@mail.ru

Oleg Feofanovich Zholobov

DSc, Professor, Professor, Department of Applied and Experimental Linguistics
Kazan (Volga region) Federal University
Legal address of the organization: 18, Kremlevskaja, Kazan, 420008, Russia
E-mail: ozolobov@mail.ru

**Прошедшее время и распределение видовых форм
в Толстовском сборнике XIII в.¹³⁸**

Аннотация. Толстовский сборник — рукопись Российской национальной библиотеки (Ф. п. I. 39) из собрания графа Ф. А. Толстого, которая датируется второй половиной XIII в. и имеет значительный объем — 184 листа. Рукопись не издана и не исследована, хотя является ценным лингвистическим источником, включающим самые ранние списки гомилий Кирилла Туровского, анонимных гомилий, Притчи о премудрости, двух апокрифов, Жития Василия Великого и особую редакцию перевода катехизических учений Кирилла Иерусалимского.

Тексты в Толстовском сборнике характеризуются высокой частотностью простых претеритов, которые совмещали темпоральную семантику с аспектуальной. Особенно ярко видовая семантика проявляется в имперфекте, где фиксируются лишь единичные примеры употребления перфективных глаголов, которые получали специализированную функцию, обозначали краткозаконченные действия и соотносились с категорией хабитуальности. Анализ текста продемонстрировал существование только отдельных семантических подгрупп, в которых допускалась вариативность претеритальных форм, обусловленная допустимостью использования в аористе имперфективных глаголов.

Видовое значение имперфекта проистекает из его генезиса в индоевропейском языке. Он образовывался от основ презенса с продленным те-

¹³⁸ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00428).

матическим гласным. Дуративная или итеративная семантика презенса в имперфекте как форме «present-in-the-past» трансформировалась в значение внутренней конфигурации времени, отнесенного к прошедшему, т. е. получила аспектуальный характер. Развитие значений совершенного и несовершенного вида в славянских языках находит прямое диахроническое соответствие в длительном сохранении двух простых претеритов, в отличие от других индоевропейских языков, помимо индоиранских и греческого. Как сигматический, так и простой аорист являются у славян индоевропейским архаизмом, а имперфект отражает структурный параллелизм простых претеритов в индоевропейском.

Ключевые слова: древнерусский язык, прошедшее время, простые претериты, видовые формы, Толстовский сборник.

Past Tense and aspectual forms distribution in the Tolstovskij sbornik from the 13th century

Summary. The Tolstovskij sbornik is a manuscript of the Russian National Library (F. p. I. 39) from the collection of Count F. A. Tolstoy. The manuscript has not been published and not studied, although it is a valuable linguistic source, including the earliest lists of Cyril Turovskij's homilies, anonymous homilies, the Parable of Wisdom, two apocrypha, Life of Basil the Great and a special version of the translation of the catechetical teachings of Cyril of Jerusalem.

The texts in the collection are characterized by the high frequency of simple Preterites, which combined temporal semantics with aspectual. Particularly vivid aspectual semantics is manifested in Imperfect, where only isolated examples of the use of perfective verbs that receive a specialized function are recorded, indicated multiple-completed actions and correlated with the category of habituality. An analysis of the text demonstrated the existence of only individual semantic subgroups in which the variability of preteritic forms was allowed, due to the permissibility of using imperfective verbs in the aorist.

The aspectual semantics of the imperfect stems from its genesis in the Proto-Indo-European. It was formed from the basics of Present with an extended thematic vowel. The durative or iterative semantics of Present in Imperfect as “a present-in-the-past” form was transformed into the meaning of the internal configuration of time related to the past, i. e. received an aspectual function. The development of the meanings of the perfect and imperfect aspects in the Slavic languages finds direct diachronic correspondence in the long-term preservation of two simple preterites, in contrast to other Indo-European languages, besides Indo-Iranian and Greek.

Key words: Old Russian, Past Tense, simple Preterites, aspectual forms, Tolstovskij sbornik.

О Толстовском сборнике

Толстовский сборник — рукопись РНБ, Ф. п. I. 39, которую датируют второй половиной XIII в. (Сводный каталог 1984, 324). Рукопись объемная — 184 листа, записанных в один столбец. В настоящее время заканчивается подготовка интернет-издания Толстовского сборника (далее — ТС) в рамках проекта РФФИ (№ 18-012-00428). ТС размещен в «Казанской электронной коллекции славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв.» на портале «Манускрипт» (Казанская коллекция 2007–2020). Это десятая рукопись в электронной коллекции. ТС — это макротекст. В его состав входят шесть проповедей Кирилла Туровского — известного церковного деятеля и писателя второй половины XII в., два анонимных поучения, «Слово о премудрости», «Слово на Рождество Христово», приписанное Иоанну Златоусту, два апокрифа — «Сказание Афродитиана» и «Легенда об Авгаре», «Житие Василия Великого», 16 катехизических поучений Кирилла Иерусалимского. Тексты по большей части представлены в самых ранних списках, а поучения Кирилла Иерусалимского — в особой редакции. ТС обладает несомненной и особой историко-лингвистической и лингвотекстологической ценностью. В рамках проекта проводится комплексное исследование ТС (см., в частности, Баранов, Жолобов 2019; Жолобов 2018; Новак 2019; Пенькова 2018; Žolobov, Novak 2018). Машиночитаемое интернет-издание рукописи позволяет производить выборку форм в режиме онлайн. Хотя в состав ТС, наряду с южнославянскими по происхождению, входят оригинальные и переводные древнерусские тексты, а также древнерусские компиляции, его материал не был учтен ни в СДРЯ, ни в академической «Древнерусской грамматике XII–XIII вв.» (Иванов 1995), ни в «Исторической грамматике русского языка» (Аванесов, Иванов 1982). Поскольку в ТС представлены тексты разного происхождения и хронологической принадлежности антиграфов, материал рукописи дает значимый диахронический срез данных.

К предыстории категории аспектуальности

В. Б. Силина отмечает в «Древнерусской грамматике XII–XIII вв.»:

Исследованиями последних лет с большой долей достоверности установлено, что глагольный вид берет свое начало в позднеславянский период. В эпоху появления первых памятников др.-рус. письменности уже существовала определенная система выражения видовых различий в сфере глагольной лексики (главным образом, приставочных глаголов

или бесприставочных глаголов с предельным значением). Семантическим и формальным центром складывавшейся видовой системы была категория имперфективности (Силина 1995, 375–376).

Однако обращение к работам по индоевропеистике показывает, что формы прошедшего времени — аорист и имперфект — были связаны с выражением видových значений уже в праиндоевропейском, а затем и в языках, продолжающих индоевропейское состояние, — в ведийском, авестийском (Елизаренкова 1982, 283–287; Эдельман 1975, 337–342). Аорист был связан с совершенным видом, а имперфект — с несовершенным или нейтральным. На противопоставлении аориста и имперфекта основано видовое противопоставление и в греческом, но с иным соотношением: если имперфект здесь выражал несовершенный вид, то аорист не был однозначно связан с совершенным видом (Лайонз 1978, 332–333). Это состояние близко праславянскому, где имперфект почти исключительно соотносился с глаголами несовершенного вида, в то время как аорист мог образовываться как от глаголов совершенного, так и несовершенного вида. Количественные расчеты показывают, что в грамматически тождественном праславянскому старославянском языке встречается только 1% имперфектов от перфективных глаголов, в то время как в аористе на 60% перфективных глаголов приходится 40% имперфективных (Večerka 1993, 157).

Видовое противопоставление сложилось в индоевропейском после претеритального удвоения и образования имперфекта от основ презенса, так что дуративная или итеративная семантика презенса стала внутренней временной конфигурацией, т. е. аспектуальной характеристикой, в имперфекте, который принято определять как «present-in-the-past» (Poldauf 1956, 163)¹³⁹. Такое же претеритальное удвоение произошло и в праславянском вместе с развитием нового, суффиксального, имперфекта, однако само по себе это удвоение стало восстановлением индоевропейского состояния, в то время как сигматический аорист является у славян индоевропейским архаизмом — так же, как и утвердившиеся во 2–3 л. ед. ч. формы простого аориста типа **ide*, **nese*, по происхождению являющиеся индоевропейским имперфектом (Мейе 2000, 199; Семереньи 1980, 317)¹⁴⁰. Поскольку

¹³⁹ «Как и разграничения внутри категории времени, все они [видовые и частновидовые значения — О. Ж.] связаны с понятием времени, но (как пишет Хоккет) не с «положением во времени», а с временным распределением или контуром» действия, события или состояния. Вид в отличие от категории времени не является дейктической категорией; он не соотносится со временем высказывания» (Лайонз 1978, 333).

¹⁴⁰ Точнее эти формы следовало бы назвать имперфектом-инъюнктивом, поскольку они не содержат аугмента, а безаугментные формы претеритов употреблялись не

славянский имперфект стал суффиксальным образованием, старые бессуффиксальные его формы влились в систему аориста, образовав слой форм с имперфективными основами. Таким образом, претеритальное удвоение в праславянском коррелирует с ранним развитием категории вида, что отличает его от других индоевропейских языков, где не сохранялись два простых претерита.

Простые претериты и видовое соотношение в ТС

В пражском словаре старославянского языка (SJS, t. I–IV) использована аспектуальная классификация глаголов: в словарных статьях несовершенный вид дается с пометой «*imperf.*», а совершенный — «*pf.*», для глаголов общего вида приводятся обе пометы. В словаре использовались результаты фундаментального труда, в котором весь свод старославянского глагольного лексикона получил аспектуальные определения и автор которого вошел в редакционную группу словаря (Dostál 1954). Судя по цитируемым контекстам в самом словаре, вид определялся исходя из преимущественного употребления форм аориста или имперфекта, а другой важной диагностической формой были причастия настоящего времени, образование которых от перфективных основ встречается исключительно редко и по существу является окказиональным. В ТС такие причастные формы отмечаются только в восходящих к старославянскому переводу поучениях Кирилла Иерусалимского и лишь в пяти примерах: *одольюще* 131.2.19; *постгнуще* 145.1.15; *прнндуца* 107.2.17, 176.1.24; *прѣдущѣ* 148.2.9¹⁴¹.

Многочисленные формы имперфекта в ТС почти исключительно связаны с глаголами несовершенного вида, что придает им диагностический статус видовой характеристики и квалифицирует как ядерный тип форм в развитии видового противопоставления. Имперфект — это «видо-временная» форма глагола (Маслов 1990, 174). В то же время в ТС отмечаются редкие формы имперфекта от перфективных глаголов, однако это не означает неразвитости категории вида (ср. Силина 1982, 195). Напротив, употребление подобных форм основывается как раз на видо-временной семантике имперфекта, поскольку перфективные имперфекты обозначают неопределенно-кратные или дистрибутивно-кратные законченные действия. Хотя шире всего эти формы представлены в древнерусских источниках,

в темпоральном значении, а выражали значения косвенной модальности (Елизаренкова 1982, 281–283).

¹⁴¹Первая цифра — номер листа, вторая цифра — лицевая (1) или оборотная сторона (2) листа, третья — номер строки.

они имеют праславянское происхождение, судя по недавно обнаруженным формам перфективных имперфектов в старославянских памятниках письменности (Жолобов 2016; Жолобов 2017, 51–81). В ТС перфективные имперфекты найдены в проповедях Кирилла Туровского. См. перфективные имперфекты со значением многократных законченных действий (в том числе связанные с категорией хабитуальности) *презрѣху, възмоуташеться, нцѣлаше, възмоуташе*, при перфективных глаголах *прѣзрьѣти, възмоутитица, нцѣлѣти, възмоутити*: *ѿгоже н крауеве небръгома створнша · ѿгоже презрѣху възмѣтающен възкупель · ѿгда бо възмоуташеться вода · въси ѡ бѣтѣхъ пекоущеса · сдравни сего ѿрѣяху 16.2; англъ бо гнь прнхода възмоушаще воду · н по възмоушенин перкоє възвзын цѣль бзваше · Си же въ шобразѣ стго крѣпниа · понеже не всегда нцѣлаше · нъ ѿгда ю англъ възмоуташе 17.1.*

ТС дает показательный срез тех групп имперфективных глаголов, которые могли употребляться в аористе, несмотря на выраженную тенденцию к преимущественному использованию в аористе перфективных глаголов. Прежде всего нужно заметить, что среди подобных имперфективных форм аориста присутствуют старые формы имперфекта, а этот факт не учитывается в исторических исследованиях. Данные глаголы были втянуты в орбиту аористной системы до развития нового суффиксального имперфекта взамен исходного бессуффиксального, сохранив в ряде образований исконный вид. Имперфективные глаголы в аористе связаны с группами глаголов, выполняющих важную коммуницирующую функцию. Так, старым имперфектом такого значимого глагола, как *бѣти*, является аорист 2–3 л. ед. ч. *бѣ* (Фасмер I, 141). В ТС представлено 80 аористных форм *бѣ* с равномерным распределением в различных текстах. «Вторичные», суффиксальные формы имперфекта 2–3 л. ед. ч. чуть более частотны — в разной орфографии: *бѣаше* (7 форм), *бѣше* (1 форма), *бѣише* (1 форма), *бѣше* (89 форм), однако абсолютное большинство этих форм связано только с двумя текстами — южнославянскими переводами «Жития Василия Великого» и поучений Кирилла Иерусалимского. Устойчивость имперфектной по происхождению формы *бѣ* можно сравнить с сохранением столь же глубокого архаизма — индоевропейского перфекта *вѣдь* ‘я знаю’.

Имперфектное происхождение имеют простые аористы 2–3 л. ед. ч. глаголов типа *вѣде, нде, несѣ*, которые также оказались втянутыми в орбиту аориста после образования нового, суффиксального, имперфекта. В ТС аористы этого типа уже являются архаизмами, их место замещают приставочные образования совершенного вида. Так, форма *вѣде* встречается лишь один раз, а приставочные глаголы полностью пре-

обладают. Форма *нѣ* вовсе отсутствует, отмечаются лишь приставочные образования. Архаичный аорист *ндѣ* обнаруживается в семи случаях — одна форма у Кирилла Туровского и шесть форм в «Житии Василия Великого», при том что один только глагол *прѣндѣ* отмечается в разных текстах 55 раз, а *сгнѣ* — 20 раз. В дв. и мн. ч. бесприставочные формы аориста у этого глагола движения вообще отсутствуют.

Заключение

Таким образом, проникновение в систему аориста имперфектных по происхождению форм свидетельствует о существовании переходного периода до нового претеритального удвоения и образования суффиксального имперфекта. В этот период в системе аориста могли частично закрепиться имперфективные глаголы таких коммуникативно значимых лексико-семантических групп, как глаголы речевой и мыслительной деятельности, а также глаголы разных типов восприятия (*бѣсѣдѣвати, глаглати, молити, ѡбѣщати, непѣсѣвати, видѣти, слышати, мыслѣти, разумѣти* и др.), которые в ТС по-прежнему представлены как имперфектными, так и аористными формами. Вместе с тем у глаголов физического действия включая частотные глаголы движения или перемещения в пространстве наблюдается рост префиксальных образований, что обусловлено актуальностью модификации ядерной семантики. Этот процесс гармонизирует морфологическую связь аориста и приобретаемой перфективности. В недавнем исследовании старославянских глаголов с использованием статистических моделей и корпусного подхода подтверждена оппозитивность перфективных и имперфективных глаголов (Eckhoff & Janda 2014). Приведенные факты в своей совокупности свидетельствуют о праязыковом генезисе категории вида и ее соотносительности с динамикой темпоральных форм в славянских языках, а также о ведущей роли древнего имперфекта в эволюции аспектуальности.

ИСТОЧНИКИ

Казанская коллекция 2007–2020 — Казанская электронная коллекция славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв. Казанский федеральный университет, лаборатория палеославистики, при поддержке ИАС «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54> — последнее обращение: 12.01.2020).

ТС — Сборник слов и поучений (Толстовский сборник) (вторая половина XIII в.), рукопись РНБ, Ф.л.1.39. 184 л.; Казанская коллекция 2007–2020.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М.: Наука, 1984. 406 с.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII. М.: Азбуковник, 1988–2019.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Том I (А — Д). М.: Прогресс, 1986. 562 с.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Т. I–IV. Praha: Academia, 1956–1997.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов, Р. И., Иванов, В. В. (ред.) (1982). *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*. М.: Наука, 436 с.

Баранов, В. А., Жолобов, О. Ф. (2019). Древнерусские рукописи как объект статистического анализа. *Интеллектуальные системы в производстве*, том 17, № 4, с. 63–77.

Елизаренкова, Т. Я. (1982). *Грамматика ведийского языка*. М.: Наука, 440 с.

Жолобов, О. Ф. (2016) От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте. *Вопросы языкознания*, № 3, с. 64–80.

Жолобов, О. Ф. (2017). *Древнерусская грамматика: простые претериты и praesens historicum*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 190 с.

Жолобов, О. Ф. (2018). О контрастирующих орфографических системах в рукописи XIII в. (к интернет-изданию Толстовского сборника). *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, № 3, с. 77–89.

Иванов, В. В. (ред.) (1995). *Древнерусская грамматика XII–XIII вв.* М.: Наука, 520 с.

Лайонз, Дж. (1978). *Введение в теоретическую лингвистику*. М.: Прогресс, 544 с.

Маслов, Ю. С. (1990). Имперфект. В кн.: В. Н. Ярцева (ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, с. 174.

Мейе, А. (2000). *Общеславянский язык*. М.: Прогресс, 492 с.

Новак, М. О. (2019). Слово на Рождество Христово в Толстовском сборнике XIII в.: лингвотекстологическая характеристика. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание, т. 18, № 4, с. 6–17.

Пенькова, Я. А. (2018). Сказание Афродитиана в Толстовском сборнике XIII в.: лексическое своеобразие и проблема локализации перевода. *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*, т. 160, кн. 5, с. 1059–1068.

Семереньи, О. (1980). *Введение в сравнительное языкознание*. М.: Прогресс, 408 с.

Сирина, В. Б. (1982). История категории глагольного вида. В кн.: Р. И. Аванесов, В. В. Иванов (ред.). *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*. М.: Наука, с. 158–279.

Сирина, В. Б. (1995). Видо-временные отношения. В кн.: В. В. Иванов (ред.). *Древнерусская грамматика XII–XIII вв.* М.: Наука, с. 374–464.

Эдельман, Д. И. (1975). Категории времени и вида. В кн.: В. С. Расторгуева (ред.). *Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Том II: Эволюция грамматических категорий*. М.: Наука, с. 337–411.

Dostál, A. (1954). *Studie o vidovém systému v staroslovenštině*, Prague: Státní pedagogické nakladatelství, 681 s.

Eckhoff, H. M. & Janda, L. A. (2014). Grammatical Profiles and Aspect in Old Church Slavonic. *Transactions of the Philological Society*, Vol. 112, Issue 2, p. 231–258.

Poldauf, I. (1956). Indo-European personal endings. *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*, Vol. 9, H. 2, p. 156–168.

Večerka, R. (1993). *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur*. Freiburg. i. Br.: Weiher, 411 S.

Žolobov, O., Novak, M. (2018). Verb Forms Functioning in Cyril Turovskij's Homilies (In Comparison to the Tale of Igor's Campaign). *Zeitschrift für Slawistik*, Bd. 63, H. 1, p. 74–89.

SOURCES

Kazanskaja kolekcija 2007–2020 — Kazanskaja elektronnaia kolekcija slavjano-russkikh pamjatnikov pis'mennosti XII–XIV vv. Kazanskij federal'nyj universitet, laboratorija paleoslavistiki, pri podderzhke IAS «Manuskript» (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54> — poslednee obrashchenie: 12.01.2020).

TS — Sbornik slov i pouchenij (Tolstovskij sbornik) (vtoraja polovina XIII v.), rukopis' RNB, F.p.I.39. 184 l.; Kazanskaja kolekcija 2007–2020.

DICTIONARIES AND REFERENCE LITERATURE

Svodnyj katalog slavjano-russkikh rukopisnykh knig, khranjashchikhsja v SSSR. XI–XIII vv. M.: Nauka, 1984. 406 s.

SDRJa — Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.). T. I–XII–. M.: Azbukovnik, 1988–2019–.

Fasmer, M. Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka. V četyreh tomakh. Tom I (A — D). M.: Progress, 1986. 562 s.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. T. I–IV. Praha: Academia, 1956–1997.

REFERENCES

Avanesov, R. I., Ivanov, V. V. (eds.) (1982). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol* [Historical Grammar of Russian. Morphology. Verb]. M.: Nauka, 436 p. (In Russian)

Baranov, V. A., Zholobov, O. F. (2019). Drevnerusskie rukopisi kak ob'ekt statističeskogo analiza [The Oldest Russian Manuscripts as an Object of Statistical Analysis]. *Intellektual'nye sistemy v proizvodstve*, vol. 17, no. 4, pp. 63–77.

Elizarenkova, T.Ya. (1982). *Grammatika vedijskogo yazyka* [Vedic Grammar]. M.: Nauka, 440 p. (In Russian)

Zholobov, O. F. (2016) Ot praslavyanskogo yazyka k staroslavjanskomu: o perfektivnom imperfekte [From Proto-Slavic to Old Church Slavonic: on Perfective Imperfect]. *Voprosy yazykoznanija*, no. 3, pp. 64–80. (In Russian)

Zholobov, O. F. (2017). *Drevnerusskaya grammatika: prostye preterity i praesens historicum* [Old Russian Grammar: simple preterities and praesens historicum]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 190 p. (In Russian)

Zholobov, O. F. (2018). O kontrastiruyushchikh orfograficheskikh sistemakh v rukopisi XIII v. (k internet-izdaniyu Tolstovskogo sbornika) [On Contrasting Orthographic Systems in the Manuscript of the 13th Century (to the Internet Edition of the Tolstovskij Sbornik)]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 3, pp. 77–89. (In Russian)

Ivanov, V. V. (ed.) (1995). *Drevnerusskaya grammatika XII–XIII vv.* [Old Russian Grammar from 12–13th cent.]. M.: Nauka, 520 p. (In Russian)

Lyons, J. (1978). *Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku* [Introduction to theoretical linguistics]. M.: Progress, 544 p. (In Russian)

Maslov, Yu.S. (1990). Imperfekt [Imperfect]. In: V. N. Yarceva (ed.). *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. M.: Sovetskaya enciklopediya, p. 174. (In Russian)

Meillet, A. (2000). *Obshchoslavjanskij yazyk* [Common Slavic]. M.: Progress, 492 p. (In Russian)

Novak, M. O. (2019). Slovo na Rozhdestvo Khristovo v Tolstovskom sbornike XIII v.: lingvotekstologicheskaya kharakteristika [A Nativity Sermon in the 13th century Tolstovskij sbornik: textology and language features]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 4, pp. 6–17. (In Russian)

Pen'kova, Ya.A. (2018). Skazanie Afroditiana v Tolstovskom sbornike XIII v.: leksicheskoe svoeobrazie i problema lokalizacii perevoda [The Tale of Afroditian in the Tolstovskii Sbornik of the 13th century: Lexical originality and localization of translation]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki*, vol. 160, no. 5, pp. 1059–1068. (In Russian)

Szemerényi, O. (1980). *Vvedenie v sravnitel'noe yazykoznanie* [Introduction to comparative linguistics]. M.: Progress, 408 p. (In Russian)

Silina, V. B. (1982). Istoriya kategorii glagol'nogo vida [History of the category of verb aspect]. In: R. I. Avanesov, V. V. Ivanov (eds.). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol* [Historical Grammar of Russian. Morphology. Verb]. M.: Nauka, pp. 158–279. (In Russian)

Silina, V. B. (1995). Vido-vremennye otnosheniya [Aspect-Temporal Relations]. In: V. V. Ivanov (ed.). *Drevnerusskaya grammatika XII–XIII vv.* [Old Russian Grammar 12–13th cent.]. M.: Nauka, pp. 374–464. (In Russian)

Edel'man, D. I. (1975). Kategorii vremeni i vida [Categories of Tense and Aspect]. In: V. S. Rastorgueva (ed.). *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov. Tom II: Evolyuciya grammaticeskikh kategorij* [The experience of historical and typological research of Iranian languages. Volume II: The evolution of grammatical categories]. M.: Nauka, pp. 337–411. (In Russian)

- Dostál, A. (1954). *Studie o vidovém systému v staroslovenštině*, Prague: Státní pedagogické nakladatelství, 681 s. (In Czech)
- Eckhoff, H. M. & Janda, L. A. (2014). Grammatical Profiles and Aspect in Old Church Slavonic. *Transactions of the Philological Society*, Vol. 112, Issue 2, p. 231–258. (In English)
- Poldauf, I. (1956). Indo-European personal endings. *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*, vol. 9, no. 2, pp. 156–168. (In English)
- Večerka, R. (1993). *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur*. Freiburg. i. Br.: Weiher, 411 p. (In German)
- Žolobov, O., Novak, M. (2018). Verb Forms Functioning in Cyril Turovskij's Homilies (In Comparison to the Tale of Igor's Campaign). *Zeitschrift für Slawistik*, vol. 63, no. 1, pp. 74–89. (In English)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АСПЕКТА СО СМЕЖНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ

Материалы VII Международной конференции Комиссии
по аспектологии Международного комитета славистов
(Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 года)

Корректурa *Л. Г. Савельевой*
Верстка *М. Г. Столяровой*

Подписано в печать 28.04.2020. Формат 60 × 84¹/₁₆.
33,125 усл. печ. л. Тираж 100 экз.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Заказ № 153к

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
Типография РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48